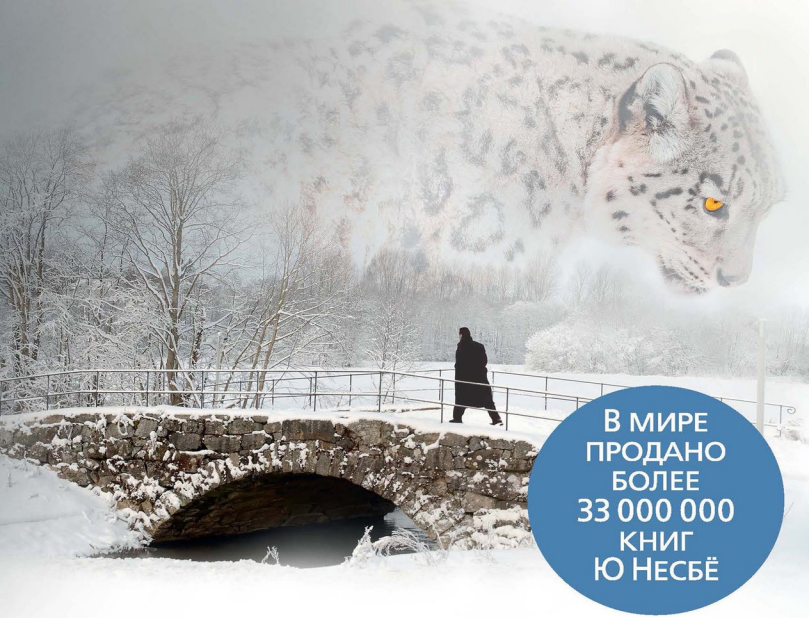

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 33 000 000 КНИГ Ю НЕСБЁ

Леопард

Ю НЕСБЁ

ПО СЛЕДУ ОПАСНОГО ХИЩНИКА

Леопард
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Леопард
Часть первая
  Глава 1. Гипоксия
  Глава 2. Проясняющая темнота
  Глава 3. Гонконг
  Глава 4. «Sex Pistols»
  Глава 5. Парк
  Глава 6. Возвращение домой
  Глава 7. Виселица
  Глава 8. «Snow Patrol»
  Глава 9. Пропасть
Часть вторая
  Глава 10. Самоедство
  Глава 11. Распечатка
  Глава 12. Место преступления
  Глава 13. Кабинет
  Глава 14. Набор сотрудников
  Глава 15. Стробоскопический свет
  Глава 16. «Speed King»
  Глава 17. Волокна
  Глава 18. Пациентка

Глава 19. Белая невеста
Глава 20. Эйстейн
Глава 21. Белоснежка
Глава 22. Поисковик
Глава 23. Пассажир
Глава 24. Ставангер
Глава 25. Территория
Глава 26. Канюля
Глава 27. Добрая, вороватая и алчная
Глава 28. Драммен
Глава 29. Клюйт
Глава 30. Гостевая книга
Глава 31. Кигали
Глава 32. Полиция
Глава 33. Лейпциг
Глава 34. Одна средняя
Глава 35. Водолазы
Часть третья
Глава 36. Вертолет
Глава 37. Психологический портрет
Глава 38. Увечье
Глава 39. Существенные вещи
Глава 40. Предложение
Глава 41. Ордер
Глава 42. Бивис
Глава 43. Визит

Глава 44. Якорь
Глава 45. Допрос
Часть четвертая
Глава 46. Красный жук
Глава 47. Боязнь темноты
Глава 48. Гипотеза
Глава 49. «Бомбей-Гарден»
Глава 50. Взятка
Глава 51. Письмо
Глава 52. Визит
Глава 53. Зацеп
Глава 54. Тюльпан
Глава 55. Бирюза
Часть пятая
Глава 56. Подсадная утка
Глава 57. Гром
Глава 58. Снег
Глава 59. Погребение
Глава 60. Тролли и гномы
Глава 61. Высота падения
Глава 62. Транзит
Глава 63. Лабаз
Часть шестая
Глава 64. Состояние
Глава 65. «Кадок»
Глава 66. Дотушивание пожара

Глава 67. Кавалер
Глава 68. Ловля щуки
Глава 69. Каллиграфический почерк
Глава 70. Мертвая зона
Глава 71. Радость
Глава 72. Хмурый
Глава 73. Арест
Глава 74. «Bristol Cream»
Часть седьмая
Глава 75. Распад
Глава 76. Повторное опознание
Глава 77. Отпечатки
Глава 78. Уговор
Глава 79. Непринятые вызовы
Глава 80. Ритм
Глава 81. Световые пятна
Глава 82. Кирпичный цвет
Часть восьмая
Глава 83. Край света
Глава 84. Воссоединение
Глава 85. Мунк
Глава 86. Калибр
Глава 87. «Калашников»
Глава 88. Церковь
Глава 89. Свадьба
Глава 90. Марлон Брандо

Часть девятая
Глава 91. Прощание
Глава 92. Свободное падение
Глава 93. Ответ
Глава 94. Стеклянная лапша
Глава 95. Союзники
Эпилог

Аннотация

В Осло обнаружены трупы двух молодых женщин, умерщвленных с помощью неизвестного орудия. Безжалостный убийца подкрадывается к своим жертвам бесшумно, как леопард, отнимая у них жизнь с изощренной жестокостью. Следствие топчется на месте, и Харри Холе вызывают из бессрочного отпуска. Пока полицейское начальство пытается использовать его в межведомственной борьбе, измученному охотнику предстоит пройти долгий путь по кровавому следу хищника…

Ю Несбё
Леопард

Jo Nesbø
PANSERHJERTE

Copyright © Jo Nesbø 2009
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Звезды мирового детектива»

© Т. Арро, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

Глава 1
Гипоксия

Она проснулась. Поморгала в кромешной темноте. Широко разинула рот и задышала носом. Снова моргнула. Почувствовала, как по щеке течет слеза, растворяя соль от прежних слез. А вот сглотнуть слюну не удалось, во рту было сухо. Щеки словно что-то распирало изнутри. Казалось, что от этого чужеродного тела во рту голова ее вот-вот взорвется. Но что же это, что же это такое, в конце концов? Первое, что она подумала, когда очнулось, — ей вновь хочется забыться. Провалиться в теплую и темную пропасть. Укол, который он ей сделал, по-прежнему действовал, но она знала, что боль скоро вернется, чувствовала ее приближение по медленным, глухим ударам: это биение пульса, это кровь толчками проходит сквозь мозг. А где тот человек? Стоит позади нее? Она задержала дыхание и прислушалась. Ничего не услышала, но почувствовала чье-то присутствие в комнате. Словно присутствие леопарда. Кто-то рассказывал, будто леопард крадется настолько беззвучно, что мо-

жет подобраться к тебе совершенно неслышно, что он даже умеет регулировать свое дыхание, чтобы дышать в такт с тобой. Задерживать дыхание тогда, когда ты задерживаешь дыхание. Ей показалось, она чувствует тепло его тела. Чего он ждет? Она вновь задышала. И ей показалось, что в то же мгновение кто-то задышал ей в затылок. Она развернулась, ударила, но удар пришелся в пустоту. Съежилась, стараясь казаться меньше, спрятаться. Бесполезно.

Сколько времени она пробыла в отключке?

Препарат действовал молниеносно. Все длилось какую-то долю секунды. Но этого хватило, чтобы дать ей почувствовать. Это было как обещание. Обещание того, что будет дальше.

Инородное тело, лежавшее перед ней на столе, было размером с бильярдный шар. Из блестящего металла, испещренное маленькими дырочками, геометрическими фигурами и какими-то знаками. Из одной дырочки свисал красный шнур с петелькой на конце, невольно наводивший на мысль о Рождестве и о елке, которую предстояло наряжать в доме у родителей 23 декабря, через семь дней. Украшать блестящими шарами, фигурками гномов, корзиночками, свечками и норвежским флажком. А через восемь дней

— петь «Как прекрасна земля»[1] и увидеть, как загорятся глаза племянников, открывающих ее подарки. Теперь бы она все сделала совсем по-другому. Все стало бы иначе. Со всеми днями, которые она прожила бы гораздо осмысленнее, гораздо правильнее, наполняя их радостью, дыханием и любовью. С городами, мимо которых она только проезжала, куда она лишь собиралась. С мужчинами, которых она встречала, и мужчиной, которого она еще не встретила. С плодом, от которого она избавилась, когда ей было семнадцать, с детьми, которые у нее еще не родились. С днями, которые она выбросила на ветер, потому что думала, что впереди у нее вечность.

Но тут она перестала думать о чем бы то ни было, кроме ножа, возникшего прямо перед ее лицом. И мягкого голоса, который сказал ей, что она должна взять этот шар в рот. И она это сделала, конечно, — как же иначе. Сердце ее бешено колотилось, но она раскрыла рот так широко, как только смогла, и протолкнула шар внутрь, и шнурок теперь свисал у нее изо рта. От металлического шарика во рту появился горький и соленый привкус, как от слез. А потом голову ее

---

[1] Примечания: 1

«Как прекрасна земля» — рождественский псалом на слова Бернарда Северина Ингеманна.

запрокинули назад, и кожу обожгла сталь, когда к горлу приставили нож. Потолок и комнату освещал фонарик, прислоненный к стене в одном из углов. Серый, голый бетон. Помимо фонарика, в комнате был еще белый пластиковый стол, два стула, две пустые бутылки из-под пива и два человека. Он и она. Она почувствовала запах кожаной перчатки, когда его указательный палец схватил красную петельку шнурка, свисающего изо рта. А в следующий миг ей показалось, что голова ее взорвалась.

Шар увеличился в объеме и разрывал теперь ей глотку изнутри. Попытки открыть рот как можно шире не помогли — давление меньше не сделалось. Он осмотрел ее открытый рот с сосредоточенным и заинтересованным видом, такой бывает у зубного врача, когда тот проверяет, правильно ли поставлены брекеты. Он слегка улыбался — значит, остался доволен.

Языком она ощутила, что из шара торчат какие-то шипы, и это именно они давят на нёбо, нежную слизистую внизу рта, десны, нёбный язычок. Она попыталась что-то сказать. Он терпеливо слушал невнятные звуки, вырывавшиеся у нее изо рта. Кивнул, когда она сдалась и перестала говорить, и вынул шприц. Капелька на кончике

иглы сверкала в свете карманного фонарика. Он прошептал ей прямо в ухо: «Не трогай шнур».

А потом уколол ее в шею сбоку. И она отключилась за какие-то секунды.

Моргая в темноте, она прислушивалась к своему испуганному дыханию.

Надо что-то делать.

Она оперлась ладонями о сиденье стула, влажное и холодное от ее собственного пота, и приподнялась. Ее никто не остановил.

Мелкими шажками она прошла несколько метров, пока не наткнулась на стену. Проковыляла вдоль нее, дальше была какая-то гладкая, холодная поверхность. Металлическая дверь. Она подергала засов. Дверь не поддалась. Заперто. Конечно, дверь заперта, а на что, собственно, было рассчитывать? Это ей почудился смех или же он раздался в ее собственной голове? Где тот человек? Почему он затеял с ней эту игру?

Надо что-то предпринять. Надо подумать. Но для того чтобы думать, необходимо избавиться от этого металлического шара, не то от боли она сойдет с ума. Она засунула большой и указательный пальцы в уголки рта. Почувствовала шипы. Попробовала просунуть пальцы под один из них. Бесполезно. Подступил кашель и следом паника:

дышать было невозможно. Тут она сообразила, что из-за этих шипов горло распухло изнутри, и скоро она задохнется. Она принялась колотить в железную дверь, попыталась крикнуть, но металлический шар глушил звук. Она сдалась. Прислонилась к стене. Прислушалась. Ей почудилось или же она действительно слышит чьи-то осторожные шаги? Неужели он ходит по комнате, играя с ней в жмурки? Или это ее собственная кровь пульсирует в ушах? Стараясь не обращать внимания на боль, она сжала рот. Ей только-только удалось загнать шипы назад в шарик, но они снова заставили ее широко распахнуть рот. Казалось, что шарик пульсирует, что он превратился в сердце из железа, стал частью ее самой.

Надо что-то предпринять. Надо подумать.

Пружины. Под этими шипами — пружины.

Шипы вылезли, когда он дернул за шнур.

«Не трогай шнур», — сказал он.

А почему? Что тогда будет?

Она сползла по стене и села. От бетонного пола шел сырой холод. Снова захотелось крикнуть, но она не посмела. Тишина. Молчание.

О, слова, что она сказала бы всем, кого любит, — вместо слов, которыми просто заполняла молчание, общаясь с теми, кто ей безразличен!

Нет никакого выхода, нет. Только она сама и эта безумная боль, и голова вот-вот взорвется.

«Не трогай шнур».

А может быть, надо потянуть за него — и шипы уберутся назад в шарик, и боль уйдет?

Мысли двигались по кругу. Сколько она уже здесь? Два часа? Восемь часов? Двадцать минут?

Если бы все было так просто — потянуть за шнур, — почему же она этого до сих пор не сделала? Только потому, что тот человек, совершенно явно сумасшедший, ей запретил? Может, это элемент игры, чтобы обманом заставить ее терпеть эту совершенно ненужную боль? Или же смысл игры заключался в том, чтобы она, несмотря на предупреждение, как раз и дернула бы за шнур, чтобы… чтобы произошло что-то ужасное. А что может произойти? Что это за шарик?

Да, это была игра, чудовищная игра. Потому что деваться некуда. Боль становилась все невыносимее, горло распухло, она вот-вот задохнется.

Она снова попыталась закричать, но крика не получилось, только какой-то всхлип, и она моргала и моргала, но слез не было.

Пальцы нащупали шнур, свисающий изо рта. Осторожно потянули.

Она, разумеется, сожалела обо всем, чего не

успела сделать. Но если бы ее по какому-то недоразумению вдруг переместили в какое-то совсем другое место, неважно куда, она согласилась бы на что угодно. Она просто хотела жить. Какой угодно жизнью. Вот и все.

Она дернула за шнур.

Из шипов выскочили иглы. По семь сантиметров каждая. Четыре прошили ее щеки, две вонзились в гайморовы полости, две прошли в нос, две пронзили подбородок. Одна проткнула насквозь пищевод, а еще одна — правое глазное яблоко. Две иголки прошли через заднее нёбо и достигли мозга. Но непосредственной причиной смерти стало не это. Из-за металлического шарика она не могла выплюнуть кровь, хлынувшую из ран прямо в рот. Вместо этого кровь устремилась в гортань и дальше, в легкие. Из-за этого кислород перестал поступать в кровь, что, в свою очередь, вызвало остановку сердца и то, что судебный медик в своем отчете назвал церебральной гипоксией, то есть нехваткой кислорода в мозгу. Иными словами, Боргни Стем-Мюре утонула.

Глава 2
Проясняющая темнота

18 декабря

Дни стали короче. На улице еще светло, но здесь, в моей монтажной, вечная темнота. В ярком свете настольной лампы люди глядят с фотографий на стене раздражающе радостно, будто ни о чем не догадываются. Они полны ожиданий, точно даже не сомневаются, что впереди у них долгая жизнь, раскинувшаяся во все стороны спокойная гладь времени. Я их вырезал из газеты, убрав выжимающие слезу рассказы о семье в шоке и выкинув леденящие кровь описания найденного трупа. Оставил только непременную фотографию, отданную настырному журналисту родственником или другом, — снимок, сделанный в счастливый миг, когда она улыбалась, словно была бессмертной.

Полиции известно немного. Пока. Но скоро работенки у нее прибавится.

Что это такое, где оно сидит, — то, что превращает человека в убийцу? Это что-то врожденное, заложенное в некоем гене, наследственная

предрасположенность, которая у кого-то есть, а у кого-то нет? Или же оно возникает в силу необходимости, развиваясь по мере углубления контактов с миром, — некая стратегия выживания, спасающая жизнь болезнь, рациональное безумие? Потому что если телесная болезнь — это обстрел, лихорадочный огонь, то безумие — это вынужденное отступление в укрытие.

Лично я считаю, что способность убивать изначально присуща каждому здоровому человеку. Наше существование — это битва за блага, и тот, кто не может убить ближнего своего, не имеет права на существование. Убить, что ни говори, означает всего лишь приблизить неизбежное. Смерть ни для кого не делает исключений, что хорошо, поскольку жизнь есть боль и страдание.

В этом смысле всякое убийство — акт милосердия. Просто этого не понимаешь, пока тебя греет солнце, вода, журча, приближается к губам и ты чувствуешь идиотскую жажду жить с каждым ударом сердца и готов заплатить за одно мгновение всем тем, чего добился в течение жизни: достоинством, положением, принципами. Именно тогда надо решительно вмешаться, не обращая внимания на этот сбивающий с толку, слепящий свет. Помочь оказаться в холодной,

преображающей темноте. И почувствовать холодную суть. Истину. Ибо именно ее я искал. Именно ее я нашел. То, что делает человека убийцей.

А как же моя собственная жизнь? Неужели я тоже думаю, что она — бесконечная морская гладь?

Вовсе нет. Вскоре и я окажусь на свалке смерти, вместе с исполнителями других ролей в этой пьеске. Но как бы ни разложился мой труп, хоть даже до самого скелета, у него на губах все равно будет играть улыбка. Именно ради этого я сейчас живу, это единственное оправдание моего существования, моя возможность очиститься, освободиться от позора.

Но это только начало. А сейчас я выключаю лампу и выхожу на дневной свет. Хотя день и короток.

Глава 3
Гонконг

Дождь закончился не сразу. И не закончился потом. Он вообще не кончался. Было тепло и мокро, и так неделя за неделей. Земля напиталась водой, евродороги разваливались, перелетные птицы не улетели на юг, а в новостях показывали насекомых, которые так далеко на севере раньше никогда не встречались. Календарь утверждал, что наступила зима, но земля в Осло не только не побелела, она еще даже коричневой не стала. Газоны были зелеными и манили к себе, как спортивные площадки с искусственным покрытием в Согне, где отчаявшиеся физкультурники уже начинали понемногу бегать трусцой в своих лыжных костюмах от Бьёрна Дэли[2], так и не дождавшись возможности пробежаться по лыжне вокруг озера Согнсванн. Туман накануне Нового года лег такой плотный, что, хотя звуки от петард и ракет, запускаемых в центре Осло,

[2] Примечания: 2

Бьёрн Дэли — норвежский лыжник, завоевавший рекордное число олимпийских золотых медалей. После ухода из большого спорта занимается бизнесом, в частности дизайном и производством спортивной одежды.

были слышны аж в Аскере, разглядеть не удавалось даже тех фейерверков, что запускались с собственного газона. Тем не менее норвежцы в тот вечер нажгли пиротехники на шестьсот крон с каждого домохозяйства, согласно данным одного потребительского опроса, который, помимо прочего, показал, что количество норвежцев, реализовавших свою мечту о белом Рождестве на белых пляжах Таиланда, за три года удвоилось. Но и в Юго-Восточной Азии погода тоже была как укуренная, угрожающие значки, которые обычно появлялись на погодной карте только в сезон тайфунов, сейчас выстроились по ранжиру в районе Китайского моря. В Гонконге, где февраль считается самым сухим месяцем, в это утро шел настоящий ливень, и по причине плохой видимости самолет, совершавший рейс 731 компании «Катей пасифик эрлайнс» из Лондона, вынужден был сделать еще один круг, прежде чем зайти на посадку в аэропорту Чхеклапкок.

— И скажите спасибо, что нам не пришлось садиться на старом аэродроме, — сказал китайской внешности пассажир, обращаясь к Кайе Сульнес, вцепившейся в подлокотники с такой силой, что костяшки пальцев побелели. — Он находился прямо в городе, тогда бы мы уж точно врезались

в какой-нибудь небоскреб.

Это были первые слова, которые он произнес с момента взлета двенадцать часов назад. Кайя тут же радостно отвлеклась от того факта, что между нею и землей только воздух, причем в данный момент довольно турбулентный.

— Спасибо, сэр, успокоили. Вы англичанин?

Он вздрогнул, как будто от пощечины, и Кайя поняла, что нанесла ему жуткое оскорбление, предположив, что он относится к числу бывших колонизаторов.

— Э-э-э… вероятно, вы китаец?

Он решительно покачал головой:

— Гонконгский китаец. А вы, барышня?

Кайя Сульнес на секунду задумалась, а не ответить ли ей «хокксундская норвежка», но ограничилась «норвежкой», после чего гонконгский китаец немного поразмыслил, потом ликующе произнес «Ага!», добавил «Так вы из Скандинавии!» и в конце концов спросил, зачем она летит в Гонконг.

— Я должна найти одного человека, — сказала она и стала смотреть вниз на свинцово-серые тучи в надежде, что скоро покажется твердая земля.

— Ага! — повторил гонконгский китаец. — Вы

очень красивая барышня. И не верьте тем, кто говорит, что китайцы женятся только на китаянках.

Она вяло улыбнулась:

— Вы имеете в виду гонконгских китайцев?

— В особенности гонконгских, — энергично закивал он и поднял руку; кольца на пальце у него не было. — Я занимаюсь микрочипами, у нашей семьи фабрики в Китае и Южной Корее. Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— Спать, надеюсь, — зевнула Кайя.

— А как насчет завтрашнего вечера?

— Тогда я его уже, надеюсь, найду и буду на пути домой.

Мужчина наморщил лоб:

— Так заняты, барышня?

Попутчик предложил подвезти Кайю, но она, поблагодарив, добралась до города на двухэтажном автобусе. Час спустя она в одиночестве стояла в коридоре гостиницы «Эмпайр Коулун» и дышала: глубокий вдох и глубокий выдох. Она вставила карточку-ключ в дверь номера. Теперь оставалось только его открыть. Она заставила себя нажать на ручку двери. Потом дернула дверь на себя и заглянула в комнату.

Там никого не было.

Разумеется, никого.

Она вошла, поставила чемодан на колесиках возле кровати и подошла к окну. Сначала посмотрела на толпы, кишащие семнадцатью этажами ниже, потом на небоскребы, которые совершенно не были похожи на своих грациозных или, по крайней мере, нарядных собратьев на Манхэттене, в Куала-Лумпуре или Токио. Здешние напоминали термитники, пугающие и привлекательные одновременно, — гротескное свидетельство человеческого умения приспосабливаться, когда семь миллионов человек вынуждены как-то разместиться на территории чуть больше ста квадратных километров. Кайя почувствовала, как на нее наваливается усталость, сбросила туфли и рухнула на постель. Хотя номер был на двоих, а отель четырехзвездный, кровать шириной сто двадцать сантиметров занимала собой все пространство. И она подумала о том, что ей предстоит найти среди этих термитников одного-единственного человека, причем, судя по всему, не слишком заинтересованного в том, чтобы его нашли.

Она на секунду задумалась, решая: закрыть глаза и поспать или же приступить к делу? Потом собралась с силами и встала с кровати. Сбросила

с себя одежду и направилась в душ. Встала перед зеркалом и констатировала, без всякого, впрочем, самодовольства, что китаец из Гонконга прав: она красива.

Не то чтобы это ей казалось — это был почти факт, каким всегда и является красота. Лицо с высокими скулами, ровно очерченные, красивой формы брови цвета воронова крыла над большими, словно детскими, глазами с зеленой радужкой, сверкающими юным женственным блеском. Каштановые, медового отлива волосы, пухлые губы словно целуют друг дружку, — впрочем, рот немного великоват. Длинная, тонкая шея, такое же стройное тело; маленькая грудь, напоминающая небольшие буруны над поверхностью моря; прекрасная, хотя немного по-зимнему бледная кожа. Мягкая линия бедер. Длинные ноги, за которые подрались два модельных агентства в Осло, пока она оканчивала гимназию в Хокксунне, два агентства, немало огорченные ее отказом. Больше всего она обрадовалась, когда в одном из агентств ей на прощание сказали: «Ладно, но запомните, дорогуша, вы не обладаете *совершенной* красотой. Зубы у вас мелкие и острые. И вам не следует так много улыбаться».

После этого улыбаться ей стало еще легче, чем

раньше.

Кайя натянула на себя брюки цвета хаки, тонкую ветровку и бесшумно и невесомо спустилась на лифте к стойке администратора гостиницы.

— «Чункинг-мэншн»? — переспросил администратор, едва скрывая свое изумление, и показал: — Сначала по Кимберли-роуд до Натан-роуд, а потом налево.

Все пансионы и отели в странах — членах Интерпола обязаны регистрировать постояльцев-иностранцев, но, когда Кайя позвонила секретарю норвежского посольства, чтобы выяснить, по какому последнему адресу был зарегистрирован человек, которого она ищет, секретарь объяснил ей, что «Чункинг-мэншн» не гостиница и не пансион, даже не усадьба, как можно было бы подумать, исходя из английского слова в названии. На самом деле это целое скопление магазинов, уличных кафешек, ресторанов и, по всей вероятности, более сотни сертифицированных и несертифицированных третьеразрядных гостиниц, в которых может быть от двух до двадцати номеров. Все это располагается в четырех огромных многоэтажных домах. Сдаваемые номера тоже совершенно разные: от простых, опрятных и уютных до настоящих крысиных

нор и однозвездочных тюремных камер. И самое главное, в «Чункинг-мэншн» человек без особых запросов мог спать, жить, работать, плодиться и размножаться, даже не покидая пределов своего термитника.

Пройдя по Натан-роуд, оживленной торговой улице с магазинами известных торговых фирм, полированными фасадами и большими витринами, Кайя обнаружила поворот на Чункинг. И шагнула туда.

Шагнула в чад фастфудов, стук молоточков уличных сапожников, крики муэдзинов по радио и усталые взгляды из магазинов секонд-хенда. Она улыбнулась растерянному бэкпакеру с путеводителем «Lonely Planet» в руках и белыми замерзшими ногами, торчащими из не по сезону оптимистичных камуфляжных шортов.

Охранник в униформе взглянул на бумажку, протянутую Кайей, произнес «Лифт G» и показал куда-то вглубь коридора.

Очередь перед лифтом была настолько длинной, что Кайе удалось попасть в него только на третий раз. Люди в лифте стояли, тесно прижавшись друг к другу, а сам он напоминал скрипящий и дрожащий железный гроб, и Кайя невольно вспомнила о цыганах, что хоронят своих покой-

ников в вертикальном положении.

Ночлежка принадлежала мусульманину с чалмой на голове, который немедленно и с большим энтузиазмом показал ей каморку, где совершенно непостижимым образом умещался еще и телевизор — на стене в изножье кровати — и всхлипывающий кондиционер в изголовье. Энтузиазм хозяина поутих, когда она прервала его рекламную тираду, показав фотографию мужчины, под которой было написано его имя — так, как оно значилось в его паспорте, и спросила, где он может быть сейчас.

Увидев реакцию хозяина, Кайя поспешила сообщить ему, что она — жена этого человека. Посольский секретарь объяснил ей, что размахивать в Чункинге каким-либо официальным удостоверением было бы «контрпродуктивно». Ну а когда Кайя на всякий случай добавила, что у них с мужчиной на фотографии пятеро детей, хозяин гостиницы самым радикальным образом изменил отношение к ней. Молодая западная язычница, уже произведшая на свет так много детей, вызывала уважение. Он тяжело вздохнул, покачал головой и произнес на жалобном отрывистом английском:

— Печально, очень печально, госпожа. Они

пришли и забрали его паспорт.

— Кто?

— Кто? Триада, госпожа. Как всегда, триада.

— Триада? — не сдержала изумления Кайя.

Она, конечно, знала об этой организации, но, по правде говоря, китайская мафия ассоциировалась у нее в первую очередь с комиксами и фильмами про крутых каратистов.

— Присядьте, госпожа. — Он торопливо пододвинул стул, на который она и опустилась. — Они его искали, его не было, и они забрали его паспорт.

— Паспорт? Почему?

Он медлил с ответом.

— Пожалуйста, я должна это знать.

— Боюсь, ваш муж играл на бегах.

— На бегах?

— Хэппи-Вэлли. Ипподром. Там тотализатор и другие гадкие вещи.

— И у него были долги? Триаде?

Он кивнул и несколько раз покачал головой из стороны в сторону, одновременно и подтверждая, и выражая сожаление.

— И они забрали паспорт?

— Он должен выкупить паспорт и заплатить долг, если захочет уехать из Гонконга.

— Но ведь он может получить новый паспорт в норвежском консульстве.

Чалма качнулась из стороны в сторону.

— Да. А еще можно изготовить фальшивый за восемьдесят американских долларов — прямо здесь, в Чункинге. Но проблема не в паспорте. Проблема в том, что Гонконг — остров, госпожа. Как вы сюда прибыли?

— На самолете.

— А как собираетесь улетать?

— Самолетом.

— Один аэропорт. Билеты на самолет. Все фамилии в компьютере. Много проверок. И много народу в аэропорту, которым триада немного платит, чтобы они узнавали нужные лица. Понимаете?

Она медленно кивнула:

— Да, убежать сложно.

Владелец гостиницы со смехом покачал головой:

— Нет, госпожа. Убежать *невозможно*. Но в Гонконге можно спрятаться. Семь миллионов. Исчезнуть нетрудно.

Уже начинал сказываться недосып, и Кайя прикрыла глаза. Хозяин гостиницы, наверное, не так ее понял, потому что, утешая, положил руку

ей на плечо и пробормотал:

— Ну-ну…

Немного поколебавшись, он наклонился к ней поближе и прошептал:

— Мне кажется, он все еще здесь, госпожа.

— Да, я понимаю.

— Нет, я имею в виду, здесь, в Чункинге. Я его видел.

Она подняла голову.

— Два раза, — сказал он. — В «Ли Юане». Дешевый рис. Не говорите никому, что я сказал. Ваш муж — хороший человек. Но у него проблемы. — Он закатил вверх глаза, так что они почти исчезли под чалмой. — Большие проблемы.

«Ли Юань» представлял собой стойку, четыре пластиковых стола и одного китайца, который ободряюще улыбнулся Кайе, когда она после шести часов, двух порций жареного риса, трех чашек кофе и двух литров воды внезапно проснулась, оторвала голову от жирной столешницы и посмотрела на него.

— Tired?[3] — засмеялся он, показав неполный ряд передних зубов.

Кайя зевнула и заказала себе четвертую чашку

---

[3] Примечания: 3
Устали? *(англ.)*

кофе. И принялась ждать. Вошли два китайца и уселись у стойки, ничего не говоря и ничего не заказывая. Они не удостоили ее взглядом, чему она была рада. Тело ее затекло от бесконечного сидения в течение последних суток: какую бы позу она ни принимала, было все равно больно. Она покрутила головой, пытаясь разогнать кровь. Потом откинула голову назад. В шее что-то хрустнуло. Она посмотрела на сине-белые трубки ламп дневного света на потолке, потом снова опустила голову. И взгляд ее упал прямо на затравленное, бледное лицо. Мужчина остановился перед одним из задернутых железных жалюзи в коридоре и сканировал глазами маленькое заведение Ли Юаня. Взгляд его скользнул по двум китайцам у стойки. И мужчина заторопился дальше.

Кайя вскочила, едва не упав, — затекшая нога подогнулась, — и, схватив сумку, заковыляла за уходящим мужчиной.

— Welcome back[4], — проговорил ей вслед Ли Юань.

Мужчина выглядел ужасно худым. На фотографиях он широкоплечий и высоченный, а стул, на котором он сидел в том телевизионном ток-

[4] Примечания: 4
Приходите еще *(англ.)*.

шоу, казалось, был сделан для пигмея. Но она ни минуты не сомневалась, что это именно он. Коротко стриженная шишковатая голова, крупный нос, глаза в сосудистой сетке со светло-голубой проспиртованной радужкой. Решительный подбородок и на удивление мягкий, почти красивый рот.

Прихрамывая, она вышла на Натан-роуд. В неоновом свете над толпой маячила спина в кожаной куртке. И не сказать чтобы он шел быстро, но Кайе приходилось почти бежать, чтобы не потерять его из виду. Он свернул с оживленной торговой улицы в узкий малолюдный переулок, и Кайя тут же замедлила шаг, увеличив дистанцию между ними. Краем глаза отметила табличку с названием улицы: Мелден-роу. Очень заманчиво было подойти к нему прямо теперь, представиться, и дело с концом. Но она решила не отступать от плана и выяснить, где он живет. Дождь прекратился, облака с одного края неба расступились, и небо за ними было высокое и черное, как бархат с мерцающими звездами размером с булавочную головку.

Пройдя еще минут двадцать, он вдруг остановился на углу, и Кайя испугалась, что он ее обнаружит. Но он не обернулся, а только достал

что-то из кармана куртки. Она удивленно уставилась на предмет у него в руке. Бутылка с соской?

Мужчина повернул за угол.

Кайя двинулась следом и оказалась на большой открытой площади, заполненной людьми, в большинстве своем молодыми. В конце площади над широкими стеклянными дверьми сияли надписи на английском и китайском. Кайя узнала названия новых фильмов, посмотреть которые ей никак не удавалось. Она вновь заметила его кожаную куртку, успела разглядеть, что он поставил бутылку на низкий цоколь бронзовой скульптуры, изображающей виселицу с пустой петлей. Мужчина пошел дальше, мимо двух скамеек, заполненных людьми, и уселся на третью, где подобрал какую-то газету. Спустя примерно двадцать секунд он снова встал, вернулся к скульптуре, как бы невзначай забрал бутылку и пошел назад той же дорогой, что и пришел.

Когда Кайя увидела, как он входит в «Чункинг-мэншн», вновь начался дождь. Она уже стала прикидывать, что скажет. Очереди у лифтов больше не было, но он все равно пошел по лестнице, повернул направо и исчез за вращающейся дверью. Кайя заторопилась за ним и внезапно оказалась на запущенной безлюдной

лестнице, воняющей кошками и мокрым бетоном. Задержала дыхание, но единственное, что смогла расслышать, был звук падающих капель. Раздумывая, не пойти ли наверх, она услышала, как где-то ниже хлопнула дверь. Тогда Кайя бросилась вниз по лестнице и обнаружила ту единственную дверь, что могла произвести этот звук: металлическую, во вмятинах. Она положила руку на ручку двери, почувствовала, как возвращается дрожь, закрыла глаза и выругалась про себя. Потом рванула на себя дверь и вошла в темноту. Точнее, вышла туда.

Что-то пробежало у нее по ногам, но она не закричала и не пошевелилась.

Сначала ей показалось, что она в шахте лифта. Но когда она подняла глаза, то увидела закопченные дочерна кирпичные стены, покрытые немыслимым переплетением водопроводных труб, проводов, изогнутых обрубков металла и полуразвалившихся проржавевших металлических лесов. Это нельзя было назвать двором, просто несколько квадратных метров между высотными домами. Тусклый свет проникал из небольшого квадрата со звездами далеко наверху. Хотя на небе не было ни облачка, на асфальт и ей на лицо все время что-то капало, и она сообразила, что

это конденсат из множества маленьких ржавых кондиционеров, сплошь усеявших стены. Она сделала шаг назад и прислонилась спиной к металлической двери.

Она ждала.

И наконец из темноты раздалось:

— What do you want?[5]

Ей никогда раньше не доводилось слышать его голос. Ну да, конечно, она слышала его в ток-шоу, когда шел разговор о серийных убийцах, но услышать этот голос вживую — совсем другое дело. В нем была какая-то усталая хрипотца, и казалось, голос принадлежал человеку гораздо старше его лет — она знала, ему нет и сорока. Но вместе с тем в голосе слышалось невозмутимое и даже самоуверенное спокойствие, плохо сочетавшееся с тем затравленным лицом, которое она увидела из дверей заведения Ли Юаня. Голос был глубоким и теплым.

— Я норвежка, — сказала она.

Ответа не последовало. Она сглотнула. Первые слова — всегда самые важные.

— Меня зовут Кайя Сульнес. Мне поручили вас найти. Гуннар Хаген.

---

[5] Примечания: 5
Что вам нужно? *(англ.)*

На имя собственного шефа из убойного отдела он тоже не отреагировал. Может, уже ушел?

— Я работаю у Хагена, я инспектор, расследую убийства, — сказала она в темноту.

— Поздравляю.

— Поздравлять особо не с чем. Если вы читали норвежские газеты в последние месяцы…

Она прикусила язык. Неужели она пытается острить? Наверняка недосып. Или нервы.

— Я имел в виду: поздравляю с выполнением задания, — произнес голос. — Я найден. Теперь можете уезжать.

— Постойте! — крикнула она. — Не хотите выслушать, что мне надо?

— Не особенно.

Но слова, которые она записала и вызубрила, полились сами собой.

— Убиты две женщины. Судя по данным судебных медиков, убийца один и тот же. Никаких других улик у нас нет. Хотя в прессу попал лишь самый минимум подробностей, СМИ уже успели поднять крик, что появился очередной серийный убийца. Пишут даже, что, возможно, его вдохновил Снеговик. Мы задействовали экспертов из Интерпола, но и они ничего не нашли. На нас давит и пресса, и власти…

— Нет — значит нет, — произнес голос.

Дверь захлопнулась.

— Эй, послушайте! Але! Вы здесь?

Она ощупью двинулась вперед и обнаружила дверь.

Немедленно толкнула ее, не позволяя страху взять над собой власть, и очутилась на другой темной лестнице. Далеко вверху она увидела свет и одним махом преодолела три пролета. Свет проникал через стекло одной из вращающихся дверей, и она толкнула ее. Вошла в простой голый коридор, где, по всей видимости, уже отказались от идеи покрасить облупившиеся стены и от них пахло затхлой сыростью. Двое мужчин стояли, прислонившись к стене, в углах ртов у них были сигареты, она почувствовала сладковатый дым. Оба окинули ее безразличными взглядами. Она надеялась, что безразличными. Тот, что пониже ростом, был черным, наверное африканец. У другого, повыше и белого, на лбу был шрам в форме треугольника, напоминающий дорожный знак. В их ведомственном журнале «Политиет» она читала, что в Гонконге на улицах почти тридцать тысяч полицейских, что он считается самым безопасным городом из городов-миллионеров. Но то на улицах.

— Looking for hashish, lady?[6]

Она покачала головой, стараясь казаться как можно более уверенной, попыталась вести себя так, как сама советовала девчонкам в те времена, когда ездила по школам: иди с таким видом, как будто ты твердо знаешь, куда направляешься, а не как заблудившаяся овца. Не как добыча.

Они улыбнулись ей в ответ. Другая дверь в коридоре оказалась заложена кирпичами. Оба вытащили руки из карманов брюк, а сигареты изо рта.

— Looking for fun, then?

— Wrong door, that's all[7], — сказала она и повернулась, намереваясь выйти.

Вдруг вокруг ее запястья сомкнулась рука. У страха оказался привкус алюминиевой фольги. В теории она знала все. Тренировалась в освещенном спортзале на резиновом мате, в присутствии инструктора и коллег.

— Right door, lady. Right door. Fun is this way[8].

---

[6] Примечания: 6
Нужен гашиш, леди? *(англ.)*

[7] Примечания: 7
— Хотите поразвлечься?
— Просто дверью ошиблась *(англ.)*.

[8] Примечания: 8
Это та самая дверь. Та самая, леди. Тут самая веселуха *(англ.)*.

Она почувствовала запах рыбы, лука и марихуаны. К тому же в спортзале был только один противник.

— No, thanks[9], — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Чернокожий встал рядом с ней, схватил ее за другое запястье и сказал фальцетом:

— We will show you.

— Only there's not much to see, is there?[10]

Все трое повернулись в сторону вращающейся двери.

Она знала, что в паспорте у него записан рост сто девяносто четыре сантиметра, но сейчас он стоял в проходе, построенном по стандартам Гонконга, и выглядел по меньшей мере на все двести десять. И в два раза шире, чем час назад. Руки его были опущены и только чуть-чуть отстояли от туловища, но он не двигался, не сверлил их взглядом, не рычал, просто посмотрел на белого и повторил:

— Is there, jau-ye?

Кайя ощутила, как напряглись пальцы белого,

---

[9] Примечания: 9

Нет, спасибо *(англ.)*.

[10] Примечания: 10

— Мы вам покажем.

— Только смотреть особо не на что, правда? *(англ.)*

сжимающие ее запястье, заметила, что черный переминается с ноги на ногу.

— Ng-goy[11], — произнес человек в дверном проеме.

Она почувствовала, что их руки неохотно отпустили ее.

— Пошли, — сказал он и легко подхватил ее под локоть.

Когда они вышли за дверь, она ощутила, как горят щеки. Это из-за напряжения и стыда. Ей стало стыдно оттого, как ей вдруг сделалось легко, оттого, как медленно, оказывается, ее мозги соображают в опасной ситуации, насколько охотно она позволила ему разобраться с двумя этими безобидными торговцами гашишем, которые просто хотели ее попугать — всего-то.

Он сопроводил ее на два этажа вверх и дальше, за вращающуюся дверь, где поставил прямо напротив лифта, нажал на кнопку, вызывая его вниз, и встал рядом, не отрывая взгляда от светящейся цифры «11» над дверью.

— Гастарбайтеры, — произнес он. — Им одиноко и скучно, только и всего.

— Знаю, — ответила она упрямо.

---

[11] Примечания: 11

— Правда, джау-е?

— Н-гой *(англ.).*

— Нажмите на G, чтобы попасть на первый этаж, потом идите направо и прямо, и вы окажетесь на Натан-роуд.

— Прошу вас, выслушайте меня. Вы единственный в убойном отделе специалист по серийным убийцам. Ведь именно вы поймали Снеговика.

— Верно, — подтвердил он. Она заметила, что во взгляде его что-то изменилось, и он провел пальцем от подбородка к правому уху. — А потом я уволился.

— Уволились? Вы хотите сказать, взяли отпуск на неопределенное время?

— Уволился. То есть завязал со всем этим.

Только сейчас она заметила, что его правая скула несимметрична левой.

— Гуннар Хаген сказал, что, когда вы уезжали из Осло шесть месяцев тому назад, он вам предоставил отпуск на неопределенное время.

Мужчина улыбнулся, и Кайя поразилась, как улыбка изменила его лицо.

— Это только потому, что Хаген никак не может понять… — Он не договорил, и улыбка исчезла. Взгляд его по-прежнему был прикован к табло лифта, который теперь находился на пятом этаже. — В любом случае в полиции я больше не работаю.

— Вы нужны нам… — Она перевела дыхание. Знала, что рискует, но действовать надо было быстро, пока он не сбежал снова. — А мы вам.

Он посмотрел на нее:

— С чего вы так решили?

— Вы задолжали триаде. Вы покупаете наркотики на улице, в бутылке. Вы живете… — она состроила гримасу, — здесь. И у вас нет паспорта.

— Мне здесь нравится, к чему мне паспорт?

Раздалось «дзинь», двери лифта со скрежетом разъехались в стороны, и оттуда, от набившихся в него человеческих тел, пахнуло жаром и вонью.

— Я не поеду! — заявила Кайя громче, чем ей хотелось бы, и увидела, что пассажиры лифта смотрят на нее со смесью нетерпения и откровенного любопытства.

— Нет, поедете, — сказал он, поднес руку к ее спине и осторожно, но решительно впихнул в лифт.

Она моментально оказалась в гуще людей, которые не давали ей возможности ни пошевелиться, ни обернуться. Наконец она повернула голову и увидела, как закрываются двери.

— Харри! — позвала она.

Но его уже и след простыл.

Глава 4
«Sex Pistols»

Старый владелец гостиницы задумчиво поднес указательный палец ко лбу, прямо под чалму, и посмотрел на нее долгим оценивающим взглядом. Потом взял телефон и набрал номер. Произнес несколько слов по-арабски и положил трубку.

— Ждать, — сказал он. — Может быть, а может быть, и нет.

Кайя улыбнулась и кивнула в ответ.

Они сидели друг против друга по обе стороны узкого стола, который выполнял функции стойки администратора, и смотрели друг на друга.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку, выслушал собеседника и снова положил трубку, не произнеся ни слова.

— Сто пятьдесят тысяч долларов, — сказал он.

— Сто пятьдесят? — переспросила она, не веря своим ушам.

— Гонконгских долларов, госпожа.

Кайя принялась считать в уме. Значит, это будет примерно сто тридцать тысяч норвежских

крон. Почти в два раза больше того, что ей разрешили потратить.

Когда она его нашла, было уже за полночь, и прошло почти сорок часов с того времени, когда она спала в последний раз. Блок «Н» она прочесывала в течение трех часов. Составила себе мысленную карту этого места и искала систематически, проходя ночлежки, кафе, закусочные, массажные клубы и молитвенные комнаты, пока наконец не добралась до самых дешевых ночлежек, комнат и залов для спанья, где обитала импортированная рабочая сила из Африки и Пакистана, те, у кого нет даже отдельных комнат, только угол за загородкой, без двери, без телевизора, без кондиционера и какой бы то ни было частной жизни. Черный ночной портье, впустивший Кайю, долго смотрел на фотографию и еще дольше — на протянутую ему стодолларовую купюру, прежде чем взять деньги и указать на один из углов.

Харри Холе, подумала она. Got you[12].

Он лежал навзничь на матрасе и дышал почти беззвучно. На лбу у него залегла глубокая морщина, и сейчас, когда он спал, правая скула

---

[12] Примечания: 12
Здесь: попался *(англ.)*.

выпирала еще сильнее. Кайя слышала, как в других выгородках кашляют и храпят люди. С потолка капало, капли падали на каменный пол, издавая глубокие, недовольные вздохи. Занавеска была задернута не до конца, в угол проникал холодный голубоватый свет ламп дневного освещения на ресепшене. Она увидела платяной шкаф у окна, стул и пластиковую бутылку с водой рядом с матрасом, лежащим прямо на полу. Больше в комнате ничего не было. Пахло чем-то горьковато-сладким, как от жженой резины. Запах шел от непогашенного окурка, который лежал в пепельнице рядом с бутылкой на полу. Она присела на стул и заметила, что Харри держит что-то в руке. Сальный желто-коричневый комок. Кайя повидала достаточно комков гашиша в тот год, когда ездила на патрульной машине, чтобы понять, что это что-то другое.

Когда Харри проснулся, было уже почти два часа.

Она услышала, как ритм его дыхания чуть изменился, и вдруг в темноте увидела, как блестят белки его глаз.

— Ракель? — прошептал он.

И снова заснул.

Через полчаса он внезапно вновь открыл глаза,

вздрогнул и запустил руку под матрас.

— Это я, — прошептала Кайя. — Кайя Сульнес.

Он замер, не успев достать то, что хотел. Потом без сил снова рухнул на матрас.

— За каким вы тут чертом? — прохрипел он наждачным голосом.

— За вами, — ответила она.

Он тихо засмеялся, не открывая глаз.

— За мной? Опять?

Она вынула конверт, наклонилась и помахала им перед его лицом. Он приоткрыл один глаз.

— Билет на самолет, — сказала она. — До Осло.

Глаз снова закрылся.

— Спасибо, но я остаюсь.

— Если я вас нашла, то они тоже вас найдут — это только вопрос времени.

Он не отвечал. Она ждала, прислушиваясь к его дыханию и каплям, которые падали и вздыхали. Наконец он снова открыл глаза, почесал шею под левым ухом и приподнялся на локтях.

— Закурить есть?

Она покачала головой. Он сбросил с себя простыню, встал с матраса и подошел к шкафу. Он был на удивление бледный для человека, который полгода провел в субтропиках, и такой тощий, что на спине ребра можно было пересчи-

тать. Телосложение бывшего атлета — но сейчас остатки мускулов давали о себе знать только резкими тенями под белой кожей. Он открыл шкаф. Она с удивлением увидела, как аккуратно сложена одежда. Он натянул на себя майку, джинсы, те же, что были на нем днем раньше, и с некоторым усилием вытащил из кармана нечто похожее на смятую сигаретную пачку.

Потом он сунул ноги во вьетнамки и прошел мимо нее, щелкнув зажигалкой.

— Пошли, — сказал он тихо. — Самое время поужинать.

Было половина третьего ночи. Серые железные жалюзи всех магазинов и кафешек Чункинга были опущены. Открыт был только «Ли Юань».

— А как вы очутились в Гонконге? — спросила Кайя и посмотрела на Харри, который, не особо заботясь об аккуратности, но весьма эффективно втягивал в себя тонкую стеклянистую лапшу из суповой чашки.

— Прилетел. Вам холодно?

Кайя автоматически вытащила руки из-под бедер.

— Но почему здесь?

— Я собирался в Манилу. В Гонконге была просто промежуточная посадка.

— Филиппины. А туда зачем?

— Броситься в вулкан.

— Который из них?

— Ну… А какие вы можете назвать?

— Да никакие. Просто читала, что там их много. И потом, что некоторые из них находятся на… острове Лусон?

— Неплохо. Там всего восемнадцать вулканов, и три из них на Лусоне. Я собирался на Маунт-Майон. Две с половиной тысячи метров. Стратовулкан.

— Вулкан с отвесными склонами, образованными слоями лавы после извержений.

Харри оторвался от еды и взглянул на нее:

— Извержения в Новое время?

— Много. Тридцать?

— Говорят, что после тысяча шестьсот шестнадцатого года было сорок семь. Последнее в две тысячи втором. Его можно привлечь как минимум за три тысячи убийств.

— Что произошло?

— Нарастание внутреннего давления.

— Я имею в виду — с вами?

— Я про себя и говорю. — Ей показалось, или он действительно улыбнулся? — Я сорвался и стал пить уже в самолете. Меня высадили в Гонконге.

— В Манилу летают и другие самолеты.

— Я понял, что, не считая вулканов, Манила ничем не отличается от Гонконга.

— В смысле?

— В смысле, скажем, удаленности от Норвегии.

Кайя кивнула. Она читала отчеты по делу Снеговика.

— А самое главное, — произнес он и показал палочкой для еды, — здесь есть лапша Ли Юаня. Попробуйте. Одной ее достаточно, чтобы попросить местное гражданство.

— Лапша и опиум.

Такие лобовые приемы были не в ее стиле, но она знала, что надо забыть про свою природную застенчивость, что это ее единственный шанс сделать то, ради чего она сюда притащилась.

Он пожал плечами и вновь сосредоточился на лапше.

— Опиум курите регулярно?

— Нерегулярно.

— А зачем?

Он ответил с набитым ртом:

— Чтобы не пить. Я же алкаш. В этом, кстати, еще одно преимущество Гонконга перед Манилой. Здесь более либеральное наказание за наркотики. Да и тюрьмы почище.

— Про алкоголь я знала, но вы еще и наркоман?

— В каком смысле наркоман?

— Вы что, *должны* его принимать?

— Нет, я просто хочу его принимать.

— Ради?

— Обезболивания. Вообще-то это похоже на собеседование при приеме на работу, которую я вовсе не стремлюсь получить, Сульнес. А вы когда-нибудь курили опиум?

Кайя покачала головой. Она несколько раз пробовала марихуану, когда путешествовала по Южной Америке, но ей не особо понравилось.

— А вот китайцы попробовали. Двести лет тому назад британцы стали импортировать опиум из Индии, чтобы улучшить торговый баланс. И подсадили на это дело пол-Китая. — Он щелкнул пальцами свободной руки. — А когда китайские власти запретили опиум, британцы начали войну, отстаивая свое право накачивать Китай наркотиками под завязку. Представьте себе, что Колумбия начинает бомбить Нью-Йорк, потому что американцы конфисковали партию кокаина на границе.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что мой долг как европейца —

выкурить часть той дряни, которая по нашей милости оказалась в этой стране.

Кайя услышала собственный смех. Ей явно надо бы поспать.

— Я шла за вами, когда вы его покупали, — призналась она. — Видела, как вы это проделываете. В бутылочке, которую вы поставили, были деньги. А потом опиум, да?

— Ммм, — ответил Харри, рот которого по-прежнему был набит лапшой. — Что, работали в наркоотделе?

Она покачала головой.

— А почему бутылка с соской?

Харри закинул руки за голову. Суповая чашка перед ним была пуста.

— Опиум жутко пахнет. Если у тебя в кармане или в фольге комочек опиума, собаки-ищейки тебя в любой толпе найдут. А детские бутылки с сосками к тому же нельзя сдать, поэтому нет никакого риска, что какой-нибудь бомж, охотящийся за бутылками, случайно перехватит ее прямо в разгар сделки. Такое бывало.

Кайя медленно кивнула. Он понемногу расслабляется, будем продолжать в том же духе. Все, кто не говорил на родном языке по полгода, становятся разговорчивыми, стоит им встретить земляка.

Это естественно. Так и будем продолжать.

— Вы любите лошадей?

Он пожевал зубочистку.

— В принципе нет. Они слишком капризны.

— Но вы любите на них ставить?

— Мне это нравится, но игромания не относится к числу моих грехов.

Он улыбнулся, и она опять поразилась, насколько улыбка меняет его облик, делая его человечным, открытым, мальчишеским. И подумала про кусочек открытого неба, который увидела над Мелден-роу.

— По большому счету азартные игры — неважная стратегия победы. Но когда тебе больше нечего терять, эта стратегия становится единственной. Я поставил все, что у меня было, плюс то, чего у меня не было, в одном забеге.

— То есть все, что у вас было, вы поставили на одну лошадь?

— На две. Квинелла. Вы выбираете двух лошадей, которые придут первыми, независимо от того, какая из них двоих выиграет.

— А деньги одолжили у триады?

Впервые она заметила в его взгляде удивление.

— Что может заставить серьезный китайский

преступный картель дать деньги в долг курящему опиум иностранцу, которому нечего терять?

— Ну… — протянул Харри и вытащил сигарету. — Будучи иностранцем, ты получаешь доступ в ВИП-ложу на ипподроме Хэппи-Вэлли в течение трех первых недель после того, как тебе поставили штамп в паспорте. — Он зажег сигарету и выдохнул дым в вентилятор на потолке, который вращался так медленно, что мухи катались на нем, как на карусели. — Там есть дресс-код, поэтому мне пришлось сшить костюм. Первых двух недель было достаточно, чтобы почувствовать вкус к этому делу. Я познакомился с Херманом Клюйтом, южноафриканцем, который в девяностых годах сколотил громадное состояние на полезных ископаемых в Африке. Он научил меня стильно проигрывать довольно приличные суммы. Мне просто-напросто понравилась концепция. Вечером перед бегами на третьей неделе я был на обеде у Клюйта, который развлекал гостей, показывая свою коллекцию африканских пыточных инструментов из Гомы[13]. И там-то шофер Клюйта дал мне один дельный совет. Он сказал, что фаворит одного из забегов получил

[13] Примечания: 13

Гома — город в Конго, на границе с Руандой, столица провинции Северное Киву.

травму, но это скрывают, потому что он все равно будет стартовать. Поскольку лошадка — фаворит настолько явный, что на нее поставят все, то будет «минусовый пул» и можно будет не платить по ставкам. А вот если заполнить все три колонки бланка, есть шанс сорвать приличный куш. Например, на квинелле. Но для того, чтобы заработать прилично, нужен был, конечно же, кое-какой первоначальный капиталец. И Клюйт одолжил мне денег — просто так, за красивые глаза. И потом, у меня был еще сшитый у портного костюм.

Харри внимательно изучал огонек сигареты и, похоже, улыбался своим воспоминаниям.

— И что же? — спросила Кайя.

— Фаворит обошел всех на шесть корпусов. — Харри пожал плечами. — Когда я объяснил Клюйту, что у меня за душой ни гроша, он явно расстроился, но вежливо объяснил мне, что, будучи деловым человеком, вынужден придерживаться определенных принципов. Он уверил меня в том, что они вовсе не предполагают использование методов пыток из Конго, но что он просто-напросто продаст мой долг триаде с некоторой скидкой. В моем случае он был готов подождать с продажей тридцать шесть часов,

давая мне шанс успеть выбраться из Гонконга.

— Но вы не успели?

— Иногда я медленно соображаю.

— А что было потом?

Харри обвел руками вокруг.

— Вот это и было. «Чункинг-мэншн».

— А планы на будущее?

Харри пожал плечами и потушил сигарету. И Кайе вспомнилась обложка диска, которую показал ей Эвен, с фотографией Сида Вишеса из «Sex Pistols». И музыка как чуть слышный фон: «No fu-ture, no fu-ture»[14].

Он загасил сигарету.

— Вот вы и узнали, что вам было надо, Кайя Сульнес.

— Что мне было надо? — Она наморщила лоб. — Не понимаю.

— А разве не так? — Он встал. — А вы что, думали, я треплюсь про опиум и про долг, потому что я такой весь из себя одинокий норвежец, встретивший соотечественницу?

Она не ответила.

— Я рассказал все это для того, чтобы вы поняли: я не тот, кто вам нужен. И чтобы вы могли

---

[14] Примечания: 14

«Будущего нет, будущего нет» *(англ.)*.

возвращаться домой с чувством исполненного долга. Чтобы у вас не было больше проблем на лестницах, а я мог спать спокойно, не боясь, что вы приведете моих кредиторов прямо ко мне.

Она посмотрела на него. Лицо жесткое и аскетичное, а глаза смеются: не стоит, мол, воспринимать все так уж всерьез. Или, точнее сказать: плевать, мол, он на все хотел.

— Подождите.

Кайя открыла сумку, извлекла оттуда маленькую красную книжечку и протянула ему. Ей было интересно посмотреть, какой эффект это произведет. Его лицо становилось все удивленнее по мере того, как он ее листал.

— Черт, до чего же похоже на мой настоящий паспорт.

— Он и есть.

— Удивительно, что убойному отделу хватило на него денег.

— Ваш долг слегка упал в цене, — улыбнулась она. — Мне сделали скидку.

— Рад за вас. Но я в Осло не собирался.

Кайя пристально посмотрела на него. Ей не хотелось это говорить. Но выхода не было. Придется использовать последний козырь, тот, который Гуннар Хаген рекомендовал ей беречь

до последнего, если упрямец окажется совсем уж невозможным.

— Есть еще кое-что, — сказала Кайя и призвала на помощь все свое мужество.

Харри приподнял одну бровь, может быть, почувствовал что-то в ее интонации.

— Речь идет о твоем отце, Харри.

Она слышала, как профессионально переходит на «ты», и тут же уверила сама себя, что говорит искренне, а не только ради того, чтобы произвести впечатление на собеседника.

— Моем отце? — Он произнес это, будто удивляясь, что тот у него есть.

— Да. Мы связались с ним, чтобы выяснить, не знает ли он, где ты. Оказалось, он болен.

Она сидела, опустив глаза в стол.

Слышала его дыхание.

В голосе его опять появился наждак.

— Болен серьезно?

— Да. И мне жаль, что именно я вынуждена сообщить это тебе.

Она по-прежнему не смела поднять на него глаза. Ей было стыдно. Она ждала. Слушала похожие на кряканье звуки кантонского диалекта из телевизора, висевшего за стойкой Ли Юаня. Сидела и ждала. Ей обязательно надо поспать.

— Когда самолет?

— В восемь, — ответила она. — Я заеду за тобой сюда через три часа.

— Сам доберусь, мне до этого еще парочку дел надо уладить.

Он протянул к ней руку. Она вопросительно посмотрела на него.

— Мне для этого нужен паспорт. А тебе надо поесть. А то совсем отощаешь.

Она колебалась. Потом протянула ему паспорт и билет на самолет.

— Я на тебя надеюсь, — произнесла она.

Он посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

И ушел.

Часы над выходом на посадку С-4 в аэропорту Чхеклапкок показывали без четверти восемь, и Кайя была на грани отчаяния. Разумеется, он не пришел. Это же естественный рефлекс и у животных, и у людей — прятаться, когда тебя ранили. А Харри Холе ранен, сомневаться не приходится. В отчетах по делу Снеговика в деталях описывались все убийства женщин. Но Гуннар Хаген рассказал ей то, чего в отчетах не было. Что бывшая возлюбленная Харри Холе — Ракель — и ее сын Олег оказались в лапах безумного убийцы.

И что она вместе с сыном сразу же покинула страну, как только дело было закончено. И что Харри подал рапорт об увольнении и тоже уехал. Он просто был ранен сильнее, чем ей казалось.

Кайя отдала свой посадочный талон и направилась в «рукав», уже думая, что ей писать в рапорте о невыполненном задании, когда увидела его. Он бежал по зданию терминала, освещенному солнцем. На плече у него висела сумка, в руках пакет из дьюти-фри, и он лихорадочно пыхтел сигаретой. Он остановился у стойки. Но вместо того чтобы отдать свой посадочный талон на контроле, отставил в сторону сумку и посмотрел на Кайю полными отчаяния глазами.

Она вернулась к стойке.

— Что-то случилось?

— Сорри, — сказал он. — Я не могу лететь.

— Почему?

Он указал на пакет из дьюти-фри:

— Только что вспомнил, что в Норвегию беспошлинно разрешается ввозить лишь по одному блоку сигарет на рыло. А у меня два. Так что, если… — Лицо его оставалось невозмутимым.

Она поморгала, стараясь не выглядеть чересчур радостной:

— Давай сюда.

— Огромное спасибо, — сказал он, открыл пакет, в котором, как она успела заметить, не было бутылок, и протянул ей блок «Кэмела», в котором уже не хватало одной пачки.

На посадку она шла перед ним, чтобы он не видел, как она улыбается.

Кайя не засыпала довольно долго, так что запомнила и взлет, и Гонконг, исчезающий под ними, и взгляд Харри, прикованный к приближающейся тележке стюардессы, в которой соблазнительно звенели бутылки. И увидела, как он закрыл глаза, и услышала, как он еле слышно отвечает стюардессе:

— No, thank you[15].

Она размышляла, прав ли Гуннар Хаген и неужели сидящий рядом с ней человек — действительно тот, кто им нужен.

А потом отключилась, как будто куда-то провалилась. Ей привиделось, что она стоит перед закрытой дверью и слышит одинокий, холодный крик птицы в лесу, и он казался таким странным, потому что солнце светило и светило… И что она открыла дверь…

Она проснулась и обнаружила, что уткнулась

---

[15] Примечания: 15
Спасибо, не надо *(англ.)*.

головой ему в плечо. Во рту пересохло. Голос командира экипажа сообщил, что они заходят на посадку в Лондоне.

Глава 5
Парк

Марит Ульсен любила кататься на лыжах в горах. Но терпеть не могла бегать трусцой. Она ненавидела себя за то, что начинала задыхаться, пробежав всего какую-то сотню метров, ей казалось, что земля дрожит — как при землетрясении, — стоит только поставить на нее ногу. Марит не выносила недоуменные взгляды гуляющих и то, как выглядела в их глазах: трясущиеся подбородки, колыхающиеся складки жира, обтянутые тренировочным костюмом, подчеркивающим все ее жировые отложения, беспомощное, глупое выражение лица — как у выброшенной на сушу рыбы. Она сама неоднократно подмечала такое выражение у людей с избыточным весом, когда они занимались спортом. Именно поэтому — хотя и не только поэтому — она регулярно, трижды в неделю, бегала во Фрогнер-парке в десять вечера. Тогда там практически никого не было. А те, кто был, едва ли могли разглядеть, как она, пыхтя, бежит в темноте среди немногочисленных фонарей на дорожках, исчертивших самый большой парк

в городе вдоль и поперек. А если кто-то и обращал на нее внимание, то вряд ли бы узнал депутата стортинга от Рабочей партии и Финнмарка. Хотя узнать можно лишь того, кого видел раньше. А Марит Ульсен вообще видели немногие. Когда она выступала с заявлениями — как правило, от имени своего фюлька, — то не привлекала того внимания, которое СМИ проявляли по отношению к другим, более фотогеничным ее коллегам. Кроме того, в течение своего депутатского срока она пока не сказала и не сделала ничего особенного. Во всяком случае, себе она это объясняла именно так. Объяснение редактора газеты «Финнмарк дагблад», что политически она — легковес, было просто игрой слов, иронией над ее физическими параметрами. Но редактор тем не менее не исключал, что в один прекрасный день ее можно будет увидеть в правительстве Рабочей партии, — ведь она вполне удовлетворяет трем важнейшим требованиям: без высшего образования, не мужчина и не из столицы.

Да, он прав: сила ее не в пространных, сложных и в то же время легковесных рассуждениях. Она — человек из народа, тот, кто знает, как живут простые мужчины и женщины, и ее голос — это их голос в парламенте, где сидят самодовольные,

поглощенные исключительно собой жители столицы. Потому что Марит Ульсен говорила от своего нутра и о том, что она чувствовала, так сказать, печенкой. И это стало ее главным козырем, тем, благодаря чему она — вопреки всему — оказалась там, где оказалась. Со своей рассудительностью и юморком — его жители юга Норвегии часто называли «северным» и «соленым» — она с легкостью побеждала в тех немногих дебатах, к участию в которых ее допускали. Так что внимание на нее обратят, это вопрос времени. Только бы сбросить хоть немного из этих чертовых килограммов. Согласно исследованиям, люди меньше доверяют тучным, подсознательно воспринимая лишние килограммы как неспособность взять себя в руки.

Предстоял небольшой подъем, она стиснула зубы и побежала короткими шагами, фактически перешла на шаг, если быть совсем честной. Шаг за шагом — наверх. Да. Именно так. Марш по направлению к власти. Уменьшая вес и увеличивая шансы на переизбрание.

Она услышала хруст гравия позади и почувствовала, как спина автоматически выпрямилась, а сердце забилось чаще. Те же шаги, что она слышала во время своей прошлой пробежки три дня

тому назад. И еще за два дня до этого. В прошлый раз Марит обернулась и увидела черный спортивный костюм и черный капюшон, как будто за ее спиной бежал боец коммандос. Вот только с какой стати кому-то, а тем более бойцу коммандос, бежать так же медленно, как Марит Ульсен?

Конечно, она не могла с уверенностью утверждать, что человек был тот же самый, но что-то в звуке его шагов говорило ей, что это именно так. Оставалось подняться еще чуть-чуть, потом будет Монолит, а потом станет легче, дальше придется бежать вниз, домой, в Шейен, к мужу и к надежному в своей свирепости раскормленному ротвейлеру. Шаги приближались. И внезапно ей перестало казаться, что это так уж хорошо, когда на часах десять вечера и парк темен и безлюден. Вообще-то Марит Ульсен боялась много чего, но больше всего она боялась иностранцев. Ну да, она знала, что ксенофобия идет вразрез с программой ее партии, но, в конце концов, страх перед неизвестным — разумная стратегия выживания. И пресловутая печенка Марит Ульсен категорически отказывалась принимать все законопроекты, расширяющие права приезжих.

Но тело ее двигалось слишком медленно, мышцы ног отчаянно болели, легким не хватало

воздуха, и она знала, что еще немного, и она вообще не сможет сделать ни шага. Мозг пытался побороть страх, пытался внушить ей, что она не тянет на потенциальную жертву насилия.

Страх гнал ее наверх, она наконец взобралась на холм и могла теперь видеть то, что было с той стороны Мадсруд-алле. Из ворот одной из вилл выезжал автомобиль. Она могла бы успеть, их разделяла какая-то сотня метров. Марит Ульсен бежала по скользкой траве вниз по склону, она едва держалась на ногах. Она уже не слышала шагов за спиной, она слышала только собственное дыхание. Машина задом выехала на дорогу, раздался скрежет коробки передач, когда водитель переключился с заднего хода. Марит Ульсен была уже почти внизу, до дороги, до спасительного света передних фар оставалось всего несколько метров. Она неслась вниз, и все ее лишние килограммы сейчас помогали ей, они заставляли ее тело неумолимо двигаться вперед. А вот ноги слушаться отказывались. Она споткнулась, падая вперед, на дорогу, к свету. Она ударилась об асфальт животом, упакованным в мокрый от пота полиэстер, и поехала, покатилась вниз. А потом Марит Ульсен лежала неподвижно, ощущая во рту горький привкус дорожной пыли, а ладони

саднило от мелких камушков.

Кто-то подошел и наклонился над ней. Коснулся плеча. Она со стоном перевернулась на бок и подняла руку перед собой, защищаясь. Это был не боец коммандос, а просто какой-то пожилой мужчина в шляпе. Дверь в машине за его спиной была открыта.

— Все в порядке, фрекен? — спросил он.

— А вы как думаете? — ответила вопросом на вопрос Марит Ульсен, чувствуя, как ее охватывает ярость.

— Постойте-ка! Я вас раньше где-то видел.

— Подумаешь, — проворчала она, отталкивая его руку и со стоном поднимаясь на ноги.

— Ведь это же вы участвуете в той развлекательной программе?

— Точно, — призналась она, пристально всматриваясь в пустынную и молчаливую тьму парка и потирая правый бок, там, где печенка. — Только мне насрать на это, дедуля.

Глава 6
Возвращение домой

«Вольво-амазон», последняя машина, выкатившаяся с конвейера завода «Вольво» в 1970 году, остановился перед пешеходным переходом возле зала прилета аэропорта Гардермуэн в Осло.

Мимо автомобиля прошествовала цепочка детсадовцев, одетых в шуршащие дождевики. Кое-кто из ребятишек во все глаза смотрел на древнюю чудну́ю машину с двумя гоночными полосками на кузове и на двух человек, сидевших позади дворников, смахивающих капли утреннего дождя.

Мужчина на пассажирском месте, комиссар Гуннар Хаген, понимал, что при виде детей, держащих друг друга за руки, следовало бы улыбнуться и подумать о единении, заботе и об обществе, где люди поддерживают друг друга. Но первой ассоциацией Хагена было прочесывание местности, когда идут цепочкой, чтобы найти человека, который предположительно убит. Вот что делает с человеком работа в убойном отделе. Или, как один остряк написал на двери кабинета

Холе, «I see dead people»[16].

— Какого черта детский сад делает в аэропорту? — поинтересовался человек, сидящий за рулем. Его звали Бьёрн Хольм, и «амазон» был самой большой его драгоценностью. Одни лишь запахи — от шумной, но невероятно мощной печки, от пропитанных потом сидений из искусственной кожи и от пыли в бардачке — наполняли его душу умиротворением. Особенно тогда, когда мотор работал на полную катушку, то есть машина шла со скоростью примерно восемьдесят километров в час по ровной дороге, а из кассетника звучал Хэнк Уильямс. Бьёрн Хольм из экспертно-криминалистического управления в Брюне вообще был кантри из Скрейи[17] — ковбойские сапоги змеиной кожи, круглая, как блин, физиономия и немного выпученные глаза, придававшие ему неизменно удивленное выражение. Это выражение нередко вводило в заблуждение руководство следственных групп при первой встрече с Бьёрном Хольмом. На самом деле Бьёрн Хольм был самым выдающимся криминалистическим талантом после Вебера в его

---

[16] Примечания: 16
«Я вижу мертвецов» *(англ.)*.

[17] Примечания: 17
Скрейя — деревня к северу от Осло.

лучшие годы. Хольм был одет в мягкую замшевую куртку с бахромой и вязаную растаманскую шапочку, из-под которой выбивались самые густые и рыжие бакенбарды, какие только видел Хаген по эту сторону Северного моря. Они закрывали щеки почти полностью.

Хольм завел свой «амазон» на кратковременную парковку, машина со всхлипом остановилась, и мужчины вышли. Хаген поднял воротник плаща, что, конечно же, никак не спасало от дождя, бомбардировавшего его лысый череп. Лысину обрамляли такие густые черные волосы, что некоторые подозревали, что на самом деле у Гуннара Хагена волосы растут прекрасно, вот только парикмахер немного эксцентричный.

— Слушай, неужели твоя куртка совсем не пропускает воду? — спросил Хаген, когда они шли ко входу.

— Совсем, — ответил Хольм.

Когда они еще были в машине, им позвонила Кайя Сульнес и сообщила, что самолет SAS рейсом из Лондона приземлился на десять минут раньше. И что Харри Холе она упустила.

Они прошли через вертящуюся входную дверь, Гуннар Хаген принялся внимательно смотреть по сторонам, увидел Кайю, сидящую на чемодане

у стойки такси, кивнул ей и направился к двери, из которой выходили прилетевшие пассажиры. Внутрь они с Хольмом проникли, когда она открылась, пропуская выходящих. Охранник хотел было остановить их, но кивнул и чуть ли не поклонился, когда Хаген помахал своим удостоверением и коротко рявкнул: «Полиция!»

Хаген повернул направо и, не останавливаясь, пошел мимо таможенников с их собаками, мимо сверкающих металлических стоек, напомнивших ему стойки, на которые судмедэксперты выкладывают трупы, и дальше, толкнул дверь закутка в самом углу.

И остановился как вкопанный, так что Хольм буквально налетел на него сзади и услышал, как хорошо знакомый хрипловатый голос сквозь зубы произнес:

— Привет, шеф. Извините, что не могу встать по стойке «смирно».

Бьёрн Хольм попытался заглянуть через плечо шефа.

То, что он увидел, он не мог забыть потом еще долго.

Наклонившись над спинкой стула, стоял мужчина, успевший стать живой легендой не только в Полицейском управлении Осло; любой поли-

цейский в Норвегии наверняка слышал о нем что-то хорошее или плохое, но неизменно невероятное. Мужчина, с которым Хольму и самому доводилось тесно сотрудничать. Но не так тесно, как таможеннику, который в данный момент стоял позади живой легенды, засунув руку в латексной перчатке в бледный зад легенды.

— Он мой, — сказал Хаген таможеннику и снова помахал удостоверением. — Отпустите его.

Таможенник уставился на Хагена, казалось, ему не хотелось прекращать исследование, и только когда вошел его начальник, пожилой и с золотыми полосками на погонах, и чуть кивнул, прикрыв веки, таможенник крутанул руку еще раз, а потом вытащил ее. Жертва издала тихий стон.

— Надевай штаны, Харри, — сказал Хаген и отвернулся.

Харри натянул штаны и повернулся к таможеннику, стягивающему с руки перчатку:

— Тебе тоже было хорошо?

Кайя Сульнес поднялась с чемодана, увидев трех своих коллег, выходящих из двери. Бьёрн Хольм пошел за машиной, а Гуннар Хаген отошел в киоск — купить что-нибудь попить.

— Тебя часто так останавливают? — спросила

Кайя.

— Да каждый раз, — ответил Харри.

— Мне кажется, меня таможенники еще никогда не останавливали.

— Кто бы сомневался.

— Почему?

— Потому что есть целая куча признаков, по которым они определяют, кого надо досмотреть, а у тебя нет ни одного из них. А у меня есть по крайней мере половина.

— Ты думаешь, таможенники настолько пристрастны?

— Слушай, а ты когда-нибудь ввозила то, что запрещено?

— Нет. — Кайя засмеялась. — Ладно. Но если уж они такие проницательные, то должны бы знать, что ты полицейский. И пропустить.

— А кто сказал, что они не знали?

— Да ладно. Это только в фильмах они сразу видят, кто из полиции.

— Думаешь? — спросил Харри и полез за сигаретами. — Посмотри на стойку такси, только незаметно. Там стоит узкоглазый мужик, глаза немного раскосые. Видишь?

Кайя кивнула.

— Он уже два раза подтягивал ремень, пока

мы здесь стоим. Как будто на нем что-то тяжелое висит. Пара наручников или дубинка резиновая. Это движение становится совершенно автоматическим, если ты пару лет работал на патрульной машине или кого-то арестовывал.

— Я работала на патрульной машине, но я никогда…

— А сейчас наверняка работает в отделе по борьбе с наркотиками и высматривает людей, которые, пройдя таможню, выглядят так, словно у них гора с плеч свалилась. Или тех, кто сразу кинется к туалету, потому что прямая кишка больше не в состоянии держать товар. Наблюдает, не поменяются ли чемоданами какой-нибудь любезный пассажир и контрабандист, как раз и попросивший этого лоха помочь пронести багаж мимо таможни.

Кайя склонила голову набок и посмотрела на Харри с легкой улыбкой:

— А может, это просто обычный парень, у которого штаны спадают и который ждет мамочку? И ты ошибаешься?

— Ну конечно, — буркнул Харри, глянул на свои часы, а потом на часы на стене наверху. — Причем всегда. Неужели и правда уже день?

«Вольво-амазон» выкатился на шоссе, когда

уже зажглись фонари.

Сидевшие впереди Хольм и Кайя Сульнес оживленно беседовали, покуда Таунс Ван Зандт сдержанно рыдал на кассете. На заднем сиденье Гуннар Хаген провел рукой по сумке из свиной кожи, лежащей у него на коленях.

— Жаль, не могу сказать, что ты хорошо выглядишь, — тихо произнес он.

— Да это из-за разницы во времени, шеф, — ответил Харри, полулежа на сиденье.

— Что у тебя со скулой?

— Это длинная и скучная история.

— Ну ладно. Добро пожаловать домой. Извини за недоразумение.

— Мне казалось, я подал рапорт об увольнении.

— Ты это и раньше делал.

— Еще написать?

Гуннар Хаген взглянул на своего бывшего старшего инспектора и еще больше понизил голос и опустил глаза:

— Я уже извинился за неласковую встречу на родине. И я прекрасно понимаю, чего тебе стоило последнее дело. Что и ты сам, и дорогие тебе люди оказались втянуты в это настолько, что… ну да, что тебе захотелось начать другую жизнь. Но

ведь все это — твоя работа, Харри, и ты умеешь ее делать.

Харри чихнул, как будто уже успел простудиться, едва вернувшись на родину из теплых краев.

— Два убийства, Харри. Мы даже не знаем, как жертвы были убиты, только то, что убиты они одинаковым способом. Но наш прошлый опыт, который нам так дорого обошелся, говорит об одном. — Начальник отдела замолчал.

— Продолжай, не бойся, шеф.

— Уж теперь и не знаю.

Харри смотрел за окно, где волнами катились поля, коричневые, бесснежные, то поднимаясь, то опускаясь.

— Уже несколько раз кричали: «Волки!» Но выяснилось, что серийные убийцы встречаются довольно редко.

— Да знаю я, — кивнул Хаген. — На моей памяти в этой стране был только Снеговик. Но на этот раз мы почти уверены. У жертв нет ничего общего, а в их крови обнаружено одно и то же обезболивающее.

— Ну, это уже что-то. Желаю удачи.

— Харри…

— Я знаю еще пару-тройку, кто вполне справится с этой работенкой, шеф.

– *Ты* справишься.

— Я просто развалился на куски.

Хаген вздохнул:

— Соберем.

— Beyond repair[18], — парировал Харри.

— Ты здесь единственный, у кого есть соответствующая квалификация и опыт раскрытия серийных убийств.

— Задействуйте какого-нибудь американца.

— Ты знаешь, что толку не будет.

— Ну, тогда очень жаль.

— Жаль? Пока убиты двое, Харри. Обе — молодые женщины…

Харри сделал протестующий жест, когда Хаген открыл сумку и вытащил из нее коричневую папку.

— Я серьезно, шеф. Спасибо, что выкупили мой паспорт и вообще, но я покончил с фотографиями мертвецов и всеми этими дерьмовыми отчетами.

Хаген с обидой взглянул на Харри, но тем не менее положил папку ему на колени.

— Посмотри — это единственное, о чем я тебя прошу. И еще: не говори никому о том, что мы

---

[18] Примечания: 18
Ремонту не подлежит *(англ.)*.

занимаемся этим делом.

— То есть? Почему?

— Все непросто. Не проболтайся никому, ладно?

Сидевшие впереди замолчали, и Харри стал смотреть на затылок Кайи. Поскольку «амазон» Бьёрна Хольма изготовили задолго до того, как придумали термин «травма шейных позвонков при столкновении», подголовников не было. И Харри видел ее тонкую шею под собранными в пучок волосами, видел светлый пушок на шее и думал, насколько же все это уязвимо, как быстро все меняется и сколько всего может разрушиться за какие-то секунды. Что жизнь — это, собственно, и есть процесс распада, разрушение того, что изначально являлось совершенством. Важно только одно: как именно все это разрушается — внезапно или медленно. Грустная мысль. Но он не мог не думать об этом. Он думал об этом, пока они не въехали в Ибсеновский туннель, серую безликую рубку транспортного механизма, которая могла бы находиться в каком угодно городе мира. А потом он почувствовал радость. Отчаянную и безотчетную радость оттого, что он здесь. В Осло. Дома. И это чувство настолько захватило его, что на несколько секунд он даже

забыл, почему вернулся.

Харри смотрел на дом 8 на улице Софиес-гате («амазон» уже отъехал от дома и пропал из виду). Граффити на фасаде стало больше, чем когда он уезжал, но дом все еще был синего цвета.

Итак, он сказал, что этим делом заниматься не станет. И что у него отец в больнице и это единственная причина, по которой он вернулся. Правда, он не сказал им, что, если бы у него был выбор — узнать о болезни отца или нет, — он предпочел бы не узнавать. Потому что приехал не от любви к отцу. А от стыда.

Харри взглянул на два черных окна на третьем этаже — это были его окна.

Он открыл ворота и направился на задний двор. Контейнер для мусора стоял там же, где и всегда. Харри отодвинул крышку. Он пообещал Хагену посмотреть папку с материалами. Но исключительно для того, чтобы шеф сохранил лицо, ведь его паспорт обошелся отделу в кругленькую сумму. Харри просунул папку под крышку контейнера, она упала вниз и лежала теперь среди лопнувших пластиковых пакетов, из которых вытекала кофейная гуща, торчали памперсы, вываливались гнилые фрукты и картофельные очистки. Он вдохнул этот запах, отметив, на-

сколько же удивительно интернационален запах мусора.

В его двухкомнатной квартире все было по-прежнему, но что-то все же изменилось. Пыльно-серый отсвет, словно кто-то только что был здесь и ушел, но пар от его дыхания все еще висит в воздухе. Харри прошел в спальню, поставил на пол сумку и вытащил неоткрытый блок сигарет. В комнате было все как всегда, серое, как кожа двухдневного трупа. Он рухнул на постель. Закрыл глаза. Услышал знакомые звуки. Как из дырявого желоба на крыше капает вода на жестяной откос под окном. Это были не те медленные, успокаивающие звуки капель с крыши, как в Гонконге, нет, здешние капли лихорадочно барабанили сплошным потоком, как напоминание о том, что время идет, секунды мчатся, конец приближается. Вспомнился мистер Линия из итальянских мультиков-короткометражек, который неизменно падает, пробыв на экране четыре минуты, исчезает там, где у него из-под ног исчезает линия, проведенная художником-создателем.

Харри знал, что под мойкой у него есть полбутылки «Джима Бима». Знал, что он может начать в этой квартире с того, чем закончил. Черт, до чего же он был пьян, уже когда садился в такси в

аэропорт в тот день, полгода назад. Стоит ли удивляться, что до Манилы он так и не добрался?

А еще он мог пройти в кухню и вылить содержимое бутылки в раковину.

Он даже застонал.

Неправда, что он не понял, на кого она похожа. Он знал, на кого она похожа. Она похожа на Ракель. Они все похожи на Ракель.

Глава 7
Виселица

— Но я боюсь, Расмус, — сказала Марит Ульсен. — Ей-богу!

— Знаю, — произнес Расмус Ульсен глуховатым приятным голосом, которым успокаивал жену на протяжении двадцати пяти лет, наполненных политическими выборами, экзаменами на права, вспышками ярости и разного рода приступами паники. — Это совершенно естественно, — продолжил он и обнял Марит. — Ты много работаешь. Так что твоя голова просто не успевает справляться с подобными мыслями.

— Подобными мыслями? — переспросила она, повернулась на диване и посмотрела на него. Она уже давно потеряла всякий интерес к фильму «Love Actually»[19], который они смотрели на видео. — Подобные — в смысле дурацкие, ты это имел в виду?

— Важно не то, что я имел в виду, — произнес он, водя кончиками пальцев по ее телу. — Важно

---

[19] Примечания: 19

«Реальная любовь» (англ.) — романтическая кинокомедия английского режиссера Ричарда Кертиса.

то…

— Важно то, что ты думаешь, — передразнила она. — Господи, Расмус, перестань же смотреть доктора Фила.

Он засмеялся нежным смехом:

— Я просто хочу сказать, что ты как депутат, конечно же, имеешь право попросить выделить тебе охрану, если чувствуешь, что тебе угрожают, и она будет таскаться за тобой повсюду. Тебе это надо?

— Ммм, — простонала она, когда его пальцы начали поглаживать именно там, где ей нравилось больше всего, и она знала, ему это известно. — Что значит «тебе это надо»?

— Подумай хорошенько. Что, по-твоему, из этого получится?

Марит Ульсен задумалась. Закрыла глаза и чувствовала только, как его пальцы словно бы втирают в ее тело покой и гармонию. Она встретила Расмуса, когда работала в центре занятости в Альте. Ее выбрали доверенным лицом местного профсоюза, и профсоюз норвежских госслужащих направил ее на курсы для профсоюзных работников в профсоюзную школу в Сёрмарку. Там к ней в первый же вечер подошел худощавый мужчина с живыми синими глазами под высокими

залысинами. Его манера говорить напомнила ей откровения христиан-сектантов в молодежном клубе в Альте. Разница была лишь в том, что он говорил о политике. Он работал в секретариате фракции Рабочей партии, где помогал парламентским депутатам всякими практическими вещами, организовывал поездки, а бывало, и писал им тексты выступлений.

Тогда Расмус угостил ее пивом, спросил, не хочет ли она потанцевать, и после четырех танцев под все более спокойные классические мелодии, во время которых их тела сближались все больше и больше, он предложил ей пойти с ним. Он имел в виду не свою комнату, а свою партию.

Вернувшись домой, она стала ходить на партийные собрания в Альте, а по вечерам они с Расмусом вели долгие телефонные разговоры о том, чем они оба занимались и что думали в тот день. Конечно, Марит никогда не признавалась вслух, но иногда ей казалось, что это и было лучшее их время, когда они находились в двухстах милях друг от друга. Потом ей однажды позвонили из комитета по выдвижению кандидатов, включили в список, и она и не заметила, как оказалась в совете коммуны в Альте. Двумя годами позже она стала заместителем председателя ор-

ганизации Рабочей партии в Альте, еще через год вошла в президиум отделения партии в фюльке, а потом ей снова позвонили, в этот раз из комитета по выдвижению кандидатур в стортинг.

И вот теперь у нее был крошечный офис в стортинге, гражданский муж, который помогал ей с речами, и перспектива дальнейшего продвижения, если все пойдет как планировалось. И если она не наделает ошибок.

— Они тогда приставят ко мне полицейского, чтобы за мной приглядывать, — сказала она. — А пресса захочет узнать, почему это за депутаткой стортинга, о которой никто и слыхом не слыхивал, должен повсюду таскаться телохранитель, причем за счет налогоплательщиков. А когда они выяснят, что да почему, — что, мол, ей *показалось*, что ее кто-то преследует в парке, — то сразу понапишут, мол, на *таком* основании каждая вторая баба в Осло с тем же успехом может затребовать себе телохранителя за счет госбюджета. Не надо мне никаких охранников. Забудь.

Расмус беззвучно засмеялся. Его пальцы, продолжая поглаживать ее тело, говорили, что он согласен.

Растерявшие листву деревья Фрогнер-парка насквозь продувал ветер. По ночной, черной по-

верхности пруда скользила утка, втянув голову в перья. Во Фрогнербадет гнилая листва приклеилась к стенкам пустых бассейнов. Это место казалось покинутым раз и навсегда, это был какой-то затерянный мир. В глубоком бассейне ветер закручивался вихрем и пел, монотонно и заунывно, под десятиметровой белой вышкой для прыжков в воду, которая вырисовывалась на ночном небе, точно виселица.

Глава 8
«Snow Patrol»

Когда Харри проснулся, было уже три часа дня. Он открыл сумку, натянул чистую одежду, нашел в шкафу шерстяное пальто и вышел на улицу. Мелкий дождик разбудил его окончательно, так что он выглядел вполне трезвым, входя в коричневые прокуренные залы ресторана «Шрёдер». Его столик оказался занят, поэтому Харри прошел дальше через зал и сел за стол в самой глубине, под телевизором.

Огляделся… Увидел пару новых лиц, склонившихся над пивом, а так — время как будто остановилось. Подошла Нина и поставила перед ним белую чашку и стальной кофейник.

— Харри, — сказала она. Не для того, чтобы поприветствовать его, но чтобы убедиться в том, что это действительно он.

Харри кивнул:

— Привет, Нина. Старые газеты есть?

Нина исчезла в подсобке и вернулась с кипой пожелтевших газет. Харри никогда не мог понять, зачем у «Шрёдера» хранят старые газеты, но это

уже не раз выручало его и раньше.

— Long time[20], — произнесла Нина и вновь исчезла.

И Харри тут же вспомнил, что ему так нравилось в «Шрёдере» помимо того, что это было ближайшее от его квартиры питейное заведение. Тут говорят короткими предложениями. И уважают частную жизнь клиентов. Тут просто констатируют, что ты вернулся, и не нужно никаких отчетов за тот срок, когда тебя не было.

Харри выпил две чашки на удивление невкусного кофе, быстро просматривая газеты, чтобы получить представление о том, что же произошло в королевстве за последние месяцы. Как обычно, ничего особенного. Именно это ему больше всего и нравилось в Норвегии.

Кто-то победил в эстрадном телеконкурсе «Идол», какая-то звезда вылетела из танцевального конкурса, какой-то футболист из третьего дивизиона попался на кокаине, а Лене Галтунг, дочь судовладельца Андерса Галтунга, авансом получила несколько миллионов в счет наследства и обручилась с гораздо более красивым, чем сама она, но вряд ли столь богатым предприни-

---

[20] Примечания: 20
Давненько не виделись *(англ.)*.

мателем по имени Тони. Редактор «Либерала», Арве Стёп, полагал, что для нации, которая хочет быть верной социал-демократическим идеалам, сохранение монархии становится все менее приемлемым. Все как всегда.

Первые заголовки, имеющие отношение к убийствам, Харри обнаружил только в газетах за декабрь. Он узнал место преступления благодаря описанию Кайи: подвал в строящемся офисном комплексе в Нюдалене. Неизвестно, что повлекло за собой смерть, но полиция не исключает, что речь идет об убийстве.

Харри пролистал газету и с большим удовольствием прочитал про одного политика — как тот хвастается, что оставил министерский пост для того, чтобы больше времени проводить с семьей.

Газетный архив у «Шрёдера» был, конечно же, неполным, но в газете, датированной двумя неделями позже, всплыло второе убийство.

Женщина была обнаружена возле разбитого «датсуна», который стоял на краю лесной опушки у озера Даушеен в Маридалене. Полиция не исключает, что дело имеет «криминальную подоплеку», но и в данном случае о причине смерти ничего не говорилось.

Глаза Харри просканировали статью, и он кон-

статировал, что молчание полиции объяснялось делом обычным: у нее ничего нет, ну да, локатор вслепую шарит по открытым и пустым морским пространствам.

Только два убийства. Но Хаген был совершенно уверен, когда говорил, что речь идет о серийном убийце. Тогда в чем же связь? Чего не было в газетах? Харри почувствовал, как его мысли направились по старому доброму пути, выругался сам на себя, что никак не может от этого отделаться, и стал просматривать газеты дальше.

Когда стальной кофейник опустел, он бросил на стол скомканную купюру и вышел на улицу. Поплотнее запахнул пальто и прищурился, глядя в серое небо.

Он остановил свободное такси, которое как раз подъезжало к тротуару. Шофер потянулся по диагонали салона, и задняя дверь распахнулась. Такой фокус сейчас не часто увидишь. Харри решил вознаградить его чаевыми. И не только за то, что так удобнее сесть в машину, но еще за то, что в стекле дверцы отразилось лицо человека за рулем другого автомобиля, припаркованного позади такси.

— Государственная больница, — произнес Харри и пробрался на середину заднего сиденья.

— Будет исполнено, — ответил шофер.

Когда они отъезжали от края тротуара, Харри внимательно посмотрел в зеркало заднего вида.

— А вообще-то отвезите меня сначала на улицу Софиес-гате.

На Софиес-гате машина, кашляя дизельным мотором, осталась ждать, а Харри быстро, через две ступеньки, побежал наверх. В голове вертелись возможные варианты. Триады? Херман Клюйт? Или старая добрая паранойя? Наркота лежала там же, где он оставил ее, когда уезжал: в ящике с инструментами внутри разделочного столика. Просроченное полицейское удостоверение. Набор наручников фирмы «Хиатт» с пружинками для мгновенного защелкивания. И еще служебный револьвер, «смит-вессон» 38-го калибра.

Когда Харри вновь спустился на улицу, он не стал смотреть ни налево, ни направо, а сразу же уселся в такси.

— В Государственную больницу? — уточнил шофер.

— Во всяком случае, езжайте в этом направлении, — ответил Харри, внимательно вглядываясь в зеркало, пока они поворачивали на Стенсберггата и ехали дальше наверх по Уллеволсвейен.

Он ничего не увидел. Что могло означать одно

из двух. Либо это старая добрая паранойя. Либо следивший за ним был профи.

Харри помедлил, но потом все-таки произнес:

— Государственная больница.

Проезжая мимо Вестре-Акерской церкви и Уллеволской больницы, он все-таки продолжал поглядывать в зеркало. Ни в коем случае нельзя привести их за собой туда, где ты наиболее уязвим. Туда, куда они всегда пытаются пробраться. К твоей семье.

Самая большая в стране больница нависала над всем городом.

Харри расплатился с шофером, а тот поблагодарил за чаевые и повторил фокус с задней дверью.

Перед Харри вздымались фасады больничных корпусов, казалось, низкие облака ползут прямо по их крышам.

Он глубоко вздохнул.

Улав Холе улыбался с больничной подушки так приветливо и так бессильно, что у Харри защемило сердце.

— Я был в Гонконге, — ответил Харри. — Надо было подумать.

— Получилось?

Харри пожал плечами.

— Что врачи говорят?

— Да практически ничего. Это вряд ли означает что-то хорошее, но я понял, что для меня так даже лучше. Ты ведь знаешь: способностью принять действительность как она есть в нашей семье никто особенно похвастаться не мог.

Интересно, будут они говорить о матери или нет. Харри надеялся, что нет.

— У тебя работа есть?

Харри покачал головой. Седые волосы отца так красиво лежали на лбу, что Харри подумал: это, наверное, не его волосы, ему их просто выдали — как пижаму и шлепанцы.

— Ничего?

— Мне предложили читать лекции в Полицейской академии.

Это была почти правда. Хаген предлагал ему это после дела Снеговика — как своего рода отпуск.

— Учить? — Отец засмеялся, тихо и осторожно, словно боясь разбиться от слишком громкого смеха. — А мне казалось, один из твоих принципов — никогда не делать того, что делал я.

— Такого никогда не было.

— Да ладно, ты всегда поступал по-своему. Все эти полицейские штучки… Ладно, хорошо хотя бы, что ты не повел себя как я. Потому что я не

пример для подражания. Ты же знаешь, после того как умерла твоя мать…

Харри просидел в белой больничной палате от силы двадцать минут, но уже испытывал отчаянное желание убежать.

— После того как умерла твоя мать, мне никак не удавалось сделать так, чтобы все стало как раньше. Я ушел в себя, общение с другими людьми стало мне не в радость. Мне казалось, если я буду один, то стану ближе к ней. Но это не так, Харри. — Отец улыбнулся ангельской улыбкой. — Я знаю, что потерять Ракель было тяжело, но ты не должен поступать так, как я. Ты не должен прятаться, Харри. Не должен запирать дверь и выбрасывать ключ.

Харри взглянул на свои руки и, кивнув, почувствовал, как по всему телу бегут мурашки. Надо срочно что-то принять, не одно, так другое.

Вошел медбрат, представился Алтманом, поднял шприц, сказал, немного пришепетывая, что ему надо только сделать Улаву укол, чтобы тот лучше спал. Харри подмывало спросить, не найдется ли и для него чего-нибудь.

Отец лег на бок, кожа на лице обвисла, теперь он выглядел старше, чем когда лежал на спине. Он посмотрел на Харри тяжелым, ясным взглядом.

Харри поднялся так резко, что ножки стула скрежетнули о пол.

— Ты куда? — пробормотал отец.

— Пойду покурю, — сказал Харри. — Сейчас вернусь.

Харри встал на низкий бордюр, откуда ему была видна парковка, и закурил «Кэмел». По другую сторону шоссе виднелся кампус Блиндерн и здания университета, где учился отец. Считается, что сыновья — в большей или меньшей степени переодетые варианты своих отцов, что ощущение того, что ты вырвался из этой цепочки, не больше чем иллюзия, что ты все равно возвращаешься, что притяжение крови не просто сильнее, чем воля, — оно и есть воля. Харри всегда казалось, что сам он доказывает нечто прямо противоположное. Так почему же при виде отца, его костлявого, обнаженного лица на подушке Харри казалось, что он смотрится в зеркало? А его голос казался собственным голосом? Слышать его мысли, слова… словно сверло зубного врача, с непоколебимой уверенностью попадающее точно в нерв Харри. Потому что Харри ведь его копия. Черт! Взгляд Харри нашел белую «королла» на парковке.

Вечно этот белый цвет, самый безликий. Цвет

«короллы» перед «Шрёдером», лицо человека за рулем, то же лицо, что меньше суток тому назад пялилось на него своими раскосыми узкими глазами.

Харри выкинул сигарету и ринулся внутрь больничного здания. Оказавшись в коридоре, ведущем к палате отца, он замедлил шаг. Повернул туда, где коридор расширялся, превращаясь в холл для посетителей, и сделал вид, что что-то ищет в стопке журналов на столе, а сам боковым зрением сканировал всех, кто сидел в холле.

Тот человек укрылся за номером «Либерала».

Харри взял номер «Се о хёр»[21] с фотографией Лене Галтунг и ее жениха и вышел.

Улав Холе лежал с закрытыми глазами. Харри приложил ухо к его губам. Дыхание было едва слышным, но чувствовалось щекой.

Харри сидел на стуле возле кровати и смотрел на отца, а в голове у него крутились отрывочные воспоминания детства — в случайной последовательности и никак между собой не связанные, не считая того, что они все сохранились в памяти.

Потом он поставил стул у двери, чуть приоткрыл ее и стал ждать.

---

[21] Примечания: 21

«Се о хёр» — один из крупнейших норвежских еженедельных иллюстрированных журналов.

Только спустя полчаса он увидел, как тот человек вышел из холла и пошел по коридору. Плотный, маленького роста и с невероятно кривыми ногами — казалось, он идет, зажав между коленками надувной матрас. Прежде чем зайти в дверь с понятным всем в мире обозначением мужского туалета, он подтянул ремень. Как будто на нем висело что-то тяжелое.

Харри встал и последовал за ним.

Остановился перед туалетом и вздохнул. Давно это было. Потом толкнул дверь и скользнул внутрь.

Туалет был, как и сама Государственная больница, чистый, нарядный, новый и грандиозных размеров. Вдоль одной стены шли в ряд шесть закрывающихся кабинок, все свободные. На торцевой стене — четыре раковины, а напротив кабинок — четыре фарфоровых писсуара на уровне бедер. Мужчина стоял у одного из них, спиной к Харри. Над его головой по стене проходила водопроводная труба, на вид крепкая. Достаточно крепкая. Харри вытащил пистолет и наручники. Международный этикет запрещает смотреть друг на друга в мужском туалете. За такой взгляд, даже случайный, могут убить. Поэтому незнакомец не обернулся, чтобы взглянуть

на Харри. Даже когда Харри с огромной осторожностью защелкнул замок входной двери, даже когда он тихо приблизился, даже когда приставил пистолет к жирной складке там, где загривок переходит в шею, и прошептал то, что, по словам одного из коллег, полицейский должен иметь право произнести хотя бы раз за свою карьеру:

— Freeze[22].

Именно это незнакомец и сделал. Харри увидел, как чисто выбритая складка покрылась гусиной кожей.

— Hands up[23].

Мужчина поднял над головой короткие, мощные руки. Харри склонился к нему. И тут же понял, что свалял дурака. Реакция у незнакомца оказалась молниеносная. На тренировках, отрабатывая приемы рукопашного боя, Харри усвоил, что умение принимать удар не менее важно, чем умение его наносить. Задача заключается в том, чтобы расслабить мышцы, успев понять, что удара не избежать и надо его смягчить. И когда незнакомец вывернулся, гибкий как танцовщица, с поднятым вверх коленом, Харри в

---

[22] Примечания: 22
Здесь: застынь *(англ.).*

[23] Примечания: 23
Руки вверх *(англ.).*

точности повторил его движение. Ему почти удалось переместить тело в том же направлении, в котором последовал удар. Но все равно мужчина сумел пнуть его в бедро. Харри потерял равновесие, упал и перекатился на спину по гладкому кафельному полу — туда, где он был вне зоны досягаемости. Там и остался, вздохнул и посмотрел в потолок, извлекая из кармана пачку сигарет. Потом сунул в рот сигарету.

— Speedcuffing[24], — произнес он. — Я этому научился на курсах ФБР в Чикаго. Кабрини-Грин, та еще ночлежка. Если ты белый, то по вечерам тебе просто нечем заняться — иначе нападут и ограбят, не успеешь выйти из дома. Так что я сидел дома и отрабатывал две вещи. Разряжать и заряжать служебный пистолет в темноте на скорость. И защелкивать наручники на ножке стола.

Харри приподнялся на локтях.

Незнакомец по-прежнему стоял, подняв руки над головой. Потому что они были надежно прикованы наручниками к водопроводной трубе. Он смотрел на Харри без всякого выражения на лице.

---

[24] Примечания: 24
Скоростное защелкивание наручников *(англ.)*.

— Mister Kluit sent you?[25] — поинтересовался Харри.

Немигающий взгляд в ответ.

— The Triade. I've paid my debts, haven't you heard?[26]

Харри внимательно посмотрел на ничего не выражающее лицо мужчины. Мимика — точнее, ее отсутствие, — возможно, и напоминала азиатскую, но у китайцев ни овал лица не такой, ни цвет кожи. Монгол, что ли?

— So what do you want from me?[27]

Ответа не последовало. Это скверно, потому что, вероятнее всего, означает: мужчина явился не для того, чтобы что-то требовать. А для того, чтобы что-то сделать.

Харри встал и обошел его полукругом, чтобы подобраться сбоку. Приставив револьвер к виску незнакомца, он засунул левую руку в карман его пиджака. Прежде чем наткнуться на бумажник и вытащить его, пальцы ощутили холод револьверной стали.

---

[25] Примечания: 25
Тебя послал мистер Клюйт? *(англ.)*

[26] Примечания: 26
Триада. А я уже заплатил долги, ты разве не слышал? *(англ.)*

[27] Примечания: 27
Ну так что тебе от меня нужно? *(англ.)*

Харри отступил на три шага.

— Let's see… mister Jussi Kolkka. — Харри поднес кредитку «Американ экспресс» к свету. — Finnish?[28] Финн? Тогда, может, ты норвежский понимаешь?

И снова не получил ответа.

— Ты бывший полицейский, да? Когда я видел тебя в зале прилета в Гардермуэне, я подумал, ты из наркоотдела. Откуда ты узнал, что я прилетел именно этим рейсом, Юсси? Ничего, что я с тобой так запросто — Юсси? По-моему, это более естественно — обращаться на «ты» и по имени к парню, который стоит перед тобой, вывесив член наружу.

В ответ послышалось харканье, и вылетевший плевок, вращаясь в воздухе, угодил Харри в грудь.

Харри скосил глаза на свою майку. Черный от жевательного табака плевок перечеркнул на ней букву О, так что на майке теперь было написано «Snow Patrøl».

— Норвежский, значит, понимаешь, — констатировал Харри. — Ну и на кого ты работаешь, Юсси? И чего тебе надо?

---

[28] Примечания: 28

Ну-ка, посмотрим. Мистер Юсси Колкка. Финн? *(англ.)*

На лице Юсси не дрогнул ни один мускул. Кто-то в коридоре взялся за ручку двери, попытался открыть, выругался и ушел.

Харри вздохнул. Потом поднял пистолет — теперь тот был на одном уровне со лбом финна — и начал взводить курок.

— Ты, наверное, думаешь, что я обычный вменяемый человек, Юсси? Ну послушай, насколько я вменяемый. Мой беспомощный отец валяется тут на больничной койке, ты об этом узнал, и у меня появилась проблема. И ее можно решить только одним способом. К счастью, ты вооружен, значит, я могу сообщить полиции, что это была просто самооборона.

Харри отвел курок еще дальше. И почувствовал, как к горлу подступает знакомая тошнота.

— Крипос.

Харри зафиксировал курок:

— Repeat?[29]

— Я из Крипоса. — Юсси выдавил из себя фразу по-шведски с тем финским акцентом, который так любят воспроизводить рассказчики анекдотов на норвежских свадьбах.

Харри вытащил из бумажника удостоверение

---

[29] Примечания: 29
Повтори? *(англ.)*

и недоуменно уставился на него. В самом деле, мужчина, стоящий перед Харри, состоял в штате норвежской криминальной полиции — Крипос, центральной службе со штабом в Осло, которая курировала, а как правило, и осуществляла расследование убийств по всей стране.

— Какого черта от меня нужно Крипосу, интересно знать?

— Бельмана спроси.

— А кто такой Бельман?

Финн издал какой-то короткий звук, не то кашель, не то смех:

— Комиссар Бельман, чтоб ты знал, бедняжка. Мой шеф. А сейчас сними с меня наручники, cute boy[30].

— Черт, — выругался Харри и вновь взглянул на удостоверение. — Черт, черт.

Он бросил бумажник на пол и поддал его ногой к двери.

— Эй, алло, послушай!..

Крик финна затих за спиной. Харри захлопнул дверь и пошел по коридору к выходу. Встреченный им медбрат, тот самый, что заходил к отцу, улыбнулся и кивнул, поравнявшись с Харри. Тот

---

[30] Примечания: 30
Красавчик *(англ.)*.

бросил ему ключик от наручников.

— Там у вас в сортире какой-то эксгибиционист, Алтман.

Медбрат машинально поймал ключ обеими руками. Идя к выходу, Харри почувствовал на себе его недоумевающий взгляд.

Глава 9
Пропасть

Было без четверти одиннадцать вечера. Девять градусов тепла, и Марит Ульсен вспомнила, что, если верить прогнозу погоды, завтра будет еще теплее. Во Фрогнер-парке не видно ни души. Что-то в открытом бассейне перед ней заставило ее подумать о судах на приколе, о покинутых жителями рыбацких поселках, где ветер свистит в стенах домов, и о закрытых на зиму парках аттракционов. Отрывочные воспоминания из детства. Точно утонувшие рыбаки, появлявшиеся на Трондхольме, что по ночам выходили из моря с водорослями на голове и мелкими рыбешками во рту и ноздрях. Призраки, которые не дышали, но иногда издавали хриплые, холодные чаячьи крики. Мертвецы с размокшими, раздувшимися конечностями, они застревали в ветках прибрежных кустов, но все равно с треском ломились вперед, по направлению к одинокому дому на Трондхольме. На острове, где жили бабушка и дедушка. Где она сама лежала в детской и дрожала от страха. Марит Ульсен дышала. Все еще

дышала.

Внизу было безветренно, зато здесь, наверху, на десятиметровой вышке для прыжков в воду, порывы ветра ощущались очень сильно. Марит чувствовала, как стучит у нее в висках, в горле, в промежности, в каждой клеточке ее тела пульсировала кровь, свежая и живительная. Как прекрасно жить. Поднявшись по всем ступенькам лестницы на вышку, она даже почти не запыхалась, она только чувствовала, как колотится сердце, эта верная мышца. Марит посмотрела вниз, в пустой бассейн. Лунный свет придавал ему почти неестественный голубоватый оттенок. На часах в другом конце бассейна стрелки застыли на десяти минутах шестого. Время остановилось. Она могла слышать город, видеть огоньки машин на Киркевейен. Так близко и тем не менее так далеко. Слишком далеко, чтобы кто-то мог ее услышать.

Она дышала. Но все равно что умерла. Вокруг ее шеи была намотана веревка, толстая как канат, Марит могла слышать крики чаек, привидений, к которым ей вскоре суждено присоединиться. Но о смерти она не думала. Она думала о жизни, о том, с каким удовольствием теперь стала бы жить. Думала обо всех больших и маленьких де-

лах, которые бы она сделала. Она бы отправилась в страны, которых никогда не видела, смотрела бы, как взрослеют ее племянники, увидела бы, что мир наконец одумался.

Сначала был нож, лезвие, блеснувшее в свете уличных фонарей, приставленное к ее горлу. Говорят, страх придает силы. У нее он все силы украл. Мысль о стали, которая будет кромсать ее тело, превратила Марит в дрожащую безвольную тряпку. И когда он приказал ей перелезть через забор, она не смогла — упала и осталась лежать, как мешок, лежала, а по щекам ее текли слезы. Потому что она знала, что произойдет дальше. И что она не сможет этому помешать, что будет делать все, только чтобы ее не резали этим ножом. Потому что ей так хочется пожить хоть немного еще. Еще несколько лет, еще несколько минут — та же арифметика, та же слепая, безумная логика, которая движет всеми людьми.

Марит заговорила, она хотела объяснить, что не может перелезть через забор, она забыла, что ей было приказано молчать. Нож ужалил ее, как змея, заполз ей в рот, повернулся так, что хрустнули зубы, а потом его вытащили. Кровь хлынула сразу. Человек что-то прошептал из-под маски, а потом пинками погнал ее вдоль забора. К месту

за кустами, где в заборе была дырка, в которую он ее и протолкнул.

Марит Ульсен проглотила кровь, по-прежнему наполнявшую ее рот, и посмотрела на трибуны внизу. Они тоже словно купались в синем свете луны. Такие пустые, это закрытый судебный процесс, без публики и присяжных, только судья. Казнь без зевак, один лишь палач. Последнее выступление перед публикой, которое никто не удостоил своим присутствием. Марит Ульсен подумала, что в смерти ей, как и в жизни, не хватает популярности. А сейчас она и говорить не могла.

— Прыгай.

Она видела, как красив парк, даже сейчас, зимой. Ей хотелось, чтобы часы в дальнем конце плавательного бассейна шли и она могла бы видеть секунды жизни, которые ей удалось сейчас украсть.

— Прыгай, — повторил голос.

Должно быть, он снял с себя маску, потому что голос изменился, и Марит узнала его. Она обернулась и потрясенно уставилась на него. И почувствовала удар ногой в спину. Она закричала. Она больше не чувствовала опору под ногами, на какое-то мгновение став невесомой. Но земля тянула к себе, тело ускорило падение, и Марит

успела заметить, как стремительно приближаются бело-синие фарфоровые плитки бассейна; еще мгновение — и она размозжит о них голову.

На высоте трех метров над дном бассейна веревка, обмотанная вокруг шеи Марит Ульсен, натянулась. Это была старинная веревка, сплетенная из лыка липы и вяза, такие не растягиваются. Большое тело Марит Ульсен нимало не замедлило падения и, оторвавшись от головы, глухо ударилось о дно бассейна для прыжков в воду. А голова и шея остались висеть на веревке. Крови было немного. Потом голова выскользнула из петли, упала на синий спортивный костюм Марит Ульсен и, стуча, покатилась по плиткам.

А потом в бассейне снова стало тихо.

Часть вторая

Глава 10
Самоедство

Было три часа ночи, когда Харри отказался от идеи заснуть и встал.

Он включил кран в кухне и, подставив под струю стакан, держал его там, пока вода не стала переливаться через край, холодя запястье. Скула болела. Он не отрываясь смотрел на две фотографии, прикрепленные над разделочным столом.

На одной фотографии, с неряшливыми полосками от сгиба, была Ракель в голубом летнем платье. Но, судя по осенним цветам листвы, снимок был сделан не летом. Ее черные волосы ниспадали на открытые плечи. Взгляд словно искал кого-то по ту сторону объектива — возможно, фотографа. Может, это он сам ее фотографировал? Странно, что он не помнит.

На другом снимке был Олег. Харри снимал его на мобильный телефон на «Валле Ховине»[31] во время тренировки конькобежцев прошлой зимой. Олег был тогда еще совсем тощий мальчишка, но если бы он продолжил тренироваться,

---

[31] Примечания: 31
«Валле Ховин» — ледовый стадион в Осло.

то красная трикотажная форма вскоре сидела бы на нем как влитая. Что-то он сейчас поделывает? Где он вообще? Смогла ли Ракель создать для него дом там, где они сейчас, дом, в котором они могут чувствовать себя в большей безопасности, чем здесь, в Осло? Появились ли в их жизни какие-то новые люди? Называет ли Олег его хоть иногда по-прежнему папой, когда забудется или устанет?

Харри закрыл кран. Коленка уперлась в дверцу мойки. С той стороны дверцы шепотом звал «Джим Бим».

Харри натянул брюки и майку, вошел в гостиную и включил «Kind of Blue» Майлза Дэвиса. Это был оригинал записи, еще до обработки, — записывающее оборудование в студии работало с легким отставанием, что придавало звучанию оттенок нереальности.

Харри немного послушал, потом прибавил звук, чтобы заглушить этот шепот с кухни. Закрыл глаза.

Крипос. Бельман.

Он никогда не слышал это имя. Конечно, он мог бы позвонить Хагену и справиться, но был не в силах. Поскольку догадывался, что услышит. Пусть все остается как есть.

Харри дослушал до последней песни, «Flamenco Sketches», и сдался. Поднялся и пошел из гостиной в коридор. В коридоре повернул налево, сунул ноги в «мартенсы» и вышел на улицу.

Он нашел папку под дырявым мусорным пакетом. Всю ее обложку покрывало нечто похожее на застывший гороховый суп.

Харри уселся в удобное зеленое кресло с подголовником и, дрожа от холода, принялся за чтение.

Первую женщину звали Боргни Стем-Мюре, тридцати трех лет, родом из Левангера. Одинокая, бездетная, проживала в районе Сагене в Осло. Работала стилистом, имела большой круг общения, особенно среди парикмахеров, фотографов и журналистов из модной прессы. Часто ходила по ресторанам, и не только самым «правильным». Помимо этого, любила природу и загородные прогулки — как пешком, так и на лыжах.

«Она все равно отчасти оставалась девушкой из Левангера», — было написано в рапорте после допросов ее коллег. Харри подумал, что наверняка это мнение тех коллег, которым, на их взгляд, удалось истребить в себе все, что выдавало их собственное провинциальное происхождение.

«Мы все ее любили, она была одной из немно-

гих настоящих профи в этом бизнесе».

«Это просто непостижимо, мы не понимаем, кому могло прийти в голову ее убить».

«Она была слишком послушной. И рано или поздно все мужчины, которые ей нравились, этим пользовались. Она становилась для них игрушкой. Проще говоря, она высоко метила».

Харри взглянул на снимок. Единственный, на котором она еще живая. Блондинка, может быть крашеная. Стандартная красотка, но не красавица, Обычная, хорошенькая, одета в экстравагантную камуфляжную куртку и кепку. Экстравагантность и покорность — как это вяжется одно с другим?

Она находилась в музыкальном кафе «Моно», где была небольшая вечеринка по случаю презентации и «первого чтения» очередного выпуска модного журнала «Шенесс». Дело было между семью и восемью часами, и Боргни сказала коллеге-подруге, что собирается домой, надо подготовиться к завтрашней фотосессии, участники которой, по задумке фотографа, должны быть одеты в духе «торчок встречает панка, как это было в восьмидесятых».

Предполагалось, что она дойдет до ближайшей стоянки такси, но никто из таксистов, находив-

шихся в тот момент поблизости (компьютерная распечатка из «Норгестакси» и «Ослотакси» прилагается) и видевших ее фотографию, не видел Боргни Стем-Мюре и не вез пассажиров в Сагене. Короче говоря, после того как она ушла из «Моно», ее не видел никто. До того самого момента, когда двое каменщиков-поляков не пришли на работу, не увидели, что замок на железной двери, ведущей в подвал, срезан, и не вошли внутрь. Боргни лежала на полу посреди помещения в неестественной позе и полностью одетая.

Харри посмотрел на фотографию. Та же камуфляжная куртка. Лицо выглядело так, словно на него нанесли слой белого грима. Вспышка фотоаппарата резко высвечивала стены подвала. Экстравагантная фотосессия.

Судебный медик без колебаний констатировал, что смерть Боргни Стем-Мюре наступила между 22.00 и 23.00. В крови были обнаружены следы вещества под названием кетаномин, сильного анестетика, который действует быстро, даже если вводится внутримышечно. Но непосредственно смерть наступила оттого, что умершая захлебнулась кровью, вытекшей из ран во рту. Именно здесь и начиналось самое удивительное. Во рту судебный медик обнаружил двадцать четыре

колотые раны, расположенные симметрично и, если не считать сквозных на лице, имеющие равную глубину — семь сантиметров. Никаких предположений о том, каким оружием или инструментом раны могли быть нанесены, у дознавателей нет. Они просто-напросто никогда не видели ничего подобного. Технических улик ровным счетом никаких: ни отпечатков пальцев, ни ДНК, даже следов ботинок или сапог, поскольку бетонный пол днем раньше тщательно отмыли, там собирались класть пол с системой подогрева. В рапорте Кима Эрика Локкера, эксперта-криминалиста, который, очевидно, поступил на работу уже после ухода Харри, была фотография двух черно-серых мелких камушков, найденных на полу и не похожих на гравий вокруг места преступления. Локкер обращает внимание на то, что мелкие камушки нередко намертво застревают в толстой подошве обуви при ходьбе по твердой поверхности, такой как этот бетонный пол. Еще он отмечает, что эти камушки довольно необычные и что если по ходу расследования где-то появятся такие же, например на какой-нибудь гравийной дорожке, то, возможно, они окажутся оттуда. К рапорту приложено дополнение, уже после подписи и даты: на внутренней стороне одного из

двух коренных зубов обнаружены незначительные следы железа и колтана.

Харри уже знал, что будет дальше. Он продолжил чтение.

Другую девушку звали Шарлотта Лолле. Отец француз, мать норвежка. Место жительства — Ламберсетер в Осло. Двадцать девять лет. По образованию юрист. Жила одна, имела бойфренда, но он — некто Эрик Фоккестад — вне подозрений, он находился на геологическом семинаре в Йеллоустоунском национальном парке в Вайоминге, США. Шарлотта должна была отправиться вместе с ним, но она тогда разбирала серьезный имущественный спор по поводу недвижимости и предпочла остаться.

В последний раз коллеги видели ее на работе во вторник вечером, часов в девять. Вероятно, до дома она так и не добралась, кейс с документами по делу был обнаружен рядом с трупом за брошенным автомобилем на опушке леса в Маридалене. Ни одна из сторон имущественного спора, кстати, тоже не попадает под подозрение. Согласно рапорту о вскрытии, под ногтями Шарлотты Лолле были обнаружены частицы автомобильного лака и ржавчины, это соответствует описанию места преступления, где говорится о царапинах вокруг

замка на крышке багажника, словно бы девушка пыталась ее поднять. Более тщательный осмотр замка, однако, показал, что его открывали по меньшей мере один раз. Но вряд ли это сделала Шарлотта Лолле. Харри отметил для себя, что она наверняка была прикована к чему-то лежащему в багажнике, что именно поэтому она пыталась его открыть. К чему-то, что убийца потом унес с собой. Но что? Как? И почему?

Цитата в протоколе допроса, говорит сотрудница той же адвокатской конторы: «Шарлотта была девушка амбициозная, она всегда работала допоздна. Хотя не знаю, насколько эффективно. Всегда приветливая, но вовсе не такая общительная, как могло показаться из-за ее улыбчивости и южной внешности. Так сказать, вещь в себе. Например, она очень редко что-то рассказывала о своем парне. Но начальству она нравилась».

Харри так и видел перед собой эту сцену: коллега посвящает Шарлотту в одну интимную подробность своей личной жизни за другой, не получая в ответ ничего, кроме улыбки. В его мозгу следователя словно включился автопилот: а вдруг Шарлотта скрывала, что состоит в каком-то тайном женском монашеском ордене, может, ей было что скрывать. Может…

Харри посмотрел на фотографию. Черты лица чуть резковатые, но красивые. Темные глаза, как у… черт! Он прикрыл глаза. Снова открыл. Пролистал дальше, до рапорта судмедэксперта. Взгляд его скользнул вниз по странице.

Ему пришлось вновь вернуться к самому верху страницы, чтобы убедиться, что там стоит имя Шарлотты, что он не читает рапорт о Боргни еще раз. Обезболивающее средство. Двадцать четыре раны во рту. Захлебнулась. Других следов насильственной смерти нет, сексуальному насилию также не подверглась. Единственное различие состояло во времени смерти, между двадцатью тремя часами и полуночью. Но и в этом рапорте есть дополнение о том, что на одном из зубов жертвы обнаружены следы железа и колтана. Вероятно, потому что криминалистический отдел, поразмыслив, решил, что, пожалуй, это важно, поскольку отмечено в обоих случаях. Колтан. Разве не из него был сделан Терминатор Шварценеггера?

Харри отметил, что ему совершенно не хочется спать, что он сидит на краю стула. Его била дрожь, он ощущал невероятное волнение. И тошноту. Такое бывает, когда выпиваешь первую рюмку, ту, от которой сжимается желудок, потому что

организм ее отчаянно отвергает. А потом просит еще и еще. Все больше и больше. Пока ты сам не пропадешь и все вокруг тебя не пропадет. Вот и сейчас. Харри вскочил так резко, что у него потемнело в глазах, и схватил папку; он понимал, что она слишком толстая, но все равно ему удалось разорвать ее пополам.

Он собрал остатки бумаги и снова понес их к мусорному контейнеру. Бросил в контейнер, приподняв пластиковые мешки с мусором, чтобы материалы дела беспрепятственно провалились на самое дно. А завтра приедет мусорная машина, ну или послезавтра.

Харри вернулся в дом и вновь уселся на стул.

Когда ночь за окном стала серой, он услышал первые звуки просыпающегося города. Но за ровным гулом утренней автомобильной пробки на Пилестредет он расслышал далекий и тонкий звук сирены полицейского автомобиля. Это могло означать все, что угодно. И еще кое-что. Не все, что угодно.

Зазвонил телефон.

Харри поднял трубку.

— Это Хаген. Нам только что сооб…

Харри положил трубку.

Телефон зазвонил снова. Харри выглянул в

окно. Сестрёнышу он еще не звонил. А почему? Потому что не хотел показываться младшей сестре — своей самой рьяной и самой безоглядной почитательнице? Той, у которой был, как она сама говорила, «намек на синдром Дауна» и которая тем не менее справлялась с житейскими невзгодами гораздо лучше, чем он сам. Она была единственным человеком, разочаровать которого он не мог себе позволить.

Телефон замолчал. И снова зазвонил.

Харри схватил трубку:

— Нет, шеф. Мой ответ — нет. Я не буду этим заниматься.

На другом конце провода на секунду стало тихо. А потом незнакомый голос произнес:

— Это из Энергетической компании Осло. Господин Холе?

Харри выругался про себя.

— Слушаю вас.

— Вы не оплатили счета, которые мы вам направляли, вы также никак не отреагировали на наше предупреждение. Я звоню сообщить вам, что сегодня с двенадцати часов мы отключаем электричество в вашей квартире по адресу Софиес-гате, пять.

Харри молчал.

— Электричество будет включено вновь, как только на наш счет будет переведена соответствующая сумма.

— И она составляет?..

— Учитывая проценты, пени и плату за отключение, она составляет четырнадцать тысяч четыреста шестьдесят три кроны.

Пауза.

— Вы слушаете?

— Да, я слышу. У меня сейчас нет таких денег.

— Недостающая сумма будет взыскана по суду. Надеемся, температура на улице не опустится ниже нуля. Или как?

— Или как, — подтвердил Харри и положил трубку.

Звук сирены на улице стал громче, а потом пропал.

Харри снова лег. Четверть часа он лежал с закрытыми глазами, потом сдался, снова натянул на себя одежду и покинул квартиру, чтобы сесть на трамвай, идущий к Государственной больнице.

Глава 11
Распечатка

Когда я проснулся сегодня утром, я знал, что снова побывал там. Во сне все всегда бывает так: мы лежим на земле, кровь течет, а когда я поворачиваю голову, то вижу, что там стоит она и смотрит на нас. Она смотрит на меня с печалью во взоре, как будто она только сейчас поняла, кто я, разоблачила меня, увидела, что я не тот, кто ей нужен.

С аппетитом позавтракал. Под телетекст. «Тело женщины — депутата стортинга обнаружено во Фрогнер-парке в бассейне для прыжков в воду». Газетные сайты в Интернете переполнены информацией. Распечатать, вырезать, вырезать.

Скоро на главных страницах сайтов газет появится имя. До сих пор так называемое полицейское следствие было таким посмешищем, такой любительщиной, что скорее раздражало, чем захватывало. Но сейчас-то они подключат все свои ресурсы и перестанут играть в сыщиков, как в случаях с Боргни и Шарлоттой. Все же Марит Ульсен была депутатом стортинга. Пора

им браться за ум. Потому что я наметил себе новую жертву.

Глава 12
Место преступления

Харри стоял перед зданием больницы и курил. Небо над его головой было бледно-голубым, но город, лежащий под ним в котловине между низкими зелеными холмами, накрыло туманом. Харри вспомнилось детство в Уппсале, пригороде Осло, когда они с Эйстейном прогуливали первый урок в школе и отправлялись к немецким бункерам в Нурстранне. Оттуда они видели смог цвета горохового супа, застилавший центр столицы. Но с годами утренний смог постепенно покинул Осло, поскольку из города исчезла промышленность, а дровами топить перестали.

Харри раздавил окурок каблуком.

Улав Холе выглядел лучше. А может, просто другое освещение. Он спросил, почему Харри улыбается. И что стряслось с его скулой.

Харри сказал что-то насчет собственной неуклюжести, а про себя подумал: в каком же возрасте происходит эта перемена, когда дети начинают защищать родителей от действительности? С ним это, пожалуй, случилось лет в десять.

— У меня была твоя младшая сестра, — сказал отец.

— Как у нее дела?

— Хорошо. Когда она узнала, что ты вернулся, то сказала, что теперь ей надо о тебе заботиться. Потому что она теперь большая. А ты маленький.

— Ммм… Какая умная барышня. А как ты сегодня?

— Хорошо. Очень хорошо, правда. Думаю, что мне самое время отсюда выбираться.

Он улыбнулся, и Харри улыбнулся ему в ответ.

— А что говорят врачи?

Улав Холе по-прежнему улыбался:

— Чересчур много они говорят. Давай лучше о чем-нибудь другом.

— Ладно. О чем ты хочешь поговорить?

Улав Холе подумал.

— Я хочу поговорить о ней.

Харри кивнул. Он сидел молча и слушал о том, как встретились его отец и мать. Как они поженились. О том, как мать заболела, когда Харри был еще мальчишкой.

— Ингрид мне всегда помогала. Всегда. Но я так редко бывал ей нужен. До тех пор, пока она не заболела. Иногда мне приходило в голову, что ее болезнь была на самом деле чуть ли не благом.

Харри вздрогнул.

— В смысле, возможностью хоть как-то, чем-то отплатить, понимаешь? И я старался. Я делал все, о чем она просила. — Улав Холе пристально уставился на сына. — Все, Харри. Почти.

Харри кивнул.

Отец продолжал говорить. О Сестрёныше и Харри, какой хорошей и милой была Сестрёныш. И какая у Харри была невероятная сила воли. Что он боялся темноты, но никому не хотел об этом говорить, и когда они с матерью иногда подходили к его двери, то слышали, как он то плачет, то ругает невидимых чудовищ. Но войти в комнату и успокоить, утешить его родители не могли. Иначе он пришел бы в ярость и стал кричать, чтобы они убирались.

— Ты всегда считал, Харри, что сражаться с чудовищами надо только самому.

Улав Холе вновь пересказал старую историю про то, что Харри не говорил ни слова, пока ему не исполнилось почти пять лет. Но когда в один прекрасный день он заговорил, то фразы словно сами полились из него. Длинные, серьезные, со взрослыми словами. Родители недоумевали: откуда он их знает?

— Но Сестрёныш права, — улыбнулся отец. —

Ты снова стал маленьким. И почти перестал говорить.

— Ммм… Ты хочешь, чтобы я говорил?

Отец покачал головой:

— Ты уж лучше слушай. Но на сегодня довольно. Приходи как-нибудь еще.

Харри пожал левую руку отца своей правой и встал.

— Ничего, если я поживу в Уппсале пару дней?

— Спасибо, что сам предложил. Я не хотел тебя обременять, но ведь дому нужен присмотр.

Харри решил не уточнять, что в его собственной квартире собираются отключить электричество.

Отец позвонил, вошла молодая медсестра, обратилась к отцу по имени, невинно кокетничая с ним. А Харри отметил, что отец понизил голос, когда стал объяснять, что Харри нужно взять ключи от дома из чемодана, обратил внимание на то, как лежачий больной старик пытается распустить перед ней перья. И почему-то эти попытки не выглядели жалкими, казалось, так и должно быть.

Вместо прощания отец повторил:

— Все, о чем она меня просила. — И прошептал: — Кроме одного.

Пока медсестра вела Харри к комнате, где хра-

нились вещи пациентов, она сообщила, что с ним хочет поговорить врач. Харри нашел ключи в чемодане, а потом постучал в дверь, которую показала ему медсестра.

Врач кивком указал ему на стул, сам откинулся на спинку кресла и сложил ладони домиком.

— Хорошо, что вы вернулись домой. Мы пытались вас найти.

— Знаю.

— Рак распространился дальше.

Харри кивнул. Кто-то когда-то говорил, что в этом и состоит основное занятие раковых клеток — распространяться.

Врач изучающе посмотрел на него, словно размышляя, стоит ли сделать следующий шаг.

— Да, — произнес Харри.

— Да?

— Да, я готов услышать все остальное.

— Сейчас мы уже обычно не говорим, сколько, по нашему мнению, осталось пациенту. Потому что случаются ошибки, и вообще знать такие вещи — слишком тяжелый груз. Но я считаю, в данном случае будет корректным сказать, что он живет уже дольше, чем ему отпущено.

Харри кивнул. Посмотрел в окно. Туман там, внизу, был все таким же плотным.

— У вас есть мобильный, чтобы мы в случае чего могли вас найти?

Харри покачал головой. Внизу, из тумана, послышался звук сирены. Или ему показалось?

— Может, вы тогда скажете, кто мог бы вам сообщить?

Харри вновь покачал головой:

— Не беспокойтесь. Я буду сюда звонить и навещать его каждый день. Ладно?

Врач кивнул и посмотрел вслед Харри, когда тот вскочил и понесся к выходу.

Когда Харри добрался до Фрогнербадет, было уже девять. Территория самого Фрогнер-парка — полтысячи квадратных километров, но бассейн занимает только небольшую часть этой территории и к тому же обнесен забором, поэтому для полиции не составило труда оградить место происшествия. Они просто-напросто протянули ленту с внешней стороны забора и посадили полицейского у ворот, где продавались билеты в бассейн. Вся стая стервятников, криминальных обозревателей, уже слетелась, и сейчас они клекотали у входа, жаждая только одного: взглянуть на тело. Как-никак депутат стортинга, значит, общественность имеет право увидеть столь выдающийся труп.

В «Каффепикене» Харри взял чашку «американо». Столики у них стояли на улице весь февраль, и Харри уселся, закурил сигарету и стал разглядывать толпу перед входом в бассейн.

Какой-то мужчина опустился на соседний стул.

— Неужели сам Харри Холе? Где это вы пропадали?

Харри поднял глаза. Рогер Йендем, криминальный репортер из «Афтенпостен», тоже закурил и махнул рукой в сторону Фрогнер-парка:

— Наконец-то Марит Ульсен получила что хотела. К восьми вечера она станет звездой. Повеситься на вышке для прыжков во Фрогнербадет? Good career move[32]. — Он повернулся к Харри и скорчил рожу: — А что у вас со скулой? Выглядите паршиво.

Харри не ответил. Прихлебывал кофе и ничего не делал, чтобы прервать болезненную паузу, надеясь — совершенно напрасно, — что журналист поймет, что его общество нежелательно. Из тумана над ними послышалось хлопанье — звук вертолетного винта. Рогер Йендем прищурился и посмотрел вверх.

---

[32] Примечания: 32
Неплохой карьерный взлет *(англ.)*.

— Наверняка «Верденс ганг»[33], это совершенно в их духе — нанять вертолет. Надеюсь, туман не рассеется.

— Ну… Значит, лучше, чтобы никто не увидел фотографии, только бы их не сделала «Верденс ганг»?

— Ясное дело! А вам что-то уже известно?

— Да уж явно поменьше, чем вам, — ответил Харри. — Тело нашел один из смотрителей на рассвете и сразу же позвонил в полицию. А вы что знаете?

— Голова оторвана полностью. Похоже на то, что мадам сиганула с самого верха вышки с веревкой вокруг шеи. А была не худенькая… Весовая категория до ста пятидесяти кило. На заборе нашли нитки, возможно из ее спортивного костюма. И решили, что именно там она и перелезла. Никаких других следов не нашли, поэтому они думают, что она была одна.

Харри глубоко затянулся. «Голова оторвана полностью». Ох уж эти журналисты! Они и говорят, как пишут, — в порядке, обратном логическому, или, как они сами выражаются, начиная с ударной новости.

---

[33] Примечания: 33

«Верденс ганг», как и «Афтенпостен», — крупнейшая норвежская ежедневная газ пациенту ета.

— И что, это случилось ночью? — закинул удочку Харри.

— Или вчера вечером. По словам мужа Марит Ульсен, она без четверти десять ушла из дома на пробежку. Как обычно.

— Поздновато для пробежек.

— Судя по всему, она бегала именно в это время. Хотела быть в парке одна.

— Ммм…

— Я, кстати, пытался найти смотрителя, который ее обнаружил.

— Зачем?

Йендем с удивлением посмотрел на Харри:

— Ясное дело: чтобы получить информацию из первых рук.

— Ясное дело, — повторил Харри и затянулся.

— Но он, похоже, ото всех спрятался, его нет ни здесь, ни дома. Наверняка все еще в шоке, бедняга.

— Ну уж! Ведь он не в первый раз находит труп в бассейне. Думаю, это руководители следствия позаботились, чтобы не дать вам этого смотрителя на растерзание.

— Не в первый раз? Что вы имеете в виду?

Харри пожал плечами:

— Меня сюда уже вызывали пару раз. Из-за

мальчишек, которые как-то забрались сюда ночью. Один раз было самоубийство, другой — несчастный случай. Четверо приятелей возвращались с вечеринки домой и решили по пьяному делу малость поразвлечься — посмотреть, у кого хватит духа ближе всех подойти к краю вышки. Тому, кто встал на самый край, было девятнадцать. А самый старший из них был его родной брат.

— Вот черт, — произнес Йендем принужденным тоном.

Харри взглянул на часы, как будто куда-то спешил.

— Ничего себе веревка была, наверное, — заметил Йендем. — Раз — и головы нет. Слышали о чем-нибудь подобном?

— Том Кетчум, — ответил Харри, залпом допил остатки кофе и встал.

— Кетчуп?

— Кетчум. Банда «Hole in the Wall»[34]. Повешен в Нью-Мексико в тысяча девятьсот первом. Самая обычная виселица, только веревка чересчур длинная была.

— Ой. И насколько длинная?

---

[34] Примечания: 34

«Дырка в стене» *(англ.)* — банда, в которую входил Том Кетчум, известный как Блэк-Джек Кетчум.

— Чуть больше двух метров.

— Всего-то? Наверное, он был поперек себя шире.

— Отнюдь. Это я к тому, как просто, оказывается, потерять голову, правда?

Йендем что-то прокричал вслед, но Харри не расслышал. Он пересек парковку с северной стороны бассейна, прошел по парку и повернул налево, через мост по направлению к главному входу. Забор везде был два с половиной метра в высоту. «Весовая категория до ста пятидесяти кило». Может, Марит Ульсен и пыталась перелезть, но вряд ли смогла это сделать самостоятельно.

Перейдя мост, Харри повернул налево и снова подошел к бассейну с другой стороны. Он перешагнул через оранжевую ленту полицейского ограждения и остановился на вершине склона перед зарослями кустарника. За последние годы Харри забыл очень много всего. Но что-то все равно упрямо сидело в голове. Он по-прежнему помнил имена тех четырех мальчишек с вышки для прыжков. И взгляд старшего брата, обращенный в тысячеметровое никуда, когда парень лишенным всякого выражения голосом отвечал на вопросы Харри. И его руку, которая указывала на место, где они пролезли в бассейн.

Осторожно ступая, чтобы не уничтожить возможные следы, Харри отогнул ветки кустарника. Похоже, служба паркового хозяйства Осло поставила перед собой неподъемные планы — если она их вообще перед собой ставит. Как бы то ни было, дырка в сетке забора по-прежнему на месте.

Харри присел на корточки и стал внимательно осматривать острые концы проволоки. Увидел темные нитки. Как будто кто-то не проскользнул, а с силой протиснулся в дырку. Или же его протолкнули. Он поискал другие следы. На самом верху дырки он увидел длинную черную шерстяную нитку. Высота у дырки была приличная — надо выпрямиться в полный рост, чтобы коснуться головой ее верхнего края. Головой. Шерсть — значит, вязаная шапка. Интересно, Марит Ульсен носила шерстяную шапку? По словам Рогера Йендема, Марит Ульсен вышла из дома без четверти десять, чтобы побегать в парке. Как обычно, так он сказал.

Харри попытался вызвать перед собой мысленную картинку. Необычно теплый вечер в парке. Полная, потеющая женщина бежит трусцой. Никакой шерстяной шапки на ней он не увидел. И вообще ни на ком. Потому что было совсем не так холодно. Может быть, этот человек не хотел,

чтобы его заметили или узнали? Черная шерстяная шапочка. Возможно, лыжная маска.

Он осторожно вышел из кустарника.

Как они подошли, он не слышал.

В руке у одного из мужчин был пистолет — вероятнее всего, «штейр», австрийский, полуавтоматический. Направленный на Харри. Держал пистолет блондин с открытым ртом и выдающейся нижней челюстью, а когда он вдобавок ко всему издал хрюкающий смешок, Харри тут же вспомнил прозвище Трульса Бернтсена из Крипоса. Бивис. Как в мультсериале про Бивиса и Батхеда.

Другой мужчина был маленький, на редкость кривоногий и держал руки в карманах пальто, прикрывающего собой, как уже было известно Харри, огнестрельное оружие и удостоверение Крипоса на имя, похожее на финское. Но внимание Харри привлек третий мужчина, одетый в серый элегантный плащ. Он стоял немного в стороне, слева от своих спутников, но было что-то в позах и жестах Бивиса и финна, в том, как оба поглядывали то на Харри, то на этого третьего, говорящее, что они — его продолжение, словно на самом деле пистолет держит этот мужчина. Больше всего Харри поразила в незнакомце

даже не его почти женственная красота. Не то что и верхние, и нижние ресницы были такими длинными, что казалось, он их красит тушью. Не красивые очертания носа, подбородка и щек. Не волосы — густые, темные, с проседью, хорошо подстриженные и гораздо длиннее, чем предписывалось принятыми в ведомстве стандартами. И не множество мелких белых пятен на загорелой коже, будто после кислотного дождя. Харри поразила ненависть. Ненависть в устремленном на него взгляде незнакомца, ненависть такая сильная, что Харри показалось, что он физически ощущает ее, как что-то белое и тяжелое.

Мужчина ковырял в зубах зубочисткой. Голос его оказался выше и мягче, чем Харри мог ожидать.

— Вы проникли на территорию, которая перекрыта в интересах следствия, Холе.

— Бесспорный факт, — сказал Харри и оглянулся.

— Зачем?

Харри уставился на собеседника, перебирая в голове один вариант ответа за другим и отбрасывая неподходящие, пока не понял, что ответа у него просто нет.

— Вижу, вы меня знаете, — сказал Харри. — А с

кем я имею удовольствие разговаривать?

— Сомневаюсь, чтобы это кому-то из нас доставило особое удовольствие, Холе. Так что я предлагаю вам немедленно покинуть это место и никогда больше не показываться поблизости от мест преступлений, где работает Крипос. Понятно?

— Ладно. Понятно, хотя и не совсем. А что, если я мог бы оказать некоторую помощь полиции в случае с Марит Ульсен, подсказать…

— Единственное, чем вы осчастливили полицию, — это ваша плохая репутация, — перебил его мягкий голос. — По моим данным, вы — пьяница, злостный правонарушитель и просто вредное насекомое, Холе. Так что я бы вам советовал уползти немедленно под тот же камень, откуда вы выползли, — пока вас не раздавили каблуком.

Харри взглянул на мужчину и почувствовал, что и ум, и нутро подсказывают ему одно и то же: оставь, уходи. Крыть тебе нечем. Будь хитрее.

Быть бы и вправду хитрее — вот уж точно не повредило бы! Харри вытащил пачку сигарет.

— Это ты меня собрался раздавить, Бельман? Потому что ты ведь Бельман. Не так ли? Тот самый гений, который подослал ко мне эту мартышку

из сауны? — Харри кивнул на финна. — Судя по той попытке, ты не в состоянии раздавить каблуком и… и…

Харри лихорадочно искал сравнение, но оно никак не находилось. Чертова смена часовых поясов.

Бельман опередил его:

— Убирайся, Холе. — И указал большим пальцем назад, поверх плеча: — Давай-давай. И побыстрее.

— Я… — начал Харри.

— Ладно, — произнес Бельман и широко улыбнулся: — Ты арестован, Холе.

— Что?

— Тебя трижды предупредили, чтобы ты убрался с места происшествия, но ты не подчинился приказу. Руки за спину.

— Послушай! — рявкнул Харри, все больше ощущавший себя подопытной крысой в лабораторном лабиринте, чьи действия бесконечно предсказуемы. — Я хочу только…

Бернтсен, он же Бивис, дернул его за локоть так, что сигарета упала на влажную землю. Харри нагнулся, чтобы поднять ее, но от удара Юсси ногой в спину рухнул ничком. Ударился лбом и ощутил вкус земли и желчи. И услышал мягкий

голос Бельмана прямо над ухом:

— Ты оказываешь сопротивление при аресте, Холе. Я просил тебя завести руки за спину, разве не так? Просил тебя положить их сюда…

Бельман легко коснулся рукой зада Харри. Тот тяжело сопел, не шевелясь. Потому что прекрасно понимал, чего добивается Бельман. Сопротивление полиции. Два свидетеля. Статья 127-я. До пяти лет. Игра окончена. И хотя Харри это было совершенно ясно, он знал, что Бельман скоро добьется своего. Поэтому он сосредоточился на другом, абстрагировался от хрюкающего смеха Бивиса и одеколонного запаха Бельмана. Он думал о ней. О Ракели. Он завел руки за спину, поверх руки Бельмана, и повернул голову. Ветер наконец разогнал туман, и там, на фоне серого неба, белела изящная вышка для прыжков в воду. С переднего края ее платформы что-то свешивалось и качалось на ветру, возможно, это была веревка.

Мягко щелкнули наручники.

Бельман стоял на парковке у улицы Миддельтунс-гате и смотрел, как они отъезжают. Ветер трепал полы его плаща.

Дежурный в КПЗ читал газету и не сразу обратил внимание на то, что перед ним стоят трое.

— Привет, Туре, — произнес Харри. — Есть но-

мер для некурящих с приличным видом?

— Привет, Харри. Давненько не виделись. — Дежурный выудил ключ из шкафа у себя за спиной и протянул его Харри. — Сьют для молодоженов.

Харри видел, в какое замешательство пришел Туре, когда Бивис наклонился, выхватил ключ и рявкнул:

— Дед, он арестован.

Харри виновато смотрел на Туре, ощущая, как руки Юсси обшаривают карманы и извлекают оттуда ключи и бумажник.

— Будет здорово, если ты позвонишь Гуннару Хагену, Туре. Он…

Юсси дернул наручники так сильно, что металл врезался в кожу, и Харри заковылял задом наперед по направлению к предвариловке.

Они заперли его в маленькой камере два на полтора метра, потом Юсси пошел к Туре подписать бумаги, а Бивис остался стоять снаружи и смотрел на Харри в глазок. Харри видел, что он хочет что-то сказать, и ждал. И тот наконец выдал — голосом, дрожащим от плохо скрытой ярости:

— Ну, как ощущения? Такой был крутой, двух серийных убийц вычислил, и по телику тебя показывали и вообще. А теперь сам сидишь в трюме и в дверь пялишься!

— Ты чего такой злой, Бивис? — тихо поинтересовался Харри и закрыл глаза.

И почувствовал, что его качает, как будто он только что сошел на сушу после долгого путешествия по морю.

— Я не злой. Но уродов, которые пристреливают хороших полицейских, я просто терпеть ненавижу.

— Три ошибки в одном предложении, — заметил Харри и улегся на нары. — Во-первых, не «терпеть ненавижу», а просто «ненавижу», во-вторых, инспектор Волер не был хорошим полицейским, а в-третьих, я не стрелял, а оторвал ему руку. Вот здесь, у плеча. — И Харри показал где.

Бивис открыл рот и опять закрыл его, не сказав ни слова.

Харри снова прикрыл глаза.

Глава 13
Кабинет

Когда Харри снова открыл глаза, оказалось, что он пролежал на нарах в полицейской КПЗ уже два часа. Перед камерой стоял Гуннар Хаген и возился с ключами, пытаясь открыть дверь.

— Прости, Харри, я был на совещании.

— Да все в порядке, шеф, — успокоил его Харри, потянулся на нарах и зевнул. — Ну что, я теперь свободен?

— Я переговорил с полицейским прокурором[35], и он сказал, все в порядке. Предварительное заключение — это превентивная мера, а не арест. Слышал, что тебя сюда упекли двое парней из Крипоса. Что случилось?

— Надеюсь, это ты мне объяснишь.

— Я?

— Крипос следил за мной с того самого момента, как я приземлился в Осло.

— Крипос?

---

[35] Примечания: 35

В норвежской правоохранительной системе полицейские юристы (полицейский уполномоченный и полицейский прокурор) выдают ордера на арест, руководят следствием по уголовным делам и выступают на стороне обвинения на судебном процессе.

Харри сел на койке и провел рукой по волосам:

— Они вели меня до Государственной больницы. И арестовали на чисто формальных основаниях. Что происходит, шеф?

Хаген задрал подбородок и почесал шею.

— Черт, я должен был это предвидеть.

— Предвидеть что?

— Что возможна утечка. Насчет того, что мы пытаемся тебя разыскать. И что Бельман захочет этому помешать.

— А можно более подробно?

— Все это, как я тебе уже сказал, довольно сложно. В полиции идет сокращение и оптимизация. И дележка области компетенции. Убойный отдел с Крипосом давно не ладят. А есть ли в такой маленькой стране возможность содержать две параллельные структуры, занимающиеся одним и тем же делом, — еще вопрос. Спор разгорелся не на шутку, когда в Крипос пришел новый зам главного — некто Микаэль Бельман.

— Расскажи мне о нем.

— Бельман? После Полицейской академии совсем недолго проработал в Норвегии, а потом попал в Европол в Гааге. После чего вернулся домой эдаким вандербоем, которому другой дороги нет, кроме как вперед и выше. Шум начался

с самого первого дня, когда он захотел взять на работу своего бывшего коллегу из Европола, иностранца.

— Не финна, случайно?

Хаген кивнул:

— Юсси Колкку. Получил базовое полицейское образование в Финляндии, но такой квалификации недостаточно, чтобы работать полицейским в Норвегии. Профсоюз просто встал на дыбы. Ну, решение, конечно, нашли: Колкка был принят на работу временно, в рамках программы обмена. Следующим номером Бельман заявляет, дескать, правовые нормативы следует трактовать так: в случае громких убийств именно Крипос решает, кто будет ими заниматься — они сами или местное полицейское управление. А не наоборот.

— И?

— И это, конечно же, совершенно неприемлемо. У нас в Полицейском управлении — самый большой в стране убойный отдел, и мы сами должны иметь право решать, какие убийства в Осло нам расследовать, в каких случаях нам нужна помощь и что мы хотим отдавать на откуп Крипосу. Они вообще-то создавались, чтобы оказывать полицейским округам техническую помощь в расследовании убийств, но Бельман, ничтоже

сумняшеся, придал своему подразделению статус императорского. В дело втянули и Министерство юстиции. И там немедленно сообразили, что появился шанс сделать наконец то, от чего нам удавалось пока отбиваться: чтобы все убийства расследовались в одном месте. Наши возражения там просто не слышат — что возникает риск односторонности и бюрократического вырождения, что полицейские на местах лучше знают местные особенности, что они передают свои знания молодым, выращиваются новые кадры…

— Спасибо, но меня за это можно уже не агитировать.

Хаген поднял руку:

— Хорошо, но сейчас Министерство юстиции готовит представление…

— И?..

— Они говорят, надо быть прагматиками. Что речь идет о том, как наилучшим образом использовать имеющиеся скудные ресурсы. И если Крипосу удастся доказать, что они добиваются лучших результатов, когда им не надо оглядываться на местную полицию…

— …тогда — вся власть Брюну, — заметил Харри. — Бельману — большой кабинет, и прости-прощай убойный отдел?

Хаген пожал плечами:

— Что-то в этом духе. А когда был обнаружен труп Шарлотты Лолле позади этого «датсуна» и стало ясно, что общая картина очень схожа с убийством другой девушки в подвале новостройки, то мы просто столкнулись лбами. В Крипосе заявили, что, хотя трупы найдены в Осло, двойными убийствами занимается Крипос, а не полицейский округ Осло, и начали собственное расследование. Они поняли, что именно в этом деле решится вопрос, кого будет поддерживать министерство.

— Значит, придется управиться с делом раньше Крипоса?

— Я уже сказал, что все очень непросто. Крипос отказывается делиться с нами информацией, хотя они и топчутся на месте. Вместо этого они сбегали в министерство. Оттуда сразу звонок к нам, начальнику управления, мол, на их взгляд, было бы целесообразнее, чтобы дело вел Крипос, — пока не примут решение о разделении сфер ответственности в будущем.

Харри медленно покачал головой:

— Начинаю понимать. Вы в отчаянии.

— Не хотелось бы употреблять это слово.

— Вы отчаялись настолько, что даже откопа-

ли старого охотника за серийными убийцами Холе. Аутсайдера, которого больше нет в вашей зарплатной ведомости, но который мог бы тихо-спокойно расследовать это дело. И поэтому я никому не должен был говорить об этом.

Хаген вздохнул:

— Ну, очевидно, Бельман все равно это выяснил. И пустил за тобой хвост.

— Чтобы посмотреть, как вы игнорируете вежливую рекомендацию Минюста. Поймать меня с поличным, когда я читаю старые донесения или допрашиваю старых свидетелей.

— Или еще более эффективно: вывести тебя из игры. Бельман знает, достаточно одного-единственного неверного шага, единственного бокала пива на службе, единственного нарушения должностной инструкции, чтобы тебя отстранили.

— Хм… Или сопротивления при аресте. Он решил еще дальше пойти, этот козел.

— Я с ним поговорю. Он отстанет от тебя, когда я скажу, что ты все равно не захотел заниматься этим делом. Мы не втаптываем полицейских в грязь без особой необходимости. — Хаген взглянул на часы. — Ну, у меня работы полно, давай-ка побыстрее вытащим тебя отсюда.

Они вышли из КПЗ, перешли парковку и оста-

новились у входа в Полицейское управление — здание из стали и бетона, возвышающееся над парком. Рядом, как пуповиной связанные со зданием управления подземным туннелем, темнели серые крепостные стены Бутсена — окружной тюрьмы Осло. Ниже их в сторону фьорда и порта простирался район Грёнланн. Фасады были по-зимнему бледные и грязные, словно обсыпанные золой. Подъемные краны в порту виселицами вырисовывались на фоне неба.

— Не самое красивое зрелище, правда?

— Да уж, — согласился Харри и вздохнул.

— И все равно, что-то в этом городе есть.

Харри кивнул:

— Верно.

Они немного постояли, держа руки в карманах.

— Прохладно что-то, — произнес Харри.

— На самом деле нет.

— Ну, значит, мой термостат все еще настроен на Гонконг.

— Понятно.

— У тебя там наверху чашка кофе найдется? — Харри кивнул в сторону шестого этажа. — Хотя ты сказал, у тебя полно работы? Дело Марит Ульсен?

Хаген не ответил.

— Так, — подытожил Харри. — Значит, Бельман и Крипос и его себе заграбастали…

Идя по красной зоне шестого этажа, Харри то и дело отвечал на сдержанные приветственные кивки. Да, конечно, в этом здании он был легендой, но особой популярностью никогда не пользовался.

Они вошли в дверь, к которой был прикреплен лист А-4 с надписью: «I see dead people».

Хаген кашлянул:

— Пришлось отдать твой кабинет Магнусу Скарре, у нас тут такая теснота.

— Да ради бога, — произнес Харри.

На кухне для сотрудников они налили себе по бумажному стаканчику пресловутого местного кофе из кофеварки с фильтром.

В кабинете Хагена Харри уселся напротив письменного стола начальника — на стул, на котором ему так часто доводилось сиживать раньше.

— Я смотрю, он у тебя по-прежнему. — Харри кивнул на предмет на столе, на первый взгляд напоминающий белый восклицательный знак.

Человеческий палец. Харри знал, он принадлежал японскому командиру времен Второй мировой войны. Во время отступления командир

отрубил себе мизинец на глазах у своих солдат, прося прощения за то, что они не могут вернуться и забрать своих павших. Хаген любил использовать эту историю, когда объяснял подчиненным, руководителям среднего звена, что такое авторитет.

— А у тебя его по-прежнему нет. — Хаген кивнул на руку Харри, обхватившую стаканчик с кофе, на которой не хватало среднего пальца.

Харри кивнул и сделал глоток. Кофе был таким же, как и раньше. Расплавленный асфальт.

Харри сморщился.

— Мне нужна команда из трех человек.

Хаген медленно отхлебнул кофе и отставил стаканчик в сторону.

— Не больше?

— Ты всегда об этом спрашиваешь. Ты же знаешь, что я не работаю с большими группами.

— На этот раз я возражать не буду. Чем меньше людей, тем меньше у Крипоса и Минюста шансов разнюхать, что мы расследуем двойное убийство.

— Тройное, — поправил его Харри и зевнул.

— Да ладно, мы же не знаем, была ли Марит Ульсен…

— Женщина, одна, вечером, ее доставляют в

другое место, где лишают жизни необычным способом. И это третий случай в маленьком Осло. Тройное, уж поверь мне. Но сам знаешь: много нас или мало, придется хорошенько постараться, чтобы наши пути так или иначе не пересеклись с Крипосом.

— Да, — сказал Хаген. — Я это знаю. И поэтому у меня условие: если ваше расследование и выплывет наружу, то к нашему отделу это не будет иметь никакого отношения.

Харри прикрыл глаза. А Хаген продолжал:

— Мы, конечно, выразим сожаление по поводу того, что в дело оказались втянуты отдельные наши сотрудники, но четко дадим понять, что это просто известный игрок-одиночка Харри Холе начал расследование совершенно самостоятельно, без ведома руководства отдела. И ты эту версию подтвердишь.

Харри вновь открыл глаза и уставился на Хагена.

Хаген встретил его взгляд:

— Вопросы есть?

— Да.

— Пожалуйста.

— Где происходит утечка информации?

— Не понял?

— Кто информирует Бельмана?

Хаген пожал плечами:

— Мне не кажется, что он следит за нашими делами постоянно. А о том, как до тебя добраться, он мог узнать из самых разных источников.

— Я знаю, что Магнус Скарре любит трепать языком к месту и не к месту.

— Не спрашивай меня больше ни о чем, Харри.

— О'кей. Где оборудуем штаб-квартиру?

— Да, вот именно, вот именно. — Гуннар Хаген несколько раз кивнул, будто как раз об этом они уже говорили. — Что касается помещения…

— Ну?

— Я говорил, что тут все переполнено, так что надо найти что-то за пределами, но поблизости…

— Хорошо. Так где?

Хаген посмотрел в окно. На серые стены окружной тюрьмы.

— Шутишь, — сказал Харри.

Глава 14
Набор сотрудников

Бьёрн Хольм вошел в переговорную криминалистического отдела в Брюне. Солнце за окном уже приготовилось скрыться за фасадами домов и отдать город во власть вечерних сумерек. На парковке перед зданием было полно машин, а перед входом в Крипос на другой стороне улицы стоял белый автобус со спутниковой тарелкой на крыше и логотипом Норвежской телерадиовещательной компании на борту.

Единственным человеком в переговорной, помимо него, была его начальница Беата Лённ, исключительно бледная, хрупкая и тихая дама. Тому, кто не знал всего, могло показаться, что такой женщине непросто руководить целой оравой взрослых, очень профессиональных, самоуверенных экспертов-криминалистов, всегда имеющих свое особое мнение и не боящихся конфликтов. Но тому, кто знал все, было очевидно, что только она и могла с ними справляться. Не столько потому, что ее уважали за то, что она не сломалась, проводив на вечное дежурство

двух полицейских: сначала собственного отца, а потом и отца своего ребенка. А просто она была лучшей из них и излучала такую безупречность, цельность и силу, что, когда Беата Лённ шепотом отдавала приказ, опустив глаза и покраснев, приказ этот исполнялся беспрекословно. Так что неудивительно, что Бьёрн Хольм поспешил сюда, как только получил сообщение.

Она сидела в кресле, придвинутом почти вплотную к телевизору.

— Прямая трансляция с пресс-конференции, — произнесла Беата, не оборачиваясь. — Садись.

Хольм тут же узнал людей на экране. И подумал, до чего же странно сидеть здесь и наблюдать телевизионный сигнал, проделавший тысячи километров в космос и обратно только для того, чтобы показать ему то, что как раз сейчас происходит на другой стороне улицы.

Беата Лённ прибавила громкость.

— Вы совершенно правильно поняли, — сказал Микаэль Бельман и наклонился к микрофону, стоящему перед ним на столе. — Пока у нас нет ни следа, ни подозреваемых. И хочу повторить это еще раз: мы не исключаем, что погибшая могла покончить жизнь самоубийством.

— Но вы сказали… — начала было одна из жур-

налисток.

Бельман оборвал ее:

— Я сказал, что мы расследуем эту смерть как *подозрительную.* Вы, конечно, знакомы с терминологией. А если нет, то вам следует… — Он не стал продолжать и показал на кого-то за камерой.

— «Ставангер афтенблад», — проблеял этот кто-то на диалекте Ругаланна. — Не связывает ли полиция эту смерть с двумя другими смертями на…

— Нет! Если вы слушали внимательно, то поняли, наверное, что мы всего лишь *не исключаем взаимосвязи.*

— Это я понял, — продолжал носитель ругаланнского диалекта так же невозмутимо и медленно. — Но всех собравшихся здесь гораздо больше интересует то, что вы считаете, а не то, чего вы *не исключаете.*

Бьёрн Хольм видел, как пристально Бельман смотрит на журналиста, как нетерпеливо подергиваются углы его губ. Женщина в форме, сидевшая рядом с Бельманом, закрыла рукой микрофон, наклонилась к нему и что-то зашептала. Лицо старшего инспектора потемнело.

— Микаэль Бельман проходит экстренный курс

общения со СМИ, — сказал Бьёрн Хольм. — Урок первый: гладь их по шерстке, особенно региональные газеты.

— Да он только начал, — заметила Беата Лённ. — Еще научится.

— Думаешь?

— Да, Бельман из тех, кто учится.

— Насколько я слышал, смирению научиться нелегко.

— Настоящему — трудно. Но в современном искусстве коммуникации важно уметь в нужный момент стелиться перед СМИ. Именно это Нинни сейчас ему и говорит. И Бельман достаточно толковый, чтобы понять.

На экране Бельман откашлялся, изобразил приятную, почти мальчишескую улыбку и наклонился к микрофону:

— Прошу прощения, если это прозвучало несколько резко, но у всех нас был тяжелый день, и я надеюсь, вы понимаете, что нам не терпится вернуться к расследованию этого трагического события. Сейчас мы должны заканчивать, но, если у кого-то из вас еще остались вопросы, передайте их Нинни, и я обещаю, что постараюсь ответить всем вам лично в течение вечера. До подписания номеров. Ладно?

— Что я тебе говорила? — Беата засмеялась с видом победительницы.

— A star is born[36], — заметил Бьёрн Хольм.

Картинка на телеэкране поменялась, и Беата Лённ повернулась к Бьёрну:

— Звонил Харри. Хочет, чтобы я тебя к нему прикомандировала.

— Меня? — спросил Бьёрн. — Зачем это?

— Сам прекрасно знаешь зачем. Я слышала, что ты был с Гуннаром Хагеном в аэропорту, когда Харри прилетел.

— Упс. — Хольм широко улыбнулся, демонстрируя и верхние, и нижние зубы.

— Полагаю, Хаген хотел использовать тебя в операции «уговоры», поскольку прекрасно знает, что ты один из тех, с кем Харри нравится работать.

— Нельзя сказать, чтобы мы особо преуспели. Харри заниматься этим делом отказался.

— Ну, значит, сейчас передумал.

— Да ну? Интересно, что же заставило его изменить мнение?

— Он не сказал. Сказал только, что считает, что будет правильнее действовать через меня.

---

[36] Примечания: 36
Родилась звезда *(англ.)*.

— Само собой разумеется, ты ведь здесь начальник.

— Когда дело касается Харри, ничего само собой не разумеется. Ты ведь знаешь, мы с ним хорошо знакомы.

Хольм кивнул. Он знал. Знал, что Джек Халворсен, возлюбленный Беаты и отец ее будущего ребенка, был убит, когда работал вместе с Харри. В холодный зимний день ему перерезали горло прямо на улице, в Грюнерлёкке. Хольм оказался там сразу после того, как это произошло. Горячая кровь, плавящая серо-стальной лед. Смерть полицейского. Харри никто не винил. Кроме его самого, конечно.

Хольм почесал щетинистую щеку.

— И что ты ему ответила?

Беата вздохнула и посмотрела на улицу, на журналистов и фотокорреспондентов, которые торопливо покидали штаб-квартиру Крипоса.

— То же, что тебе сейчас говорю. Что министерство дало понять: полномочия теперь у Крипоса и, следовательно, у меня нет никакой возможности направлять экспертов-криминалистов, занятых в этом деле, к кому-то, кроме Бельмана.

— Но?

Беата Лённ постучала шариковой ручкой по

столу.

— Но ведь есть и другие дела, не только это двойное убийство.

— Тройное убийство, — сказал Хольм и добавил, когда Беата Лённ пристально посмотрела на него: — Поверь мне.

— Я точно не знаю, что там расследует старший инспектор Холе, но ни одним из этих убийств он точно не занимается, тут мы с ним договорились, — сказала Беата. — Однако для расследования тех, других дел — каких именно, мне неизвестно — я тебя отпускаю. На четырнадцать дней. Экземпляр первого рапорта по делу, по которому вы работаете, должен быть у меня на столе не позднее чем через пять дней считая с сегодняшнего. Ясно?

Кайя Сульнес внутренне просияла и почувствовала почти непреодолимое желание завертеться на своем офисном кресле.

— Если Хаген согласится, я, разумеется, возражать не буду, — сказала она, пытаясь казаться сдержанной, но и сама слышала ликование в собственном голосе.

— Хаген не возражает, — сказал мужчина, расположившийся по диагонали в дверном проеме, прислонившись к косяку головой и заложив за

нее руку. — Значит, нас будет только трое: Хольм, ты и я. И то, над чем мы работаем, строго конфиденциально. Начинаем завтра, сбор в семь у меня в кабинете.

— Э-э-э… в семь?

— Семь. Ноль семь-ноль-ноль.

— Хорошо. Какой кабинет?

Мужчина ухмыльнулся и объяснил какой.

Она недоверчиво взглянула на него:

— У нас будет штаб-квартира в тюрьме?

Диагональ покинула проем.

— Подготовься. Вопросы есть?

Вопросов у Кайи было много, но Харри Холе уже исчез.

Теперь этот сон посещает меня и днем. Где-то далеко я по-прежнему слышу, как оркестр играет «Love hurts»[37]*. Я вижу, как некоторые парни подошли ближе и окружили нас, но они не вмешиваются. Хорошо. Сам я смотрю на нее. Посмотри, что ты наделала, пытаюсь сказать я. Посмотри на него, неужели он тебе по-прежнему нужен? Господи, как же я ее ненавижу, мне так и хочется вырвать нож изо рта и всадить его в*

---

[37] Примечания: 37

«Любовь ранит» *(англ.)* — песня кантри-музыканта Будло Брайана, ставшая хитом в исполнении группы «Nazareth».

нее, пропороть кожу, увидеть, как из нее потечет кровь, полезут кишки, ложь, глупость, ее тупое самодовольство. Кто-то же должен показать ей, насколько она безобразна изнутри.

Я видел пресс-конференцию по телевизору. Бестолочи и неумехи! Никаких следов, никаких подозреваемых! Первые сорок восемь часов, золотое время, песок в часах скоро закончится, торопитесь, торопитесь. Чего вы хотите от меня? Чтобы я написал это кровью на стене?

Это вы, а не я делаете всё, чтобы убийства продолжались.

Письмо дописано.

Торопитесь.

Глава 15
Стробоскопический свет

Стине смотрела на парня, который только что заговорил с ней. Борода, светлые волосы, вязаная шапка. В помещении. Причем теплая шапка, закрывающая уши. Безумный сноубордист? Кстати, приглядевшись повнимательнее, Стине поняла, что это не парень, а мужчина. За тридцать. Во всяком случае, у него были белые морщинки на загорелом лице.

— И что с того? — ответила она, стараясь перекричать музыку, грохочущую внутри помещения на Краббе.

Недавно открытый клуб заявил на весь свет, что это новое место сбора молодых и самых современных музыкантов, киношников и писателей из Ставангера, которых на самом деле было немало в этом повернутом на бизнесе и считающем нефтедоллары городе. Поживем — увидим, тусовщики еще не решили, заслуживает ли Краббе их благосклонности. Вот и Стине еще не решила, заслуживает ли ее благосклонности этот парень — или мужчина.

— Просто я считаю, тебе стоит послушать, что я расскажу, — сказал он, уверенно улыбнулся и посмотрел на нее своими голубыми, как ей показалось, слишком яркими глазами.

Но может, это тут такое освещение. Стробоскопический свет? Круто? Посмотрим. Он вертел в руке пивной бокал, облокотясь на барную стойку, так что Стине пришлось бы наклониться вперед, чтобы услышать, что он хочет ей сказать, — да не на ту напал. В толстой дутой куртке, но на лбу под нелепой шапкой не видно ни капли пота. А может, она крутая, эта шапка?

— Потому что мало кто объехал на мотоцикле все районы дельты Иравади в Бирме и вернулся оттуда настолько живым, что в состоянии об этом рассказать, — сказал он.

«Настолько живым». Одним словом, тепло. Она таких терпеть не может. Он ей кого-то напоминал. Какого-то героя американских классических боевиков или сериалов восьмидесятых.

— И вот я дал себе слово, что если вернусь в Ставангер, то пойду куда-нибудь посидеть, возьму пива, подойду к самой красивой девушке, которую увижу, и скажу именно то, что говорю сейчас. — Он развел руками, улыбнулся белозубой, широкой улыбкой. — Мне кажется, ты

девушка у синей пагоды.

— Где?

— Это из Редьярда Киплинга, барышня. Ты — девушка, которая ждет британского солдата возле пагоды Мульмейна. Ну, что скажешь? Поедешь со мной? Будешь ходить босиком по мрамору Шведагона? Есть мясо кобры в Баго? Засыпать под молитвенные заклинания мусульман в Янгуне и просыпаться под буддистские в Мандалае? — Он перевел дух.

Она наклонилась вперед:

— Так значит, я тут самая красивая девушка?

Он огляделся.

— Нет, но у тебя самые большие буфера. Ты красивая, но конкуренция велика, вопрос в том, красивее ли ты всех. Пойдем отсюда?

Она засмеялась и покачала головой. Никак не могла определить, он смешной или просто ненормальный.

— Я здесь с подругами. Попытайся использовать этот фокус с кем-нибудь еще.

— Элиас.

— Что?

— Тебе интересно, как меня зовут. На тот случай, если мы еще увидимся. Меня зовут Элиас. Скуг. Фамилию ты забудешь, но Элиаса запом-

нишь. И мы еще увидимся. Раньше, чем ты это поймешь.

Она склонила голову набок:

— Ах вот как?

Он тоже склонил голову набок и передразнил:

— Да. Вот так.

Потом допил пиво, поставил бокал на стойку, засмеялся ей в лицо и ушел.

— Что за тип? — Это спросила Матильда.

— Понятия не имею, — сказала Стине, — он вообще-то ничего, но странный. Судя по говору, откуда-то из Восточной Норвегии.

— Странный?

— У него странные глаза. И зубы. Или здесь просто такой стробоскопический свет.

— Стробоскопический свет?

Стине рассмеялась.

— Такой свет, как в солярии, цвета зубной пасты. Из-за которого рожа сразу как у зомби.

Матильда покачала головой:

— Тебе надо выпить. Пойдем.

Стине последовала за ней, по дороге обернулась на дверь. Ей казалось, что она видела лицо за стеклом, но там никого не было.

Глава 16
«Speed King»

Было девять вечера, Харри шел по центру Осло. Весь день он провел, перетаскивая стулья и столы в новый кабинет. Во второй половине дня съездил в больницу, но отца не застал — его забрали на какие-то исследования. Так что пришлось вернуться. Он отксерил кое-какие рапорты, сделал пару звонков, заказал билет на самолет в Берген, забежал в Сити и купил USB-модем размером с сигаретный окурок.

Харри шел широким шагом. Ему это всегда ужасно нравилось: идти пешком с востока на запад через этот компактный город, наблюдая по пути, как постепенно, но явно меняются люди, мода, этническая принадлежность, архитектурные стили, магазины, кафе, бары. Он заскочил в «Макдоналдс», съел гамбургер, сунул в карман три трубочки для коктейлей и пошел дальше.

Не прошло и получаса, как он вышел из похожего на гетто пакистанского Грёнланна — и вот он уже в красивой, немного стерильной и белой как мел западной части города. Кайя Сульнес жила

на улице Людер-Сагенс-гате, ее дом был из числа тех больших старинных деревянных вилл, за которыми жители Осло выстраиваются в очередь, когда их изредка выставляют на продажу. И даже не для того, чтобы купить, — денег на это почти ни у кого нет, — но чтобы посмотреть, помечтать и получить подтверждение тому, что Фагерборг по-прежнему таков, каким хочет казаться: район, где богатые богаты, но не слишком, где деньги не слишком новые и ни у кого нет ни плавательных бассейнов, ни автоматических ворот в гараже, ни других современных вульгарных наворотов. Потому что местные жители вели себя так же, как всегда. Летом сидели под яблонями в своих больших тенистых садах в старых плетеных креслах или на старых садовых скамейках, слишком громоздких и выкрашенных в черный цвет, как и сами виллы, из которых их вынесли. А когда садовую мебель заносили в дом и дни становились короче, за окнами из стеклянных мелких квадратиков зажигали свечи. На улице Людер-Сагенс-гате рождественское настроение царило с октября и до марта.

Калитка скрипнула так громко, что стало ясно: никакая собака здесь просто не нужна. Гравий хрустел под сапогами. Харри обрадовался, как

ребенок, когда нашел эти сапоги в шкафу, но сейчас они уже промокли насквозь.

По лестнице он поднялся на крыльцо и нажал на звонок. Таблички с именем жильцов не было.

Перед дверью стояла пара изящных дамских туфель, а рядом с ними — пара мужских ботинок. Размера так сорок шестого, прикинул Харри. Похоже, что муж у Кайи — мужчина крупный. Потому что, разумеется, у нее есть муж, сейчас он даже не мог понять, как ему могло прийти в голову что-то другое. Пришло, и все, правда ведь? Ну и ладно, это не важно. Дверь открылась.

— Харри?

На ней была незастегнутая и слишком просторная шерстяная кофта, вытертые джинсы и войлочные тапки, такие старые, что Харри был готов держать пари, что на них уже выступили старческие веснушки. На лице — никакой косметики. Только удивленная улыбка. Тем не менее казалось, она знала, что он придет. Знала, что ему понравится, если он ее увидит именно такой. Конечно, он уже в Гонконге заметил в ее взгляде ту заинтересованность, которую у многих женщин вызывает мужчина с репутацией, не важно плохой или хорошей. Да он к тому же тоже не делал попытки как-то проанализировать те

причины, которые, сложившись вместе, привели его к этой двери. И даже хорошо, что он этого не сделал. Ботинки сорок шестого размера. Или сорок шестого с половиной.

— Мне Хаген дал адрес, — сказал Харри. — От моей квартиры до тебя можно дойти пешком, и я решил, что лучше будет зайти, а не звонить.

Она неуверенно улыбнулась:

— У тебя нет мобильника.

— А вот и ошибаешься. — Он выудил из кармана красный телефон. — Мне его Хаген дал, но ПИН-код я уже забыл. Я не помешаю?

— Нет-нет. — Она распахнула дверь, и Харри вошел.

Смешно, но сердце его забилось быстрее, пока он ждал ее. Лет пятнадцать назад его бы это разозлило, но теперь он смирился, приняв тот банальный факт, что женская красота всегда будет иметь над ним некоторую власть.

— Я кофе сварю. Будешь?

Они вошли в гостиную. На стенах висели картины и книжные полки с таким количеством книг, что она вряд ли успела бы собрать их одна. В комнате царил совершенно явный мужской дух. Громоздкая угловатая мебель, глобус, кальян, виниловые пластинки на полках, карты и

фотографии высоких, покрытых снегом гор. Из чего Харри сделал вывод, что неведомый муж прилично старше Кайи. Телевизор был включен, но без звука.

— Марит Ульсен — первая новость во всех выпусках, — сказала Кайя, подняла пульт, и экран телевизора погас. — Выступали два лидера оппозиции и требовали немедленного расследования, говорили, что правительство систематически сокращает ряды полиции. Ясно, что Крипосу в ближайшие дни скучать не придется.

— Да, кофе я бы выпил, — сказал Харри, и Кайя удалилась на кухню.

Он уселся на диван. На журнальном столике рядом с женскими очками для чтения вверх обложкой лежала раскрытая книга Джона Фанте. А рядом — несколько фотографий, сделанных во Фрогнербадет. Не самого места преступления, но зевак, которые собрались по ту сторону заграждения, чтобы поглазеть. Харри хмыкнул, довольный. Не только тем, что Кайя взяла домой работу, но еще и потому, что группа, выезжающая на место преступления, все еще делает такие снимки. Именно он, Харри, в свое время обязал их всегда фотографировать тех, кто приходит на место преступления. Кое-что он усвоил на курсах

ФБР по расследованию серийных убийств: в частности, то, что преступника тянет вернуться на место преступления, — отнюдь не миф. И братья Кинг в Сан-Антонио, и убийца из супермаркета «К-Март» были арестованы именно потому, что не утерпели и пришли полюбоваться на дело рук своих, насладиться вызванным переполохом и собственной неуязвимостью. Фотографы в криминалистическом отделе называли это шестой заповедью Холе. Ну конечно, было еще и девять других. Харри стал просматривать фотографии.

— Тебе молока не добавить? — прокричала Кайя из кухни.

— Да.

— В смысле? Ведь в Хитроу…

— Я имею в виду, что ты права. Я пью без молока.

— Ага. Ты перешел на кантонский.

— Что?

— Ты перестал использовать двойное отрицание. Кантонский диалект более логичен. Тебе нравится логика.

— И это как раз тот случай? С кантонским диалектом?

— Не знаю, — засмеялась она там, на кухне. — Это я просто пытаюсь быть остроумной.

Харри заметил, что фотографии довольно нечеткие, снимались от бедра и без вспышки. Все внимание публики обращено на вышку для прыжков. Туповатые взгляды, приоткрытые рты — скучающие зеваки в ожидании чего-то ужасного, такого, о чем потом можно написать в мемуарах или рассказать перепуганным соседям. Один из собравшихся поднял вверх мобильный телефон, которым, вне всякого сомнения, делал снимки. Харри взял лупу, лежащую на стопке рапортов, и принялся рассматривать лица одно за другим. Он и сам не знал, что ищет, в голове было пусто, а это самый лучший способ не упустить того, что, возможно, есть на этих снимках.

— Нашел что-нибудь?

Она остановилась у него за спиной и наклонилась, чтобы посмотреть. Он ощутил слабый запах лавандового мыла, так же от нее пахло и в самолете, когда она заснула и голова ее легла ему на плечо.

— Ммм… А ты думаешь, тут что-то может быть? — спросил он и взял протянутую кружку с кофе.

— Нет.

— Зачем ты тогда взяла эти фотографии домой?

— Потому что девяносто пять процентов всего расследования состоит в том, чтобы искать не в том месте.

Она только что процитировала третью заповедь Харри.

— А еще эти девяносто пять процентов нужно научиться любить. Иначе на стенку полезешь.

Четвертая заповедь.

— А рапорты? — поинтересовался Харри.

— У нас есть, конечно, собственные рапорты по делу об убийствах Боргни и Шарлотты, но из них ничего не вытянешь. Никаких физических улик, никаких свидетелей, которые могли бы сообщить о чем-то необычном. Ни заклятых врагов, ни ревнивых любовников, ни алчных наследников, ни преследователей, которым помешали, — нетерпеливых пушеров и прочих кредиторов. Короче говоря…

— Никаких следов, никаких явных мотивов, никакого орудия убийства. Я бы начал с допросов по делу Марит Ульсен, но, как тебе известно, мы по этому делу не работаем.

Кайя улыбнулась:

— Нет, конечно. Кстати, я сегодня говорила с одним репортером из отдела политики «Верденс ганг». Он сказал, что никто из журналистов, ак-

кредитованных в стортинге, не знает, бывали ли у Марит Ульсен депрессии, психологические срывы или мысли о самоубийстве. И они ничего не могут сказать о том, были ли у нее враги, будь то в профессиональной или в частной жизни.

— Ммм…

Взгляд Харри скользил дальше по лицам собравшихся. Женщина со взглядом лунатички и ребенком на руках…

— Что нужно этим людям?

На заднем плане: спина мужчины, покидающего место преступления. Дутая куртка, вязаная шапочка.

— Им нужен шок. Потрясение. Развлечение. Очищение…

— Маловероятно.

— И ты читаешь Джона Фанте. Тебе нравятся старые вещи?

Он кивнул на комнату, дом вообще. Он и имел в виду комнату, дом вообще. Но рассчитывал при этом, что она скажет что-нибудь про мужа, если тот действительно настолько старше ее, как предполагал Харри.

Она с интересом взглянула на него:

— Ты читал Фанте?

— Когда я был молод и увлекался Буковски, я

читал его книги, но названия не помню. Я покупал их большей частью потому, что Чарльз Буковски — явный его фанат. — Он демонстративно взглянул на часы: — Ой, пора домой.

Кайя удивленно посмотрела сначала на него, а потом на его нетронутую кружку с кофе.

— Да все эта разница во времени… — улыбнулся Харри и встал. — Можем поговорить об этом, когда увидимся завтра.

— Ну конечно.

Харри похлопал себя по карманам:

— Да, вот еще: сигареты кончились. Тот блок «Кэмела», который я тебе отдал, чтобы не отобрали за превышение нормы…

— Подожди, — улыбнулась она.

Когда она вернулась с распечатанным блоком сигарет, Харри уже стоял в коридоре в куртке и сапогах.

— Спасибо, — сказал он.

Вытащил одну пачку и открыл ее.

Когда они вышли на лестницу, она произнесла, прислонясь к дверному косяку:

— Можешь не отвечать, но у меня такое чувство, что это была какая-то проверка.

— Проверка? — переспросил Харри и закурил.

— Я не буду тебя спрашивать, в чем она состоя-

ла. Скажи только: я прошла проверку?

Харри коротко хохотнул:

— Да нет, я только из-за сигарет пришел. — Он пошел вниз по лестнице, помахивая блоком. — Значит, в семь ноль-ноль.

Харри запер дверь. Повернул выключатель и убедился в том, что электричество еще не вырубили. Снял пальто, вошел в гостиную, включил «Deep Purple» — это была его самая любимая группа в категории «довольно забавно, но все равно жутко здорово». «Speed King», Иэн Пэйс, ударник. Харри сел на диван, прижав кончики пальцев к вискам. Псы рвались с цепей. Они выли, хрипели, брызгали слюной, зубами вгрызались во внутренности. Если он спустит их на этот раз, пути назад уже не будет. На этот раз — нельзя. Потому что раньше всегда были достаточно веские причины, чтобы остановиться. Ракель, Олег, работа, может, даже отец. Теперь ничего из этого у него больше нет. Нельзя… Алкоголь — под запретом. Значит, нужно что-то альтернативное. Отключка, которую он может контролировать. Спасибо, Кайя. И ему не стыдно? Конечно же стыдно. Но гордость — это роскошь, которую можно себе позволить далеко не всегда.

Он сорвал целлофан с блока сигарет. Вынул

пачку в самом низу. Почти не заметно, что она была распечатана. Таких женщин, как Кайя, никогда не останавливают на таможенном контроле. Он открыл пачку, вынул фольгу. Развернул и взглянул на коричневый комок. Втянул ноздрями сладкий запах.

И приступил к необходимым приготовлениям.

Харри испробовал всевозможные способы курения опиума, начиная с ритуалов в опиумных курильнях, по сложности не уступающих китайской чайной церемонии, включая разные виды курения с помощью трубки и, наконец, самый простой: поджечь комочек, приставить к нему соломинку и изо всех сил затянуться, пока наркотик в буквальном смысле слова превращается в дым. Способов много, но цель всегда одна: добиться того, чтобы активное вещество — будь то морфин, тебаин, кодеин или целый букет прочих химических друзей — попало в кровь. Метод Харри был прост. Примотать скотчем стальную ложку к краю стола, отщипнуть от комка кусочек размером не больше спичечной головки, положить в ложку и поднести под нее пламя зажигалки. Когда запахнет опиумом, подержать над ложкой обычный стакан и собрать дым. А потом сунуть в стакан трубочку — луч-

ше такую, которая сгибается, — и затянуться. Харри отметил, что пальцы совсем не дрожат. В Гонконге он регулярно проверял степень своей зависимости и, можно сказать, был самым дисциплинированным торчком и алкашом из всех ему известных. Он мог заранее наметить себе порцию алкоголя и не выпивал больше ни глотка, даже если напивался в стельку. В Гонконге иногда не курил опиум неделю или две, ограничиваясь парой таблеток паральгина-форте: абстинентный синдром он, конечно, не снимал, но какое-то психологическое воздействие оказывал, поскольку Харри знал, что это лекарство содержит капельку морфина. Так что никакая это не зависимость. Ну, может, от алкоголя и есть малость, но от опиума — вряд ли. Хотя понятно, что критерии тут довольно размытые. Потому что едва Харри начал приматывать ложку скотчем к столу, как почувствовал, что псы успокоились. Поняли, что скоро получат свое.

И отстанут. До следующего раза.

Раскаленная зажигалка уже обжигала Харри пальцы. На столе лежали трубочки из «Макдоналдса».

Через минуту он сделал первую затяжку.

Подействовало сразу. Исчезли боли, даже те,

о которых он и не подозревал. Вернулись ассоциации, зрительные образы. Сегодня ночью он сможет уснуть.

Бьёрну Хольму не спалось.

Он пытался читать книгу Эскотта о короткой жизни и долгой смерти легенды кантри Хэнка Уильямса, слушал компакт-диск с записью концерта Люсинды Уильямс в Остине, считал техасских коров лонгхорнской породы — ничего не помогало.

Дилемма. В ней все дело. Проблема, у которой нет однозначно верного решения. Эксперт-криминалист Хольм такие проблемы ненавидел.

Он свернулся калачиком на своем диване, который был для него коротковат. Диван приехал из Скрейи вместе с ним самим, собранием виниловых пластинок Элвиса, «Sex Pistols», «Jason & The Scorchers», тремя костюмами, сшитыми портным в Нэшвилле, американской Библией и кухонной мебелью, пережившей три поколения Хольмов. Но ему так и не удалось сосредоточиться.

Дилемма заключалась в том, что при осмотре веревки, на которой была повешена — или повесилась — Марит Ульсен, лишившаяся головы, он кое-что обнаружил. Может, из этого вовсе ничего не следует, но вопрос в другом: кому об этом

сообщать, Крипосу или Харри? Бьёрн Хольм обнаружил на веревке крохотные ракушки, причем в тот момент он еще выполнял задание Крипоса. И с биологом, изучающим подводный мир пресноводных водоемов в Биологическом институте при Университете Осло, тоже беседовал, когда был подотчетен Крипосу. Но Беата Лённ передала его в распоряжение Харри прежде, чем он успел написать обо всем в рапорте, и завтра, когда он сядет за компьютер, рапорт придется адресовать Харри.

О'кей, в техническом плане дилеммы никакой нет, информация принадлежит Крипосу. Предоставить ее кому-то еще значит проявить халатность. А чем он, если честно, обязан Харри Холе? От него ведь сплошные неприятности. Стиль работы у него своеобразный и довольно бесцеремонный. А уж когда Харри напьется, то становится просто опасен для жизни. Зато правильный мужик, когда трезвый. На него можно положиться, он не из тех, что потом напомнят — «you owe me»[38]. Тот еще враг, но хороший друг. Славный мужик. Чертовски славный. Пожалуй, чем-то даже похож на Хэнка.

---

[38] Примечания: 38
За тобой должок *(англ.)*.

Бьёрн Хольм застонал и повернулся к стене.

Стине проснулась, как будто ее кто-то толкнул.

В темноте что-то мурлыкало и урчало. Она перевернулась на бок. Потолок был слабо освещен, свет шел от пола у кровати. Который час? Часа три ночи? Она потянулась и взяла мобильник.

— Да? — сонным голосом сказала она.

— Объехав дельту, я понял, что мне смертельно надоели змеи и комары, и мы с моим байком отправились вдоль побережья Бирмы на север, в Аракан.

Его голос она узнала сразу.

— На остров Сай-Чунг, — продолжал он. — Там есть действующий грязевой вулкан, и я слышал, что скоро будет извержение. Оно и началось на третью ночь после моего приезда. Я-то думал, будет только грязь, но нет, он извергал и старую добрую лаву. Густую лаву, которая так медленно текла по городу, что от нее можно было спокойно уйти.

— Сейчас ночь, — зевнула она.

— Но тем не менее она текла, не останавливалась. Когда она такая вязкая, ее называют холодной лавой, хотя она сжигает все на своем пути. Деревья со свежей, зеленой листвой за четыре секунды превращались в рождествен-

ские елки, а потом в золу и исчезали. Бирманцы пытались убежать в своих машинах, доверху нагруженных скарбом, который они успели собрать в такой спешке, но собирались они слишком долго — зачем торопиться, когда лава подползает так медленно! А когда они выносили свои телевизоры, лава была уже возле стен их домов. Они бросались в машины, но из-за жары покрышки начинали лопаться. А потом загорался бензин, они выбегали из машин, как живые факелы. Ты помнишь, как меня зовут?

— Послушай, Элиас…

— Я же говорил, что ты запомнишь.

— Мне надо поспать. Мне завтра в школу.

— Я сам как извержение, Стине. Я — холодная лава. Я не тороплюсь, но меня не остановить. И я приду туда, где ты.

Она пыталась вспомнить, говорила ли ему, как ее зовут. И случайно взглянула на окно. Оно было открыто. На улице шумел ветер, ровно и успокаивающе.

Голос в трубке был тихим, он почти шептал:

— Я увидел собаку, которая пыталась убежать, но запуталась в колючей проволоке. Прямо на пути лавы. Но тут поток лавы повернул налево, казалось, он ее обогнет. Словно бы милосердный

Бог сжалился над псом. Но лава прошла прямо по нему. Половина пса просто испарилась. Прежде чем загорелась другая половина. И тоже превратилась в пепел. Все становится пеплом.

— Фу, я кладу трубку.

— Взгляни на улицу. Видишь, я уже у стены твоего дома.

— Прекрати!

— Да ладно, я просто пошутил. — Он громко и заливисто засмеялся ей в ухо.

Стине стало не по себе. Он, наверное, пьян. Или псих. Или и то и другое.

— Спокойной ночи, Стине. Скоро увидимся.

Связь прервалась. Стине уставилась на телефон. Потом вырубила его совсем и бросила в изножье кровати. И выругалась, потому что поняла. Поняла, что сегодня ночью ей уже не заснуть.

Глава 17
Волокна

Было 6.58. Харри Холе, Кайя Сульнес и Бьёрн Хольм шли по «Кишке» — подземному переходу длиной четыреста метров, соединяющему здание Полицейского управления и окружную тюрьму Осло. Иногда переход использовали для того, чтобы доставлять заключенных на допрос в Полицейское управление, иногда для тренировок по бегу в зимнее время, а в старые недобрые времена — для сугубо неофициального избиения особо строптивых заключенных.

С потолка капала вода, капли падали на бетонный пол с чмокающим звуком, похожим на поцелуи, эхом отдававшимся в темном, плохо освещенном коридоре.

— Это здесь, — сказал Харри, когда они дошли до конца коридора.

— Здесь?! — переспросил Бьёрн Хольм.

Им пришлось наклонить головы, чтобы пройти под лестницами, ведущими в камеры. Харри повернул ключ в замке и открыл железную дверь. В нос ему ударил горячий, влажный и затхлый

запах.

Он нажал на выключатель. Квадратная бетонная комната с серо-синим линолеумом на полу и голыми стенами осветилась синим, холодным светом люминесцентных ламп.

В помещении не было окон, не было обогревателя, ничего из того, что ожидаешь увидеть в помещении, которое должно функционировать как рабочий кабинет для трех человек.

Кроме столов с креслами и компьютером для каждого из них. На столе стояла бурая от старости кофеварка и канистра с водой.

— Тут за стенкой бойлерная, обогревающая всю тюрьму, — сказал Харри. — Поэтому так тепло.

— На самом деле тут даже уютно, — сказала Кайя, усаживаясь за один из столов.

— Еще бы, немножко напоминает преисподнюю, — согласился Хольм, стянул с себя замшевую куртку и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — А мобильный здесь берет?

— Еле-еле, — ответил Харри. — И Интернет есть. У нас есть все, что нам нужно.

— Кроме кофейных чашек, — заметил Хольм.

Харри покачал головой. Из карманов плаща он извлек три белые чашки, которые и расставил по столам. Потом из внутреннего кармана выудил

пачку кофе и пошел к кофеварке.

— Ты взял их в столовой, — констатировал Бьёрн и поднял чашку, которую Харри поставил перед ним. — «Хэнк Уильямс»?

— Написано фломастером, так что аккуратней, — предупредил Харри и зубами надорвал пакет с кофе.

— «Джон Фанте», — прочла Кайя на своей чашке. — А у тебя самого что?

— Пока ничего, — ответил Харри.

— А почему?

— Потому что там должно стоять имя нашего главного подозреваемого.

Никто из них ничего на это не ответил. Кофеварка жадно заглатывала воду.

— До того как кофе будет готов, я хотел бы услышать три версии, — заявил Харри.

Не успела наполниться вторая чашка, как уже прозвучала шестая версия, и тут Харри прервал сеанс.

— О'кей, это была разминка, просто чтобы мозги разогреть.

Кайя только что предположила, что убийства совершены по мотивам сексуального характера и преступник был уже осужден за подобные действия, знал, что у полиции есть образец его ДНК,

и поэтому не разбрызгивал сперму по земле, а онанировал в пакет или куда-то еще, прежде чем покинуть место преступления, так что им для начала стоит просмотреть списки осужденных и поговорить с коллегами из отдела нравов.

— Неужели тебе не кажется, что в этом что-то есть? — спросила она.

— Мне вообще ничего не кажется, — отвечал Харри. — Я пытаюсь сохранить пустоту в мозгах — для чистоты восприятия.

— Но у тебя же должно быть какое-то мнение?

— Да. Я думаю, что три убийства совершены одним и тем же человеком или одними и теми же людьми. И я думаю, что мы можем найти связь между убийствами, которая, в свою очередь, может привести нас к мотиву, который, в свою очередь, — это если нам чертовски повезет, — приведет нас к одному или нескольким виновным.

— Чертовски повезет? Ты хочешь сказать, шансы у нас неважные?

— Ну… — Харри откинулся в кресле, заложив руки за голову. — Специальная литература о серийных убийцах измеряется многими метрами книжных полок. В кино полиция обычно зовет на помощь психолога, а тот, прочитав па-

ру рапортов, воссоздает по ним образ, который точнехонько соответствует действительности, всегда и без исключения. Люди думают, что фильм «Генри: портрет убийцы-маньяка» — это такое универсальное описание, приложимое к любому серийному убийце. Но к сожалению, в действительности эти убийцы такие же разные, как и все люди вообще. Есть только одно, что отличает их от других преступников.

— И это?

— Их не удается поймать.

Бьёрн Хольм рассмеялся, хотя это было совсем не к месту, и опять замолчал.

— Но ведь это же неправда? — с надеждой спросила Кайя. — А что тогда…

— Ты думаешь о тех случаях, когда удается установить почерк, а по нему понять, кто за этим стоит. Но вспомни обо всех нераскрытых убийствах, которые по-прежнему считаются единичными, поскольку между ними так и не удалось обнаружить никакой связи. Их тысячи.

Кайя взглянула на Бьёрна. Тот глубокомысленно кивал.

— По-твоему, в данном случае связь существует? — спросила она.

— Ага, — сказал Харри. — И мы должны ее най-

ти, не прибегая к расспросам, чтобы самим не засветиться.

— А тогда как?

— В службе наблюдения, анализируя картинки с угрозами, мы, никого не опрашивая, сосредотачивались исключительно на поиске возможных связей. У нас уже был натовский поисковик, когда никто еще слыхом не слыхивал про Yahoo или Google. С ним мы могли проникать всюду и изучать все, что хоть как-то было отражено в Интернете. Здесь придется делать то же самое. — Он взглянул на часы. — Именно поэтому я уже через полтора часа лечу в Берген. И через три часа буду беседовать с одной безработной коллегой, которая, как я надеюсь, сможет нам помочь. Так что давайте закругляться. Кайя и я уже высказались. Бьёрн, что у тебя?

Бьёрн Хольм встрепенулся в своем кресле, как будто его только что разбудили:

— Что? У меня?.. Боюсь, немного…

Харри осторожно потрогал скулу:

— Но что-то у тебя есть.

— Да нет. Ни мы в криминалистическом отделе, ни следователь не нашли практически ничего ни по Марит Ульсен, ни по двум другим жертвам.

— За два месяца, — заметил Харри. — Давай

выкладывай.

— Могу повторить, — сказал Бьёрн Хольм. — В течение двух месяцев мы анализировали, просвечивали насквозь и вглядывались до боли в глазах во все то, что у нас имеется, — фотографии, анализы крови, фрагменты волос, ногтей и так далее. Мы обсудили двадцать четыре версии того, как ему удалось проделать двадцать четыре дырки в глотке у первых двух жертв, так что линии всех проколов сходятся в одной и той же точке. Но ответа не получили. У Марит Ульсен во рту тоже была рана, но ножевая и рваная, жуткая. Короче говоря, ничего.

— А что с теми камешками в подвале, где была найдена Боргни?

— Проанализировали. Много железа и магния, немножко алюминия и кремния. Так называемая базальтовая порода. Пористая и черная. Ну что, теперь понятнее?

— И у Боргни, и у Шарлотты с внутренней стороны зубов обнаружены следы железа и колтана. Что это означает?

— Что обе они были убиты с помощью одного и того же дьявольского приспособления, но это не приближает нас к разгадке, мы так и не знаем, что это было.

Пауза.

Харри кашлянул:

— Ладно, Бьёрн, выкладывай.

— Что?

— То, что тебе покоя не дает все время, пока мы здесь торчим, я же вижу.

Эксперт-криминалист почесал щетину на подбородке, не отрывая глаз от Харри. Кашлянул разок. Потом еще раз. Бросил взгляд на Кайю, как бы прося ее о помощи. Открыл рот, снова его закрыл.

— Хорошо, — сказал Харри. — Тогда переходим к…

— Это насчет веревки.

Двое других посмотрели на Бьёрна.

— Я нашел на ней моллюсков.

— Ого! — спросил Харри.

— Но не нашел соли.

Они все еще смотрели на него.

— Это довольно необычно, — продолжал Бьёрн. — Ракушки в пресной воде.

— То есть?

— То есть я переговорил с биологом, который занимается пресноводными водоемами. Ракушка принадлежит моллюску под названием горошина, одному из самых мелких подвидов, который

встречается в Норвегии только в двух озерах.

— И эти озера?

— Эйерен и Люсерен.

— Оба в Эстфолде, — сказала Кайя. — Рядом. Крупные озера.

— В густонаселенном фюльке, — продолжил Харри.

— Сорри, — сказал Хольм.

— Ммм… А веревка — есть какие-то признаки, указывающие, где ее купили?

— Нет, в том-то все и дело, — сказал Хольм. — Никаких. И она вообще не похожа ни на одну веревку из тех, что я видел. Только натуральные волокна, ни нейлона, ни каких-то других искусственных материалов.

— Конопля, — сказал Харри.

— Что? — спросил Хольм.

— Конопля. Веревки и гашиш делают из одного и того же растения. Если захочется курнуть, можно просто заскочить в порт и поджечь швартовы у парома в Данию.

— Это не конопля, — сказал Бьёрн Хольм, не реагируя на смех Кайи. — Луб вяза и липы. Больше вяза.

— Настоящая кустарная норвежская веревка, — заметила Кайя. — Именно так раньше делали

веревки на хуторах.

— На хуторах? — удивился Харри.

Кайя кивнула:

— В каждой деревне был хотя бы один человек, который делал веревки. На месяц опускаешь бревна в воду, чтобы они там размокали, потом снимаешь кору и берешь лыко. А потом ссучиваешь. Получается веревка.

Харри и Бьёрн повернулись на своих креслах к Кайе.

— Что такое? — растерялась она.

— Слушай, — сказал Харри. — По-твоему, это известно каждому?

— А, вот ты о чем… — протянула Кайя. — Просто мой дедушка делал веревки.

— Ага. И для веревок используют вяз и липу?

— В принципе можно использовать лубяные волокна любых деревьев.

— А в какой пропорции?

Кайя пожала плечами:

— Я, конечно, не специалист, но мне кажется, довольно необычно свить в одну веревку лыко от разных пород деревьев. Я помню, Эвен, мой старший брат, говорил, что дедушка использовал только липу, потому что она плохо впитывает воду. И поэтому ему не приходилось смолить

свои веревки.

— Что думаешь, Бьёрн?

— Если такие веревки — редкость, тогда, конечно, легче выяснить, где ее сделали.

Харри встал и принялся ходить по комнате взад-вперед. Под резиновыми подошвами линолеум всякий раз жалобно всхлипывал.

— Значит, мы можем предположить, что производство было ограниченным, а продажа — локальной. Как, Кайя, тебе такая версия кажется приемлемой?

— Пожалуй.

— И мы также можем предположить, что места, где веревка была сделана и где ею пользовались, находились друг от друга неподалеку. Эти кустарные веревки вряд ли уезжали далеко от дома.

— По-прежнему звучит вполне правдоподобно, но…

— Давайте примем эту точку зрения за исходный пункт. Вы начинаете искать кустарных производителей веревок рядом с озерами Люсерен и Эйерен.

— Но сейчас такие веревки уже больше никто не делает, — запротестовала Кайя.

— Постарайтесь, — сказал Харри, взглянул на часы, схватил пальто, висевшее на спинке крес-

ла, и пошел к двери. — Выясните, где сделали эту веревку. Я исхожу из того, что Бельман не знает про этих горошин. Или как, Бьёрн?

Вместо ответа Бьёрн выдавил улыбку.

— Ничего, если я проработаю версию насчет убийств на сексуальной почве? — спросила Кайя. — Я могла бы переговорить кое с кем из отдела нравов. У меня там есть знакомые.

— Ответ отрицательный, — сказал Харри. — Общее распоряжение держать язык за зубами насчет того, чем мы занимаемся, в особенности относится к нашим дорогим коллегам из Полицейского управления. Похоже, кто-то в управлении сливает информацию в Крипос, так что здесь мы разговариваем только с Гуннаром Хагеном.

Кайя открыла было рот, но взгляд Бьёрна заставил ее промолчать.

— Но ты можешь заняться кое-чем еще, — сказал Харри. — Найти эксперта-вулканолога. И отправить ему результаты анализа этих мелких камешков.

Светлые брови Бьёрна поползли на лоб.

— Пористый черный камень, базальтовая горная порода, — напомнил Харри. — Бьюсь об заклад, что это лава. Вернусь из Бергена часа в

четыре.

— Передавай привет Управлению полиции в Бэ-э-эйггене, — проблеял Бьёрн и поднял вверх чашку с кофе.

— Я не в управление, — сказал Харри.

— Да? А куда же?

— В больницу «Саннвикен».

— Сан…

Дверь за Харри захлопнулась. Кайя взглянула на Бьёрна Хольма, который, открыв рот, все смотрел на закрывшуюся дверь.

— А что ему там делать? — поинтересовалась она. — Он к судебному медику?

Бьёрн покачал головой:

— «Саннвикен» — больница для душевнобольных.

— Да? Значит, он поехал к специалисту по серийным убийствам или что-то в этом роде?

— Так я и знал, что надо было отказаться, — сказал Бьёрн. — Если начальство узнает, чем мы тут занимаемся, мы рискуем работой, а коллега в Бергене…

— Что?

— Она и вправду не в себе.

— Ты хочешь сказать, что она…

— На принудительном лечении в закрытом

отделении, вот что я хочу сказать.

Глава 18
Пациентка

Если высокий полицейский делал один шаг, то Хьерсти Рёдсмуэн приходилось делать два. И все равно она отставала, идя за ним по коридорам больницы «Саннвикен». За высокими узкими окнами, смотрящими вниз, на фьорд, хлестал дождь. Сосны и ели были такими зелеными, что казалось, вместо зимы пришла весна.

Вчера, едва услышав голос полицейского по телефону, Хьерсти Рёдсмуэн сразу же его узнала. Как будто ждала, что он позвонит. И попросит именно о том, о чем он и попросил: поговорить с Пациенткой. Пациентку называли Пациенткой, чтобы обеспечить ей максимальную анонимность после дела об убийствах почти годичной давности, которое она расследовала, из-за чего и оказалась там, откуда вышла: в психиатрической клинике. По правде говоря, оправилась она на удивление быстро, снова вернулась домой, но пресса, которая по-прежнему билась в истерике по поводу этого Снеговика, хотя дело давно было закрыто, не оставляла ее в покое. И однажды

вечером три месяца назад Пациентка позвонила Рёдсмуэн и спросила, нельзя ли ей опять в больницу.

— Значит, она в приличной форме? — поинтересовался полицейский. — На лекарствах?

— Отвечаю «да» на первый вопрос, — сказала Хьерсти Рёдсмуэн. — А на второй не отвечу, поскольку обязана молчать.

Правда же состояла в том, что Пациентка была настолько здорова, что ей не нужны были ни лекарства, ни госпитализация. Тем не менее Рёдсмуэн сомневалась, следует ли разрешить полицейскому навестить Пациентку, ведь он тоже участвовал в раскрытии дела Снеговика и может вновь вытащить на свет божий старое и забытое. В свое время Хьерсти Рёдсмуэн как психиатр имела возможность убедиться в благотворности вытеснения, в том, что травме надо дать инкапсулироваться, уйти в забвение. Правда, коллегами эта точка зрения недооценивалась. С другой стороны, встреча с человеком, который расследовал то же дело, могла бы стать для Пациентки хорошей проверкой на степень выздоровления.

— У вас полчаса, — предупредила Рёдсмуэн, прежде чем открыть дверь в общую гостиную. — И помните: душа уязвима.

Когда Харри увидел Катрину Братт в прошлый раз, он ее не узнал. Вместо красивой женщины под тридцать, темноволосой, с огнем под кожей и в глазах, на него смотрело существо, напоминавшее засохший цветок: безжизненное, безумное, хрупкое, бесцветное. Он испугался тогда, что сломает ей руку, если пожмет ее чуть сильнее.

Тем отраднее было видеть ее сейчас. Она выглядела старше, а может быть, просто устала. Когда она улыбнулась и поднялась ему навстречу, он увидел в ее глазах знакомый огонек.

— Харри Хо! — сказала она и обняла его. — Как дела?

— Ничего, плюс-минус, — ответил Харри. — А ты как?

— Ужасно, — ответила она. — Но теперь гораздо лучше.

Она засмеялась, и Харри понял, что она снова здесь. По крайней мере, бóльшая ее часть.

— А что у тебя со скулой? Болит?

— Только когда говорю или ем, — сказал Харри. — И еще когда просыпаюсь.

— Знакомая песня. Ты стал еще противней, чем я тебя помню, но я все равно рада тебя видеть.

— Аналогично.

— Ты хочешь сказать, что я стала еще против-

ней?

Харри улыбнулся:

— Конечно.

Он огляделся. Другие пациенты в комнате сидели и смотрели кто в окно, кто вниз, на сложенные руки, а кто и просто в стену. Но не похоже было, чтобы они с Катриной вызывали чей-то интерес.

Харри рассказал о том, что произошло со времени их прошлой встречи. Что Ракель и Олег уехали за границу и адрес их неизвестен. О Гонконге. О болезни отца. О деле, которым он занимается. Она засмеялась, когда он предупредил, чтобы она никому об этом не рассказывала.

— Что с тобой? — спросил Харри.

— По правде говоря, меня хотят выпроводить отсюда, тут считают, что я здорова и просто занимаю место. Но мне здесь нравится. Еда оставляет желать лучшего, но здесь безопасно. У меня есть телевизор, и я могу приходить и уходить, когда захочу. Может, через месяц-другой я и вернусь домой, кто знает?

— Кто знает?

— Никто. Безумие приходит и уходит. Что тебе надо?

— А что бы тебе хотелось?

Она долго смотрела на него, прежде чем от-

ветить:

— Помимо того что мне хотелось бы, чтобы ты пожелал меня трахнуть, я хотела бы тебе помочь.

— Именно это мне и нужно.

— Трахнуть меня?

— Чтобы ты мне помогла.

— Черт. Ну ладно. О чем речь?

— У вас тут есть компьютер с выходом в Интернет?

— У нас есть общий компьютер в общей гостиной, но он не подключен к Интернету, они не рискуют. Так что его используют исключительно для раскладывания пасьянсов. Но у меня в палате есть мой собственный компьютер.

— Воспользуйся общим. — Харри сунул руку в карман и вытащил USB-модем. Перебросил через стол. — Это «мобильный офис», так сказали в магазине. Его надо только воткнуть…

— …в один из разъемов для USB, — сказала Катрина, взяла модем и сунула в карман. — А кто платит за абонентское обслуживание?

— Я. То есть Хаген.

— Эх, порезвлюсь я сегодня в Сети. Есть какие-нибудь новые горячие порносайты, о которых мне следует знать?

— Вероятно. — Харри перекинул по столу папку. — Вот здесь рапорты. Три убийства, три имени. Мне хочется, чтобы ты сделала то же самое, что и в деле Снеговика. Нашла связи, которые мы пропустили. Ты слышала что-нибудь об этом деле?

— Да, — ответила Катрина Братт, не глядя на папку. — Все они женщины. Вот и связь.

— Ты читаешь газеты…

— Иногда. А почему ты думаешь, что тут не просто случайные жертвы?

— Я ничего не думаю, я ищу.

— Но не знаешь, что именно?

— Верно.

— Однако ты уверен, что преступник в случае Марит Ульсен тот же, что и в двух других? Насколько я поняла, способ убийства совсем другой.

Харри улыбнулся: Катрина пытается скрыть, что всегда очень внимательно отслеживает все детали в газетах.

— Нет, Катрина, я не уверен. Но как я понял, ты сделала тот же вывод, что и я.

— Ясное дело. Мы же с тобой два сапога пара, забыл?

Она засмеялась и тут же стала прежней Катриной, а не просто тенью той блестящей эксцентричной сыщицы, с которой он едва успел

познакомиться, как все рухнуло. К своему удивлению, Харри почувствовал ком в горле. Проклятая разница часовых поясов.

— Как думаешь, сможешь помочь?

— Найти то, на что Крипос потратил два месяца? С древним компьютером в общей гостиной местной психушки? Я даже не знаю, почему ты меня об этом просишь. В Полицейском управлении есть люди, которые гораздо лучше умеют искать в Интернете.

— Я знаю, но у меня есть то, чего нет у них. То, что я не могу им дать. Пароль в пропасть.

Она посмотрела на него непонимающе. Харри огляделся, чтобы убедиться, что их никто не может услышать.

— Когда в свое время я работал в Службе наблюдения, то получил доступ к искалкам, которые использует норвежская Служба безопасности для слежки за террористами. Они применяют секретные системы доступа в Интернет, которые MilNet, американская военная сеть, придумала еще до того, как в восьмидесятых годах ее отдали для коммерческого использования через ARPANET. Как тебе известно, ARPANET стала Интернетом, но тайные ходы остались. Такие поисковики используют трояны, которые сами подбирают

пароли и коды и скачивают обновления. Заказ билетов на самолет, бронирование номеров в гостиницах, проезд по платным дорогам, банковские операции в Сети — эти поисковики найдут все, что угодно.

— Я слышала про эти поисковики, но, честно говоря, не верила, что они действительно существуют, — сказала Катрина.

— Существуют. Введены в восемьдесят четвертом. Оруэлловский кошмар стал явью. Но самое замечательное — мой пароль все еще действителен. Я проверял.

— Так зачем тебе я? Ты ведь можешь сделать это и сам.

— Систему может использовать только Служба безопасности и, как я уже сказал, лишь в кризисной ситуации. Дело в том, что в ней, как и в Гугле, можно проследить, кто ищет информацию. И если окажется, что я или кто-то другой в Полицейском управлении использует поисковик, нам грозит судебное преследование. Но если будут искать того, кто отправил запрос, и обнаружат, что след ведет к общему компьютеру в психиатрической клинике…

Катрина Братт засмеялась. Это был иной смех — злой смех ведьмы.

— Начинаю понимать. Я нужна здесь не как гениальная сыщица Катрина Братт, но… — она взмахнула рукой, — как пациентка Катрина Братт. Ведь ее все равно нельзя привлечь к суду, поскольку она невменяемая.

— Верно, — улыбнулся Харри. — И потом, ты одна из тех немногих, про которых я точно знаю, что они не будут болтать. И вот что еще: если ты и не гениальна, то, во всяком случае, сообразительность у тебя выше средней.

— Иди ты в задницу!

— Никто не узнает, чем мы занимаемся. Но я тебе гарантирую, что мы с тобой тут — The Blues Brothers[39].

— On a mission from God![40]

— Я пароль на обороте симки написал.

— А почему ты уверен, что я смогу разобраться с этими искалками?

— Они устроены как Гугл. Даже я в них разо-

---

[39] Примечания: 39

Братья Блюз *(англ.)*. Имеются в виду персонажи американского комедийного киномюзикла, братья Элбуд и Джейк Блюз (Дэн Экройд и Джон Белуши), за которыми охотятся полиция, неонацисты, мафия и т. п.

[40] Примечания: 40

«На задании от Господа!» *(англ.)* Братья Блюз по сюжету фильма пытаются возродить свою старую блюз-группу, чтобы заработать денег и спасти приют для сирот, в котором сами выросли. Один из героев уверяет, что раз они выполняют такую миссию, то никто не сможет им помешать.

брался, когда сидел в Службе безопасности. — Он криво улыбнулся. — Ведь их разрабатывали для полицейских.

Она глубоко вздохнула.

— Спасибо, — поблагодарил Харри.

— Я ничего не обещала!

— Как думаешь, когда у тебя что-то для меня будет?

— Пошел ты знаешь куда! — Она стукнула кулаком по столу.

Харри увидел, что санитар внимательно посмотрел на них. Харри выдержал дикий взгляд Катрины. Подождал.

— Я не знаю, — прошептала она. — Скажем так: вряд ли я буду средь бела дня сидеть в общей гостиной и использовать нелегальные искалки.

Харри встал.

— О'кей, я свяжусь с тобой через три дня.

— Ты ничего не забыл?

— А что?

— Рассказать мне, what's-in-it-for-me?[41]

— Ладно, — сказал Харри и застегнул плащ. — Теперь я знаю, что ты хочешь.

— Что я хо… — Удивление на ее лице смени-

---

[41] Примечания: 41
Мне-то оно зачем? *(англ.)*

лось смущением, и она прокричала вслед Харри, который уже шел к двери: — Наглец чертов! Навоображал себе там!

Харри сел в такси, произнес «Аэропорт», выудил из кармана телефон, увидел, что было три непринятых звонка с одного из всего двух номеров в его списке контактов. Отлично, значит, у них что-то появилось.

Он перезвонил.

— Люсерен, — сказала Кайя. — Там была веревочная мастерская, но ее закрыли пятнадцать лет тому назад. После обеда ленсман в Утре-Энебакке покажет нам это место. У него в районе есть несколько типов с криминальным прошлым, но все по мелочи: кража со взломом и угоны. Плюс еще один, который отсидел за избиение жены. Но он переслал нам весь список, и я его сейчас сверяю со списком лиц, имеющих судимость за сексуальные преступления.

— Хорошо. Подхватите меня в Гардермуэне, это по дороге к Люсерену.

— Вовсе не по дороге.

— Ты права. Все равно подхватите.

Глава 19
Белая невеста

Скорость была невелика, «вольво-амазон» Бьёрна Хольма кряхтел и пыхтел на узкой дороге, которая вилась между полями и равнинами Эстфолда.

Харри спал на заднем сиденье.

— Так что вокруг Люсерена — никаких преступлений на сексуальной почве, — сказал Бьёрн.

— Это задержан никто не был, — поправила его Кайя. — Ты не смотрел опрос в «Верденс ганг»? Только один человек из двадцати признается, что совершал то, что сейчас может быть охарактеризовано как сексуальное домогательство.

— А что, люди, участвующие в таких опросах, говорят правду? Если бы я зашел с дамой слишком далеко, то у меня хватило бы ума, чтобы потом выбросить это из головы.

— А ты что, заходил слишком далеко?

— Я? — Бьёрн повернул и промчался мимо трактора, поддав газа. — Не-е. Я — из тех девятнадцати. Утре-Энебакк. Черт, как же его зовут-то, этого придурка из телика, который родом отсюда?

Этого деревенского придурка с разбитым стеклом в очках и мопедом? Такой-то из Утре-Энебакка. Обхохочешься прямо.

Кайя пожала плечами. Бьёрн посмотрел в зеркало, но увидел только открытый рот Харри.

Ленсман из Утре-Энебакка стоял у очистных сооружений у Вёйентанген и ждал их, как и было условлено. Они припарковались, он представился: Скай, что особенно понравилось Бьёрну Хольму, а потом они пошли за ним вниз к плавучей пристани, у которой примерно дюжина лодок покачивалась на спокойной воде.

— Рано еще вытаскивать лодки на воду, — заметила Кайя.

— В этом году льда так и не было, да и не будет уже, — сказал ленсман. — Это впервые. Я тут родился, а такого не припомню.

Они ступили в широкую плоскодонку. Бьёрн — немного осторожнее, чем остальные.

— Да здесь мелко, — сказала Кайя, а ленсман оттолкнул плоскодонку от причала.

— Йес, — ответил он, глянул вниз на воду и завел мотор, решительно дернув за шнур. — Но веревочная мастерская на другом берегу, там глубоко. Можно доехать и по суше, дорога туда почти доходит, но там склон такой крутой, что

иначе чем на лодке не доберешься.

Он поставил переключатель на переднюю скорость. Птица неизвестного вида поднялась с дерева в глубине ельника и предостерегающе прокричала — неизвестно что.

— Ненавижу море, — признался Бьёрн.

Харри едва смог расслышать его из-за грохота двухтактного навесного мотора. Они скользили в сером предвечернем свете по полосе чистой воды между стенами камыша высотой метра в два, миновали кучу веток, — Харри предположил, что это бобровая хатка, — и дальше, по каналу среди полузатопленных деревьев, похожих на мангровые заросли.

— Это озеро, — заметил Харри. — А не море.

— Хрен редьки… — сказал Бьёрн и отодвинулся от борта на середину банки. — По мне, ничего нет лучше суши, где-нибудь подальше от моря, чтоб только коровий навоз и горы.

Канал расширился, и озеро Люсерен наконец открылось их взору. Лодка, пыхтя, проплывала мимо каменных утесов и островков с покинутыми на зиму дачками — их черные окна, казалось, следили за ними бдительным взглядом.

— Дачки от Герхардсена[42], — прокомментировал ленсман. — Здесь у тебя никогда не будет стресса, как на Золотом берегу, где ты просто вынужден соревноваться с соседом — у кого яхта больше или роскошнее пристройка к даче. — Он сплюнул в воду.

— Как же его все-таки зовут, этого смешного придурка по телевизору, который из Утре-Энебакка? — спросил Бьёрн, стараясь перекричать шум мотора. — У него еще очки разбиты. И мопед.

Ленсман без всякого выражения посмотрел на Бьёрна Хольма и медленно покачал головой.

— Веревочная мастерская, — сказал он.

Впереди, на берегу, почти у самой воды Харри увидел старое удлиненное деревянное строение, одиноко стоящее под крутым склоном холма. С двух сторон к нему вплотную подступал лес. Рядом с мастерской вдоль отвесной стены горы шли рельсы и исчезали в черной воде. Сурик на стенах дома облупился, а окна и двери зияли открытыми проемами без стекол. Харри прищурился. Наступали сумерки, и казалось, что в одном из окон стоит одетый в белое человек и смотрит на них.

— Черт, настоящий дом с привидениями, — за-

[42] Примечания: 42

Герхардсен Эйнар (1897–1987) — норвежский политик, социал-демократ, трижды возглавлял правительство Норвегии.

смеялся Бьёрн.

— Да, так говорят, — сказал ленсман Скай и выключил мотор.

Во внезапно наступившей тишине они услышали, как смех Бьёрна эхом отозвался на другом берегу, а следом раздался звон одинокого овечьего колокольчика, долетевший до них через все озеро.

Кайя спрыгнула на берег и с проворством, говорящим о том, что это для нее дело привычное, привязала причальный конец к полусгнившему позеленевшему столбику, торчащему между водяных лилий.

Они сошли с плоскодонки на огромные валуны, которые использовались в качестве причала. Шагнули в дверной проем и оказались в очень длинном, узком и пустом помещении, пахнущем рыбьим жиром и мочой. Снаружи здание выглядело короче, часть его скрывал густой лес. Если ширина дома составляла чуть больше двух метров, то от торца до торца было метров шестьдесят.

— Тут вставали с двух концов мастерской и ссучивали веревку, — объяснила Кайя прежде, чем Харри успел задать вопрос.

В одном углу валялись три пустые пивные бу-

тылки, и было видно, что кто-то пытался развести костер. На противоположной стене, перед парой оторванных досок, висели сети.

— После Симонсена желающих взять себе эту мастерскую не оказалось, — пояснил ленсман и огляделся. — Так и пустует с тех пор.

— А для чего тут рельсы? — поинтересовался Харри.

— Ну, во-первых, для того, чтобы спускать и поднимать лодку, на которой привозили бревна. И еще для того, чтобы держать бревна под водой, когда они отмокают. Он привязывал стволы к вагонеткам, которые наверняка все еще стоят там наверху, в сарае. А потом пускал вагонетки в воду и поднимал наверх через несколько недель, когда дерево уже доходило до нужной кондиции. Он практичный был, Симонсен.

Все вздрогнули, когда в лесу, прямо за стеной домика, вдруг раздалось блеяние.

— Овца, — сказал ленсман. — А может, олень.

Они последовали за ним по узкой лестнице на второй этаж. Посреди комнаты стоял огромный длинный стол. Оба конца похожей на коридор комнаты терялись в темноте. Под подоконниками валялись осколки разбитого оконного стекла, в окна задувал ветер и, тихо посвистывая, тре-

пал изъеденную молью подвенечную вуаль на женщине, глядящей на озеро. Это был манекен, ниже торса виднелся скелет: черный железный штатив на колесиках.

— Симонсен использовал ее как пугало, — сказал Скай и кивнул в сторону фигуры.

— Жутковато, — отметила Кайя, подошла поближе к ленсману и, поеживаясь, закуталась в куртку поплотнее.

Он взглянул на нее и криво улыбнулся:

— Вся здешняя ребятня боялась ее до смерти. Взрослые говорили, что в полнолуние она бродит по окрестностям и ищет своего возлюбленного, который бросил ее в день свадьбы. И что ее появление сопровождается скрипом несмазанных колесиков. Я ведь и сам вырос недалеко отсюда, в Хаге.

— Правда? — удивилась Кайя, а Харри подавил улыбку.

— Йес, — сказал Скай. — Это, кстати, единственная известная женщина в окружении Симонсена. Он был такой одинокий волк. Но веревки делать умел.

Бьёрн Хольм, находившийся у них за спиной, поднял кусок веревки, висящий на гвозде.

— А что, разве я сказал, что тут можно что-то

трогать? — спросил ленсман, не оборачиваясь.

Бьёрн поспешил повесить веревку на место.

— О'кей, шеф, — сказал Харри и улыбнулся Скаю, не разжимая губы. — Можно тут что-то трогать?

Ленсман окинул Харри оценивающим взглядом.

— Вы мне еще не рассказали, в чем дело.

— Это строго конфиденциально, — сказал Харри. — Прошу прощения. Экономические преступления. Сами понимаете.

— Вот как? Если вы — тот самый Харри Холе, как мне кажется, то вы работаете с убийствами.

— Ну, — ответил Харри, — на сей раз это инсайд, незаконная покупка акций, уклонение от уплаты налогов и подлог. Не все ж в дерьме копаться.

Ленсман Скай прищурил глаз. Птица прокричала снова.

— Вы конечно же правы, Скай, — сказала Кайя и вздохнула. — Именно я должна была позаботиться о том, чтобы получить в управлении разрешение на обыск, но вы же знаете, у нас людей не хватает, и мы бы сэкономили кучу времени, если бы только смогли… — Она улыбнулась своей милой улыбкой, обнажив мелкие острые зубки, и кивком показала на веревку.

Скай взглянул на нее. Покачался взад-вперед на каблуках своих резиновых сапог. Потом кивнул.

— Буду ждать в лодке, — сказал он.

Бьёрн сразу же принялся за дело. Положил кусок веревки на длинный стол, открыл маленький рюкзак, с которым приехал, включил карманный фонарик со шнурком, на конце которого был рыболовный крючок, и закрепил крючок между двумя досками на потолке. Достал свой лэптоп, переносной микроскоп, формой и размером напоминающий молоток, подключил его к USB-порту на лэптопе, проверил, передает ли микроскоп картинки на экран, а потом открыл снимок, который перенес на лэптоп перед отъездом.

Харри встал рядом с невестой и посмотрел вниз на озеро. В лодке мерцал огонек сигареты. Он взглянул на рельсы, уходящие в воду. Глубоко. Харри никогда не любил купаться в пресной воде, особенно после того случая, когда они с Эйстейном решили прогулять школу, поехали на озеро Хауктьерн в Эстмарке и прыгнули там с Чертова обрыва, про который говорили, что он двенадцать метров высотой. И Харри — как раз тогда, когда он, прыгнув, уже должен был войти в воду, — вдруг увидел прямо перед собой в воде гадюку, а потом над его головой сомкнулась

стеклянно-зеленая ледяная тьма. В панике он выхлебал, наверное, половину озерца и уже решил, что больше никогда не увидит дневного света и не будет дышать воздухом.

Харри почувствовал знакомый аромат и понял, что Кайя стоит позади него.

— Бинго, — услышали они тихий голос Бьёрна Хольма у себя за спиной.

Харри повернулся к нему:

— Тот же тип веревки?

— Вне всякого сомнения, — ответил Бьёрн, держа свой молоткообразный микроскоп у конца веревки и нажимая на клавиши. — Липа и вяз. Та же толщина и длина волокон. Но самое примечательное — свежий срез на конце веревки.

— Что?

Бьёрн показал на экран.

— Слева — картинка, которую я привез с собой. Она показывает конец веревки во Фрогнербадет, увеличенный в двадцать пять раз. А на этой картинке у меня великолепное…

Харри закрыл глаза, чтобы еще лучше насладиться словом, которое, как он знал, вот-вот последует:

— …совпадение.

Глаза его были по-прежнему закрыты. Веревка,

на которой была повешена Марит Ульсен, не просто изготовлена здесь, она отрезана от той, что сейчас лежит перед ними. И срез совсем свежий. Значит, убийца совсем недавно стоял там, где сейчас стояли они. Харри принюхался.

На улице было темно, хоть глаз коли. Харри едва-едва мог различить в проеме окна что-то белое, когда они отплывали.

Кайя села рядом с Харри на носу лодки. Чтобы он мог ее расслышать сквозь рев мотора, ей пришлось наклониться к нему вплотную.

— Человек, забравший отсюда веревку, должен хорошо знать эти места. И между этим человеком и убийцей не может быть слишком много звеньев…

— Я думаю, что этих звеньев просто нет, — произнес Харри. — Срез совсем свежий. И маловероятно, чтобы веревка переходила из рук в руки.

— Значит, этот человек знает здешние места, может, у него здесь дача, — подумала Кайя вслух. — Или же он здесь вырос.

— Но зачем надо ехать в такую даль, в заброшенную веревочную мастерскую, чтобы разжиться несколькими метрами веревки? — спросил Харри. — Сколько в магазине стоит длинная веревка? Пару сотен?

— Может, он случайно оказался здесь поблизости и знал, что тут есть веревка.

— О'кей, но тогда это значит, он жил здесь на одной из ближайших дач. Потому что всем остальным, чтобы добраться до мастерской, нужно плыть на лодке. Ты составишь…

— Да, я составлю список ближайших соседей. Кстати, я разыскала тебе вулканолога. Один ботан в Геологическом институте. Феликс Рёст. Занимается вулканами. Из тех, кто ездит по всему миру, смотрит на вулканы, извержения и все такое.

— Ты с ним говорила?

— Только с сестрой, они живут вместе. Она попросила меня написать ему на мейл или послать эсэмэску. По-другому он просто ни с кем не общается, так она сказала. Кроме того, его в тот момент не было дома, где-то в шахматы играл. Я перешлю ему камни и информацию.

Они скользили по зеленому каналу по направлению к пристани. Бьёрн держал карманный фонарик, который освещал им путь и указывал дорогу — над водой уже сгущался туман. Ленсман выключил мотор.

— Смотрите! — прошептала Кайя и еще плотнее прижалась к Харри.

Он взглянул туда, куда она указывала пальцем,

и почувствовал ее запах. В камыши за пристанью из тумана скользнул большой белый одинокий лебедь — прямо в пучок света от карманного фонарика.

— Боже, как… красиво, — завороженно прошептала она, засмеялась и быстро сжала его руку.

Скай проводил их до очистных сооружений. Они сели в «амазон» и уже собирались отъехать, как вдруг Бьёрн лихорадочно опустил стекло и прокричал ленсману:

— ФРИТЬОФ!

Скай остановился и медленно повернулся. Свет фонаря падал на его грубо тесаное, лишенное всякого выражения лицо.

— Этот придурок из телевизора, — прокричал Бьёрн. — Фритьоф из Утре-Энебакка.

— Из Утре-Энебакка? — переспросил Скай и сплюнул. — Первый раз слышу.

Когда «амазон» через двадцать пять минут свернул на шоссе у мусоросжигательного завода в Грёнму, Харри принял решение.

— Мы должны организовать утечку этой информации в Крипос, — сказал он.

— Что? — спросили хором Бьёрн и Кайя.

— Я говорил с Беатой. Она направит наверх рапорт о том, что это ее люди из криминалистиче-

ского отдела выяснили все про веревку, а не мы.

— Почему? — поинтересовалась Кайя.

— Если убийца живет в районе Люсерена, нужно будет проводить обыск во всех домах, а у нас для этого нет ни возможностей, ни людей.

Бьёрн Хольм стукнул кулаком по рулю.

— Знаю, — сказал Харри. — Самое главное — взять его, а кто именно это сделает, не так и важно.

Дальше они ехали в полном молчании. Фальшь только что сказанных слов повисла в воздухе, точно эхо.

Глава 20
Эйстейн

Электричество все-таки отключили. Стоя в темноте в коридоре, Харри пару раз нажал выключатель. Потом то же самое проделал в гостиной.

Затем сел в кресло с подголовником и уставился в темноту.

Он все еще сидел в кресле, когда зазвонил мобильник.

— Холе.

— Феликс Рёст.

— Как? — переспросил Харри. Если судить по голосу, говорила маленькая хрупкая женщина.

— Это Фрида Ларсен, его сестра. Он попросил меня позвонить вам и сказать, что камни, которые вы нашли, — мафическая базальтовая лава. Ясно?

— Погодите! Что это означает? Мафическая?

— Это горячая лава, больше тысячи градусов, низкой вязкости, поэтому при извержении растекается и распространяется довольно далеко.

— Она может быть из Осло?

— Нет.

— А почему? Осло ведь стоит на лаве.

— На старой лаве. А эта лава свежая.

— Насколько свежая?

Он слышал, что она закрыла трубку рукой и говорит с кем-то. Или с чем-то, другого голоса он не слышал. Судя по всему, ей ответили, потому что она почти сразу же сказала:

— Он сказал — от пяти до пятидесяти лет. Но если вы думаете найти, из какого вулкана эта лава, вам предстоит большая работа. В мире больше тысячи пятисот действующих вулканов. И это только те, которые известны. Если у вас есть еще вопросы, с Феликсом можно связаться по электронной почте. У вашей ассистентки есть адрес.

— Но…

Она уже положила трубку.

Он подумал, не стоит ли перезвонить, но передумал и набрал другой номер.

— «Осло-такси».

— Привет, Эйстейн, это Харри Хо.

— Иди в жопу. Харри Хо умер.

— Не совсем.

— Ладно, тогда это я умер.

— Не хочешь ли подвезти меня с Софиес-гате до отчего дома?

— Нет, не хочу, но все равно отвезу. Сейчас

только выполню этот заказ. — Эйстейн засмеялся и закашлялся. — Харри Хо. Черт… Перезвоню, когда приеду.

Харри положил трубку, прошел в спальню, в свете уличного фонаря, светившего в окно, сложил сумку, забрал пару компакт-дисков из гостиной, светя себе мобильным телефоном. Блок сигарет, наручники, служебный пистолет.

Потом вновь уселся в кресло и воспользовался темнотой для того, чтобы повторить упражнение с револьвером. Завел будильник на наручных часах, повернул барабан на своем «смит-вессоне», разрядил и зарядил его. Четыре патрона вынул, четыре вставил, никакой спешки, только проворство пальцев. Снова крутанул барабан, чтобы первый патрон шел первым. Стоп. Девять шестьдесят шесть. Почти на три секунды больше, чем его же личный рекорд. Он открыл барабан. Промах. Первая камора, которая была готова к выстрелу, оказалась одной из двух пустых. Значит, он убит. Он повторил упражнение. Девять пятьдесят. И снова он убит. Когда Эйстейн перезвонил через двадцать минут, он уже укладывался в восемь секунд и был убит шесть раз.

— Иду, — сказал Харри.

Он вышел на кухню. Посмотрел на дверцу под

мойкой. Поколебался. Потом взял фотографии Ракели и Олега и сунул во внутренний карман.

— Гонконг? — фыркнул Эйстейн Эйкеланн. Он повернул свое пропитое лицо с брутальным носом-рубильником и печальными висячими усами к Харри, сидящему на заднем сиденье. — Какого черта ты туда уехал?

— Ну, ты ж меня знаешь, — сказал Харри, когда Эйстейн остановился на красный свет у гостиницы «Рэдиссон-САС».

— Ни черта я тебя не знаю, — сказал Эйстейн и принялся скручивать папиросу. — Почему я должен тебя знать?

— Мы выросли вместе. Забыл?

— И чего? Ты уже тогда был одна сплошная загадка, Харри.

Распахнулась задняя дверь, и мужчина в пальто плюхнулся на сиденье:

— Аэроэкспресс, Бюпортен. Быстро.

— Занято, — сказал Эйстейн, не оборачиваясь.

— Ерунда, у вас не выключен огонек на крыше.

— Гонконг — это круто. А чего ты вернулся, собственно говоря?

— Извините, — сказал мужчина на заднем сиденье.

Эйстейн сунул папиросу в рот и прикурил.

— Звонил Валенок, зовет на дружескую вечеринку сегодня вечером.

— У Валенка нет друзей, — возразил Харри.

— Ну! Я так его и спросил: «А кто у тебя друзья?» — «Ты», — сказал он и спросил: «А у тебя, Эйстейн?» — «Ты», — ответил я. Так что нас двое. Мы просто-напросто забыли про тебя, Харри. Так бывает, когда ты уезжаешь в… — Он сложил губы в трубочку и смешно произнес: — Гонконг!

— Эй, але, — послышалось с заднего сиденья. — Если вы закончили, то мы, наверное, можем…

Загорелся зеленый, и Эйстейн нажал на газ.

— Так ты придешь? Это будет дома у Валенка.

— Там такая вонь, Эйстейн.

— Но у него полон холодильник.

— Сорри, у меня нет настроения для вечеринок.

— Настроения для вечеринок? — фыркнул Эйстейн и стукнул ладонью по рулю. — Что ты знаешь о настроении для вечеринок, Харри? Ты всегда от всех вечеринок увиливал. Помнишь? Мы купили пива, собрались ехать на какую-то хату в Нурстранне, где была масса телок. И вдруг ты предлагаешь, чтобы ты, я и Валенок вместо этого поехали в бункеры и напились бы там сепаратно.

— Эй, эта дорога не идет к аэроэкспрессу, — взвизгнули на заднем сиденье.

Эйстейн вновь затормозил на красный, отбросил с лица свои жидкие волосы, доходящие ему до плеч, и повернулся к заднему сиденью:

— Там мы и остались. Надрались, как сволочи, и вот он начал петь «No Surrender»[43], а Валенок стал бросать в него пустые бутылки.

— Послушайте! — захныкал мужчина и ткнул пальцем в стекло часов «Таг Хоер». — Мне *необходимо* успеть на последний самолет в Стокгольм.

— Хорошо было у бункеров, — сказал Харри. — Лучший вид на город.

— Ага, — согласился Эйстейн. — Если бы союзники только попробовали, то немцы бы их всех положили.

— Точно, — ухмыльнулся Харри.

— Понимаешь, у нас есть клятва, которую никто не отменял, — у него, меня и Валенка, — объяснил Эйстейн человеку в костюме, который отчаянно вглядывался в темноту за стеклом машины, пытаясь высмотреть свободное такси. — Что, если придут эти чертовы союзники, мы их всех изрешетим. Вот так.

---

[43] Примечания: 43

«Не сдаваться» *(англ.)* — песня из репертуара американского рок-исполнителя Брюса Спрингстина.

Эйстейн поднял воображаемый автомат, наставил его на мужчину в костюме и нажал на спуск. Мужчина в ужасе посмотрел на ненормального шофера такси, издал какие-то квохчущие звуки, так что мелкие белые капли пенистой слюны упали на темные отглаженные брюки. И, с судорожным вздохом распахнув дверцу машины, вывалился в дождь.

Эйстейн заржал.

— Ты заскучал по дому, — сказал он. — Тебе снова захотелось потанцевать с Killer Queen в ресторане «Экеберг».

Харри засмеялся и покачал головой. В боковое стекло он видел, что мужчина рванул в сторону Национального театра.

— Дело в моем отце. Он болен. Ему недолго осталось.

— Черт. — Эйстейн снова нажал на газ. — Он хороший мужик.

— Спасибо. Я подумал, ты должен знать.

— Ясное дело. Скажу моим старикам.

— Ну, приехали, — произнес Эйстейн, когда они припарковались у гаража возле желтого деревянного особнячка в Уппсале.

— Ага, — сказал Харри.

Эйстейн затянулся так резко, что казалось,

сигарета сейчас вспыхнет, — глубоко, до самых легких, и выпустил дым с длинным булькающим хрипом. Потом склонил голову на плечо и смахнул пепел в пепельницу. У Харри сладко кольнуло в сердце. Сколько раз он видел Эйстейна именно за этим занятием, видел, как тот отклоняется в сторону, словно сигарета настолько тяжела, что иначе он просто потеряет равновесие. Эта склоненная набок голова. Пепел на пол в курилке в школе, в пустую бутылку из-под пива на вечеринке, куда они явились незваными, на холодный сырой бетон в бункере.

— Жизнь чертовски несправедлива, — сказал Эйстейн. — Твой отец не пил, по воскресеньям ходил на прогулки и работал учителем. А мой папаша пил, работал на фабрике «Кадок», где все заработали себе астму и странную сыпь, и не двигался ни на миллиметр, едва добравшись до дивана. И папашка здоров как бык.

Харри помнил фабрику «Кадок». Или «Кодак», если читать обратно. Владелец, родом из Сюннмёре, прочитал, что Истмен назвал свою фабрику по производству фотоаппаратов «Кодак», потому что это название легко запомнить и произнести на любом языке мира. Но «Кадок» закрыли и забыли много лет тому назад.

— Всему приходит конец, — сказал Харри.

Эйстейн кивнул, как будто следил за ходом его мыслей.

— Позвони, если нужно будет, Харри.

— Ладно.

Харри подождал, пока стихнет шуршание колес по гравию, потом открыл дверь и вошел. Он включил свет и постоял, покуда дверь за ним не захлопнулась. Запах, тишина, свет, упавший на гардероб, — все разговаривало с ним, это было как погружение в бассейн с воспоминаниями. Они окутали его, согрели, так что перехватило горло. Он стянул с себя плащ и сбросил ботинки. А потом начал обход. Из комнаты в комнату. Из года в год. От отца с матерью к Сестрёнышу и, наконец, — к самому себе. Его мальчишечья комната. Плакат с «The Clash», тот самый, с гитарой, которую вот-вот разобьют о землю. Он лег на постель и вдохнул запах матраса. И заплакал.

Глава 21
Белоснежка

Было без двух минут восемь. Микаэль Бельман шел вверх по улице Карл-Юханс-гате, одной из самых скромных главных улиц города в мире. Он находился в самом сердце норвежского королевства, в нулевой точке, перекрестье осей. Слева — университет и наука, справа — Национальный театр и культура. За спиной, в Дворцовом парке — правящий королевский дом. А прямо впереди — власть. Через триста шагов, ровно в 20.00, он поднялся по каменной лестнице к главному входу в стортинг. Здание, как и большинство зданий в Осло, не было ни особо большим, ни особо впечатляющим. И охранялось весьма скромно. На охранников тянули разве что два льва из грорудского гранита справа и слева от пригорка, поднимающегося к входу.

Бельман подошел к двери, которая бесшумно открылась еще до того, как он успел ее толкнуть. Он вошел и остановился, оглядываясь по сторонам. Перед ним возник охранник и приветливо, но решительно показал головой в сторону рамки

металлоискателя марки «Джилардони». Через десять секунд она показала, что Микаэль Бельман не вооружен и металлическая у него только пряжка на ремне.

Расмус Ульсен ждал его, прислонившись к стойке бюро пропусков. Тощий муж Марит Ульсен пожал комиссару руку и двинулся вперед, как машина на автопилоте. И включив голос гида:

— Стортинг, триста восемьдесят сотрудников аппарата, сто шестьдесят девять депутатов. Построен в тысяча восемьсот шестьдесят шестом по проекту Эмиля Виктора Ланглета. Он, кстати, был швед. Это Лестничный зал. Мозаика из камня называется «Общество», создана Эльсе Хаген в тысяча девятьсот пятидесятом. Портреты королей написаны…

Они поднялись в вестибюль, который Микаэль не раз видел по телевизору. Несколько человек торопливо прошли мимо — никого из них он не знал. Расмус объяснил, что только что закончилось заседание одной из комиссий, но Бельман его не слушал. Он думал о том, что все это — коридоры власти. Он был разочарован. Ну ладно, все золотое и красное, но где же величие, парадность, то, что должно наполнять сердца почтительным трепетом перед теми, кто принимает решения?

Проклятая непритязательность и умеренность, порок, от которого эта маленькая и совсем еще недавно такая бедная демократия на севере Европы никак не может отделаться! Но он, Бельман, сюда вернулся. И если уж ему не удалось добраться до вершины там, среди волков Европола, он точно добьется этого здесь, победив карликов и недоумков.

— Во время войны все здание занимала контора Тербовена[44]. Сейчас ни у кого здесь таких огромных офисов нет.

— Что вы можете сказать о своем браке?

— Простите?

— Вы с Марит. Вы ссорились?

— Э-э-э… нет. — Расмус Ульсен выглядел растерянно. Он пошел быстрее. Как будто желая убежать от полицейского или, во всяком случае, уйти подальше от тех, кто мог их услышать. Только когда они уже сидели за закрытой дверью офиса Ульсена в секретариате фракции, он вздохнул полной грудью. — У нас, конечно, бывало всякое. Вы женаты, Бельман?

Микаэль Бельман кивнул.

— Тогда вы наверняка понимаете, что я имею

---

[44] Примечания: 44

Тербовен Йозеф — гитлеровский рейхскомиссар в Норвегии во время Второй мировой войны.

в виду.

— Она вам изменяла?

— Нет. Мне кажется, что это я со всей определенностью могу исключить.

«Поскольку она была такая жирная?» — хотелось спросить Бельману, но он не стал. Он получил то, зачем, собственно, и пришел. Растерянность, подергивание век, почти незаметное сужение зрачков.

— А вы, Ульсен, вы сами ей изменяли?

Та же реакция. Плюс алые пятна на лбу под глубокими залысинами. Последовал короткий и упрямый ответ:

— Нет, правда нет.

Бельман склонил голову набок. Он не подозревал Расмуса Ульсена. Так почему же он терзает человека вопросами подобного рода? Ответ столь же прост, сколь и неприятен. Потому что допрашивать больше некого, никаких других зацепок у Крипоса нет. Он просто выплеснул на беднягу собственное бессилие.

— А вы, комиссар?

— Что я? — спросил Бельман и подавил зевок.

— Вы изменяете жене?

— Моя жена слишком красива, — улыбнулся Бельман. — К тому же у нас двое детей. Вы с же-

ной были бездетны, а от этого иной раз тянет… позабавиться. По моим источникам, у вас с женой какое-то время тому назад были проблемы.

— Подозреваю, это соседка. Марит иногда разговаривала с ней, да. Пару месяцев назад жена меня слегка приревновала. На курсах для лидеров профсоюза я сагитировал вступить в партию одну молоденькую девушку. Именно так я в свое время познакомился с Марит, и она…

Голос Расмуса Ульсена вдруг сел, и Бельман увидел, что глаза его наполнились слезами.

— Ничего не было. Но Марит на пару дней отправилась в горы, чтобы подумать. А потом все опять стало хорошо.

У Бельмана зазвонил телефон. Он вытащил его, взглянул на имя на дисплее и ответил коротким «да». И почувствовал, как чаще бьется сердце и как закипает ярость, пока он слушает голос в трубке.

— Веревка? — переспросил он. — Люсерен. Это значит… Утре-Энебакк? Спасибо.

Он сунул телефон в карман пальто.

— Я должен бежать, Ульсен. Спасибо, что уделили мне время.

По дороге к выходу Бельман на секунду остановился и окинул взглядом контору Тербовена,

немецкого рейхскомиссара. А потом заспешил дальше.

Было час ночи, и Харри сидел в гостиной и слушал, как Марта Вайнрайт поет о «…far away» и «whatever remains is yet to be found»[45].

Он был совершенно измотан. Перед ним на журнальном столике лежал мобильный телефон, зажигалка и серебристая фольга с коричневым комочком внутри. Он к нему не притрагивался. Но необходимо скорее заснуть, войти в ритм, взять передышку. В руке у него была фотография Ракели. Голубое платье. Он закрыл глаза. Почувствовал ее запах. Услышал голос. «Смотри!» Ее рука поспешно толкнула его. Вода вокруг них была черная и глубокая, и она плыла, белая, беззвучная, невесомая на поверхности воды. Ветер приподнял вуаль, под ней оказались молочно-белые перья. Ее длинная изящная шея образовывала вопросительный знак. Где? Она вышла на берег, черный железный скелет на скрипучих, визжащих колесиках. Потом она скрылась в доме. И вновь появилась — на втором этаже. Вокруг шеи у нее была петля, а рядом с ней был мужчина в черном костюме с белым

---

[45] Примечания: 45

«…Далеко» и «а что остается, то надо еще отыскать» *(англ.)*.

цветком в петлице пиджака. Перед ними, спиной к окну, стоял священник в белом облачении. Он медленно читал. Потом обернулся. Лицо и руки его были белыми. От снега.

Харри сразу проснулся.

Поморгал в темноте. Какой-то звук. Но не Марта Вайнрайт. Харри повернулся и схватил маленький вибрирующий телефон, лежавший на журнальном столике.

— Да, — произнес он сиплым голосом.

— Нашла.

Он уселся в кровати.

— Что нашла?

— Связь. И убитых не трое. Их четверо.

Глава 22
Поисковик

— Сначала я попробовала три имени, которые ты мне дал, — сказала Катрина Братт. — Боргни Стем-Мюре, Шарлотта Лолле и Марит Ульсен. Но ничего вразумительного не нашла. Потом я добавила всех, кто пропал без вести в Норвегии в последние двенадцать месяцев. И тогда получила что-то, с чем можно работать дальше.

— Погоди, — сказал Харри, сон у него как рукой сняло. — А откуда, черт бы тебя побрал, ты взяла список пропавших без вести?

— Интранет, группа розыска пропавших, полицейский округ Осло. А ты что подумал?

Харри застонал, а Катрина продолжала:

— Там и появилось имя, которое связало вместе три остальных. Тебе ясно?

— Ну…

— Пропавшую женщину зовут Аделе Ветлесен, двадцать восемь лет, жила в Драммене. В ноябре гражданский муж объявил ее в розыск. Нашлась зацепка на сайте Норвежских государственных железных дорог, в системе продажи билетов.

Седьмого ноября Аделе Ветлесен заказала по Интернету билет на поезд из Драммена в Устаусет. В тот же самый день у Боргни Стем-Мюре был билет на поезд из Конгсберга в то же место.

— Устаусет — не пуп земли, — заметил Харри.

— Это даже не город, это участок горного склона. Где семьи из Бергена со старым капиталом понастроили себе хижины в горах, а потом и Туристическое общество тоже построило хижины на вершинах, чтобы норвежцы могли, продолжая дело Амундсена и Нансена, перемещаться от хижины к хижине с лыжами на ногах, двадцатью пятью килограммами на спине и каплей животного страха в душе. Знаешь, это придает жизни остроту.

— Тебя послушать, ты сама там побывала.

— У семьи моего бывшего мужа была такая хижина в горах. Их капитал настолько респектабелен, что у них там нет даже электричества и водопровода. Потому что сауна и джакузи есть только у нуворишей.

— А другие привязки?

— На Марит Ульсен никакого билета на поезд зарезервировано не было. Но зафиксировано, что она расплачивалась карточкой в вагоне-ресторане такого же поезда днем раньше. Оплата

производилась в четырнадцать тридцать, согласно расписанию, поезд тогда находился между станциями Ол и Йейлу, то есть до того, как прибыл в Устаусет.

— Звучит уже не так убедительно, — заметил Харри. — Поезд идет до Бергена, может, она туда ехала.

— Неужели ты думаешь… — язвительно начала было Катрина Братт, но вдруг замолчала, сделала паузу и повторила приглушенным голосом: — Неужели ты думаешь, что я настолько глупа? В гостинице в Устаусете был зарегистрирован номер на двоих на одну ночь, на имя Расмуса Ульсена, а в центральном адресном столе он значится под тем же адресом, что и Марит Ульсен. Так что я предположила…

— Да, это ее гражданский муж. А чего это ты шепчешь?

— Потому что ночной дежурный только что мимо прошел, ясно? Слушай, у нас получилось, что двое убитых и одна пропавшая без вести были в Устаусете в один и тот же день. Что ты думаешь об этом?

— Ну, это заслуживающее внимания совпадение, но все равно мы не можем исключить, что это простая случайность.

— Согласна. А вот тебе остальное. Я поискала на Шарлотту Лолле плюс Устаусет, но ничего не нашла. И тогда сосредоточилась на дате, чтобы посмотреть, где могла быть Шарлотта Лолле тогда, когда трое других были в Устаусете. Двумя днями раньше Шарлотта расплачивалась за дизельное топливо на бензоколонке недалеко от Хёнефосса.

— Это далеко от Устаусета.

— Но в ту же сторону от Осло. Я попыталась найти машину, зарегистрированную на нее или возможного гражданского мужа. Если у них есть карточка оплаты платных дорог, можно проследить их маршрут.

— Ммм…

— Проблема в том, что у нее нет ни машины, ни гражданского мужа, во всяком случае где-то зарегистрированного.

— У нее был бойфренд.

— Вполне возможно. Но в данных Европарка искалка нашла машину в их гараже в Йейлу, зарегистрированную на Иску Пеллер.

— Это в нескольких милях оттуда. Но кто эта… Иска Пеллер?

— Если верить данным кредитных карточек, она живет в Бристоле, Сидней, Австралия. Дело в

том, что, когда я прослеживала возможные связи с Шарлоттой Лолле, она выскакивала у меня не один раз.

— Возможные связи?

— Например, когда выясняется, что какие-то люди в последние годы расплачивались карточкой в одном и том же ресторане в одно и то же время, из этого следует, что эти люди вместе ели, а расплачивались по счету каждый за себя. Или же что они ходят в один и тот же фитнес-клуб, причем записались туда одновременно, или же если в самолетах их места были рядом чаще одного раза. Ты понимаешь.

— Понимаю, — повторил Харри. — И более чем уверен, что ты проверила, о какой машине идет речь и что она…

— И что она ездит на дизеле, — язвительно ответила Катрина. — Хочешь услышать остальное или…

— Я тебя умоляю.

— В этих горных приютах, принадлежащих Туристическому обществу, нельзя заранее забронировать себе койку. Если ты туда пришел, а все места заняты, придется просто лечь на полу на матрасе или в спальном мешке, подложив под себя коврик. За ночь платишь всего сто семьдесят

крон — кладешь наличные в коробку в самой хижине либо оставляешь там конверт с разовым платежным поручением.

— Иными словами, нельзя сказать, кто и когда останавливался в каком-либо приюте?

— Нет, если ты платишь наличными. Но если ты оставил платежное поручение, то будет произведена транзакция с твоего счета на счет Туристического общества, с указанием хижины и даты ночлега.

— Представляю, какая это тягомотина — искать информацию про перевод денег.

— Да нет, не особо, если у человека хватает ума задать правильные критерии поиска.

— А его хватает, не так ли?

— Как видишь. Со счета Иски Пеллер двадцатого ноября были сняты деньги за два спальных места в четырех хижинах Туристического общества, между ними — день пути.

— То есть поход в горы вдвоем на четыре дня.

— Да. И в самом последнем, Ховассхютте, они останавливались седьмого ноября. От него до Устаусета полдня ходу.

— Любопытно.

— Самое интересное — два других счета, с которых тоже сняли деньги за ночевку в Ховассхютте

седьмого ноября. Угадай, кому они принадлежали?

— Попробую. Это вряд ли Марит Ульсен и Боргни Стем-Мюре — полагаю, Крипос обнаружил бы, что две жертвы были недавно в одном и том же месте в одну и ту же ночь. Так что один счет явно принадлежал пропавшей без вести девушке, как, ты говорила, ее зовут?

— Аделе Ветлесен. Ты совершенно прав. Она заплатила за двоих, но я, конечно, не могу знать, кто с ней был.

— А другой счет?

— Не особо интересно. Из Ставангера.

Тем не менее Харри взял ручку и записал имя и адрес упомянутого владельца счета, а также адрес Иски Пеллер в Сиднее.

— Я смотрю, искалка тебе понравилась, — заметил он.

— Ага, — призналась она. — Похоже на полет на старом бомбардировщике. Малость ржавый, заводится медленно, но если уж взлетел… Боже! Как тебе результат?

Харри на секунду задумался.

— Тебе удалось выяснить, — сказал он, — что пропавшая без вести женщина и женщина, предположительно не имеющая никакого отношения

к делу, находились в одно и то же время в одном и том же место. Само по себе это еще не повод кричать «ура». Но ты обнаружила, что вместе с ними была одна из жертв — Шарлотта Лолле. И ты установила, что еще две жертвы, Боргни Стем-Мюре и Марит Ульсен, находились в непосредственной близости от Устаусета. Значит…

— Что значит?

— Значит, я тебя поздравляю. Ты выполнила свою часть сделки. Что касается моей…

— Расслабься и прекрати улыбаться этой своей глумливой ухмылкой, я ведь тебя знаю. Я вовсе не имела это в виду, я невменяемая, разве ты еще не понял?

В трубке послышались гудки.

Глава 23
Пассажир

Она была в автобусе одна. Стине прислонилась лбом к окну, но не только для того, чтобы полюбоваться своим отражением. Она пристально вглядывалась в пустую, черную как ночь остановку. Надеялась, что появится кто-нибудь еще. Надеялась, что больше никто не появится.

Он тогда сидел у окна в Краббе, перед ним было пиво, и он смотрел на нее не шевелясь. Вязаная шапка, светлые волосы и безумные синие глаза. Его глаза смеялись, жалили ее, молили, кричали ее имя. В конце концов она сказала Матильде, что хочет домой. Но Матильде, которая только-только разговорилась с каким-то американским нефтяником, хотелось посидеть еще. Поэтому Стине взяла пальто, добежала от Краббе до автобусной станции и села в автобус до Воланна.

Она смотрела на красные цифры на табло над головой шофера. Надеялась, что двери вот-вот закроют и автобус поедет. Осталась одна минута.

— Послушай, Стине, — сказал он. — Мне кажется, ты меня избегаешь.

— Ой, привет, Элиас, — сказала она, не отрывая глаз от мокнущего под дождем асфальта. Ну зачем она забралась в глубь автобуса, зачем села так далеко от водителя?

— Слушай, тебе не стоит вот так расхаживать по ночам одной.

— Да? — пробормотала она, надеясь, что появится хоть кто-то.

— Ты что, газет не читаешь? Те две девушки в Осло. И еще эта, недавно, депутатша парламента. Как ее звали-то?

— Понятия не имею, — ответила Стине, чувствуя, как бешено бьется сердце.

— Марит Ульсен, — сказал Элиас. — Из Рабочей партии. А двух других звали Боргни и Шарлотта. Ты уверена, что не вспомнила эти имена, Стине?

— Я не читаю газет, — сказала Стине.

Ну должен же прийти хоть кто-то еще!

— Все три — отличные девчонки, — сказал он.

— Ах, ты их знаешь? — Стине немедленно пожалела о сарказме в своем голосе. Это от страха.

— Ну, разумеется, не очень хорошо, — признался Элиас. — Но первое впечатление было благоприятным. Видишь ли, я из тех, для кого очень важно первое впечатление.

Она уставилась на руку, которую он осторожно

положил ей на колено.

— Послушай… — сказала она и поняла, что даже одно это слово звучит умоляюще.

— Что, Стине?

Она взглянула на него. У него было открытое, как у ребенка, лицо, в глазах вопрос. Ей захотелось закричать, сорваться с места, но тут она услышала шаги и чей-то голос. Кто-то заговорил с шофером. Пассажир. Взрослый мужчина. Он прошел дальше, в глубь автобуса. Стине попыталась поймать его взгляд, сделать так, чтобы он понял, но глаза его были скрыты полями шляпы, а сам он — поглощен тем, что пытался засунуть сдачу и билет в бумажник. Она с облегчением вздохнула, когда пассажир уселся на сиденье прямо за ними.

— Просто непостижимо, что полиция не обнаружила между ними никакой связи, — сказал Элиас. — Ведь это же не так сложно. Они же должны были узнать, что все три девушки любили ходить в горы. Что они ночевали в хижине Ховассхютта в одну и ту же ночь. Как ты считаешь, может, мне следует пойти к ним и все рассказать?

— Может быть, — прошептала Стине.

Если она поторопится, то, возможно, ей удастся

прошмыгнуть мимо Элиаса и выскочить из автобуса. Но она не успела обдумать эту мысль, двери фыркнули, захлопнулись, и автобус тронулся. Она закрыла глаза.

— Я просто не хочу вмешиваться. Надеюсь, ты понимаешь, Стине?

Она медленно кивнула, глаза ее по-прежнему были закрыты.

— Отлично. Тогда я могу рассказать тебе еще кое о ком, кто там был. И уж его-то ты совершенно точно знаешь.

Глава 24
Ставангер

— Ну и запах… — сказала Кайя.

— Навоз, — заметил Харри. — Думаю, коровий. Добро пожаловать в Йэрен.

Утренний свет сочился сквозь облака, нависающие над по-весеннему зелеными полями. Из-за каменных изгородей коровы молча провожали взглядом их такси, едущее из аэропорта Сула в центр Ставангера.

Харри наклонился вперед к шоферу:

— Нельзя ли чуть побыстрее? — Он поднял вверх свое удостоверение.

Шофер широко улыбнулся, нажал на газ, и машина полетела по шоссе.

— Ты что, боишься, что мы уже опоздали? — тихо спросила Кайя, когда Харри вновь плюхнулся на сиденье.

— По телефону не отвечает, на работе тоже нет, — сказал Харри. Ему не надо было продолжать — и так все ясно.

После разговора с Катриной Братт прошлой ночью Харри внимательно изучил свои записи.

У него были имена, телефонные номера и адреса двух людей, которые предположительно были живы и которые, по всей видимости, ночевали в ноябре вместе с тремя другими, ставшими жертвами убийств, в одной и той же горной хижине. Он посмотрел на часы, вычислил, что в Сиднее раннее утро, и позвонил по номеру Иски Пеллер. Она ответила и очень удивилась, когда Харри заговорил о Ховассхютте. Впрочем, ничего существенного о своем пребывании в туристической хижине она Харри рассказать не смогла, потому что все время пролежала там в отдельной комнате — у нее поднялась температура. Может, потому, что она слишком долго шла на лыжах в мокрой, пропотевшей насквозь одежде, может быть, потому, что для неопытного лыжника это тяжелое испытание — идти на лыжах от хижины к хижине. Или, может, случайно заразилась гриппом. Во всяком случае, она еле-еле приползла к Ховассхютте, и ее подруга, которая была в горах вместе с ней, Шарлотта Лолле, немедленно уложила ее в постель. Там Иска Пеллер провалилась в полный видений сон, в то время как у нее ломило все тело, она то потела, то замерзала. И что там происходило с другими в хижине, даже кто они были, эти другие, — все прошло

мимо нее, потому что они с Шарлоттой пришли в Ховассхютту первыми. На следующий день она провалялась в постели, пока другие не покинули хижину, а их с Шарлоттой на снегоходе забрал местный полицейский, которого удалось найти ее подруге. Он отвез их к себе домой, где и предложил им переночевать, поскольку гостиница, по его словам, переполнена. Они согласились, но потом передумали, поздно вечером сели на поезд, доехали до Йейлы и остановились там в гостинице. Шарлотта не рассказывала Иске про вечер в Ховассхютте ничего особенного. Вероятно, в тот вечер ничего примечательного и не произошло.

Через пять дней после похода в горы мисс Пеллер улетела из Осло в Сидней, по-прежнему с небольшой температурой. По возвращении они регулярно общались с Шарлоттой по электронной почте, и не было ничего, что бы показалось ей подозрительным. Вплоть до того самого момента, когда она получила ужасную весть о том, что ее подруга была найдена мертвой позади старой машины на опушке леса у озера Даушеен, совсем недалеко от крупного жилого массива в Осло.

Харри осторожно, но внятно объяснил Иске Пеллер, что они беспокоятся за тех, кто был в хижине в тот вечер, и что он, когда они закончат

разговаривать, хочет позвонить главе убойного отдела Южного полицейского округа Сиднея Нилу Маккормаку, с которым ему однажды довелось работать. И что Маккормак объяснит ей подробнее и — хотя Австралия, конечно, далеко — позаботится о полицейской охране. Ему показалось, что Иска Пеллер отнеслась к этому с пониманием.

Затем Харри позвонил по другому телефонному номеру, ставангерскому. Он звонил четырежды, но никто не ответил. Разумеется, он знал, что это вовсе не обязательно что-то значит. Не все кладут рядом с собой мобильный телефон, когда спят. Но Кайя Сульнес, вне всякого сомнения, поступала именно так. Она взяла трубку на втором гудке и, когда Харри сообщил ей, что они вылетают в Ставангер первым же самолетом и ей надо быть в аэроэкспрессе в 6.05, только сказала «Да».

В аэропорту Осло они были уже в половине седьмого, Харри снова позвонил, никакого ответа. Через полчаса они приземлились в аэропорту Сула, Харри позвонил еще, результат оказался таким же. По дороге от терминала к очереди на такси Кайя связалась с работодателем, который сообщил, что человек, который им нужен, на работу в обычное время не пришел. Она сказала

об этом Харри, и тот осторожно подтолкнул ее рукой в спину, провел мимо очереди на такси и впихнул в машину под громкие протесты страждущих, на которые ответил:

— Спасибо, народ, и вам всем тоже хорошего дня!

Было 8.16, когда они прибыли по нужному адресу, к белому деревянному дом в Воланне. Харри предоставил возможность расплатиться Кайе и вышел, оставив дверцу открытой. Присмотрелся к безликому фасаду. Вдохнул сырой, свежий, но все равно нежный воздух Западного побережья. Собрался с силами. Потому что уже знал. Он, конечно, мог ошибаться, но он знал, он был уверен, как и в том, что Кайя непременно скажет «спасибо», когда таксист выпишет ей квитанцию.

— Спасибо. — Автомобильная дверца снова захлопнулась.

Имя было над средним из трех звонков на входной двери.

Харри нажал на кнопку и услышал звонок где-то в глубине дома.

Спустя минуту, после трех безуспешных попыток, он нажал на нижнюю кнопку.

Пожилая дама, открывшая дверь, смотрел на них с улыбкой.

Харри обратил внимание на то, что Кайя инстинктивно поняла, кому следует начать разговор:

— Здравствуйте, я Кайя Сульнес, мы из полиции. Этажом выше не отвечают, не знаете, есть там кто дома?

— Вероятно. Хотя там весь день тихо, — сказала дама. И поспешила добавить, когда увидела, что Харри приподнял бровь: — Здесь все так слышно, и я слышала, что ночью кто-то приходил. А поскольку квартиру сдаю я, мне кажется, что я должна быть в курсе.

— Значит, вы прислушиваетесь? — поинтересовался Харри.

— Да, но я не вмешиваюсь… — Щеки дамы залил лихорадочный румянец. — Ведь в этом нет ничего плохого, как мне кажется. Я хотела сказать, что у меня никогда не было никаких проблем с…

— Мы не знаем… — сказал Харри.

— Лучше будет пойти и проверить, — заметила Кайя. — Так что, если у вас есть ключи от этой квартиры…

Харри понимал, что у Кайи в голове сейчас вертятся разные формулировки, и с нетерпением ждал продолжения.

— …мы с удовольствием поможем вам проверить, все ли в порядке.

Кайя Сульнес хитрая. Если дама, сдающая квартиру, согласится на их предложение и они что-то обнаружат, то в протоколе будет написано, что их пригласили войти в квартиру, и не будет — что они употребили для этого власть или произвели обыск без ордера.

Дама колебалась.

— Но вы, разумеется, можете отпереть дверь и войти туда уже после того, как мы уйдем, — улыбнулась Кайя. — А потом вызвать полицию. Или «скорую помощь». Или…

— Думаю, будет лучше, если вы пойдете со мной, — сказала дама, на лбу у которой появилась глубокая, озабоченная морщинка. — Погодите, я сейчас принесу ключи.

Квартира, в которую они вошли минуту спустя, была чистой, прибранной и почти без мебели. Харри сразу же узнал ту характерную, почти давящую тишину пустых квартир, когда утренняя повседневная суета ощущается только как еле слышный шум за окном. Но кроме того, он почувствовал запах. Запах клея. Увидел пару ботинок, но верхней одежды не было.

На маленькой кухоньке возле мойки стояла

большая чашка с чаем, а на полке над мойкой — жестяные баночки с разными, неизвестными Харри сортами чая: «Oolong Tea», «Anji Bai Cha Tea». Они пошли дальше. На стене в гостиной Харри увидел снимок горы, который, как ему показалось, он узнал: К-2[46], гималайская серийная убийца.

— Проверишь? — спросил Харри, кивнул на дверь с сердечком и направился туда, где, по его мнению, должна быть спальня. Он глубоко вздохнул, нажал на ручку и толкнул дверь.

Постель была застлана. Комната прибрана. Окно чуть приоткрыто, никакого запаха клея, воздух свеж, как дыхание ребенка. Харри услышал, как хозяйка встала в дверях у него за спиной.

— Как странно, — пробормотала она. — Ведь я же слышала их ночью. И ушел только один.

— Их? — спросил Харри. — Вы уверены, что их было несколько?

— Да. Я слышала голоса.

— А сколько их было?

— Мне показалось, трое.

Харри открыл платяной шкаф.

— Мужчины? Женщины?

---

[46] Примечания: 46

К-2 — гора в Пакистане, 8611 метров над уровнем моря.

— Ну, к счастью, у меня не такой хороший слух.

Одежда. Спальный мешок и рюкзак. Еще одежда.

— А почему вам кажется, что их было трое?

Щеки хозяйки вновь порозовели.

— Стук. Как будто они… ну, вы понимаете…

— Но никаких голосов?

Хозяйка задумалась.

— Нет, никаких голосов.

Харри вышел из комнаты. И к своему огромному удивлению, увидел, что Кайя все еще стоит в коридоре перед дверью в ванную. И стояла она как-то странно — как будто в лицо ей дул сильный ветер.

— Что-то не так?

— Да нет, — ответила Кайя быстро и непринужденно. Слишком непринужденно.

Харри подошел и встал рядом с ней.

— В чем дело? — понизив голос, спросил он.

— Я… у меня проблемы с закрытыми дверьми.

— О'кей, — сказал Харри.

— Нет, правда…

Харри кивнул. И именно тогда услышал звук. Звук отмеренного времени, истекающего срока, убегающих секунд — быстрые, лихорадочные

капли воды, которая не то чтобы течет и не то чтобы капает. Кран по ту сторону двери. И Харри знал, что не ошибается.

— Стой здесь, — приказал Харри.

И толкнул дверь.

Первое, на что он обратил внимание: запах клея здесь был еще сильнее.

Второе: на полу лежала куртка, пара джинсов, трусы, майка, два черных носка, вязаная шапка и толстый шерстяной свитер.

Третье: вода текла непрекращающейся струйкой из крана в ванну, которая была наполнена настолько, что излишек стекал в сливное отверстие на стенке.

Четвертое: вода в ванне покраснела от крови.

Пятое: потухший взгляд над заклеенным скотчем ртом голого, мертвенно-белого человека на дне ванны, взгляд, устремленный в сторону. Как будто пытаясь поймать что-то в мертвой зоне, кого-то, кого он не заметил, когда тот пришел.

Шестое: никаких следов насилия, никаких внешних повреждений, которые могли бы объяснить такое обилие крови.

Харри кашлянул и подумал, как ему лучше попросить хозяйку войти и опознать своего жильца.

Но нужды в этом уже не было, она стояла на пороге ванной.

— Господи мой боже! — простонала она. И с ударением на каждом слове: — Господи — мой — боже! — И наконец жалобно, с еще большим надрывом: — Господи мой боже Иисусе…

— Скажите, это… — начал Харри.

— Да, — сказала дама полузадушенным голосом. — Это он. Это Элиас. Элиас Скуг.

Глава 25
Территория

Пожилая дама закрыла рот обеими ладонями и прошептала сквозь пальцы:

— Что же ты наделал, Элиас, дорогой, милый Элиас?

— Ну, утверждать, что это он что-то наделал, нельзя, — сказал Харри, вывел ее из ванной и проводил к входной двери. — Могу ли я попросить вас позвонить в отделение полиции в Ставангере, чтобы они прислали криминалистов? Скажите, что вы на месте преступления.

— На месте преступления? — Глаза ее распахнулись, от шока они казались совсем черными.

— Да, так и скажите. Если хотите, можете позвонить по номеру сто двенадцать. Ладно?

— Д-да…

Они услышали, как она заковыляла по лестнице к себе вниз.

— Ну, до их приезда у нас есть примерно минут пятнадцать, — сказал Харри.

Они сняли обувь, поставили ее на лестницу и вошли в ванную в одних носках. Харри огляделся.

Раковина была полна длинных светлых волос, а на полочке лежал сплющенный тюбик.

— Похоже на зубную пасту, — сказал Харри и склонился над тюбиком, не притрагиваясь к нему.

Кайя подошла поближе.

— Суперклей, — заметила она. — «Strongest there is»[47].

— Это такой, который ни в коем случае не должен попасть на пальцы, да?

— Он действует на счет «раз». Если он попадет к тебе на пальцы и ты их хоть чуть-чуть продержишь вместе, они склеятся намертво. И их придется либо отрезать друг от друга, либо отрывать с мясом.

Харри сначала посмотрел на Кайю. А потом опустил глаза на труп в ванной.

— Черт, — медленно произнес он. — Не может быть…

Комиссара полиции Гуннара Хагена терзали сомнения. Возможно, он совершил самый дурацкий поступок за все время, пока работал в Полицейском управлении. Создание группы, которая будет заниматься расследованием вопреки

---

[47] Примечания: 47
«Самый эффективный» *(англ.)*.

распоряжению министерства, могло повлечь за собой проблемы. А то, что группу возглавил Харри Холе, могло эти проблемы умножить. Одна из проблем как раз постучалась в двери и вошла. И теперь стояла перед ним — в образе Микаэля Бельмана. И пока Хаген его слушал, он обратил внимание на то, что странные отметины на лице комиссара Крипоса были белее обычного, как будто они подсвечивались изнутри каким-то раскаленным, но охлаждаемым продуктом расщепления атомного ядра, взрывоопасным, но до поры до времени мирным, приручeнным.

— Мне совершенно точно известно, что Харри Холе и двое его коллег побывали на Люсерене в связи с убийством Марит Ульсен. Беата Лённ из криминалистического отдела предложила нам провести тотальный обыск в дачных домиках в окрестностях старой веревочной мастерской. Якобы один из ее сотрудников обнаружил, что веревка, на которой была повешена Марит Ульсен, именно оттуда. Вот такие пироги…

Микаэль Бельман покачался на каблуках. Он даже не снял свой пыльник длиной до пят. Гуннар Хаген мужественно ждал продолжения. И оно не заставило себя ждать. Интонация была болезненно медленной, как бы слегка удивленной:

— Но когда мы поговорили с ленсманом в Утре-Энебакке, он рассказал нам, что среди тех троих, кто проводил обыск, был и пользующийся весьма сомнительной славой Харри Холе. То есть один из ваших людей, Хаген.

Хаген ничего не ответил.

— Я исхожу из того, что вы понимаете, какие последствия может иметь неисполнение предписания министерства, Хаген.

Хаген по-прежнему молчал, но не отвел глаза под взглядом Бельмана.

— Послушайте, — сказал Бельман, расстегнул верхнюю пуговицу плаща и сел. — Вы мне нравитесь, Хаген. Я считаю, что вы хороший полицейский, а мне понадобятся хорошие специалисты.

— То есть когда Крипос приберет к рукам всю власть, это вы имеете в виду?

— Именно. И такой человек, как вы, вполне может мне пригодиться на какой-нибудь руководящей должности. Вы закончили военное училище, вы понимаете, как важно мыслить стратегически, как важно уметь избегать сражений, которые все равно не выиграть, как важно знать, когда отступление — лучшая стратегия…

Хаген медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал Бельман и снова встал. — Давайте будем считать, что Харри Холе оказался у Люсерена по недосмотру, что это просто случайное совпадение, никакого отношения к Марит Ульсен не имеющее. И что в будущем такие случайные совпадения не повторятся. Вы согласны со мной… Гуннар?

Хаген непроизвольно вздрогнул, услышав свое имя, произнесенное Бельманом, — словно эхо другого имени, того, что он сам произнес однажды, назвав по имени своего предшественника в попытке создать непринужденную атмосферу, для которой не было никаких оснований. Но возражать не стал. Потому что знал — это и есть одно из тех самых сражений. И что он почти проиграл войну. И что условия капитуляции, которые предлагал ему Бельман, могли быть и хуже. Гораздо хуже.

— Я поговорю с Харри, — сказал он и пожал протянутую Бельманом руку. Ему показалось, что он коснулся мрамора: рука была твердой, холодной и безжизненной.

Харри сделал глоток кофе и осторожно вытащил указательный палец из ручки хозяйкиной тончайшей фарфоровой чашки.

— Так значит, вы старший инспектор Харри

Холе из Полицейского управления Осло, — констатировал мужчина, сидевший по другую сторону хозяйкиного журнального столика. Он представился как инспектор Колбьёрнсен и назвал должность, имя и место работы Харри с особым ударением на «Осло». — И что же привело полицию Осло в Ставангер, господин Холе?

— Да ничего особенного, — отвечал Харри. — Свежий воздух, красивые горы.

— Неужели?

— Фьорд. Может, прыгнем с Кафедры[48], если время будет.

— Значит, Осло направил к нам клоуна. Ну что могу сказать? Вы занялись рискованным спортом. Были ли какие-то серьезные основания не информировать нас об этом визите?

Улыбка у инспектора Колбьёрнсена была такой же тонкой, как и его усы. А еще на нем была смешная маленькая шляпа из тех, что носят совсем глубокие старцы или же особо самоуверенные пижоны. Харри вспомнил, что такую же шляпу носил Джин Хэкман в роли Попая Дойла во «Французском связном». И готов был поклясться, что Колбьёрнсен не откажется ни от леденца

[48] Примечания: 48

Кафедра — известная норвежская достопримечательность, скала высотой 604 метра в Западной Норвегии, у Люсе-фьорда.

на палочке, ни от того, чтобы, остановившись в дверях, произнести «Ах да, последний вопрос».

— Я думаю, что у вас где-то завалялся факс, — предположил Харри и взглянул на одетого в белое человека, который как раз входил в комнату.

Комбинезон эксперта-криминалиста, облегавший его с головы до пят, зашуршал, когда мужчина стянул с себя белый капюшон и плюхнулся на стул. Он посмотрел на Колбьёрнсена и выругался, употребив одно из ставангерских непечатных выражений.

— Ну и? — спросил Колбьёрнсен.

— Он прав, — сказал эксперт и кивнул в сторону Харри, не взглянув на него. — Тот парень просто был приклеен ко дну ванны суперклеем.

— Был приклеен? — спросил Колбьёрнсен и посмотрел на подчиненного, подняв брови. — Форма страдательного залога. Не слишком ли ты торопишься исключить, что Элиас Скуг сделал это сам?

— А потом открыл кран — так, чтобы утонуть самым медленным и мучительным способом? — спросил Харри. — Предварительно заклеив себе рот скотчем, чтобы ни в коем случае не закричать?

Колбьёрнсен одарил Харри новой жидкой

улыбкой:

— Я скажу, *Осло*, когда вы сможете высказаться.

— Приклеен намертво, с головы до ног, — продолжал криминалист. — Затылок выбрит и как следует намазан клеем. То же самое можно сказать и о плечах и спине. Ягодицы. Руки. Обе ноги. То есть…

— То есть, — подхватил Харри, — когда убийца закончил с клеем, он дал Элиасу немного полежать, чтобы клей схватился, потом чуть-чуть отвернул кран и ушел, а Элиас Скуг был обречен на медленную смерть, ему предстояло утонуть. И Элиас начал свою борьбу со временем и смертью. Вода поднималась медленно, но силы оставляли его. До тех пор пока смертельный страх не охватил все его существо и он не собрал все свои силы в последней отчаянной попытке освободиться. У него получилось. Ему удалось оторвать от дна ванны самую сильную часть тела. Правую ступню. Он просто-напросто оторвал ее от кожи, которая, как вы можете видеть сами, осталась приклеенной ко дну ванны. Ванна наполнялась кровью, а Элиас стучал ногой по дну, чтобы привлечь внимание хозяйки квартиры, живущей этажом ниже. И она эти удары слышала.

Харри кивнул в сторону кухни, где Кайя старалась утешить и успокоить хозяйку. Они слышали жалобные рыдания пожилой дамы.

— Но она неправильно все поняла. Она подумала, что ее жилец просто снял женщину и привел ее домой.

Он взглянул на Колбьёрнсена, который побледнел и уже больше не делал попыток его прервать.

— А в это время Элиас терял кровь. Много крови. Кожи на ноге не было. Он слабел и все больше уставал. И наконец воля его была сломлена. Он сдался. Может быть, когда вода залила его ноздри, от потери крови он уже лишился сознания. — Харри посмотрел на Колбьёрнсена. — А может, и нет.

Кадык Колбьёрнсена ходил ходуном.

Харри посмотрел на донышко пустой кофейной чашки.

— А сейчас, я полагаю, инспектор Сульнес и я должны поблагодарить за гостеприимство и возвращаться в *Осло*. Если у вас есть еще вопросы, то вот мой телефон.

Харри записал номер на полях газеты, оторвал бумажку и протянул ее через стол. А потом встал.

— Но… — проговорил Колбьёрнсен и тоже встал. Харри возвышался над ним сантиметров на двадцать. — А зачем вам был нужен Элиас Скуг?

— Спасти его хотели, — сказал Харри и застегнул пальто.

— Спасти? Он был в чем-то замешан? Стойте, Холе, надо же во всем разобраться.

Но, несмотря на повелительную форму глагола, голос Колбьёрнсена звучал уже не так убедительно.

— Я совершенно уверен, что вы здесь в Ставангере вполне можете все выяснить сами, — ответил Харри, подошел к кухонной двери и кивнул Кайе, что пора идти. — А если нет, могу посоветовать Крипос. Передавайте привет от меня Микаэлю Бельману, если что.

— Спасти от чего?

— От того, от чего не сумели, — сказал Харри.

В такси по дороге в Сулу Харри смотрел в боковое окно, на дождь, лупивший по неестественно зеленым полям. Кайя не произнесла ни слова. Он был благодарен ей за это.

Глава 26
Канюля

Когда Харри и Кайя вошли в свой теплый сырой кабинет, там их уже поджидал Гуннар Хаген, сидя в кресле Харри.

Бьёрн Хольм, сидевший позади него, пожал плечами и с помощью мимики показал, что он и понятия не имеет о том, что у комиссара на уме.

— Из Ставангера, как я слышал, — сказал Хаген и встал.

— Точно, — признался Харри. — Да не вставай, шеф.

— Это твое кресло. А мне надо идти.

— А что такое?

Харри предполагал, что новости будут плохими. Плохие, но важные новости. Шеф не стал бы одолевать «Кишку» под окружной тюрьмой только затем, чтобы сообщить, что отчет по командировке оформлен неправильно.

Хаген продолжал стоять, так что единственным человеком в комнате, кто по-прежнему сидел, был Хольм.

— К сожалению, я должен информировать вас о

том, что Крипос уже обнаружил, что вы работаете по этим убийствам. И у меня не остается выбора, я должен закрыть расследование.

В наступившей тишине Харри мог услышать шум бойлеров в соседнем помещении. Хаген окинул взором комнату, встретился глазами со всеми и остановился на Харри:

— К тому же я не могу сказать, что это почетная отставка. Я четко дал понять, что все должно делаться в полной секретности.

— Ладно, — сказал Харри. — Я попросил Беату Лённ организовать утечку информации о веревочной мастерской для Крипоса, но она обещала, что все будет выглядеть так, словно источник утечки — криминалистический отдел.

— Она, конечно, так и сделала, — сказал Хаген. — Это ленсман в Утре-Энебакке тебя разоблачил, Харри.

Харри поднял глаза к потолку и тихо выругался.

Хаген хлопнул в ладоши, и в кирпичных стенах это прозвучало как небольшой взрыв.

— И потому я вынужден произнести печальные слова о том, что расследование прекращается, причем незамедлительно. И через сорок восемь часов вам придется освободить этот кабинет.

Гомен насай[49].

Харри, Кайя и Бьёрн Хольм переглянулись, когда железная дверь медленно закрылась и шаги Хагена стали медленно удаляться.

— Сорок восемь часов, — произнес наконец Бьёрн. — Кто-нибудь хочет свежего кофейку?

Харри пнул корзину для мусора около стола. Она с шумом врезалась в стену, вывалив на пол свое скромное бумажное содержимое, и покатилась назад.

— Я буду в Государственной больнице, — сказал он и пошел к выходу.

Харри поставил к окну жесткий деревянный стул и стал читать газету, прислушиваясь к ровному дыханию отца. В газете центральное место отводилось свадьбе и похоронам. Слева — фотографии с церемонии прощания с Марит Ульсен, на которых можно было видеть серьезное, полное участия лицо премьер-министра, одетых в черное товарищей по партии и мужа, Расмуса Ульсена, чье лицо закрывали огромные и совершенно не идущие ему темные очки. Справа — сообщения о том, что дочка судовладельца Лене Галтунг весной выйдет за своего Тони, а также фотографии

---

[49] Примечания: 49
Извините, пожалуйста *(японск.)*.

наиболее именитых гостей, которые полетят на свадьбу в Сан-Тропе. На последней странице написано, что солнце в Осло сегодня зайдет в 16.58. Харри взглянул на часы и констатировал, что именно это сейчас и происходит за низкими облаками, которые не хотят пропускать ни дождь, ни снег. Он посмотрел на дома по склонам холма — в окнах уже загорался свет, — и подумал, что когда-то тут тоже был вулкан. Эта мысль понравилась ему: однажды вулкан под этими домами проснется, проглотит их и уничтожит все следы того, что когда-то было удобным, неплохо устроенным и немного печальным городом.

Сорок восемь часов. Почему? Для того чтобы освободить так называемый кабинет, им хватило бы и двух часов.

Харри прикрыл глаза и задумался. Принялся писать в уме последний рапорт в свой личный архив.

Две женщины убиты одним и тем же способом, захлебнулись собственной кровью, и у обеих в крови был обнаружен кетаномин. Еще одна женщина повешена на вышке для прыжков в воду, на веревке, позаимствованной из старой веревочной мастерской. И наконец, мужчину утопили в собственной ванне. Все жертвы, оче-

видно, ранее в одно и то же время находились в одном и том же месте. Пока неизвестно ни кто еще находился в той же хижине, ни каким мог быть мотив преступления, ни что произошло в то время в Ховассхютте. Есть только последствия, а причины нет. Case closed[50].

— Харри…

Он и не слышал, что отец проснулся. Харри обернулся.

Улав Холе выглядел немного поздоровее, возможно оттого, что щеки у него порозовели, а в глазах появился лихорадочный блеск. Харри встал и передвинул стул поближе к кровати отца.

— Ты давно здесь?

— Минут десять, — соврал Харри.

— Я так хорошо спал, — признался отец. — И видел чудный сон.

— Я это понял. Ты выглядишь так, что хоть вставай и уходи домой.

Харри поправил отцу подушку, и отец не стал возражать, хотя оба они знали, что с подушкой все было в порядке.

— Как там дом?

---

[50] Примечания: 50
Дело закрыто *(англ.)*.

— Великолепно, — сказал Харри. — Еще целую вечность простоит.

— Хорошо. Я хотел бы кое о чем с тобой поговорить, Харри.

— Ммм…

— Ты уже взрослый мужчина. И ты лишишься отца, так сказать, естественным способом. Как и должно быть. Не так, как было, когда ты лишился матери. Ты тогда чуть с ума не сошел.

— Правда? — спросил Харри и провел рукой по наволочке.

— Ты разгромил все в своей комнате. Ты хотел убить врачей и тех, кто ее заразил, и даже меня. Потому что я… ну, потому что я не обнаружил этого вовремя, я так думаю. Тебя переполняла любовь.

— Ты хотел сказать — ненависть.

— Нет, любовь. Это то же самое чувство. Все начинается с любви. А ненависть — просто ее обратная сторона. Я всегда думал, что именно из-за смерти матери ты начал пить. Или, точнее, из-за любви к матери.

— Любовь — это машина для убийств, — пробормотал Харри.

— Что?

— Да нет, просто мне кто-то сказал это одна-

жды.

— Я делал все, о чем просила твоя мать. Кроме одного. Она просила меня помочь ей, когда настанет ее час.

Харри почувствовал, будто на него вылили ушат ледяной воды.

— Но я не смог. И знаешь что, Харри? Это преследует меня, точно кошмар. Не было и дня, чтобы я не подумал, что не сумел выполнить это ее желание, желание женщины, которую я любил больше всего на этой земле.

Деревянный стул жалобно скрипнул, когда Харри вскочил и снова подошел к окну. Он слышал, как за спиной отец пару раз глубоко вздохнул. А потом продолжил дрожащим голосом:

— Я знаю, что возлагаю на тебя тяжелую ношу, сын. Но я знаю также, что ты такой же, как я, что, если ты этого не сделаешь, оно станет преследовать тебя. Так что позволь мне объяснить, что ты должен сделать…

— Отец, — произнес Харри.

— Ты видишь эту канюлю?

— Отец! Перестань!

За спиной стало совсем тихо. Только свистящее дыхание. Харри смотрел на черно-белую фотографию города, где облака прижимались своими

свинцово-серыми расплывшимися лицами к крышам домов.

— Я хочу, чтобы меня похоронили в Ондалснесе, — сказал отец.

Похоронили. Слова эти были как эхо пасхальных каникул, проведенных с матерью и отцом на Леше, когда Улав Холе серьезно объяснял Харри и Сестрёнышу, что им делать, если вдруг сойдет лавина или если у них будет перикардит — «ледяное сердце». Вокруг них были ровные поля и пологие холмы, это было почти так же, как если бы стюардесса на рейсе во Внутренней Монголии объясняла, как пользоваться спасательным жилетом. Это было абсурдно, но все равно давало ощущение уверенности, что они непременно выживут, выживут все, если только будут правильно себя вести. И вот сейчас отец говорит, что это вовсе не так.

Харри пару раз кашлянул:

— А почему в Ондалснесе? Почему не здесь, в городе, где… где похоронена мама?

— Я хочу лежать там же, где мои односельчане.

— Ты их даже не знаешь.

— А кого человек знает? Во всяком случае, мы с ними из одного и того же места. И может, дело

в конце концов именно в этом. В твоем роде. Хочется быть со своими.

— Правда?

— Да. Это так. Отдаешь ли ты себе в этом отчет или нет, но именно этого тебе и надо.

Вошел медбрат с беджем, на котором было написано «Алтман», коротко улыбнулся Харри и постучал по часам.

Когда Харри спускался по лестнице, он встретил двух полицейских в форме, они направлялись наверх. Он машинально и понимающе кивнул им. Они, ни слова не говоря, уставились на него, как на чужака.

Обычно Харри стремился к одиночеству и всем тем благам, которые оно сулит: миру, тишине, свободе. Но когда он подошел к трамвайной остановке, то внезапно понял, что не знает ни куда ехать, ни что делать. Он знал только, что именно сейчас не в состоянии вынести одиночества в уппсальском доме.

И он набрал номер Эйстейна.

У Эйстейна была дальняя поездка в Фагернес, но он предложил выпить пивка в Лумпе где-нибудь в районе полуночи, чтобы отметить тот факт, что еще один рабочий день в жизни Эйстейна Эйкеланна закончился сравнительно хорошо.

Харри напомнил Эйстейну о своем алкоголизме и в ответ услышал, что даже алкоголикам иногда нужно напиться!

Харри попросил Эйстейна быть осторожнее за рулем и повесил трубку. Посмотрел на часы.

Остановился трамвай и распахнул перед ним двери. Харри смотрел в теплый, залитый светом вагон, словно бы приглашающий немедленно войти и занять место. Потом повернулся и побрел пешком в сторону центра.

Глава 27
Добрая, вороватая и алчная

— Я тут был недалеко, — сказал Харри. — Но ты, похоже, куда-то собралась?

— Да нет, — улыбнулась Кайя, стоя в дверях в толстой дутой куртке. — Просто сижу на веранде. Заходи. Надевай вон те тапки.

Наверху на веранде оба уселись в огромные деревянные кресла. На Людер-Сагенс-гате было тихо и пустынно — один-единственный припаркованный автомобиль на целую улицу. В освещенном окне второго этажа в доме напротив Харри увидел мужскую фигуру.

— Это Грегер, — сказала Кайя. — Ему сейчас восемьдесят. Мне кажется, он вот так с войны сидит и наблюдает за тем, что происходит на улице. Мне нравится думать, что он за мной приглядывает.

— Да, это важно, — согласился Харри и достал пачку сигарет. — Думать, что за тобой есть кому присмотреть.

— А у тебя есть такой Грегер?

— Нет, — сказал Харри.

— Не угостишь?

— Сигаретой?

Она засмеялась:

— Я иногда курю. Это меня… успокаивает, мне так кажется.

— Ммм. А ты думала уже, чем будешь заниматься? Я имел в виду, после этих сорока восьми часов?

Она покачала головой:

— Вернусь в отдел. Буду сидеть, положа ноги на стол. Ждать какого-нибудь убийства, которое покажется Крипосу настолько незначительным, что они на него не позарятся.

Харри выбил из пачки две сигареты, сунул их в рот, прикурил и протянул одну Кайе.

— «Now, Voyager»[51], — засмеялась она. — Хен… Хен… Как его звали, того, кто так делал?

— Хенрейд, — ответил Харри. — Пол Хенрейд.

— А как звали ту, для кого он прикуривал сигарету?

— Бетт Дэвис.

— Убойный фильм. Дать тебе куртку потеплее?

— Спасибо, не надо. А почему ты, кстати, сидишь на террасе? Нельзя сказать, что тут тропики.

Она подняла вверх книгу.

---

[51] Примечания: 51

«Вперед, путешественник» *(англ.)* — знаменитый фильм американского режиссера Ирвинга Раппера (1942).

— У меня от холодного воздуха лучше работают мозги.

Харри посмотрел на обложку: «Материалистический монизм».

— Хм. Что-то наводит меня на воспоминания об экзамене по философии в университете.

— Верно. Материализм утверждает, что все — материя и силы. Все, что происходит, — часть длинного математического уравнения, цепная реакция, последствия того, что уже произошло.

— А свобода воли — только иллюзия?

— Точно. Наши действия определяются химией нашего мозга, которая определяется тем, кто с кем решил завести детей, что, в свою очередь, объясняется химией их мозга. И так далее. Все можно проследить в прошлом — вплоть до Большого взрыва и еще дальше. Даже то, что эта книга будет написана, и то, о чем ты думаешь в данный момент.

— Что-то припоминаю, — сказал Харри и выдохнул сигаретный дым в ноябрьскую ночь. — Один метеоролог говорил, что, будь у него главные переменные, он мог бы предсказать всю погоду на все будущие времена.

— А мы могли бы помешать убийствам до их совершения.

— И вычислить, что стреляющая сигареты женщина-полицейский будет сидеть на холодной веранде с дорогущим философским томом.

Она засмеялась.

— Я не сама купила эту книжку, я просто сняла ее с этой вот полки. — Она затянулась сигаретой, надув губы, дым попал ей в глаза. — Я книги никогда не покупаю. Просто беру их почитать. Или ворую.

— Меньше всего я думал, что ты воровка.

— И никто не думает, поэтому я никогда не попадаюсь, — сказала она и положила сигарету в пепельницу.

Харри кашлянул.

— А как ты воруешь?

— Я ворую только у знакомых и у тех, кто от этого не обеднеет. И не потому, что я скупая, просто я немного алчная. Когда я училась, то воровала рулоны туалетной бумаги из туалета в университете. А ты, кстати, вспомнил, как называется та замечательная книга Фанте?

— Нет.

— Пошли мне эсэмэску, когда вспомнишь.

Харри рассмеялся:

— Извини, я не посылаю эсэмэсок.

— Почему?

Харри пожал плечами:

— Не знаю. Мне не нравится сама идея. Как туземцам не нравилось, когда их фотографируют, потому что им казалось, что они теряют частичку своей души.

— Я знаю! — с жаром откликнулась Кайя. — Ты не хочешь оставлять улик. Следов. Неопровержимых доказательств того, кем ты был. Ты хочешь знать, что исчезнешь целиком и полностью.

— В точку, — сухо признался Харри и затянулся. — Хочешь вернуться в дом? — Он кивнул на ее ладони, которые она засунула под себя.

— Да нет, просто руки немного замерзли, — улыбнулась она. — Зато сердце горячее. А ты как?

Харри посмотрел на дорогу по ту сторону садовой ограды. На припаркованную машину.

— Что я?

— Ты похож на меня? Хороший, вороватый и алчный?

— Да нет, я плохой. Честный и алчный. А муж у тебя какой?

Это прозвучало жестче, чем хотелось, как будто он пытался поставить ее на место, потому что она… потому что она — что? Потому что она сидит здесь, потому что красивая, потому что ей

нравятся те же вещи, что и ему, потому что она дала ему тапки мужа и при этом ведет себя так, как будто его не существует.

— И что муж? — спросила она с улыбкой.

— Ну, во всяком случае, нога у него огромная, — услышал Харри свой собственный голос и немедленно испытал желание стукнуться как следует головой о столешницу.

Кайя громко рассмеялась. Смех покатился сквозь черную тишину Фагерборга, висящую над домами, садами, гаражами. Гаражи. У всех были гаражи. И только одна машина припаркована на улице. И конечно, может быть тысяча причин, по которым она там стоит.

— У меня нет мужа, — сказала она.

— Значит…

— Значит, у тебя на ногах тапки моего брата.

— А те, на лестнице…

— …тоже старшего брата, они стоят там, потому что я вбила себе в голову, будто мужские ботинки сорок шестого с половиной размера могут отпугнуть плохих мужчин с дурными намерениями.

Она многозначительно посмотрела на Харри. Тот предпочел не замечать двойного дна.

— Значит, твой брат живет здесь?

Она покачала головой:

— Он умер. Десять лет назад. Это папина квартира. В последние годы, когда Эвен учился в Блиннерне, он жил здесь вместе с папой.

— А папа где?

— Он умер вскоре после Эвена. А я тогда уже переехала сюда, так что квартира досталась мне.

Кайя подтянула колени к подбородку и положила на них голову. Харри смотрел на ее изящную шею, на ямочку под забранными наверх волосами, на выбившиеся прядки.

— Ты часто о них думаешь? — спросил он.

Она подняла голову.

— Об Эвене чаще, — сказала она. — Папа ушел от нас, когда мы были еще маленькие, а мама жила в своем мире, так что Эвен стал для меня как бы и мамой и папой. Он помогал мне, подбадривал, воспитывал меня, он был для меня образцом во всем. Когда ты близок с кем-то так, как с Эвеном, от этого никогда не уйти. Никогда.

Харри кивнул.

Кайя осторожно кашлянула:

— Как дела у твоего отца?

Харри внимательно изучал пламя сигареты.

— Тебе не кажется это странным? — спросил он. — Что Хаген дал нам сорок восемь часов. Освободить кабинет мы могли бы и за два.

— Ну а ты сам что думаешь?

— Может, он решил, что мы потратим два последних рабочих дня на что-то полезное?

Кайя уставилась на него.

— Разумеется, не на то, чтобы расследовать дело об убийствах, это мы предоставим Крипосу. Но я слышал, что группе, которая занимается розыском пропавших без вести, нужна помощь.

— О чем ты?

— Об Аделе Ветлесен, молодой женщине, насколько я знаю, никак не связанной ни с каким делом об убийстве.

— Ты думаешь, что нам надо…

— Я думаю, что мы встречаемся на работе завтра в семь утра, — сказал Харри. — И посмотрим, можем ли мы быть хоть немного полезны.

Кайя Сульнес затянулась сигаретой. Выпустила дым и затянулась опять.

— Ну что, успокоилась? — спросил Харри с кривоватой улыбкой.

Кайя покачала головой, она держала сигарету перед собой.

— Мне хочется сохранить работу, Харри.

Харри кивнул.

— Это дело добровольное — приходить или нет. Бьёрн тоже хочет подумать.

Кайя снова затянулась сигаретой. Харри потушил свою.

— Пора идти, — сказал он. — У тебя зуб на зуб не попадает.

По дороге назад он попытался увидеть, есть ли кто-то в припаркованном автомобиле, но незаметно подойти поближе было невозможно. И он предпочел не рисковать.

Дом в Уппсале ждал его. Большой, пустой и полный эха.

Он лег на кровать в комнате своего детства и закрыл глаза.

Ему приснился сон, который снился ему так часто. Гавань для яхт в Сиднее, поднимающаяся цепь, жгучая медуза всплывает на поверхность, и никакая это не медуза, а рыжие волосы, плавающие вокруг белого женского лица. А потом пришел другой сон. Новый. Впервые он привиделся в Гонконге накануне Рождества. Харри лежал и смотрел на торчащий из стены гвоздь с насаженным на него чувственным лицом с ухоженными усами. Во сне Харри что-то держал во рту, ему казалось, это что-то вот-вот взорвет его голову. Что же это было? Это было обещание. Харри вздрогнул, потом еще и еще. Три раза. Потом он заснул.

Глава 28
Драммен

— Так значит, это вы объявили Аделе Ветлесен в розыск, — сказала Кайя.

— Да, я, — ответил парень, стоявший перед ними в «People & Coffee». — Мы жили вместе. Она не пришла домой. Я думал, что не могу это так оставить.

— Ну конечно, — сказала Кайя и взглянула на Харри.

Было полдевятого утра. Из Осло до Драммена они добрались всего за полчаса, сразу после утреннего заседания, закончившегося тем, что Харри исключил из группы Бьёрна Хольма. Тот ничего не сказал, просто глубоко вздохнул, потом вымыл свою чашку и отправился назад в криминалистический отдел в Брюне, чтобы продолжить работу там.

— Вы ничего о ней не слышали, об Аделе? — спросил парень, переводя взгляд с Кайи на Харри.

— Нет, — ответил Харри. — А вы?

Парень покачал головой и бросил взгляд через

плечо на стойку, нет ли там очереди. Они сидели на высоких барных табуретах перед окном, выходящим на одну из многочисленных площадей Драммена, иначе говоря, открытую площадку, служащую парковкой. В «People & Coffee» продавали кофе и выпечку по аэропортовским ценам и изо всех сил делали вид, что относятся к американской сети, что, впрочем, могло быть и правдой. Парню, с которым жила Аделе Ветлесен, Гейру Брюну, на вид было лет тридцать, удивительно белокожий, с блестящим, легко потеющим лбом над голубыми и постоянно бегающими глазами. В девяностые годы, когда кафе-бары только начинали завоевывать Осло, название его должности в заведении — бариста — внушало почтительное уважение. Однако должность предполагала всего лишь варку кофе, искусство, в котором, во всяком случае по мнению Харри, главным было не совершать очевидных ошибок.

По полицейской привычке Харри вслушивался в речь собеседника, пытаясь понять по интонации, дикции, лексике и разного рода грамматическим отклонениям, кто перед ним. Ничто в манере Гейра Брюна одеваться, причесываться и держаться не выдавало в нем гомосексуалиста, но стоило ему заговорить, как

тут же возникало ощущение, что он — голубой. Утрированное огубление гласных, бесчисленные уменьшительно-ласкательные словечки, нарочитое пришепетывание. Харри понимал, что на самом деле парень может быть совершеннейшим гетеросексуалом, но все равно сделал вывод, что Катрина сильно поспешила, назвав Аделе Ветлесен и Гейра Брюна сожителями. Это были просто два человека, которые по экономическим соображениям снимали вдвоем квартиру в центре Драммена.

— Да, — ответил Гейр на вопрос Кайи. — Я помню, что она осенью уезжала в горы и там провела пару ночей в какой-то хижине. — Он произнес это так, что стало ясно: ему даже сама подобная идея казалась совершенно нелепой. — Но пропала она не тогда.

— Мы знаем, — сказала Кайя. — А туда она поехала с кем-то? Может, вы знаете с кем?

— Понятия не имею. Мы о таких вещах не говорили, хватало того, что у нас была одна ванная на двоих, если вы понимаете, о чем я. У нее своя личная жизнь, у меня своя. Но скажем так: я сомневаюсь, что она поехала в эту глушь одна.

— То есть?

— Аделе почти ничего не делала одна. И пред-

ставить ее в хижине в горах без какого-нибудь мужика я не могу. Но с кем — сказать невозможно. Она была — если уж называть вещи своими именами — малек распущенная. У нее не было подруг, но было много друзей среди мужчин. Которых она скрывала друг от друга. Аделе жила не двойной, а какой-то четверной жизнью. Или около того.

— То есть она всех обманывала?

— Не обязательно. Однажды она дала мне совет, как лучше рвать отношения. Рассказала, как однажды, пока парень трахал ее сзади, она сняла это через плечо на мобильник, кликнула на имя другого парня, с которым в то время встречалась, послала ему фотку и стерла имя. Всё в один клик. — Гейр Брюн посмотрел на них без всякого выражения.

— Здорово, — заметил Харри. — Мы знаем, что там, в горах, она платила за двоих. Вы не могли бы назвать имя ее приятеля, чтобы нам было с кого начать?

— Нет, — сказал Гейр Брюн. — Но когда я заявил о ее исчезновении, они проверяли, с кем она говорила по телефону в последние недели.

— Кто они?

— Я имен не запоминаю. Какие-то местные

полицейские.

— Ладно. Нас уже ждут в полиции, — сказал Харри, глянул на часы и поднялся.

— Почему, — спросила Кайя, не вставая, — полиция прекратила расследование? Я даже не помню, чтобы о нем писали в газетах.

— Вы не знаете? — спросил парень и знаком показал двум дамам с детскими колясками, стоявшим перед стойкой, что сейчас подойдет, чтобы их обслужить. — Она же прислала открытку.

— Открытку? — спросил Харри.

— Ну да. Из Руанды. На юге Африки.

— И что она писала?

— Ну, во всяком случае, очень немного. Она встретила парня своей мечты, значит, мне придется платить за квартиру одному до ее возвращения в марте. Сучка.

Полицейский участок был в двух шагах от кафе. Инспектор полиции с короткой и широкой, как тыква, головой, имя которого Харри забыл в тот же момент, как услышал, принял их в провонявшем табаком кабинете и угостил кофе в пластиковых кружках, обжигающих пальцы. Он бросал на Кайю долгие взгляды всякий раз, когда ему казалось, что этого никто не видит.

Он начал с лекции о том, что всегда есть от пяти-

сот до тысячи объявленных в розыск норвежцев, что почти все они рано или поздно находятся и что если бы полиция расследовала все случаи, даже такие, когда нет никаких оснований говорить ни о преступлении, ни о трагическом исходе, то пришлось бы все бросить и заниматься только этим. Харри подавил зевок.

К тому же Аделе Ветлесен ведь подала признак жизни, и где-то он тут у них завалялся. Инспектор встал и засунул голову-тыкву в архивный ящик, откуда выудил открытку и положил ее перед ними. На открытке была изображена гора, по форме напоминающая кеглю, с облаком над вершиной, но не нашлось никаких указаний на то, как называется гора и в какой части света она находится. Некрасивый угловатый почерк. Харри еле-еле смог разобрать подпись: Аделе. На открытке была марка с надписью «Руанда» и стоял штамп Кигали — насколько Харри мог припомнить, столицы этой страны.

— Ее мать подтвердила, это действительно почерк ее дочери, — сказал инспектор и объяснил, что они по настоятельной просьбе матери все проверили и нашли имя Аделе Ветлесен в списке пассажиров рейса компании «Brussels Airlines» в Кигали. С посадкой в аэропорту Энтеббе в Уган-

де 25 ноября. Кроме того, с помощью Интерпола они проверили отели и обнаружили, что Аделе Ветлесен останавливалась в одном отеле в Кигали — инспектор порылся в своих записях, — в отеле «Горилла» в ночь после прилета. И единственная причина, по которой Аделе Ветлесен по-прежнему числится пропавшей без вести, состоит в том, что никто точно не знает, где она в настоящий момент находится, а открытка, присланная из-за границы, сама по себе не может изменить статус пропавшего без вести.

— Кроме того, тут речь идет не о самой цивилизованной части света, — сказал инспектор и развел руками. — Хути, тутсу, или как их там? Мачете. Два миллиона погибших. Понимаете?

Харри заметил, что Кайя прикрыла глаза, пока инспектор менторским тоном и со множеством вставных придаточных предложений объяснял, сколь дешево стоит человеческая жизнь в Африке, где торговля людьми вовсе не является чем-то экзотическим. И теоретически Аделе могли похитить и заставить написать открытку, поскольку эти черные небось годовой зарплаты не пожалеют ради того, чтобы вонзить зубы в белокурую норвежскую девушку, правда же?

Харри смотрел на открытку и пытался абстра-

гироваться от неумолкающего голоса человека-тыквы. Гора в форме кегли с облаком на вершине. Он поднял глаза, когда инспектор с позабытым именем кашлянул.

— Ну, иногда их можно понять, правда? — спросил он и заговорщицки улыбнулся Харри.

Харри поднялся, сказав, что в Осло его ждут дела. Но не будут ли коллеги в Драммене настолько любезны отсканировать открытку и переслать по электронной почте?

— Эксперту-почерковеду? — недовольно поинтересовался инспектор и посмотрел на адрес, который написала ему Кайя.

— Эксперту-вулканологу, — сказал Харри. — Я хочу, чтобы вы отправили открытку и спросили, не может ли он идентифицировать гору.

– *Идентифицироват*ь гору?

— Он настоящий профессионал. Ездит по миру и смотрит на них.

Инспектор пожал плечами и кивнул. Потом проводил посетителей к выходу. Харри поинтересовался, не проверяли ли они, были ли какие-то звонки и эсэмэски с номера Аделе после того, как она уехала.

— Мы свое дело знаем, Холе, — ответствовал инспектор. — Никаких исходящих звонков. Но

вы же можете себе представить состояние мобильной сети в такой стране, как Руанда…

— По правде говоря, нет, — сказал Харри. — Но ведь я там не был.

— Открытка? — простонала Кайя, когда они стояли на рыночной площади перед машиной, которую реквизировали в Полицейском управлении. — Билет на самолет и ночевка в гостинице в Руанде! Нет бы твоему компьютерному виртуозу в Бергене сразу это выяснить — тогда бы нам не пришлось выбрасывать на ветер полдня в этом поганом Драммене!

— А я думал, тебе понравится, — заметил Харри и открыл дверцу. — У тебя появился новый друг, да и Аделе, возможно, вовсе не мертва.

— А у *тебя,* значит, отличное настроение? — спросила Кайя.

Харри посмотрел на ключи от машины.

— Хочешь за руль?

— Да!

Удивительно, но антирадар ни разу не мигнул, и они доехали до Осло всего за двадцать минут.

Они договорились сначала перенести в Полицейское управление легкие вещи, канцелярские принадлежности и ящики от письменных столов, а тяжелое оставить на завтра. Все водрузили на

ту же тележку, которую Харри использовал, когда только обустраивал новое помещение.

— Тебе уже выделили кабинет? — поинтересовалась Кайя на полпути — в «Кишке» голос ее отдавался долгим эхом.

Харри покачал головой:

— Оставим все у тебя.

— А ты попросил, чтобы дали кабинет? — спросила она и остановилась.

Харри продолжал идти.

— Харри!

Он остановился.

— Ты спросила о моем отце, — сказал он.

— Я не имела в виду…

— Да-да. Но ему недолго осталось. О'кей? А потом я опять уеду. Я только хотел…

— Что хотел?

— Ты слышала что-нибудь о Dead Policemen's Society?[52]

— Что это такое?

— Это люди, которые работали в убойном отделе. Люди, которые мне небезразличны. Я не знаю, должен ли я им что-то, но они — это соль земли.

— Что?

---

[52] Примечания: 52
Общество мертвых полицейских *(англ.)*.

— Это не так и много, но это все, что у меня есть, Кайя. Это единственное, к чему у меня есть основание испытывать лояльность.

— К отделу?

Харри двинулся дальше.

— Я знаю, понимаю, что это пройдет. Мир не стоит на месте. И это всего лишь реорганизация, правда? В этих стенах застыла история, но стены скоро снесут. Тебе и твоим коллегам придется создавать новую историю, Кайя.

— Ты пьян?

Харри рассмеялся:

— Нет. Я просто раздавлен. Со мной все кончено. И это нормально. Совершенно нормально.

У него зазвонил телефон. Это был Бьёрн.

— Я забыл на столе биографию Хэнка, — сообщил он.

— Я ее забрал, — сказал Харри.

— Господи, что за отзвук, ты что, в церкви?

— В «Кишке».

— Господи, и там ловит?

— У нас мобильная связь явно получше будет, чем в Руанде. Я оставлю книжку на проходной.

— Я сегодня уже слышал и про Руанду, и про мобильные телефоны. Заберу книжку завтра, скажи им.

— А что ты слышал про Руанду?

— Да нет, просто слышал, что Беата говорила. Про колтан, ну помнишь, частицы металла на зубах у тех, у кого в глотке были следы уколов.

— Терминатор.

— Чего?

— Да ничего. А какое это имеет отношение к Руанде?

— Колтан используется в мобильных телефонах. Это редкий минерал, и почти все его залежи находятся в Конго. Проблема в том, что все месторождения расположены в районе, где идет война, они никем не контролируются, и самые шустрые бизнесмены добывают его среди этого хаоса и переправляют в Руанду.

— Ммм.

— Созвонимся.

Харри собирался убрать мобильник, как вдруг увидел, что у него есть непрочитанная эсэмэска. Он открыл ее.

Ньирагонго[53]. Последнее извержение в 2002 году. Один из немногих вулканов с лавовым озером на дне кратера. Находит-

---

[53] Примечания: 53

Ньирагонго — действующий вулкан к северу от озера Киву в Конго.

ся в Конго у города Гома. Феликс Рёст.

Харри остановился и уставился на капли, которые падали с трубы у потолка. Африканские пыточные инструменты Клюйта были оттуда.

— В чем дело? — спросила Кайя.

— Устаусет, — ответил Харри. — И Конго.

— И что это должно означать?

— Не знаю, — сказал Харри. — Но к случайным совпадениям отношусь с осторожностью. — Он ухватился за тележку и развернул ее назад.

— Что ты делаешь?

— Разворачиваюсь, — ответил Харри. — У нас еще больше суток осталось.

Глава 29
Клюйт

Был необычайно мягкий для Гонконга вечер. Небоскребы отбрасывали на Пик длинные тени, иные из которых дотягивались до виллы, где Херман Клюйт сидел на террасе с бокалом кроваво-красного «Сингапур слинга»[54] в одной руке и телефоном в другой. Он слушал собеседника и смотрел, как там, внизу, сворачиваются в клубки огненные змеи автомобильных пробок.

Харри Холе ему нравился. Понравился сразу, при первом взгляде на высокого, атлетически сложенного, но явно пьющего норвежца, который пришел в Хэппи-Вэлли поставить свои последние деньги. Было в этом воинственном взгляде, надменной осанке и сдержанности жестов нечто напомнившее Херману Клюйту его самого в молодости, когда он служил наемником в Африке. Херман Клюйт сражался везде и на любой стороне, служил тем, кто платил. В Анголе, Замбии, Зимбабве, Сьерра-Леоне, Либерии. Во всех стра-

---

[54] Примечания: 54

«Сингапур слинг» — коктейль из джина, вишневого ликера, лимонного сока и содовой.

нах с мрачной историей и еще более мрачным будущим. Но не было страны более мрачной, чем та, о которой спросил Харри. Конго. И именно там им улыбнулась удача. В виде бриллиантов. И кобальта. И колтана. Вождь деревни принадлежал к подразделению май-май[55], они там верили, что вода делает их неуязвимыми. А так он был человек вполне разумный. В Африке нет такого, чего нельзя уладить с помощью пачки купюр или — если не получалось — заряженного «калашникова». За какой-то год Херман Клюйт стал богатым человеком. За три года — очень богатым. Раз в месяц они выезжали в ближайший город, Гому, и спали там на кроватях, а не на земляном полу среди джунглей, где каждую ночь из каких-то дырок в земле поднимаются тучи неведомых кровососущих мух и человек просыпается уже наполовину обглоданным трупом. Гома. Черная лава, черные деньги, черные красотки, черные грехи. Примерно половина всех, кто попадает в джунгли, зарабатывают малярию, а остальные — болезни, названий которых не знает ни один белый врач и которые обычно обозначаются как

[55] Примечания: 55

Май-май — конголезские отряды самообороны, созданные для борьбы с руандийскими интервентами и проруандийскими конголезскими повстанцами.

«лихорадка джунглей». Именно от такой болезни страдал Херман Клюйт, и, хотя она иной раз надолго его отпускала, вылечиться совсем ему так никогда и не удалось. Единственным известным Херману Клюйту средством от нее был «Сингапур слинг». Клюйт впервые попробовал его в Гоме, на роскошной вилле у одного бельгийца, построенной бельгийским королем Леопольдом явно еще в те времена, когда страна называлась «Свободное государство Конго» и была для монарха личным предприятием, одновременно детским манежем и денежным сундуком. Вилла находилась внизу, на берегу озера Киву, и там женщины и закаты были настолько красивы, что можно было даже на какое-то время забыть и джунгли, и май-май, и земляных мух.

Именно бельгиец показал Херману Клюйту небольшую королевскую сокровищницу в подвале. Чего там только не было — от самых современных в мире часов, редких видов оружия и изощренных пыточных инструментов до слитков золота, неограненных бриллиантов и препарированных человеческих голов. Тогда-то Клюйт впервые увидел то, что получило название «леопольдово яблоко». Его, кажется, изобрел какой-то инженер-бельгиец, работавший на ко-

роля, и применять его следовало к строптивым племенным вождям, не желающим рассказывать, где они находят свои алмазы. Прежде для этого использовали буйволов. Вождя намазывали медом, привязывали к дереву и подводили к нему дикого лесного буйвола, который принимался слизывать мед. Дело в том, что язык у таких диких буйволов шершавый, как терка, и он не только слизывал мед, но и сдирал с человека кожу и мясо. Но буйвола еще требовалось поймать, к тому же потом его было невозможно отогнать от жертвы. Так что власти перешли на леопольдово яблоко. И не столько потому, что оно было совершенным в техническом отношении пыточным орудием, из-за яблока жертва даже говорить не могла. Главное, на туземцев, которые присутствовали при дознании, оно действовало безотказно: они видели, что происходило, когда тот, кто вел допрос, дергал за шнур во второй раз. Так что из следующего допрашиваемого слова лились рекой, стоило только попросить его открыть рот пошире и отведать яблочка.

Херман Клюйт кивком велел служанке-филиппинке отнести бокал в дом.

— Ты все помнишь правильно, Харри, — сказал Херман Клюйт. — Оно по-прежнему лежит у меня

на каминной полке. Пользовались им когда-нибудь или нет, я, к счастью, не знаю. Так, сувенир. Напоминает мне о том, что скрывается в сердце тьмы. Это всегда полезно, Харри. Нет, никогда не слышал, чтобы оно использовалось где-то еще. Понимаешь, сама технология довольно сложная, со всеми этими пружинами и шипами. И еще нужен особый сплав. Колтан, верно. Точно. Очень редкий. Эдди ван Боорст, у которого я прикупил это яблочко, утверждал, что всего таких было сделано двадцать четыре, двадцать два из них хранились у него. Причем одно из золота, двадцать четыре карата. Точно, шипов тоже двадцать четыре, а ты откуда знаешь? Вроде бы цифра двадцать четыре имела какое-то отношение к сестре того инженера, только не помню какое. Но не исключаю, ван Боорст просто хотел поднять цену, ведь он бельгиец, а они все такие.

Смех Клюйта перешел в кашель. Чертова лихорадка.

— Но он наверняка знал, где находятся остальные яблоки. Он жил в прелестной вилле в Гоме, это Северное Киву, прямо на границе с Руандой. Адрес? — Клюйт закашлялся. — В Гоме каждый день появляются новые улицы, а случается, весь город оказывается погребенным под лавой, так

что никаких адресов нет, Харри. Но на почте есть информация о белых. Нет, я понятия не имею, живет ли он в Гоме по-прежнему. И жив ли вообще, если на то пошло. Потому как средняя продолжительность жизни в Конго — тридцать с чем-то лет, Харри. И у белых тоже. К тому же город практически в блокаде. Вот именно. Ну понятно, ты ничего не слышал про эту войну. Да и никто не слышал.

Гуннар Хаген недоверчиво посмотрел на Харри и наклонился над своим письменным столом.

— Так ты собрался в Руанду? — спросил он.

— Только туда и обратно, — пообещал Харри. — Двое суток плюс дорога.

— И что ты намерен расследовать?

— Я же говорил. Дело о пропавшей без вести. Аделе Ветлесен. Кайя поедет в Устаусет и попытается выяснить, с кем там была Аделе незадолго до того, как пропала.

— А почему нельзя просто туда позвонить и попросить проверить по гостевой книге?

— Потому что Ховассхютта не обслуживается, — сказала Кайя, сидевшая рядом с Харри. — Но все, кто останавливается на ночлег в хижинах, принадлежащих Туристическому обществу, должны записаться в гостевой книге и сообщить,

куда они направляются. Это обязательно, потому что, если кто-то пропадет в горах, спасатели будут знать, с чего начинать поиск. Мы надеемся, что и Аделе, и ее спутник записались в книге и указали свои полные имена и адреса.

Гуннар Хаген двумя руками почесал венчик редеющих волос.

— Стало быть, это никак не связано с теми делами по убийствам?

Харри выпятил вперед нижнюю губу.

— Я, во всяком случае, никакой связи не вижу, шеф. А ты?

— Хм… И с какой стати мне транжирить деньги отдела на такую экстравагантную экскурсию?

— Потому что торговля людьми — это приоритетное направление, — сказала Кайя. — Вспомните, что сказал министр юстиции в своем заявлении для прессы на этой неделе.

— А кроме того, — произнес Харри, потянулся и заложил руки за голову, — я ничего не гарантирую, но может обнаружиться и кое-что еще, что поможет прояснить другие дела.

Гуннар Хаген задумчиво посмотрел на подчиненного.

— Шеф, — добавил Харри.

Глава 30
Гостевая книга

Табличка на скромном желтом станционном здании сообщала, что они в Устаусете. Кайя, взглянув на часы, убедилась, что поезд прибыл по расписанию, в 10.44. Она выглянула в окно. Солнце освещало заснеженные просторы и фарфорово-белые горные склоны. Не считая кучки домов и трехэтажной гостиницы, Устаусет представлял собой одну голую безлесную гору. Гора эта, впрочем, была усеяна маленькими хижинами и разной высоты кустами, но все равно оставляла ощущение пустынности. Рядом со зданием вокзала, почти на самом перроне, стоял внедорожник с включенным мотором. Из поезда Кайе казалось, что снаружи совершенно безветренно. Но на перроне ветер насквозь продувал всю одежду: и термобелье, и анорак, и лыжные ботинки.

Из внедорожника выпрыгнул мужчина и направился к ней. В спину ему светило низкое зимнее солнце. Кайя зажмурилась. Мягкая, уверенная походка, белозубая улыбка и протянутая

для приветствия рука. Она застыла. Это был Эвен.

— Аслак Кронгли, — представился мужчина и крепко пожал ее руку. — Ленсман.

— Кайя Сульнес.

— Холодно сегодня. Не то что там у вас в низине, а?

— Точно, — согласилась Кайя и тоже улыбнулась.

— Я не смогу поехать сегодня в Ховассхютту. У нас сошла лавина, закрыт туннель, приходится перенаправлять транспорт. — Не спросив, он взял ее лыжи, положил на плечо и направился к машине. — Но я договорился, и вас отвезет туда человек, который присматривает за той хижиной. Его зовут Одд Утму. Ничего?

— Ничего, — сказала Кайя, которую это только обрадовало. Возможно, ей теперь не придется отвечать на многочисленные вопросы о том, почему вдруг полиция Осло так заинтересовалась делом об исчезновении девушки из Драммена.

Кронгли довез ее до гостиницы, до которой было всего-то метров пятьсот. На занесенной снегом площади перед входом на желтом снегоходе сидел мужчина. На нем был красный комбинезон, меховая шапка с опущенными ушами, лицо до

носа укутано шарфом, а глаза закрывали большие солнечные очки.

Когда он сдвинул на лоб очки, пробормотав свое имя, Кайя увидела, что один его глаз затянут молочно-белой пленкой. Другой глаз беспардонно рассматривал ее с головы до ног. Мужчина держался очень прямо, как юноша, но лицо его было старческим.

— Кайя. Спасибо, что так быстро согласились нам помочь.

— Мне же платят, — сказал Одд Утму, посмотрел на часы, оттянул шарф вниз и сплюнул. Кайя увидела, как в коричневых от жевательного табака зубах сверкнули брекеты. Табачный плевок на снегу выглядел как черная звезда. — Надеюсь, вы успели перекусить и пописать.

Кайя рассмеялась, но Утму уже оседлал снегоход и повернулся к ней спиной.

Она взглянула на Кронгли, который тем временем успел засунуть ее лыжи и палки под ремни, и они были теперь прочно прикреплены к снегоходу вместе с лыжами Утму, связкой чего-то напоминающего красные динамитные шашки и винтовкой с оптическим прицелом.

Кайя повернулась к Кронгли. Ленсман пожал плечами и еще раз улыбнулся своей белозубой

мальчишеской улыбкой.

— Желаю удачи, надеюсь, вы на…

Остаток фразы утонул в реве снегохода. Кайя поспешила занять место позади Утму. К своему огромному облегчению, она обнаружила, что на сиденье снегохода есть ручка и ей хотя бы не придется обнимать за спину этого белоглазого деда. Дохнув выхлопными газами, скутер рывком тронулся с места.

Утму привстал, согнув колени и наклоняя корпус то вправо, то влево, виртуозно провел скутер мимо гостиницы, перевалил через огромные сугробы прямо в мягкий снег и устремился дальше наискосок на первый пологий склон. Когда они поднялись наверх и кучка домов оказалась под ними, глазам Кайи открылась белая бесконечность. Утму обернулся и вопросительно мотнул головой. Кайя кивнула в ответ: все в порядке. И он дал газ. Кайя обернулась и увидела, как в фонтане снежных брызг, вылетающих из-под гусениц, исчезает поселок.

Кайя нередко слышала, что заснеженные равнины напоминают пустыню. И вспомнила дни и ночи, проведенные с Эвеном на его прогулочной яхте.

Снегоход несся вперед сквозь пустынные про-

сторы. Снег и ветер стерли все очертания, все сгладили и выровняли, так что вокруг, казалось, раскинулась бескрайная морская гладь, над которой чудовищной волной вздымалась гора Халлингскарвет. Ничего резкого, мягкость снега и тяжесть снегохода делали все движения мягкими и замедленными. Кайя осторожно потерла рукой нос и щеки, чтобы удостовериться, что кровообращение в них еще не нарушилось. Ей доводилось видеть, что делают с лицом даже небольшие обморожения. Монотонное рычание мотора и успокаивающее однообразие ландшафта действовали усыпляюще, но вдруг она проснулась — оттого что мотор умолк и они остановились. Кайя взглянула на часы. Первой мыслью было, что у них заглох мотор, а до цивилизации минимум сорок пять минут езды. А сколько тогда идти на лыжах? Три часа? Пять? Она понятия не имела. Утму уже спрыгнул со скутера и отстегнул лыжи.

— Что-то не так с… — начала она, но замолчала, когда Утму, выпрямившись, указал ей на небольшую ложбину, перед которой они остановились.

— Ховассхютта, — сказал он.

Кайя зажмурила глаза за солнцезащитными очками. И в самом низу горы она увидела маленькую черную хижину.

— А почему мы не могли поехать?..

— Потому что люди — идиоты, и к хижине придется теперь подкрадываться.

— Подкрадываться? — переспросила Кайя и следом за Утму поспешила застегнуть крепления.

Тот лыжной палкой ткнул в сторону горного склона.

— Если на снегоходе въехать в такую узкую долину, звук усилится эхом, пойдет во все стороны. А рыхлый снег…

— Лавина, — догадалась Кайя.

После одной из своих поездок в Альпы отец рассказывал, что там во время Второй мировой войны погибло под лавинами, большей частью вызванными звуковой волной от артиллерийской канонады, более шестидесяти тысяч солдат.

Утму на секунду остановился и снова взглянул на нее.

— Наши городские любители природы считают, что очень умно строить хижину под прикрытием склона. Но ее тоже рано или поздно снесет лавиной.

— Тоже? — переспросила Кайя.

— Ховассхютта здесь всего три года стоит. А такой рыхлый снег выпал только в этом году. Скоро выпадет еще больше.

Он показал рукой на запад. Кайя поднесла ко лбу ладонь и увидела, что он имел в виду. У снежного горизонта гигантским грибом на синем фоне вздымалось серо-белое облако.

— Снег всю неделю будет идти, — сказал Утму, отстегнул винтовку от снегохода и повесил через плечо. — На вашем месте я бы поторопился. И ни в коем случае не кричал.

Вниз, в долину, они спустились молча. Оказавшись в тени, Кайя почувствовала, насколько стало холоднее, холод точно прятался в каждой складке местности.

Перед выкрашенной в черный цвет бревенчатой хижиной они скинули лыжи, прислонили их к стене, Утму выудил из кармана ключ и вставил в замок.

— А как сюда попадают те, кто хочет заночевать? — спросила Кайя.

— Покупают стандартный ключ. Он подходит ко всем таким хижинам по всей стране.

Он повернул ключ в замке и толкнул дверь. Безрезультатно. Он тихо ругнулся и навалился на дверь плечом. Она отделилась от дверной коробки, пронзительно взвизгнув.

— Хижина садится от мороза, — пробормотал Утму.

Внутри было сумрачно, пахло парафином и печкой.

Кайя осмотрела хижину. Она знала, что порядки тут предельно простые. Люди появлялись, записывались в гостевую книгу, занимали кровать — или матрас, если кровати были уже заняты, зажигали огонь в очаге, варили принесенную с собой еду на кухне, где имелась плитка и все, что нужно, из посуды, и, если использовали сухие припасы из шкафчиков, оставляли деньги в коробке. В той же коробке оставляли деньги за ночлег или же заполненное платежное поручение. Все основано на ответственности и честности гостей.

В хижине было четыре спальни, все окнами на север, в каждой — четыре спальных места на двух двухъярусных кроватях. Окна гостиной выходили на юг, и обставлена она была вполне традиционно — тяжелой сосновой мебелью. Для уюта тут имелся большой открытый очаг, а для более эффективного обогрева — печка. Кайя прикинула, что за обеденным столом могли одновременно разместиться двенадцать-пятнадцать человек, вдвое больше людей могли здесь заночевать, если лечь компактнее и использовать матрасы и пол. Она представила себе свет

стеариновых свечей, огонь камина, освещающий знакомые и незнакомые лица, разговор о сегодняшнем и завтрашнем походе под пиво или бокал красного вина. Раскрасневшееся лицо Эвена, который смотрит на нее с улыбкой. Он сидит в темном углу и протягивает навстречу свой бокал.

— Гостевая книга на кухне. — Утму показал на одну из дверей.

Он так и стоял у входа в шапке и варежках, всем своим видом выражая нетерпение. Кайя положила руку на дверную ручку и собиралась нажать на нее, как вдруг на нее нахлынуло. Ленсман Кронгли. Как же он похож. Она, конечно, знала, что это ощущение обязательно вернется, только не знала когда.

— Вы не могли бы открыть мне дверь? — попросила она.

— Чего?

— Примерзла, — сказала Кайя. — Холодно.

Она прикрыла глаза, когда он приближался, услышала, как беззвучно открывается дверь, почувствовала на себе его удивленный взгляд. Потом снова открыла глаза и вошла.

На кухне стоял едва ощутимый запах прогорклого жира. Она почувствовала, как участился

пульс, пока ее взгляд скользил по столам, шкафчикам. На лавке под окном лежала черная книга в кожаном переплете, прикрепленная к стене синей нейлоновой веревкой.

Кайя перевела дух. Шагнула к книге. Раскрыла ее.

Страница за страницей, от руки исписанные именами гостей. Большинство следовали правилам и указывали свой дальнейший маршрут.

— Я все равно сюда собирался после выходных, мог бы проверить книгу, — услышала она голос Утму за спиной. — Но вы наверняка не могли ждать?

— Не могли, — призналась Кайя, просматривая даты.

Ноябрь. Шестое ноября. Восьмое ноября. Она посмотрела дальше. И потом назад. Нет его. Листка за седьмое ноября не было. Она пошире раскрыла книгу. Из переплета торчали остатки вырванной страницы. Кто-то ее забрал.

Глава 31
Кигали

Аэропорт в Кигали, Руанда, был маленький, современный и на удивление удобно устроенный. С другой стороны, Харри по собственному опыту знал, что международные аэропорты мало или вообще ничего не говорят о стране, в которой находятся. В индийском Мумбае царит спокойствие и эффективность, в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке — паранойя и хаос. Очередь на паспортный контроль слегка продвинулась, и Харри сделал шаг вперед. Несмотря на вроде бы комфортную температуру, между лопатками под тонкой хлопчатой рубашкой все равно струился пот. Он снова вспомнил тех, кого видел в Схипхоле в Амстердаме, где с опозданием приземлился рейс из Осло. Харри основательно разогрелся, пока несся по коридорам в поисках своего выхода на посадку, вдоль всего алфавита и числового ряда по возрастающей, чтобы успеть на самолет, который должен был доставить его в Кампалу, Уганда. На одном из поворотов он краем глаза заметил знакомый силуэт. Но она стояла против

света и слишком далеко, чтобы различить лицо. И, войдя последним в самолет, Харри сделал совершенно очевидный вывод: это не могла быть она. Шансы мизерные. К тому же мальчик рядом с ней никак не мог быть Олегом. Он просто не мог так вырасти.

— Next[56].

Харри подошел к окошку, предъявил паспорт, иммиграционную карточку, запрос на визу, который он распечатал из Интернета, и шестьдесят новеньких долларов пошлины.

— Business?[57] — спросил пограничник, и Харри встретился с ним взглядом.

Мужчина был высокий, худощавый, с гладкой черной блестящей кожей. Наверное, тутси, подумал Харри. Именно они контролировали сейчас границы страны.

— Yes[58].

— Where?[59]

---

[56] Примечания: 56
Следующий *(англ.).*

[57] Примечания: 57
Бизнес? *(англ.)*

[58] Примечания: 58
Да *(англ.).*

[59] Примечания: 59
Куда? *(англ.)*

— Congo, — сказал Харри и добавил, уточняя, какое именно из двух государств Конго имеет в виду: — Congo-Kinshasa[60].

Пограничник показал на иммиграционную карточку, которую Харри заполнил в самолете.

— Says here you're staying at Gorilla Hotel in Kigali[61].

— Just tonight, — ответил Харри. — Then drive to Congo tomorrow, one night in Goma and then back here and home. It's a shorter drive then from Kinshasa[62].

— Have a pleasant stay in Congo, busy man[63], — произнес человек в форме, от души хохотнул, поставил в паспорте печать и вернул его Харри.

Полчаса спустя Харри заполнил карточку гостя в «Горилле», подписал ее и получил ключ, прикрепленный к маленькой горилле, вырезанной из дерева. И лег в постель — прошло уже

---

[60] Примечания: 60

Конго. Конго-Киншаса *(англ.)*.

[61] Примечания: 61

Здесь написано, что вы остановитесь в отеле «Горилла» в Кигали *(англ.)*.

[62] Примечания: 62

Только на эту ночь. Завтра отправлюсь в Конго, еще одну ночь проведу в Гоме, потом назад сюда и домой. Так ближе, чем из Киншасы *(англ.)*.

[63] Примечания: 63

Желаю вам приятного пребывания в Конго, такому занятому *(англ.)*.

восемнадцать часов с тех пор, как он поднялся с постели в Уппсале. Харри уставился на ревущий вентилятор в изножье кровати. Хотя лопасти вращались с истеричной быстротой, оттуда не шло ни дуновения. Вряд ли удастся уснуть.

Шофер попросил Харри называть его просто Джо. Джо был конголезец, бегло говорил по-французски и чуть менее бегло по-английски. Нанять его удалось благодаря контактам с норвежской гуманитарной организацией, базирующейся в Гоме.

— Eight hundred thousand[64], — произнес Джо, ведя свой «лендровер» по разбитому, но вполне пригодному для езды асфальтовому шоссе, которое вилось между зелеными холмами и горными склонами, засеянными снизу доверху. Иногда он благородно притормаживал, чтобы не задавить людей на обочине, идущих пешком, едущих на велосипедах, везущих тележки или просто несущих вещи. Впрочем, люди, как правило, в последний момент спасались сами, уворачиваясь от машины.

— В девяносто четвертом убили восемьсот тысяч человек всего за несколько недель. Хуту

---

[64] Примечания: 64
Восемьсот тысяч *(англ.)*.

отправились к своим старым добрым соседям и стали резать им горло за то, что те были тутси. По радио шла такая пропаганда, мол, если твой муж тутси, ты как хуту просто обязана его убить. Cut down the tall trees[65]. Тогда многие вот так бежали… — Джо показал на поток людей. — А трупы лежали штабелями, местами пройти из-за них было невозможно. То-то грифам радость была…

Дальше они ехали в молчании.

Они миновали двух мужчин, которые несли на плечах какую-то большую кошку, за лапы подвешенную к палке. Рядом ликующе пританцовывали дети и палками кололи мертвого зверя. Шкура была цвета солнца с пятнами тени.

— Охотники? — поинтересовался Харри.

Джо покачал головой, посмотрел в зеркало и ответил, мешая английские слова с французскими:

— Готов поспорить, что его задавили. Их почти невозможно добыть. Встречаются редко, охотничья территория огромная, на охоту они выходят только ночью. Днем прячутся и просто сливаются с местностью. Мне кажется, это очень одинокий зверь, Харри.

Харри смотрел на мужчин и женщин, рабо-

---

[65] Примечания: 65
Вырубать высокие деревья *(англ.)*.

тающих в полях. Кое-где по пути попадались дорожные машины и группы мужчин, которые латали дороги. Внизу в долине Харри заметил строящееся шоссе. За забором радостные дети в синей школьной форме играли в футбол.

— Rwanda is good[66], — произнес Джо.

Через два с половиной часа Джо показал пальцем на переднее стекло:

— Lake Kivu. Very nice, very deep[67].

Казалось, поверхность огромного озера отражала тысячи солнц. Страна на другом берегу называлась Конго. Со всех сторон были горы. Вершину одной из них накрывало одинокое белое облако.

— No cloud, — сказал Джо, словно поняв, о чем думает Харри. — The killer mountain. Nyiragongo[68].

Харри кивнул.

Через час они миновали границу и поехали в направлении Гомы. На обочине сидел тощий как скелет мужчина в разорванной куртке и смотрел перед собой отчаянным, безумным взглядом.

---

[66] Примечания: 66
В Руанде хорошо *(англ.)*.

[67] Примечания: 67
Озеро Киву. Очень красивое, очень глубокое *(англ.)*.

[68] Примечания: 68
Это не облако. Гора-убийца. Ньирагонго *(англ.)*.

Джо осторожно вел машину между воронками по вспаханной взрывами глинистой дороге. Мимо них проехал военный джип. Покачивающийся солдат с пулеметом посмотрел на Харри и Джо холодным усталым взглядом. Над головой гудели двигатели самолетов.

— UN, — заметил Джо. — More guns and grenades. Nkunda is coming closer to the city. Very strong. Many people escape now. Refugees. Maybe Mister van Boorst too, eh? I not see him long time[69].

— You know hum?[70]

— Everybody knows Mister Van. But he has Ba-Maguje in him[71].

— Ba-what?[72]

— Un mauvais esprit. A demon. He makes you thirsty for alcohol. And take away your emotions[73].

---

[69] Примечания: 69

ООН. Больше оружия и солдат. Нкунда приближаются к городу. Очень сильны. Сейчас многие пытаются спастись. Беженцы. Может, и мистер ван Боорст, а? Я его давно не видел *(искаж. англ.)*.

[70] Примечания: 70

Вы его знаете? *(англ.)*

[71] Примечания: 71

Мистера Вана все знают. Но в нем Ба-Магуйе *(англ.)*.

[72] Примечания: 72

Ба-что? *(англ.)*

[73] Примечания: 73

Злой дух. Демон. Он заставляет тебя пить. И забирает твои чувства *(фр., англ.)*.

Из кондиционера дохнуло холодом. По лопаткам Харри тек пот.

Они остановились между двумя рядами лачуг — насколько понял Харри, это и был так называемый центр города Гома. Люди спешили туда-сюда по непролазной грязи между лавчонками. Вдоль стен домов высились штабеля черных каменных блоков, некоторые стены были сложены из них же. Земля напоминала застывшую черную глазурь, в воздухе вилась серая пыль и воняло тухлой рыбой.

— Здесь, — сказал Джо и показал на дверь единственного каменного дома. — Жду в машине.

Харри заметил, что несколько мужчин на улице остановились, когда он вышел из машины. Увидел их равнодушные, опасные взгляды, в которых не было никакой угрозы. Взгляды мужчин, знающих, что агрессия наиболее эффективна, когда неожиданна. Харри пошел прямо к двери, не оглядываясь, всем видом показывая, что он знает, что делает и куда идет. Постучал. Один раз. Два раза. Три. Черт! Это же надо, проделать такой долгий путь, чтобы…

Дверь слегка приоткрылась.

Белое морщинистое лицо вопросительно воззрилось на него.

— Эдди ван Боорст? — спросил Харри.

— Il est mort, — произнес старик голосом хриплым, как шепот умирающего.

Харри хватило школьного французского, чтобы понять: мужчина утверждает, что ван Боорст умер. Но сам он сделал ставку на английский:

— Меня зовут Харри Холе. Имя ван Боорст я узнал от Хермана Клюйта в Гонконге. Я проделал долгий путь. Меня интересует леопольдово яблоко.

Старик дважды моргнул. Высунул голову за дверь, посмотрел направо и налево. Потом приоткрыл дверь чуть пошире.

— Entrez[74], — сказал он и кивком пригласил Харри зайти.

Харри пригнул голову, входя в низкую дверь, и в последний момент сумел устоять на ногах: пол в доме был сантиметров на двадцать ниже порога. Внутри пахло благовониями. И был еще один запах, хорошо знакомый, противная сладковатая вонь, — так пахнет от старого человека, когда тот пьет уже несколько дней подряд.

Когда глаза Харри привыкли к темноте, он обнаружил, что маленький, изящный старик об-

---

[74] Примечания: 74
Заходите *(фр.)*.

лачен в элегантный бордовый шелковый халат.

— Scandinavian accent, — произнес ван Боорст на английском Эркюля Пуаро и поднес к узким губам позолоченный мундштук. — Let me guess. Definitely not Danish. Could be Swedish. But I think Norwegian. Yes?[75]

В трещине стены позади него шевелил усиками таракан.

— Mm. An expert on accents?[76]

— Всего лишь хобби, — сказал ван Боорст, польщенный и довольный. — В таких маленьких странах, как Бельгия, надо учиться смотреть наружу, а не внутрь. Как дела у Хермана?

— Хорошо, — сказал Харри, повернулся направо и увидел две пары глаз, смотрящих на него без всякого интереса.

Одна пара — с картины в рамке, висящей в углу над кроватью. Это был портрет человека с седой длинной бородой, крупным носом, короткими волосами, эполетами, орденской цепью на груди и саблей. Король Леопольд, если Харри не ошибался. Другая пара глаз принадлежала женщине,

---

[75] Примечания: 75

Акцент скандинавский. Дайте-ка угадаю. Определенно не датский. Возможно, шведский. Но мне кажется, норвежский. Да? *(англ.)*

[76] Примечания: 76

Мм. Вы специалист по акцентам? *(англ.)*

которая лежала в кровати на боку, прикрыв бедра одеялом. Свет из окна над ее головой падал на маленькую, почти девичью грудь. Она ответила на кивок Харри быстрой улыбкой, сверкнув золотым зубом в ряду белых. Ей едва ли было больше двадцати. Над стройной талией Харри различил металлический штырь, вбитый в треснувшую стену. На штыре покачивалась пара розовых наручников.

— Моя жена, — представил ее маленький бельгиец. — Ну, или одна из них.

— Мисс ван Боорст?

— Что-то в этом роде. Так вы приехали покупать? И деньги у вас есть?

— Сначала я хотел бы посмотреть, что есть у вас, — сказал Харри.

Эдди ван Боорст подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул на улицу. Захлопнул и запер дверь.

— С вами только ваш шофер?

— Да.

Ван Боорст дымил сигаретой, разглядывая Харри всеми складками кожи, собравшимися вокруг прищуренных глаз.

Потом он пошел в угол комнаты, ногой откинул ковер, наклонился и дернул за железное кольцо. Открылся люк. Бельгиец кивком приказал Харри

спускаться первым. Харри предположил, что эта мера предосторожности основана на опыте, и сделал, как ему велели. Лестница вела в кромешную тьму. Лишь после семи ступенек Харри ощутил под ногами твердый пол. И тут зажглась лампа на потолке.

Харри выпрямился в полный рост, огляделся. Гладкий цементный пол, вдоль трех стен — шкафы и полки. На полках лежали товары повседневного спроса: бывшие в употреблении пистолеты «глок», такой же, как у Харри, «смит-вессон», ящики с патронами, «калашников». Харри еще никогда не держал в руках знаменитый русский автомат. Он провел кончиками пальцев по гладкому деревянному прикладу.

— Оригинал сорок седьмого, первого года выпуска, — заметил ван Боорст.

— Похоже, он тут есть у всех, — сказал Харри. — Насколько я слышал, самая распространенная причина смерти.

Ван Боорст кивнул:

— Тут два фактора. Во-первых, когда коммунистические страны стали после холодной войны, в мирное время, поставлять сюда автоматы, те стоили не дороже жирной курицы. А во время войны — не больше ста долларов. Во-вторых, что

ты с ним ни делай, он действует безотказно, а в Африке это важно. В Мозамбике они так ценят свои «калаши», что даже на флаге изобразили.

Взгляд Харри упал на неброские буквы, выдавленные на черном чемоданчике.

— Здесь то, что я думаю? — спросил Харри.

— «Мерклин», — ответил ван Боорст. — Редкая винтовка. Произведено совсем немного, модель оказалась неудачной. Тяжеловата, да и слишком крупный калибр. Использовалась для охоты на слонов.

— И на людей, — тихо сказал Харри.

— Знакомое оружие?

— Прицел с лучшей в мире оптикой. Самое оно, чтобы попасть в слона со ста метров. Такая винтовка идеальна для покушений. — Харри погладил чемодан пальцами, нахлынули воспоминания. — Да, оно мне знакомо.

— Вам отдам задешево. Тридцать тысяч евро.

— На этот раз я не за винтовкой.

Харри повернулся к открытому стеллажу, который стоял посреди комнаты. С полок скалились выкрашенные в белое причудливые деревянные маски.

— Маски духов народа май-май, — сказал ван Боорст. — Эти ребята верят, что, сбрызнув себя

священной водой, станут неуязвимыми для вражеских пуль. Потому что пули тоже превратятся в воду. Повстанцы май-май шли воевать против правительственных войск с луками и стрелами, в шапочках для душа и с затычками для ванны в качестве амулетов. I'm not kidding you, Monsieur[77]. Ясное дело, их скосили. Но воду они любят, эти май-май. И еще белые маски. А также сердца и почки своих врагов. Слегка обжаренные и с кукурузным пюре.

— Ммм, — сказал Харри. — Я и не ожидал, что в таком невзрачном доме полный подвал диковинок.

Ван Боорст хохотнул:

— Cellar? This is the ground floor. Or was[78]. До извержения три года назад.

И тут до Харри дошло. Черные блоки, черная глазурь. Пол там, наверху, лежащий ниже уровня земли.

— Лава, — сказал Харри.

Ван Боорст кивнул.

— Она текла через весь центр и уничтожила мой дом у озера Киву. Все деревянные дома во-

---

[77] Примечания: 77
Я не шучу, месье *(англ.)*.

[78] Примечания: 78
Подвал? Это первый этаж. Или был таким *(англ.)*.

круг сгорели, этот бетонный — единственное, что осталось, но и он оказался погребен под лавой. — Он ткнул рукой в стену. — Вот здесь была дверь, ведущая туда, где три года назад проходила улица. Я купил дом и просто сделал новую дверь — вы вошли через нее.

Харри кивнул:

— Повезло вам, что лава не хлынула в дверь и не залила этот этаж.

— Как видите, окна и дверь обращены в сторону, противоположную Ньирагонго. Такое ведь случается не впервые. Раз в десять-пятнадцать лет чертова гора заплевывает город лавой.

Харри приподнял бровь:

— И люди все равно возвращаются?

Ван Боорст пожал плечами:

— Добро пожаловать в Африку. Но вулкан этот bloody useful[79]. Если надо избавиться от ненужного трупа — а в Гоме это дело обычное, — ты можешь утопить его в озере Киву. Но все равно там, на дне, труп *останется*. А вот в Ньирагонго… Считают, что у всех вулканов на дне есть пузырящиеся раскаленные озера лавы, но это не так. Нигде их нет. Кроме Ньирагонго. Тысяча градусов

---

[79] Примечания: 79
Жутко полезный *(англ.)*.

по Цельсию. Просто бросить туда, и с концами. Только облачко газа поднимется. В Гоме у них это единственный шанс попасть на небо. — Он засмеялся и закашлялся. — Однажды я видел, как один рьяный охотник за колтаном спускал в кратер на толстой цепи дочку местного вождя племени. Вождь ни за что не хотел подписывать бумаги, которые дали бы охотнику право добывать колтан в этих краях. Волосы у нее вспыхнули в двадцати метрах над лавой. А еще через десять метров она горела, как сальная свечка. Чуть ниже с нее все потекло. Я не преувеличиваю. Кожа и мясо стекали со скелета… Так вас интересует это?

Ван Боорст открыл шкаф и вытащил металлический шарик. Блестящий, перфорированный мелкими дырочками и чуть меньше теннисного мяча. Из дырочки побольше свисал тонкий шнур с кольцом на конце. Такой же инструмент Харри видел у Хермана Клюйта.

— Работает? — поинтересовался Харри.

Ван Боорст вздохнул. Он просунул мизинец в металлическое кольцо и потянул. Раздался громкий щелчок, и металлический шарик подпрыгнул у бельгийца в руке. Харри застыл: из дырочек выскочили шипы.

— Вы позволите? — спросил он и протянул

руку.

Ван Боорст отдал ему шарик и внимательно следил, как Харри пересчитывает шипы.

Харри кивнул.

— Двадцать четыре, — произнес он.

— Столько же, сколько было сделано яблок, — заметил ван Боорст. — Для инженера, который сконструировал и изготовил его, это число имело символический смысл. Столько лет было его сестре, когда она покончила с собой.

— И сколько их у вас в этом шкафу?

— Всего восемь. Включая вот этот великолепный экземпляр из золота. — Он вынул другой шарик, матово блеснувший в свете лампочки, и снова убрал его в шкаф. — Но он не продается. Чтобы его заполучить, вам придется убить меня.

— Значит, после того как Клюйт купил одно яблоко, вы продали еще тринадцать?

— И каждый следующий дороже. Это надежное вложение денег, господин Холе. У старых пыточных инструментов есть верный и платежеспособный круг ценителей, уж поверьте.

— Я вам верю, — сказал Харри и попытался вдавить назад один из шипов.

— Там пружина, — пояснил ван Боорст. — Если потянуть за шнурок один раз, тот, кого допра-

шивают, не сможет вытащить яблоко изо рта. Да, честно говоря, и никто другой не сможет. И поневоле приходится перейти ко второму шагу, чтобы шипы ушли внутрь. Но только, ради бога, не тяните за шнурок.

— Ко второму шагу?

— Дайте-ка мне его.

Харри протянул шарик ван Боорсту. Бельгиец осторожно вставил в железное кольцо шариковую ручку, подержал ее горизонтально на одной высоте с шариком, потом отпустил его. Едва шнур натянулся, раздался новый хлопок. Леопольдово яблоко крутилось в пятнадцати сантиметрах ниже ручки, сверкая острыми иглами, торчащими из кончика каждого шипа.

— Черт, — выругался Харри по-норвежски.

Бельгиец улыбнулся.

— Май-май называли это приспособление «солнцем крови». У любимого дитяти много имен. — Он положил яблоко на стол, вставил ручку в кольцо на шнуре, сильно потянул, и после нового щелчка исчезли и иголки, и шипы, а королевское яблоко вновь стало округлым и гладким.

— Здорово, — сказал Харри. — И сколько?

— Шесть тысяч долларов, — сказал ван Боорст. — Обычно я каждый раз чуть набавляю

цену, но вам отдам за столько же, что и прошлому покупателю.

— Почему это? — поинтересовался Харри и погладил указательным пальцем гладкий металл.

— Потому что вы приехали издалека, — сказал ван Боорст и выдохнул сигаретный дым. — И еще мне нравится ваш акцент.

— Ммм. И кому же вы его продали за шесть тысяч?

Ван Боорст рассмеялся:

— Точно так же, как никто не узнает, что вы были здесь, я не расскажу вам о других моих клиентах. Разве это вас не успокаивает, господин?.. Смотрите, я уже забыл ваше имя.

Харри кивнул.

— Шестьсот, — сказал он.

— Простите?

— Шесть сотен долларов.

Ван Боорст снова издал короткий смешок.

— Смешно. Сумму, которую вы назвали, платят за экскурсию с гидом на водохранилище, чтобы три часа наблюдать за горными гориллами. Может, вы это предпочтете, господин Холе?

— Королевское яблоко можете оставить себе, — сказал Харри и вытащил из заднего кармана тощую пачку двадцатидолларовых купюр. — Я

предлагаю вам шесть сотен за сведения о тех, кто покупал у вас яблоки.

Он положил пачку купюр на стол перед ван Боорстом. Сверху лежало его удостоверение.

— Полиция Норвегии, — сказал Харри. — Минимум две женщины в Норвегии были убиты с помощью этого изделия, а вы — его единственный поставщик.

Ван Боорст склонился над пачкой и принялся изучать удостоверение, не прикасаясь ни к тому ни к другому.

— Если так, то я действительно сожалею, — сказал он хрипло, словно его горло было забито крупным гравием. — Поверьте. Но моя личная безопасность стоит больше шести сотен долларов. И если я начну трепаться о моих покупателях, то ожидаемая продолжительность моей жизни…

— Лучше бы вам озаботиться ожидаемой продолжительностью вашей жизни в конголезской тюрьме, — сказал Харри.

Ван Боорст снова засмеялся:

— Nice try, Hole[80]. Но совершенно случайно я знаком с шефом полиции в Гоме, а кроме того… — он развел руками, — а что я такого сделал?

---

[80] Примечания: 80
Неплохая попытка, Холе *(англ.)*.

— Меня не волнует, что вы сделали, — заметил Харри и вынул из нагрудного кармана фотографию. — Между прочим, норвежское государство оказывает Конго весьма ощутимую денежную помощь. Если норвежские власти позвонят в Киншасу и скажут, что вы продали орудие, при помощи которого было совершенно двойное убийство на территории Норвегии, а теперь отказываетесь сотрудничать со следствием, что, по вашему мнению, может произойти?

Ван Боорст больше не улыбался.

— Да нет, я вас умоляю, вас не осудят безвинно, — сказал Харри. — Речь идет только о предварительном заключении, не надо его путать с наказанием. Например, ради защиты самого подследственного на время расследования и ради защиты доказательств по делу. Но все-таки это тюрьма. А расследование может занять много времени. Вы когда-нибудь видели конголезскую тюрьму изнутри, ван Боорст? Наверняка нет — немногие белые ее видели.

Ван Боорст поплотнее запахнул халат. Посмотрел на Харри, грызя мундштук.

— О'кей, — сказал он. — Тысяча долларов.

— Пятьсот, — сказал Харри.

— Пятьсот? Но вы…

— Четыреста, — произнес Харри.

— Done![81] — Ван Боорст воздел руки к небу. — Что вы хотите знать?

— Все, — ответил Харри, прислонился к стене и достал пачку сигарет.

Когда полчаса спустя Харри вышел из дома ван Боорста и залез в «лендровер» Джо, уже стемнело.

— В гостиницу, — распорядился Харри.

Оказалось, что гостиница стоит у самого озера. Джо предупредил Харри, чтобы тот не купался. И не из-за паразита — гвинейского червя, личинку которого невозможно заметить, пока в один прекрасный день он не обнаружится у тебя под кожей, а потому что со дна здесь поднимаются огромные пузыри метана, способные утопить человека.

Харри уселся на балконе и стал смотреть на два длинноногих создания, походкой стаккато расхаживающих по освещенному газону. Они были похожи на фламинго в оперении павлина. На щедро залитом светом теннисном корте два черных подростка играли двумя мячиками, до того обтрепанными, что напоминали свернутые

---

[81] Примечания: 81
Идет *(англ.)*.

носки, прыгающие взад и вперед над наполовину оборванной сеткой. Время от времени над крышей гостиницы с ревом проносились все новые и новые самолеты.

Харри слышал звон бутылок в баре. От места, где он сидел, туда было ровно шестьдесят восемь шагов. Он посчитал, когда приехал. Выудив телефон, набрал номер Кайи.

Судя по голосу, она обрадовалась, когда услышала его. Это как минимум.

— Сижу в Устаусете, не могу выехать, — сказала она. — Тут все снегом завалило. Но меня хотя бы пригласили на ужин. Да и гостевая книга оказалась интересной.

— Да ну?

— Записей за тот день, который нам нужен, там не оказалось.

— Ничего себе. А ты проверила…

— Да, я проверила, нет ли отпечатков пальцев или отпечатков от ручки на следующей странице. — Она фыркнула, и Харри был готов поклясться, что она уже выпила пару бокалов вина.

— Ммм… Я думал скорее о…

— Да, я проверила, кто записался днем раньше и днем позже. Но в таких спартанских условиях,

как в Ховассхютте, никто дольше чем на ночь останавливаться не станет. Если только непогода не задержит. А седьмого ноября погода была прекрасная. Но местный ленсман пообещал мне проверить записи в гостевых книгах хижин по соседству, кто там ночевал в районе седьмого ноября и не было ли туристов, чей маршрут пролегал через Ховассхютту.

— Хорошо. Похоже, горячо.

— Может быть. Как у тебя?

— Боюсь, что холоднее. Я нашел ван Боорста, но никто из четырнадцати его покупателей не был скандинавом. Он вполне в этом уверен. Дал мне шесть имен с адресами, все они — известные коллекционеры. Плюс пара имен, которые он едва помнит, кое-какие описания, что-то про их национальность, и все. Есть еще два яблока, но ван Боорст слышал, что они по-прежнему у коллекционера в Каракасе. А ты проверила про Аделе и визу?

— Звонила в консульство Руанды в Швеции. Признаться, опасалась бардака, но у них все в порядке.

— Маленький, упрямый старший брат Конго.

— У них есть копия запроса Аделе о выдаче визы, даты совпадают. Срок действия визы дав-

но истек, и они, ясное дело, понятия не имеют, где она сейчас. Предложили нам обратиться к иммиграционным властям в Кигали. Мне дали номер, я позвонила, а потом меня, как мячик для пинг-понга, стали перекидывать из конторы в контору, пока я наконец не попала на какого-то англоговорящего начальника, который обратил мое внимание на то, что у нас с Руандой нет никакого договора о сотрудничестве по таким вопросам, вежливо извинился и пожелал мне и моей родне счастливой и долгой жизни. У тебя тоже ничего?

— Тоже. Я показал ван Боорсту фотографию Аделе. Он сказал, что единственной его покупательницей была женщина с крупными ржаво-рыжими кудрями и восточнонемецким акцентом.

— Восточнонемецкий акцент? А такой есть?

— Не знаю, Кайя. Этот мужик ходит в шелковом халате, курит сигареты через мундштук, еще он алкаш и специалист по акцентам. Я старался особо не отдаляться от темы и поскорее оттуда выбраться.

Она рассмеялась. Белое вино, подумал Харри. От красного смеются меньше.

— Но у меня есть идея, — сказал он. — Имми-

грационные карточки.

— Что?

— Их заполняют в гостинице, где впервые останавливаются на ночлег. Если в Кигали хранят эти карточки, то я, возможно, смогу узнать, куда уехала Аделе. Это может быть зацепкой. Пока мы знаем только то, что она, возможно, единственная, кому известно, кто был в Ховассхютте той ночью.

— Удачи, Харри.

— И тебе тоже.

Он положил трубку. Он, конечно, мог спросить ее, с кем она собирается ужинать, но, если бы это имело отношение к расследованию, она бы и так сказала.

Харри оставался на балконе до закрытия бара, звон бутылок прекратился, его сменили любовные стоны и крики, долетающие из открытого окна этажом выше. Хриплые, монотонные. Они напомнили ему чаек в Ондалснесе, когда они с дедушкой вставали в несусветную рань на рыбалку. А отец с ними никогда не ходил. Почему? И почему Харри никогда не задумывался об этом раньше? Неужели инстинктивно ощущал, что отцу в рыбацкой лодке не место? И уже тогда, в пять лет, понимал: отец получил образование и

уехал с хутора только для того, чтобы не сидеть в этой лодке? И тем не менее отец хочет вернуться и коротать вечность именно там. Странная штука жизнь. А особенно — смерть.

Харри закурил еще одну сигарету. Небо было беззвездным и черным, только над кратером Ньирагонго пульсировало красное зарево. Харри укусила какая-то мошка. Малярия. Магма. Метан. Озеро Киву сверкало далеко внизу. Very nice, very deep.

В горах что-то громыхнуло, звук прокатился по воде. Извержение вулкана или просто гроза? Харри посмотрел в небо. Новый раскат, эхо раскатилось между горами. И еще эхо, из дальнего далека, донеслось до Харри.

Very deep.

Он сидел, уставившись в темноту, и даже не заметил, как разверзлись небеса и грянул дождь, заглушая крики чаек.

Глава 32
Полиция

— Рад, что вы успели вернуться из Ховассхютты до того, как все это началось, — сказал ленсман Кронгли. — Иначе застряли бы там на несколько дней. — Он кивнул на большое панорамное окно гостиничного ресторана. — Но когда смотришь — красиво, правда?

Кайя посмотрела на метель за окном. Эвена тоже всегда зачаровывала мощь природных стихий, даже враждебных.

— Надеюсь, поезд-то мой сюда доберется? — произнесла она.

— Конечно, — сказал Кронгли, неловко вертя в пальцах бокал с вином, так что Кайе показалось, что вино ленсман пьет не очень часто. — Мы этим займемся. А еще гостевыми книгами в других хижинах.

— Спасибо, — поблагодарила Кайя.

Кронгли провел пятерней по своим непокорным кудрям и криво улыбнулся. Голос Криса де Бурга — «Lady In Red» — сиропом тек из колонок.

Помимо них в ресторане было только два по-

сетителя — мужчины лет тридцати, сидящие поодиночке, каждый за своим накрытым белой скатертью столом с бокалом пива, и вглядывающиеся в непогоду в ожидании того, чему не суждено случиться.

— А вам тут не бывает одиноко? — поинтересовалась Кайя.

— Все относительно, — ответил ленсман и проследил за направлением ее взгляда. — Если у тебя нет жены и семьи, то ходишь в такие места, как это.

— Чтобы разделить одиночество с другими одинокими, — сказала Кайя.

— Точно, — заметил Кронгли и подлил им обоим вина. — Но ведь так и в Осло бывает?

— Да, — подтвердила Кайя. — Верно. А у вас есть семья?

Кронгли пожал плечами:

— У меня была девушка. Но здесь стало слишком уныло, поэтому она уехала туда, где живете вы. Я ее прекрасно понимаю. В таком месте, как это, спасает только интересная работа.

— И у вас она есть?

— Мне так кажется. Я здесь всех знаю, а они знают меня. Мы помогаем друг другу. Они нужны мне, а я, ну… — Он повертел бокал.

— А вы нужны им, — сказала Кайя.

— Думаю, да.

— И это важно.

— Да, это важно, — твердо сказал Кронгли и взглянул на нее. Взглядом Эвена. В котором всегда таилась смешинка, брат всегда смотрел так, будто только что произошло что-то забавное или радостное. Даже если на самом деле все было иначе. Особенно когда все было иначе.

— А как Одд Утму? — спросила Кайя.

— А что с ним такое?

— Он высадил меня и сразу же уехал. Интересно, что он делает в такой вечер, как этот?

— А почему вы думаете, что он не сидит дома с женой и детьми?

— Ну, если я когда-то встречала такого одинокого волка, господин ленсман…

— Аслак, — представился он, рассмеялся и поднял бокал. — Давай на «ты». Я понимаю, ты хороший полицейский. Но Утму не всегда был таким, как теперь.

— Правда?

— До того как у него пропал сын, Одд был более разговорчивым. Можно даже сказать — общительным. Но опасным человеком он был всегда.

— Никогда бы не подумала, что Утму был же-

нат.

— Кстати, на красавице. Притом что сам просто страшилище. Ты его зубы видела?

— Обратила внимание, что у него брекеты.

— Якобы для того, чтобы зубы не искривлялись. — Аслак Кронгли покачал головой, в глазах его был смех, а в голосе — нет. — На самом деле у него они давно бы все выпали, если бы не брекеты.

— А что, у него на снегоходе правда динамит?

— Это ты сказала, — засмеялся Кронгли. — Не я.

— Что ты имеешь в виду?

— Многие из местных не находят особой романтики в том, чтобы часами сидеть с удочкой у горного озера. Но с удовольствием едят добытую рыбку.

— То есть они глушат рыбу динамитом?

— Как только сойдет лед.

— По-моему, это не вполне законно, а, ленсман?

Кронгли выставил руки перед собой:

— Повторяю, сам я ничего такого не видел.

— Ну да, верно, ты ведь здесь живешь. Может, у тебя тоже есть динамит?

— Только для гаража. Который я планирую

построить.

— Ясно. А как насчет винтовки Утму? Выглядит очень современной, с оптическим прицелом и вообще вся такая навороченная.

— Ясное дело. Он же на медведя охотился, Утму. Пока не ослеп наполовину.

— Я обратила внимание на его глаз. А что случилось?

— Якобы сын плеснул ему в глаз кислотой.

— Якобы?

Кронгли пожал плечами:

— Ну, теперь только Утму знает, что произошло на самом деле. Сын пропал в пятнадцать лет. Сразу после пропала и жена. Но все это было восемнадцать лет тому назад, до того как я сюда приехал. После этого Утму так и живет один наверху, на горе, у него ни телевизора, ни радио. Он даже газет не читает.

— А как они пропали?

— Ну что сказать… Вокруг хутора Утму много обрывов, с которых запросто можно свалиться. И снега много. Рядом с местом, где сошла лавина, нашли ботинок сына Утму, но, когда снег растаял, никаких следов парня не нашли, и это довольно странно — что человек потерял в снегу один башмак. Некоторые думают, сына задрал медведь.

Но насколько я знаю, восемнадцать лет назад медведей здесь не было. А некоторые считают, что не обошлось без самого Утму.

— Да ну? Как это?

— Ну-у-у… — протянул Аслак. — У парня был жуткий шрам через всю грудь. Говорили, это его отец так изукрасил. И будто бы из-за матери, этой самой Карен.

— Как это?

— Вроде как ревновали ее друг к другу. — Аслак снова пожал плечами, прочитав вопрос в глазах Кайи. — Еще раз говорю, до меня это было. Рой Стилле, который здесь помощником ленсмана чуть не с сотворения мира, поехал к Утму, но там были только Одд и Карен. И оба сказали одно и то же, мол, парень ушел на охоту и не вернулся. Но дело-то было в апреле.

— То есть не в сезон охоты?

Аслак покачал головой.

— И потом его никто больше не видел. А через год пропала и Карен. Люди думают, ее горе сломило и она, не выдержав, сама кинулась с обрыва.

Голос ленсмана словно бы чуть дрогнул — наверное, от вина.

— А вы что думаете? — спросила она.

— Что это правда. И что парня накрыла лавина.

Он задохнулся под снегом. А потом снег начал таять, и его талой водой унесло в горное озеро, там и лежит. Может, вместе с матерью, давайте будем так думать.

— Это, во всяком случае, звучит приятнее, чем «задрал медведь».

— Нет.

Кайя подняла глаза на Аслака. Глаза его больше не смеялись.

— Оказаться заживо погребенным под лавиной, — сказал он, и взгляд его был уже там, за окном, в метели. — Темнота. Одиночество. Невозможно пошевельнуться, лавина держит тебя в своих железных когтях и смеется над твоими попытками выбраться. Ты знаешь, что умрешь. Паника, смертельный страх, когда ты уже не можешь дышать. Трудно представить себе что-то ужаснее.

Кайя отпила глоток вина. Отставила бокал:

— Сколько ты так пролежал?

— Мне казалось, три, а может, четыре часа, — сказал Аслак. — Но когда меня откопали, сказали, что я пробыл там пятнадцать минут. Еще минут пять, и я бы умер.

Подошел официант, спросил, не хотят ли они заказать что-нибудь еще, потому что подача ал-

коголя заканчивается через десять минут. Кайя поблагодарила и отказалась, и официант положил перед Аслаком счет.

— А зачем Утму таскает с собой винтовку? — спросила Кайя. — Насколько я знаю, сейчас тоже не сезон охоты.

— Он говорит, что из-за хищников. Для самообороны.

— А тут есть хищные звери? Волки?

— Он никогда не уточняет, о каких хищниках идет речь. Кстати, тут ходят слухи, что ночью по горам бродит призрак его сына. И если ты его увидишь, то берегись: значит, рядом пропасть или лавиноопасное место.

Кайя допила вино.

— Если хочешь, я могу продлить разрешение на подачу спиртного еще на час.

— Спасибо, Аслак, но мне завтра рано вставать.

— Уф-ф, — сказал он, смеясь глазами, и почесал кудри. — Звучит так, как будто я… — Он не договорил.

— Что — ты?

— Да ничего. У тебя же там, в Осло, наверняка есть муж или бойфренд.

Кайя улыбнулась и ничего не ответила.

Аслак, уткнувшись взглядом в стол, тихо ска-

зал:

— Ох уж эта деревенская полиция, всего-то два бокала вина выпил и тут же разболтался.

— Все в порядке, — сказала она. — У меня нет бойфренда. И ты мне нравишься. Ты мне напоминаешь брата.

— Но?

— Что «но»?

— Помни, я ведь тоже полицейский. И я вижу, что ты не одиночка по натуре. У тебя кто-то есть, правда?

Кайя рассмеялась. В другой ситуации она не стала бы отвечать. Может, во всем было виновато вино. Может, ей в самом деле нравился Аслак Кронгли. А может, просто настало время выговориться после смерти Эвена, а Аслак — человек чужой, живет далеко от Осло и с ее знакомыми не общается.

— Я вообще-то влюблена, — услышала Кайя собственный голос. — В одного полицейского.

И поднесла ко рту бокал, пытаясь скрыть смущение. Самое странное, что это стало правдой только сейчас, когда она услышала собственные слова, сказанные вслух.

Аслак потянулся к ней бокалом:

— Выпьем за здоровье счастливчика. И за счаст-

ливицу. Я надеюсь.

Кайя покачала головой:

— Не за что пить. Еще не за что. А может, и не придется. Господи, чего это я так разболталась?

— А что нам еще делать? Рассказывай.

— Это сложно. Он *сложный.* И я не знаю, нужна ли я ему. Вот это-то как раз довольно просто.

— Позволь, я угадаю. У него есть дама сердца, и он не свободен.

Кайя вздохнула:

— Может быть. По правде говоря, я не знаю. Аслак, спасибо тебе за помощь, но я…

— …я должна идти, пора спать. — Ленсман встал. — Надеюсь, ничего у тебя с этим парнем не получится и тебе захочется убежать из города от любовной тоски, тогда ты, возможно, подумаешь об этом. — Он протянул ей листок формата А-4 — бланк полицейского управления коммуны Хул.

Кайя прочитала и громко рассмеялась:

— Требуется помощник ленсмана?

— Рой Стилле осенью выходит на пенсию, а найти хорошего полицейского не так-то просто, — сказал Аслак. — Это наше объявление о вакансии. Мы опубликовали его на прошлой неделе. Наше отделение находится в центре Йейлу. Выходные раз в две недели и бесплатная

стоматологическая помощь.

Кайя уже легла в постель, когда до нее донеслись далекие громовые раскаты. Редкое это явление — снежная гроза.

Она набрала номер Харри, услышала автоответчик. Записала на него страшилку про проводника Одда Утму с гнилыми зубами и брекетами и про его сына, который наверняка выглядит еще ужаснее, поскольку уже восемнадцать лет бродит призраком по здешним горам. Посмеялась. Поняла, что пьяна. Пожелала спокойной ночи.

Снилась ей лавина.

Было одиннадцать утра. Харри и Джо выехали из Гомы в семь, границу с Руандой пересекли без всяких проблем, и вот Харри оказался в кабинете на втором этаже терминала в Кигали. Два офицера в форме смерили его взглядом. Не враждебно, нет, а словно оценивая, действительно ли он — норвежский полицейский, за которого себя выдает. Убирая удостоверение в карман пиджака, Харри ощутил под пальцем гладкую бумагу лежащего там кофейного цвета конверта. Проблема в том, что офицеров было двое. Как дать взятку двум государственным служащим одновременно? Попросить их разделить содержимое конверта между собой и вежливо призвать не

стучать друг на друга?

Один из офицеров, тот, что проверял у Харри паспорт двумя днями раньше, сдвинул берет на затылок.

— So you want a copy of the immigration card of… could you repeat the date and the name[82].

— Adele Vetlesen. We know she arrived at this airport November twenty-fifth. And I do pay a finder's fee[83].

Офицеры переглянулись, затем один из них по знаку другого куда-то вышел. Тот, что остался, подошел к окну и стал смотреть на аэродром, на только что приземлившийся маленький самолет DH8. Через пятьдесят пять минут Харри предстояло взойти на его борт, чтобы проделать первый отрезок пути домой.

— Заплатить тому, кто найдет, — тихо повторил офицер. — Я исхожу из того, что вы знаете, что это незаконно — подкуп должностного лица, господин Холе. Но вы наверняка думаете: «Shiit,

---

[82] Примечания: 82

Значит, вы хотите копию иммиграционной карты… не могли бы вы повторить дату и имя *(англ.)*.

[83] Примечания: 83

Аделе Ветлесен. Мы знаем, что она прибыла в этот аэропорт двадцать пятого ноября. И я готов заплатить тому, кто найдет сведения *(англ.)*.

this is Africa!»[84]

Харри внезапно поразился, какая у офицера черная кожа. Она казалась лакированной.

Он почувствовал, что рубашка прилипла к спине. Вчерашняя рубашка. Может, в аэропорту Найроби продают рубашки? Если он туда доберется.

— That's right[85], — сказал Харри.

Офицер рассмеялся и повернулся к нему:

— Круто, да? А вы крутой, Холе! Я сразу это понял, когда вы прилетели. Что вы полицейский.

— Что?

— Вы изучали меня так же пристально, как я вас.

Харри пожал плечами.

Дверь открылась. Вернулся второй офицер, а с ним дама в деловом костюме, на цокающих каблуках и в очках, сдвинутых на кончик носа.

— Мне очень жаль, — сказала она на безупречном английском и внимательно посмотрела на Харри. — Я проверила дату. На этом рейсе не было никакой Аделе Ветлесен.

— Ммм… А ошибки быть не может?

---

[84] Примечания: 84
«Да ладно, это всего лишь Африка!» *(англ.)*

[85] Примечания: 85
Верно *(англ.)*.

— Маловероятно. Иммиграционные карты лежат по порядку, по датам. Тот рейс, о котором говорите вы, прибыл из Энтеббе, самолет DH8, тридцать семь мест. Проверить было несложно.

— Ммм. Если все так просто, нельзя ли попросить вас проверить кое-что еще?

— Попросить вы, конечно, можете. А что вам надо?

— Список других иностранок, которые прибыли тем же рейсом.

— И почему я должна вам его предоставить?

— Потому что Аделе Ветлесен заказала билет на этот рейс. Значит, либо она здесь на паспортном контроле предъявила фальшивый паспорт…

— Сомневаюсь, — сказал пограничник. — Мы тщательно сличаем фотографии, прежде чем поднести паспорт к сканирующему устройству, которое проверяет номер по международному регистру ICAO[86].

— …либо кто-то путешествовал под именем Аделе Ветлесен, но прошел паспортный контроль по собственному, подлинному паспорту. А это вполне возможно, поскольку при регистрации или непосредственно при посадке в самолет но-

---

[86] Примечания: 86

ICAO (International Civil Aviation Organization) — Международная организация гражданской авиации.

мера паспортов не сверяются.

— Верно, — сказал начальник паспортного контроля. — Авиакомпаниям достаточно, чтобы имя и фотография в паспорте соответствовали облику хотя бы примерно. Такой паспорт можно где угодно заказать себе за пятьдесят долларов. Но все равно на паспортном контроле конечного пункта назначения проверят номер и вычислят поддельный паспорт. Однако вы так и не ответили на наш вопрос: почему мы должны вам помогать, господин Холе? Вы здесь с официальной миссией и у вас имеются соответствующие бумаги?

— С официальной миссией я был в Конго, — солгал Харри. — Но там я ничего не нашел. Аделе Ветлесен пропала без вести, и мы опасаемся, что она убита серийным убийцей, который уже лишил жизни по меньшей мере трех женщин, в частности депутата норвежского парламента. Ее звали Марит Ульсен, можете проверить по Интернету. Требования ваши мне ясны: сейчас мне придется вернуться домой, задействовать официальные каналы, мы потеряем несколько дней, и убийца получит дополнительное преимущество. И время, чтобы убивать снова.

Харри увидел, что его слова произвели впечатление. Женщина переговорила о чем-то с

начальником паспортного контроля и вышла.

Оставшиеся ждали в молчании.

Харри взглянул на часы. Он еще не зарегистрировался на рейс.

Прошло шесть минут, и вновь заклацали каблуки.

— Эва Розенберг, Юлиана Верни, Вероника Рауль Гуэно и Клэр Хоббс. — Она выпалила эти имена, поправила очки и положила на стол перед Харри четыре иммиграционные карточки прежде, чем дверь, в которую она вошла, успела захлопнуться. — Сюда приезжает не так много женщин из Европы, — сказала она в заключение.

Харри пробежал взглядом карточки. В качестве адреса в Кигали все указали гостиницы, но отель «Горилла» никто не упомянул. Он взглянул на домашние адреса. Эва Розенберг указала адрес в Стокгольме.

— Спасибо, — поблагодарил Харри и записал имена, адреса и номера паспортов на обороте квитанции за такси, которую обнаружил в кармане.

— Сожалею, что больше ничем не смогли вам помочь, — сказала женщина и вновь поправила очки.

— Напротив, — возразил Харри. — Вы мне

очень помогли. Правда.

— And now, policeman[87], — сказал высокий стройный офицер, и его черное как ночь лицо осветила улыбка.

— Yes?[88] — сказал Харри и сделал паузу, приготовившись достать кофейного цвета конверт.

— А сейчас нам самое время зарегистрировать вас в самолет на Найроби.

— Ммм, — промычал Харри и взглянул на часы. — Возможно, мне придется лететь следующим.

— Следующим?

— Мне надо вернуться в отель «Горилла».

Кайя сидела в поезде Норвежских государственных железных дорог, в так называемом вагоне повышенной комфортности. Помимо бесплатных газет, двух чашек бесплатного кофе и возможности подзарядить ноутбук, это означало, что он будет битком набит — в отличие от почти пустого вагона экономкласса. Так что Кайя поспешила перебраться туда, как только зазвонил телефон и высветился номер Харри.

---

[87] Примечания: 87
А сейчас, господин полицейский *(англ.)*.

[88] Примечания: 88
Да? *(англ.)*

— Ты где? — спросил он.

— Еду в поезде. Только что проехали Конгсберг. А ты?

— В отеле «Горилла» в Кигали. Я проверил карту гостя на имя Аделе Ветлесен. На дневной рейс не успеваю, но дома буду завтра утром. Не могла бы ты позвонить своему тыквоголовому другу в драмменский полицейский участок и попросить у них почтовую открытку, которую написала Аделе? Пусть просто подойдут к поезду, вы же в Драммене останавливаетесь.

— Ну, не уверена, что получится, но я попробую. А зачем она нам?

— Чтобы сравнить подписи. Есть такой эксперт-почерковед, зовут Жан Хью, работал в Крипосе, пока не вышел на пенсию по инвалидности. Пригласи его к нам завтра, к семи утра.

— В такую рань? Ты думаешь, он…

— Ты права. Я сканирую эту карту гостя и отправлю тебе по электронке, а ты возьмешь ее и почтовую открытку и подъедешь к Жану вечером.

— Сегодня вечером?

— Он будет только рад, что его навестили. Если у тебя были какие-то другие планы на вечер, они отменяются.

— Ладно. Кстати, извини за поздний звонок вчера.

— Да ради бога. Занимательная история.

— Я была слегка в подпитии.

— Я понял.

Харри положил трубку.

— Спасибо вам за помощь.

Администратор гостиницы улыбнулся в ответ.

Кофейного цвета конверт обрел наконец нового владельца.

Хьерсти Рёдсмуэн зашла в столовую и направилась к женщине, глядящей в окно на дождь, поливающий деревянные домики в Саннвикене. Перед женщиной лежал нетронутый кусок торта с маленькой свечкой.

— Этот телефон нашли у вас в палате, Катрина, — тихо сказала Рёдсмуэн. — Медсестра пришла с ним ко мне. Вы же знаете, что это запрещено?

Катрина кивнула.

— И тем не менее, — Рёдсмуэн протянула ей мобильный, — он как раз звонит.

Катрина Братт взяла вибрирующий телефон и нажала на «прием».

— Это я, — сказал голос на другом конце провода. — У меня есть имена четырех женщин.

Хотелось бы знать, кто из них не заказывал билет на рейс RA101 в Кигали на двадцать пятое ноября. И еще удостовериться, не заказывала ли та же особа номер на то же число в какой-либо гостинице в Руанде.

— У меня все замечательно, тетя.

Секундная пауза.

— Понятно. Перезвони, когда сможешь.

Катрина вернула телефон Рёдсмуэн:

— Это меня тетка с днем рождения поздравила.

Хьерсти Рёдсмуэн покачала головой:

— Правила запрещают пользоваться мобильными телефонами. Сама я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы он у вас был. Только не пользуйтесь им. И постарайтесь, чтобы сестра не увидела, ладно?

Катрина кивнула, и Рёдсмуэн удалилась.

Катрина еще посидела, глядя в окно, а потом встала и пошла в общую гостиную. На пороге ее настиг голос медсестры:

— Вы куда, Катрина?

Катрина ответила не оборачиваясь:

— Пойду разложу «солитер».

Глава 33
Лейпциг

Гуннар Хаген спустился в подвал на лифте.

Путь вниз. Понижение. Поражение.

Он вышел из лифта и пошел по «Кишке».

Но Бельман свое слово сдержал, не обманул. И бросил ему спасательный круг — довольно приличную руководящую должность в новом, расширенном Крипосе. Рапорт Харри был краток и лаконичен. Никаких результатов. Тут любой идиот понял бы, что самое время плыть в сторону спасательного круга.

Хаген открыл дверь в самом конце коридора, не постучавшись.

Кайя Сульнес приветливо улыбнулась, а Харри, который сидел за компьютером, прижав к уху телефон, даже не повернулся, только пропел: «Садись-шеф-не-хочешь-ли-немножко-скверного-кофе?» — как будто дух-предвестник начальника отдела уже возвестил о его приходе.

Хаген остался стоять в дверях.

— Мне сообщили, что Аделе Ветлесен вы не нашли. Пора паковаться. Время вышло, и вы

нужны для другой работы. Во всяком случае, ты, Сульнес.

— Danke schön, Günther[89], — сказал Харри в трубку, отложил ее и повернулся на стуле.

— Danke schön? — переспросил Хаген.

— Лейпцигская полиция, — объяснил Харри. — Кстати, огромный привет тебе от Катрины Братт, шеф. Ты ведь ее помнишь?

Хаген с подозрением взглянул на своего старшего инспектора.

— Я думал, что Братт в заведении для душевнобольных.

— Точно, — сказал Харри, встал и подошел к кофеварке. — Но что касается поиска в Интернете, ей нет равных. Кстати о поиске, шеф.

— Поиске?

— Не мог бы ты не ограничивать нас в средствах на поисковые мероприятия?

Хаген недоверчиво уставился на старшего инспектора. Потом громко расхохотался:

— Да ты просто чертов сукин сын, Харри. Вы только что потратили на бездарную поездку в Конго половину нашего командировочного бюджета, а теперь тебе нужна поисковая акция?

---

[89] Примечания: 89
Спасибо, Гюнтер *(нем.)*.

С этого момента операция прекращается. Понимаешь?

— Я-то понимаю… — сказал Харри, налил в две чашки кофе и протянул одну из них Хагену, — и даже больше. И ты скоро поймешь, шеф. Садись на мой стул и послушай, что я тебе скажу.

Хаген перевел взгляд с Харри на Кайю. Недоверчиво уставился на содержимое чашки. Потом сел.

— Даю тебе две минуты.

— Все очень просто, — сказал Харри. — Согласно спискам пассажиров Брюссельских авиалиний, Аделе Ветлесен отправилась в Кигали двадцать пятого ноября. Но по данным паспортного контроля, никто с таким именем с самолета не сошел. Произошло следующее: женщина с фальшивым паспортом на имя Аделе уехала из Осло. Фальшивый паспорт работает прекрасно — вплоть до того момента, когда она прилетает в пункт назначения в Кигали, потому что только там проверяется номер паспорта, не так ли? И эта загадочная женщина вынуждена была использовать там свой собственный паспорт, настоящий. Пограничники не просят показать им билет, так что несоответствие между паспортом и билетом не обнаруживается. Конечно, если не искать его

специально.

— Но ты поискал?

— Точно.

— А может, это халатность, ошибка и они просто забыли зарегистрировать Аделе по прилете?

— Может. Но тут еще эта открытка…

Харри кивнул Кайе, и та достала почтовую открытку. Хаген успел разглядеть на ней нечто вроде дымящегося вулкана.

— Она отправлена из Кигали в тот же день, в который Аделе якобы прибыла, — сказал Харри. — Но во-первых, на открытке изображен вулкан Ньирагонго, а он находится в Конго, а не в Руанде. А во-вторых, мы попросили Жана Хью сравнить подпись на открытке с той, что так называемая Аделе Ветлесен оставила на карте гостя в отеле «Горилла».

— Он подтвердил то, что было видно даже мне, — вставила Кайя. — Это разные люди.

— Олрайт, олрайт, — согласился Хаген. — Ну и к чему вам все это?

— Просто кто-то приложил немало усилий, чтобы создалось впечатление, что Аделе Ветлесен отправилась в Африку, — сказал Харри. — Бьюсь об заклад, что Аделе находилась в Норвегии, и написать открытку ее заставили здесь. Потом

открытку взяли с собой в Африку, это сделал другой человек, который и послал ее оттуда. Все для того, чтобы создать впечатление, что Аделе действительно отправилась туда и потом написала о мужчине своей мечты и что она вернется не раньше марта.

— Есть идея, кто мог сыграть ее роль?

— Есть.

— Есть?

— На паспортном контроле в аэропорту Кигали нашли иммиграционную карту, заполненную на имя Юлианы Верни. Но по словам нашей спятившей подруги в Бергене, ни в пассажирских списках на рейсы в Руанду какой бы то ни было авиакомпании, ни в списках постояльцев гостиниц, располагающих современной электронной системой бронирования, это имя на тот момент не значилось. Однако оно есть в списке пассажиров Руандийской авиакомпании на рейс из Кигали тремя днями позже.

— Я хочу знать, как вы раздобыли эту информацию.

— Нет, шеф. Ты хочешь знать, кто такая Юлиана Верни и где она.

— И?..

Харри взглянул на часы.

— Согласно сведениям в иммиграционной карточке, она живет в Лейпциге, в Германии. Ты когда-нибудь бывал в Лейпциге, шеф?

— Нет.

— И я тоже. Но я знаю, что это родной город Гёте и Баха плюс одного из королей вальса. Не припомню, как его звали.

— Какое отношение это имеет…

— Ну да ладно, а еще Лейпциг славится центральным архивом Штази, службы безопасности ГДР. Город-то находится на территории бывшей ГДР. Ты не поверишь, но за сорок лет существования ГДР выговор восточных немцев настолько изменился по сравнению с выговором прочих немцев, что знающие люди в состоянии уловить эту разницу.

— Харри…

— Прошу прощения, шеф. Суть в том, что женщина с восточнонемецким акцентом в тот же период была в городе Гоме в Конго, а туда от Кигали всего три часа езды. И там она купила то, что, по моему убеждению, послужило орудием убийства Боргни Стем-Мюре и Шарлотты Лолле.

— Нам прислали выписку из копии паспорта, остающейся в полиции после выдачи оригинала, — сказала Кайя и протянула листок Хагену.

— Соответствует описанию покупательницы, данному ван Боорстом, — кивнул Харри. — У Юлианы Верни крупные кудри цвета ржавчины.

— Кирпично-красные, — уточнила Кайя.

— Прости, не понял, — произнес Хаген.

Кайя показала на листок.

— У нее паспорт старого образца, где указывался цвет волос. Они назвали его «brick red», кирпично-красный. Сами знаете, немецкая основательность.

— Я также попросил полицию Лейпцига конфисковать ее паспорт и проверить, есть ли в нем штамп Кигали за интересующий нас день.

Гуннар Хаген тупо смотрел на листок, пытаясь переварить услышанное. Наконец он перевел взгляд на подчиненных, подняв кустистую бровь.

— То есть ты говоришь… ты говоришь, что можешь найти человека, который… — Начальник сглотнул, ища какие-то другие слова, боясь, что чудесная, замаячившая вдруг надежда вмиг рассеется как мираж от слова, сказанного напрямик. Но в конце концов сдался: — Нашего серийного убийцу?

— Я сказал лишь то, что сказал, — отрезал Харри. — Пока. Коллега в Лейпциге сейчас про-

сматривает личные данные и оперативные базы. Так что скоро мы узнаем о Юлиане Верни немного больше.

— Да это просто потрясающие новости, — признал Хаген, переводя взгляд с Харри на Кайю, которая одобрительно кивала.

— Но… — сказал Харри и сделал глоток из своей чашки с кофе, — не для семьи Аделе Ветлесен.

Улыбка Хагена погасла.

— Верно. Думаешь, есть какая-то надежда, что?..

Харри помотал головой:

— Она мертва, шеф.

— Но…

И тут зазвонил телефон.

Харри взял трубку.

— Да, Гюнтер! — И повторил с напряженной улыбкой: — Да, Харри Клейн. Genau[90].

Гуннар Хаген и Кайя во все глаза смотрели на Харри, который слушал молча. Закончил разговор, сказав «danke», и положил трубку. Кашлянул:

— Она мертва.

— Ты это уже сказал, — произнес Хаген.

---

[90] Примечания: 90
Точно *(нем.)*.

— Нет, Юлиана Верни. Второго декабря ее нашли в реке Эльстер.

Хаген тихо выругался.

— Причина смерти? — спросила Кайя.

Харри смотрел прямо перед собой:

— Захлебнулась.

— Это не мог быть несчастный случай?

Харри медленно покачал головой:

— Она захлебнулась не водой.

В наступившей тишине стало слышно гудение бойлеров за стеной.

— Колотые раны во рту? — спросила Кайя.

Харри кивнул:

— Если быть точным, ровно двадцать четыре раны. Ее отправили в Африку за тем, чем потом и убили.

Глава 34
Одна средняя

— Итак, Юлиана Верни была обнаружена в Лейпциге мертвой спустя три дня после того, как вылетела домой из Кигали, — сказала Кайя. — Туда она отправилась как Аделе Ветлесен, под тем же именем зарегистрировалась в отеле «Горилла» и отправила в Норвегию почтовую открытку, уже написанную подлинной Аделе Ветлесен — заранее и, очевидно, под давлением.

— Точно, — сказал Харри, снова заряжая кофеварку.

— И вы, значит, полагаете, что Верни сделала это вместе с кем-то, — сказал Хаген. — А потом этот кто-то убил ее, чтобы уничтожить следы.

— Да, — подтвердил Харри.

— Значит, остается только вычислить, что ее связывало с этим кем-то. Не думаю, что это будет очень сложно, связь эта явно была довольно тесной, раз уж они совершали подобные преступления вдвоем.

— А я думаю, что это будет очень не просто. Спорим?

— Почему?

— Потому что, — ответил Харри, закрыл крышку и включил кофеварку, — имя Юлианы Верни значится в полицейской базе данных. Наркотики. Проституция. Бродяжничество. Короче говоря, она из тех, кого можно просто нанять для выполнения подобной работы, лишь бы заплатили хорошо. Судя по всему, человек, стоящий за всем этим, не оставил никаких следов, он продумал все. Катрина выяснила, что Верни приехала из Лейпцига в Осло. А уже оттуда под именем Аделе Ветлесен направилась в Кигали. И все равно Катрине не удалось найти ничего, кроме телефонного звонка в Норвегию с мобильного Верни. Этот человек был осторожен.

Хаген уныло покачал головой:

— Так близко…

Харри уселся на стол:

— Есть еще одна загвоздка, и тут нам тоже надо определиться. Те, кто в ту ночь останавливался в Ховассхютте.

— А с ними что такое?

— Мы не можем исключить, что вырванный листок в гостевой книге — список смертников. Их необходимо предупредить.

— Каким образом? Мы же не знаем, кто там

был.

— Через СМИ. Хотя тем самым мы дадим понять убийце, что вышли на этот след.

Хаген медленно покачал головой:

— Список смертников. И ты делаешь этот вывод только сейчас?

— Знаю, шеф. — Харри встретил взгляд Хагена. — Если бы, как только мы узнали про Ховассхютту, я обратился к СМИ с предостережением, мы могли бы спасти Элиаса Скуга.

В комнате стало тихо.

– *Мы* не можем обратиться к СМИ, — сказал Хаген.

— Почему?

— Если кто-то отзовется, мы, возможно, узнаем, кто там был еще и что произошло на самом деле, — заметила Кайя.

— Мы не можем обратиться к СМИ, — повторил Хаген и встал. — Мы расследовали дело об исчезновении и обнаружили связь с убийством, которое расследует Крипос. Нам следует передать информацию им, пусть дальше они этим занимаются. Я позвоню Бельману.

— Погоди! — сказал Харри. — Неужели вся слава за ту работу, которую сделали мы, достанется ему?

— Не уверен, что кому-то воздадут какие-то почести, разве я не прав? — сказал Хаген и пошел к двери. — А вы начинайте перебираться отсюда.

— А вы не слишком торопитесь? — спросила Кайя.

Оба коллеги уставились на нее.

— Я только хотела сказать, что пропавшая без вести женщина так и не найдена. Может, все-таки попробуем найти ее прежде, чем освобождать помещение?

— А как ты думаешь это сделать? — поинтересовался Хаген.

— Харри уже упомянул об этом. Нужна поисковая операция.

— Какого черта, вы даже не знаете, где искать.

— Харри знает.

Они посмотрели на Харри, державшего в одной руке вынутую из кофеварки стеклянную колбу, а в другой — свою чашку, которую подставил под грязно-коричневую струю, льющуюся из фильтра.

— Ты знаешь? — спросил наконец Хаген.

— Разумеется, — ответил Харри.

— И где же?

— У тебя будут неприятности, — пообещал Харри.

— Заткнись и выкладывай, — приказал Хаген, не обращая внимания на то, что сам себе противоречит. Потому что он подумал, что вот-вот сделает это снова. Что в нем такого, в этом высоком блондине полицейском, что ему всегда удается увлечь людей за собой, даже когда ты сам уже опустил руки?

Улав Холе поднял глаза на Харри и на женщину, которую тот привел с собой.

Когда она представилась, то сделала книксен, и Харри обратил внимание на то, что отцу это понравилось, он неоднократно сетовал, что женщины перестали делать книксен.

— Значит, вы работаете вместе с Харри, — сказал отец. — Он себя прилично ведет?

— Мы собираемся организовать поисковую операцию, — сказал Харри. — Заехали по дороге, чтобы посмотреть, как у тебя дела.

Отец улыбнулся бледной улыбкой, пожал плечами и кивком подозвал Харри поближе. Харри склонился к нему и прислушался. Потом отпрянул.

— Все будет хорошо, — сказал Харри внезапно севшим голосом и встал. — Вернусь вечером, ладно?

В коридоре Харри остановил Алтмана, а Кайе

велел идти вперед.

— Послушайте, не могли бы вы оказать мне услугу, — сказал он, когда убедился в том, что Кайя не сможет их услышать. — Понимаете, отец только что сказал мне, что у него сильные боли. Он никогда не признавался в этом вам, боится, что вы начнете давать ему обезболивающее. Знаете, у него своего рода мания, он боится оказаться зависимым от… наркотиков. У нас это связано с одной семейной историей.

— Яшно, — прошепелявил медбрат, и возникло секундное замешательство, прежде чем Харри понял, что Алтман сказал «ясно». — Проблема в том, что я все время то в одном отделении, то в другом.

— Я прошу об этом как о личной услуге.

Алтман сильно зажмурил глаза за стеклами очков, потом внимательно уставился в какую-то точку между ним и Харри.

— Посмотрю, что можно сделать.

— Спасибо.

Кайя вела машину, а Харри разговаривал по телефону с оперативным дежурным пожарной части в Брискебю.

— Твой отец, по-моему, хороший человек, — сказала Кайя, когда Харри закончил разговор.

Харри задумался.

— Это мама делала его хорошим, — решил он. — Пока она была жива, он был хорошим. Ей удавалось раскрыть в нем все лучшее.

— У меня такое впечатление, что с тобой было то же самое, — заметила она.

— Что именно?

— Что тебя тоже кто-то сделал лучше.

Харри посмотрел в окно. Кивнул.

— Ракель?

— Ракель и Олег, — ответил Харри.

— Прости, я не хотела…

— Все нормально.

— Дело в том, что, когда я пришла в убойный отдел, все только и говорили о деле Снеговика. Что он чуть не убил их обоих. И тебя. Но ведь между вами все было кончено еще до того, как началась эта история, да?

— Ну, в некотором смысле, — ответил Харри.

— А ты с ними потом общался?

Харри покачал головой:

— Мы должны попытаться забыть об этом. Помочь Олегу забыть. В таком возрасте это еще получается.

— Не всегда. — Кайя криво улыбнулась.

Харри взглянул на нее:

— А кто тебя сделал лучше?

— Эвен, — ответила она быстро и без колебаний.

— А может, одна большая любовь?

Она покачала головой:

— Не XL. Так, несколько маленьких. И одна средняя.

— Есть кто-то на примете?

Она тихо засмеялась:

— На примете?

Харри улыбнулся:

— Когда я говорю о таких вещах, у меня иногда вылетают старомодные слова.

Она медлила с ответом:

— Меня тянет к одному мужику.

— И как перспективы?

— Неважные.

— Позволь, я угадаю, — сказал Харри, опустил немного стекло и закурил. — Он женат и говорит, что ради тебя уйдет от жены и детей, но никогда этого не сделает?

Она рассмеялась:

— Позволь, я угадаю: ты один из тех, кто считает, что чертовски хорошо разбирается в людях, потому что помнит только те случаи, когда догадки оказывались верны.

— Ну, он же просил тебя дать ему немного времени?

— Опять мимо, — сказала она. — Он ничего не говорит.

Харри кивнул. И собрался спросить еще, но понял: ему не хочется этого знать.

Глава 35
Водолазы

Над черной блестящей поверхностью озера Люсерен стелился туман. Деревья стояли по берегам, понурив плечи, как печальные и молчаливые свидетели. Тишину прерывали команды, переговоры по рации и плеск воды, когда водолазы спиной падали в воду через борт резиновых лодок. Поиски начали с прибрежной части, ближе к веревочной мастерской. Руководители групп отправили своих водолазов веером во все стороны и теперь стояли на берегу, вычеркивая на карте уже прочесанные квадраты, и подавали водолазам сигналы, дергая за веревку, когда надо остановиться или подниматься. У профессиональных водолазов-спасателей, таких как Ярле Андреассен, по сигнальной веревке шел еще и телефонный провод, подсоединенный к шлему, так что можно было разговаривать.

Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как Ярле отучился на спасательских курсах, но во время погружений пульс у него по-прежнему частил. А частый пульс означал, что ему требовалось

больше воздуха. Более опытные парни в пожарной части в Брискебю прозвали его «Поплавком», поскольку ему часто приходилось всплывать и менять баллоны с воздухом.

Ярле знал, что там, наверху, по-прежнему светло, но здесь, под водой, была темная ночь. Он попытался плыть на предписанных полутора метрах над дном, но все равно поднял со дна всю муть, которая, отразив луч фонарика, частично ослепила Ярле. Он знал, что с обеих сторон от него другие водолазы, и все-таки ему было одиноко. Одиночество и холод пробирали до костей. А нырять предстояло еще несколько часов. Он знал, что у него осталось меньше воздуха, чем у других водолазов, и выругался про себя. И ладно он будет первым из водолазов-спасателей пожарной части Осло, которым понадобится поменять баллон, — не пришлось бы всплыть раньше, чем добровольцам из местных дайверских клубов. Ярле заставил себя снова смотреть вперед и перестал дышать. Не в отчаянной попытке сэкономить воздух. Но потому, что прямо в снопе света, в глубине колеблющегося леса тростниковых стеблей, растущих из вязкого ила под самым берегом, шевелилось нечто. Нечто, не имеющее никакого отношения к озерному дну, нечто, что

никак не могло здесь обитать. Чужеродный элемент. Именно это делало его таким невероятным и одновременно пугающим. А может быть, это все из-за фонарика, свет от которого отражался в темных глазах и они казались живыми.

— Все в порядке, Ярле?

Это был голос руководителя группы водолазов. Одной из его задач было прислушиваться к дыханию своих парней. Не только чтобы определить, дышат они или нет, но чтобы понять, не выдает ли дыхание их волнение. Или патологическое спокойствие. Уже на глубине двадцати метров в крови растворяется и поступает в мозг дополнительный азот, может наступить опьянение от глубины — азотный наркоз, и у ныряльщика начинаются проблемы с реакцией, простые задания превращаются в сложные, а на еще больших глубинах возникает головокружение, туннельное зрение и даже нарушение поведения. Ярле не знал, может, это просто водолазные байки, что будто бы аквалангисты, смеясь, сдирали с себя маски на глубине в пятьдесят метров. Ему пока довелось испытать лишь небольшое опьянение, похожее на легкий хмель от красного вина, которое он позволял себе выпить вместе со своей гражданской женой субботними вечерами.

— Все в порядке, — отозвался Ярле Андреассен и снова начал дышать.

Он всасывал смесь азота и кислорода и слышал, как урчит вода, когда он выдыхает целые гроздья воздушных пузырей, отчаянно рвущихся к поверхности.

Это был большой благородный олень. Он висел вниз головой, казалось, его погубили огромные рога. Наверное, пасся у берега и свалился. А может быть, кто-то или что-то загнало его в воду, иначе что ему тут делать? Наверняка запутался в тростниках и многометровых стеблях водяных лилий, наверняка пытался выбраться, но в результате запутывался в этих зеленых, вязких щупальцах все больше и больше. И наконец ушел под воду, продолжая бороться, пока не утонул. Опустился на дно и так и лежал, пока бактерии и разные химические процессы, происходящие в мертвом теле, не наполнили его газом, и он снова всплыл было на поверхность, но зацепился огромными рогами за зеленое сплетение всего, что растет в воде. Через несколько дней газ из трупа выйдет, и он снова опустится на дно. Как утопленник. Вполне возможно, нечто подобное произошло и с тем, кого они ищут, вот тело и не нашли до сих пор, просто потому, что оно не всплывало.

Оно так и лежит где-то на дне, внизу, покрытое толстым слоем ила. Ила, который неизбежно поднимется, стоит приблизиться, поэтому даже такие маленькие, четко очерченные сектора поиска, как этот, могут хранить свои тайны до бесконечности.

Ярле Андреассен извлек свой водолазный нож, подплыл к оленю и перерезал водоросли под рогами. Тут ему пришло в голову, что руководителю группы это вряд ли понравится, но мысль, что великолепное животное так и останется здесь, под водой, казалась непереносимой. Труп поднялся на полметра, но там было еще больше водорослей, и они снова преградили ему путь. Ярле следил, чтобы его веревка не запуталась в водорослях, и поспешил их обрезать. Тут за веревку дернули. Достаточно жестко, чтобы он сообразил, что на другом ее конце раздражены. Достаточно жестко, чтобы он на мгновение отвлекся. Нож выпал из его руки. Ярле посветил фонарем на дно и сумел увидеть лезвие ножа, сверкнувшее в луче, прежде чем погрузиться в донную муть. Он осторожно поплыл за ним. Сунул руку в ил, который взлетел навстречу ему, как пепел. Почувствовал, что достиг дна. Ощутил камни, ветки, скользкую смесь гнили и тины.

И еще что-то твердое. Цепь. Наверняка с какой-нибудь лодки. Еще цепь. Что-то другое. Твердое. Очертания чего-то. Дыра, отверстие. Он услышал внезапное шипение пузырей прежде, чем в мозгу обрела форму мысль. О том, что ему страшно.

— Все в порядке, Ярле? Ярле?

Но ничего уже не было ни в каком порядке. Потому что, несмотря на толстую перчатку и затуманенность в мозгу от нехватки воздуха, у Ярле не было никаких сомнений в том, куда угодила его рука. В разинутый человеческий рот.

Часть третья

Глава 36
Вертолет

Микаэль Бельман прибыл к озеру Люсерен на вертолете. Лопасти взбивали туман в сахарную вату, пока он, пригнувшись, выбирался с пассажирского сиденья и бежал по участку позади мастерской. За ним короткими перебежками двигались Колкка и Бивис. С противоположного края приближались четверо мужчин с носилками. Бельман остановил их и откинул в сторону одеяло, и пока те, кто нес носилки, стояли отвернув лица, Бельман, наклонившись, внимательно рассматривал обнаженное, белое, раздувшееся тело.

— Спасибо, — поблагодарил он и позволил им продолжить путь к вертолету.

Бельман остановился на вершине склона и принялся разглядывать людей, которые находились между зданием и озером. Среди водолазов и дайверов, снимавших костюмы и снаряжение, он заметил Беату Лённ и Кайю Сульнес. А чуть подальше — Харри Холе, который разговаривал с каким-то мужчиной, которым, как мог предположить Бельман, и был Скай, местный ленсман.

Начальник Крипоса знаком велел Бивису и Колкке оставаться на месте, а сам ловко и быстро заскользил вниз.

— Добрый день, ленсман, — сказал Бельман, стряхивая мелкие веточки с длинного пальто. — Микаэль Бельман, Крипос, мы с вами говорили по телефону.

— Точно, — подтвердил Скай. — В тот вечер, когда его люди обнаружили здесь ту веревку. — И он большим пальцем указал на Харри.

— Он и сейчас здесь, — заметил Бельман. — Вопрос, конечно, что он делает на моем месте убийства.

— Ну, — произнес Харри и кашлянул. — Во-первых, это вряд ли место преступления. Во-вторых, я занимаюсь поисками пропавших без вести. И похоже, мы нашли то, что искали. А как дела с расследованием тройного убийства? Нашли что-нибудь? Получили нашу информацию о Ховассхютте?

Ленсман поймал взгляд Бельмана и удалился — незаметно, но быстро.

Бельман смотрел на озеро, водя указательным пальцем под нижней губой, как будто втирал туда какую-то невидимую мазь.

— Слушай сюда, Холе. Ты отдаешь себе отчет в

том, что ты сейчас сделал все, чтобы и ты, и твой шеф Гуннар Хаген не только потеряли работу, но и были наказаны за служебное нарушение?

— Ммм. Это потому, что мы просто делали свою работу?

— Я полагаю, Министерство юстиции потребует подробных объяснений, почему вы начали поиски пропавшего человека рядом с веревочной мастерской, откуда была взята веревка, с помощью которой убили Марит Ульсен. Я вам уже дал шанс, другого не будет. Game over[91], Холе.

— Значит, придется предоставить министру юстиции подробные объяснения, Бельман. И в них, ясное дело, будет содержаться информация о том, как мы выяснили, откуда взялась веревка, вышли на след Элиаса Скуга и Ховассхютты, обнаружили, что была еще четвертая жертва, которую звали Аделе Ветлесен, и сегодня нашли ее здесь. То есть сделали работу, с которой Крипос со всеми своими людьми и ресурсами не смог справиться больше чем за два месяца. Или как, Бельман?

Бельман ничего не ответил.

— Боюсь, что это может несколько поколебать мнение министра юстиции относительно того,

---

[91] Примечания: 91
Игра окончена *(англ.)*.

какое же подразделение больше подходит для расследования убийств у нас в стране.

— Смотри не надорви пупок, Холе. Я тебя в порошок сотру. — Бельман щелкнул пальцами.

— О'кей, — сказал Харри. — Ни у кого из нас на руках нет приличных карт. Что скажешь, если я скажу «джекпот»?

— Ты о чем?

— Ты получаешь все. Все, что у нас есть. Нам не нужны лавры ни за что из того, что мы сделали.

Бельман с подозрением взглянул на Харри:

— А с чего это ты решил нам помогать?

— Элементарно, — сказал Харри и вытянул из пачки последнюю сигарету. — Мне просто платят за то, чтобы я посодействовал в поимке убийцы. У меня работа такая.

Бельман скривился и повел плечами и головой, словно смеясь, но не издавая ни звука.

— Ладно тебе, Холе, выкладывай, что тебе надо?

Харри закурил.

— Мне надо, чтобы ни Гуннар Хаген, ни Кайя Сульнес, ни Бьёрн Хольм не пострадали. Ни перспективы их дальнейшей карьеры.

Бельман прихватил влажную нижнюю губу большим и указательным пальцами:

— Посмотрим, что я смогу сделать.

— И еще: я тоже хочу участвовать. Мне нужен доступ ко всем материалам, какие у вас есть, и к следствию.

— Стоп! — сказал Бельман и поднял руку. — Ты что, плохо слышишь, Холе? Я велел тебе держаться в стороне от этого дела.

— Бельман, вместе мы сможем поймать убийцу. И сейчас это гораздо важнее, чем то, кто будет все решать потом.

— Не надо!.. — заорал Бельман, но замолчал, увидев, как несколько человек обернулись в их сторону. Он подошел к Харри ближе и понизил голос: — И не смей говорить со мной как с идиотом, Холе.

Порыв ветра бросил дым от сигареты Харри прямо в лицо Бельмана, но тот даже не моргнул.

Харри пожал плечами:

— Знаешь что, Бельман? Я думаю, что вся заковыка тут не столько во власти и политике, сколько в том, что ты — маленький мальчик, мечтающий стать парнем, который спасает мир. Вот и все. И сейчас ты боишься, что я могу как-то помешать этой героической саге. Но решить это можно очень просто. Давай расстегнем штаны и посмотрим, кто дальше пописает.

Теперь Микаэль Бельман рассмеялся в полный голос:

— Надо уметь понимать предостережения, Харри.

Его правая рука сделала выпад вперед, да так, что Харри не успел отреагировать, выхватила у него изо рта сигарету и отбросила ее в сторону. Сигарета шлепнулась в воду и с шипением погасла.

— Тебе это может стоить жизни. Хорошего дня.

Пока вертолет поднимался в воздух, Харри молча смотрел, как его последняя сигарета плывет по воде. Серая мокрая бумага, черный мертвый кончик.

Смеркалось, когда водолазный катер высадил Харри, Кайю и Беату Лённ у парковки. Под кронами деревьев сразу началось движение, немедленно защелкали вспышки фотоаппаратов. Харри машинально вскинул руку и услышал из темноты голос Рогера Йендема:

— Харри Холе, говорят, что вы обнаружили молодую женщину? Как ее зовут и насколько вы уверены, что это имеет отношение к другим убийствам?

— Без комментариев, — ответил Харри и, наполовину ослепленный вспышками, пошел дальше. — Пока это дело о пропавшей без вести.

Мы можем только сказать, что пропавшая, возможно, найдена. Что касается убийств, которые вас интересуют, обращайтесь в Крипос.

— Имя женщины?

— Сначала ее надо опознать и сообщить родственникам.

— Но вы не исключаете, что…

— Да я, как обычно, ничего не исключаю, Йендем. Ждите сообщения для прессы.

Харри сел в машину, Кайя уже завела мотор, а Беата Лённ уселась на заднее сиденье. Под аккомпанемент непрекращающихся фотовспышек они выкатились на дорогу.

— Ну, — сказала Беата, устраиваясь на сиденье поудобнее, — я так и не получила никакого объяснения, с чего это вам пришло в голову искать Аделе Ветлесен именно здесь.

— Чистейшая дедукция, — ответил Харри.

— Ну понятно, — вздохнула Беата.

— На самом деле даже немного стыдно, что мне это раньше в голову не пришло, — сказал Харри. — Я все ходил и думал, почему это убийцу понесло в заброшенную веревочную мастерскую только для того, чтобы разжиться куском веревки. Тем более что такая веревка, в отличие от той, которую он купил бы в магазине, могла привести

сюда. А ответ-то был очевиден. И тем не менее, только когда я сидел и смотрел на глубокое африканское озеро, мне пришла в голову эта мысль: он сюда не из-за веревки приехал. Вероятно, веревка для чего-то понадобилась ему здесь, а потом он прихватил ее домой и позднее, просто потому, что она случайно оказалась у него под рукой, использовал ее, когда убивал Марит Ульсен. А сюда он явился из-за трупа, от которого надо было избавиться. Аделе Ветлесен. Ленсман Скай сказал нам это открытым текстом, еще когда мы приезжали сюда в первый раз. Что это глубокая часть озера. Убийца напихал женщине в брюки камней и той же веревкой привязал ей ноги к животу, прежде чем выкинул ее за борт.

— А с чего ты взял, что она тогда уже была мертва? Ведь он мог просто ее утопить.

— У нее горло перерезано. Думаю, вскрытие покажет, что у нее нет воды в легких.

— И что в крови у нее есть кетаномин, как у Шарлотты и Боргни, — добавила Беата.

— Насколько я понимаю, кетаномин — быстродействующий анестетик, — сказал Харри. — Странно, что я о нем раньше не слышал.

— Ничего странного, — возразила Беата. — Это старый дешевый аналог кеталара, который ис-

пользуется при наркозе, преимущество его в том, что пациент продолжает дышать сам. В ЕС и Норвегии кетаномин запретили в девяностых годах из-за побочного действия, так что теперь его можно достать только в странах третьего мира. В Крипосе тоже какое-то время считали его основным следом, но он ни к чему их не привел.

Когда через сорок минут они довезли Беату до криминалистического отдела в Брюне, Харри попросил Кайю немного подождать и вышел из машины.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказал он.

— Ну, — отозвалась Беата, дрожа от холода и растирая руки.

— А что ты делала на предполагаемом месте преступления? Почему Бьёрн не приехал?

— Потому что Бельман отправил Бьёрна на спецзадание.

— И что это за задание? Сортиры мыть?

— Отнюдь. Координировать работу экспертов-криминалистов и следователей.

— Чего? — Брови Харри от удивления поползли вверх. — Да это ж повышение.

Беата пожала плечами:

— Бьёрн — толковый парень. Самое время. Еще вопросы будут?

— Нет.

— Тогда хорошего вечера.

— И тебе тоже. Хотя погоди, есть еще кое-что. Я ведь тебе позвонил и попросил организовать для Бельмана утечку информации о том, что мы нашли веревку в веревочной мастерской. Когда ты ему об этом сообщила?

— Ну, ты же мне позвонил ночью, так что я дождалась утра. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, — сказал Харри. — Не бери в голову.

Когда он снова сел в машину, Кайя засовывала телефон в карман куртки.

— На сайте «Афтенпостен» уже появилась информация о найденном трупе, — сказала она.

— Да ну?

— Говорят, что в газете твоя большая фотография и полностью названо твое имя. Тебя там обозвали «руководителем следствия». И разумеется, привязали это дело к другим убийствам.

— Ясно. Слушай, ты поесть не хочешь?

— Хочу.

— У тебя есть какие-то планы? Если нет, приглашаю тебя поужинать.

— Здорово! И где?

— В ресторане «Экеберг».

— Ух ты! А почему именно там?

— Ну… Подумал про него, когда приятель напомнил мне одну старую историю.

— Хотелось бы послушать.

— Да там нечего слушать. Обычная история пубертатного периода…

— Пубертатного? Давай рассказывай!

Харри хмыкнул. И пока они ехали к центру и поднимались на гору Экеберг, он рассказал о Killer Queen[92], королеве ресторана «Экеберг», некогда самого великолепного в Осло образчика функционализма в архитектуре. Сейчас, после ремонта, ресторан вновь обрел былой блеск.

— Но в восьмидесятых здание было в таком плачевном состоянии, что у владельцев просто опустились руки. И он стал рестораном для танцулек, прибежищем разной пьяни, там на танцы приглашали прямо у столиков, стараясь при этом не перевернуть бокалы с напитками. А потом шаркали по полу, поддерживая друг друга, чтобы не упасть.

— Ясно.

— Мы с Эйстейном и Валенком обычно таскались в немецкие бункеры в Нурстранне, пили там пиво и ждали, когда пройдет молодость.

---

[92] Примечания: 92

Убийственная королева *(англ.)* — по названию песни Фредди Меркьюри.

Когда нам исполнилось семнадцать, мы отважились наконец добраться до ресторана «Экеберг», наврали про свой возраст и проникли внутрь. И врать-то особо не пришлось, у них каждый посетитель был на вес золота. Оркестр отстойный, но хотя бы играл «Nights in White Satin»[93]. И еще там была местная достопримечательность. Каждый вечер заходила на огонек. Мы ее называли просто Killer Queen. Не женщина — каравелла.

— Каравелла? — засмеялась Кайя. — На примете?

— Точно, — подтвердил Харри. — Подходит такая к тебе на полных парусах, шикарная и немного мрачноватая. Разукрашенная, как елка. Буфера и задница — как американские горки.

Кайя рассмеялась еще громче:

— То есть местный аттракцион?

— В своем роде, — сказал Харри. — Думаю, она ходила в «Экеберг» главным образом себя показать — ради поклонения. И ради бесплатной выпивки, которой ее угощали пожилые любители танцулек, — они, понятное дело, распускали перед ней хвосты. Ни разу никто не видел, чтобы Killer Queen потом уходила с ними. Наверное,

---

[93] Примечания: 93

«Ночи в белом атласе» *(англ.)* — песня группы «The Moody Blues».

нас завораживало именно это. Дама уже слегка вышла в тираж, но все равно марку держала.

— И что дальше?

— Эйстейн и Валенок обещали, что каждый угостит меня виски, если я осмелюсь ее пригласить.

Переехав трамвайные пути, они поднимались к ресторану по последнему крутому склону.

— И? — спросила Кайя.

— Я осмелился.

— А потом?

— Мы танцевали. Пока она не сказала, что хватит наступать ей на ноги, и не предложила прогуляться. Она пошла впереди. Был август, тепло, ну и сама видишь, лес вокруг. Густая листва и масса тропинок, ведущих в разные укромные уголки. Я был хоть и пьян, но понимал — если заговорю, она услышит, как дрожит от возбуждения мой голос. Так что я предпочел молчать. И правильно сделал: все разговоры она взяла на себя. И остальное тоже. А потом спросила, может, я хочу пойти к ней домой.

Кайя хихикнула:

— Ой. И что же было там?

— Остальное расскажу за ужином, мы приехали.

Они остановились на парковке, вышли из

машины и поднялись по лестнице ко входу в ресторан. Метрдотель приветствовал их у входа в зал и спросил их имена. Харри сказал, что столик они не заказывали.

Метрдотелю почти удалось совладать с собой и не закатить глаза от изумления.

— Все расписано на два месяца вперед, — фыркнул Харри, когда они вышли, купив в баре сигареты. — Боюсь, это местечко нравилось мне гораздо больше, когда тут протекала крыша, а в туалете пищали крысы. Ладно, во всяком случае, мы там побывали.

— Давай покурим, — предложила Кайя.

Они подошли к низкой каменной стене, за которой лес спускался к городу. Облака на западе окрасились оранжевым и красным, а вереницы машин в пробке на шоссе светились в черноте, словно морское течение. Осло там, внизу, будто затаился и ждет, подкарауливает, подумал Харри. Хищник в засаде. Он вытащил две сигареты, прикурил и протянул одну Кайе.

— Продолжение истории, — потребовала Кайя и затянулась.

— А на чем мы остановились?

— Killer Queen привела тебя домой.

— Нет, она только спросила. Я вежливо побла-

годарил и отказался.

— Да ты что? Врешь! Почему?

— Эйстейн и Валенок задали мне тот же вопрос, когда я вернулся. Я ответил, что не мог же я взять и удрать, когда меня ждут два друга и бесплатное виски.

Кайя громко расхохоталась и выдохнула облачко дыма.

— Но это, ясное дело, было вранье, — сказал Харри. — Верность дружбе тут ни при чем. Для мужчины дружба ничего не значит, если он получает достаточно заманчивое предложение. Истина в том, что я не решился. Killer Queen просто-напросто оказалась мне не по зубам.

Теперь оба молчали, слушая шум города и глядя, как ветер уносит дым.

— Ты о чем-то думаешь, — сказала Кайя.

— Ммм. Я думаю о Бельмане. Как хорошо он был информирован. Он не только знал, что я вернулся в Норвегию, но даже каким рейсом.

— Может, у него есть связи в Полицейском управлении?

— Ммм… А сегодня у Люсерена ленсман Скай в разговоре с Бельманом упомянул, что тот звонил ему насчет веревки в тот же самый вечер, когда мы побывали в мастерской.

— Да ну?

— Но Беата говорит, что сообщила Бельману про веревку только утром, то есть на следующий день. — Харри проводил взглядом летящий вниз красноватый сигаретный пепел. — А Бьёрн получил повышение — стал координатором криминалистов и сыщиков.

Кайя взглянула на него с ужасом:

— Но это невозможно, Харри.

Он не ответил.

— Бьёрн Хольм! Чтобы он сообщал Бельману о том, чем мы занимаемся? Вы с Бьёрном так долго работали вместе, вы же… друзья!

Харр пожал плечами.

— Я же говорил… — он бросил сигарету на землю и придавил окурок каблуком, — что дружба теряет значение, если появляется достаточно заманчивое предложение. Ну что, рискнешь отведать со мной блюдо дня у «Шрёдера»?

Мне сейчас постоянно снятся сны. Было лето, и я любил ее. Я был еще так молод и верил, что стоит только чего-то захотеть по-настоящему сильно, и ты непременно это получишь.

Аделе, у тебя была ее улыбка, ее волосы и ее предательское сердце. А сейчас на сайте «Афтенпостен» написали, что тебя нашли. Надеюсь,

теперь вид у тебя такой же мерзкий, как твоя душа.

Там еще написали, будто к делу подключился старший инспектор Харри Холе. Это он поймал Снеговика. Значит, появилась надежда, что полиция сможет хоть кого-то спасти?

Я распечатал фотографию Аделе с сайта «Верденс ганг» и повесил ее на стенку, рядышком с той вырванной страницей из гостевой книги в Ховассхютте. Теперь осталось только три имени из списка, включая мое собственное.

Глава 37
Психологический портрет

«Блюдо дня» в «Шрёдере» было без затей: рубленое жареное мясо с картошкой, а к нему — яичница с сырым луком.

— Потрясающе, — сказала Кайя.

— Думаю, просто повар сегодня напился, — согласился Харри и показал на что-то: — Смотри!

Кайя обернулась и взглянула на телевизор, в экран которого тыкал пальцем Харри.

— Упс! — произнесла она.

На экране была физиономия Микаэля Бельмана, Харри знаком попросил Нину сделать погромче. Он смотрел, как двигается рот Бельмана. Мягкие, почти женственные черты. Красивой формы брови, из-под них пристально смотрят карие сверкающие глаза. Белые отметины, как пятна мокрого снега на коже, совсем не портили его, наоборот, добавляли привлекательности, придавая сходство с каким-то экзотическим зверем. Если у него, в отличие от большинства следователей, мобильный номер не засекречен, то в «принятых» непременно будет куча призна-

ний в любви от возбужденных телезрительниц. И тут появился звук.

— …В Ховассхютте, в ночь на восьмое ноября. Мы просим всех, кто там останавливался в это время, как можно скорее обратиться в полицию.

А потом на экране опять появился ведущий новостей с новым сюжетом.

Харри отодвинул тарелку и подозвал официантку, чтобы заказать кофе.

— Хотелось бы узнать, что ты думаешь про этого убийцу теперь, после того как мы нашли Аделе. Каким ты его себе представляешь?

— Зачем? — спросила Кайя и отпила воды из бокала. — Мы ведь уже завтра начинаем работу по другим делам.

— Да просто для прикола.

— По-твоему, составление профиля серийного убийцы — это прикольно?

Харри пожевал зубочистку:

— Я знаю, что на этот вопрос есть правильный ответ, но никак не могу его вспомнить.

— Ты не заболел?

— Итак, кто же он?

— Ну, во-первых, это по-прежнему «он». И по-прежнему серийный убийца. И я вовсе не думаю, что Аделе была его первой жертвой.

— Почему нет?

— Слишком чисто все сработано, а следовательно, он мыслил совершенно ясно. Когда человек убивает впервые, он не может настолько владеть собой. Кроме того, он очень хорошо спрятал ее, стало быть, совершенно не рассчитывал, что мы ее найдем. Это означает, что он может стоять еще за несколькими убийствами, жертвы которых у нас пока числятся пропавшими без вести.

— Хорошо. Дальше.

— Ну-у-у…

— Давай-давай. Ты только что сказала, что он хорошо спрятал Аделе Ветлесен. Первую из известных нам жертв. Что было дальше?

— Он становится все сильнее и самоувереннее. И перестает их прятать. Шарлотту нашли у машины в лесу, Боргни — в подвале здания в центре города.

— А Марит Ульсен?

Кайя надолго задумалась:

— Это был перебор. Он начал терять самообладание, перестал себя контролировать.

— Или… — сказал Харри. — Возможно, он перешел на следующий уровень. Хочет всем показать, какой он крутой. Он начинает превращать свои убийства в спектакль. Убийство Марит Ульсен

во Фрогнер-парке — это словно громкий крик, призыв обратить на него внимание, но в самом исполнении мало что свидетельствует о потере контроля. Использование той веревки — это всего лишь недосмотр, но так-то он следов не оставил. Ты не согласна?

Она задумалась и кивнула.

— Потом был Элиас Скуг, — напомнил Харри. — Что здесь было иначе?

— Он истязает жертву, обрекает ее на медленную смерть, — сказала Кайя. — Садист, который в нем живет, разоблачил себя.

— Леопольдово яблоко — тоже орудие пытки, — заметил Харри, — но я согласен с тобой, мы здесь впервые столкнулись с садизмом. Вместе с тем это сделано сознательно, он разоблачает себя, а сам не разоблачен. И по-прежнему все режиссирует и держит под контролем.

На столе перед ними появились чашки и кофейник.

— Но… — произнесла Кайя.

— Что такое?

— Тебе не кажется странным, что садист-убийца покидает место преступления, так и не полюбовавшись страданиями жертвы и ее смерти? По словам хозяйки, она слышала стук из ванной уже

после того, как ушел гость. Он сбежал с самого… хм… прикольного.

— Неплохо замечено. То есть кто перед нами? Фальшивый садист? А зачем ему притворяться?

— Потому что он знает, что мы будем пытаться составить его психологический профиль, чем, собственно говоря, мы сейчас и занимаемся, — сразу же ответила Кайя. — И станем искать его не там, где надо.

— Ммм… Возможно. В таком случае это какой-то утонченный убийца.

— А ты как думаешь, старый и мудрый?

Харри налил им обоим кофе.

— Убийства, по-моему, для серийного убийцы слишком уж различаются.

Кайя наклонилась над столом, ее острые зубки блеснули, когда она прошептала:

— То есть, по-твоему, это *не* серийный убийца?

— Видишь ли, я не вижу единого почерка. Как правило, в убийствах, совершенных серийными маньяками, имеется какая-то особенность, которая и заставляет их убивать снова и снова. А здесь ничто не указывает на сексуальную составляющую. И способы убийства тоже разные, кроме случаев Боргни и Шарлотты, которые, вероятнее всего, были убиты с помощью леопольдова ябло-

ка. Места преступлений совершенно не похожи, жертвы — тоже очень разные люди. Разного пола, разного возраста, разного происхождения, из разных социальных слоев, совершенно разные физически.

— Но они же выбраны не случайно, они ночевали в одной хижине в одну и ту же ночь.

— Именно. Как раз это и заставляет усомниться, что мы здесь имеем дело с классическим серийным убийцей. Или правильнее было бы сказать — с классическим мотивом серийного убийства. Потому что для типичного маньяка убийство само по себе — уже достаточный мотив. Если он убивает женщин-проституток, то, как правило, не потому, что они грешницы, просто они — легкая добыча. Я знаю только одного серийного убийцу, чей критерий отбора был связан с самими жертвами.

— Снеговик.

— Я не верю, что серийный убийца станет выбирать себе жертв со взятой наобум страницы из гостевой книги в туристической хижине. А если в Ховассхютте произошло нечто, что дало убийце мотив, то мы не можем в данном случае говорить о классическом серийном убийстве. Кроме того, он явно хочет, чтобы его заметили, он созрел для

этого гораздо быстрее, чем свойственно обычным серийным убийцам.

— Что ты имеешь в виду?

— Он отправляет женщину в Руанду и Конго, чтобы скрыть убийство и одновременно купить орудие, которым собирается умерщвлять других. Потом он эту женщину убивает. Иными словами, прилагает массу усилий для того, чтобы скрыть убийство Аделе Ветлесен. Когда он спустя несколько недель убивает снова, то не предпринимает абсолютно ничего. Еще через несколько недель случается новое убийство, и он опять выступает в качестве матадора, который тычет бандерильею нам в морду и помахивает плащом. Его личность словно меняется на глазах. Как увязать одно с другим?

— А ты не думал, что убийц может быть несколько? И у каждого свой метод?

Харри покачал головой:

— Есть одно сходство. Убийца не оставляет следов. А если серийный убийца — редкость, то тот, кто не оставляет следов, — вообще лох-несское чудище. И в этом деле их не больше одного.

— Хорошо, кто он тогда? — Кайя развела руками. — Серийный убийца с раздвоением личности?

— Или лох-несское чудище с крыльями, — сказал Харри. — Я не знаю. Да и не все ли равно, мы же просто прикалывались. Ведь сейчас это дело Крипоса. — Он допил кофе. — Я возьму такси и поеду в больницу.

— Могу тебя подбросить.

— Не надо, спасибо. Езжай лучше домой и готовься к новым, интересным заданиям.

Кайя тяжело вздохнула:

— И еще Бьёрн…

— Об этом не должна узнать ни одна живая душа, — предупредил Харри. — Хороших снов.

Алтман как раз выходил из палаты отца, когда подошел Харри.

— Он спит, — сказал медбрат. — Я ввел ему десять миллиграммов морфина. Вы, конечно, можете остаться, но он проснется еще очень не скоро.

— Спасибо, — сказал Харри.

— Не за что. У меня у самого была мать, которая… короче, ей пришлось терпеть больше боли, чем нужно.

— Ммм… Вы курите, Алтман?

Судя по реакции, Алтман курил, и Харри предложил ему выйти на улицу. Они курили, а Алтман, которого звали Сигурдом, рассказывал, что стал

специализироваться на анестезии именно из-за матери.

— То есть когда вы сделали этот укол моему отцу, вы…

— Это была просто услуга одного сына другому, — улыбнулся Алтман. — Но вы ничего такого не думайте, мы всё обговорили с врачом. Я не хочу потерять свою работу.

— Очень разумно, — сказал Харри. — Жаль, что я не такой разумный.

Они докурили, и Алтман уже собирался идти, когда Харри спросил:

— Раз уж вы занимаетесь анестезией, то не подскажете, где можно раздобыть кетаномин?

— Ой, — произнес Алтман. — На этот вопрос мне, вероятно, отвечать не следует.

— Да ладно, — ухмыльнулся Харри. — Речь идет об убийстве, которое я расследую.

— А-а-а… Тогда ладно. Если вы не занимаетесь анестезией по работе, то в Норвегии достать кетаномин вам будет трудно. Он действует как выстрел, пациент отключается буквально на месте. Но есть побочные эффекты, например, он вызывает язву желудка. Кроме того, при передозировке велика опасность остановки сердца, чем и воспользовались многие самоубийцы. Но

теперь все, кетаномин уже несколько лет как запретили. И в ЕС, и в Норвегии.

— Это я знаю, но куда бы вы отправились, если бы вам понадобился кетаномин?

— Ну… В бывшие советские республики. Или в Африку.

— Например, в Конго?

— Точно. После того как препарат запретили в Европе, производитель продает его по демпинговым ценам, соответственно он оказывается в бедных странах, так всегда бывает.

Харри сидел у постели отца и смотрел, как поднимается и опускается под пижамой тощая грудь. Час спустя он поднялся и ушел.

Прежде чем включить телефон, Харри запер входную дверь, поставил «Don't Get Around Much Anymore»[94], одну из отцовских пластинок Дюка Эллингтона, и принес коричневый комочек. Гуннар Хаген вновь оставил сообщение, но Харри не собирался его выслушивать, потому что примерно представлял себе, о чем пойдет речь. Что Бельман снова побывал у него и с этого момента им нельзя даже приближаться к делу об

---

[94] Примечания: 94

«Я теперь мало где бываю» *(англ.)* — песня Дюка Эллингтона и Боба Рассела.

убийствах, какие бы распрекрасные объяснения ни были у них заготовлены. И что Харри следует появиться на службе, если он все еще собирается работать в полиции. Ну ладно, последнее, пожалуй, перебор. Пора отъезжать. И путешествие начнется здесь, сейчас, сегодня вечером. Одной рукой он вытащил зажигалку, а другой стал тыкать в кнопки мобильного, чтобы прочитать пришедшие эсэмэски. Первая была от Эйстейна. Он предлагал устроить в скором будущем мальчишник и позвать Валенка, который, по всей видимости, на данный момент был из них троих самым обеспеченным. Другая эсэмэска пришла с незнакомого номера. Он открыл сообщение:

> Прочитал на сайте «Афтенпостен», что дело у вас.
>
> Могу вам немного помочь. Прежде чем его приклеили к ванне, Элиас Скуг кое-что сказал.
>
> ***К.***

Харри выронил зажигалку, с громким стуком упавшую на стеклянный стол, и услышал, как заколотилось сердце. Когда расследуешь убийство, то получаешь массу обращений с советами, намеками, догадками. Люди, готовые под при-

сягой подтвердить то, что они видели, слышали или что им рассказали, — может, полиция уделит им немного времени и выслушает их? Чаще это бывали одни и те же люди, но каждый раз появлялись и новые полоумные болтуны. Хотя Харри знал, что этот не такой. Пресса много писала об этом деле, информации у людей хватало. Но никто из посторонних не знал, что Элиаса Скуга приклеили ко дну ванны. И никто не знал номера телефона Харри, поскольку тот не был зарегистрирован.

Глава 38
Увечье

Харри приглушил Дюка Эллингтона и задумался с телефоном в руке. Этот человек знал про суперклей. И еще он знал номер Харри. Может, теперь надо определить по номеру его адрес и имя и сделать так, чтобы его задержали, рискуя вспугнуть? С другой стороны, он ждет ответа.

Харри нажал на кнопку «Позвонить отправителю».

Раздалось всего два гудка, потом он услышал низкий голос:

— Да?

— Это Харри Холе.

— Спасибо за прошлую встречу, Холе.

— Угу. А когда она была?

— Ты не помнишь? В квартире Элиаса Скуга. Суперклей.

Харри чувствовал, как, сдавливая горло, пульсирует сонная артерия.

— Я там был. С кем я говорю и что ты там делал?

Наступила пауза, и Харри даже показалось, что

собеседник отсоединился. Но тут из трубки снова послышалось протяжное оканье:

— Ой, извини, я, наверное, подписал эсэмэску просто «К.»?

— Да.

— Привычка такая. Это Колбьёрнсен. Старший инспектор из Ставангера. Ты дал мне свой номер, забыл?

Харри выругался про себя, внезапно обнаружил, что все еще сидит не дыша, и хрипло выдохнул.

— Ты слушаешь?

— Да-да, — сказал Харри, схватил чайную ложечку, лежавшую на столе, и отскоблил от опиумного комка маленький кусочек. — Ты написал, что у тебя что-то для меня есть?

— Точно. Но у меня одно условие.

— Какое же?

— Что это останется между нами.

— Почему?

— Потому что я терпеть не могу козла этого, Бельмана, ходит, понимаешь, с таким видом, будто он номер один в расследовании убийств. Меня прямо трясет оттого, что он и гребаный Крипос задумали стать в этом деле монополистами. Пусть убирается ко всем чертям. А у меня тут с начальством проблема. Меня не подпускают ни

на шаг к проклятому делу Скуга.

— И поэтому ты обратился ко мне?

— Я простой парень из провинции, Холе. Но, читая в «Афтенпостен», что ты подключился к делу, я понимаю, что это значит. Ты ведь такой же, как я, не можешь просто махнуть на все рукой, верно?

— Ну… — протянул Харри, уставившись на опиумный комочек.

— Короче, если хочешь их обставить, чтобы бельмановская империя зла накрылась медным тазом, то давай. Я отправлю Бельману рапорт не раньше послезавтра. Потяну с этим. У тебя есть завтрашний день, чтобы подумать.

— Что у тебя есть?

— Я сам переговорил с людьми из окружения Скуга. А их оказалось немного, потому что он был чудак, знаешь, шило в одном месте, мотался по свету, причем совершенно один. Точнее, я переговорил с двумя женщинами. С хозяйкой дома. И еще с одной девицей, до нее мы добрались, когда отследили его последние звонки. Ее зовут Стине Эльберг, она рассказала, что говорила с Элиасом в тот вечер, когда его убили. Они ехали в автобусе из города, и он рассказал ей, что был в Ховасс-хютте вместе с убитыми девушками, о которых

писали газеты. Странно, говорил он, но никто до сих пор не обнаружил, что они были в одной и той же хижине, и он думает, не пойти ли ему в полицию и не рассказать ли об этом. Только, мол, все никак не решится, опасается оказаться втянутым в это дело. Это-то как раз понятно. У Скуга и раньше были проблемы с полицией, два раза на него заявляли за сталкинг. Честно говоря, ничего противозаконного он не совершал, я же говорю, у него просто шило было в одном месте. По словам Стине, она опасалась его, но в тот вечер, похоже, он сам чего-то боялся.

— Любопытно.

— Стине сделала вид, что не знает, о чем он говорит, и тогда Элиас рассказал ей о еще одном человеке, который был в той хижине, и ей показалось, что он действительно знает, кто это. А вот сейчас тебе будет по-настоящему интересно. Потому что это известный человек. Так сказать, звезда второго ряда.

— Да ну?

— По словам Элиаса Скуга, там был Тони Лейке.

— Тони Лейке. Я обязан знать, кто это?

— Дружок дочки Андерса Галтунга, судовладельца.

Перед внутренним взором Харри возникла пара газетных заголовков.

— Тони Лейке — так называемый предприниматель, это означает, что он зарабатывает большие деньги неизвестно как, во всяком случае не тяжким трудом. Кроме того, он красавчик. Но это не означает, что он mister nice guy[95]. А сейчас самое интересное. У парня есть sheet.

— Sheet? — переспросил Харри, изображая недоумение, чтобы показать Колбьёрнсену, какого он мнения насчет его англицизмов.

— Криминальное прошлое. У Тони Лейке судимость за нанесение тяжких телесных повреждений.

— Ммм… Ты проверил?

— Тони избил и покалечил некоего Уле С. Хансена шестого августа между одиннадцатью двадцатью и одиннадцатью сорока пятью возле танцевального клуба в местечке, где жил у деда. Ему было восемнадцать, Уле семнадцать, и, разумеется, все произошло из-за бабы.

— Ммм… Пьяные юнцы подрались из-за девчонки — дело обычное. Говоришь, нанесение тяжких телесных?

---

[95] Примечания: 95
Мистер хороший парень *(англ.)*.

— Да, потому что там все было серьезнее. После того как Лейке избил и повалил Хансена, он сел на него верхом и стал резать ему лицо ножом. Парень получил увечье, но в суде говорили, что все кончилось бы еще хуже, не прибеги туда люди и не оттащи Лейке от этого бедолаги.

— И больше ничего, только этот приговор?

— Тони Лейке был и раньше подвержен приступам ярости, дрался он регулярно. Один свидетель рассказал на суде, как в средней школе Лейке чуть не придушил его ремнем за то, что он наговорил лишнего про его отца.

— Похоже, кому-то предстоит долгий разговор с Тони Лейке. Знаешь, где он живет?

— У вас в городе. Хольменвейен… погоди-ка… сто семьдесят два.

— Ясно. На западе. Ладно. Спасибо, Колбьёрнсен.

— Не за что. Кстати, есть еще кое-что. Сразу после Элиаса в автобус вошел мужчина. Он сошел на той же остановке, что и Элиас, и Стине говорит, что видела, как мужчина направился за ним. Но описать того человека она не смогла, лицо у него было прикрыто шляпой. Впрочем, это еще ничего не значит.

— Верно.

— А вообще я на тебя рассчитываю, Холе.
— Рассчитываешь на что?
— На то, что ты правильный парень.
— Ммм…
— Спокойной ночи.
— И тебе.

Харри сидел и слушал Герцога[96]. Потом схватил телефон и нашел номер Кайи в списке контактов. Собрался уже нажать на кнопку вызова, но передумал. Неужели он за старое? Падать самому и тащить за собой других? Харри отложил телефон. У него есть выбор. Самое умное будет позвонить Бельману. А самое тупое — действовать одному, на свой страх и риск.

Харри вздохнул. Что он себе навоображал? Нет у него никакого выбора. И он сунул зажигалку в карман, упаковал комочек в фольгу, убрал в бар, разделся, поставил будильник на шесть и лег в постель. Выбора нет. Он — заложник собственной модели поведения, и каждое его действие жестко обусловлено. В этом смысле он не лучше и не хуже тех, за кем гоняется.

Думая об этом, он и заснул с улыбкой на губах.

Ночь благословенно тиха, она врачует взор и

---

[96] Примечания: 96
Прозвище Эллингтона: Дюк по-английски значит Герцог.

проясняет мысли. Новый старый полицейский Холе. Я должен ему это рассказать. Не показывать ему все — ровно столько, чтобы он понял. Чтобы он мог это остановить. И чтобы мне больше не надо было делать то, что я делаю. Я сплевываю и сплевываю, но кровь заполняет мой рот снова и снова.

Глава 39
Существенные вещи

Харри пришел в Полицейское управление без четверти семь утра. Помимо дежурного охранника на вахте, в большом внутреннем дворе за тяжелыми входными дверями никого не было.

Он кивнул охраннику из «Секьюритас», провел пропуском по считывающему устройству турникета и на лифте спустился в подвал. Оттуда он мелкой рысью пробежал по «Кишке» и открыл дверь в кабинет. Прикурил первую за сегодняшний день сигарету и, пока компьютер загружался, набрал на мобильном номер. Голос у Катрины Братт был заспанный.

— Я хотел бы, чтобы ты поискала соответствия, — сказал Харри. — Попробуй найти, что связывает Тони Лейке и каждого из убитых. Включая Юлиану Верни из Лейпцига.

— Тут в общей гостиной пока никого нет и не будет по меньшей мере до половины девятого, — сказала Катрина. — Сейчас пойду поищу. Что-нибудь еще?

Харри помедлил.

— А ты не могла бы пробить для меня по базам Юсси Колкку? Он полицейский.

— А что с ним не так?

— В том-то все и дело, — сказал Харри. — Я не знаю, что с ним не так.

Харри отложил телефон и сел за компьютер.

У Тони Лейке действительно имелась одна судимость. Кроме того, согласно оперативной базе данных, он и раньше попадал в поле зрение полиции, причем дважды. Оба раза, как и намекал Колбьёрнсен, в связи с нанесением тяжких телесных повреждений. В одном случае заявление забрали, в другом дело было прекращено.

Харри вбил имя Тони Лейке в Гугл и обнаружил несколько газетных статеек, большей частью насчет его помолвки с Лене Галтунг. Но выплыло и кое-что из финансовой прессы, в которой его называли то инвестором, то биржевым спекулянтом и невежественным бараном. Об этом писали в «Капитале» — дескать, Лейке принадлежит к стаду баранов, бредущих за Крингленом, вожаком с колокольчиком на шее, и слепо подражающих ему во всем, от покупок акций, дачных домиков и машин до выбора правильных ресторанов, напитков, женщин, офисов, жилья и мест для отпуска.

Харри поискал еще, пока кое-что не нашел в «Финансависен».

— Ага! — вырвалось у него.

Тони Лейке совершенно явно был на коне. Если не на слоне. Во всяком случае, газета «Финансависен» написала о проекте добычи ископаемых, инициатором и главной движущей силой которого был как раз Лейке. Фотограф заснял его вместе с партнерами, двумя молодыми людьми с волосами на косой пробор. Все трое — не в дизайнерских костюмах, а в рабочих комбинезонах — сидели перед вертолетом на штабеле досок. И шире всех улыбался Тони Лейке. Широкоплечий, длинноногий, смуглый и темноволосый, с красивым орлиным носом, который, вкупе со всем остальным, наводил на мысль о капельке арабской крови в его жилах. Но возглас Харри объяснялся не столько этим, сколько заголовком:

КОРОЛЬ КОНГО?

Харри продолжил поиск.

Желтую прессу больше волновала предстоящая свадьба Лейке с Лене Галтунг и список приглашенных гостей.

Харри взглянул на часы. Пять минут восьмого. Он позвонил в дежурку:

— Мне нужно подкрепление, чтобы произвести

задержание на Хольменвейен.

— Арест?

Харри знал, что при таких слабых уликах ордер на арест ему никто не даст.

— Мне нужно доставить одного человека на допрос, — сказал он.

— Мне показалось, вы сказали «задержание». А зачем вам помощь, если нужно только…

— Два человека и машина, возле гаража, через пять минут, идет?

Вместо ответа собеседник фыркнул. Харри истолковал это как «да». Он пару раз затянулся сигаретой, потом погасил ее, встал, открыл дверь и вышел. Не успел он пройти по «Кишке» и десяти метров, как услышал за спиной слабый звук — и понял, что звонит стационарный телефон.

Он как раз вышел из лифта и направлялся к выходу, когда кто-то окликнул его по имени. Он повернулся и увидел, как ему машет охранник из «Секьюритас». Перед стойкой Харри заметил чью-то спину в горчично-желтом шерстяном пальто.

— Вас тут спрашивают, — сказал охранник.

Горчичное пальто оглянулось. Оно было из тех, что косят под кашемир, а иногда и правда оказываются из него. В данном случае Харри склонялся к последнему предположению. Потому

что пальто облегало широкие плечи длинноногого мужчины с темными глазами, темными волосами и, возможно, капелькой арабской крови в жилах.

— А вы крупнее, чем на фотографии, — сказал Тони Лейке, демонстрируя целый квартал белоснежных зубов и протягивая ему руку.

— Хороший кофе, — произнес Тони Лейке, и было даже похоже, что он и правда так думает.

Харри посмотрел на длинные скрюченные пальцы Лейке, обхватившие чашку. Лейке сам со смехом заговорил об этом, когда протянул Харри руку для приветствия. Мол, это не заразно, просто старый добрый ревматоидный артрит, наследственная болезнь, зато благодаря ей на него вполне можно положиться как на метеоролога.

— Я, честно говоря, думал, что у старших инспекторов кабинеты получше. Не жарко?

— Тут рядом тюремная бойлерная, — объяснил Харри, прикладываясь к собственной чашке. — Так значит, вы прочитали об этом в «Афтенпостен» сегодня утром?

— Да. Когда завтракал. По правде говоря, мне поплохело.

— Почему?

Лейке чуть откинулся на спинку стула, как пи-

лот «Формулы-1» в своем кресле перед стартом.

— Надеюсь, это останется между нами.

— Между кем и кем?

— Между полицией и мной. А еще лучше — между вами и мной.

Харри надеялся, что голос его прозвучит спокойно и не выдаст волнения:

— И в чем причина?

Лейке сделал вдох.

— Не хочу, чтобы пресса пронюхала, что я был в Ховассхютте в ту же ночь, что и депутат стортинга Марит Ульсен. Скоро свадьба, и СМИ и так обо мне не забывают. Сейчас засветиться там в связи с делом об убийстве было бы совсем некстати. Журналисты набросятся на эту сенсацию и могут… вытащить на свет некоторые эпизоды из моего прошлого, которые мне больше всего хотелось бы похоронить.

— Ясно, — невинным голосом произнес Харри. — Я, разумеется, должен буду взвесить все «за» и «против», поэтому обещать сейчас ничего не могу. Но ведь это же не допрос, просто беседа, и обычно я не сливаю такую информацию в прессу.

— А также моим… ну, близким?

— Нет, если на то нет оснований. Если вы опаса-

етесь, что кто-нибудь узнает, что вы здесь были, то почему вы тем не менее пришли?

— Вы же просили тех, кто там был, дать о себе знать, так что это мой гражданский долг, правда? — Он вопросительно взглянул на Харри. А потом поморщился: — Черт возьми, да я же испугался! Понял, что дело может дойти и до всех других, кто был в Ховассхютте в тот вечер. Сел в машину и сразу же поехал сюда.

— В последнее время не происходило ничего такого, что заставило бы вас бояться?

— Нет. — Тони Лейке задумчиво посмотрел перед собой. — Кроме кражи со взломом, когда ко мне в дом кто-то проник через подвальную дверь. Это было несколько дней назад. Черт, надо было сигнализацию поставить, верно?

— В полицию заявили?

— Да нет, взяли только велосипед.

— Думаете, серийные убийцы в свободное время занимаются кражей велосипедов?

Лейке расхохотался и кивнул, улыбаясь. Не туповатой, пристыженной улыбкой, как тот, кто сам понимает, что сморозил глупость, отметил Харри. Но обезоруживающей, победительной улыбкой чемпиона, означающей «ну, приятель, в этот раз ты меня подколол».

— А почему вы решили поговорить именно со мной?

— В газете написано, расследование ведете вы, вот я и подумал, что так будет правильнее. Кроме того, как я уже говорил, я надеюсь, это не станет известно слишком многим, вот и решил обратиться к самому главному.

— Я — не главный, Лейке.

— Правда? А в «Афтенпостен» написали…

Харри потер скулу. Он еще не решил, как ему относиться к Тони Лейке. Это сочетание ухоженной внешности с шармом плохого парня напомнило Харри одного хоккеиста, рекламировавшего нижнее белье. Тот явно хотел произвести впечатление легкомысленного и искушенного циника, но спрятать собственную искренность и глубину натуры ему не удавалось. Хотя, возможно, все как раз наоборот: именно легкость была подлинной, а искренность — наигранной.

— А что вы делали в Ховассхютте, Лейке?

— Ну ясное дело, на лыжах катался.

— Один?

— Да. На работе выдалось несколько тяжелых дней, пришлось взять тайм-аут. Я часто бываю в Устаусете и на хребте Халлингскарвет. Можно сказать, это мои места.

— Так почему же вы не построите там свою собственную дачу?

— Там, где я хотел бы иметь дачу, строительство запрещено. Законом о национальных парках.

— А почему невеста с вами не поехала? Она что, не ходит на лыжах?

— Лене? Она… — Лейке отхлебнул еще кофе. Очень характерно отхлебнул — прямо посредине предложения, чтобы взять паузу и подумать, отметил Харри. — Она была дома. Я… мы… — Он взглянул на Харри с отчаянной гримасой, словно умоляя о помощи.

Харри ему не помог.

— Черт. Только не для прессы, ладно?

Харри не ответил.

— Хорошо, — сказал Лейке, как если бы Харри ответил утвердительно. — Мне надо было немного передохнуть, уехать. Подумать. Помолвка, женитьба… все это не игрушки, надо было определиться, как к этому относиться. А лучше всего мне думается, когда я один. Особенно там, в горах.

— Очевидно, размышления помогли?

Лейке вновь сверкнул эмалевым кварталом.

— Да.

— А вы помните, кто был в хижине, помимо

вас?

— Как я уже говорил, я помню Марит Ульсен. Мы с ней выпили красного вина. Я и не знал, что она депутат стортинга, пока она сама не сказала.

— Кого-нибудь еще?

— Там сидело еще три или четыре человека, с которыми я только поздоровался. Но я там появился довольно поздно, кто-то наверняка уже спал.

— Да?

— Снаружи стояло шесть пар лыж. Я это помню совершенно точно, поскольку сам внес их в коридор, была угроза схода лавины. Я подумал, вполне возможно, те, другие, не имеют большого опыта нахождения в горах. Хорошего мало, если хижину накроет трехметровым слоем снега и все окажутся без лыж. На следующее утро я, как обычно, встал раньше всех и ушел еще до того, как встали остальные.

— Вы сказали, что поздно пришли в тот вечер. Значит, вы шли по горам один, в темноте?

— Налобный фонарик, карта и компас. Я ведь туда сорвался совершенно спонтанно, так что в Устаусет приехал только вечером — на поезде. Но, как я уже говорил, те края я знаю неплохо, привык ориентироваться на местности в темно-

те. Да еще погода была как на заказ, светила луна, мне ни карта, ни фонарик не понадобились.

— Можете рассказать, что происходило в хижине, пока вы там были?

— Да ничего не происходило. Мы с Марит Ульсен поговорили о красном вине, а также о том, как трудно сейчас бывает поддерживать отношения. В общем, ее подход к этому был, пожалуй, более современный, чем у меня.

— А она ничего не говорила, может, что-то такое произошло в этой хижине раньше?

— Абсолютно ничего.

— А остальные?

— Они сидели чуть поодаль, у очага, говорили о лыжных походах и пили. Возможно, пиво. Или какой-то спортивный напиток. Две девушки и один мужчина, от двадцати до тридцати пяти лет, так мне показалось.

— Имена?

— Мы только кивнули друг другу и сказали «привет». Как я уже говорил, я отправился туда, чтобы побыть одному, а не искать знакомств.

— Внешность?

— В таких хижинах вечером обычно бывает довольно темно. Если я скажу, что одна из них — светленькая, а другая — темненькая, то нет

уверенности, что так оно и было. Как я уже говорил, я даже не помню, трое их было или четверо.

— Выговор?

— Мне кажется, одна из девушек говорила на западном диалекте.

— Ставангерский диалект? Берген? Сюннмёре?

— Мне очень жаль, но я в этом плохо разбираюсь. Может, она была вовсе не из Западной, а из Южной Норвегии.

— О'кей. Вы хотели побыть один, но разговорились с Марит Ульсен о современных нравах.

— Просто так получилось. Она подошла ко мне и села. Не слишком застенчивая тетка. Болтушка. Но толстая и симпатичная. — Он сказал это так, будто оба слова гармонично дополняли друг друга. Харри вдруг вспомнилось, что, вопреки общей тенденции к повышению средненорвежской массы тела, Лене Галтунг, судя по фотографии, тощая как вобла.

— Так что, кроме Марит Ульсен, вам ни о ком другом сказать нечего? Даже если я покажу вам фотографии тех, кто, по нашим сведениям, там был?

— Почему же? — Лейке снова улыбнулся. — Думаю, мне найдется что сказать.

— Неужели?

— Когда я собирался укладываться спать в одной из комнат, мне пришлось включить свет, чтобы посмотреть, какая койка там свободна. И я видел, что двое уже лежали и спали. Мужчина и женщина.

— И вы думаете, что сможете их описать?

— Ну, не то чтобы описать, но я вполне уверен в том, что мог бы их узнать.

— Да?

— Знаете, бывает, стоит увидеть человека, и сразу вспоминаешь его лицо.

Харри знал, что Лейке прав. С описанием примет у свидетелей, как правило, бывало неважно, но при опознании они обычно не ошибались.

Харри подошел к картотечному шкафу, который они с Бьёрном задвинули в глубь комнаты, открыл нужные папки и вытащил фотографии. Дал пять снимков Лейке, тот принялся их изучать.

— Марит Ульсен, — сказал он и протянул Харри одну из фотографий. — А это, мне кажется, две девушки, сидевшие у очага, но наверняка не скажу. — Он отдал Харри фотографии Боргни и Шарлотты. — Это, возможно, тот парень — Элиас Скуг. Но никого из них не было в спальне, в этом я уверен.

— То есть вы не уверены, что узнаёте тех, с кем довольно долго сидели в одной комнате, но уверены, что узнали бы тех, кого видели всего лишь несколько секунд?

Лейке кивнул:

— Они спали.

— А что, спящего узнать легче?

— Нет, но они же на тебя не смотрят, правда? Так что ничто не мешает тебе их рассмотреть.

— Ммм… За несколько секунд?

— Может, чуть подольше.

Харри убрал фотографии в папки.

— У вас есть какие-нибудь имена? — спросил Лейке.

— Имена?

— Да. Как я уже говорил, я встал первым, сделал себе пару бутербродов на кухне. Там же была и гостевая книга, а я туда еще не записался. И пока я доедал свои бутерброды, я открыл эту книгу и просмотрел имена тех, кто записался накануне вечером.

— Зачем?

— Зачем? — Тони пожал плечами. — В туристических хижинах часто встречаешь одних и тех же людей. Я посмотрел, может, есть кто из знакомых.

— Были?

— Нет. Но если бы вы назвали имена тех, кто, как вы знаете или полагаете, был там, то я, возможно, вспомню, видел ли я их в гостевой книге, — понимаете?

— Понимаю. Но к сожалению, у нас нет никаких имен. И адресов тоже.

— Нет? Ну и ладно, — сказал Лейке и принялся расстегивать шерстяное пальто. — Тогда, боюсь, толку от меня немного. Кроме того, что теперь вы можете меня вычеркнуть.

— Ммм, — сказал Харри. — Ну раз уж вы здесь, у меня найдется еще пара вопросов. Если у вас есть время.

— Я сам себе хозяин, — сказал Лейке. — Во всяком случае, пока.

— Прекрасно. Вы говорите, что у вас в прошлом были проблемы. Не могли бы вы коротко сказать, в чем они заключались?

— Я попытался убить одного типа, — прямо ответил Лейке.

— Понятно, — сказал Харри и откинулся на спинку кресла. — За что?

— Потому что он на меня напал. Он утверждал, что я увел у него девушку. По правде говоря, она не была и не хотела быть его девушкой, к тому

же я не увожу чужих девушек. В этом нет нужды.

— Ммм… Он застал вас на месте преступления и ударил ее?

— Что вы имеете в виду?

— Я просто пытаюсь представить, почему вам захотелось его убить. Если вы всерьез это утверждаете.

— Он *меня* ударил. И поэтому я попытался убить его. Ножом. И я уже почти сделал это, когда парочка моих друзей буквально оторвала меня от него. Меня осудили за нанесение тяжких телесных повреждений. Так что для попытки убийства я еще легко отделался.

— Вы отдаете себе отчет в том, что сказанное вами может навлечь на вас подозрение в убийстве?

— В *этом* деле? — Лейке недоверчиво посмотрел на Харри. — Шутите? Я надеюсь, кругозорчик у вас пошире.

— Если вам захотелось убить один раз…

— На самом деле мне хотелось убить не один раз. Вероятно, я так и поступал.

— Вероятно?

— В джунглях не так-то просто разглядеть черного как уголь негра. Стреляешь почти наугад.

— И вы так делали?

— Да, в годы моей грешной молодости. Отбыв срок, я пошел на сержантские курсы, а потом отправился в Южную Африку, устроился там контрактником.

— А-а-а… Так вы были наемником в ЮАР?

— Три года. Причем в ЮАР я только завербовался, потому что драчка шла в соседних странах. Там всегда шла война и всегда был спрос на профессионалов, особенно белых. Черномазые по-прежнему думают, что мы умнее, они больше доверяют белым офицерам, чем своим собственным.

— Может, вы и в Конго бывали?

Правая бровь Тони Лейке изогнулась черным углом.

— А почему вы спрашиваете?

— Просто был там недавно, поэтому и интересуюсь.

— Тогда это называлось Заир. Но бóльшую часть времени мы даже толком не были уверены, в пределах какой страны находимся. Там ведь либо сплошная зелень, либо сплошная чернота, пока снова не встанет солнце. Я работал в так называемой службе безопасности на нескольких алмазных копях. Именно там я научился пользоваться картой и компасом при свете налобного

фонарика. Кстати, компас там можно выбросить к чертям собачьим, в горах слишком много металла.

Тони Лейке откинулся на спинку кресла. Расслабился и ничего не боится, отметил Харри.

— Кстати о металле, — сказал Харри. — По-моему, я где-то читал, что у вас там, в Африке, шахта.

— Верно.

— А что за минерал?

— Колтан.

Харри медленно кивнул:

— Используется в мобильных телефонах.

— Точно. И еще в игровых приставках. Когда в девяностых годах производство мобильных телефонов в мире резко возросло, я вместе со своими солдатами был на задании на северо-востоке Конго. Там у французов и туземцев была шахта, они использовали мальчишек, которые добывали колтан киркой и лопатой. Он выглядит как обычный камень, но из него получают тантал, именно этот металл используется в телефонах. И я понял, что, если бы удалось найти финансирование, я мог бы организовать там настоящую, современную разработку, сам бы разбогател и помог разбогатеть моим партнерам.

— Так и получилось?

Тони Лейке рассмеялся:

— Не совсем. Я занял денег, потом меня обманули ловкие партнеры, и я потерял все. Занял еще, меня снова обманули, занял еще и немного заработал.

— Немного?

— Несколько миллионов, чтобы заплатить долги. Но у меня появились связи, мое имя стало мелькать в прессе, и, хотя я, конечно, продавал шкуру неубитого медведя, этого оказалось достаточно, чтобы быть принятым в кругах, где крутятся большие деньги. Чтобы считаться там своим, важно только количество нулей в числе, которым измеряется твое состояние, и не важно, что перед ним — плюс или минус. — Лейке снова рассмеялся, заразительно и от души, и Харри тоже пришлось изобразить улыбку.

— А сейчас?

— А сейчас перед нами открылись огромные перспективы, потому что именно сейчас наступило время колтана. Ну да, говорить я давно уже это говорю, но на этот раз все правда. В обмен на опцион на покупку мне пришлось уступить свои акции в этом бизнесе, чтобы расплатиться с долгами. Сейчас все утряслось, остается только

раздобыть денег, чтобы выкупить акции обратно, и я снова стану полноправным компаньоном.

— Ясно. А деньги?

— Кое-кому кажется разумным одолжить мне деньги в обмен на долевое участие. Прибыль огромна, риск минимален. Да и все важные вложения уже сделаны, включая взятки местным властям. Мы даже расчистили полосу в джунглях, так что можем грузить все в транспортный самолет и вывозить через Уганду. Вы состоятельный человек, Харри? Я погляжу, может, есть возможность и вам отрезать кусочек этого пирога?

Харри покачал головой:

— А вы не были в последнее время в Ставангере, Лейке?

— Ну… Был. Летом.

— А потом не ездили?

Лейке подумал и отрицательно покачал головой.

— Вы не совсем уверены? — поинтересовался Харри.

— Я представляю свой проект потенциальным инвесторам, а это означает, что я чертовски много езжу. Думаю, я был в Ставангере раза три или четыре в этом году, но, по-моему, я с лета туда не заглядывал.

— А как насчет Лейпцига?

— Тут мне, наверное, уже пора спросить — а не нужен ли мне адвокат, Харри?

— Я просто хочу поскорее вычеркнуть вас из списка, чтобы сосредоточиться на более существенных вещах. — Харри потер указательным пальцем переносицу. — Если не хотите, чтобы про все про это пронюхали СМИ, то вам вряд ли стоит привлекать адвоката, получать официальные вызовы на допросы и все такое прочее.

Лейке медленно кивнул:

— Вы, конечно, правы. Спасибо за совет, Харри.

— Лейпциг?

— Сорри, — ответил Лейке с неподдельным сожалением в голосе и лице. — Никогда там не бывал. А что, должен был?

— Ммм… Мне придется также спросить, где вы были и что делали в определенные дни.

— Давайте.

Харри продиктовал даты четырех убийств, а Лейке записал их в свой «молескин» в кожаном переплете.

— Проверю эти даты, как только буду в офисе, — пообещал он. — Вот, кстати, мой номер телефона.

Он протянул Харри визитку, на которой было

написано: «Тони К. Лейке, предприниматель».

— А что означает «К.»?

— Ну понимаете, — сказал Лейке, вставая, — Тони — это просто сокращенное Антони, так что я решил, что мне нужен второй инициал. Это как бы придает больше веса, вы не согласны? Мне кажется, иностранцам нравится.

Вместо того чтобы пройти по «Кишке», Харри поднялся с Лейке в тюрьму по лестнице, постучал в окошко, появился охранник и впустил их.

— Прямо кадр из сериала про банду Ульсена, — сказал Лейке, когда они стояли на гравиевой дорожке перед внушающими известное почтение стенами старой тюрьмы.

— Чтобы не бросаться в глаза, — объяснил Харри. — Вы становитесь узнаваемым, а в управлении как раз люди идут на работу.

— Кстати о лице: я вижу, вам кто-то сломал скулу.

— А что, упасть и удариться я не мог?

Лейке с улыбкой покачал головой:

— Я немного разбираюсь в сломанных скулах. У вас она такая после удара. И вы дали ей неправильно срастись. Вам следовало бы пойти и вправить ее, невелика работа.

— Спасибо за совет.

— Вы им много задолжали?

— Вы и об этом знаете?

— Да! — вырвалось у Лейке, и он закрыл глаза. — К сожалению.

— И последнее, Лейке…

— Тони. Или Тони К. — Лейке вновь сверкнул всем комплектом своего жевательного инструмента. Словно демонстрируя полнейшую беззаботность, подумал Харри.

— Тони. Вы никогда не были в районе Люсерена? Это озеро в Эст…

— Был, конечно, вы что, с ума сошли? — рассмеялся Тони. — Ведь хутор Лейке находится в Рюстаде. Я там у деда каждое лето бывал. И потом еще прожил пару лет. Потрясающее место, правда? Как там, кстати? — Улыбка его внезапно испарилась. — О черт! Вы же там нашли эту девушку! Ну и совпадение, правда?

— Ну, — сказал Харри, — ничего особо невероятного здесь нет. Люсерен — озеро большое.

— Точно. Ну, еще раз спасибо, Харри. — Лейке протянул ему руку. — А если появятся какие-то имена из Ховассхютты или кто-то объявится, только позвоните, и я посмотрю, может, вспомню. Всегда готов к сотрудничеству, Харри.

Харри увидел себя со стороны: он пожимает

руку человеку, который, как ему только что казалось, убил пять человек за последние три месяца.

Не прошло и пятнадцати минут после ухода Лейке, как позвонила Катрина Братт.

— Ну?

— По четырем из пяти ответ отрицательный, — сказала она.

— А пятый?

— Одно попадание. В глубинах виртуальных недр.

— Поэтично.

— Тебе понравится. Шестнадцатого февраля Элиасу Скугу звонили с номера, который ни на кого не зарегистрирован. С тайного номера, так сказать. И может быть, именно из-за этого вы…

— Ставангерская полиция.

— …не обнаружили эту связь раньше. Но в глубинах недр…

— Ты хотела сказать, внутри строго охраняемых списков абонентов «Теленора»?

— Что-то в этом роде. Там всплыло имя Тони Лейке, Хольменвейен, сто семьдесят два, — именно он оплачивает счета за разговоры с этого тайного номера.

— Йес! — сказал Харри. — Ты ангел.

— По-моему, неподходящая метафора. По твоему голосу ясно, что только что я отправила мужика в тюрьму на пожизненное.

— Созвонимся.

— Погоди! А про Юсси Колкку ничего не хочешь услышать?

— Я про него почти забыл. Давай выкладывай.

И она выложила.

Глава 40
Предложение

Харри обнаружил Кайю в убойном отделе, в зеленой зоне на шестом этаже. Увидев его в дверях, она просияла.

— У тебя что, всегда дверь открыта? — спросил он.

— Всегда. А у тебя?

— Закрыта. Всегда. Но я вижу, что ты, как и я, выкинула отсюда стул для посетителей. Разумно. А то некоторые слишком любят поговорить.

Она рассмеялась:

— Нашел что-нибудь интересненькое, чем стоит заняться?

— Можно сказать и так, — сказал он, вошел и прислонился к стене.

Она оттолкнулась обеими руками от края стола, так что кресло поехало к шкафу с документами. Открыла один из ящиков, вынула оттуда письмо и положила его перед Харри:

— Думала, тебе будет интересно.

— Что это?

— Снеговик. Адвокат ходатайствует, чтобы его

перевели из Уллерсму в обычную больницу по причине ухудшения здоровья.

Он уселся на краешек стола и стал читать:

— Ммм… Склеродермия. Она быстро развивается. Но надеюсь, не слишком быстро. Он этого не заслуживает.

Он взглянул на Кайю и увидел, как она вздрогнула.

— Моя двоюродная бабка умерла от склеродермии, — сказала она. — Жуткая болезнь.

— Да и человек жуткий, — заметил Харри. — Кстати, я совершенно согласен, что способность прощать говорит о качестве личности. Я — самый низший сорт, это точно.

— Я не собиралась критиковать тебя.

— Обещаю исправиться в следующей жизни, — сказал Харри, посмотрел вниз и почесал затылок. — Если индусы правы, я, вероятно, стану жуком-короедом. Но я буду *хорошим* короедом.

Харри поднял на нее глаза, чтобы то, что Ракель называла его «проклятым мальчишеским обаянием», возымело некоторое действие.

— Слушай, Кайя, я пришел, потому что у меня к тебе предложение.

— Да?

— Да. — Харри слышал свой собственный тор-

жественный голос. Голос человека, лишенного способности прощать, безответственного, не считающегося ни с чем, кроме собственных целей. И продолжил уговаривать, отговаривая, — тактика, слишком часто приносившая успех: — Хотя я бы рекомендовал тебе ответить «нет». Потому что у меня такая особенность — разрушать жизнь людей, с которыми я связываюсь.

К своему большому удивлению, он заметил, что она вспыхнула.

— Но я считаю, что без тебя делать это было бы неправильно, — говорил он. — Не сейчас, когда мы уже так близки…

— Близки… к чему? — Краска отлила от ее щек.

— Близки к тому, чтобы задержать виновного. Я иду к прокурору за ордером на арест.

— О-о-о… ну конечно.

— Конечно?

— Я хотела спросить, кого арестовывать? — Она снова подъехала к столу в своем кресле. — И за что?

— Убийцу, Кайя.

— Правда?

Он видел, как постепенно расширяются ее зрачки. И знал, что творится в ее душе. Охотничий азарт, сознание, что дичь вот-вот будет поймана.

Арест. Первый в ее послужном списке. Она не сможет отказаться!

Харри кивнул:

— Его зовут Тони Лейке.

Ее щеки вновь обрели цвет.

— Знакомое имя.

— Он женится на дочери…

— Ах да, жених дочки Галтунга. — Она наморщила лоб. — Ты считаешь, у тебя есть доказательства?

— Улики. И совпадения.

Он заметил, что зрачки ее снова сузились.

— Я уверен в том, что это он и есть, Кайя.

— Попробуй убедить в этом меня, — сказала она, и он уловил жадность в ее голосе. Готовность проглотить наживку, воспользоваться поводом и принять самое безрассудное решение в своей жизни. И он не собирался защищать ее от нее самой. Потому что она была ему нужна. Она словно создана для СМИ: молодая, умная, амбициозная. С прекрасной внешностью и репутацией. В общем, у нее есть все то, чего нет у него самого. Жанна д'Арк, которую Минюст не посмеет сжечь на костре.

Харри сделал глубокий вдох. И пересказал ей разговор с Тони Лейке. Сам он уже не удивлял-

ся тому, что передает сказанное слово в слово. Хотя коллеги всегда поражались этой его способности.

— Ховассхютта, Конго и Люсерен, — сказала Кайя, когда он закончил. — Он был во всех этих местах.

— Да. И раньше он был осужден за насилие. И признает, что испытывал желание убить.

— Сильно. Но…

— Самое сильное будет сейчас. Он звонил Элиасу Скугу. За два дня до того, как Скуга нашли мертвым.

Ее зрачки превратились в два черных солнца.

— Теперь мы его возьмем, — тихо проговорила она.

— Я правильно понял это «мы»?

— Да.

Харри вздохнул.

— Ты понимаешь, как рискованно в это ввязываться? Даже если я прав в том, что касается Лейке, я не уверен, что его ареста и разоблачения достаточно, чтобы баланс сил изменился в пользу Хагена. И тогда ты окажешься в глубокой заднице.

— А ты? — Она потянулась к нему через стол. Сверкнули мелкие пираньи зубки. — А ты-то

почему считаешь, что овчинка стоит выделки?

— Я — бывший полицейский, которому нечего терять, Кайя. Для меня либо все, либо ничего. Я не стану заниматься наркоторговцами или проститутками, и мне уж точно ничего не предложат в Крипосе. Но для тебя это, возможно, плохой выбор.

— Я всегда выбираю неудачно, — заметила она серьезно.

— Ладно, — сказал Харри и встал. — Пойду искать прокурора. Будь готова.

— Я буду здесь, Харри.

Харри встал и, когда повернулся, столкнулся лицом к лицу с человеком, который, судя по всему, уже какое-то время стоял в дверях.

— Прошу прощения, — сказал мужчина, широко улыбаясь. — Я просто хотел бы ненадолго отвлечь эту даму. — Он кивнул в сторону Кайи, в глазах его плескались смешинки.

— Пожалуйста, — сказал Харри, коротко улыбнувшись мужчине, и устремился вдоль по коридору.

— Аслак Кронгли, — сказала Кайя. — И что же привело в большой и страшный город простого деревенского парня?

— Думаю, то же, что и всех, — ответил ленсман

из Устаусета.

— Драйв, неоновые огни и шум толпы?

Аслак улыбнулся:

— Работа. И еще женщина. Могу ли я пригласить тебя на чашку кофе?

— Не сейчас, — сказала Кайя. — Тут как раз все так закрутилось, что я из лавочки пока ни ногой. Но с удовольствием угощу тебя кофе наверху в столовой. Она на самом верхнем этаже. Если ты пойдешь первым, то я успею еще сделать один звонок.

Он поднял большой палец и удалился.

Кайя закрыла глаза и вздохнула, медленно и с дрожью.

Кабинет полицейского прокурора был в красной зоне на шестом этаже, так что Харри не пришлось идти далеко. Прокурор, молодая женщина, которую явно приняли на работу уже после того, как Харри перестал быть завсегдатаем этого кабинета, взглянула на него поверх очков, когда он вошел.

— Мне нужен ордер на арест, — сказал Харри.

— А кто вы такой?

— Харри Холе, старший инспектор.

Он протянул ей свое удостоверение, хотя, судя по тому, как она слегка смешалась, она о нем

слышала. Харри мог вообразить, что именно, и поэтому предпочел об этом не думать. Женщина стала вписывать его имя в бланк ордера на задержание и обыск с преувеличенной тщательностью, словно бог весть какие сложные слова.

— Два крестика? — спросила она.

— Хорошо бы, — ответил Харри.

Она поставила крестики напротив и задержания, и обыска, а потом откинулась на спинку, Харри был готов поклясться, что в эту минуту она подражала каким-то более опытным своим предшественникам, поза означала: «у вас есть тридцать секунд, чтобы убедить меня».

Зная по опыту, что первый аргумент решающий, Харри начал с того, что Лейке звонил Элиасу Скугу за два дня до убийства. Хотя в разговоре с Харри Лейке сделал вид, что вообще не знаком со Скугом и не разговаривал с ним в Ховасс-хютте. Аргументом номер два был приговор за нанесение тяжких телесных, причем Лейке сам признал, что фактически это была попытка убийства. Харри уже мог считать, что дело в шляпе. Но каши маслом не испортишь, и он сообщил о других совпадениях, насчет Конго и Люсерена, не особо вдаваясь в детали.

Женщина-прокурор сняла очки.

— В принципе я не возражаю, — произнесла она. — Но мне нужно немного подумать.

Харри выругался про себя. Более опытный полицейский юрист уже давно выдал бы ему ордер, но эта дама явно новичок и без консультации ни на что не решится. Написала бы у себя на двери «стажер», тогда бы он обратился к кому-нибудь другому, но теперь уже поздно.

— Время не ждет, — сказал Харри.

— Почему?

Она его подловила. Харри махнул рукой — жест, который мог означать что угодно, но не означал ничего.

— Я приму решение сразу после обеда… — Она обставила его еще на пару баллов. Взглянув на бланк, она добавила: — Холе. Скорее всего, я положу ордер на вашу полку для корреспонденции.

Харри сжал зубы, чтобы не вырвалось ничего лишнего. Потому что знал: она совершенно права. Конечно, это самоутверждение — молодая, неопытная женщина в мужском окружении. Однако она сразу задала дистанцию, показала, что нахрапом от нее ничего не добьешься. Ладно. Но ему захотелось сорвать с ее носа очки и раздавить их.

— Вы не могли бы позвонить мне по моему

внутреннему номеру, когда примете решение? — спросил он. — Потому что мой нынешний кабинет находится далеко от ячеек.

— Ладно, — смилостивилась она.

Харри был уже в «Кишке», метрах в пятидесяти от своего кабинета, когда услышал, как открылась дверь. Кто-то вышел, закрыл за собой дверь, повернулся и быстро пошел навстречу Харри. И застыл, когда увидел его.

— Что, Бьёрн, испугался? — тихо спросил Харри.

Их по-прежнему разделяло больше двадцати метров, но стены отбрасывали звук в сторону Бьёрна Хольма.

— Есть малость, — сказал уроженец Тотена и поправил свою растаманскую шапочку, закрывавшую рыжие волосы. — Ты подкрался как-то незаметно.

— Хм… А ты?

— Что я?

— Что ты тут делаешь? Я думал, ты в Крипосе. Говорят, у тебя там новая прекрасная работа. — Харри остановился в двух метрах от явно растерявшегося Хольма.

— Это еще как сказать, — хмыкнул Хольм. — Не дают делать то, чего мне больше всего хочется.

— И что же это?

— Криминалистика. Ты-то меня знаешь.

— Я-то?

— Да ты чего? — Хольм наморщил лоб. — Координация тактической и технической стороны расследования, представляешь себе? Рассылать сообщения, созывать на совещания, направлять рапорты…

— Это повышение, — сказал Харри. — Начало карьерного роста, разве нет?

Хольм фыркнул:

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, Бельман определил меня туда, чтобы держать подальше от оперативной информации. Он опасается, что иначе такую информацию ты получишь раньше его.

— Но тут-то он как раз ошибается, — сказал Харри и приблизился к эксперту-криминалисту вплотную.

Бьёрн Хольм два раза моргнул.

— Что за черт, Харри?

— Да, что за черт? — Харри слышал, как его собственный голос от ярости становится сиплым и металлическим. — Какого черта ты заходил в мой кабинет, Бьёрн? Все твое барахло оттуда уже вынесли.

— Какого черта? — спросил Бьёрн. — Я пришел

забрать вот это. — Он поднял правую руку. В ней была зажата книга. — Ты же обещал оставить ее на вахте, забыл?

«Hank Williams. The Biography»[97].

Харри почувствовал, как краска стыда заливает ему лицо.

— Ммм…

— Мм… — передразнил Бьёрн.

— Я положил ее вместе со всеми вещами, когда мы переезжали, — объяснил Харри. — Но в «Кишке» мы развернулись на полдороге и пошли назад. А потом я забыл.

— О'кей. Я могу идти?

Харри отступил в сторону и услышал, как Бьёрн, ругаясь, удаляется по коридору.

Он отпер дверь в кабинет.

Рухнул в кресло.

Посмотрел по сторонам.

Блокнот. Он заглянул в него. Он ничего не записал из разговора, ничего, что могло бы дать понять, что Тони Лейке — подозреваемый. Харри выдвинул ящики письменного стола, чтобы посмотреть, не рылись ли в них. Все в целости и сохранности. Может, Харри ошибся? Можно ли

---

[97] Примечания: 97

«Хэнк Уильямс. Биография» *(англ.)*.

надеяться, что Хольм не сливает информацию Бельману?

Он взглянул на часы. Надо надеяться, новый прокурор обедает быстро. Харри нажал клавишу компьютера, и монитор проснулся. В поиске по-прежнему светилось последнее набранное им слово: Тони Лейке.

Глава 41
Ордер

— Итак, — произнес Аслак Кронгли, вертя кофейную чашку.

В его огромных ручищах чашка показалась Кайе не больше подставки для яйца.

Она сидела напротив него за столиком у окна. Столовая в Полицейском управлении была на самом верхнем этаже. Типичная норвежская столовая: просторная, светлая и чистая, уютная, но не настолько, чтобы посетителям хотелось засидеться там дольше, чем необходимо. Главным ее достоинством был вид на город, но Кронгли, похоже, им не заинтересовался.

— Я проверил гостевые книги в других хижинах поблизости, тех, что не обслуживаются, — продолжал он. — Шарлотта Лолле и Иска Пеллер — единственные, кто указал, что в интересующую нас ночь предполагает заночевать в Ховассхютте. Днем раньше обе они останавливались в Тунвеггхютте.

— И это нам уже известно, — сказала Кайя.

— Да. Так что у меня есть только два факта,

которые могут тебя заинтересовать.

— Какие же?

— Я говорил по телефону с пожилой супружеской парой, они ночевали в Тунвеггхютте в ту же ночь, что и Лолле с Пеллер. Они сказали, что вечером появился какой-то парень, перекусил, сменил рубашку и потом ушел на юго-запад. Хотя уже стемнело. Единственная хижина в той стороне — Ховассхютта.

— И этот тип…

— Они его видели только мельком. Похоже, тот тоже не особо хотел, чтобы его заметили, он не снял лыжную маску и очки для слалома тоже не снял, старомодные такие, даже когда переодевал рубашку. Жена говорит, она еще подумала, что он, наверное, когда-то получил серьезную травму.

— Почему?

— Она только помнит, что у нее мелькнула такая мысль, но не помнит почему. Кроме того, он мог и сменить направление, когда скрылся из виду, и двинуть к другой хижине.

— Конечно. — Кайя взглянула на часы.

— Кстати, кто-нибудь откликнулся на ваш призыв обратиться в полицию?

— Нет, — ответила Кайя.

— На самом деле ты подумала «да». — Кайя

взглянула на Аслака Кронгли, и тот поднял руки вверх: — Тупой деревенщина в городе! Прости, это не мое дело.

— Все в порядке, — сказала Кайя.

Оба уставились в свои чашки.

— Ты сказал, что у тебя есть для меня два интересных факта, — напомнила Кайя. — А другой какой?

— Знаю, я пожалею о том, что это сказал, — выговорил Кронгли. Глаза его снова посмеивались.

Кайя тут же догадалась, какой оборот примет их разговор. Ленсман прав: он пожалеет.

— Я остановился в «Плазе» и хочу спросить: ты не поужинаешь со мной сегодня вечером?

По выражению его лица она поняла, что он уже все прочитал по ее глазам.

— У меня в этом городе больше знакомых нет, — сказал он, кривя рот в попытке изобразить обезоруживающую улыбку. — Кроме моей бывшей девушки, а ей я звонить не рискну.

— Было бы, наверное, здорово, — начала Кайя и сделала небольшую паузу. Условное наклонение плюс «наверное». Она видела, что Аслак Кронгли уже раскаивается. — Но, к сожалению, я сегодня вечером занята.

— Все в порядке, я же не приглашал тебя зара-

нее, — улыбнулся Кронгли и запустил пальцы в свои буйные кудри. — А как насчет завтра?

— Я… я сейчас ужасно занята, Аслак.

Ленсман кивнул самому себе:

— Разумеется. Разумеется, ты занята. Это не из-за того типа, который был у тебя в кабинете, когда я пришел?

— Нет, у меня сейчас другой начальник.

— Я не про начальников.

— В смысле?

— Ты сказала, что влюблена в полицейского. И похоже, тому парню довольно легко удалось тебя уговорить. Во всяком случае, он преуспел больше, чем я.

— Нет-нет, ты что, с ума сошел, это не он! Я… наверное, слишком много выпила в тот вечер.

Кайя услышала свой собственный неестественный смех и почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Ну ясно, — сказал Кронгли и допил свой кофе. — Придется идти в большой и холодный город одному. Ничего, в нем найдутся еще и музеи, и бары, которые надо посетить.

— Да уж, не стоит упускать такую возможность.

Он поднял бровь, глаза его и плакали, и смея-

лись одновременно. Как у Эвена — в тот последний раз.

Кайя проводила его вниз. Когда он протянул ей руку, у нее вырвалось:

— Все-таки позвони мне, если тебе будет слишком одиноко, вдруг я уже освобожусь.

Его улыбку она истолковала как признательную — за возможность поблагодарить и отказаться или, по крайней мере, не воспользоваться предложением.

Поднимаясь в лифте к себе на шестой этаж, Кайя вспомнила это «…легко удалось тебя уговорить».

Интересно, долго ли Аслак стоял в дверях и слушал их разговор?

В час телефон на столе Кайи зазвонил.

Это был Харри.

— Получил наконец-то ордер. Ты готова?

Она почувствовала, как забилось сердце.

— Да.

— Жилет?

— И жилет, и оружие.

— Об оружии позаботится «Дельта». Они уже готовы и ждут в машине в гараже. Нам надо только спуститься. И будь добра, забери с моей полки ордер.

— О’кей.

Через десять минут они уже ехали по центру Осло в одном из синих, рассчитанных на двенадцать человек микроавтобусов группы «Дельта», направляясь в западную часть города. Харри рассказывал Кайе, что полчаса тому назад позвонил Лейке в офис, и там ему сообщили, что сегодня он работает дома. Тогда Харри позвонил на домашний номер Лейке на Хольменвейен. И положил трубку, едва Тони ответил. Харри специально попросил, чтобы операцию возглавил Милано, темноволосый плотный мужчина с густыми бровями, в чьих жилах — несмотря на фамилию — не было ни капли итальянской крови.

Они ехали теперь через Ибсеновский туннель, и прямоугольники отраженного света скользили по шлемам и забралам восьми полицейских, казалось погруженных в глубокую медитацию.

Кайя и Харри сидели на самом заднем сиденье. На Харри была черная куртка, на которой большими желтыми буквами спереди и сзади было написано ПОЛИЦИЯ, он вытащил свой табельный револьвер, чтобы убедиться, что тот заряжен.

— Восемь мужиков из «Дельты» и «ведерко». — Кайя кивком указала на вращающуюся мигалку на крыше автомобиля. — Уверен, что не пере-

бор?

— Перебор как раз и нужен, — сказал Харри. — Если мы хотим привлечь внимание к этому аресту, нужно немного больше паблисити, чем обычно.

— Ты уже устроил утечку в СМИ?

Харри взглянул на нее.

— В смысле, раз уж ты хочешь привлечь внимание, — сказала она. — Представь себе: знаменитость Тони Лейке арестовывают за убийство депутата стортинга Марит Ульсен. Да журналисты забудут даже про роды принцессы, чтобы заполучить такой материал.

— А что, если там его невеста? — спросил Харри. — Или мать? Они тоже появятся в газетах и прямых репортажах по телевидению? — Он крутанул револьвер, и барабан, щелкнув, сам встал на место.

— А как тогда привлечь внимание?

— Пресса прибудет потом, — сказал Харри. — Начнет расспрашивать соседей, прохожих, нас. Еще успеют узнать, какое тут было грандиозное шоу. И хватит. Невиновные не пострадают, а мы получим свои первые полосы в газетах.

Кайя украдкой взглянула на него, когда они въехали в следующий туннель и по машине снова

заскользили тени. Они проехали район Майорстуа и стали подниматься по Слемдалсвейен, миновали Виндерен. Она увидела, что он смотрит в боковое окно, на перрон станции наземного метро, выражение лица у него было какое-то страдальческое и беззащитное. Ей захотелось накрыть его руку своей, сказать что-нибудь, неважно что, только бы убрать это выражение с его лица. Она взглянула на его руку. В ней был револьвер, он сжимал его так, будто это самое дорогое, что у него есть. Больше так продолжаться не может, что-то должно случиться. И случилось.

Они поднимались все выше, город был уже под ними. Переехали трамвайные рельсы, в то же мгновение позади мигнул светофор и опустился шлагбаум.

Они были на Хольменвейен.

— Кто пойдет со мной к двери, Милано? — выкрикнул Харри в сторону передних сидений.

— Дельта-три и Дельта-четыре, — прокричал в ответ Милано, повернулся и показал на мужчину, у которого на груди и на спине комбинезона мелом была написана цифра «3».

— О'кей, — сказал Харри. — А остальные?

— По два человека с каждой стороны дома. План «Дайк один-четыре-пять».

Кайя знала, что это код, по которому они должны будут ринуться вперед, что метод заимствован из американского футбола, цель — обеспечить быструю коммуникацию и не дать противнику ничего понять, даже если он выйдет на частоты «Дельты». Они притормозили за несколько домов до дома Лейке. Шестеро мужчин сняли с предохранителя свои «МП-5» и выпрыгнули из микроавтобуса. Кайя видела, как они рванули вперед через соседские садики с коричневой сухой травой, голыми яблонями и высокими изгородями, так популярными в западной части города. Она посмотрела на часы. Прошло сорок секунд, когда рация Милано проскрипела:

— Все на местах.

Шофер отпустил сцепление, и они медленно поехали к дому.

Особняк, который Тони Лейке приобрел сравнительно недавно, был желтый, одноэтажный, впечатляющего размера, но респектабельный адрес производил куда большее впечатление, чем архитектура, сочетающая, на взгляд Кайи, элементы функционализма с деревянным ящиком.

Они остановились напротив гаражных дверей, в начале гравиевой дорожки, ведущей к входной двери. Несколько лет тому назад, во время дра-

мы с заложниками, когда «Дельта» уже успела окружить дом, преступникам удалось улизнуть, проникнув в гараж, соединенный переходом с домом, повернуть ключ зажигания в машине хозяина и уехать на глазах у вооруженных до зубов полицейских. А что им оставалось делать?

— Иди за нами, но не высовывайся, — приказал Харри Кайе. — В следующий раз — твоя очередь.

Они вылезли из автобуса, Харри сразу же пошел к дому, один из полицейских отставал от него на шаг, другой шел сбоку, вместе они образовывали прямоугольный треугольник. Кайя поняла по голосу, что Харри нервничает. Теперь и его тело свидетельствовало о том же. Напряженный затылок, преувеличенно плавные движения.

Они поднялись на крыльцо. Харри позвонил. Двое полицейских встали по обеим сторонам спиной к стене.

Кайя принялась считать. В автобусе Харри рассказал ей, что инструкция ФБР гласит: следует позвонить или постучать в дверь, крикнуть «Полиция!» и «Откройте, пожалуйста!», затем повторить и подождать десять секунд и только потом врываться в дом. У норвежской полиции на сей счет никаких специальных инструкций не было, но это не означает, что не существует

вообще никаких правил.

Впрочем, в то утро на Хольменвейен никакие правила и не понадобились.

Дверь распахнулась, и Кайя, машинально отпрянув, заметила в дверном проеме растаманскую шапочку, увидела, как шевельнулось плечо Харри, и услышала звук кулака, врезающегося в плоть.

Глава 42
Бивис

Все произошло на автомате, Харри просто-напросто не смог остановиться.

Увидев в дверях дома Тони Лейке лунообразное лицо криминалиста Бьёрна Хольма, а за его спиной — других криминалистов, вовсю ведущих обыск, Харри за какую-то секунду понял, что произошло, и в глазах у него потемнело.

Он только почувствовал отдачу от удара в плече, и костяшкам пальцев стало больно. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Бьёрн Хольм стоит на коленях в прихожей, из носа у него хлещет кровь, течет по губам и капает с подбородка.

Двое полицейских из «Дельты» бросились вперед и направили было стволы на Хольма, но тоже явно растерялись. Надо думать, они и раньше видели его знаменитую шапчонку и сообразили, что другие люди, одетые в белое, — это просто криминалистическая группа.

— Доложи, что ситуация под контролем, — сказал Харри человеку с цифрой «3» на груди. — И что подозреваемый арестован. Микаэлем Бель-

маном.

Харри сидел, глубоко утопая в кресле, вытянув ноги так, что они доставали до письменного стола Гуннара Хагена.

— Все очень просто, шеф. Бельман узнал, что мы собираемся задержать Тони Лейке. Черт побери, у них прокуратура через дорогу, в том же здании, что и криминалистический отдел. Он мог просто перейти дорогу и получить ордер от прокурора, всего-то дел минуты на две. А мне пришлось ждать два гребаных часа у нашего юриста!

— Не надо кричать, — сказал Хаген.

— Тебе не надо, а мне надо! — заорал Харри и стукнул по подлокотнику. — Черт! Черт! Черт!

— Скажи спасибо, что Хольм на тебя рапорт не написал. Кстати, а его-то ты зачем ударил? Что, утечка шла через него?

— Что-нибудь еще, шеф?

Хаген посмотрел на своего старшего инспектора. Потом покачал головой:

— Возьми-ка пару выходных, Харри.

Как же только не называли Трульса Бернтсена в детстве и юности! Большинство кличек сейчас позабыты. Но в начале девяностых, после старшей школы, он получил прозвище, которое

приклеилось к нему намертво: Бивис. Тот самый идиот из комиксов на MTV. Светлые волосы, выступающая нижняя челюсть и хрюкающий смех. О'кей, ну допустим, он и правда так смеется. Он делал это с начальной школы, особенно если кого-то били. Особенно когда били его самого. Он читал в одном журнале комиксов, что Бивиса и Батхеда придумал чувак по фамилии Джадж, а как звать, он не помнил. В общем, этот самый Джадж рассказывал, что отец у Бивиса был пьяница, который лупил сына. Трульс Бернтсен помнил только, что бросил журнал на пол в магазине и ушел, смеясь своим поросячьим смехом.

У него были два дядьки, оба полицейские, и сам он, в общем-то, почти удовлетворял требованиям, предъявляемым в Полицейской академии, плюс у него еще были две рекомендации. Экзамен он сдал чудом, в частности благодаря помощи соседа по парте. Иначе и быть не могло, ведь они были дружками с самого детства. Дружба дружбе, конечно, рознь. Если уж быть совсем честным, то Микаэль Бельман командовал Бивисом, еще когда обоим было двенадцать и они встречались на пустыре, где однажды чуть не взорвали весь Манглеруд. Бельман поймал его на месте преступления, когда он пытался поджечь мертвую крысу.

И показал ему, что все может быть гораздо интереснее, если засунуть в пасть крысе динамитную шашку. Трульсу было даже дозволено поджечь фитиль. И с того самого дня он ходил за Бельманом по пятам. Когда ему это разрешали. Микаэлю удавалось все то, что было не под силу Трульсу. И в учебе, и на физре, и говорить он умел так, что никто с ним шутить не решался. У него даже девчонки были, причем одна — на год старше и с буферами, а Микаэль мог ее тискать когда хотел. Трульс превосходил Микаэля только в одном: он как никто умел сносить побои. Бельман всегда умел уворачиваться в драках, но когда его приемчики надоедали большим мальчишкам и они лезли с кулаками на этого задаваку, то Микаэль ставил перед собой Трульса. Потому что Трульса можно было бить. Ему не привыкать, он еще дома привык. Мальчишки могли отколошматить его до крови, но он не уходил, а только заливался своим поросячьим смехом, выводя их из себя еще больше. Трульс просто не мог остановиться. Он знал, что потом Микаэль одобрительно хлопнет его по плечу, а если сегодня воскресенье, то, может быть, скажет, что Юлле и Те-Ве нынче снова будут гоняться. И тогда приятели займут позиции на мосту недалеко от Рюенкрюссет, вдыхая запах

раскаленного солнцем асфальта и слушая рев моторов «каваев-1000», а обе команды болельщиков будут орать и бесноваться. И наконец на пустынное воскресное шоссе с ревом вылетят мотоциклы Юлле и Те-Ве, промчатся мимо них и дальше, вниз, к туннелю и Брюну, и они с Микаэлем, если тот будет в настроении, а мать Трульса — на дежурстве в Акерской больнице, пойдут к Микаэлю домой, и фру Бельман угостит их воскресным ужином.

Однажды, когда Микаэль позвонил к ним в дверь, отец крикнул Трульсу, что пришел Иисус, чтобы забрать своего ученика.

Они никогда не ссорились. То есть Трульс никогда не давал сдачи, если Микаэль бывал в дурном настроении и говнился. Даже на той вечеринке, когда Микаэль обозвал его Бивисом, и все ржали, и Трульс инстинктивно понял, что имя приклеилось к нему навсегда. Трульс дал сдачи только один-единственный раз. Когда Микаэль назвал его отца алкашом с фабрики «Кадок». Тогда Трульс встал и пошел на Микаэля, занеся для удара кулак. Микаэль съежился, поднял над головой руку, защищаясь, смеясь, попросил его расслабиться, сказал, что просто глупо пошутил, извини, ладно. Но раскаялся и просил прощения

потом именно Трульс.

Однажды Микаэль и Трульс зашли на бензоколонку, где, как им было известно, Юлле и Те-Ве воровали бензин. Юлле и Те-Ве заправляли бензином свои «каваи» у стоек самообслуживания, а их девицы сидели на заднем сиденье, и у каждой вокруг пояса была повязана джинсовая куртка, как бы ненароком закрывающая номер мотоцикла. А потом ребята запрыгивали на свои байки и давали газа.

Микаэль сообщил владельцу бензоколонки имена и адреса и Юлле, и Те-Ве, но только одной из девушек, подружки Те-Ве. Тот оказался недоверчивым, поинтересовался, не Трульса ли он видел на записи, сделанной одной из камер слежения, во всяком случае, парень здорово злился на мальчишку, который спер канистру с бензином как раз перед тем, как кто-то поджег старые пустые рабочие бараки на пустыре в Манглеруде. Микаэль сказал, что ему не надо никакого вознаграждения за информацию, важно, чтобы виновные были привлечены к ответу. Он, мол, надеется, что владелец бензоколонки тоже понимает свою ответственность перед обществом. Взрослый мужик растерянно кивнул. Вот так вот Микаэль действовал на людей. На обратном

пути Микаэль сказал приятелю, что хочет поступать в Полицейскую академию и Бивису стоит подумать о том же, тем более у него в родне и полицейские есть.

Сразу после этого Микаэль стал гулять с Уллой, и они с Бивисом виделись уже не так часто. Но после старшей школы и Полицейской академии оба получили работу в одном и том же полицейском участке в Стовнере. Это был восточный пригород столицы со всем, что положено: враждующими бандами, домашними скандалами, а иногда и убийствами. Через год Микаэль женился на Улле и стал начальником Трульса, или Бивиса, которого все стали так называть дня примерно с третьего, и будущее Трульса казалось вполне безоблачным, а уж будущее Микаэля — вообще лучезарным. До того самого момента, пока один придурок, какой-то гражданский на временной ставке в отделе заработной платы, не обвинил Бельмана в том, что тот будто бы сломал ему челюсть после рождественской вечеринки. Доказательств у него не было, а Трульс четко знал, что Микаэль этого не делал. Но и из этой истории Микаэль тоже сумел выкрутиться, получил работенку в Европоле и переехал в штаб-квартиру в Гааге, где тоже довольно быстро стал звездой.

Когда Микаэль вернулся в Норвегию и поступил в Крипос, он почти сразу же позвонил Трульсу и спросил:

— Бивис, ты готов снова взрывать крыс?

А первое, что Микаэль сделал на новом посту, — это взял на работу Юсси.

Юсси Колкка был мастером в полудюжине единоборств с такими названиями, которые забываешь, прежде чем выговоришь до конца. Он четыре года работал в Европоле, а до этого служил в полиции Хельсинки. Из Европола Юсси Колкке пришлось уйти: он переусердствовал, расследуя серию изнасилований девочек-подростков в Южной Европе. Судя по всему, Колкка отделал одного из насильников так, что даже адвокат подследственного не смог его узнать. Но зато смог пригрозить Европолу иском. Как-то Трульс попытался вытянуть из Юсси все упоительные подробности, но тот в ответ только глянул, и все. Ну да ладно. Трульс и сам был не из болтливых. Он, кстати, заметил: чем меньше болтаешь, тем больше шансов, что тебя будут недооценивать. А это не всегда хорошо. Ну да ладно. Сегодня у них есть повод для праздника. Микаэль, он сам, Юсси и Крипос победили. А поскольку Микаэля на месте не было, командовать парадом им пред-

стояло самим.

— Заткнитесь! — заорал Трульс и показал на экран, который висел на стене над стойкой бара в «Юстиции».

И услышал свое собственное нервное хрюканье, когда коллеги подчинились его команде. За столиками и у барной стойки стало тихо. Все уставились на ведущего новостей, а тот взглянул прямо в камеру и провозгласил то, чего все ждали:

— Сегодня Крипос арестовал человека, подозреваемого во всех пяти убийствах, в том числе и убийстве Марит Ульсен.

Ликование стало всеобщим, все принялись чокаться пивными кружками, заглушая продолжение сюжета, пока низкий голос не рявкнул по-шведски с финским акцентом:

— А ну заткнулись!

Сотрудники Крипоса повиновались и увидели наконец Микаэля Бельмана, который стоял перед их собственным зданием в Брюне и говорил в мохнатый микрофон, который ему сунули прямо в лицо:

— Подозреваемый будет допрошен Крипосом, после чего отправлен в камеру предварительного заключения.

— То есть вы хотите сказать, что полиция раскрыла это дело?

— Найти виновного и осудить виновного — это разные вещи, — ответил Бельман, уголки его рта подрагивали в чуть заметной улыбке. — Но следствие, проведенное нами в Крипосе, обнаружило так много улик и совпадений, что мы сочли необходимым провести немедленное задержание, поскольку существовала опасность, что могут быть совершены новые преступления, а доказательства — уничтожены.

— Арестованный — мужчина лет тридцати. Что еще вы можете о нем сообщить?

— Был ранее судим за нанесение тяжких телесных повреждений, это все, что я могу сказать.

— В Интернете о личности задержанного ходят всевозможные слухи. Говорят, это известный предприниматель, который, в частности, помолвлен с дочерью известного судовладельца. Вы можете подтвердить эти слухи, господин Бельман?

— Я ничего не стану подтверждать или опровергать, кроме того, что у Крипоса есть все основания надеяться, что в этом деле все скоро разъяснится.

Репортер повернулся лицом к камере, чтобы

произнести пару заключительных фраз, но их заглушил шквал аплодисментов в «Юстиции».

Трульс заказал себе пива, а один из следователей влез на стул и заорал, что убойный отдел может у него отсосать, во всяком случае, самый кончик полизать, да и то если сам хорошенько попросит. Хохот сотряс стены тесного, провонявшего потом зала.

В тот же самый миг дверь открылась, и в зеркале Трульс увидел фигуру, которая заполнила собой весь дверной проем.

И ощутил странное возбуждение от этого зрелища, пронзительную уверенность: сейчас что-то произойдет, причем кое-кто при этом пострадает.

В дверях стоял Харри Холе.

Высокий, широкоплечий, с осунувшимся лицом и красными, воспаленными, глубоко запавшими глазами. Он просто стоял, однако без всякой команды заткнуться в «Юстиции» воцарилась тишина, было только слышно, как кто-то шикает на двух разговорчивых экспертов-криминалистов. А когда наконец и они умолкли, Холе произнес:

— Значит, сидите и празднуете, что вам удалось украсть результаты нашей работы?

Он проговорил это тихо, почти шепотом, но тем

не менее в зале эхом отдавался каждый слог.

— Вы празднуете, что ваш начальник готов пройти по трупам — и убитых, и тех, кого скоро вышвырнут с шестого этажа Полицейского управления, — лишь бы стать королем-солнцем гребаного Брюна. Ладно. Вот сотня.

Трульс увидел сотенную купюру в поднятой руке Холе.

— Чтобы вам не пришлось воровать. Вот — купите себе пива, прощение, искусственный член для бельманской групповухи…

Харри скомкал сотенную и бросил на пол. Уголком глаза Трульс заметил, что Юсси уже пришел в движение.

— …или наймите еще одного стукача.

Холе пошатнулся, но не упал, и Трульс только сейчас понял, что парень — хоть он и выговаривает каждое слово, как священник на проповеди, — пьян в дупель.

Тут Юсси Колкка вмазал Холе правой в челюсть, отчего тот сделал полпируэта, а потом склонился в глубоком, почти галантном поклоне, когда левый кулак финна врезался ему в солнечное сплетение. Трульс предположил, что через несколько секунд Холе сблюет. Как только у него опять появится воздух в легких. Прямо здесь.

Вероятно, Юсси сделал аналогичное предположение и решил, пусть лучше это произойдет не в зале «Юстиции». Было странно видеть, как этот нескладный, почти квадратный финн высоко и изящно, словно балерина, вскинул ногу и, коснувшись ею плеча Холе, толкнул его так точно и аккуратно, что сложившийся пополам полицейский потерял равновесие и вывалился назад из тех же дверей, через которые и вошел.

Самый пьяный и молодой зашелся от смеха, а Трульс хрюкнул. Парочка тех, кто постарше, вскрикнула, а один из них заорал, чтобы Колкка, черт побери, вел себя прилично. Но никто ничего не сделал. Трульс знал почему. И все здесь помнили эту историю. В свое время Харри выпачкал их мундир, нагадил в свое гнездо, убил одного из их лучших людей.

Юсси проследовал к барной стойке без всякого выражения, как будто просто выходил вынести мусор. Трульс, похрюкивая, ржал. Нет, никогда ему не понять этих финнов, саамов, эскимосов, или кто они там.

В глубине зала какой-то человек поднялся и направился к выходу. Трульс никогда не видел его в Крипосе раньше, но взгляд из-под темных кудрявых волос был взглядом полицейского.

— Ты скажи, ленсман, если вдруг тебе с ним помочь надо, — крикнул ему вслед сосед по столику.

Только через три минуты, когда снова включили Селин Дион и возобновились разговоры, Трульс отважился слезть с табурета, наступить каблуком на сотенную и подтянуть ее ногой к стойке бара.

В легкие Харри наконец-то вернулся воздух. И его вырвало. Один раз, потом еще. Потом он снова упал. Асфальт был так холоден, что прожигал ему бок через рубашку, и так тяжел, как будто он лежал на Харри, а не наоборот. В глазах плясали кровавые точки и черные извивающиеся змеи.

— Холе?

Харри услышал голос, но знал: если увидят, что он пришел в сознание, то могут снова ударить. Поэтому глаза не открывал.

— Холе? — Голос приблизился, и он почувствовал чью-то руку у себя на плече.

Еще Харри знал, что алкоголь снижает реакцию, меткость и способность оценивать расстояние. Но он все равно сделал то, что сделал. Открыл глаза, вывернулся и ударил в кадык. А потом снова упал.

Он промазал почти на полметра.

— Давай я тебе такси возьму, — произнес голос.

— Какого черта, — простонал Харри. — Убирайся, проклятая крыса.

— Я не из Крипоса, — сказал голос. — Меня зовут Кронгли. Я ленсман в Устаусете.

Харри повернулся и взглянул на него.

— Я просто немного выпил, — просипел Харри, стараясь дышать неглубоко, чтобы боль в животе снова не вызвала рвоту. — Ничего страшного.

— Да я и сам немного выпил, — улыбнулся Кронгли и закинул одну руку Харри себе на плечо. — И честно говоря, я понятия не имею, где здесь взять такси. Встать-то сможешь?

Харри подтянул сначала одну ногу, потом другую, пару раз моргнул и констатировал, что он, во всяком случае, опять в вертикальном положении. И практически в обнимку с ленсманом из Устаусета.

— Ты где сегодня ночуешь? — поинтересовался Кронгли.

Харри искоса взглянул на ленсмана:

— Дома. И совершенно один, если ты не против.

В ту же секунду к ним подъехала полицейская машина, боковое окно поползло вниз. Харри

услышал, как оборвался смех, а потом раздался спокойный голос:

— Харри Холе, убойный отдел?

— Я, — вздохнул Харри.

— Нам только что звонил один из следователей Крипоса, он распорядился, чтобы мы приехали сюда и доставили вас домой — в целости и сохранности.

— Значит, открывайте дверь!

Харри уселся на заднее сиденье, положил голову на подголовник, закрыл глаза, почувствовал, как все вдруг завертелось, но все равно это было лучше, чем смотреть в глаза тем двоим, что пялились на него с передних сидений. Кронгли попросил их перезвонить на его телефон, когда «Харри» будет дома. С какой стати этот тип вообразил себя его приятелем? Харри услышал, как боковое окно поднимается, и приветливый голос с переднего сиденья поинтересовался:

— Где живете, Холе?

— Езжайте прямо, — сказал Холе. — Надо кое-кого навестить.

Почувствовав, что автомобиль тронулся, Харри открыл глаза и увидел Аслака Кронгли, оставшегося стоять на тротуаре.

Глава 43
Визит

Кайя лежала на боку и смотрела в темноту спальни. Она услышала, как скрипнула калитка, а потом гравий захрустел под чьими-то подошвами. Она затаила дыхание и стала ждать. Потом в дверь позвонили. Она выскользнула из кровати, надела халат и подошла к окну. Снова позвонили. Она приоткрыла занавеску. И вздохнула.

— Пьяный полицейский, — громко сказала она.

Сунула ноги в тапки и поплелась в коридор, к двери. Открыла ее и встала в проеме, скрестив руки на груди.

— Привет, пупсик, — прогнусавил полицейский. Как будто пародия, какой-нибудь смешной скетч про пьяниц. А может, несмешной оригинал.

— Что привело тебя сюда так поздно? — поинтересовалась Кайя.

— Ты. Ты меня впустишь?

— Нет.

— Но ты сказала, что я могу связаться с тобой,

если мне будет слишком одиноко. И мне *стало* слишком одиноко.

— Аслак Кронгли, — сказала она. — Я уже легла. Езжай в гостиницу. Завтра в первой половине дня можем выпить где-нибудь кофе.

— Мне кажется, кофе нужен мне сейчас. Десять минут, а потом я позвоню и вызову такси, ладно? А пока можем поговорить об убийствах и серийных убийцах. Что ты на это скажешь?

— Прости, — сказала она. — Но я не одна.

Кронгли вдруг резко выпрямился, и Кайе показалось, что он вовсе не так пьян.

— А-а-а… Значит, он здесь, тот полицейский, в которого ты по уши влюблена?

— Возможно.

— Э-это его? — медленно спросил ленсман и пнул большие ботинки возле дверного коврика.

Кайя не ответила. В голосе Кронгли, нет, в его интонации было что-то, чего она никогда не слышала раньше. Как какое-то низкочастотное, едва слышное рычание.

— Или ты выставила эти башмаки на всякий случай, чтобы попугать? — Во взгляде его был и смех, и слезы. — У тебя никого нет, правда, Кайя?

— Послушай, Аслак…

— Тот полицейский, о котором ты говорила,

Харри Холе, сегодня вечером облажался. Появился в «Юстиции» пьяный в стельку, прямо напрашивался на то, чтобы ему дали в рыло, ну и получил свое. Потом приехала патрульная машина, чтобы увезти его домой. Так что ты сегодня вечером все равно свободна, или как?

Сердце ее забилось чаще, и она уже больше не мерзла в своем халате.

— А что, если его сюда привезли? — спросила она и услышала, что и голос у нее стал другим.

— Нет. Они мне потом перезвонили и сказали, что повезли его черт-те куда, он собрался кого-то навестить. Когда выяснилось, что это Государственная больница, то ребята попытались отговорить его от посещения, а он просто взял и выпрыгнул из машины, когда они остановились на красный. Я люблю крепкий кофе, хорошо?

В глазах его появился лихорадочный блеск, как у Эвена, когда он болел.

— Аслак, уходи. На Киркевейен можно взять такси.

Он выбросил вперед руку и, прежде чем Кайя успела прореагировать, схватил ее за плечо и втолкнул в коридор. Она попыталась освободиться, но он обхватил ее и крепко держал.

— Ты что, хочешь быть как она? — просипел

его голос прямо у нее над ухом. — Попытаешься ускользнуть, сбежать? Будешь такой же, как все вы, чертовы…

Она застонала и стала вырываться, но ленсман был силен.

— Кайя!

Голос раздался из спальни, дверь в которую была открыта. Решительный, командный мужской голос, который Кронгли при других обстоятельствах, возможно, и узнал бы. В том числе и потому, что слышал его в «Юстиции» всего лишь час тому назад.

— Что там происходит, Кайя?

Кронгли уже отпустил руки и уставился на нее, вытаращив глаза и открыв рот.

— Ничего, — сказала Кайя, не выпуская Кронгли из поля зрения. — Это просто пьяная деревенщина из Устаусета, он уже идет домой.

Кронгли молча попятился к входной двери, открыл ее. Выскользнул и захлопнул дверь за собой. Кайя подошла к двери, заперла ее и приложила лоб к холодной деревяшке. Хотелось заплакать. Не от страха и не от шока. А от отчаяния. Что все вокруг нее рушится. И все то, что она считала чистым и правильным, вдруг предстало в подлинном свете. И ведь оно таким и было с самого

начала, просто она сама не хотела этого видеть. Прав Эвен: не верь тому, что кажется, кругом если не откровенное предательство, то ложь и обман. И в тот день, когда мы обнаружим, что и сами такие же, — в тот день нам не захочется больше жить.

— Ты идешь, Кайя?

— Да.

Кайя оторвалась наконец от двери, в которую ей так хотелось выбежать. Вошла в спальню. В просвет между шторами лился лунный свет, падал на кровать, на бутылку шампанского, которую он принес с собой, на обнаженный мускулистый торс, на лицо, которое ей когда-то казалось самым красивым на земле. Белые пятна мерцали, как флуоресцентная краска. Как будто изнутри он был раскален добела.

Глава 44
Якорь

Кайя стояла в дверях спальни и смотрела на него. Для всех остальных — толковый, амбициозный комиссар полиции, счастливо женатый отец троих детей, а вскоре — будущий руководитель нового, гигантского Крипоса, который будет заниматься расследованием всех убийств в Норвегии. Для нее, Кайи Сульнес, — мужчина, в которого она влюбилась, как только увидела его, который соблазнил ее по всем правилам искусства плюс еще пара нестандартных приемов. Он с ней справился легко, но это была не его вина, а ее. В основном. Как там сказал Харри? «Он женат и говорит, что ради тебя уйдет от жены и детей, но никогда этого не сделает?»

В точку. Разумеется. Вот так все банально. Мы верим, потому что хотим верить. В богов, потому что это заглушает страх смерти. В любовь, потому что это скрашивает наши представления о жизни. В слова женатых мужчин, потому что их говорят женатые мужчины.

Она знала, что скажет Микаэль. И он это ска-

зал:

— Мне пора домой. Иначе она удивится.

— Знаю, — вздохнула Кайя.

И как обычно, не стала задавать вопрос, который всегда у нее возникал, когда он так говорил: «Ну и что же, что удивится? Почему не сделать так, как ты уже давно обещаешь?» И другой вопрос, появившийся у нее с недавних пор: «Почему я уже не так уверена, что хочу, чтобы ты это сделал?»

Харри ухватился за перила лестницы, ведущей в гематологическое отделение Государственной больницы. Он взмок от пота, промерз насквозь, зубы клацали, как двухтактный мотор. И он был пьян. Опять. Его мутило от «Джима Бима», от этих сволочей, от самого себя, от всей дряни. Он поплелся по коридору, в конце которого уже различил дверь в палату отца.

Из сестринской высунулась медсестра, посмотрела на него и снова скрылась за дверью. Харри оставалось метров пятьдесят до двери в палату, когда сестра и какой-то совершенно лысый санитар двинулись по коридору наперерез ему.

— Мы здесь в отделении лекарства не храним, — сказал лысый.

— То, что вы говорите, не только наглая ложь, —

сказал Харри, пытаясь удержать равновесие и не слишком клацать зубами. — Но еще и грубое оскорбление. Я не наркоман, а родственник, я пришел сюда навестить отца. Так что, пожалуйста, посторонитесь.

— Простите, — сказала медсестра, которую немного успокоила четкая дикция Харри. — Но от вас разит, как от целой пивоварни, и мы не можем разрешить…

— На пивоварне варят пиво, — сказал Харри. — А «Джим Бим» — это бурбон. Что означает, барышня, что от меня разит, как от самогонного аппарата. Это…

— И тем не менее… — Санитар ухватил посетителя за локоть. И застонал, скривившись от боли, когда Харри заломил ему руку за спину. Потом отпустил и просто стоял и смотрел на него.

— Звони в полицию, Герда, — тихо произнес санитар, не выпуская Харри из поля зрения.

— Если не возражаете, позвольте мне этим заняться, — прошепелявил кто-то у них за спиной.

Сигурд Алтман. Он появился с папкой под мышкой и приветливой улыбкой на устах:

— Показать вам кабинет, где мы храним наркотики, Харри?

Харри качнулся вперед и назад. Два раза. Сфо-

кусировал взгляд на маленьком, тщедушном мужчине в круглых очках. Потом кивнул.

— Сюда, — сказал Алтман и пошел по коридору.

По правде говоря, кабинет Алтмана оказался чуланом. Без окон, без признаков вентиляции, только стол и компьютер. Имелась еще раскладушка, на ней Алтман, по его словам, может подремать во время ночного дежурства, в случае надобности его будят. А еще там стоял шкаф, хранящий в себе, как предположил Харри, возможности химического закабаления и расслабления.

— Алтман. — Харри, сидевший на краешке раскладушки, громко причмокнул, как будто у него на губах был клей. — Необычная фамилия. Знаю только одного, которого так звали.

— Роберт, — сказал Сигурд Алтман, сидевший на единственном стуле. — Я вырос в глуши, в маленькой деревушке, и мне там не нравилось. И как только я оттуда уехал, то решил сменить и фамилию — она была слишком обыкновенная и заканчивалась на «сен». Мотивировал я это тем, что Роберт Олтман[98] — мой любимый ре-

[98] Примечания: 98

Роберт Олтман (1925–2006) — американский режиссер и кинопродюсер. (По-норвежски фамилия звучит как «Алтман». — *Примеч. ред.*)

жиссер, что, кстати, правда. Наверное, тот, кто рассматривал ходатайство, был в тот день пьян в стельку, потому что все получилось. Время от времени надо перерождаться. Никому из нас это не повредит.

— «The Player», — сказал Харри.

— «Gosford Park», — сказал Алтман.

— «Short Cuts»[99].

— О, шедевр.

— Неплохой, но перехваленный. Слишком много тем. Все эти прибамбасы усложняют действие, а в этом нет нужды.

— Жизнь сложна. Люди сложны. Посмотрите его еще раз, Харри.

— Ммм…

— Как дела? Есть ли успехи в деле Марит Ульсен?

— Успехи налицо, — сказал Харри. — Тип, который это сделал, сегодня задержан.

— Боже. Ну тогда понятно, что вы праздновали. — Алтман опустил подбородок на грудь и взглянул поверх очков. — Стало быть, я смогу рассказать моим возможным внукам, что именно мои объяснения про кетаномин позволили

---

[99] Примечания: 99

«Игрок», «Госфорд-парк», «Короткие истории» *(англ.)* — фильмы Роберта Олтмана.

раскрыть дело?

— Сможете, если захотите, только на самом деле его разоблачил собственный телефонный звонок. Он позвонил на телефон одной из жертв.

— Бедняга.

— Кто бедняга?

— Все бедняги, вот мое мнение. А почему такая спешка? Почему вы хотите увидеть своего отца прямо сейчас, среди ночи?

Харри приложил руку ко рту и беззвучно рыгнул.

— Это причина, — сказал Алтман. — Независимо от того, насколько вы пьяны, причина есть всегда. С одной стороны, я, разумеется, не имею никакого отношения к этой причине, так что мне, возможно, следовало бы…

— Вас когда-нибудь просили помочь умереть?

Алтман пожал плечами:

— Да, несколько раз. Я ведь медбрат-анестезиолог, ко мне естественно за этим обратиться. Почему вы спрашиваете?

— Мой отец попросил меня.

Алтман медленно кивнул:

— Слишком тяжелое бремя, чтобы возлагать на чужие плечи. Так вот зачем вы явились сейчас? Чтобы с этим покончить?

Взгляд Харри еще с первой минуты стал прочесывать помещение на предмет чего-нибудь спиртосодержащего и сейчас пошел по второму кругу.

— Я явился, чтобы попросить прощения. Что не могу для него это сделать.

— За это вам не нужно просить прощения. Лишить жизни — это не то, чего человек может требовать от других, тем более от собственного сына.

Харри уронил голову на руки. Тяжелую и твердую, как шар в боулинге.

— Однажды я сделал это, — сказал он.

Вместо того чтобы ужаснуться, Алтман, казалось, заинтересовался.

— Помогли умереть?

— Нет, — ответил Харри. — Отказался помочь. Моему худшему врагу. У него неизлечимая, смертельная болезнь, которая сопровождается мучительными болями. Его медленно душит собственная съеживающаяся кожа.

— Склеродермия, — сказал Алтман.

— Когда я арестовывал его, он нарывался на выстрел. Мы были с ним вдвоем на вышке трамплина, только он и я. Он убил бессчетное число людей, он причинил вред мне и тем, кого я люб-

лю. Изувечил. Я наставил на него револьвер. Только двое — он и я. Самооборона. Я ничем не рисковал, если бы пристрелил его.

— Но вам больше хотелось, чтобы он страдал, — сказал Алтман. — Смерть была бы слишком легким выходом.

— Да.

— И сейчас вы чувствуете, что поступаете точно так же с собственным отцом, вы оставляете его страдать и не позволяете умереть.

Харри потер затылок:

— Это не потому, что я придерживаюсь принципа, будто жизнь священна, и тому подобной чуши. Чистой воды слабохарактерность. Трусость это. Черт, неужели у вас здесь ничего нет выпить, Алтман?

Сигурд Алтман покачал головой. Харри не понял, был ли это ответ на его вопрос или на сказанное прежде. Может, и на то и на другое.

— Невозможно просто взять и отбросить собственные чувства, Харри. Не пытайтесь обойти тот факт, что вами, как и всеми остальными, управляют представления о добре и зле. С точки зрения логики, возможно, этим представлениям не хватает доказательной базы, но все равно они глубоко-глубоко закрепились в нас, точно якорь

на дне. Добро и зло. Возможно, вам что-то такое сказали в детстве родители, или бабушка прочитала сказку с моралью, или в школе произошла какая-то несправедливость и заставила вас основательно задуматься. Или все эти полузабытые вещи, вместе взятые. — Алтман наклонился вперед. — Якорь — на самом деле довольно удачный образ. Вы, возможно, не видите его в глубине, но все равно не можете сдвинуться с места, только ходите по кругу, ведь он — это вы сами. Попытайтесь это принять, Харри.

Харри смотрел на свои сложенные руки.

— У него такие боли…

— Физическая боль не самое страшное из того, что приходится испытывать человеку, — произнес Алтман. — Поверьте мне, я вижу это ежедневно. И смерть не самое страшное. И даже не страх смерти.

— А что же тогда?

— Унижение. Лишение чести и достоинства. Когда ты голый, когда отвержен всеми. Это самое ужасное наказание, все равно что похоронить человека заживо. И единственное утешение — что сгниешь сравнительно быстро.

— Ммм… — Харри долго смотрел на Алтмана. — Может, у вас в шкафу все-таки есть что-нибудь,

чтобы разрядить обстановочку?

Глава 45
Допрос

Этой ночью Микаэлю Бельману снова приснилось свободное падение. Одиночное восхождение в Эль-Чорро[100], недосягаемая вершина, склон, обрушивающийся на глазах, и стремительно приближающаяся земля. И в последний миг — звон будильника.

Микаэль вытер яичный желток в уголке рта, поднял глаза на Уллу, стоящую за спиной, и она тут же налила ему кофе. Она научилась определять, когда он покончит с едой, чтобы налить ему кофе, потому что это следовало делать именно тогда и ни секундой раньше. Кофе должен быть горячий и в синей чашке. И это была только одна из причин, по которым он ценил Уллу. Другая причина заключалась в том, что жена была в прекрасной форме, по-прежнему притягивая к себе взоры на различных светских мероприятиях, куда их теперь приглашали все чаще и чаще. Как-никак Улла считалась настоящей ко-

---

[100] Примечания: 100

Эль-Чорро — популярный у скалолазов район недалеко от Малаги в Испании.

ролевой красоты Манглеруда, когда они стали встречаться, — ему было тогда восемнадцать, а ей девятнадцать. Третья причина состояла в том, что Улла, особо не акцентируя собственной самоотверженности, отказалась от мечты о высшем образовании ради того, чтобы он мог всецело сосредоточиться на своей работе. Но три самые веские причины сидели тут же за столом и спорили, кому достанется пластмассовая игрушка из коробки с корнфлексом и кто будет сидеть сегодня впереди в машине, когда мама повезет их в школу. Две дочки, один сын. Три превосходные причины ценить женщину и то, что их гены так прекрасно дополнили друг друга.

— Ты сегодня вечером тоже поздно? — спросила она и украдкой погладила его по волосам.

Он знал, что ей нравятся его волосы.

— Допрос может затянуться, — сказал он. — Сегодня начинаем работать с подозреваемым.

В газетах в течение дня появится то, что они уже знали: арестованный — Тони Лейке, но Бельман принципиально соблюдал профессиональную тайну даже дома. И это, кстати, оправдывало себя, позволяя регулярно объяснять поздний приход: «Дорогая, об этом я не имею права говорить».

— А почему вы не допросили его вчера? — поин-

тересовалась Улла, укладывая детям бутерброды в коробки для завтраков.

— Нам нужно было собрать больше фактов. И закончить обыск в его доме.

— Что-нибудь нашли?

— Я не могу рассказывать подробности, дорогая, — сказал он и устремил на жену сокрушенный взгляд: профессиональная тайна!

Поскольку Улла на самом деле коснулась довольно деликатной сферы. Ни Бьёрн Хольм, ни другие эксперты-криминалисты не нашли во время обыска ничего, что можно было бы непосредственно привязать хоть к какому-то из убийств. Но пока, к счастью, это не так важно.

— Ничего, посидит в КПЗ ночку, может, станет разговорчивее, — сказал Бельман. — Будет более восприимчивым, когда мы начнем. Ведь начало допроса всегда важнее всего.

— Правда? — спросила Улла, и он по голосу понял, что интерес напускной.

— Я должен бежать. — Он встал и чмокнул ее в щеку.

Он действительно ценил Уллу, правда. Самая мысль о том, чтобы отказаться от нее и детей, от того, что служило ему опорой и системой жизнеобеспечения и позволило сделать ставку на

карьеру, перейти в другое сословие, — это, разумеется, абсурд. Последовать сердечному порыву, бросить все ради влюбленности, или что оно там на самом деле, — утопия, о которой можно разве что мечтать, про себя или вместе с Кайей. Впрочем, мечты у Микаэля Бельмана были более масштабные.

В коридоре он глянул на себя в зеркало: не застряли ли в передних зубах остатки пищи, аккуратно ли завязан шелковый галстук. Наверняка у входа в Полицейское управление уже собралась пресса.

Сколько времени он еще сможет быть с Кайей? Вчера, ему показалось, он заметил в ней какое-то сомнение. И любовью она занималась без прежнего энтузиазма. Но Бельман знал, что, пока он идет к вершине, как сейчас, Кайя останется у него под контролем. И не потому, что она так уж честолюбива и понимает, что он как начальник сможет помочь ее карьере. Тут дело не в логике, тут чистая биология. Женщина, даже сколь угодно современная и эмансипированная, в том, что касается подчинения вожаку стаи, по-прежнему обезьянья самка. Если Кайя сейчас и колеблется, то лишь потому, что поняла: он никогда не оставит свою жену ради нее. Возможно, пора

немножко ее поощрить. Нужно ведь, чтобы она продолжала снабжать его информацией из убойного отдела, пока все нити не будут распутаны до конца, пока эта битва не будет закончена. А война — выиграна.

Он подошел к окну, застегивая пуговицы плаща. Этот дом достался ему от родителей, он расположен в Манглеруде — не самом престижном районе города, на взгляд обитателей западной части Осло. Но те, кто здесь вырос, как правило, здесь же и оставались, потому что это район со своей особой душой. И это его район. И отсюда виден весь город. Который тоже скоро станет его городом.

— Идут, — сказал дежурный.

Он стоял в дверях одной из новых допросных, которые Крипос оборудовал видеокамерами.

— О'кей, — отреагировал Бельман.

Некоторым следователям нравилось сначала запустить в помещение подозреваемого, заставить его подождать, чтобы понял, кто тут главный. А потом эффектно войти и сразу на него накинуться, пусть оправдывается, пусть почувствует свою уязвимость. Бельман предпочитал, чтобы подозреваемого приводили, когда сам он уже сидел в кабинете. Пусть видит, чья

тут территория. Можно ведь и там заставить подозреваемого подождать, можно листать и читать бумаги, чувствуя, как тот начинает нервничать все больше и больше, и наконец — когда приходило время — поднять глаза и обрушиться на жертву. Все это — тонкости техники ведения допроса. Которые он, конечно же, готов обсудить с другими компетентными следователями. Бельман еще раз проверил, горит ли красный огонек, означающий, что аппаратура для записи включена. Возня с техникой в присутствии подозреваемого может свести на нет все тщательно подготовленное собственное психологическое превосходство.

В окно Бельман видел, как Бивис и Колкка вошли в соседний кабинет. Между ними шел Тони Лейке, которого они сопровождали из КПЗ в Полицейском управлении.

Бельман вздохнул. Ну да, пульс у него участился. Смесь охотничьего азарта и тревоги. Тони Лейке отклонил предложение пригласить адвоката. Изначально это было, конечно, только на руку Крипосу, давало большую свободу действий. Но вместе с тем это сигнал: Лейке уверен, ему нечего опасаться. Бедняга не знает, что у Бельмана есть доказательства: Лейке звонил Элиасу

Скугу незадолго до того, как тот был убит. Хотя сам Лейке утверждает, будто даже имени такого никогда не слышал.

Бельман уткнулся взглядом в бумаги и услышал, как Лейке вошел в кабинет. И как Бивис закрыл за ним дверь, в соответствии с полученной от шефа инструкцией.

— Садитесь, — предложил Бельман, не глядя на вошедшего.

И услышал, что Лейке это предложение принял.

По-прежнему глядя в какую-то необязательную бумагу, Бельман водил указательным пальцем под нижней губой — взад-вперед, медленно считая про себя. Один, два, три. В свое время его вместе с коллегами посылали на курсы по новой методике допроса, которую их обязали внедрить, под названием «investigative interviewing». Смысл ее, по мнению этих далеких от жизни университетских умников, заключался в открытости, диалоге и доверии. Четыре, пять, шесть. Бельман спорить тогда не стал, методика как-никак была утверждена на самом верху, но странно все-таки эти университетские представляли себе публику, которую приходилось допрашивать Крипосу. Эдакие несчастные, но готовые к сотрудничеству

горемыки, которые выложат все, что нужно, дай им только поплакать в жилетку. Дескать, прежняя методика, традиционная американская девятишаговая система допроса, принятая в ФБР, антигуманна и манипулятивна, она вынуждает невиновных признаваться в вещах, которых они не совершали, и вообще контрпродуктивна. Семь, восемь, девять. О'кей, одно дело, если перед тобой правда сидит впечатлительный птенчик, но вести душеспасительные беседы с законченными негодяями? Они же на смех тебя подымут с твоей «открытостью, диалогом и доверием»!

Десять.

Микаэль Бельман сложил ладони домиком и поднял глаза:

— Мы знаем, Лейке, что вы звонили Элиасу Скугу отсюда, из Осло, и что потом, двумя днями позже, были в Ставангере. И что вы его убили. Это факты, которыми мы располагаем. Но мне интересно, *почему* вы это сделали. Или же у вас не было никакого мотива, Лейке?

Это был шаг номер один в девятишаговой системе ведения допроса, разработанной агентами ФБР Инбау, Рейдом и Бакли: конфронтация, попытка шокировать собеседника, сразу послать его в нокаут, утверждая, что все уже известно и

запираться нет никакого смысла. Остается только одно: признаться. В данном случае Бельман комбинировал шаг номер один с другим приемом: связать подтвержденный факт с одним или несколькими неподтвержденными. Сейчас он соединил бесспорную дату телефонного звонка с тем, что Лейке ездил в Ставангер и что он убийца. Услышав первое утверждение, Лейке решит, что у них есть доказательства и всего остального. И что эти доказательства настолько неопровержимы, что осталось только получить ответ: почему?

Бельман увидел, как Лейке сглотнул, как пытается улыбнуться, обнажая белые крупные зубы, увидел замешательство в его глазах и понял, что уже победил.

— Никакому Элиасу Скугу я не звонил, — сказал Лейке.

Бельман вздохнул:

— Вы хотите, чтобы я показал вам распечатку из центра учета звонков «Теленора»?

Лейке пожал плечами:

— Я не звонил. Какое-то время тому назад я потерял мобильный телефон. Может быть, кто-то звонил этому Скугу с него?

— Не надо умничать, Лейке. Мы говорим о вашем стационарном, домашнем телефоне.

— Еще раз вам говорю: я ему не звонил.

— Слышу. Если верить адресному реестру, вы живете один?

— Да. То есть…

— Иногда у вас ночует ваша невеста. И иногда вы встаете раньше ее и уезжаете на работу, а она остается в квартире.

— Бывает. Но чаще я сам у нее бываю.

— Да ладно, неужели у дочки судовладельца Галтунга гнездышко получше, чем у вас, Лейке?

— Возможно. Во всяком случае, уютнее.

Бельман скрестил руки на груди и улыбнулся:

— Тем не менее если это не вы звонили Скугу из своего дома, то, значит, это была она. Я даю вам пять секунд, чтобы вы начали говорить правду, Лейке. Через пять секунд патрульная машина с включенной сиреной отправится к ее гнездышку и привезет ее сюда в наручниках. Мы дадим вашей невесте возможность позвонить отцу и сообщить, что вы обвиняете ее в том, что она звонила Скугу. Андерс Галтунг наймет для своей дочери свору самых кусачих норвежских адвокатов, а вы получите настоящего противника. Четыре, три.

Лейке снова пожал плечами:

— Если вы полагаете, что можете дать приказ

арестовать молодую девушку с безупречным прошлым, на здоровье. Только, думаю, в таком случае настоящего противника получу не я.

Бельман разглядывал собеседника. Неужели он все-таки недооценил этого Лейке? Сейчас уже не поймешь, что он думает. Тем не менее с шагом номер один покончено. Признания не получилось. Ладно, остается еще восемь. Шаг номер два предписывает выказать подозреваемому симпатию, некоторое понимание его мотивации. Что, в свою очередь, предполагает знание мотивов. Однако мотив, по которому были лишены жизни все, кто в одно и то же время ночевал в одной и той же хижине, оставался совершенно непонятным, если не считать того понятного факта, что мотивы, движущие большинством серийных убийц, запрятаны в таких уголках души, куда мало кто из нас заглядывает. Поэтому, готовясь к допросу, Бельман решил не особо задерживаться на шаге понимания и симпатии, а сразу перейти к третьему, мотивирующему шагу: дать подозреваемому основания сознаться.

— Дело в том, Лейке, что я вам не враг. Я всего лишь человек, который хочет понять, почему вы делаете то, что вы делаете. Что вами руководит? Совершенно очевидно, что вы человек способ-

ный и неглупый, судя по тому, чего вы добились в бизнесе. Меня это поражает, меня восхищают люди, которые ставят цели и добиваются их, что бы там о них ни думали другие. Люди, выделяющиеся из серой массы. Смею сказать, что я и сам из таких. Возможно, я понимаю вас лучше, чем вы думаете, Тони.

Бельман заранее попросил одного из следователей позвонить биржевому коллеге Лейке и узнать, как Лейке произносит свое имя: Тоуни, Тони или Тонни. Ответ был «Тони». Бельман соединил правильно произнесенное имя с тем, что поймал и попытался удержать взгляд подозреваемого.

— А сейчас я расскажу вам то, что мне на самом деле не следовало вам говорить, Тони. Видите ли, у нас по некоторым нашим сугубо внутренним причинам крайне мало времени на все это дело, и поэтому нам ужасно нужно признание. В обычной ситуации мы бы не стали предлагать сделку в обмен на признание подозреваемому, против которого у нас столько доказательств, но это ускорит рассмотрение дела. И в обмен на признание — которое, по правде говоря, не так уж и необходимо для того, чтобы вас осудили, — я хочу предложить вам основательно скостить срок. К

сожалению, я ограничен рамками закона и не могу конкретизировать мое предложение, но — строго между нами — это будет зна-чи-тель-но-е смягчение наказания. Ну как, Тони? Я обещаю. И теперь это записано на пленку. — Он показал на красный огонек на столе между ними.

Лейке долго и задумчиво смотрел на Бельмана. Потом раскрыл рот:

— Те двое, которые меня сюда доставили, сказали, что вас зовут Бельман.

— Можете называть меня Микаэль, Тони.

— Еще они сказали, что вы очень неглупый человек. Жесткий, но на вас можно положиться.

— Я думаю, у вас будет возможность в этом убедиться.

— Вы сказали «значительное», не так ли?

— Даю вам слово. — Бельман почувствовал, как учащенно забилось сердце.

— Ладно, — сказал Лейке.

— Отлично. — Микаэль Бельман коснулся нижней губы большим и указательным пальцами. — Начнем сначала?

— Давайте. — Лейке вынул из заднего кармана бумажку, которую Трульс и Юсси, по всей видимости, разрешили ему оставить. — У меня есть даты и часы, мне дал их Харри Холе, поэтому много

времени это не займет. Итак, Боргни Стем-Мюре умерла между двадцатью двумя и двадцатью тремя часами шестнадцатого декабря в Осло.

— Верно. — Бельман ощутил, как его охватывает ликование.

— Я проверил по календарю. В это время я находился в Шиене, в Пер-Гюнтовском зале Дома Ибсена, где рассказывал о моем колтановом проекте. Это может подтвердить администратор, у которого я арендовал этот зал, а также двадцать собравшихся там потенциальных инвесторов. Я исхожу из того, что вы знаете, что ехать туда примерно два часа. Следующая была Шарлотта Лолле, между… сейчас посмотрим… тут стоит от двадцати трех до полуночи третьего января. В это время я ужинал с несколькими более мелкими инвесторами в Хамаре. Два часа езды на машине от Осло. Кстати, туда я ехал поездом, даже попытался найти билет, но, к сожалению, безуспешно.

Он улыбнулся извиняющейся улыбкой переставшему дышать Бельману. И, не пряча рафинадных зубов, закончил так:

— Однако я надеюсь, что хотя бы *кто-то* из двенадцати свидетелей, с которыми я был на том ужине, может считаться надежным.

— А потом он сказал, что его, пожалуй, смогут обвинить в убийстве Марит Ульсен, потому что хотя он и был в тот вечер дома со своей невестой, но выходил оттуда один, на два часа, — бегал на лыжах по освещенной лыжне в Сёркедалене.

Микаэль Бельман покачал головой и еще глубже засунул руки в карманы плаща, разглядывая «Больную девочку»[101].

— Тогда же, когда умерла Марит Ульсен? — спросила Кайя, склонила голову чуть набок и посмотрела на рот бледной и, вероятно, умирающей девочки. Она обычно сосредоточивалась на какой-то одной детали, когда они с Микаэлем встречались в музее Мунка. Иногда это были глаза, иногда — пейзаж на заднем плане, солнце или просто-напросто подпись художника.

— Он сказал, что ни он, ни эта девица Галтунг…

— Лене, — подсказала Кайя.

— …точно не помнят, когда он вышел из дому, но похоже, довольно поздно, он обычно бегает поздно вечером, чтобы на лыжне было поменьше народу.

— Так что Тони Лейке вполне мог вместо этого

---

[101] Примечания: 101

«Больная девочка», «Танец жизни» — полотна норвежского художника Эдварда Мунка.

быть во Фрогнер-парке. В Сёркедален он должен был ехать по платному участку дороги туда и обратно. Если у него есть электронная абонементная карточка на лобовом стекле, то время регистрируется автоматически. И тогда можно… — Кайя повернулась и вдруг осеклась, встретив его холодный взгляд. — Но вы это, конечно, уже проверили?

— В этом не было нужды, — сказал Микаэль. — У него нет абонемента, он останавливается и всякий раз платит наличными. А тогда машина не регистрируется.

Кайя кивнула. Они побрели дальше, к следующей картине, и встали за спинами каких-то японцев, которые указывали на полотно, кудахтали и жестикулировали. Преимущество встреч в музее Мунка в будни — кроме того, что он находится как раз между Брюном и Полицейским управлением в Грёнланне, — заключалось в том, что сюда ходят одни туристы, и тут ты уж совершенно точно не встретишь коллег, соседей или знакомых.

— А что Лейке сказал насчет Элиаса Скуга и Ставангера? — спросила Кайя.

Микаэль снова покачал головой:

— Признал, что в этом его также можно подо-

зревать. Поскольку в ту ночь он спал один дома, то есть никакого алиби у него нет. Тогда я спросил его, пошел ли он на работу на следующий день, и он ответил, что не помнит, но предполагает, что пришел туда, как обычно, в семь часов. И что я могу поговорить с человеком в бюро пропусков их офисного центра, если я считаю, что это важно. Я поговорил и выяснил, что Лейке заказал один из залов заседаний на четверть десятого. Я переговорил в офисе с несколькими инвесторами, и оказалось, что двое из них были на заседании вместе с Лейке. Так что если он ушел из квартиры Элиаса Скуга в три часа ночи, то ему, чтобы успеть наутро в офис, пришлось бы воспользоваться самолетом. Однако имени Лейке нет ни в одном пассажирском списке.

— Это еще ни о чем не говорит, он мог лететь под чужим именем и по поддельным документам. И кроме того, у нас по-прежнему есть его телефонный звонок Скугу. Как он это объяснил?

— Он даже не пытался, просто отрицал, — фыркнул Бельман. — И что хорошего, интересно, находят в «Танце жизни»? Тут даже лица не прописаны. Если хочешь знать мое мнение, они выглядят как зомби.

Кайя внимательно посмотрела на танцующих

на картине.

— Может, они такие и есть, — сказала она.

— Зомби? — Бельман хохотнул. — Ты правда так считаешь?

— Люди водят хоровод, танцуют, но изнутри ощущают себя мертвыми, погребенными, разлагающимися. Точно.

— Интересная теория, Сульнес.

Она терпеть не могла, когда ее называли по фамилии, а он обычно обращался к ней так, когда злился или считал уместным напомнить о своем интеллектуальном превосходстве. И она позволяла это ему, потому что у него, видимо, бывала такая потребность. А иной раз он и правда, наверное, оказывался умнее. Ведь она и влюбилась-то, кажется, в первую очередь в его несомненный интеллект. Впрочем, сейчас это уже плохо помнилось.

— Мне надо возвращаться на работу, — сказала она.

— И что ты там будешь делать? — спросил Микаэль и взглянул на смотрителя, который стоял и зевал за барьером в глубине зала. — Считать скрепки и ждать, пока ваш отдел закроют? Ты хоть понимаешь, какую проблему ты мне устроила с этим Лейке?

– *Я* устроила? — изумленно воскликнула она.

— Поменьше эмоций, дорогая. Именно ты позвонила мне и сообщила, что Харри нарыл на Лейке. И что собирается его задержать. Я тебе поверил. Я поверил тебе настолько, что арестовал Лейке по твоей наводке и потом фактически рассказал прессе, что дело раскрыто. И сейчас мы огребем по полной. У парня железное алиби по меньшей мере по двум убийствам. Дорогая, нам придется его выпустить в течение суток. Будущий тесть Галтунг небось сидит и думает, а не подать ли уже иск и кого из этих чертовых адвокатов задействовать, а министру юстиции очень захочется узнать, как могла выйти такая промашка? И голова, которая в данный момент лежит на плахе, не твоя, не Холе и не Хагена, — это моя голова там лежит, Сульнес. Понимаешь? Только моя. И с этим надо что-то делать. Причем тебе!

— И что я должна сделать?

— Пустяк, а дальше мы уже сами. Я хочу, чтобы ты сегодня пошла с Харри погулять. Вечерком.

— Погулять? Я?

— Ты ж ему нравишься.

— С чего ты взял?

— Я что, не рассказывал тебе, что видел, как вы сидели и курили на веранде?

Кайя побледнела:

— Ты пришел поздно, но ты не сказал, что нас видел.

— Вы были настолько поглощены друг другом, что и не заметили, как я подъехал, так что я припарковался и стал на вас смотреть. Ты ему нравишься, дорогая. И сейчас я хочу, чтобы ты его куда-нибудь с собой увела, ненадолго, на пару часов.

— Почему?

Микаэль Бельман улыбнулся.

— Он слишком много дома сидит. Или лежит. Хагену не следовало давать ему отдыхать, таким людям, как Холе, это противопоказано. И мы же не хотим, чтобы он там спился в Уппсале, не так ли? Своди его куда-нибудь поужинать. В кино. Пивка попить. Только позаботься о том, чтобы его не было дома между восемью и десятью. И будь осторожна. Я не знаю, он такой проницательный или просто параноик, но он очень пристально смотрел на мою машину в тот вечер, когда от тебя уходил. Договорились?

Кайя не ответила. Микаэль улыбался той улыбкой, о которой она могла только мечтать во время долгой разлуки, когда работа или семейные обязательства мешали их встречам. Так почему эта

улыбка действует на нее сейчас как рвотное?

— Ты… не собираешься ли ты…

— Я собираюсь сделать то, что должен, — сказал Микаэль и глянул на свои часы.

— А должен ты…

Он пожал плечами:

— А ты как думала? Поменять головы на плахе, ясное дело.

— Не проси меня об этом, Микаэль.

— А я тебя и не прошу, дорогая. Я тебе приказываю.

Голос ее был едва слышен:

— А если… если я скажу «нет»?

— Тогда я уничтожу не только Холе, но и тебя тоже.

Свет с потолка высветил пятна на его лице. Как он красив, подумала она. Кто-то должен написать его портрет.

Сейчас марионетки заплясали, как им и полагается. Харри Холе выяснил, что я звонил Элиасу Скугу. Он мне нравится. Я думаю, мы, возможно, могли бы стать друзьями, если бы встретились в детстве или молодости. У нас есть кое-что общее. Например, интеллект. Похоже, он единственный из следователей способен разглядеть то, что прячется за видимыми фактами. Но это,

конечно, означает также, что с ним надо быть осторожнее. С нетерпением жду продолжения. Как ребенок.

Часть четвертая

Глава 46
Красный жук

Харри открыл глаза и уставился на огромного квадратного красного жука, который полз по направлению к нему между двух пустых бутылок, урча как кошка. Перестал, потом снова заурчал, приблизился к нему еще на пять сантиметров по стеклянной поверхности журнального столика, оставляя после себя чуть заметный след на сигаретном пепле. Харри протянул руку, схватил жука и приложил к уху. Услышал свой собственный голос, звуки выходили странные, как будто камни в камнедробилке перекатывались:

— Прекрати мне названивать, Эйстейн.

— Харри…

— Кто это?

— Это Кайя. Ты что делаешь?

Он посмотрел на дисплей, чтобы убедиться, что голос не врет.

— Отдыхаю. — Он почувствовал, что еще немного — и его желудок захочет избавиться от своего содержимого. Опять.

— Где?

— На диване. И сейчас положу трубку, если у тебя ничего важного.

— Ты хочешь сказать, что ты дома, в Уппсале?

— Ну… Дай взгляну. Обои, во всяком случае, те же. Слушай, мне надо бежать.

Харри швырнул телефон в изножье дивана, встал, немного наклонившись, чтобы не потерять равновесия, и заковылял, выставив вперед голову, словно пеленгатор или таран. Так ему удалось добраться до кухни без существенных столкновений с мебелью. Он даже успел опереться обеими руками на мойку, прежде чем его вырвало.

Когда он снова открыл глаза, то увидел, что сушка для посуды по-прежнему стоит в мойке. Жидкая желто-зеленая рвотная масса стекала по ребру одной-единственной тарелки. Харри повернул кран. Одно из преимуществ того, что ты алкоголик, возвращающийся к своим старым привычкам, заключается в том, что на второй день тебя уже не тошнит от собственной блевотины.

Харри выпил воды из-под крана. Немного. Еще одно преимущество опытного алкоголика заключается в том, что точно знаешь, сколько уместится у тебя в желудке.

Он пошел назад в гостиную, широко расставляя

ноги, как будто наделал в штаны. Он это, кстати, еще не проверил. Лег на диван и услышал тихое кваканье в том конце, где были его ноги. Тонкий лилипутский голосок звал его по имени. Он пошарил в ногах и снова приложил к уху маленький мобильный телефон.

— В чем дело?

Что бы такого сделать с этой желчью в горле, горячей как лава? Харкнуть, может, чтобы освободиться от нее, или, наоборот, проглотить? Или пусть жжет, он это заслужил?

Он слушал, а Кайя объясняла, что хочет повидаться. Не могли бы они встретиться в ресторане «Экеберг»? Например, сейчас. Или через час.

Харри глянул на опустевшие бутылки из-под «Джима Бима» на журнальном столике и потом на часы. Семь. Винный магазин закрыт. А в ресторане есть бар.

— Сейчас, — сказал он.

Он положил трубку, и телефон тут же зазвонил снова. Он посмотрел на дисплей и нажал кнопку ответа:

— Привет, Эйстейн.

— Наконец-то! Черт, Харри, не пугай меня, я уж подумал, а не сыграл ли ты в Джимми Хенд-

рикса![102]

— Можешь отвезти меня к ресторану «Экеберг»?

— Какого черта? Ты за кого меня держишь? За говенного таксиста?

Через восемнадцать минут машина Эйстейна стояла у крыльца. Эйстейн опустил стекло в окошке и со смехом прокричал в него:

— Эй, алкаш, дверь помочь запереть или сам справишься?

— Ужин? — поинтересовался Эйстейн, пока они ехали по Нурстранну. — Чтобы потом трахнуть или потому, что уже трахнул?

— Расслабься. Мы просто вместе работаем.

— Ага. Как говорила моя бывшая: «Кого каждый день видишь, того и хочется». Наверное, прочитала в каком-нибудь дамском журнале. Но она имела в виду не меня, а ту поганую крысу в соседнем офисе.

— Эйстейн, ты ведь не был женат.

— А мог бы. Этот тип ходил в норвежской вязаной кофте, всегда был при галстуке и к тому же

---

[102] Примечания: 102

Джимми Хендрикс, знаменитый американский гитарист, певец и композитор, умер, захлебнувшись во сне рвотными массами.

говорил на нюношке[103]. Не на диалекте, а на долбаном нюношке Ивара Осена, я не шучу. Прикинь, лежишь вот так один и думаешь: вот как раз сейчас твою потенциальную жену трахают на офисном столе, и так и видишь перед собой вязаную кофту и под ней голую белую деревенскую задницу, которая ходит туда-сюда, пока не замрет, втянув щечки, с воплем: «Кажись, кончил!»

Эйстейн взглянул на Харри, но тот никак не реагировал.

— Черт, Харри, я же сострил! Неужели ты настолько пьян?

Кайя сидела за столиком у окна, погруженная в собственные мысли, и смотрела на город. Услышав тихое покашливание, она обернулась. Это подошел метрдотель, он извиняющимся голосом произнес, что «это есть в меню, но на кухне говорят, что сейчас этого нет», потом склонился к ней еще ниже, но говорил так тихо, что она все равно еле-еле его слышала:

— Сожалею, но вынужден сообщить, что ваш

---

[103] Примечания: 103

Нюношк, или *нюнорск*, — официальный язык Норвегии наряду с букмолом. Создан в XIX в. на основе западных диалектов как «народная» альтернатива тогдашнему государственному норвежскому языку. Своим формированием нюношк во многом обязан поэту и ученому Ивару Осену (1813–1886).

гость прибыл, — и, покраснев, исправился: — Я хотел сказать, я сожалею, но мы не можем позволить ему войти. Он несколько… в приподнятом настроении, боюсь. А наша политика такова, что…

— Ничего-ничего, — сказала Кайя и встала. — Где он?

— Ждет на улице. Боюсь, он купил себе выпивку в баре, когда шел сюда, и сейчас вынес ее с собой. Не будете ли вы так любезны помочь нам, чтобы этот напиток снова оказался внутри ресторана? Иначе мы можем лишиться лицензии.

— Конечно, только принесите мне мое пальто, пожалуйста, — сказала Кайя и быстро пошла через зал.

Метрдотель следовал за ней нервной рысью.

Она вышла и увидела Харри. Он стоял, покачиваясь, у низкой каменной стены на краю склона. В том самом месте, где не так давно она стояла вместе с ним.

Кайя подошла и встала рядом. Наверху каменной стены стоял пустой стакан.

— Да и не обязательно нам ужинать в этом ресторане, — сказала она. — Есть другие предложения?

Он пожал плечами и сделал глоток из карман-

ной фляжки.

— Бар в «Савое». Только если ты не очень голодная.

Она поплотнее запахнула пальто.

— Да нет, не такая уж я голодная. А что, если мы здесь немножко погуляем, ты ведь здесь вырос и все хорошо знаешь, а я на машине. Ты мог бы мне показать эти ваши бункеры.

— Холодно и противно, — сказал Харри. — Воняет мочой и мокрой золой.

— Можем покурить, — сказала она. — И полюбоваться видом. Ты можешь предложить что-то получше?

Круизный теплоход, весь в огнях, как новогодняя елка, медленно и беззвучно скользил к городу по фьорду внизу. Кайя и Харри сидели прямо на влажном бетоне на самом верху бункеров, но не чувствовали холода, вползающего в их тела. Кайя пригубила из фляжки, протянутой ей Харри.

— Красное вино в карманной фляжке, — сказала она.

— Больше у папаши в баре ничего не было. Да и это я взял так, на всякий случай. А кто твой самый любимый актер?

— Ты начинай, — сказала она и сделала глоток побольше.

— Роберт Де Ниро.

Она состроила гримасу:

— «Analyze This»? «Meet the Fockers»?

— Я присягнул ему на верность после «Taxi Driver» и «The Deer Hunting»[104]. Оно того стоило. А твой?

— Джон Малкович.

— Ммм… Хорошо. Почему?

Она подумала.

— Потому что он, по-моему, воплощение рафинированного зла. Само по себе оно мне не нравится, но нравится, как он это показывает.

— И потом, у него женственный рот.

— А это хорошо?

— Ага. У всех лучших актеров женственные рты. Или высокий, женственный голос. Кевин Спейси, Филип Сеймур Хоффман. — Харри достал пачку сигарет и протянул ей.

— Только если ты прикуришь для меня, — сказала она. — Да уж, не то чтобы парни с гипертрофированной мужественностью.

— Микки Рурк. Женский голос. Женский рот. Джеймс Вудс. Рот для поцелуев, эдакая непри-

---

[104] Примечания: 104

«Анализируй это», «Знакомство с Факерами», «Таксист», «Охотник на оленей» *(англ.)* — фильмы с участием американского актера Роберта Де Ниро.

стойная розочка.

— Но голос не такой высокий.

— Блеющий голос. Овца.

Кайя засмеялась и взяла прикуренную сигарету.

— Продолжай. А у тех парней, которые по фильмам такие мачо, у них ведь низкие, сиплые голоса. Вспомним Брюса Уиллиса.

— Да, вспомним Брюса Уиллиса. Сиплые — допустим. Но низкие? Hardly[105]. — Харри зажмурил глаза и прошептал фальцетом, обращаясь к городу: — «From up here it doesn't look like you're in charge of jack shit!»[106]

Кайя прыснула, сигарета выпала у нее изо рта, запрыгала вниз по каменной стене и упала в заросли кустарника, разбрасывая искры во все стороны.

— Плохо?

— Ужас, — всхлипнула она. — Черт, хотела назвать того актера-мачо с женственным голосом, а из-за тебя забыла, как его зовут.

---

[105] Примечания: 105

Вряд ли *(англ.)*.

[106] Примечания: 106

«А отсюда посмотреть — и не скажешь, что вы хоть за что-то отвечаете!» *(англ.)* — реплика Джона Макклейна, персонажа Брюса Уиллиса из фильма «Крепкий орешек».

Харри пожал плечами:

— Вспомнишь еще.

— У нас с Эвеном тоже было такое место, — сказала Кайя и, приняв у Харри новую сигарету, зажала ее между большим пальцем и указательным, как гвоздь, который собиралась вбить. — Это было только наше место, нам казалось, о нем больше никто не знает, мы могли там прятаться и рассказывать друг другу секреты.

— Ты хочешь мне об этом рассказать?

— Что?

— О твоем брате. Что с ним произошло?

— Он умер.

— Это я знаю. Я думал, ты хочешь рассказать остальное.

— А что остальное?

— Ну… Например, почему ты его канонизировала.

— А я его канонизировала?

— А разве нет?

Кайя пристально посмотрела на него.

— Дай вина, — приказала она.

Харри протянул ей фляжку, и она сделала жадный глоток.

— Он оставил записку, — сказала она. — Эвен был чувствительный и ранимый. Временами

смешливый и улыбчивый. Когда он входил, казалось, что вместе с ним входит солнце. Все твои проблемы тут же испарялись… да, как роса на солнце. А случались черные периоды, и тогда все было наоборот. Все вокруг него затихали, точно в воздухе витала какая-то смутная трагедия, она как бы слышалась в его молчании. Такая минорная музыка. Красивая и жуткая, понимаешь? Но все равно казалось, будто в его глазах затаились солнечные блики, глаза продолжали смеяться. Даже не по себе становилось.

Она поежилась.

— Это случилось в каникулы, в летний день, из тех, что мог устроить только Эвен. Мы были тогда в нашем домике в Хьеме, я встала утром и пошла прямо в магазин, купила клубнику. Когда я вернулась, завтрак был уже готов, и мама крикнула на второй этаж, чтобы Эвен спускался. Но он не ответил. Мы решили, что он спит, случалось, что он иногда долго спал по утрам. Я пошла наверх взять что-то у себя в комнате, постучала в его дверь и сказала «Клубника!», когда проходила мимо. И когда я открывала дверь в свою комнату, то продолжала прислушиваться, не ответит ли он. Когда входишь к себе, обычно не смотришь по сторонам, а только туда, куда надо, на ночной

столик, где должна лежать книжка, за которой ты пришла, или на подоконник и коробку с блеснами. Я заметила его не сразу, обратила только внимание на свет в комнате, что он какой-то не такой. Потом я глянула в сторону и только тогда увидела его босые ступни. Я знала их на память, он каждый раз платил мне крону, чтобы я пощекотала ему пятки, любил это. Моей первой мыслью было, что он летит, что он наконец-то научился летать. Мой взгляд скользил дальше, на Эвене был голубой свитер, я сама его связала. Он повесился на люстре на шнуре от удлинителя. Наверное, ждал, пока я встану и выйду из дома, а потом зашел ко мне в комнату. Мне хотелось убежать, но я не могла пошевелиться, как будто ноги приросли к полу. И я стояла там и смотрела на него, он висел так близко, и я закричала «Мама!», вернее, я открыла рот и набрала воздуха, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука.

Кайя опустила голову и стряхнула пепел с сигареты. И продолжила с дрожащим вздохом:

— Дальше я помню только урывками. Мне дали лекарство, какое-то успокоительное. Когда я пришла в себя через три дня, его уже похоронили. Мне сказали, даже хорошо, что меня там не было, не то это стало бы для меня слишком сильным

потрясением. Потом я сразу же заболела, провалялась с температурой почти все лето. Мне всегда казалось, что с этими похоронами слишком поторопились, словно стеснялись того, как он умер.

— Ммм… Ты сказала, что он оставил записку?

Кайя посмотрела на фьорд.

— Да, на моем ночном столике. Он написал, что безответно влюблен в девушку, чьей любви никогда не сможет добиться, что не хочет жить и просит простить ему боль, которую нам причинил, потому что он знает, что мы его любим.

— Хм…

— Честно говоря, я удивилась. Эвен никогда не говорил мне ни про какую девушку, а он мне почти все рассказывал. И если бы не Роар…

— Роар?

— Да. Я в то лето впервые влюбилась. Он был такой добрый и терпеливый, приходил ко мне почти каждый день, когда я болела, и слушал, как я рассказываю об Эвене.

— О том, каким невероятным, потрясающим человеком он был.

— Ты правильно понял.

Харри пожал плечами:

— Я делал то же самое, когда умерла моя мать. Эйстейн не был таким терпеливым, как Роар.

Он меня спросил напрямик: я что, собираюсь основать новую религию?

Кайя тихо засмеялась и затянулась сигаретой.

— Мне кажется, Роар со временем почувствовал, что воспоминания об Эвене вытеснили все и вся, включая его самого. Наш роман был недолгим.

— Хм. Но Эвен остался.

Она кивнула:

— За каждой дверью, которую я открываю.

— Из-за этого, да?

Она снова кивнула.

— Когда я вернулась домой из больницы в то лето, то не смогла открыть дверь в свою комнату. Не смогла, и все. Потому что знала: открою дверь, а он там висит. Опять. И это будет моя вина.

— Это всегда наша вина, правда?

— Правда.

— И никто не убедит нас в том, что это не так, даже мы сами. — Харри выбросил окурок в темноту и закурил новую сигарету.

Теплоход внизу причалил к пристани.

В бойницах бункеров тоскливо свистел ветер.

— Почему ты плачешь? — спросил он тихо.

— Потому что это *моя* вина, — прошептала она, глотая слезы. — Я виновата во всем. Ты ведь все

время это знал, да?

Харри затянулся. Вынул сигарету изо рта и выдохнул дым на огонек.

— Нет, не все время.

— А когда?

— Когда увидел лицо Бьёрна Хольма в дверях дома на Хольменвейен. Бьёрн Хольм — хороший эксперт, но он не Де Ниро. Сразу стало ясно, что он удивился по-настоящему.

— И все?

— Этого хватило. По выражению его лица я догадался, что он и не подозревал, что я вышел на след Лейке. Значит, он не видел этого имени на моем мониторе, и это не он рассказал обо всем Бельману. И если кротом был не Бьёрн, оставался только один человек.

Она кивнула и смахнула слезы.

— Почему ты ничего не сказал? Не сделал? Не отрубил мне голову?

— А зачем? Я предположил, что у тебя были свои веские причины.

Она покачала головой, уже не смахивая слезы.

— Я не знаю, что он тебе пообещал, — сказал Харри. — Возможно, какую-то важную должность в новом, всесильном Крипосе. И я был прав, когда сказал, что тип, в которого ты влюблена, женат,

что он говорит, что уйдет от жены и детей ради тебя, но никогда этого не сделает.

Она тихо всхлипывала, низко опустив голову, как будто та вдруг стала очень тяжелой. Как цветок под дождем, подумал Харри.

— Я только не могу понять, почему ты захотела встретиться со мной сегодня вечером, — сказал он и неодобрительно посмотрел на сигарету. Может, перейти на какие-нибудь другие? — Сначала я решил, ты хочешь признаться, что это ты крот, но быстро понял, что не поэтому. Мы что, чего-то ждем? Что-то должно произойти? Я ведь уже выведен из игры — чем же я могу навредить теперь?

Она посмотрела на часы. Шмыгнула носом.

— Мы не могли бы поехать к тебе домой, Харри?

— Зачем? Нас что, кто-то там ждет?

Она кивнула.

Харри залпом допил остатки из фляги.

Дверь была взломана. Деревянные щепки на лестнице свидетельствовали: вскрывали фомкой. Без изысков и затей. Полиция.

Харри повернулся, стоя на лестнице, и взглянул на Кайю, которая вышла из машины и стояла, скрестив руки на груди. Потом вошел в дом.

В гостиной было темно, единственный свет проникал из открытого бара. Но и этого было достаточно, чтобы узнать человека, который сидел в тени у окна.

— Комиссар Бельман, — сказал Харри. — Ты сидишь в кресле моего отца.

— Я позволил себе это, — сказал Бельман, — потому что от дивана пахнет довольно специфически. Даже собака испугалась.

— Могу ли я что-то предложить тебе? — Харри кивнул на бар и сел на диван. — Или ты уже сам нашел?

Харри заметил в полумраке, что комиссар покачал головой.

— Не я. Собака нашла.

— Мм… Я исхожу из того, что у вас есть ордер на обыск, но мне любопытно, на каком основании?

— Анонимный сигнал о том, что ты контрабандно ввез в страну наркотики, использовав невиновного человека, и что они, возможно, находятся здесь.

— Неужели?

— Собака, натасканная на поиск наркотиков, тут кое-что нашла — комок желто-коричневого вещества, упакованный в фольгу. Не вполне понятного вещества, не похожего на то, что мы

обычно конфискуем внутри страны. Вот теперь думаем, не отдать ли его на анализ.

— Думаете?

— Возможно, это опиум, а возможно, пластилин или глина. Все зависит от…

— От чего?

— От тебя, Харри. И от меня.

— Неужели?

— Если ты согласишься оказать нам услугу, может быть, я склонюсь к мысли, что это все-таки пластилин, и ничего не стану отдавать на анализ. Потому что руководителю следует беречь ресурсы, не так ли?

— Ты руководитель, тебе виднее. Что за услуга?

— Ты человек, с которым можно говорить без обиняков, Холе, поэтому я тебе скажу открытым текстом. Я хочу, чтобы ты взял на себя роль козла отпущения.

На самом донышке одной из бутылок «Джима Бима» на журнальном столике виднелось что-то коричневое, но Харри удержался от искушения приложить бутылку ко рту.

— Мы только что были вынуждены выпустить Тони Лейке, поскольку у него безупречное алиби минимум в двух случаях убийств. Все, что у нас

на него есть, — это звонок одной из жертв. Мы слишком прямолинейно общались с прессой. Теперь она вместе с Лейке и его будущим тестем устроит нам веселую жизнь. Сегодня вечером нам предстоит сделать заявление для СМИ. И в этом заявлении будет сказано, что задержание было произведено на основании ордера, который ты, весьма противоречивый Харри Холе, путем манипуляции получил у бедного неопытного полицейского прокурора в Полицейском управлении. Все это было исключительно твоей личной инициативой, все осуществлял лично ты, и именно ты берешь на себя всю ответственность. Крипос имеет отношение к делу лишь постольку, поскольку там предположили, что задержание незаконно, вмешались и в ходе беседы с Лейке выяснили все обстоятельства дела. После чего немедленно его отпустили. Ты пойдешь со мной, подпишешь заявление для прессы и больше никогда не будешь высказываться по этому поводу. Ясно?

Харри еще раз посмотрел на остатки на донышке бутылки.

— Ммм… Ничего себе. Неужели ты думаешь, что пресса все это скушает после того, как ты сам же гордо заявил, что задержание — твоя личная

заслуга?

— Я просто взял на себя ответственность, так будет написано в заявлении для прессы. Я как руководитель был обязан возглавить операцию по задержанию, даже если мы и заподозрили, что полицейский совершил ошибку. Но когда Харри Холе позднее стал настаивать на своей роли в этом деле, я не стал возражать, поскольку он, во-первых, старший инспектор, а во-вторых, не работает в Крипосе.

— А моя мотивация состоит в том, что если я этого не подпишу, то буду осужден за контрабанду и хранение наркотиков?

Бельман сложил ладони домиком и покачался в кресле.

— Верно. Но самое главное в этой мотивации состоит скорее в том, что тебя могут посадить в КПЗ, и немедленно. Жаль, потому что тебе лучше бы провести это время в больнице с отцом, — ему, насколько я понимаю, совсем недолго осталось. Это действительно прискорбно.

Харри откинулся на спинку дивана. Он знал, что по идее должен был осатанеть. И что прежний — молодой — Харри осатанел бы совершенно точно. Но нынешнему Харри больше всего хотелось уткнуться носом в провонявший блевотиной и

потом диван, закрыть глаза и надеяться, что они уйдут, уедут, Бельман, Кайя, тени у окна. Однако мозг по привычке продолжал рассуждать.

— Если отвлечься от меня, — услышал Харри собственные слова, — неужели сам Лейке поддержит эту версию? Он же знает, что его и арестовывал, и допрашивал именно Крипос.

И понял, каков будет ответ, еще до того как Бельман произнес:

— Лейке знает: любой арест — это всегда тень на репутации, определенные подозрения. Что, конечно, особенно неприятно для Лейке как раз теперь, когда он пытается завоевать доверие инвесторов. И самый лучший способ избавиться от такой тени — это поддержать версию, что арест — холостой выстрел, личная инициатива рехнувшегося полицейского. Согласен?

Харри кивнул.

— Кроме того, это касается чести мундира… — начал Бельман.

— Я спасу честь полицейского мундира, если возьму всю вину на себя, — сказал Харри.

Бельман улыбнулся:

— Я всегда знал, что ты неглупый человек, Холе. Означает ли это, что мы друг друга поняли?

Харри задумался. Если Бельман сейчас уйдет, то

можно будет выяснить, действительно ли в той бутылке осталась капелька виски. Он кивнул.

— Вот заявление для прессы. Мне нужно, чтобы ты подписал вот тут, внизу. — Бельман протянул через стол листок и ручку.

Было слишком темно, чтобы читать. Да это и не играло никакой роли. Харри подписал.

— Прекрасно, — сказал Бельман, схватил листок и встал. В лучах уличного фонаря боевая раскраска на его лице засветилась. — И вообще, так лучше для всех нас. Подумай об этом, Харри. И отдохни малость.

Милостивая забота победителя, подумал Харри. Закрыл глаза и почувствовал, как сон распахивает объятия. Потом снова открыл глаза, осторожно встал на ноги и последовал за Бельманом на лестницу. Кайя по-прежнему стояла у машины, скрестив руки на груди.

Харри увидел, как Бельман заговорщицки кивнул Кайе, которая в ответ пожала плечами. Увидел, как Бельман переходит дорогу, садится в машину — ту же, что он заметил на Людер-Сагенс-гате в тот вечер, — заводит мотор и уезжает. Кайя подошла к лестнице. Голос ее все еще был хриплым от слез:

— Почему ты ударил Бьёрна Хольма?

Харри повернулся, чтобы войти в дом, но она оказалась проворнее, одолела лестницу в два шага, встала между ним и дверью, преграждая дорогу. Он ощутил на своем лице ее лихорадочное горячее дыхание.

— Ты ударил его только после того, как понял, что он не виноват. Почему?

— Уходи, Кайя.

— Я не уйду!

Харри посмотрел на нее. Разве это объяснишь? Ту неожиданную боль, когда понимаешь, в чем дело. Такую боль, что просто берешь и лупишь, бьешь в удивленное, ни в чем не повинное человеческое лицо, зеркальное отражение твоей собственной наивной доверчивости.

— Что ты хочешь узнать? — спросил он, слыша, как голос наливается металлом от бешенства. — Я ведь действительно верил тебе, Кайя. Так что мне остается только поздравить тебя. Поздравляю с отлично выполненной работой. А теперь пропусти меня, ладно?

Он увидел, как ее глаза вновь наполнились слезами. Потом она сделала шаг в сторону, а он прошел пошатываясь в дом и закрылся изнутри. И стоял в коридоре, в беззвучном вакууме, после того как захлопнулась дверь, в резкой тишине,

пустоте, посреди великолепного ничто.

Глава 47
Боязнь темноты

Улав Холе поморгал в темноте.

— Это ты, Харри?

— Да.

— Сейчас ведь ночь, правда?

— Да.

— Как у тебя дела?

— Живой.

— Позволь мне включить свет.

— Да не надо. Я должен кое-что тебе рассказать.

— Узнаю этот тон. Не уверен, что хочу это услышать.

— Все равно ты завтра прочтешь обо всем в газете.

— А у тебя есть другая версия, которую ты хочешь мне изложить?

— Нет. Я просто хочу рассказать первым.

— Ты выпил, Харри?

— Будешь слушать?

— Твой дед пил. Я любил его. И пьяного, и трезвого. Мало кто может сказать такое про отца-

пьяницу. Нет, не хочу я ничего слышать.

— Гм…

— Я и тебе скажу то же самое. Я тебя любил. Всегда. Пьяного и трезвого. Хотя это нетрудно. Ты всегда был воинственным. Вечно воевал почти со всеми, в том числе и с самим собой. Но любить тебя — это легче всего, Харри.

— Папа…

— Нет времени потолковать о важных вещах, Харри. Не знаю, говорил ли я тебе, кажется, да, но иногда мы так много и так часто о чем-то думаем, что нам начинает казаться, будто мы говорили об этом вслух. Я всегда гордился тобой, Харри. Часто я рассказывал тебе об этом?

— Я…

— Да? — Улав Холе прислушался в темноте. — Ты что, плачешь, сын? Ладно. И знаешь, чем я гордился больше всего? Я тебе никогда не говорил, но как-то нам позвонил твой школьный учитель — ты тогда ходил в среднюю школу. Сказал, что ты опять затеял драку на школьном дворе. С двумя мальчишками на год старше. В тот раз все обернулось плохо, тебя отправили в дежурную поликлинику, потому что пришлось зашивать губу и тащить расшатавшийся зуб. Помнишь, я еще карманные деньги тебе урезал?

Так вот, после Эйстейн мне все рассказал. Как ты набросился на них, потому что они налили Валенку в рюкзак воды из фонтанчика. А ведь, насколько я помню, Валенок тебе никогда особо не нравился. Эйстейн сказал, тебе тогда здорово досталось, потому что ты не хотел сдаваться, поднимался снова и снова, и в конце концов у тебя так сильно пошла кровь, что большие мальчишки испугались и убежали.

Улав Холе тихо засмеялся.

— Тогда я не стал тебе говорить, не хотел поощрять тебя, чтобы ты не дрался еще чаще. Но я так гордился тобой, почти до слез. Ты был таким храбрым, Харри. Ты боялся темноты, но входил в темные комнаты. И я был самым гордым отцом на свете. Я когда-нибудь говорил тебе это, Харри? Харри? Ты здесь?

Свободен. Бутылка шампанского разбита о стену, пузырьки, как кипящие мозги, стекают по обоям на фотографии, вырезки из газет, на распечатку из Интернета с фотографией Харри Холе, который все берет на себя. Свободен от вины, свободен, чтобы снова послать мир ко всем чертям. Босиком наступаю на осколки, втаптываю их в пол, слышу, как они хрустят у меня под ногами. Я скольжу в собственной крови и захлебываюсь

от смеха. Свободен. Свободен!

Глава 48
Гипотеза

Начальник убойного отдела Южного полицейского округа Сиднея Нил Маккормак пригладил начинающие седеть волосы, не сводя глаз с женщины в очках, сидящей по другую сторону стола для допросов. Она пришла сюда прямо из издательства, в котором работала. Одета в простой мятый костюм, но что-то в Иске Пеллер наводило на мысль о том, что костюм дорогой, просто не рассчитан на то, чтобы нравиться таким простакам, как Маккормак. Но адрес, по которому она жила, об особом богатстве не говорил. Бристоль — не самый престижный район в Сиднее. Девушка показалась ему взрослой и разумной. Уж точно она не из тех, кто будет драматизировать, преувеличивать, просто чтобы привлечь к себе внимание. Кроме того, это они ее вызвали, а не она сама обратилась в полицию. Маккормак взглянул на часы. Он договорился с сыном во второй половине дня выйти в океан, они назначили встречу на Уотсон-бей, где стояла на причале их яхта. И он надеялся, что много времени свиде-

тельница у него не отнимет. К тому все и шло — до самой последней минуты.

— Мисс Пеллер, — сказал Маккормак, откинувшись на спинку кресла и сложив руки на выпирающем брюшке. — А почему вы об этом раньше ничего не рассказывали?

Она пожала плечами:

— Чего ради? Никто меня не спрашивал, да я и сама не вижу тут никакой связи с убийством Шарлотты. Я рассказываю об этом сейчас, потому что вы меня так дотошно расспрашиваете. Мне казалось, вас интересует то, что произошло в хижине, а не этот… эпизод, который случился потом. Ведь это был именно эпизод. Мелкий эпизод, быстро пережитый и так же быстро забытый. Такие, как он, есть везде, и обычному человеку просто незачем преследовать каждую подобную тварь.

Маккормак что-то пробормотал себе по нос. Она, конечно, права. Даже он не чувствовал себя обязанным раскручивать это дело. Хлопот, неприятностей да и самой работы не оберешься, если свяжешься с человеком, чья должность начинается или заканчивается словом «полиция». Он выглянул в окно. Солнце отражалось в заливе Порт-Джексон, а над Мэнли все еще курился дым,

хотя последний в этом сезоне пожар в буше потушили больше недели назад. Дым относило на юг. Дул прекрасный, теплый северный ветер. Просто созданный для того, чтобы ходить под парусом. Маккормаку нравился Харри Холе. Или Хоули, как он его называл. Тот отлично потрудился, помог им в расследовании кровавого убийства клоуна. Но голос высоченного светловолосого норвежца в трубке звучал устало. Маккормак искренне надеялся, что Хоули не собирается снова отчалить в запой.

— Давайте начнем все сначала, мисс Пеллер.

Микаэль Бельман вошел в зал заседаний «Óдин», и все разговоры мгновенно стихли. Он встал за кафедру, широко расставив ноги, положил перед собой записи, подключил компьютер к проектору. Следственная группа на сей раз состояла из тридцати шести человек — втрое больше, чем при расследовании обычного убийства. Они так долго работали без результата, что пару раз ему пришлось поднимать их моральный дух, но в целом все-таки они молодцы. Поэтому Бельман и позволил себе и своим людям арест Тони Лейке — тогда это представлялось им подлинным триумфом.

— Вы читали сегодняшние газеты, — начал он

и посмотрел на собравшихся.

Он спас то, что еще можно было спасти. Первые страницы двух из трех крупнейших газет напечатали одну и ту же фотографию: Тони Лейке садится в машину у Полицейского управления. Третья опубликовала архивную фотографию Харри Холе, сделанную во время телевизионного ток-шоу, когда он говорил о Снеговике.

— Как видите, старший инспектор Холе взял ответственность на себя. Это правильно и вполне приемлемо.

Его голос эхом отразился от стен, и он разглядел усталые, невыспавшиеся лица. Или это какая-то другая усталость? В таком случае ее необходимо побороть. Потому что сейчас все обострилось еще больше. Заходил шеф Крипоса и сказал, что звонили из министерства и задавали вопросы. Песок в часах бежал быстро.

— Итак, у нас больше нет главного подозреваемого, — сказал он. — Но есть и хорошие новости: у нас появились новые ниточки, и все они ведут от Ховассхютты в Устаусет.

Он щелкнул клавишей, и на экране появилась первая страница презентации в Power Point, которую он подготовил ночью.

Ему понадобилось полчаса, чтобы остановиться

на всех имевшихся у них фактах вкупе с именами, датами и предполагаемыми маршрутами.

— Вопрос, — сказал он и выключил компьютер. — О каком убийстве идет речь? Думаю, типичное серийное убийство можно исключить. Жертвы не выбраны в какой-то определенной группе населения наугад, но связаны с определенным местом и временем. Значит, есть основания полагать, что речь идет о специфическом мотиве, который может считаться рациональным. А если так, то это существенно облегчает нашу задачу: надо найти мотив, и убийца у нас в руках.

Бельман увидел, как многие кивнули, соглашаясь с ним.

— Проблема в том, что у нас нет свидетелей, которые могли бы нам что-то рассказать. Иска Пеллер, единственный свидетель, который, как нам известно, еще жив, сутки пролежала больная. Другие либо умерли, либо не объявились. Мы знаем, например, что Аделе Ветлесен была там с парнем, с которым недавно познакомилась, но, похоже, никто из ее окружения ничего о нем не знает, так что мы вправе предположить, что знакомство было непродолжительным. Мы проверяем, с какими мужчинами у нее был контакт по телефону или в Интернете, но на это требуется

время. И пока у нас нет свидетелей, мы должны установить собственную точку отсчета. Нам нужны гипотезы по поводу мотива. Что могло стать мотивом убийства по меньшей мере четырех человек?

— Ревность или голоса, которые приказывают убивать, — послышалось в конце зала. — По опыту известно.

— Согласен. А у кого в голове звучат голоса, которые приказывают убивать?

— У тех, у кого есть психиатрическая история болезни, — сказал кто-то с явственным северным, финнмаркским выговором.

— И у тех, у кого ее нет, — возразил ему другой голос.

— Ладно. А кто может ревновать?

— Любовник или супруг кого-то из тех, кто там был.

— И о ком идет речь? — спросил Бельман.

— Но мы ведь проверили алиби любовников жертв и возможные мотивы, — заметил кто-то. — Это мы всегда делаем в первую очередь. Любовников у жертв либо не было, либо мы вычеркнули их из списков.

Микаэль Бельман понимал, что они изо всех сил жмут на газ, но колеса пробуксовывают все в

той же колее, в которой увязли уже давно, однако важно то, что они все еще готовы жать на газ. Он не сомневался, что Ховассхютта — это то бревно, которое можно будет подложить под колеса и выбраться на дорогу.

— Но мы ведь отмели не всех любовников и супругов, — сказал Бельман, покачиваясь на каблуках. — Только тех, кто не вызвал подозрений. А у кого на момент убийства не было алиби?

— У Расмуса Ульсена!

— Верно. Когда я был в стортинге и разговаривал с Расмусом Ульсеном, он признал, что несколько месяцев назад жена его слегка приревновала. Что была девица, с которой он флиртовал. И Марит Ульсен уехала в Ховассхютту на пару дней, чтобы подумать. Это может совпасть со временем событий в Ховассхютте. А вдруг она там не только думала? Что, если она мстила? И вот еще информация. В ту ночь, когда жертвы были в Ховассхютте, Расмуса Ульсена в Осло не было, потому что он забронировал себе номер в Устаусете. Почему Расмус оказался в тех краях, когда его жена была в Ховассхютте? Провел ли он ночь в гостинице или же совершил небольшую вылазку на лыжах?

Взгляды присутствовавших уже не казались

сонными и усталыми, ему почти удалось зажечь в них огонь. Он ждал ответа. Честно говоря, когда следственная группа так велика, устраивать импровизированный мозговой штурм — не самый эффективный способ расшевелить сотрудников, но все они давно уже распутывают вместе это дело, и каждый успел набить себе синяки, убедиться в ошибочности своих на сто процентов точных предположений и фантастических гипотез и от этого несколько упасть духом.

У одного из молодых вырвалось:

— Он мог в тот вечер без предупреждения появиться в хижине и застать ее на месте преступления. Увидел ее и снова исчез. И все тихо и спокойно спланировал.

— Не исключено, — сказал Бельман, подошел к кафедре и взял одну из своих бумаг. — Аргумент номер один в пользу такой теории я только что получил из расчетного центра «Теленора». Запись свидетельствует о том, что Расмус Ульсен утром того дня разговаривал со своей женой. Давайте предположим, что он знал, к какой хижине она направляется. Аргумент номер два в пользу этой гипотезы — информация о погоде: тогда весь вечер и всю ночь светила луна и была хорошая видимость, так что он мог добраться туда на лы-

жах с тем же успехом, что и Тони Лейке. Аргумент номер один против этой гипотезы: зачем ему убивать кого-то еще, кроме собственной жены и ее возможного партнера?

— А вдруг у нее их было несколько? — крикнула одна из следачек, низкорослая и грудастая. Бельман так привык считать ее лесбиянкой, что даже забавлялся мыслью, не пригласить ли ее как-нибудь вечерком к Кайе. Конечно, это была только мысль. — Может, они там оргию устроили.

По залу прокатился смех. Вот и прекрасно, атмосфера уже немного разрядилась.

— Может, он не видел, с кем у нее был секс, с мужчиной или с женщиной, видел только, что под простыней что-то происходит, — сказал кто-то. — Вот и решил перестраховаться.

Новый взрыв смеха.

— Прекратите, у нас нет времени на эту чепуху, — крикнул Эскильдсен, один из самых опытных следователей — никто даже точно не знал, как давно он расследует убийства. В комнате стало тихо. — Вы, салаги, небось и не помните то дело, которое несколько лет назад раскрыли в убойном отделе. Тогда все думали, что в Осло орудует маньяк, — продолжал Эскильдсен. — А когда нашли убийцу, оказалось, что в одном случае у

него был мотив. Но он знал, что, если будет только одна эта жертва, его-то и заподозрят в первую очередь, и убивал других, чтобы все выглядело как серия убийств, совершенных ненормальным преступником.

— Черт, — вскинулся молодой. — Да неужели убойный отдел действительно сумел раскрыть убийство? Разве что случайно.

Парень, ухмыляясь, огляделся по сторонам, ожидая одобрения, но никто его не поддержал, и краска медленно залила его лицо. Ведь все, кто хотя бы недолго расследовал убийства, помнили это дело. В полицейских школах Норвегии его использовали как пример. Оно вошло в легенду. Так же как и тот, кто его распутал.

— Харри Холе.

— It's Neil McCormack, Holy. How are you? And where are you?[107]

Маккормаку совершенно отчетливо послышалось, что Харри ответил «В коме», но, может, это просто название какого-то норвежского местечка.

---

[107] Примечания: 107
Это Нил Маккормак, Хоули. Как ты? И где ты? *(англ.)*

— I talked to Iska Peller[108]. Как ты и говорил, она мало что могла рассказать о той ночи, зато что касается следующего вечера, тут напротив…

— Да?

— Их с подругой забрал из хижины местный полицейский и устроил у себя дома. Оказывается, пока мисс Пеллер спала, пытаясь справиться с гриппом, полицейский с Шарлоттой выпили в гостиной по стаканчику, а потом он якобы попытался соблазнить девушку. Это было настолько недвусмысленно, что Шарлотта стала звать на помощь, мисс Пеллер проснулась, поднялась и вошла в гостиную, где полицейский уже успел спустить с ее подруги лыжные штаны до колен. Он прекратил свои попытки, и мисс Пеллер с подругой решили ехать на железнодорожную станцию, чтобы остановиться в гостинице в местечке, которое, я боюсь…

— Йейлу.

— Спасибо.

— Ты говоришь, попытался соблазнить, Нил, то есть ты имеешь в виду — пытался изнасиловать?

— Нет. Мне пришлось сделать несколько заходов, прежде чем мы с мисс Пеллер определились

---

[108] Примечания: 108
Я говорил с Иской Пеллер *(англ.)*.

с формулировкой. Она сказала, что, по словам подруги, полицейский спустил с нее штаны против ее воли, но он не прикасался к ней интимно.

— Но…

— Мы, конечно, вправе предположить, что цель у него была именно такова, но утверждать ничего нельзя. Смысл в том, что ничего уголовно наказуемого не произошло. Мисс Пеллер с этим согласилась, они и не подумали заявить на него, а просто взяли и уехали оттуда. Полицейский даже нашел какого-то деревенского чудака, который довез всех троих до станции и помог сесть в поезд. По словам мисс Пеллер, полицейский был не слишком удручен тем, что произошло, и гораздо больше стремился заполучить номер телефона ее подруги, чем ее прощение. Как будто речь шла о совершенно обычном деле, о том, что сплошь и рядом случается между мужчиной и женщиной.

— Хм… Что-нибудь еще?

— Нет, Харри. Не считая того, что мы, как ты и предложил, предоставили ей полицейскую охрану. Полный круглосуточный сервис, еду и все необходимое доставляют ей прямо к двери. Она может наслаждаться солнцем. Если в Бристоле будет солнце.

— Спасибо, Нил. Если что-нибудь…

— …появится, то я позвоню. И наоборот.

— Разумеется. Take care[109].

«Скажешь тоже», — подумал Маккормак, положил трубку и посмотрел в синее послеполуденное небо. Сейчас, летом, дни немного длиннее. Он все-таки еще успеет на полуторачасовую прогулку на яхте, прежде чем стемнеет.

Харри встал и направился в душ. Простоял там двадцать минут, не двигаясь, подставив тело под обжигающе горячую воду. Потом вышел, вытер распаренную, покрывшуюся красными пупырышками кожу и оделся. Посмотрел на мобильный и обнаружил, что, пока спал, пропустил восемнадцать звонков. Значит, им удалось раздобыть его номер. Он узнал первые цифры телефонов трех крупнейших норвежских газет и двух основных телеканалов: у всех у них коммутаторы с нулями и одинаковыми цифрами. Последние цифры различались, явно указывая на разных журналистов, равно жаждущих комментариев. Его взгляд задержался на одном из номеров, он даже не понял почему. Потому что какие-то байты в его мозгу наверняка ведали запоминанием номеров. К тому же первые цифры

---

[109] Примечания: 109
Береги себя *(англ.)*.

говорили о том, что телефон ставангерский. Он заглянул еще дальше в список звонков и нашел номер Колбьёрнсена.

Харри перезвонил и, пока завязывал ботинки, прижал телефон щекой. Кстати обнаружилось, что пора покупать новые. Отлетела металлическая набойка, позволявшая безнаказанно наступать даже на гвоздь.

— Черт, Харри. Ты сегодня в газетах просто герой дня. Прям звезда. Что начальник-то говорит?

Голос у Колбьёрнсена был как с похмелья. А может, просто больной.

— Не знаю, — сказал Харри. — Я с ним не говорил.

— Убойный отдел не при делах, во всем виноват ты лично. Это твой шеф заставил тебя take on of the team?[110]

— Нет.

Повисла долгая пауза, за которой последовал новый вопрос:

— Ну не Бельман же?

— Чего ты хочешь, Колбьёрнсен?

— Черт бы тебя побрал, Харри. Я, как и ты,

---

[110] Примечания: 110
Взять общую вину на себя? *(англ.)*

занимаюсь somewhat[111] нелегальным самостоятельным расследованием. И сперва хотел бы знать: мы по-прежнему одна команда?

— Да нет у меня никакой команды, Колбьёрнсен.

— Ладно. Слышу, что ты по-прежнему с нами. В команде проигравших.

— Скоро вылечу.

— Right on[112]. Я снова переговорил со Стине Эльберг, той, за которой бегал Элиас Скуг.

— Да?

— Оказалось, что Элиас Скуг рассказывал ей о том, что произошло в ту ночь в хижине, чуть побольше, чем мне удалось выяснить у нее на первом допросе.

— Я начинаю верить в эффективность вторичного допроса, — сказал Харри.

— Чего?

— Да ничего. Давай выкладывай.

---

[111] Примечания: 111
Отчасти *(англ.)*.

[112] Примечания: 112
Прямо сейчас *(англ.)*.

Глава 49
«Бомбей-Гарден»

«Бомбей-Гарден» относился к числу заведений, которые на первый взгляд даже права на существование не имеют, но, в отличие от своих более модных конкурентов, все равно остаются на плаву, и так год за годом. Местоположение в самом центре восточной части Осло было ужасным — на боковой улице прямо между бывшим складом пиломатериалов и зданием закрытой фабрики, которое сейчас занимал один из негосударственных театров. Заведение то и дело лишали лицензии на продажу алкоголя, так как правила постоянно нарушались, то же относилось и к праву готовить пищу. Однажды санитарный рейд обнаружил на кухне грызуна неясной видовой принадлежности, но явного родственника Rattus norvegicus[113]. На полях своего отчета представитель санэпидстанции не поскупился на эпитеты и охарактеризовал кухню как «место преступления», где «вне всякого сомнения, совершались убийства самого свинского свойства». Некоторый

---

[113] Примечания: 113
Серая (*букв.* норвежская) крыса *(лат.)*.

доход приносили выстроившиеся вдоль стен игровые автоматы, хотя их регулярно обчищали. Но не похоже, чтобы вьетнамцы, владевшие заведением, использовали его для отмывания денег от сбыта наркотиков, пусть даже кое-кто их в этом и подозревал. Причина, по которой «Бомбей-Гарден» держался на плаву, заключалась в том, что находилось в самой глубине заведения, за двумя закрытыми дверями. Там размещался так называемый приватный клуб, и, чтобы туда попасть, необходимо было стать его членом. На практике это означало, что клиент у вьетнамца за стойкой бара в ресторане подписывал заявление с просьбой его принять, просьба немедленно удовлетворялась и он платил сто крон в качестве годового членского взноса. После чего его провожали внутрь, и дверь за ним закрывалась.

Человек оказывался в прокуренной комнате — поскольку закон, запрещающий курить в общественных местах, на частные клубы не распространяется, — где перед ним стоял овальный ипподром в миниатюре, размером четыре на два метра. Само поле было покрыто зеленым сукном и разделено на семь дорожек. По дорожкам двигалось семь плоских металлических лошадей, насаженных на спицы. Скорость каждой лошади

определялась компьютером, шумно работавшим под столом и, как утверждали многие, совершенно непредсказуемым и справедливым. То есть случайной выборкой компьютера отдельные лошадки с большей вероятностью развивали бóльшую скорость, что отражалось на соотношении ставки с выигрышем и на последующей выплате. Члены клуба, завсегдатаи и новички, восседали вокруг ипподрома в удобных вращающихся кожаных креслах, курили, пили местное пиво по специальным ценам для членов клуба и криками подбадривали лошадь или комбинацию, на которую поставили свои деньги.

Клуб действовал в серой правовой зоне, и по правилам, если в зале присутствовало двенадцать или более членов клуба, ставка каждого ограничивалась ста кронами в одном забеге. Если же собиралось меньше двенадцати человек, по уставу они рассматривались как небольшая дружеская компания, встречающаяся в помещении клуба, а в небольшой частной компании никто не может помешать взрослым людям заключать частные пари, и ставки, которые в таких случаях делались, были личным делом присутствующих. По этой причине в самом дальнем помещении «Бомбей-Гарден» на удивление часто бывало

ровно одиннадцать человек. Кстати, почему в названии фигурирует бомбейский сад, никто не знал.

В 14.10 мужчина, недавно, точнее, ровно сорок секунд назад ставший обладателем членской карточки клуба, был впущен в помещение, где помимо него самого оказалось всего два человека: член клуба, сидевший во вращающемся кресле спиной к нему, и вьетнамец, судя по жилету, какие обычно носят крупье, администратор на бегах и в тотализаторе.

Фланелевая рубашка едва не лопалась на широкой спине того, кто занимал вращающееся кресло. На воротник ниспадали черные кудри.

— Выигрываешь, Кронгли? — спросил Харри и уселся в кресло рядом с ленсманом.

Курчавая голова ленсмана повернулась в его сторону.

— Харри! — вскричал он с неподдельной радостью в голосе и на лице. — Как ты меня нашел?

— А с чего ты взял, что я тебя искал? Может, я и сам здешний завсегдатай.

Кронгли расхохотался, не отрывая глаз от лошадей, которые двигались вдоль длинной стороны ипподрома, каждая со своим оловянным жокеем на спине.

— Не-а. Я здесь бываю всякий раз, как приезжаю в Осло, но тебя ни разу не видел.

— Ладно. Кое-кто рассказал мне, что я, вероятно, найду тебя здесь.

— Черт, неужели это известно? Возможно, для полицейского тут не самое подходящее место, хотя и в рамках того, что считается легальным.

— Кстати о легальности, — сказал Харри и покачал головой, отвечая крупье, который указывал ему на пивную бочку. — Именно о ней я и хотел с тобой поговорить.

— Давай, — сказал Кронгли, внимательно глядя на поле, где лидировала синяя лошадь на крайней дорожке: как раз сейчас она приближалась к крутому повороту.

— Иска Пеллер, австралийская барышня, которую ты забрал в Ховассхютте, говорит, что ты приставал к ее подруге Шарлотте Лолле.

Сосредоточенное выражение на лице Кронгли не изменилось. Харри ждал. Наконец Кронгли взглянул на него.

— Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сказал по этому поводу?

— Только если захочешь, — ответил Харри.

— Я так понимаю, этого хочешь *ты*. «Приставал» — не совсем точное слово. Мы немного

пофлиртовали. Целовались. Я захотел пойти дальше. А она считала, что хватит. Я предпринял вполне конструктивную попытку уговорить ее, ведь именно этого, что ни говори, женщины ждут от мужчины — это часть ролевой игры между полами. Но не более того.

— Не очень похоже на то, что, как говорит Иска Пеллер, ей рассказывала Шарлотта. Думаешь, Пеллер лжет?

— Нет.

— Нет?

— Просто я думаю, что Шарлотта предпочла представить своей подруге несколько иную версию. Девушки-католички часто хотят казаться более добродетельными, чем на самом деле.

— Они решили заночевать в Йейлу, а не у тебя. Хотя Пеллер была больна.

— Так это баба из Австралии и настояла на том, чтобы они уехали. Я не знаю, что там было между этими двумя девицами, отношения между подружками нередко бывают запутанными. Кстати, могу поспорить, что парня у этой Пеллер нет. — Он приподнял наполовину пустой пивной бокал. — Зачем тебе это, Харри?

— Немного странно, что, когда Кайя Сульнес приезжала в Устаусет, ты не рассказал ей, что

встречался с Шарлоттой Лолле.

— И еще немного странно, что ты все еще работаешь по этому делу. Я думал, что оно уже в ведении Крипоса, особенно после того, как прочитал сегодня газетные заголовки.

Кронгли вновь сосредоточился на лошадях. Выйдя из поворота, желтая лошадь на третьей дорожке опережала остальных на целый оловянный корпус.

— Да, — сказал Харри. — Но изнасилования по-прежнему в компетенции убойного отдела.

— Изнасилования? Да ты никак наконец протрезвел, Харри?

— Ладно. — Харри извлек из кармана брюк пачку сигарет. — Я трезвее, чем, я надеюсь, был ты, Кронгли. — Он сунул погнутую сигарету в рот. — Всякий раз, когда ты бил и насиловал свою бывшую подружку там, в Устаусете.

Кронгли повернулся к Харри и задел локтем пивной бокал. Пиво пролилось на зеленое сукно, мокрое пятно стало расползаться по полю, как вермахт по карте Европы.

— Я только что из школы, где она работает, — продолжал Харри, прикуривая. — Именно она рассказала мне, что я, скорее всего, найду тебя здесь. Еще она рассказала, что, когда уехала от

тебя из Устаусета, это было скорее бегство, чем переезд. Что ты…

Продолжить Харри не успел. Кронгли оказался проворен, он пинком повернул его кресло и напал сзади, прежде чем Харри смог что-то предпринять. Холе почувствовал, как ленсман схватил его руку, и знал, что будет дальше: этот железный полицейский захват они применяли с первого года в полицейской школе. И вот оно сказывается — секундное опоздание, двухдневная пьянка и сорокалетняя глупость. Кронгли заломил назад его руку и запястье, так что Харри упал вперед и ударился головой о стол. Причем той стороной, где была сломана скула. Харри вскрикнул от боли, на секунду у него потемнело в глазах. Потом он очнулся, боль вернулась, и он сделал отчаянную попытку вывернуться. Харри всегда был сильным, но он сразу понял, что против Кронгли у него нет шансов. Теперь он ощущал у себя на лице теплое и влажное дыхание могучего ленсмана.

— Тебе не следовало этого делать, Харри. Тебе не следовало говорить с этой шлюхой. Она что угодно скажет. Сделает что угодно. Она свою манду тебе показала? Показала, Харри?

Кронгли сдавил его сильнее, и в голове у Харри

что-то затрещало, словно желтая лошадь лягала его в лоб, а зеленая била по носу. Но тут он правой ногой наступил на ногу противника. Изо всех сил. Он услышал, как вскрикнул Кронгли, и тут же высвободился, развернулся и ударил его. Локтем, а не кулаком, потому что уже не раз в кровь разбивал себе костяшки пальцев. И угодил туда, где, как знал Харри, эффект будет максимальным, — не прямо в кончик подбородка, а чуть сбоку. Кронгли пошатнулся, рухнул с низкого вертящегося кресла и приземлился на пол, суча ногами. Харри увидел, что от столкновения с железной набойкой на его ботинке, хотя ботинки и пора было выбрасывать, на правом «конверсе» Кронгли осталась кровавая отметина. Обнаружил, что у него самого в зубах по-прежнему зажата сигарета. И краешком глаза отметил, что красная лошадь на первой дорожке явно придет первой.

Харри схватил Кронгли за воротник, поднял и толкнул в кресло. Глубоко затянулся, ощутив щекотку и тепло в легких.

— Согласен, изнасилование — довод не слишком сильный, — признал он. — Во всяком случае, ни Шарлотта Лолле, ни твоя гражданская жена на тебя так и не заявили. Я, как следователь, просто обязан узнать побольше, не так ли? И тут-то я

снова возвращаюсь к Ховассхютте.

— К чему ты клонишь, черт бы тебя побрал? — Кронгли внезапно осип, как при сильной простуде.

— В Ставангере есть девушка, которой Элиас Скуг изливал душу в тот самый вечер, когда его убили. Они сидели в автобусе, и Элиас рассказывал ей, что в ту ночь в Ховассхютте он, возможно, стал свидетелем изнасилования. Во всяком случае, так ему показалось, когда позже он вспоминал об этом.

— Элиас?

— Да, Элиас. Он спал беспокойно, проснулся от шума на улице и выглянул в окно. Светила луна, и под коньком сортира он увидел парочку. Женщина стояла к нему лицом, а мужчина — спиной, так что лица он не разглядел. Элиас решил, что они вздумали потрахаться, женщина извивалась, а мужчина закрыл ей ладонью рот, очевидно чтобы она никого не разбудила. Когда мужчина увлек ее в сортир, Элиас, слегка разочарованный тем, что не удалось досмотреть шоу до конца, снова отправился спать. И только прочитав про убийства, он начал воспринимать увиденное иначе. Возможно, женщина просто пыталась вырваться и звала на помощь, а мужчина зажал ей

рот именно поэтому. — Харри снова затянулся. — Не ты ли тот мужчина, Кронгли? Ты там был?

Кронгли почесал подбородок.

— Алиби? — просто спросил Харри.

— Я спал дома один. А Элиас Скуг сказал, кто эта женщина?

— Нет, а парня он, как я уже говорил, не разглядел.

— Это был не я. Опасно ходишь, Холе.

— Прикажешь воспринимать это как угрозу или как комплимент?

Кронгли не ответил. Но в глазах у него холодными желтыми огоньками сверкал смех.

Харри погасил сигарету и встал.

— Кстати, твоя бывшая ничего мне не показывала. Мы сидели в учительской. Похоже, она боится оставаться с мужчиной наедине. Так что кое в чем, Кронгли, ты все-таки преуспел.

— Опасно ходишь, Холе.

Харри повернулся. Крупье вел себя так, словно все случившееся его совершенно не касалось. Он уже выстроил лошадей для нового забега.

— Будете ставить? — улыбаясь, спросил он на ломаном норвежском.

Харри помотал головой:

— Сорри, ставить нечего.

— Тем больше можно выиграть, — сказал крупье.

Выходя из клуба, Харри размышлял над его словами и пришел к выводу, что либо ему не хватает логики, чтобы их понять, либо все дело тут в языковом барьере. А может, это просто дурацкая азиатская пословица.

Глава 50
Взятка

Микаэль Бельман ждал.

И это было лучше всего. Те секунды, когда он ждал, пока она откроет. Нетерпение и вместе с тем уверенность в том, что она снова превзойдет его ожидания. И каждый раз, увидев ее, он понимал, что совсем забыл, какая же она красивая. Каждый раз, когда открывалась дверь, ему требовалось несколько секунд, чтобы вобрать в себя всю эту красоту. Чтобы обрести полную уверенность. Уверенность в том, что из всех мужчин, которые желали ее — то есть не меньше половины зрячих мужчин с хоть какими-то гетеросексуальными наклонностями, — она выбрала его. Уверенность, что он — вожак стаи, самец, обладающий правом первым спариваться с самками. Да, именно так, банально и вульгарно, можно это выразить. Нельзя стать альфа-самцом — им надо родиться. Пусть это не всегда сулит мужчине легкую и приятную жизнь, но, если уж ты к этому призван, сопротивляться бессмысленно.

Дверь открылась.

На ней был белый свитер с высоким горлом, волосы она заколола наверх. Она выглядела усталой, глаза казались меньше, чем обычно. И все равно в ней чувствовалась та элегантность, тот класс, о котором даже его собственная жена могла только мечтать. Она поздоровалась, сказала, что сидит на веранде, повернулась к нему спиной и вернулась в дом. Он пошел за ней, взял себе пиво в холодильнике и уселся в одно из нелепо громоздких кресел на веранде.

— Зачем ты сидишь на холоде? — сказал он. — Заработаешь воспаление легких.

— Или рак легких, — откликнулась она, взяла недокуренную сигарету и снова погрузилась в книгу.

Бельман прочитал на обложке: «Ham on the Rye»[114]. Чарльз… Он прищурился. Буковски? Как аукционный дом?[115]

— У меня хорошие новости, — сказал он. — Нам удалось не только предотвратить катастрофу, но повернуть весь инцидент с Лейке в свою пользу. Сегодня звонили из Министерства юстиции. —

---

[114] Примечания: 114

«Хлеб с ветчиной» *(англ.)* — роман Чарльза Буковски (1982).

[115] Примечания: 115

Крупнейший скандинавский аукционный дом, основанный в 1870 г. в Стокгольме польским дворянином Хенриком Буковски.

Бельман положил ноги на стол и взглянул на этикетку на пивной бутылке. — Благодарили за то, что я так решительно вмешался и настоял на освобождении Лейке. Их очень беспокоило, до чего бы додумался Андерс Галтунг со своей сворой адвокатов, если бы Крипос не действовал так оперативно. И они хотели убедиться, что я полностью контролирую ситуацию и никто, кроме Крипоса, не будет иметь доступа к этому делу.

Он отхлебнул пива прямо из бутылки. Со стуком поставил ее на стол.

— А ты что скажешь, Буковски?

Она опустила книгу и встретила его взгляд.

— Тебе что, совсем неинтересно? — спросил он. — Сама знаешь, это и тебя касается. Что ты думаешь об этом деле, дорогая? Давай. Ты ведь следователь, расследуешь убийства.

— Микаэль…

— Тони Лейке склонен к насилию, и мы на это повелись. Поскольку знаем: такие, как он, неисправимы. Склонность и воля к убийству есть не у всех, она бывает врожденной или благоприобретенной. Но если в тебе живет убийца, изгнать его из себя чертовски трудно. Возможно, убийца знал, что нам это известно. Понимал, что, если подставит Тони Лейке, мы, исходя из того, что

он склонен к насилию, легко примем все за чистую монету. Вот он и проник в дом Тони Лейке и позвонил Элиасу Скугу. Чтобы мы не искали других подозреваемых, которые могли быть в Ховассхютте.

— На момент звонка из дома Лейке никто, кроме полиции, еще не знал, что обнаружена связь всех убийств с Ховассхюттой.

— Какая разница? Он понимал, что со временем мы эту связь обнаружим. Хотя нам, черт побери, следовало обнаружить ее гораздо раньше. — Бельман снова взялся за бутылку.

— И кто же убийца?

— Седьмой человек из Ховассхютты, — сказал Микаэль Бельман. — Тот, что приехал с Аделе Ветлесен, причем никто не знает, кто он такой.

— Никто?

— У меня тридцать сотрудников. Мы прочесали квартиру Аделе. Никаких письменных свидетельств. Никаких дневников, открыток или писем, даже электронных писем или эсэмэсок. Все ее знакомые мужского пола, которых нам удалось установить, допрошены и вычеркнуты из списка. Как, впрочем, и женского. Никто из них не видел, с кем она была в горах, в Ховассхютте. Никого это не удивило: говорят, она меняла

партнеров так же часто, как трусики, и не имела обыкновения сообщать об этом. Нам удалось выяснить только, что Аделе сказала подруге, мол, ей с этим кавалером из хижины было то интересно, то не очень. Возможно, интересным она посчитала ночное свидание на заброшенной фабрике в костюме медсестры.

— Ну, если это самое интересное, мне, пожалуй, и не хочется знать, что же тогда было «не очень».

— Надо думать, то, что, когда он говорил, Аделе сразу вспоминала своего сожителя. Подруга даже не представляет, о чем речь.

— Никакой он ей не сожитель, — зевнула Кайя. — Гейр Брюн — педик. Если седьмой пытался возложить вину за убийства на Тони Лейке, он наверняка знал, что у того есть судимость.

— Конечно, о приговоре за насильственные действия мог знать кто угодно. Как и о том, где это произошло, — в коммуне Утре-Энебакк. Лейке чуть не стал убийцей, когда жил у деда на озере Люсерен. Будь ты убийцей, где бы ты утопила тело Аделе Ветлесен, чтобы привлечь внимание следствия к Лейке? Разумеется, в месте, которое как-то связано с ним и с его судимостью. Вот он и выбрал Люсерен. — Микаэль Бельман сделал

паузу. — Тебе что, скучно?

— Нет.

— Похоже, тебе совсем неинтересно.

— Мне… просто надо подумать о многом другом.

— Когда это ты начала курить? Кстати, у меня есть план, как нам найти седьмого.

Кайя посмотрела на него долгим взглядом.

Бельман вздохнул:

— И ты не спрашиваешь как, дорогая?

— Как?

— Используя его же тактику.

— И в чем она заключается?

— В том, чтобы переключить внимание на невиновного.

— По-моему, ты только эту тактику и применяешь.

Микаэль Бельман метнул на нее быстрый взгляд. Кое-что понемногу стало до него доходить. Кое-что насчет альфа-самца.

Он изложил ей свой план. Рассказал о том, как собирается выманивать седьмого.

А после он дрожал от холода и ярости. И сам не знал, что его так разозлило. То, что она не отреагировала никак: ни отрицательно, ни положительно. Или то, что сидела и курила с таким

видом, словно все это ее совершенно не касается. Как она не понимает, что от его шахматных ходов в эти роковые дни зависит не только его карьера, но и ее собственное будущее? Пусть ей и не быть новой фру Бельман, зато под его покровительством она может подняться по карьерной лестнице, ясное дело, если останется лояльной и по-прежнему будет снабжать его информацией. Или его вывел из себя заданный ею вопрос? Тот, что коснулся *его.* Другого. Старого, побежденного альфа-самца.

Она спросила про опиум. Спросила, действительно ли он собирался этим воспользоваться, если бы Холе не согласился взять на себя вину за арест Лейке.

— Разумеется, — сказал Бельман, напрасно пытаясь разобрать в темноте выражение ее лица. — А почему бы и нет? Он незаконно ввез наркотик.

— Дело не в нем. А в том, был ли ты готов ославить всю полицию.

Он покачал головой:

— Нас на такие уловки не купишь.

В холодном вечернем воздухе сухо прозвучал ее смех:

— Ну его-то ты явно подкупил.

— Он продажен, — сказал Бельман и залпом допил бутылку. — В этом разница между ним и мной. Слушай, Кайя, что ты пытаешься мне сказать?

Она открыла рот. Хотела сказать. Должна была сказать. Но тут у него зазвонил телефон. Она увидела, как он сует руку в карман и, как всегда, складывает губы в трубочку, только это был не поцелуй, а просьба помолчать. На случай, если звонит его жена, начальник или кто-то еще, кому незачем знать, что он приходит сюда, чтобы трахать свою сотрудницу из убойного отдела, ту, которая снабжает его информацией, необходимой ему, чтобы обойти в расследовании убийств конкурирующую фирму. Черт бы побрал Микаэля Бельмана. Черт бы побрал Кайю Сульнес. И прежде всего черт бы побрал…

— Он исчез, — сказал Микаэль Бельман, убирая телефон обратно в карман.

— Кто?

— Тони Лейке.

Глава 51
Письмо

Привет, Тони!

Ты долго хотел узнать, кто я такой. Думаю, теперь самое время открыть тебе правду. Я был той ночью в Ховассхютте, но ты меня не видел. Меня никто не видел, я был невидим, будто призрак. Но ты меня знаешь. Даже слишком хорошо. И сейчас я приду за тобой. Ты — единственный, кто может меня сейчас остановить. Все другие мертвы. Остались только ты и я, Тони. Ну что, теперь твое сердце забилось быстрее? Рука тянется к ножу? И ты наугад бьешь им в темноте, обмирая от страха, что у тебя отнимут жизнь?

Глава 52
Визит

Что-то разбудило его. Какой-то звук. Там, снаружи, всегда есть какие-то звуки, но все они ему знакомы, и от них он никогда не просыпается. Он встал, спустил ноги на холодный пол и выглянул в окно. Знакомый пейзаж. Кто-то назвал бы его пустынной местностью. Непонятно что имея в виду. Потому что тут никогда не бывает пусто, тут всегда что-то есть. Вот как теперь. Зверь? Или это он? Призрак? Ясно одно: там, снаружи, кто-то есть. Он взглянул на дверь. Она заперта на замок и на задвижку изнутри. Винтовка осталась в лабазе. Он вздрогнул под толстой фланелевой рубашкой, в которой и днем ходил, и ночью спал. В гостиной так пусто. Так пусто там, снаружи. Так пусто в мире. Но не пустынно. Потому что там их двое, двое тех, кто остался.

Харри снился сон. Снился лифт с зубами, женщина с палочкой для коктейля в пурпурно-красных губах, клоун с собственной смеющейся головой в руках, белая невеста, идущая к алтарю рука об руку со снеговиком, звезда, нарисованная

на пыльном телевизионном экране, однорукая девушка на вышке для прыжков в воду в Бангкоке, сладковатый запах мочи в писсуаре, очертания человеческого тела, проступающие сквозь синий пластик водяного матраса, пневматическая дрель и кровь, хлынувшая ему в лицо, теплая и смертоносная. Алкоголь, точно крест, чеснок и святая вода, всегда защищал его от привидений, но сегодня полнолуние, и пролита кровь девственниц, и призраки кишмя кишели, вырвавшись из темнейших углов и глубочайших могил, и танцевали, перебрасывали его друг другу в танце, все более яростно и дико, под сердечный стук смертельного страха и пожарной сирены, которая безостановочно выла здесь, в аду. И вдруг стало тихо. Совсем тихо. Оно снова здесь. Оно вернулось, заполнило его рот. Он не может дышать. Холодно и темно, хоть глаз выколи, и он не может пошевелиться, он…

Харри вздрогнул и растерянно поморгал в темноте. Между стенами повисло эхо. Эхо чего? Он схватил револьвер, который лежал на ночном столике, спустил ноги на холодный пол и пошел вниз, в гостиную. Пусто. В пустом баре по-прежнему горел свет. И одиноко стояла бутылка «Мартеля». Отец всегда был очень осторожен с

алкоголем, он знал, какие у него гены, и коньяк берег на тот случай, если понадобится что-нибудь предложить гостям. Гостей бывало немного. Пыльную ополовиненную бутылку унесло цунами — вместе с капитаном Джимом Бимом и матросом Харри Холе. Харри уселся в кресло, запустил пальцы в дырку на подлокотнике. Закрыл глаза и представил, как до половины наполняет бокал коньяком. Коньячный аромат, трепет, с которым подносишь бокал к губам и чувствуешь, как протестует охваченное паникой тело. А потом опрокидываешь содержимое бокала в рот.

Словно удар в висок.

Харри распахнул глаза. Снова наступила полная тишина.

И тут же снова оно.

Оно гудело в ушах. Как пожарная тревога в аду. То же самое, что его разбудило. Звонок в дверь. Харри посмотрел на часы. Половина первого.

Он вышел в коридор, включил свет на крыльце, увидел чей-то силуэт за рельефным стеклом, взял в правую руку револьвер, левой рукой повернул замок и распахнул дверь.

В свете луны он видел следы лыж, тянувшиеся через двор. Это не были следы его лыж. А призраки следов не оставляют.

Они шли вокруг дома на задний двор.

В тот же миг он вспомнил, что окно в спальне открыто, что ему следовало… Он затаил дыхание. И как будто кто-то затаил дыхание вместе с ним. Не человек, а кто-то еще. Животное.

Он обернулся. Открыл рот. Сердце перестало биться. Как оно могло двигаться так быстро и беззвучно? Почему подошло так… близко?

Кайя смотрела на него во все глаза.

— Можно войти? — спросила она.

Дождевик был ей великоват, волосы торчали во все стороны, лицо бледное и осунувшееся. Он несколько раз моргнул, чтобы проверить, не спит ли он. Такой красивой он ее еще никогда не видел.

Харри пытался блевать как можно тише. Он не пил уже больше суток, а желудок у него чувствительный, не любит резких перемен и восстает как против внезапных запоев, так и против внезапного воздержания. Харри спустил воду, осторожно выпил воды из стаканчика для зубных щеток и вернулся на кухню. На конфорке урчал кофейник, Кайя сидела на стуле и смотрела на него.

— Значит, Тони Лейке исчез, — сказал он.

Она кивнула.

— Микаэль приказал его найти. Но ничего не

вышло, его нет ни дома, ни в офисе, никаких сообщений он не оставил. Лейке не значится в списках пассажиров самолетов и морских судов за последние сутки. В конце концов один из следователей связался с Лене Галтунг. По ее словам, он мог пойти в горы. Чтобы поразмыслить, вроде у него такая привычка. Тогда он сел на поезд, потому что его машина стоит в гараже.

— Устаусет, — сказал Харри. — Он говорил, это его места.

— Во всяком случае, в гостинице он не останавливался.

— Ммм…

— Они говорят, он в опасности.

— Они?

— Бельман. Крипос.

— Я думал, ты скажешь «мы». Кстати, зачем Бельману понадобился Тони Лейке?

Она закрыла глаза:

— Микаэль придумал план. Чтобы заманить убийцу в ловушку.

— Да ну?

— Убийца стремится устранить всех, кто был тогда в Ховассхютте. Вот Бельман и решил уговорить Тони Лейке стать приманкой в его игре. Лейке дал бы интервью и рассказал, что пере-

живает трудный период и хочет побыть один. И сообщил бы газете, куда он собирается.

— А Крипос устроил бы там засаду.

— Да.

— Но теперь ваш план провалился. И поэтому ты здесь.

Она смотрела на него не мигая:

— Есть еще один человек, который мог бы стать приманкой.

— Иска Пеллер? Она в Австралии.

— Бельман знает, что она под защитой полиции и что ты беседовал с ней и с неким Маккормаком. Он хочет, чтобы ты уговорил ее приехать и выступить в качестве подсадной утки.

— А почему я должен сказать «да»?

Она уставилась на свои руки.

— Сам знаешь. Потому же, что и раньше.

— Ммм… Когда ты обнаружила, что в том блоке сигарет был опиум?

— Когда собиралась положить его в шкаф в спальне. Ты прав, от него сильно пахло. И я вспомнила, как пахло от тебя там, в Гонконге. Открыла упаковку и увидела в самом низу распечатанную пачку. Внутри нашла комочек. Рассказала Микаэлю. Он велел отдать тебе блок, когда ты попросишь.

— Наверное, тебе легко было меня предать. Ты знала, что я тебя использовал.

Она медленно покачала головой:

— Нет, Харри. Легче мне от этого не было. Может, так и должно быть, но…

— Но?

Она пожала плечами:

— Сообщение, которое я тебе передала, — моя последняя услуга Микаэлю.

— Да ну?

— Теперь я скажу ему, что больше не хочу с ним встречаться.

Кофейник перестал пыхтеть.

— Давно пора, — продолжала она. — И я не прошу простить мне то, как я обошлась с тобой, Харри. Это было бы слишком. Но я думала, надо тебе все рассказать вот так, лицом к лицу, чтобы ты понял. Потому и поехала к тебе сегодня. Чтобы сказать, что поступила так, потому что влюбилась, влюбилась как последняя дура. Любовь сделала меня продажной. А я себя продажной не считала. — Она уронила голову на руки. — Я предала тебя, Харри. Не знаю, что и сказать. Только то, что чувствовать себя предательницей еще хуже.

— Да мы все продажны, — сказал Харри. — Раз-

ве что просим разную цену. И в разной валюте. Твоя валюта — любовь. Моя — наркота. И знаешь что…

Кофейник снова запел, на этот раз на октаву выше.

— …мне кажется, поэтому ты лучше, чем я. Кофе?

Он развернулся и посмотрел на фигуру. Она стояла прямо перед ним, не двигаясь, словно стоит там уже давным-давно, словно это его собственная тень. Было так тихо, что он слышал свое собственное дыхание. Затем он почувствовал движение, в темноте что-то поднялось, послышался тихий свист, и тут же у него родилась странная мысль. А вдруг эта фигура и есть его тень, как ему почудилось? Вдруг он…

Мысль запнулась, будто произошел сдвиг во времени, будто на секунду из-за помех пропала картинка…

Он удивленно смотрел перед собой и чувствовал, как стекает по лбу теплая капля пота. Он говорил, но слова не имели смысла, словно что-то случилось и связь между мозгом и губами нарушилась. Вновь послышался тихий свист. А потом звук пропал. Пропали все звуки, он даже собственного дыхания не различал. Он обнаружил,

что стоит на коленях, что телефон лежит рядом с ним на полу. Перед ним на грубые половицы падала полоса белого лунного света, но, когда капля пота добралась до переносицы, полоса исчезла, капля попала в глаза и ослепила его. И тогда он понял, что это не пот.

Третий удар, как сосулька, пронзил ему голову, проник в горло, в глубину тела. Все замерзло.

Я не хочу умирать, подумал он и, защищаясь, попытался поднять руку над головой. И тут осознал, что не в состоянии пошевелить даже пальцем, и понял, что парализован.

Четвертого удара он уже не заметил, но запахло деревом, и он догадался, что уткнулся лицом в пол. Поморгал, и зрение в одном глазу вернулось. Прямо перед собой он увидел пару лыжных ботинок. Звуки медленно возвращались: его собственное прерывистое дыхание, спокойное дыхание того, другого, кровь, которая капала с кончика носа на половицы. Голос другого был просто шепотом, но казалось, что он кричит эти слова ему в ухо: «И тогда останется только один из нас».

Пробило два ночи, но они по-прежнему сидели на кухне и разговаривали.

— Седьмой человек, — сказал Харри и подлил

еще кофе. — Закрой глаза. Как ты его себе представляешь? Быстро, не думай.

— Он полон ненависти, — сказала Кайя. — Злой. Неуравновешенный, противный. Из тех мужчин, которых такие девицы, как Аделе, приманят, обчистят и выкинут. Дома у него полно порнографических журналов и фильмов.

— Почему ты так считаешь?

— Не знаю. Потому что он попросил Аделе прийти на заброшенную фабрику в форме медсестры.

— Продолжай.

— Он женственный.

— В каком смысле?

— Ну… У него высокий голос. Аделе сказала, что он, когда говорит, напоминает ей соседа по квартире, педика. — Она поднесла чашку ко рту и улыбнулась. — А возможно, он киноактер. С высоким голосом и чувственным ртом. Я, кстати, так и не вспомнила актера-мачо с женственным голосом.

Харри поднял чашку, словно чокаясь:

— А помнишь, что я говорил тебе об Элиасе Скуге, точнее, о том, что он видел в ту ночь на улице? Кто это был? Думаешь, он стал свидетелем изнасилования?

— Во всяком случае, это не Марит Ульсен, —

сказала Кайя.

— Ммм… Почему нет?

— Так ведь она была там единственной толстухой, и Элиас Скуг непременно бы ее узнал и назвал по имени, когда рассказывал эту историю.

— Я пришел к такому же выводу. Но по-твоему, это было изнасилование?

— Похоже на то. Он зажал ей рот, приглушая крики, затащил ее в туалет, что же это могло быть еще?

— Но почему Элиас Скуг не сразу подумал об изнасиловании?

— Не знаю. Наверное, было что-то не так в том, как… они стояли, в языке тел.

— Точно. Наше подсознание воспринимает гораздо больше, чем осознает наш разум. Он не сомневался, что это добровольный секс, поэтому просто пошел и снова лег спать. И лишь много позже, когда прочитал про убийства и вспомнил ту полузабытую сцену, подумал об изнасиловании.

— Игра, — сказала Кайя. — Это была игра, похожая на изнасилование. Вряд ли ее затеяли мужчина и женщина, которые только что повстречались в туристической хижине и вы-

скользнули за дверь, чтобы познакомиться поближе. Для этого надо полностью доверять друг другу.

— Выходит, те двое бывали вместе раньше, — сказал Харри. — А значит, это могли быть…

— Аделе и неизвестный. Седьмой.

— Если только в ту ночь там не был кто-то еще. — Харри смахнул пепел с сигареты.

— Где туалет? — спросила Кайя.

— До конца коридора и налево.

Он смотрел, как сигаретный дым поднимается к абажуру. Ждал. Не услышал, как хлопает дверь. Встал и пошел за ней.

Она стояла в коридоре и смотрела на дверь. Даже в полутьме он разглядел, как она сглатывает слюну, как блестят ее острые зубки. Он положил руку ей на спину и сквозь одежду почувствовал, как сильно колотится сердце.

— Хочешь, я открою?

— Ты, наверное, думаешь, я ненормальная, — сказала она.

— Все мы ненормальные. Открываю. Хорошо?

Она кивнула, и он открыл дверь.

Когда она вернулась, Харри сидел у кухонного стола. Она надела плащ.

— Мне пора домой.

Харри кивнул и вышел за ней в коридор. Смотрел, как она надевает сапоги.

— Так бывает, только когда я устала, — сказала она. — Я имею в виду двери.

— Знаю, — сказал Харри. — У меня все то же с лифтами.

— Правда?

— Да.

— Расскажи.

— Как-нибудь в другой раз. Кто знает, может, еще увидимся.

Она замолчала. Долго застегивала молнию на сапогах. Потом резко выпрямилась и оказалась так близко, что до него, как эхо, донесся ее запах.

— Расскажи сейчас, — потребовала она, и что-то странное, диковатое блеснуло в ее глазах.

— Ладно, — сказал он и почувствовал покалывание в кончиках пальцев, словно отогревались замерзшие руки. — В детстве у моей младшей сестры были очень длинные волосы. Мы навещали в больнице мать и собирались спуститься на лифте. Отец ждал внизу, он не переносил больницы. Сестрёныш стояла слишком близко к кирпичной стене, и волосы застряли между стеной и лифтом. А я так перепугался, что не мог пошевелиться. Стоял и смотрел, как ее тянет за

волосы.

— И что было дальше? — спросила она.

«Мы стоим слишком близко друг к другу, — подумал он. — У самой демаркационной линии. И оба это знаем». Он перевел дух.

— Она потеряла часть волос. Но они отросли. А я… потерял кое-что другое. И это не отросло.

— Тебе казалось, что ты ее предал.

— Это факт, я ее предал.

— А сколько тебе тогда было?

— Достаточно, чтобы предать. — Он улыбнулся. — Ты не думаешь, что для одной ночи хватит самобичевания? Моему отцу понравилось, что ты сделала книксен.

Кайя тихо рассмеялась:

— Спокойной ночи. — И сделала книксен.

Он шагнул вперед и открыл ей входную дверь:

— Спокойной ночи.

Она вышла на лестницу и обернулась.

— Харри?

— Да?

— Ты не чувствовал себя одиноким в Гонконге?

— Одиноким?

— Я смотрела на тебя, когда ты спал. Ты выглядел таким… одиноким.

— Да, — сказал он. — Я был одиноким. Спокойной ночи.

Они простояли чуть дольше, чем следовало, — на полсекунды. На каких-то пять десятых секунды раньше — и она бы уже спускалась по лестнице, а он шел назад, на кухню.

Ее руки сомкнулись вокруг его шеи, потянули его голову вниз, а сама она встала на цыпочки. Ее глаза затуманились, превратились в одно мерцающее озеро, прежде чем она их закрыла. Ее губы были полуоткрыты, когда встретились с его губами. Она держала его так, и он не двигался. Ему чудилось, будто кто-то бьет его кинжалом в живот, будто он принял морфий.

Она отпустила его.

— Приятных снов, Харри.

Он только кивнул в ответ.

Она повернулась и пошла вниз по лестнице. Он переступил порог, тихо закрыл за собой дверь.

Он успел убрать со стола, сполоснуть кофейник и поставить его на место, когда раздался звонок.

Он пошел открывать.

— Я кое-что забыла, — сказала она.

— Что? — спросил он.

Она подняла руку и провела ладонью по его лбу.

— Как ты выглядишь.

Он притянул ее к себе. Ее кожа. Запах. Он падал, и это было чудесное, головокружительное падение.

— Я хочу тебя, — прошептала она. — Хочу заняться с тобой любовью.

— А я с тобой.

Они отпустили друг друга. Посмотрели друг другу в глаза. Внезапно все стало таким торжественным, и на мгновение ему показалось, что она раскаивается. И он сам раскаивается. Потому что это было чересчур, да и чересчур быстро. И чересчур много было всего другого, слишком много лишнего, слишком много прошлого, слишком много разных веских доводов. Но она все равно взяла его за руку, почти боязливо, прошептала «пойдем» и стала подниматься по лестнице. Он шел за ней.

В спальне было холодно и пахло родителями. Он включил свет.

Большая двуспальная кровать была убрана, на ней лежало два одеяла и две подушки.

Харри помог ей поменять постельное белье.

— На какой стороне он спал? — спросила она.

— Вот на этой, — показал Харри.

— И он продолжал спать тут, когда ее не ста-

ло, — сказала она словно себе самой. — На всякий случай.

Они разделись, не глядя друг на друга. Забрались под одеяло и там встретились.

Сначала они просто лежали, прижавшись друг к другу, целовались, пробуя друг друга на вкус, осторожно, словно боялись что-то разрушить раньше времени. Слушали дыхание друг друга и шорох автомобильных шин под окнами. Потом поцелуи стали жадными, прикосновения смелыми, и он услышал у самого уха ее хриплое, возбужденное дыхание.

— Ты боишься? — спросил он.

— Нет, — простонала она, ухватила его твердый член, приподняла бедра и хотела направить его в себя, но он убрал ее руку и вошел в нее сам.

Она не издала ни звука, лишь судорожный вздох. Он закрыл глаза, лежал неподвижно и только чувствовал себя в ней. Потом начал осторожно двигаться. Открыл глаза, встретил ее взгляд. Казалось, она вот-вот заплачет.

— Поцелуй меня, — прошептала она.

Она обхватила его язык своим, с внутренней стороны он был гладким, а снаружи шероховатым. Быстрее и глубже, медленнее и глубже. Не выпуская его язык, она перевернула Харри на

спину и села на него верхом. Она сильно прижималась к его животу всякий раз, когда опускалась на него. Потом выпустила его язык, откинула назад голову и хрипло застонала. Два раза — глубокий, звериный звук, который становился все громче, а потом ей не хватило воздуха, и она снова замолчала. Горло раздулось от крика, который не находил выхода. Он поднял руку, положил два пальца на голубую артерию, бившуюся у нее на шее.

И она закричала — словно от боли, словно от ярости, словно вырвавшись на свободу. Харри почувствовал, что вот-вот кончит, и не стал сдерживаться. Это было совершенно, настолько совершенно, что он поднял руку и ударил кулаком в стену у себя за спиной. И Кайя рухнула на него, как будто он сделал ей смертельную инъекцию.

Так они и лежали, раскинувшись, будто павшие на поле боя. Харри почувствовал, как в ушах у него шумит кровь, как по всему телу растекается блаженство. Он бы поклялся, что это и называется счастьем.

Он заснул и проснулся оттого, что пришла она, легла в кровать и тесно прижалась к нему. На ней была одна из отцовских маек. Она поцеловала

его, пробормотала что-то и заснула, дыхание ее было легким и спокойным. Харри смотрел в потолок. И не отгонял нахлынувшие мысли, знал, что сопротивляться им бесполезно.

Так хорошо. Ему не бывало так хорошо с тех пор как… как…

Шторы были не задернуты, и в половине шестого по потолку поползли тени от фар, Осло просыпался и медленно собирался на работу. Он взглянул на Кайю еще раз. А потом тоже заснул.

Глава 53
Зацеп

Когда Харри проснулся, на часах было уже девять, комната купалась в дневном свете, но рядом с ним никого не оказалось. На телефоне он обнаружил четыре голосовых сообщения.

Первое — от Кайи, которая сказала, что она в машине, едет домой, чтобы переодеться перед работой. И благодарит его за… за что, он не расслышал, только тихий смех, прежде чем она положила трубку.

Второе — от Гуннара Хагена, он интересовался, почему Харри не ответил ни на один из его звонков, и сообщал, что пресса охотится за ним из-за необоснованного задержания Тони Лейке.

Третье — от Гюнтера, который в очередной раз назвал Харри Клейном и сообщил, что полиция Лейпцига не нашла паспорт Юлианы Верни и потому не может проверить, есть ли там штамп Кигали.

Четвертое сообщение оказалось от Микаэля Бельмана, который просто попросил Харри в два часа явиться в Крипос: он исходит из того, что

Сульнес ему все объяснила.

Харри встал. Чувствовал он себя хорошо. Даже лучше, чем хорошо. Возможно, он чувствовал себя потрясающе. Он прислушался к себе. О'кей. Сказать «фантастически» все-таки, наверное, было бы преувеличением.

Он спустился, съел пару хрустящих хлебцев и сначала сделал важный звонок.

— Вы говорите с Сес Холе. — Голос ее звучал так торжественно, что он невольно улыбнулся.

— А вы разговариваете с Харри Холе, — сказал он.

— Харри! — Она произнесла его имя еще два раза.

— Привет, Сестрёныш.

— Папа сказал, ты дома. Ты почему раньше не звонил?

— Я был не готов, Сестрёныш. Сейчас готов. А ты?

— Я всегда готова, Харри. Ты же знаешь.

— Да, правда. Давай пообедаем в городе, а потом съездим к папе. Я тебя приглашаю.

— Да! У тебя такой радостный голос, Харри. Это из-за Ракели? Ты с ней говорил? Я разговаривала с ней вчера. А что это у тебя за звук?

— Это у меня хлебцы посыпались на пол из

упаковки. А что она хотела?

— Она спрашивала про папу. Она узнала, что он болен.

— И все?

— Да. Нет. У Олега все хорошо.

Харри сглотнул слюну:

— Здорово. Ну, скоро увидимся.

— Только не забудь. Я так рада, что ты дома, Харри! Мне столько надо тебе рассказать!

Харри положил трубку на кухонный стол и наклонился, чтобы поднять с пола рассыпавшиеся хлебцы, и тут телефон зазвонил снова. С Сестрёнышем такое случалось: стоило ей положить трубку, как она тут же вспоминала, что забыла сказать что-то важное. Он выпрямился.

— Что такое?

Глубокий кашель. Потом голос, мужчина представился Абелем. Имя показалось знакомым, и Харри автоматически принялся копаться в памяти. Там в строгом хронологическом порядке хранились папки с прошлыми делами. Он помнил все: имена, лица, номера домов, даты, звук голоса, цвет и модель автомобиля. Хотя мог вдруг забыть, как зовут соседей, с которыми три года живет в одном подъезде, или когда день рождения у Олега. Это называется профессиональной

памятью следователя.

Харри слушал не перебивая.

— Я понимаю, — сказал он наконец. — Спасибо, что позвонили.

Он отсоединился и набрал новый номер.

— Крипос, — ответил усталый голос на коммутаторе. — Вы звоните Микаэлю Бельману.

— Да. Холе из убойного отдела. А где Бельман?

Голос сообщил, где находится комиссар.

— Логично, — сказал Харри.

— Что? — зевнула девица на коммутаторе.

— Ведь он этим и занимается, правда?

«Шёйенский скалодром» — вот что гласила надпись на стеклянной двери, выходившей прямо на парковку. Он открыл дверь и вошел внутрь. Спускаясь по лестнице, остановился, чтобы пропустить стайку радостных школьников, направлявшихся к выходу. Сбросил ботинки, оставил их внизу у лестницы. В просторном зале полдюжины человек находились на разных уровнях десятиметровых скальных стендов. И хотя это были просто стены, они напоминали горные склоны из папье-маше в фильмах про Тарзана, которые Харри с Эйстейном в детстве смотрели в кинотеатре «Симра». С той разницей, что из этих торчали красочные зацепы и крюки с узлами и

карабинами. От синих матов, по которым шел Харри, тянуло мылом и потными ногами. Он остановился рядом с кривоногим коренастым мужиком, сосредоточенно следившим за выступом у себя над головой. От его альпинистской обвязки тянулась веревка к человеку, висевшему на руке в восьми метрах над ними. Человек раскачался, поднял ногу, завел пятку за розовый грушевидный зацеп, другой ногой встал на маленький выступ и, подтянув веревку, элегантным, плавным движением намотал ее на якорь.

— Got you![116] — крикнул он и, качнувшись на веревке, уперся ногами в стену.

— Хват пяткой, — прокомментировал Харри. — Любит твой шеф выделываться, а?

Юсси Колкка не ответил и даже не удостоил Харри взглядом, только потянул за рычаг спускового устройства.

— В офисе сказали, что ты здесь, — сообщил Харри скалолазу, скользнувшему по веревке вниз.

— Я тут занимаюсь каждую неделю по графику, — пояснил Бельман. — Возможность тренироваться в рабочее время — одно из преимуществ полицейской службы. А ты, Харри? Выглядишь

---

[116] Примечания: 116
Здесь: есть! *(англ.)*

накаченным. Приличная мышечная масса. То, что надо для скалолазания.

— Амбиций только маловато, — посетовал Харри.

Широко расставив ноги, Бельман приземлился и слегка потянул за веревку, чтобы ослабить узел-восьмерку.

— Не понял.

— Не вижу смысла в том, чтобы карабкаться так высоко. Предпочитаю боулдеринг где-нибудь на горках. Иногда хожу по холмам.

— Боулдеринг, — фыркнул Бельман, расстегнул обвязку и снял ее. — А ты знаешь, что гораздо больнее падать без веревки с двухметровой высоты, чем с веревкой с тридцати?

— Да, — криво улыбнулся Харри. — Это я знаю.

Бельман сел на скамейку, скинул скальные туфли, похожие на балетные, и стал растирать ноги, пока Колкка подтягивал и сматывал веревку.

— Получил мое сообщение?

— Да.

— Тогда к чему такая спешка, мы ведь в два все равно увидимся?

— Я хотел кое-что прояснить, Бельман.

— Прояснить?

— До того, как мы встретимся со всеми осталь-

ными. Нам надо договориться, на каких условиях я войду в команду.

— В команду? — Бельман рассмеялся. — О чем это ты, Харри?

— Ты хочешь, чтобы я выразился точнее? Я не нужен тебе, чтобы позвонить в Австралию и уговорить эту девицу прилететь сюда и изобразить подсадную утку, с этим ты и сам отлично справишься. От меня тебе нужна *помощь*.

— Харри! Честно говоря, сейчас…

— Ты выглядишь усталым, Бельман. И сам уже это замечаешь, верно? По-твоему, после убийства Марит Ульсен пресса как с цепи сорвалась. — Харри присел на скамейку рядом с комиссаром. Даже сидя, он был сантиметров на десять выше. — В прессе изо дня в день настоящая «Feeding frenzy»[117]. Нельзя пройти мимо газетной стойки или включить телевизор, чтобы тебе не напомнили про Дело. Дело, которое ты не раскрыл. Дело, о котором постоянно зудит начальство. Это из-за него приходится устраивать пресс-конференции, где стервятники, перекрикивая друг друга, набрасываются на тебя с вопросами. Теперь еще тип,

[117] Примечания: 117

«Пищевое бешенство» *(англ.)* — компьютерная игра, в которой игрок поедает мелкую рыбешку и растет, чтобы на последнем уровне сразиться с Акульим царем.

которого ты сам же и отпустил, просто взял и растворился в воздухе. А стервятников-журналистов все больше и больше, и некоторые клекочут уже и на шведском, и на датском, а то и на английском. Мне доводилось испытать такое, Бельман. Скоро они, черти, и по-французски заговорят. Потому что ты *обязан* раскрыть это Дело, Бельман. А оно не движется с места.

Бельман не отвечал, у него на лице перекатывались желваки. Подошел Колкка, убрал веревку в рюкзак, но Бельман движением головы велел ему уйти. Финн, как послушный терьер, вразвалочку потрусил к выходу.

— Что тебе надо, Харри?

— Я предлагаю решить это здесь, с глазу на глаз, а не при всех.

— Ты хочешь, чтобы я *попросил* тебя помочь?

Харри заметил, как Бельман изменился в лице.

— Думаешь, твое положение позволяет тебе торговаться, Харри?

— Ну… Думаю, оно уже давно не было таким выгодным.

— Ошибаешься.

— Кайя Сульнес не хочет на тебя работать, Бьёрна Хольма ты повысил по службе, но засадил в офис. Если ты вышлешь его снова на место

происшествия, он будет только рад. Я единственный, на кого ты сейчас можешь как-то надавить, Бельман.

— Ты забыл, что я могу тебя упечь, и тогда ты отца живым не увидишь.

Харри покачал головой:

— Видеться больше не с кем, Бельман.

Микаэль Бельман удивленно поднял бровь.

— Утром мне звонили из больницы, — сказал Харри. — Ночью отец впал в кому. Абель, его врач, говорит, он из нее уже не выйдет. О чем мы с отцом не успели поговорить, о том уже не поговорим.

Глава 54
Тюльпан

Бельман молча смотрел на Харри. Точнее, на Харри смотрели его глаза, коричневые, как у лани, но их взгляд был обращен внутрь. Харри знал, что там, внутри, наверняка заседает какой-то комитет, причем, похоже, между участниками возникли серьезные разногласия. Бельман намеренно медленно отстегнул от пояса мешочек с магнезией, словно хотел выиграть время. Время на размышления. Потом резким, злым движением запихнул мешочек в рюкзак.

— Если бы я и правда попросил мне помочь, не имея возможности надавить на тебя, — сказал он, — то с какой бы стати тебе на это соглашаться?

— Не знаю.

Бельман оставил свой рюкзак и взглянул на Харри:

— Не знаешь?

— В общем, так. Я уж точно сделаю это не из любви к тебе, Бельман. — Харри перевел дух. Повертел в руках сигаретную пачку. — Попробую

тебе объяснить: даже тот, кто считает себя бездомным, иногда вдруг понимает, что у него есть дом. Место, где он бы хотел когда-нибудь быть похороненным. Знаешь, где бы мне хотелось лежать после смерти, Бельман? В парке перед Полицейским управлением. Не потому, что я так сильно люблю полицию, не потому, что так называемый корпоративный дух для меня что-то значит. Наоборот, мне плевать на трусливую полицейскую лояльность, на кровосмесительное кумовство, единственное объяснение которому — боязнь, что и тебе самому когда-нибудь понадобится ответная услуга. Коллега, который способен тебе и отомстить, и обеспечить нужные свидетельские показания, и, если понадобится, на что-то закрыть глаза. Я все это ненавижу. — Харри повернулся к Бельману. — Но полиция — единственное, что у меня есть. Это мое племя. А распутывать убийства — моя работа. И неважно, для Крипоса или для убойного отдела. Ты в состоянии это понять, Бельман?

Микаэль Бельман сжал пальцами нижнюю губу.

Харри кивком показал на стенд:

— На сколько баллов ты лазаешь, Бельман? На семь с плюсом?

— На восемь с минусом. Примерно.

— Это круто. Хотя спорим, сам ты считаешь, что лазаешь еще круче. Вот и я — что-то в этом роде.

Бельман кашлянул:

— Ладно, Харри. — Он туго затянул шнуровку на рюкзаке. — Будешь нам помогать?

Харри сунул сигареты в карман и склонил голову:

— Конечно.

— Но сначала мне надо переговорить с твоим шефом, узнать, согласится ли он.

— Нет необходимости, — сказал Харри, вставая. — Я уже сообщил ему, что с этой минуты работаю с вами. Увидимся в два.

Из окна двухэтажного кирпичного дома Иска Пеллер смотрела на ряд совершенно таких же домов по другую сторону улицы. Похоже на какую угодно улицу в каком угодно городе Англии, но это всего лишь небольшой район в Сиднее, Австралия. И называется он Бристоль. Дул холодный южный ветер. Послеполуденное тепло улетучивалось, как только заходило солнце.

Она слышала, как лает собака, как сплошным потоком несутся по шоссе машины в двух кварталах отсюда.

Мужчину и женщину в машине на другой

стороне улицы сменили двое мужчин. Каждый потягивал что-то из бумажного стаканчика с крышкой. Медленно, потому что ничто в мире не заставит тебя пить кофе быстро, если впереди восьмичасовое дежурство, во время которого ты не будешь делать ровным счетом ничего. Сбрось скорость, притормози метаболизм, делай, как аборигены, войди в то заторможенное, непробиваемое состояние, которое и есть их режим ожидания: в нем они способны проводить час за часом, день за днем — как потребуется. Она подумала, а смогут ли ей помочь эти медлительные любители кофе, если *действительно* что-то случится.

— Прошу прощения, — сказала она в трубку, стараясь скрыть дрожь в голосе. Голос дрожал потому, что она с трудом подавляла гнев. — Я была бы рада помочь вам найти того, кто убил Шарлотту, но о том, что вы предлагаете, нечего и говорить. — Но тут гнев все-таки вырвался наружу: — Как вы можете мне такое предлагать! Я и здесь уже подсадная утка. Да не поеду я в Норвегию ни за какие коврижки. Вы — полиция, вам платят за то, чтобы вы нашли этого монстра, вот сами и становитесь приманкой!

Она нажала на рычаг и отшвырнула от себя

телефон. Он угодил в кресло, где на подушке лежала одна из ее кошек. Кошка вскочила и удрала на кухню. Иска Пеллер спрятала лицо в руках и дала волю слезам. Дорогая Шарлотта. Ее дорогая, милая, любимая Шарлотта.

Раньше она никогда не боялась темноты, но сейчас только и думала о том, что вот скоро снова зайдет солнце, наступит ночь, неумолимо, и так день за днем, день за днем.

Телефон наигрывал начало песни «Antony and the Johnsons», свет от дисплея падал на подушку. Она взглянула на него и почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом. Номер начинался с +47. Снова звонили из Норвегии.

Она поднесла телефон к уху:

— Да?

— Это опять я.

Она вздохнула с облегчением. Это всего лишь полицейский.

— Если уж вы не хотите приехать сюда, так сказать, во плоти, позвольте нам хотя бы воспользоваться вашим именем?

Кайя смотрела на мужчину, тонувшего в объятиях рыжеволосой женщины, склонившейся над его обнаженной шеей.

— Что это, по-твоему? — спросил Микаэль. Го-

лос его эхом отзывался в стенах музея.

— Она его целует, — сказала Кайя и на шаг отступила от картины. — Или утешает.

— Она кусает его и сосет кровь, — сказал Микаэль.

— Почему ты так думаешь?

— Именно поэтому Мунк и назвал картину «Вампир». Все готово?

— Да, мой поезд в Устаусет отходит через час.

— А почему ты попросила меня сюда прийти?

Кайя собралась с духом:

— Хотела сказать тебе, что мы больше не можем встречаться.

Микаэль Бельман покачался на каблуках:

— «Любовь и боль».

— Что?

— Именно так Мунк первоначально назвал эту картину. Харри проинструктировал тебя по поводу деталей нашего плана?

— Да. Ты что, не слышал, что я сказала?

— Спасибо, Сульнес, я прекрасно слышу. И если не ошибаюсь, ты это уже пару раз говорила. Я предлагаю тебе передумать.

— Я решила окончательно, Микаэль.

Он провел пальцами по узлу галстука.

— Ты с ним спала?

Она встрепенулась:

— С кем?

Бельман тихо рассмеялся.

Кайя не смотрела, как он уходил, взгляд ее был прикован к лицу женщины на картине, но она слышала его удаляющиеся шаги.

Свет сочился сквозь серые стальные жалюзи. Харри пытался согреть руки, обхватив белую кофейную кружку с синими буквами «Крипос». Переговорная ничем не отличалась от такой же в убойном отделе, где он провел столько часов своей жизни. Светлая, дорого обставленная и все равно довольно спартанская, в том холодном современном стиле, который объясняется не стремлением к минимализму, а некой бездушностью. Помещение, которое побуждает к такой эффективности, что отсюда дальше можно прямо в ад.

Восемь человек в помещении составляли то, что Бельман называл костяком следственной группы. Харри знал здесь только двоих: Бьёрна Хольма и грубоватую и приземленную, без особой фантазии следовательницу, которую все называли Пеликаншей, она тоже когда-то работала в убойном. Бельман представил Харри присутствующим, включая Эрдала, человека в роговых

очках и коричневом костюме того стиля, который наводит на мысль о бывшей ГДР. Он сидел в конце стола, держался отстраненно и чистил ногти пилкой из складного швейцарского армейского ножа. Наверняка служил в военной разведке.

Отчеты лишь подтвердили предположение Харри, что расследование стоит на месте. Все словно заняли оборонительную позицию, особенно тот, кто докладывал о результатах поисков Тони Лейке. Он подробно рассказывал, какие транспортные компании дали отрицательный ответ на вопрос о наличии Лейке в списках их пассажиров и какие телефонные компании сообщили, что их базовые станции не ловили сигналов его мобильного. Ни в одной из гостиниц города не был зарегистрирован постоялец с такой фамилией, зато им позвонил Капитан и сказал, что видел человека, похожего на Тони Лейке (даже Харри знал, что портье в отеле «Бристоль» — рьяный полицейский осведомитель, который помогает им по собственной инициативе). Старший следователь говорил о проделанной работе с множеством впечатляющих подробностей, не замечая, что на самом деле он оправдывается за

то, что результатов никаких. Ноль. Nada[118].

Бельман сидел во главе стола, положив ногу на ногу и все еще страдая от болезненного ощущения неудовлетворенности. Он поблагодарил за отчеты и представил Харри более официально, быстро зачитав что-то вроде резюме, где фигурировал год окончания Полицейской академии, курсы ФБР по серийным убийствам в Чикаго, сиднейское расследование, повышение до старшего инспектора и, разумеется, дело Снеговика.

— Итак, начиная с сегодняшнего дня Харри — часть команды, — сказал Бельман. — Он отчитывается лично мне.

— И только тебе подчиняется? — громыхнула Пеликанша. Харри вспомнил, что своим прозвищем она обязана именно манере говорить, опуская длинный, похожий на клюв нос к длинной тощей шее и глядя поверх очков скептически и в то же время хищно, словно раздумывая, хотела бы она видеть тебя в своем меню или нет.

— Напрямую он никому не подчиняется, — ответил Бельман. — И в команде он вольный стрелок. Давайте считать старшего инспектора Холе консультантом. Или как, Харри?

---

[118] Примечания: 118
Ничего *(исп.)*.

— Почему бы и нет? — сказал Харри. — Консультант — это тот, кому переплачивают, кого переоценивают и кто думает, что знает то, чего не знаете вы.

Осторожные смешки вокруг стола. Харри переглянулся с Бьёрном Хольмом, тот ободряюще кивнул в ответ.

— Если не считать того, что в данном случае он действительно знает больше, — сказал Микаэль Бельман. — Ты говорил с Иской Пеллер, Харри.

— Да, — сказал Харри. — Но сначала мне бы хотелось узнать поподробнее, как вы собираетесь использовать ее в качестве приманки.

Пеликанша кашлянула:

— Детали мы пока не прорабатывали. Просто думали вытащить ее в Норвегию и дать информацию о месте, где она находится, чтобы убийца решил, будто она легкая добыча. А мы будем сидеть в засаде и надеяться, что он заглотал наживку.

— Ммм, — сказал Харри. — Просто.

— Как правило, самое простое оказывается и самым эффективным, — сообщил мужчина в гэдээровском костюме и сосредоточился на ногте указательного пальца.

— Согласен, — сказал Харри. — Но подсадной

утки у нас не будет. Иска Пеллер отказалась приехать.

Послышались разочарованные вздохи.

— То, что я хотел предложить, еще проще, — сказал Харри. — Иска Пеллер спросила, почему бы нам, раз уж нам платят за то, чтобы мы поймали монстра, самим не стать приманкой?

Он окинул стол взглядом. Привлечь внимание ему определенно удалось. Вот убедить их будет посложнее.

— У нас есть преимущество перед убийцей. У него, по-видимому, есть страница из гостевой книги в Ховассхютте, так что имя Иски Пеллер ему известно. Но он не знает, как она выглядит. Хотя мы и полагаем, что убийца в ту ночь был в Ховассхютте, Иска и Шарлотта Лолле оказались там раньше. Иска болела и провела день и ночь в спальне, где, кроме нее и Шарлотты, никого не было. Она оставалась там, пока все остальные не разъехались. Другими словами, мы можем устроить представление, где роль Иски Пеллер сыграет наша сотрудница, и убийца ее не разоблачит.

Он снова оглядел присутствующих. Их лица не выражали ничего, кроме скепсиса.

— И как ты рассчитываешь пригласить на это представление публику? — спросил Эрдал, за-

крывая свой швейцарский нож.

— Используя то, в чем у Крипоса нет равных, — сказал Харри.

Наступило молчание.

— О чем это ты? — спросила наконец Пеликанша.

— О пресс-конференции, — ответил Харри.

В зале повисла тяжелая тишина. Пока ее не разорвал смех. Смеялся Микаэль Бельман. Они с удивлением посмотрели на шефа. И поняли, что план Харри Холе был утвержден заранее.

— Итак… — начал Харри.

После совещания Харри отозвал Бьёрна Хольма в сторонку.

— Нос еще болит? — спросил он.

— Это ты так просишь прощения?

— Нет.

— Ну… В общем, повезло тебе, Харри, что ты не сломал мне нос.

— Как знать, может, со сломанным тебе было бы лучше.

— Так ты будешь просить прощения?

— Прости, Бьёрн.

— Ладно. Значит, тебе нужна моя помощь.

— Да.

— И чего ты хочешь?

— Скажи, а вы ездили в Драммен и проверяли одежду Аделе на ДНК? Ведь она и раньше встречалась с тем парнем, с которым была в Ховассхютте.

— Мы просмотрели весь ее гардероб, но беда в том, что одежду стирали, потом снова носили, да и Аделе с тех пор общалась с другими мужчинами.

— Ммм… Насколько я понял, лыжница она была никакая. Вы проверяли, скажем, ее лыжный костюм?

— У нее его вообще не было.

— А форму медсестры? Может, она надевала ее всего один раз и на ней остались следы спермы?

— Нет.

— Как насчет вызывающей мини-юбки или шапочки с красным крестом?

— Ничего такого не нашли. Только светло-голубые форменные брюки и туники, но от них особо не возбудишься.

— Ну… Может, ей не удалось раздобыть мини. Или она не решилась его надеть. А ты не мог бы переправить мне ее больничные одежки?

Хольм вздохнул:

— Как я уже говорил, всю одежду мы осмотрели на месте, и все, что можно выстирать, было вы-

стирано. Не осталось ни пятнышка, ни волоска.

— А не отдать ли все это в лабораторию? Чтобы там проверили как следует?

— Харри…

— Спасибо, Бьёрн. И я пошутил, у тебя потрясный шнобель. Правда.

Было четыре часа, когда Харри заехал за Сестрёнышем на машине Крипоса, которую Бельман теперь ему предоставил. Они отправились в Государственную больницу и переговорили с доктором Абелем. Харри перевел то, что Сестрёныш не смогла понять, она всплакнула. Потом они пошли взглянуть на отца, его перевели в другую палату. Сестрёныш сжимала отцовскую руку, снова и снова шептала его имя, словно пыталась ласково пробудить его ото сна.

Зашел Сигурд Алтман, положил руку Харри на плечо, но ненадолго, и сказал несколько слов — совсем немного.

Высадив Сестрёныша у ее квартирки на Согнсванн, Харри поехал в центр, петляя по улицам с односторонним движением, перекопанным улицам, тупикам. Он проезжал районы проституток, шопинга, наркоманов, и только когда город вдруг оказался под ним, он понял, что едет к

немецким бункерам. Он позвонил Эйстейну, тот появился через десять минут, припарковал свое такси возле машины Харри, приоткрыл дверь, включил музыку, подошел и сел на каменный барьер рядом с Харри.

— Он в коме, — сказал Харри. — Может, это не так уж плохо. Закурить найдется?

Они сидели и слушали «Transmission» в исполнении «Joy Division». Эйстейну всегда нравились исполнители, которые умерли молодыми[119].

— Жаль, что у меня не было времени с ним поговорить, когда он слег. — Эйстейн глубоко затянулся.

— Ты и раньше этого не делал, так что время тут ни при чем, — сказал Харри.

— Одно утешение.

Харри засмеялся. Эйстейн покосился на него и улыбнулся, словно не был уверен, можно ли смеяться, когда отец у тебя на смертном одре.

— А сейчас чем думаешь заняться? — спросил Эйстейн. — Может, выпьем по такому случаю? Я позвоню Валенку…

— Нет, — сказал Харри и потушил сигарету. — Буду работать.

---

[119] Примечания: 119

Британская рок-группа «Joy Division» распалась в 1980 г. после самоубийства вокалиста и автора песен Яна Кертиса.

— Лучше смерть и разложение, чем пропустить стаканчик?

— Ты можешь заехать к папаше и сказать ему «всего!». Пока он еще дышит.

Эйстейн поежился:

— Мне в больницах не по себе. К тому же он все равно ни фига не слышит, верно?

— Я не о нем думал, Эйстейн.

Эйстейн прищурился от дыма:

— Если у меня есть хоть какое-то воспитание, то это только благодаря твоему отцу, Харри. Ты ведь знаешь. Мой-то был полное дерьмо. Я съезжу туда завтра.

— Рад за тебя.

Он смотрел на стоящего над ним мужчину. Видел, как шевелятся его губы, слышал слова, но, наверное, у него что-то повредилось в голове, и он не мог составить из них что-то осмысленное. Он понял только одно: час настал. Месть. Ему придется платить. И это в каком-то смысле облегчение.

Он сидел на полу, привалившись спиной к большой круглой железной печке.

Руки выше локтя были схвачены двумя лыжными ремешками и привязаны к печке. Время от времени его рвало, должно быть от сотрясения

мозга. Кровотечение остановилось, тело вновь обрело чувствительность, но в глазах все еще мутилось, туман то сгущался, то рассеивался. Тем не менее никаких сомнений у него не было. Тот самый голос. Голос призрака.

— Скоро ты умрешь, — прошептал он. — Как и она. Но тебе еще есть за что побороться. Дело в том, что ты сам должен выбрать, как умрешь. К сожалению, есть только два способа. Леопольдово яблоко…

Мужчина вытащил перфорированный металлический шарик с коротким металлическим шнурком, свисающим из одного отверстия.

— Его уже отведали три девушки. Правда, ни одной из них оно особенно не понравилось. Но это безболезненно и быстро. И нужно, чтобы ты ответил на один-единственный вопрос. Как? И кто еще знает? С кем ты сотрудничал? Поверь мне, лучше уж яблоко, чем то, другое. И ты, как разумный человек, наверняка понял, что другое — это…

Мужчина встал, преувеличенно медленно похлопал себя по плечам и широко улыбнулся. Тишину прорезал свистящий шепот:

— Здесь немного прохладно, тебе не кажется?

И он услышал скрипучий звук, а за ним тихое

шипение. Он уставился на спичку. На устойчивое желтое пламя в форме тюльпана.

Глава 55
Бирюза

Наступил вечер, ясный, звездный и обжигающе холодный.

Харри припарковал машину на холме недалеко от дома, адрес которого узнал на станции Воксенколлен. Особняк выделялся даже на этой улице, застроенной большими дорогими виллами. Он словно попал сюда из норвежской народной сказки: королевский замок из потемневших бревен, с монументальными деревянными столбами крыльца и травой на крыше. Во дворе стояло еще одно строение и что-то вроде лабаза в диснеевском стиле на столбах, в каких в деревнях хранили продукты. Харри сомневался, что судовладелец Андерс Галтунг не может позволить себе вместительный холодильник.

Харри позвонил у входа, заметил камеру на стене и назвал свое имя, когда женский голос попросил его представиться. Он пошел к дому по щедро освещенной дорожке, под ногами шуршал гравий, готовый уничтожить то немногое, что еще оставалось от его подметок.

Женщина средних лет в фартуке и с бирюзовыми глазами встретила его и провела в пустую гостиную. Она сделала это с такой точно выверенной смесью достоинства, высокомерия и профессионального дружелюбия, что, даже когда она покинула Харри, спросив его: «Кофе или чай?», он все еще сомневался, кто же это был — сама фру Галтунг, прислуга или то и другое в одном лице.

Когда европейские сказки добрались до Норвегии, в стране не было ни короля, ни дворянства, поэтому в норвежских версиях сказок король изображается как богатый крестьянин в горностаевой мантии. Именно таким и предстал перед Харри вошедший в гостиную Андерс Галтунг — жирный, приветливый и слегка потеющий богатый крестьянин в вязаной норвежской кофте. Он обменялся с Харри рукопожатием, и улыбка тут же сменилась более уместным в данной ситуации озабоченным выражением. Пыхтя, он задал вопрос:

— Есть новости?

— Боюсь, нет.

— Как я понял из разговоров с дочкой, Тони частенько пропадает из виду.

Харри показалось, что Галтунг произнес имя

будущего зятя с некоторым усилием. Сидя напротив Харри в расписанном в народном стиле кресле, судовладелец тяжело дышал.

— Есть ли у вас… точнее, *лично* у вас какие-нибудь предположения, господин Галтунг?

— Предположения? — Андерс Галтунг так затряс головой, что даже челюсти клацнули. — Я недостаточно хорошо его знаю, чтобы выдвигать какие-то версии. Поехал в горы, в Африку, откуда мне знать?

— Ммм… Честно говоря, я пришел поговорить с вашей дочерью…

— Лене сейчас придет, — перебил его Галтунг. — Я хотел сначала сам справиться…

— Справиться о чем?

— Узнать, есть ли новости. И… и еще, уверены ли вы, что парню нечего скрывать?

Харри заметил, что «Тони» превратился в «парня», и понял, что первое впечатление его не обмануло: отец не в восторге от выбора дочери.

— А вам, Галтунг?

— Мне? Ну, я отношусь к нему с доверием. Несмотря ни на что, я намерен вложить в этот его конголезский проект солидную сумму. *Очень* солидную.

— Выходит, королевскую дочь и полкоролев-

ства в придачу оборванцу Эспену Аскеладду[120], который едва постучался в дверь?

Пару секунд в гостиной было тихо, Галтунг молча смотрел на Харри.

— Может, и так, — сказал он.

— А может, ваша дочка заставляет вас вкладывать такие деньги? Потому что от них зависит будущее проекта, не так ли?

Галтунг развел руками:

— Я судовладелец. Риск — часть моей жизни.

— Риск бывает смертельным.

— Две стороны одной медали. На рынке рисков одни богатеют там, где другие находят смерть. Пока что умирают другие, надеюсь, так будет и впредь.

— То есть умирать будут другие?

— Пароходство — предприятие семейное, и, если Лейке войдет в семью, нам придется позаботиться о том… — Он замолчал, потому что дверь в гостиную открылась.

На пороге появилась высокая светловолосая девушка с унаследованными от отца грубоватыми

---

[120] Примечания: 120

Эспен Аскеладд (*букв.* Эспен Замарашка) — герой норвежской сказки, в которой король пообещал отдать в жены дочку и полкоролевства в придачу тому, кто «ветвистый дуб в королевском дворе срубит и колодец на скалистой горе выроет».

чертами и материнскими бирюзовыми глазами, но без отцовского скромного величия богатого крестьянина и без аристократического высокомерия матери. Она горбилась, словно хотела казаться меньше, чтобы не бросаться в глаза, и больше смотрела на свои туфли, чем на Харри, когда они обменивались рукопожатиями. Она представилась: Лене Габриэлле Галтунг.

Сказать ей было нечего. Спросить и того меньше. Отвечая на вопросы, она всякий раз съеживалась под взглядом отца, и Харри подумал, что, наверное, ошибся, предположив, будто это она заставляет отца вкладывать деньги в проект Лейке.

Через двадцать минут Харри поблагодарил и поднялся, и тут же, словно по незримому сигналу, снова возникла женщина с бирюзовыми глазами.

Она открыла ему входную дверь, в дом ворвался холод, Харри остановился, чтобы застегнуть плащ, и посмотрел на нее:

— А как вы думаете, фру Галтунг, где может быть Тони Лейке?

— Я ничего не думаю, — сказала она.

Может, она ответила слишком быстро, или что-то мелькнуло в ее глазах, а может, это Харри

слишком хотелось уловить что-то странное, но ему не поверилось, что она говорит правду. Зато то, что она добавила, не оставляло сомнений:

— И я не фру Галтунг. Она наверху.

Микаэль Бельман поправил стоящий перед ним микрофон и посмотрел на собравшихся. Слышался шепот, но все взоры были устремлены на сцену, чтобы ничего не пропустить. В битком набитом зале он узнал журналиста из «Ставангер афтенблад» и Рогера Йендема из «Афтенпостен». Рядом с собой он слышал голос Нинни, как всегда одетой в безупречно отглаженную форму. Кое-кто вел обратный отсчет оставшихся до старта секунд — ничего необычного для пресс-конференций, транслирующихся в прямом эфире. Потом в динамиках раздался голос Нинни:

— Добро пожаловать! Мы созвали пресс-конференцию, чтобы сообщить вам о предпринимаемых нами действиях. Если будут вопросы…

Негромкие смешки.

— …их можно задать в конце. Передаю слово руководителю следственной группы комиссару Микаэлю Бельману.

Бельман откашлялся. Пришли все без исключения. Телеканалам позволили установить свои микрофоны на столе прямо на сцене.

— Спасибо. Должен начать с того, что может вас разочаровать. Я вижу, сколько собралось народа, вижу ваши лица и боюсь обмануть ваши ожидания. Мы пока не можем сообщить, что в расследовании наконец-то наметился прорыв. — Бельман увидел разочарованные лица, даже услышал чей-то стон. — Мы собрали вас, поскольку вы просили, чтобы вас постоянно держали в курсе. Сожалею, если на сегодня у вас были более важные планы.

Бельман улыбнулся, услышал, как несколько журналистов засмеялось, и понял, что прощен.

Микаэль Бельман вкратце рассказал, над чем они сейчас работают. То есть повторил информацию о тех немногочисленных успехах, которых они добились, например, как с помощью веревки им удалось вычислить мастерскую на Люсерене, о том, что обнаружен труп Аделе Ветлесен, о так называемом леопольдовом яблоке — орудии убийства, использованном в первых двух случаях. Старые новости. Он увидел, как один из журналистов подавил зевок. Микаэль Бельман взглянул на лежащую перед ним бумагу. На сценарий. Потому что это был именно сценарий, подробный сценарий небольшого спектакля. Тщательно взвешенный и продуманный. Не

слишком много, но и не слишком мало, наживка должна пахнуть, но не вонять.

— И наконец, пара слов о свидетелях, — начал он и увидел, как насторожились журналисты. — Как вам известно, мы просили прийти в полицию всех, кто был в Ховассхютте в ту же ночь, что и жертвы убийств. К нам обратилась некая Иска Пеллер. Сегодня вечером она прилетает из Сиднея и завтра отправится с одним из наших сотрудников в Ховассхютту. Там они попытаются, насколько это возможно, реконструировать события интересующего нас вечера.

Разумеется, обычно они никогда не называли свидетелей, но в данном случае без этого не обойтись, потому что тот, к кому они обращались на самом деле, — убийца — должен понять, что полиция действительно нашла кого-то из тех, кто останавливался в хижине. Бельман не акцентировал слово «один», когда говорил о сотрудниках, но суть была именно в этом. Всего двое, свидетель и обычный следователь. В хижине. Вдали от людей.

— Мы, разумеется, надеемся, что фрекен Пеллер даст нам описание других туристов, бывших в хижине в тот вечер.

Выбор слов они обсудили загодя. Хотели

вызвать подозрение, что свидетель способен изобличить убийцу. Вместе с тем, по мнению Харри, нельзя допускать, чтобы то, что свидетеля сопровождает только один следователь, кому-то показалось странным. Краткое вступление «и наконец, пара слов о свидетелях» и снижающее драматический эффект «мы, разумеется, надеемся» призваны были заронить мысль, что полиция пока не рассматривает этого свидетеля как важного и, следовательно, требующего принятия особых мер безопасности.

— А что она видела, как вы думаете? И нельзя ли произнести имя свидетельницы по буквам?

Судя по выговору, это был человек из Ругаланна. Нинни наклонилась к микрофону, чтобы напомнить, что вопросы следует задавать в конце, но Микаэль остановил ее, покачав головой.

— Мы узнаем, что она помнит, когда свидетельница вернется из Ховассхютты, — сказал Бельман и наклонился к микрофону с логотипом NRK. Государственное телерадиовещание. Его принимают по всей стране. — Она едет с одним из самых опытных наших следователей и пробудет там сутки.

Он взглянул на Харри Холе, который стоял в самом конце зала. Харри едва заметно кивнул.

Он понял смысл послания. Сутки. Двадцать четыре часа. Блюдо выложено на тарелку и подано к столу. Взгляд Бельмана заскользил дальше. Наткнулся на Пеликаншу. Она одна возражала против их плана, доказывала, что это просто неслыханно и они не имеют права сознательно вводить прессу в заблуждение. Тогда он объявил перерыв и переговорил с ней с глазу на глаз. После чего она присоединилась к большинству. Нинни предложила задавать вопросы. Публика в зале оживилась, Микаэль Бельман расслабился и приготовился давать расплывчатые ответы, используя пригодную во всех случаях формулировку «на данном этапе расследования мы не вправе разглашать эту информацию».

Ноги у него так замерзли, что он их совсем не чувствовал. Как такое возможно? Ведь все остальное тело горело. Он так кричал, что совсем потерял голос, глотка пересохла и превратилась в одну сплошную рану, в которой кровь сгорела и стала красной пылью. Пахло паленными волосами и горелым салом. Печь прожгла фланелевую рубашку насквозь, прожгла спину, и, пока он кричал не переставая, они сплавились воедино. Сам он расплавился, словно оловянный солдатик. Когда он почувствовал, что боль и жар поглоща-

ют его сознание и наконец-то он вот-вот впадет в спасительное беспамятство, он неожиданно очнулся. Мужчина вылил на него ведро холодной воды. Боль на секунду отступила, и он вновь разрыдался. Потом услышал, как между спиной и печкой шипит кипящая вода, и боль вернулась с новой силой.

— Еще воды?

Он поднял на него глаза. Мужчина стоял над ним с полным ведром. Туман, застилавший глаза, рассеялся, и пару секунд он видел его совершенно отчетливо. Отсветы пламени в поддувалах печки плясали у него на лице, на лбу блестели капельки пота.

— Все очень просто. Мне нужно узнать только одно: кто это? Кто-то из полиции? Кто-то из тех, кто был той ночью в Ховассхютте?

Он прорыдал:

— Какой ночью?

— Ты знаешь какой. Почти все они сейчас мертвы. Давай.

— Я не знаю. Поверь, я не имею к этому никакого отношения. Воды. Будь так добр. Будь так…

— …добр? Как… добр?

Запах. Запах его плоти, его горящего тела. Он сумел выдавить из себя лишь сиплый шепот:

— Там был… только я.

Вкрадчивый смех.

— Здорово. Надеешься заставить меня поверить, будто готов сказать все, лишь бы боль стала меньше. Поверить, что ты не в состоянии выкашлять имя полицейского, с которым ты связан. Но я знаю, ты способен вытерпеть больше. Ведь ты из выносливых.

— Шарлотта…

Мужчина замахнулся кочергой. Он даже не почувствовал удара. Лишь на секунду, восхитительно долгую секунду, свет померк у него перед глазами. А потом эта адская боль вновь поглотила его.

— Она мертва! — прорычал мужчина. — Придумай что-нибудь получше!

— Я имел в виду ту, другую, — сказал он и попытался заставить мозги работать. Он же помнил это, у него была хорошая память, почему же она подводит его сейчас? Неужели он и вправду настолько плох? — Она австралийка.

— Врешь!

Он почувствовал, что в глазах снова все поплыло. Новый холодный душ. Короткое просветление.

Голос:

— Кто? Как?

— Убей меня! Пощади! Я… ты же знаешь, я и не думаю никого защищать. Господи Исусе, зачем это мне?

— Ничего я не знаю.

— Так почему же ты не хочешь просто убить меня? Я убил ее. Слышишь? Сделай это! Отомсти!

Мужчина отставил в сторону ведро, плюхнулся в кресло, наклонился, упершись локтями в подлокотники, а подбородком — в скрещенные кулаки, и медленно ответил. Как будто не слышал того, что ему говорили, а думал о чем-то совсем другом:

— Знаешь, я столько лет мечтал об этом. И сейчас, когда мы здесь… я надеялся, что это будет… вкуснее.

И он еще раз ударил его кочергой. Потом склонил голову набок и посмотрел на него. С кислой, недовольной миной воткнул кочергу ему в бок, будто пробуя.

— Может, мне просто фантазии не хватает? Может, этому блюду недостает приправы?

Что-то заставило его обернуться. Звук радио. Слишком тихий. Мужчина подошел поближе и прибавил громкость. Новости. Где-то в обширном помещении звучали голоса. Ховассхютта.

Свидетельница. Следственный эксперимент. Он настолько замерз, что вообще не чувствовал ног. Закрыл глаза и снова стал молиться своему богу. Он уже не просил избавить его от боли. Молил о прощении, о том, чтобы кровь Иисуса искупила все его грехи, чтобы груз того, что он совершил, лег на чужие плечи. Он лишил жизни. Да. Он сделал это. И просил, чтобы ему дали омыться в крови прощения. А потом умереть.

Часть пятая

Глава 56
Подсадная утка

Чертов свет. Даже в темных очках глаза жгло нестерпимо. Все равно что сидеть в океане бриллиантов: лихорадочно сверкающий свет, солнце светит на снег, а снег — на солнце. Харри пересел подальше от окна, хотя и знал, что снаружи квадратики оконного стекла выглядят как черные непроницаемые зеркала. Он взглянул на часы. Они прибыли в Ховассхютту ночью. Юсси Колкка устроился в хижине вместе с Харри и Кайей, остальные зарылись в снег двумя группами по четыре человека, каждая на своем конце долины, их разделяло примерно три километра.

Чтобы забросить наживку, они выбрали Ховассхютту. По трем причинам. Во-первых, потому что этого ожидал убийца. Во-вторых, они надеялись, что убийца прекрасно знает эти места и считает безопасным нанести удар именно здесь. И в-третьих, потому что это была превосходная ловушка. К ложбине, в которой находилась хижина, можно подойти только с северо-востока и юга. На востоке — отвесная скала, а на западе столько

пропастей и расщелин, что надо знать район как свои пять пальцев, чтобы найти дорогу.

Харри поднял бинокль и попытался высмотреть остальных, но увидел лишь белый снег. И свет. Он разговаривал с Микаэлем Бельманом, расположившимся на юге, и Милано, засевшим на севере. В другой ситуации они воспользовались бы своими мобильными, но здесь, в горах, работала одна-единственная сеть — «Теленор». Прежний госмонополист мобильной связи располагал достаточным капиталом, чтобы понастроить базовые станции на каждом продуваемом ветрами холме, вот только большинство полицейских, включая Харри, пользовались услугами других мобильных операторов, и им пришлось вести переговоры по рации. Чтобы его могли найти, если что-то случится в Государственной больнице, Харри перед отъездом оставил на автоответчике сообщение о том, что находится вне зоны действия сети, и дал номер Милано, который был абонентом «Теленора».

Бельман уверял, что ночью они совсем не замерзли: сочетание спальных мешков, теплоотражающих ковриков и парафиновых печек оказалось весьма эффективным, и им даже пришлось снять часть одежды. А сейчас в снежных

норах, которые они проковыряли на склоне горы, с потолка капает талая вода.

Телевидение, радио и газеты прекрасно освещали пресс-конференцию, и только те, кто не испытывал ни малейшего интереса к их расследованию, еще не усвоили, что Иска Пеллер с полицейским едут в Ховассхютту. Колкка и Кайя регулярно выходили, жестикулировали и показывали на хижину, на дорогу, по которой пришли, и на сортир на улице. Кайя исполняла роль Иски Пеллер, а Колкка — того единственного следователя, который помогает ей вспомнить, что же произошло в ту роковую ночь. Харри прятался в гостиной, туда же он перенес свои лыжи с палками, лыжи двух других торчали в снегу перед хижиной.

Харри наблюдал, как порыв ветра вспахивает голое плато и поднимает легкий снежок, покрывший наст за ночь. Снег несся к горным вершинам, пропастям, склонам, неровностям в ландшафте и застывал крупными волнами и сугробами, как тот снежный карниз, что нависал над горой позади хижины.

Не исключено, что человек, на которого они ведут охоту, здесь так и не появится. Вдруг Иска Пеллер по той или иной причине вообще не зна-

чится в списке смертников, или убийца счел этот случай неподходящим, а может, у него другие планы в отношении Иски. Или же он почуял неладное. Возможны и более банальные объяснения. Уехал, заболел…

И тем не менее. Сосчитай Харри все те случаи, когда интуиция его подводила, он бы задумался о том, чтобы вовсе отказаться от этого метода. Но он их не считал. Вместо этого он припомнил, сколько раз интуиция подсказывала ему то, что он и так знал, сам о том не догадываясь. И сейчас она говорила ему, что убийца уже на пути в Ховассхютту.

Харри вновь взглянул на часы. Убийце они дали двадцать часов. За красивой решеткой огромного очага потрескивали еловые дрова. Кайя прилегла отдохнуть в одной из спален, а Колкка сидел за журнальным столиком и смазывал разобранный «вейлерт Р11». Харри узнал немецкий пистолет, потому что у него нет мушки. Пистолеты «вейлерт» приспособлены для ближнего боя, когда надо молниеносно выхватить оружие из кобуры, из-за пояса или из кармана, а если ствол гладкий, меньше риска, что он за что-то зацепится. В таких ситуациях мушка не нужна: пистолет направляют на объект и стреляют не прицеливаясь.

Запасной пистолет, «зиг-зауэр», лежал рядом, собранный и заряженный. Харри чувствовал, что заплечная кобура его собственного «смит-вессона» 38-го калибра упирается ему в ребра.

Ночью их вертолет приземлился у озера Неддалванет в нескольких километрах отсюда, остаток пути они проделали на лыжах. При других обстоятельствах Харри, наверное, залюбовался бы заснеженным плоскогорьем, залитым лунным светом. Пляшущими на небе сполохами. Или почти блаженным лицом Кайи, когда они, как в сказке, скользили по этому белому безмолвию, и ему казалось, что скрип снега под их лыжами доносится откуда-то издалека. Но слишком многое было поставлено на карту, он не мог проиграть и не желал замечать ничего, кроме работы, кроме охоты.

Именно Харри предложил Колкку на роль следователя. Он не забыл, что произошло в «Юстиции», но, если все пойдет как задумано, понадобятся навыки финна в искусстве ближнего боя. Лучше всего, если убийца появится в дневное время, тогда его возьмет одна из двух групп, зарывшихся там, в снегу. Но если он появится ночью и они не обнаружат его заранее, им придется справляться с ним самим.

Кайя и Колкка спали каждый в своей спальне, а Харри в гостиной. Утро прошло без лишних разговоров, даже Кайя молчала. Сосредотачивалась.

В зеркальном отражении в окне он видел, как Колкка собирает пистолет, поднимает, целится ему в затылок. Сухой щелчок выстрела. Осталось двадцать часов. Харри надеялся, что убийца не заставит себя ждать.

Бьёрн Хольм доставал из гардероба Аделе голубой костюм медсестры и чувствовал, как Гейр Брюн, стоя в дверях, сверлит взглядом его спину.

— А вы не заберете все? — спросил Брюн. — Чтобы мне не выкидывать. Где, кстати, ваш коллега Харри?

— В горы поехал на лыжах покататься, — терпеливо ответил Хольм и рассовал вещи по принесенным с собой пластиковым пакетам.

— Правда? Интересно. Он мне не показался таким уж лыжником. И куда же он уехал?

— Не могу сказать. Кстати о лыжах: в чем была Аделе в Ховассхютте? У нее здесь нет ничего, в чем можно кататься на лыжах.

— Ну ясное дело, она взяла мою одежду.

— То есть она взяла *ваш* лыжный костюм?

— А почему вас это так удивляет?

— Да вы мне тоже не показались таким уж…

лыжником.

Это прозвучало более многозначительно, чем хотелось самому Хольму, и он почувствовал, что краснеет.

Брюн тихо рассмеялся и повернулся в дверях:

— Верно, теперь я не лыжник, а такой… модник.

Хольм кашлянул и сказал, почему-то понизив голос:

— Можно взглянуть?

— Ой, да конечно, — прошепелявил Брюн, наслаждаясь неловкостью Хольма. — Пошли посмотрим, что у меня есть.

— Половина пятого, — сказала Кайя и снова передала Харри кастрюлю с лапскаусом[121]. Их руки не соприкасались. Они не встречались взглядом. И не разговаривали друг с другом. Ночь, которую они провели вместе в Уппсале, была так же далека, как сон двухдневной давности. — По сценарию я должна стоять на южной стороне и курить.

Харри кивнул и передал кастрюлю Колкке, тот выскреб все со дна и принялся закидывать

---

[121] Примечания: 121

Лапскаус — блюдо из солонины, картофеля, сельди матье, репчатого лука и маринованной свеклы.

в себя.

— О'кей, — сказал Харри. — Колкка, последишь за западным окном? Солнце уже низко, так что осторожней с биноклем, чтобы блика не было.

— Только поем сначала, — медленно и со значением произнес Колкка и направил в рот полную вилку.

Харри поднял бровь. Посмотрел на Кайю и глазами попросил ее выйти.

Когда она вышла за дверь, Харри сел к окну и стал осматривать равнину и гребни гор.

— Значит, Бельман взял тебя на работу, когда никому другому ты был не нужен. — Он произнес это тихо, но в тишине гостиной был бы слышен и шепот.

Прошло несколько секунд. Ответа не последовало. Видимо, Колкка осмыслял сам факт, что Харри заговорил с ним о чем-то личном.

— Я слышал кое-что после того, как тебя выперли из Европола. Говорят, ты во время допроса избил насильника, который был ранее судим. Это правда?

— Не твое дело, — сказал Колкка и поднес вилку ко рту. — Но это вполне могло случиться и из-за того, что он не отнесся ко мне с должным уважением.

— Ммм… Самое интересное, что слухи распустил сам Европол. Так им было легче. И тебе тоже, я думаю. И конечно, так было легче и родителям, и адвокатам девушки, которую ты допрашивал.

Харри услышал, что жевание у него за спиной прекратилось.

— Так что все они тихо-мирно получили компенсацию, и ни тебе, ни Европолу не пришлось фигурировать в судебном процессе. Девушку избавили от необходимости выступать в суде и рассказывать, как ты выспрашивал у нее, была ли ее подруга изнасилована, и при этом так возбудился от подробностей, что принялся ее лапать. А ей, если верить служебным записям Европола, было всего пятнадцать.

Харри слышал тяжелое дыхание Колкки.

— Предположим, что Бельман тоже читал эти записи, — продолжал Харри. — Получил к ним доступ благодаря своим связям и разным обходным маневрам. Как и я. Он немного подождал, а потом связался с тобой. Дождался, пока ты совсем пал духом, почувствовал, что тебе не хватает воздуха, что ты дошел до ручки. И тогда он тебя подобрал. Вернул тебе работу и часть того самоуважения, которое ты потерял. И знал, что ты будешь платить за это лояльностью. Он покупа-

ет, когда цены на рынке падают, Колкка. Так он создает свою гвардию.

Харри повернулся к Юсси Колкке. Финн побледнел.

— Тебя купили, но тебе недоплатили, Юсси. Таких рабов никто не уважает, ни *масса* Бельман, ни я. Черт, да ты и сам себя не уважаешь, парень.

Вилка Колкки упала на тарелку, оглушительно дребезжа. Он встал, схватил куртку и вытащил пистолет. Подошел к Харри и склонился над ним. Харри не пошевелился, только спокойно посмотрел на него.

— И как ты заставишь себя уважать, Юсси? Пристрелишь меня?

Глаза финна побелели от ярости.

— Или, черт бы тебя побрал, наконец-то пойдешь работать? — Харри снова посмотрел в окно.

Услышал тяжелое дыхание Колкки. Подождал. Услышал, как тот развернулся. Отошел подальше от Харри. И наконец уселся у западного окна.

В рации зашумело. Харри схватил микрофон.

— Да?

— Скоро стемнеет. — Голос Бельмана. — Он не придет.

— Продолжайте наблюдение.

— Зачем? Тучи низко, если не будет луны, мы

вообще не увидим…

— Если мы не увидим его, он нас тоже не увидит, — сказал Харри. — Следите, не покажется ли свет от налобного фонарика.

Человек выключил налобник. Свет ему ни к чему, он и так знает, куда ведет лыжня. К туристической хижине. Он привыкнет к темноте, зрачки расширятся и повысят светочувствительность глаз. А вот и она, темная бревенчатая стена с черными окнами. Словно там, за ними, никого нет. Свежевыпавший снег скрипел, когда он преодолевал на лыжах последние метры, отталкиваясь палками и скользя. Он остановился и пару секунд вслушивался в тишину, а потом беззвучно расстегнул лыжные крепления. Вытащил большой тяжелый саамский нож с устрашающим лезвием в форме лодки и желтой, отполированной временем деревянной рукояткой. Этим ножом удобно резать ветки для костра или горло оленю. А можно и человеку глотку перерезать.

Он как можно тише открыл дверь и вошел в коридор. Постоял, прислушиваясь, у двери в гостиную. Тишина. Слишком тихо? Он нажал на ручку и распахнул дверь, но сам притаился рядом с дверным проемом, спиной к стене. А потом нагнулся и стремительно шагнул в темноту, держа

нож перед собой.

В темноте он различил фигуру мертвеца, сидящего на полу. Голова поникла, а руки по-прежнему обнимали печку.

Он сунул нож в ножны и включил свет возле дивана. Раньше он об этом не задумывался, и только сейчас ему пришло в голову, что диван очень похож на диван в Ховассхютте и Туристическое общество наверняка получило приличную скидку, потому что закупило их оптом. Но обивка вытерлась, хижину закрыли несколько лет назад, потому что места здесь опасные, произошло несколько несчастных случаев, когда туристы, пытавшиеся добраться до хижины в непогоду, срывались в пропасть.

Мертвец у железной печки медленно поднял голову.

— Извини, что вот так вломился. — Он проверил, хорошо ли закреплена цепь, приковавшая руки мертвеца к печке.

Потом принялся разбирать рюкзак. Шапку он натянул очень низко и в продовольственном магазинчике в Устаусете пробыл совсем недолго, буквально вошел и вышел. Печенье. Хлеб. Газеты. Из них он побольше узнает про пресс-конференцию. И еще про эту свидетельницу в

Ховассхютте.

— Иска Пеллер, — произнес он громко. — Австралийка. Она в Ховассхютте. Как по-твоему, она что-то видела?

Голосовые связки человека у печки позволили ему только просипеть:

— Полиция. Полиция в Ховассхютте.

— Знаю. Об этом написано в газете. Один сыскарь.

— Они там. Полиция сняла хижину.

— Вот как? — Он взглянул на того, другого. Неужели полиция устроила ловушку? И эта свинья, которая сидит тут перед ним, пытается ему *помочь*, спасти его, чтобы он в эту ловушку не угодил? Сама эта мысль привела его в ярость. Но та женщина все-таки что-то видела, иначе ее бы не привезли издалека, из самой Австралии. Или? Он схватил кочергу.

— Черт, как же ты воняешь! Ты что, обосрался?

Голова мертвеца снова упала на грудь. Этот тип явно переселился сюда. В ящиках лежали его личные вещи. Письмо. Кое-какие инструменты. Несколько старых семейных фотографий. Паспорт. Словно мертвец собирался бежать, планировал перебраться в другое место. Другое, а не это, в котором оказался, у самого пламени, где

ему суждено мучиться за свои грехи. Хотя иной раз подумаешь, что, возможно, за всей этой чертовщиной стоит вовсе не этот мертвец. Ведь есть же границы боли, которую способен вытерпеть человек, прежде чем у него развяжется язык.

Он вновь проверил телефон. Черт, нет связи!

И какая вонь. Лабаз. Надо вывесить его там подсушиться. Именно так раньше поступали с копченым мясом.

Кайя улеглась в спальне, надеясь хоть немного поспать до своего дежурства.

Колкка налил кофе сначала себе, потом Харри.

— Спасибо, — поблагодарил Харри, уставившись в темноту.

— Лыжи деревянные, — сказал Колкка, стоя у камина и рассматривая лыжи Харри.

— Это моего отца, — сказал Харри. Он нашел все лыжное снаряжение в подвале дома в Уппсале. Палки были новые, из какого-то металлического сплава и казались легче воздуха. Харри даже подумал, вдруг палки внутри заполнены гелием? Но лыжи были те же, старые, широкие горные лыжи. — Когда я был маленьким, мы каждый год на Пасху ездили в хижину дедушки на горе Леша. Мой отец всегда хотел взобраться именно на эту вершину. Поэтому он говорил нам с сестрой, что

наверху есть киоск, там продают пепси-колу, Сестрёныш ее обожала. Так что если мы преодолеем этот последний подъем, то…

Колкка кивнул и провел рукой по нижней стороне некрашеных лыж. Харри глотнул кофе.

— Сестрёныш от одной Пасхи до другой успевала забыть, что это просто обман. И мне тоже хотелось забыть. Но я старался запоминать все, что внушал мне отец. Правила поведения в горах, как ориентироваться без компаса, как выжить под лавиной. Норвежские королевские династии, династии китайских императоров, американских президентов.

— Хорошие лыжи, — сказал Колкка.

— Коротковаты малость.

Колкка уселся у окна в другом конце комнаты:

— Да, в такое в детстве не верится. Что лыжи отца станут тебе коротки.

Харри подождал. Потом подождал еще немного. И наконец услышал.

— Она была такая красивая, — сказал Юсси Колкка. — И мне казалось, я ей нравлюсь. Смешно. Но я только потрогал ее грудь. Она не сопротивлялась. Наверное, испугалась.

Харри подавил желание встать и выйти из комнаты.

— Это правда, — продолжал Колкка. — Приходится служить тому, кто вытащил тебя из помойки. Даже если видишь, что он тебя использует. А что делать? Иногда приходится определяться, на чьей ты стороне.

Когда Харри понял, что словесный фонтан заткнулся, он поднялся и вышел на кухню. Обшарил все шкафчики в отчаянной попытке найти то, чего, как он знал, здесь быть не могло, в попытке хоть как-то отвлечь того, кто отчаянно вопил в его душе: «Хоть бы одну рюмашку, только одну».

У него появился шанс. Один. Призрак отстегнул цепь, поднял его, выругался, сказал что-то насчет вони и пинками погнал его в ванную, где толкнул на пол в душе и включил воду. Потом призрак постоял там немного, рассматривая его и пытаясь позвонить по мобильному телефону. Снова выругался из-за того, что нет связи, и пошел в гостиную, где сделал еще одну попытку, он это слышал.

Хотелось плакать. Он убежал сюда, спрятался здесь, чтобы никто его не нашел. Устроился в заброшенной туристической хижине, взяв с собой все необходимое. Думал, что здесь-то он в безопасности, ведь кругом одни обрывы и пропасти. В безопасности от призрака. Он не плакал.

Потому что, пока вода проникала сквозь одежду, размягчая остатки прижарившейся к спине красной рубахи, он понял, что это его шанс. Его собственный мобильник в кармане брюк, которые лежали на стуле рядом с раковиной.

Он попытался встать, но ноги не слушались его. Ничего страшного, до стула всего какой-то метр. Оперся черными обожженными руками о пол, стараясь не обращать внимания на боль, бросил тело вперед. Он слышал, как лопаются пузыри от ожогов, чувствовал, как запах усиливается, но со второй попытки достиг цели, поискал в карманах и вытащил телефон. Тот оказался включен, и сигнал прекрасный. Список контактов. В свое время он записал телефон того полицейского, главным образом чтобы видеть на дисплее, если тому вздумается ему позвонить.

Он нажал кнопку вызова. Казалось, телефон затаил дыхание в маленькой вечности между гудками. Один-единственный шанс. Душ шумит, он его не услышит. Наконец-то! Раздался голос полицейского. Он оборвал его своим сиплым шепотом, но голос продолжал говорить как ни в чем не бывало. И тут до него дошло, что это автоответчик. Он ждал, когда же голос смолкнет, сжал телефон, почувствовал, как лопнула кожа

на руке, но не выпустил трубку. Не мог ее выпустить. Ему надо оставить сообщение… черт, да хватит уже, где же долгий гудок?

Он не слышал, как тот вошел, душ заглушил легкие шаги. Тот вырвал у него телефон, и он увидел, как лыжный ботинок поднимается для пинка.

Когда он снова пришел в сознание, мужчина стоял рядом и с интересом разглядывал его мобильный.

— Смотри-ка, твой берет!

Мужчина вышел из ванной, набирая номер, потом все заглушил шум душа. Но вскоре он вернулся.

— Пошли прокатимся. Ты и я. — Внезапно у него улучшилось настроение. В одной руке он держал паспорт. Его собственный паспорт. А в другой — плоскогубцы из ящика с инструментами.

— Открой рот.

Он сглотнул слюну. Господи Исусе, спаси и помилуй.

— Открой рот, я сказал!

— Пощади! Я клянусь, я рассказал тебе все…

Ничего больше он сказать не успел, потому что рука обхватила его горло и воздух перестал поступать в легкие. Он немного поборолся. Потом

наконец пришли слезы. И он открыл рот.

Глава 57
Гром

Бьёрн Хольм и Беата Лённ стояли у большого металлического стола в лаборатории и смотрели на синие лыжные штаны, лежавшие перед ними под ярким светом лампы.

— Совершенно очевидно, это пятно спермы, — сказала Беата.

— Скорее полоска, — сказал Бьёрн Хольм. — Посмотри на форму.

— Маловато для эякуляции. Выглядит так, словно кто-то провел мокрым членом по заднице того, на ком были штаны. Ты сказал, что этот Брюн, вероятнее всего, гомосексуалист?

— Да, но он говорит, что после того, как одолжил эти штаны Аделе, сам их не надевал.

— Тогда я сказала бы, что следы типичны для изнасилования. И надо сделать анализ на ДНК, Бьёрн.

— Согласен. А об этом что скажешь? — Хольм показал на два почти незаметных пятна под задними карманами голубых штанов от формы медсестры.

— Что это?

— Во всяком случае, со стиркой пока что придется повременить. Это — производное нонилфенола, которое называют ПСГ. В частности, используется для ухода за автомобилями.

— Она явно на этом сидела.

— И не только сидела, потому что вещество глубоко въелось в ткань, она его словно втерла туда задницей. Как следует. Вот так. — Он подвигал бедрами взад-вперед.

— Хорошо. Есть какая-нибудь версия, почему она это делала?

Беата сняла очки и взглянула на Хольма, двигавшего губами в отчаянной попытке сформулировать выражения, которые приходили ему на ум, но тут же им отвергались.

— Секс в одежде? — спросила Беата.

— Да, — с облегчением выдохнул Бьёрн.

— Ладно. И где же это женщина, не работающая в больнице, но в больничной форме, могла сидя заниматься сексом в одежде и втирать себе в задницу ПСГ?

— Это как раз очень просто, — сказал Бьёрн Хольм. — На ночном свидании в помещении закрытой фабрики по производству ПСГ.

Облака разошлись, и равнину снова залило

колдовским синеватым светом, в котором фосфоресцировали даже тени, замершие, словно в стоп-кадре.

Колкка пошел спать, но Харри догадывался: финн лежит в спальне с открытыми глазами и со всеми прочими органами чувств начеку.

— Если тебе не хватало звездного неба над Гонконгом, посмотри сюда, — сказала Кайя.

— Не помню никакого звездного неба, — сказал Харри и закурил.

— А ты скучаешь по чему-нибудь в Гонконге?

— По стеклянной лапше Ли Юаня, — сказал Харри. — Причем каждый день.

— Ты в меня влюблен? — Она чуть понизила голос и внимательно посмотрела на него, стягивая волосы в хвостик.

Харри подумал.

— Сейчас нет.

Она засмеялась, на лице ее было написано удивление:

— Сейчас — нет? Как это?

— Пока мы тут, эта часть меня как бы отключена.

Она покачала головой:

— Ты больной, Холе.

— Ну, что до этого, — Харри улыбнулся криво-

ватой улыбкой, — то тут сомнений практически нет.

— А что будет, когда эта работа закончится через… — она посмотрела на часы, — десять часов?

— Тогда я, может, опять буду в тебя влюблен, — сказал Харри и положил руку на стол рядом с ее рукой. — Если не раньше.

Она посмотрела на их руки. Увидела, насколько его рука больше. Насколько ее — изящнее. Его рука была бледная, узловатая, в узоре выступающих вен.

— То есть ты можешь влюбиться и до того, как работа будет закончена? — Она накрыла его руку своей.

— Я хотел сказать, что работа может закончиться прежде, чем это пройдет…

Она убрала свою руку.

Харри удивленно посмотрел на нее:

— Я только хотел сказать…

— Слушай!

Харри затаил дыхание и прислушался. Но ничего не услышал.

— Что это было?

— Похоже на машину, — сказала Кайя, всматриваясь в окно. — Что скажешь?

— Да нет, вряд ли, — сказал Харри. — До бли-

жайшей дороги, которая не закрыта на зиму, больше мили. А как насчет вертолета? Или снегохода?

— Или моего больного воображения? — вздохнула Кайя. — Звука больше нет. Сейчас мне кажется, что его и не было. Извини, когда немного побаиваешься, наступает гиперчувствительность…

— Да нет. — Харри выдернул револьвер из заплечной кобуры. — Нормальный страх и нормальная чувствительность. Опиши, что ты слышала.

Он встал и подошел к другому окну.

— Да говорю же, ничего!

Харри приоткрыл окно.

— У тебя слух лучше, чем у меня. Послушай еще.

Они сидели и слушали тишину. Минуты шли.

— Харри…

— Тсс.

— Иди сюда и сядь, Харри.

— Он здесь, — сказал Харри вполголоса, словно бы разговаривая сам с собой. — Он сейчас здесь.

— Харри, ну теперь у тебя гиперчувстви…

Раздался приглушенный грохот. Звук был низкий, глубокий и будто бы медленно катящийся,

не резкий, а глуховатый, как отдаленный гром. Но Харри знал, что гром при ясном небе и минус семи — редкость.

Он затаил дыхание.

А потом услышал. Снова загрохотало, но уже иначе, не похоже на гром, еще ниже, на мощных басах, звуковые волны толкали воздух и ощущались всем телом. Харри слышал этот звук только раз в жизни, но знал, что никогда его не забудет.

— Лавина! — крикнул Харри и бросился к спальне Колкки, которая выходила на гору. — Лавина!

Дверь в спальню распахнулась, на пороге стоял Колка без малейших следов сна на лице. Они почувствовали, как содрогнулась земля. Это была большая лавина. И будь у хижины даже каменный фундамент и подвал, они бы все равно никак не успели туда спуститься. Потому что вслед за финном вылетели осколки окна, выдавленного воздухом, который огромная лавина гнала перед собой.

— Держите меня за руки! — прокричал Харри, стараясь перекрыть грохот, и протянул одну руку Кайе, другую Колкке.

Он увидел, как оба кинулись к нему, и тут воздух словно выдавило из хижины, как будто

лавина дышала — сначала выдохнула, потом вдохнула. Он почувствовал, как Колкка до боли сжал его руку, и ждал, когда Кайя сделает то же самое. А потом на хижину обрушилась снежная стена.

Глава 58
Снег

Было оглушительно тихо и темно хоть глаз коли. Харри попытался пошевелиться. Невозможно. Тело словно сковал гипс, даже пальцы не двигались. Он и правда последовал совету отца, выставил руку перед лицом, так что образовалось свободное от снега пространство, карман. Но Харри не знал, есть ли там воздух. Потому что дышать он не мог. И понял, в чем дело. «Ледяное сердце». Улав Холе объяснял, что это когда грудная клетка и диафрагма придавлены снегом и сильно сжаты, так что легкие не могут расширяться. А значит, в запасе у тебя только тот кислород, который уже был в крови, примерно литр, и если расходовать его как обычно, то есть около четверти литра в минуту, то умрешь через четыре минуты. Он запаниковал: ему нужен воздух, он должен дышать. Харри напряг все тело, но снег, как удав, только усилил хватку. Он знал, что надо гнать панику прочь и начать думать. Думать прямо сейчас. Мир снаружи перестал существовать, не было ни времени, ни силы тяжести, ни температуры.

Харри не представлял, где верх и низ, и не знал, сколько времени уже пробыл под снегом. В голове всплыл еще один отцовский урок. Для того чтобы понять, как ты лежишь, ты должен выплюнуть слюну и почувствовать, куда она потечет по лицу. Он провел языком по нёбу. Сухо. От страха, от адреналина в крови. Харри широко открыл рот и попытался пальцами запихнуть туда немного снега. Пожевал, снова раскрыл рот и выплюнул талую воду. Тут же его охватила паника, и он вздрогнул, когда ноздри наполнились водой. Харри закрыл рот и выдохнул воду. Выдохнул остававшийся в легких воздух. Он скоро умрет.

Влага подсказала ему, что он лежит вниз головой, а раз он вздрогнул, значит, все-таки может двигаться. Он попытался пошевелиться, напряг в невероятном усилии все тело, почувствовал, что снег немного поддался. Чуть-чуть. Достаточно ли, чтобы избавиться от «ледяного сердца»? Он втянул воздух. Ему удалось немного вдохнуть. Слишком мало. Мозг уже должен испытать недостаток кислорода, но он помнил, что говорил отец во время пасхальных каникул на Леше. Если тебя накрыло лавиной, но ты можешь кое-как дышать, то все равно умрешь — не от нехватки воздуха, а от избытка углекислоты. Рука наткнулась на что-

то твердое, очень твердое, на ощупь похожее на металлическую решетку. В памяти снова всплыли слова Улава Холе: «Под снегом ты — как акула, ты умрешь, если не будешь двигаться. Даже если снег достаточно мягкий и через него проходит какой-то воздух, тепло от твоего дыхания и тела быстро образует вокруг тебя ледяную корку и воздух поступать перестанет, а ядовитый углекислый газ, который ты выдыхаешь, выходить не сможет. То есть ты сам создаешь себе ледяной гроб. Понимаешь?»

— Да-да, папа, но расслабься. Ведь это Леша, а не Гималаи.

Мамин смех на кухне.

Харри знал, что вся хижина заполнена снегом. Что над ним — крыша. А на ней, вероятнее всего, еще больше снега. Выхода нет. Время уходит. Все здесь и закончится.

Он помолился, чтобы ему больше не проснуться. Чтобы следующий раз, когда он скользнет в беспамятство, стал последним. Он висел головой вниз. В голове стучало так, словно она вот-вот взорвется, наверное, оттого, что к ней прилила кровь.

Разбудил его звук снегохода.

Он попробовал не двигаться. Сначала он пы-

тался двигаться, напрягал тело, вырывался. Но вскоре оставил эти попытки. Не потому, что в ноги ему вбили мясные крюки, ног он уже давно не чувствовал. Но вот звук… Звук рвущегося мяса, жил и мускулов, которые лопались, когда он дергался и вертелся, да так, что даже цепь, прикрепленная к потолку лабаза, громыхала.

Он пристально смотрел в потухшие глаза оленя, подвешенного за задние ноги: казалось, его поймали, когда тот падал в пропасть, рогами вниз. Он убил его как браконьер. Из той же винтовки, что и ее.

Снаружи донесся жалобный скрип снега под чьими-то ногами. Дверь открылась, внутрь проник лунный свет. И появился он. Призрак. Самое странное заключалось в том, что только сейчас, когда он смотрел на него снизу вверх, он полностью уверился в этом.

— Это и правда ты, — прошептал он. Было так странно говорить без передних зубов. — Это и правда ты. Да?

Мужчина обошел его, освободил связанные за спиной руки.

— Т-ты можешь простить меня, мой мальчик?

— Готов к поездке?

— Это ведь ты их всех убил, да?

— Да, — ответил он. — Поехали.

Харри копал правой рукой, продвигаясь к левой, той, что была прижата к металлической решетке. Он не знал, что это за решетка. В мозгу билась мысль, что все это напрасно, борьба с секундами заранее обречена на неудачу и с каждым вздохом он приближается к смерти. Все его усилия способны лишь продлить страдания, отсрочить неизбежное. Другой же голос твердил, что пусть лучше он умрет побежденным, но не сдавшимся.

Ему удалось докопаться до другой руки и ощупать решетку. Он обеими руками уперся в нее, но она не сдвинулась. Харри заметил, что дышать все труднее, снег уже стал более гладким и могила его вот-вот покроется ледяным панцирем. Накатило и отхлынуло головокружение. Только на секунду, но он знал, что это первое предупреждение: он дышит отравленным воздухом. Скоро он станет вялым, мозг начнет отказывать, один отдел за другим закроется, как закрывают комнаты в гостинице, когда заканчивается сезон. И тут Харри ощутил то, чего не испытывал никогда раньше, даже в самые свои худшие ночи в «Чункинг-мэншн», — всепоглощающее одиночество. Воли его внезапно лишило не только сознание,

что он должен умереть, но и то, что ему суждено умереть здесь, в одиночестве, вдали от тех, кого он любил: отца, Сестрёныша, Олега, Ракели…

Потянуло в сон. Харри бросил копать. Хотя и знал, что это смерть. Чудесная, соблазнительная смерть, которая примет его в свои объятия. Стоит ли бороться, сопротивляться, выбирать боль, вместо того чтобы просто сдаться ей на милость? Почему сейчас он должен сделать иной выбор, чем всегда? Харри закрыл глаза.

Постой.

Металлическая решетка.

Наверное, это решетка перед очагом. Очаг. Дымоход. Из камня. Если что-то и могло устоять в лавине, если хоть что-то здесь не забито снегом, то это дымоход.

Харри вновь толкнул решетку. Она не подалась ни на миллиметр. Его пальцы царапали прутья. Бессильно, смиренно.

Все решено. Значит, все закончится именно так. Его мозг, отравленный углекислотой, усматривал в этом какую-то логику, только не был вполне уверен какую. Но он принял это. Позволил сладкому, теплому сну прийти. Наркоз. Свобода.

Пальцы его скользнули по решетке. Натолкнулись на что-то твердое, основательное. Лыжи.

Отцовские лыжи. Он не противился этой мысли. Все-таки не так одиноко: он будет касаться отцовских лыж. И вместе с ними скользнет в небытие. Одолеет последний крутой склон.

Микаэль Бельман смотрел на то, что было перед ним. Или, если говорить точнее, на то, чего перед ним *не было*. Потому что ее больше не было. Хижина исчезла. Из их укрытия, их снежной норы, изначально она выглядела как крохотный рисунок на большом белом листе. Это было до того, как гул и далекий грохот разбудили его. Когда он наконец поднес к глазам бинокль, все уже стихло, только далекое запоздалое эхо откатилось от хребта Халлингскарвет. Он не отрываясь смотрел в бинокль, обшаривал склон глазами. Все выглядело так, словно кто-то поработал над листком бумаги ластиком. Никакого рисунка, только мирная невинная белизна. Понять это было невозможно. Целая хижина под снегом? Они надели лыжи и добрались до того места, где сошла лавина, всего за восемь минут. Точнее, за восемь минут восемнадцать секунд. Он всегда запоминал время. Он же полицейский.

— Черт, лавина накрыла площадь в квадратный километр, — крикнул кто-то у него за спиной.

От их фонариков, шаривших по снегу, тянулись

тоненькие желтые полоски света.

Затрещала рация. «Спасательная служба. Вертолет прибудет через тридцать минут. Прием».

Слишком долго, подумал Бельман. Что он там читал об этом? Через полчаса шанс выжить под снегом — один к трем. Да и когда прилетит вертолет, чем они, собственно говоря, могут помочь? Тыкать в снег своими щупами, ища то, что осталось от хижины? «Спасибо, конец связи».

К нему подошел Эрдал.

— Нам повезло! В Оле есть две собаки, натасканные на поиск попавших под лавину. Сейчас их везут в Устаусет. Ленсмана Кронгли нет дома, во всяком случае, трубку он не берет, но у одного мужика в отеле есть скутер, и он может их сюда привезти. — Он хлопал себя по плечам, чтобы согреться.

Бельман смотрел на снег под ногами. Где-то там была Кайя.

— А как часто тут сходят лавины, они сказали?

— Раз в десять лет, — ответил Эрдал.

Бельман покачался на носках ботинок. Действия остальных, топтавшихся вокруг и тыкавших в снег палками и лыжами, координировал Милано.

— Лавинные собаки? — спросил Бельман.

— Через сорок минут.

Бельман кивнул. Он знал, что и собаки-спасатели тут ничем не помогут. Потому что, когда их привезут, пройдет уже больше часа с момента схода лавины.

Шансы, что они живы, будут меньше десяти процентов еще до того, как собаки начнут работать. А спустя полтора часа эти шансы практически равны нулю.

Путешествие началось. Он вел снегоход. Казалось, что и тьма, и свет радостно встречают его, словно усыпанное алмазами небо открывается ему и говорит: «Добро пожаловать!» Он знал, что позади него стоит мужчина-призрак и следит за его сожженной, обуглившейся, покрытой волдырями спиной сквозь прицел винтовки. Но теперь его не достанет никакая пуля, он наконец свободен, он на пути туда, куда стремился, туда, куда он всегда мечтал попасть. Туда, куда уехала она, и тем же маршрутом. Он уже не был связан, и если бы мог шевелить руками и ногами, то просто поднялся бы в седле, дал газ и ринулся вперед еще быстрее. Взлетая в звездное небо, он ликовал.

Глава 59
Погребение

Харри проваливался в забытье сквозь слои воспоминаний, снов и недодуманных мыслей. Все было хорошо. Кроме одного голоса, который твердил одно и то же, снова и снова. Голоса отца:

— …в конце концов у тебя так сильно пошла кровь, что большие мальчишки испугались и убежали.

Он пытался отогнать этот голос, слушать какой-нибудь другой. Но и тот, другой, принадлежал Улаву Холе:

— Ты боялся темноты, но входил в темные комнаты.

Черт. Черт, черт.

Харри открыл глаза — в темноту. Попытался повернуться, несмотря на холодные железные объятия снега. Попробовал подвигать ногами. Начал рыть снег возле решетки. Пространства стало чуть больше. Пальцы нащупали край решетки. Он не должен умереть, Улаву Холе придется уйти раньше, раз уж он, черт побери, отец! Теперь рукам было где двигаться, и они загребали снег как

лопаты. Он протиснул руки за решетку и потянул ее к себе. Вот! Она подалась. Он потянул снова. И почуял. Воздух. Пахнущий золой, тяжелый. Но все равно воздух. Покуда он еще есть. Харри принялся раскидывать снег. Запустил руки вперед, наткнулся на что-то рыхлое и понял, что это прогоревшие дрова. Решетка выстояла в лавине, камин свободен от снега! Он продолжал копать.

Через несколько минут, а может, секунд он уже лежал скрючившись на дне необъятного очага, хватая ртом воздух и кашляя золой.

И тут до него дошло, что до сих пор он думал лишь об одном: о самом себе.

Он протянул руку к углу камина, где стояли отцовские лыжи. Повозился в снегу, пока не нашел то, что искал. Одну из палок. Сжал кольцо и потянул ее к себе. Гладкая, легкая и негнущаяся металлическая палка легко скользнула к нему сквозь снег. Он в камине, в руках у него лыжная палка, он зажал ее ногами и отодрал кольцо. Теперь у него копье длиной чуть более полутора метров.

Кайя и Колкка должны быть где-то неподалеку. Он прикинул маршрут, как они обычно делали на месте преступления, чтобы все тщательно проверить и не пропустить следы, и принялся

тыкать палкой. Работал быстро, тыкал все сильнее, правда, тут был и некоторый риск. В худшем случае он угодил бы своим импровизированным копьем в горло или глаз, но это имело бы значение только в том случае, если бы они еще дышали. Он потыкал слева от себя, в том месте, которое, как ему казалось, он уже проверял, и тут острие уперлось во что-то упругое. Отдернул палку, ткнул осторожнее — так и есть! Попробовал выдернуть палку, но она не поддавалась. Что-то удерживало ее и двигало туда-сюда, подавая сигнал, что там есть кто-то живой! Харри рванул палку к себе, но тот, другой, вцепился в нее изо всех сил. Если Харри начнет копать, палка будет только мешать, поэтому он сунул руку в ремешок, потянул, но и тогда лишь с большим трудом сумел высвободить палку.

Харри лежал и думал, почему он не отложит палку и не начнет копать. И вдруг понял почему. Помедлил еще секунду. А потом опять стал тыкать палкой в снег, на этот раз справа от того места, где был кто-то живой. На четвертый раз он нашел то, что искал. Палка снова ткнулась во что-то упругое. В живот? Он попытался определить, не движется ли плоть под палкой вверх-вниз, поднимаясь и опускаясь в ритм дыханию, но

ничего не почувствовал.

Казалось бы, выбор несложный. Отрыть первого легче, там есть признаки жизни. Спасать надо того, кого еще можно спасти. И Харри уже стоял на коленях и как сумасшедший рыл снег. В поисках того, кто не дышал.

Когда он добрался до тела, пальцы утратили чувствительность, и ему пришлось дотронуться до него тыльной стороной ладони, чтобы ощутить шерсть свитера. Свитер. Белый. Он нащупал плечо. Откинул в сторону побольше снега, высвободил руку и потащил безжизненное тело через прорытый в снегу лаз. Ее волосы падали ему на лицо, они по-прежнему пахли Кайей. Он опустил верхнюю часть ее туловища на пол очага, попытался нащупать на шее пульс, но кончики его пальцев ничего не чувствовали. Тогда он приник лицом к ее лицу и не ощутил никакого дыхания. Открыл ей рот, определил, что язык мешать не будет, вдохнул и выдохнул воздух в легкие Кайи. Отодвинулся, чтобы глотнуть свежего воздуха, вдохнул частицы золы, подавил кашель и выдохнул ей в рот. И еще, и еще раз. Он считал: четыре, пять, шесть, семь. Почувствовал, как перед глазами все закружилось, теперь ему казалось, что он снова у камина в хижине на Леше, мальчик,

который дует на угли, чтобы раздуть пламя, а отец смеется, видя, как он отваливается от камина, потому что голова кружится, и чуть не теряет сознание. Но он продолжал делать искусственное дыхание, потому что знал: надежда вернуть ее к жизни тает с каждой секундой.

Склонившись над ней в двенадцатый раз, он почувствовал теплое встречное дуновение. Задержал дыхание, подождал, не веря, что такое возможно. Теплый поток иссяк. Но появился снова. Она дышала! В тот же миг тело ее содрогнулось, она закашлялась. Потом он услышал ее голос, очень слабый:

— Это ты, Харри?

— Да.

— Где… я ничего не вижу.

— Все в порядке, мы в очаге.

Пауза.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь отрыть Юсси.

Харри и сам не знал, сколько прошло времени, пока он откопал Колкку и его голова тоже оказалась перед камином. Но Юсси Колкке это было уже все равно. Харри зажег спичку и успел увидеть большие, устремленные в пустоту глаза финна, а потом пламя погасло.

— Он умер, — сказал Харри.

— А ты не можешь попробовать дыхание изо рта в рот…

— Нет, — отрезал Харри.

— И что теперь? — слабо прошептала обессиленная Кайя.

— Надо выбираться, — сказал Харри и нашел ее руку. Сжал.

— А нельзя нам остаться здесь и ждать, когда они нас найдут?

— Нет, — сказал он.

— Спичка, — произнесла она.

Харри не ответил.

— Она погасла сразу, — сказала Кайя. — Здесь тоже нет воздуха. Вся хижина под снегом. Поэтому-то ты и не стал пытаться его оживить. Тут даже для нас двоих не хватает воздуха, Харри…

Харри поднялся, попробовал пролезть через дымоход, но было слишком тесно, плечи застревали. Он опять опустился на корточки, отломал концы палки, так что вышла полая металлическая трубка, вставил ее в дымоход и снова встал, на этот раз вытянув руки над головой. Получилось. Приступ клаустрофобии прекратился, едва начавшись, словно тело почувствовало, что сейчас не может позволить себе подобную роскошь. Он

уперся спиной в одну стенку дымохода, ногами в другую и попытался сделать несколько шагов наверх. Молочная кислота жгла мышцы бедер, он тяжело дышал, опять закружилась голова. Но он не отступал: поднять ногу, упереться, следующий шаг вверх… Чем выше он поднимался, тем становилось теплее, значит, теплый воздух, который поднимался от очага, не нашел выхода наружу. И он понял, что если бы, когда сошла лавина, они топили очаг, то теперь бы уже умерли, отравившись углекислым газом. Счастливая случайность против несчастливой. Если лавина действительно была несчастливой случайностью. Потому что грохот, который они слышали…

Палка наверху во что-то уперлась. Он вскарабкался выше. Потрогал свободной рукой. Железная решетка из тех, какими обычно закрывают дымоход, чтобы в хижину не проникали белки и другие животные. Он провел по краю решетки пальцем. Она приварена. Черт!

До него донесся слабый голос Кайи:

— Харри, у меня голова кружится.

— Дыши глубже.

Он просунул палку через изящное переплетение решетки.

Снега по ту сторону не было!

Не обращая внимания на жгучую боль в мышцах, он проталкивал палку все дальше и дальше. И ощутил разочарование, когда она наткнулась на что-то твердое. Дымовой колпак. Как он мог забыть эту очаровательную металлическую шапочку, защищавшую трубу от снега и дождя! Он просунул палку вбок, мимо края дымового колпака, и уперся в массивный, спрессованный пласт снега, куда жестче, чем в хижине. Но возможно, все дело в том, что снег забился в полую трубку. По сантиметру протискивая палку вперед, Харри молился, чтобы сопротивление наконец прекратилось. Это означало бы, что он пробился через снежный ад. Что, в свою очередь, означало бы, что он сможет выдуть снег из этой соломинки, вдохнуть воздух, свежий, живительный воздух. Подтолкнуть вверх Кайю, чтобы она тоже получила эту спасительную инъекцию. Но чуда не произошло. Палка уперлась в прут железной решетки, и ничего не произошло! Но он не сдавался, всосал в себя содержимое трубки, холодный снег забил ему горло. Харри не удержался в дымоходе и свалился вниз. Он кричал, упирался ногами, цеплялся руками, чувствовал, как обдирает кожу на ладонях, но катился ниже и ниже. И обеими ногами упал на лежащее внизу тело.

— Ну как ты тут? — спросил Харри и снова сунулся в дымоход.

— Нормально, — ответила Кайя и тихо застонала. — А ты как? Плохие новости?

— Да, — ответил Харри и сел рядом с ней.

— Что? Ты и сейчас в меня не влюблен?

Харри тихо рассмеялся и привлек ее к себе:

— Нет уж, теперь влюблен.

Он почувствовал теплые слезы на ее щеке, когда она прошептала:

— Значит, мы поженимся?

— Непременно, — сказал Харри, он знал, что сейчас говорят не они, а яд у них в мозгу.

Она тихо засмеялась:

— Пока смерть не разлучит нас.

Он ощущал тепло ее тела. И еще что-то твердое. Кобуру с табельным револьвером у нее на бедре. Он отпустил ее и добрался до Колкки. Ему показалось, что лицо Колкки уже стало мраморно-холодным и начало застывать. Он сунул руку в снег, добрался до груди мертвеца.

— Что ты делаешь? — пробормотала Кайя.

— Беру пистолет Юсси.

Он услышал, как на мгновение она перестала дышать. Почувствовал ее руку, ткнувшуюся ему в спину, будто ослепший зверек.

— Нет, — прошептала она. — Не делай этого… не так… Давай мы просто уснем… Эвен.

Как он и предполагал, Юсси Колкка улегся в постель со своей заплечной кобурой. Харри отстегнул кнопку, обхватил рукоятку и вытащил пистолет из снега. Провел пальцем по стволу, мушки нет, это «вейлерт». Он выпрямился слишком быстро, почувствовал, как вновь закружилась голова, подумал — как бы не упасть. И в глазах почернело.

Бельман стоял и смотрел в яму почти четырехметровой глубины, когда послышались какие-то хлопки. Они говорили, что спасательный вертолет уже на подлете. Впечатление такое, будто кто-то торопливо выбивает ковер. Его люди носили снег в рюкзаках, к которым привязали брючные ремни.

— Окно! — крикнули из ямы.

— Разбивай! — прокричал в ответ Милано.

Раздался звук бьющегося стекла.

— О черт… — услышал он. И понял, что это не предвещает ничего хорошего.

— Воткните палку…

Бельман молча ждал. Потом услышал:

— Снег. Чертов снег. До самой крыши.

До Бельмана донесся лай собак. Он попытался

подсчитать, сколько времени уйдет на то, чтобы очистить хижину от снега. Точнее, сколько суток.

Харри очнулся от жуткой боли в скуле и почувствовал, что по лбу и по переносице струится что-то теплое. Значит, падая, он ударился о камень как раз свернутой скулой, и именно это его и разбудило. Как ни странно, он по-прежнему стоял и сжимал в руке пистолет. Харри попытался вдохнуть воздух, которого не было. Он не знал, хватит ли у него сил для последней попытки, но это и не имело значения. Все просто: другого выхода все равно нет. Поэтому он сунул пистолет в карман и снова, хватая ртом воздух, начал форсировать дымоход. Добравшись до самого верха, он широко расставил ноги, нащупал железную решетку и нашел воткнутую в снег палку. К тому концу, который держал Харри, палка чуть расширялась, и он решительно сунул туда дуло пистолета. Ствол вошел внутрь на две трети и застрял. Получился полутораметровый глушитель. Пуля вряд ли пробьет слой снега толщиной более полутора метров, но что, если там до поверхности осталось совсем немного?

Он навалился на пистолет, чтобы тот от отдачи не выскочил из трубки и выстрел не ушел в сто-

рону. Потом нажал на спуск. Жал снова и снова. Казалось, его барабанные перепонки вот-вот лопнут в герметически закрытом пространстве. После четырех выстрелов он остановился, обхватил губами отверстие в палке и попытался втянуть в себя то, что было внутри.

И втянул… воздух.

От удивления он чуть было не загремел вниз. Потом снова принялся сосать, осторожно, чтобы не разрушить туннель в снегу, который, видимо, пробили пули. Несколько снежных крупинок попали ему под язык. Воздух. У него был мягкий, округлый вкус виски со льдом.

Глава 60
Тролли и гномы

Рогер Йендем бежал вверх по Карл-Юханс-гате, где вот-вот должны были открыться магазины. На Эгерторгет он поднял глаза и увидел, что стрелки красных часов рекламы шоколада «Фрейя» показывают без трех минут десять. Он прибавил скорость.

Его срочно вызвали к Бенту Нурдбё, их вышедшему на пенсию и во всех отношениях легендарному главному редактору, ныне члену правления и рыцарю храма.

Он свернул направо на Акешгата, где в те времена, когда бумажные издания правили бал, сбились в кучу редакции всех больших газет. Потом повернул налево к зданию суда, направо к Апотекергата и, запыхавшись, влетел в «Стопп Прессен!». Похоже, в кафе так и не смогли определиться со стилем: то ли спорт-бар, то ли традиционный английский паб. А может быть, и то и другое, лишь бы журналисты всех мастей чувствовали себя как дома. На стенах висели газетные фотографии, позволявшие определить,

что в последние двадцать лет интересовало, потрясало, радовало и пугало нацию. Чаще всего это был спорт, известные люди и природные катаклизмы. Плюс некоторые политики, которых с равным успехом можно отнести к двум последним категориям.

Кафе находилось в непосредственной близости от двух оставшихся на Акешгата газетных домов — VG и «Дагбладет»[122], так что «Стопп Прессен!» можно было смело считать расширенной столовой этих изданий, но пока внутри было всего два человека. Бармен за стойкой и один посетитель, сидевший в самой глубине зала, под полкой с книгами, выходившими в серии «Классики» в издательстве «Гюльдендал», и древним радиоприемником, который поставили туда явно для придания заведению очарования старины.

Человек, сидевший под полкой, и был Бент Нурдбё. У него было высокомерное выражение лица Джона Гилгуда, панорамные очки Джона Мейджора и подтяжки Ларри Кинга. И он читал настоящую бумажную газету. Рогер слышал, что Нурдбё читает только «Нью-Йорк таймс», «Файнэншл таймс», «Гардиан», «Чайна дейли»,

---

[122] Примечания: 122

«Дагбладет» — одна из крупнейших норвежских ежедневных газет.

«Зюддойче цайтунг», «Эль Паис» и «Монд», зато каждый день. Ему даже могло прийти в голову заглянуть в «Правду» и в словенский «Дневник», но он утверждал, что «восточноевропейские языки тяжелы для глаз».

Йендем остановился у столика и кашлянул. Бент Нурдбё дочитал статью о мексиканских эмигрантах, возвращающих к жизни обреченные на снос кварталы Бронкса, пробежал глазами всю страницу, чтобы убедиться, что ничего интересного там больше нет. Потом снял свои огромные очки, вытащил платочек, торчавший из нагрудного кармана твидового пиджака, и взглянул на нервного и не успевшего отдышаться человека, стоящего по стойке «смирно» у его столика.

— Рогер Йендем, я полагаю.

— Да.

Нурдбё сложил газету. Йендему говорили, что, когда он развернет ее снова, беседу можно считать оконченной. Нурдбё чуть склонил голову набок и занялся важным делом: принялся протирать стекла очков.

— Вы много лет работаете над криминальными сюжетами и хорошо знаете людей из Крипоса и убойного отдела, не так ли?

— Я… да…

— Что вам известно о Микаэле Бельмане?

От заливающего комнату солнца Харри снова зажмурился. Он только что проснулся и первые несколько секунд потратил на то, чтобы стряхнуть с себя сон и восстановить в памяти произошедшее.

Они услышали его выстрелы.

И, едва копнув лопатой, обнаружили лыжную палку.

Потом они рассказали, как боялись, что их могут пристрелить, пока они доберутся до трубы.

Голова трещала, будто он неделю пил не просыхая. Харри спустил ноги с кровати и осмотрелся в номере высокогорной гостиницы в Устаусете.

Кайю и Колкку на вертолете увезли в Осло, в Государственную больницу. Харри лететь с ними отказался. Ему позволили остаться, лишь когда он соврал, что не испытывал нехватки воздуха и вообще в прекрасной форме.

Харри сунул голову под кран в ванной и стал пить. «Воды не бывает много, ее бывает мало». Кто же это говорил? Ракель, когда хотела, чтобы Олег допил воду за ужином. Он наконец включил мобильный — телефон был отключен с тех пор, как он отправился в Ховассхютту. Здесь, в Устаусете, судя по дисплею, связь была. А еще он

узнал, что на автоответчике для него оставлено сообщение. Харри попытался его прослушать, но услышал только короткий хрип или смешок, а потом связь прервалась. Он проверил номер звонившего. Звонили с мобильного, это мог быть кто угодно. Что-то в комбинации цифр показалось ему знакомым, но, во всяком случае, звонили не из Государственной больницы. Ничего, если что-то важное, перезвонят.

В ресторане за завтраком Микаэль Бельман сидел в гордом одиночестве, перед ним стояла чашка кофе. А также лежали газеты, сложенные и уже прочитанные. Харри и не читая их понял, что там нет ничего нового, все то же, только еще больше. Еще больше о Деле и о беспомощности полиции, еще больше давления. Но сегодняшние газеты вряд ли успели сообщить о гибели Юсси Колкки.

— У Кайи все в порядке, — сказал Бельман.

— Ммм. А где остальные?

— Утром уехали в Осло. Поездом.

— А ты?

— Решил подождать тебя. Что ты думаешь?

— О чем?

— О лавине. Просто взяла и сошла?

— Понятия не имею.

— Да? А ты слышал гром перед тем, как сошла лавина?

— Ну, может, снежный карниз обрушился с вершины на склон, это и вызвало лавину.

— По-твоему, звук был именно такой?

— Я не знаю, с каким звуком обрушается снежный карниз. Я имел в виду звук, вызвавший лавину.

Бельман покачал головой.

— Даже люди, которые знают горы как свои пять пальцев, уверены, что звуковая волна может вызвать оползень. Я занимаюсь скалолазанием с экспертом по лавинам, он рассказывал мне, что в Альпах по-прежнему считают, будто лавины во время Второй мировой войны сходили из-за орудийных залпов. Но если взорвать взрывчатку непосредственно в снегу, лавина сойдет с гарантией.

— Ммм… То есть?

— Ты знаешь, что это такое? — Между пальцами у Бельмана был зажат кусочек блестящего металла.

— Нет, — сказал Харри и знаком показал официанту, который уже убирал блюда со шведского стола, что хочет кофе.

— «Тролли и гномы в скалах как дома»[123], — пропел Бельман.

— Я пас.

— Ты меня разочаровал, Холе. Ну да ладно. Может, у меня есть фора. Я рос в Манглеруде в семидесятых годах, этот город-спутник тогда расширялся. И повсюду вокруг нас были пустыри. Саундтрек моего детства — взрыв динамита. А когда работяги уходили, я обследовал места, где они взрывали, и находил куски кабеля в красной оболочке, обрывки бумаги от динамитных патронов. Кайя рассказывала, что здесь, на севере, рыбу добывают специфическим способом и динамитные шашки в хозяйстве обычное дело, их тут найти даже легче, чем самогон. Только не говори, что тебе это не приходило в голову.

— О'кей, — сказал Харри. — Это кусочек капсюля. Когда и где ты его нашел?

— После того как вас вывезли вчера ночью, мы с ребятами осмотрели место, откуда сошла лавина.

— Есть следы? — Харри принял у официанта чашку с кофе и поблагодарил.

---

[123] Примечания: 123

Первая строчка ставшего детской песенкой стихотворения норвежского поэта Хенрика Вергеланна, в котором говорится о взрывных работах в горах.

— Нет. Место такое открытое, что ветер сдул следы лыж, если они там были. Но по словам Кайи, она, кажется, слышала звук снегохода.

— Еле различимый. И с того момента, как она его слышала, до схода лавины прошло мгновение. Он мог припарковать скутер в стороне, чтобы мы его не услышали, а дальше идти пешком.

— Мне это приходило в голову.

— И что теперь? — Харри отпил кофе.

— Надо поискать следы снегохода.

— Местный ленсман…

— Никто не знает, где он. Но я нашел снегоход, карту, веревку, карабин, ледоруб и метлу. Так что допивай побыстрее свой кофе, во второй половине дня обещали снег.

Управляющий отелем, датчанин, объяснил, что им, чтобы добраться до вершины, откуда сошла лавина, придется сделать большой крюк на запад от Ховассхютты, но не углубляясь на северо-запад, иначе они попадут в местность, которую называют «Пасть». Такое название она получила, потому что там повсюду разбросаны огромные камни, похожие на клыки. Плоскогорье изрезано расселинами и пропастями, так что, если не слишком хорошо знаешь здешние места, ездить там в непогоду смертельно опасно.

Было около двенадцати. Харри и Бельман смотрели сверху на склон. На дне долины едва угадывался откопанный из-под снега дымоход Ховассхютты.

С запада уже стали набегать тучи. Харри, щурясь, глядел на северо-запад. Без солнца тени и очертания предметов казались размытыми.

— Скорее всего, лавина началась там, — сказал Харри. — В любом случае звук шел оттуда.

— «Пасть», — сказал Бельман.

Через два часа, на низкой скорости прочесав в поисках следов от снегохода всю местность с юга на север, они остановились передохнуть. Сидели бок о бок на сиденьях скутера и пили из термоса, который захватил с собой Бельман. Пошел легкий снежок.

— Однажды на стройплощадке в Манглеруде я нашел неиспользованную динамитную шашку, — сказал Бельман. — Мне было пятнадцать. В Манглеруде у молодежи было только три занятия. Спорт, христианские песнопения и наркота. Я-то ничем таким не интересовался. Как-никак не сидел перед нашей почтой, дожидаясь, пока жизнь проведет меня от гашиша через клей и герыч к могилке. Потому как по крайности четверо моих одноклассников именно так и закончили.

Харри отметил, что в речи Бельмана вдруг послышался незатейливый манглерудский говорок.

— Я все это ненавидел, — сказал Бельман. — Так что я сделал первый шаг к профессии полицейского: взял эту шашку и отнес ее за манглерудскую церковь, где ребята, курившие гашиш, вели земляные работы.

— Земляные работы? Как это?

— Вырывали в земле ямку, вставляли туда вверх дном разбитую пивную бутылку, внутри на решетке лежал гашиш, тлел и вонял. От ямки шли зарытые в землю пластмассовые трубки, в полуметре от дыры они выходили наружу. Ребята ложились вокруг на травку и посасывали каждый свою трубочку. Уж не знаю зачем…

— Чтобы охладить дым, — объяснил Харри, посмеиваясь. — Так можно забалдеть и от маленького количества наркоты. Недурная мысль. Я явно недооценивал Манглеруд.

— Ну а я вытащил одну из пластиковых трубок и засунул вниз динамит.

— То есть подорвал все это дело и сломал им весь кайф?

Бельман кивнул, а Харри расхохотался.

— Полминуты потом шел дождь с землей, —

улыбнулся Бельман.

Они помолчали. Только тихо и сипло выл ветер.

— Вообще-то я хотел тебя поблагодарить, — сказал Бельман и уставился в свой бумажный стаканчик. — За то, что вовремя вытащил Кайю.

Харри пожал плечами. Кайя. Бельман знает, что Харри знает про них. Откуда? Значит ли это, что Бельман тоже знает — про Кайю и его самого?

— Все равно мне там внизу нечем было заняться, — сказал Харри.

— Да ладно. Я же видел труп Юсси, прежде чем его увезли.

Харри не ответил, просто щурился на снежинки, которые стали падать плотнее.

— У него сбоку на горле была рана. И еще на обеих ладонях. Как от укола палкой. Ведь ты же сначала его нашел, правда?

— Возможно, — сказал Харри.

— Потому что из раны на шее не так давно шла кровь. То есть когда он получил эту рану, сердце еще билось, Харри. Билось довольно сильно. То есть ты успел бы откопать его живым. Но ты предпочел Кайю, да?

— Ну, — сказал Харри. — Я думаю, тут Колкка был прав. — Он вылил остатки кофе на снег. —

Иногда приходится определяться, на чьей ты стороне.

Следы снегохода они обнаружили в три часа, в километре от места, где сошла лавина, между двумя огромными валунами, формой напоминавшими зубы, куда не проникал ветер.

— Похоже, он припарковался здесь. — Харри указал на след от гусеницы. — Снегоход успел зарыться в снег. — Он провел пальцем по полоске посередине следа от левого полоза, пока Бельман сметал легкий сухой снежок, припорошивший борозду.

— Ага, — сказал Бельман. — Здесь он повернул и поехал дальше на северо-запад.

— Мы приближаемся к пропастям, да и снег повалил, — сказал Харри, взглянул на небо и достал телефон. — Надо позвонить в гостиницу и попросить прислать проводника на снегоходе. Черт!

— Не берет. Придется возвращаться в гостиницу.

Харри взглянул на дисплей. Там по-прежнему высвечивалось сообщение со смутно знакомого номера, от того, кто оставил на автоответчике этот странный звук… Три последние цифры — откуда он их помнит, черт побери? И внезапно его осенило. Память сыщика. Этот номер он видел в

папке «ранее подозреваемые» и на визитке.

С надписью «Тони К. Лейке, предприниматель». Харри медленно поднял глаза на Бельмана:

— Лейке жив.

— Что?

— Во всяком случае, его телефон работает. Он пытался дозвониться до меня, когда мы были в Ховассхютте.

Бельман смотрел на Харри не мигая. Снежинки падали на его длинные ресницы, пятна на лице, казалось, пламенели. Голос сделался низким, он почти шептал:

— Прекрасная видимость, ты не согласен, Харри? И снега нет.

— Чертовски хорошая видимость, — сказал Харри. — И ни крупинки чертова снега.

Он вскочил на снегоход, когда тот уже тронулся.

Они продвигались вперед рывками, преодолевая зараз не более ста метров. Предположив, каким маршрутом мог двигаться тот снегоход, они ехали в том же направлении, использовали метлу, определяли направление и двигались вперед. Полоска на гусенице, наверняка оставшаяся после какой-то аварии, не позволяла сомневаться в том, что это тот самый снегоход. Кое-где, в

укромных местах или на продуваемых ветром сопках, след был виден отчетливо, и тогда они ехали быстрее. Но не слишком быстро. Харри уже пару раз кричал: «Осторожно, пропасть!» — они чудом не свалились. Было почти четыре часа. Бельман, в зависимости от силы снегопада, то включал, то выключал переднюю фару. Харри смотрел в карту. Он не знал точно, где они находятся, но сознавал, что они все больше удаляются от Устаусета. И что скоро дневной свет померкнет. Треть существа Харри с тревогой подумывала, как они вернутся назад. Но две трети послали эту треть ко всем чертям, а это как-никак конституционное большинство.

В половине пятого они потеряли след.

Снегопад настолько усилился, что они уже почти ничего не могли различить.

— Это безумие, — прокричал Харри, стараясь перекрыть рев мотора. — Почему нам не подождать до завтра?

Бельман повернулся к нему и улыбнулся в ответ.

В пять они снова нашли след.

Они остановились и слезли со снегохода.

— Ведет сюда, — сказал Бельман, возвращаясь к скутеру. — Поехали!

— Погоди, — сказал Харри.

— Почему это? Поехали, скоро совсем стемнеет.

— Ты, когда сейчас кричал, эхо слышал?

— Ну и что это значит? — Бельман остановился. — Гора?

— На карте нет никакой горы, — сказал Харри и повернулся в ту сторону, куда вели следы. — Расщелина! — прокричал он.

И получил ответ. Очень быстрый ответ. Он обернулся к Бельману.

— Я думаю, что у снегохода, который оставил эти следы, возникли серьезные проблемы.

— Что я знаю о Бельмане, — повторил Рогер Йендем, пытаясь выиграть время. — О нем говорят как о человеке очень толковом и исключительно профессиональном. — Что же нужно этому легендарному редактору Нурдбё? — Все умеет, все делает правильно, — продолжал Йендем. — Быстро учится, понемногу учится и тому, как обращаться с нами, прессой. Эдакий whiz kid[124]. Ну, если вы понимаете…

— Это выражение мне знакомо. — Бент Нурдбё кисло улыбнулся, продолжая тереть стекла своих

---

[124] Примечания: 124
Вундеркинд *(сленг., англ.)*.

очков. — Вообще-то меня больше интересует, какие о нем ходят слухи.

— Слухи? — переспросил Йендем, по старой дурной привычке забыв закрыть рот.

— Надеюсь, вам знакомо это понятие, Йендем. Раз уж и вы, и ваш нынешний работодатель ими питаетесь. Ну?

Йендем помедлил:

— Ну, слухи бывают разные.

Нурдбё поднял глаза к небу:

— Спекуляции. Домыслы. Прямая ложь. Я не особо в этом разбираюсь, Йендем. Переворошите их все, позлорадствуйте.

— З-значит, негативные моменты?

Нурдбё тяжело вздохнул:

— Дорогой Йендем. Часто ли вам доводилось слышать, что такой-то ведет трезвый образ жизни, честен в денежных делах, верен в браке и его стиль руководства не назовешь психопатическим? Возможно, функция слухов сводится к тому, чтобы нам самим выглядеть на общем фоне сравнительно неплохо? — Нурдбё оставил наконец в покое одно стекло и принялся столь же тщательно полировать другое.

— Слухи эти не назовешь упорными, — сказал Йендем и поспешил добавить: — К тому же я пре-

красно знаю и других людей, о которых говорят то же самое, но они точно явно не такие.

— Как бывший редактор, я посоветовал бы вам выбросить либо «точно», либо «явно», а то получается масло масляное, — сказал Нурдбё. — И чем же он не такой?

— Ну… Не такой ревнивый.

— А разве не все мы ревнивы?

— Речь идет о ревности с применением насилия.

— Он что, бьет жену?

— Нет, не думаю, что он распускает руки. Или что она дает ему повод. Но вот если кто-то слишком долго на нее пялится…

Глава 61
Высота падения

Харри и Бельман лежали на краю пропасти, там, где обрывались следы снегохода. Оба пристально вглядывались в бездну. Черные, отвесные склоны уходили вниз, растворяясь в густой метели.

— Видишь что-нибудь? — спросил Бельман.

— Снег. — Харри протянул ему бинокль.

— Снегоход там. — Бельман встал и вернулся к их собственному снегоходу. — Будем спускаться.

— Мы?

— Ты.

— Я? Мне казалось, что это ты у нас скалолаз, Бельман.

— Правильно, — сказал Бельман, уже начав надевать на себя альпинистскую обвязку. — Поэтому будет логично, если я займусь веревкой, карабинами и прочим. Длина веревки — семьдесят метров. Я спущу тебя на это расстояние. Ладно?

Шесть минут спустя Харри уже стоял на краю, спиной к пропасти, с биноклем на шее и дымящейся сигаретой в углу рта.

— Нервничаешь? — улыбнулся Бельман.

— Не-а, — ответил Харри. — Боюсь до смерти.

Бельман проверил веревку, которая шла от спускового устройства вокруг тонкого деревца у них за спиной и тянулась вниз к обвязке Харри.

Харри закрыл глаза, глубоко вдохнул и сосредоточился на том, как отклониться назад и перебороть эволюционно обоснованный протест, выработанный опытом, насчитывающим миллионы лет: если шагнуть в пропасть, то твой род не продолжится.

Мозг одержал победу над телом — с минимальным перевесом.

Поначалу Харри еще мог касаться ногами горного склона, но, спустившись ниже, просто повис в воздухе. Веревка подавалась вниз рывками, но эластичная обвязка амортизировала удар на позвоночник и бедра. Потом веревка пошла более плавно, через мгновение он уже потерял из виду вершину и теперь парил в одиночестве среди белых снежинок и черных скал.

Он отклонился в сторону и взглянул вниз. И там, в двадцати метрах под собой, разглядел черные зубцы камней, торчащие из снега. Крутая осыпь. И среди всего этого белого и черного что-то желтело.

— Вижу снегоход, — прокричал Харри, и слова его незамедлительно отозвались эхом.

Снегоход лежал перевернувшись, гусеницами вверх. При условии, что ветер не отнес его веревку в сторону и ее можно считать вертикалью, получалось, что снегоход отлетел всего на три метра от перпендикуляра. При падении с более чем семидесятиметровой высоты. Следовательно, на момент падения снегоход шел на минимальной скорости.

Веревка резко натянулась.

— Еще ниже! — крикнул Харри.

Звучный голос сверху раскатился, как голос с кафедры священника:

— Веревки не хватит.

Харри посмотрел вниз, на снегоход. Слева из-под него что-то торчало. Голая рука. Черная, раздувшаяся, как пережаренная на гриле сосиска. Белые пальцы на черном камне. Он попытался сфокусировать взгляд, чтобы разглядеть получше. Открытая ладонь, правая рука. Пальцы. Скрюченные, согнутые. Мозг Харри лихорадочно работал. Что там Тони Лейке говорил о своей болезни? Не заразная, просто наследственная. Ревматоидный артрит.

Харри взглянул на часы. Рефлекс сыщика. Труп

обнаружен в 17.53. Почти совсем стемнело.

— Тяни! — крикнул Харри.

Ничего не произошло.

— Бельман!

Нет ответа.

Порыв ветра закружил Харри вокруг веревки. Черные камни. Двадцать метров. И тут он почувствовал, как сердце рвется из груди, и вцепился в веревку обеими руками, чтобы убедиться, что она никуда не делась. Кайя. Бельман знал.

Харри три раза глубоко вдохнул и выдохнул, прежде чем закричать снова:

— Темно, ветер, я тут яйца себе отморожу, Бельман. Пора домой.

По-прежнему никакого ответа. Харри закрыл глаза. Боялся ли он? Боялся, что коллега, человек на первый взгляд здравомыслящий, лишит его жизни по внезапной прихоти, когда подвернется случай? Черт, еще бы ему не бояться. Потому что это вовсе не была внезапная прихоть. И то, что Бельман остался, чтобы вывезти Харри в эту снежную пустыню, вовсе не было случайностью. Или? Он вздохнул. Бельман легко мог устроить, чтобы все выглядело как несчастный случай. Спустится потом вниз, снимет обвязку, смотает веревку, скажет, что была метель, Харри оступил-

ся и угодил в пропасть. В горле пересохло. Ну нет, так не пойдет. Не для того он выбрался из-под этой треклятой лавины, чтобы через двенадцать часов его скинули в пропасть. Да еще чтобы это сделал полицейский. Ни черта у тебя не выйдет, и не мечтай…

Натянутая обвязка вдруг обмякла. Он падал. Свободно. И быстро.

— Поговаривают, что Бельман избил коллегу, — сказал Йендем. — Только за то, что тот на рождественской вечеринке у них в полиции чуть чаще, чем следует, танцевал с его женой. Парень хотел на него заявить, ему своротили челюсть и проломили череп, но доказательств не нашлось, нападавший был в капюшоне. Однако все знали, что это Бельман. Ситуация щекотливая, так что ему пришлось найти место в Европоле, лишь бы уехать из страны.

— Вы верите этим слухам, Йендем?

Рогер пожал плечами:

— Складывается впечатление, что Бельман относится к такого рода правонарушениям с известной долей… терпимости. В связи с лавиной в Ховассхютте мы порылись в прошлом Юсси Колкки. Тот до полусмерти избил на допросе человека, подозреваемого в изнасилованиях. Да

и Трульс Бернтсен, правая рука Бельмана, тоже не паинька.

— Хорошо. Это соперничество между Крипосом и убойным отделом из-за того, кто будет главным в расследовании убийств… я хочу, чтобы его освещали именно вы. Я хочу, чтобы вы спровоцировали бурную дискуссию, например о психопатическом стиле руководства. Вот и все. И посмотрим, как отреагирует министр юстиции.

И, ни словом, ни жестом не завершив разговор, Бент Нурдбё надел свежеотполированные окуляры, развернул газету и вновь погрузился в чтение.

Харри не успевал думать. Он не успевал ничего. Жизнь не пронеслась перед его мысленным взором, он не увидел тех, кому должен был сказать о своей любви, не было и света, к которому его неодолимо влекло. Вряд ли можно все это успеть при падении всего на пять метров. Обвязка слегка впилась в позвоночник и пах, но эластичная веревка сделала торможение мягким.

Потом он почувствовал, что его поднимают. Ветер швырял снег ему в лицо.

— Какого черта? — спросил Харри, когда через пятнадцать минут вновь оказался на краю расщелины, качаясь под порывами ветра и поспешно

освобождаясь от веревки.

— Ну что, теперь-то испугался? — улыбнулся Бельман.

Вместо того чтобы отложить веревку в сторону, Харри намотал ее на правую руку. Убедился, что веревки еще достаточно для свободы маневра. Короткий апперкот в кончик подбородка. Благодаря веревке рука не пострадает, не то что в прошлый раз, когда он ударил Бьёрна Хольма и у него потом два дня болели костяшки.

Он сделал шаг к Бельману. Увидел удивление на лице комиссара, когда тот заметил веревку, намотанную на кулак Харри, увидел, как комиссар полиции пятится назад, пошатывается и валится в снег.

— Не надо!.. Просто мне пришлось завязать на конце веревки узел, чтобы она не проскользнула в тормоз…

Харри по-прежнему шел к нему, и ползающий в снегу Бельман рефлекторно поднял руку, закрывая лицо:

— Харри! Был сильный ветер, и я… поскользнулся…

Харри остановился и с удивлением посмотрел на Бельмана. Потом прошел мимо дрожащего комиссара полиции. Он шел по снегу, и ледяной

ветер продувал насквозь верхнюю одежду, белье, кожу, мясо, мускулы, даже скелет замерз. Харри схватил примотанную к снегоходу палку, огляделся в поисках тряпки, которую можно к ней привязать, но ничего не нашел, а жертвовать чем-то из собственной одежды вряд ли стоило. Он поглубже воткнул палку в снег, чтобы обозначить место находки. Один бог знает, сколько времени им понадобится, чтобы найти его вновь. Потом нажал кнопку на электрическом стартере. Нашел, где включаются фары, и включил их. И сразу все увидел. Понял по снегу, который стелился по ветру, бил в фары и танцевал сплошной непроницаемой стеной: им никогда не выбраться из этого лабиринта, никогда не вернуться в Устаусет.

Глава 62
Транзит

Ким Эрик Локкер был самым молодым экспертом-криминалистом в криминалистическом отделе. Потому и особо сложных заданий ему не давали. Например, сегодня его отправили в Драммен. Бьёрн Хольм говорил, что Брюн — гомик, любит пофлиртовать, но Киму Эрику надо только отдать ему одежду, а потом убираться восвояси.

Когда навигатор женским голосом возвестил: «You have arrived at your destination»[125], он как раз подъехал к старому городскому дому. Припарковался, вошел в незакрытый подъезд, поднялся на третий этаж и подошел к двери, к которой скотчем была приклеена простая бумажка с именами: ГЕЙР БРЮН/АДЕЛЕ ВЕТЛЕСЕН.

Ким Эрик еще раз нажал на кнопку звонка и наконец услышал в коридоре чьи-то шаги.

Дверь открывалась внутрь. У мужчины, который ее открыл, вокруг бедер было повязано полотенце. Он был странно белокож, лысая макушка блестела от пота.

---

[125] Примечания: 125
«Вы прибыли в пункт назначения» (*англ.*).

— Гейр Брюн? Н-надеюсь, я вам не помешал, — сказал Ким Эрик Локкер и протянул пластиковый пакет с одеждой.

— Да ничего страшного, я просто трахаюсь, — сказал тот своим аффектированным голосом, который Бьёрн Хольм так удачно передразнивал. — Что это?

— Это одежда, которую мы у вас брали. Боюсь, нам придется еще какое-то время подержать у себя лыжные штаны.

— Да?

Ким Эрик услышал, как открылась дверь за спиной Гейра Брюна. И абсолютно женский голос прощебетал:

— Что там, любимый?

— Тут просто принесли кое-что.

Из двери выскользнула фигура и встала у Гейра Брюна за спиной. Она даже не потрудилась закутаться в полотенце, и Ким Эрик успел констатировать, что миниатюрное существо было женщиной на все сто процентов.

— Привет, — прощебетала она из-за плеча Гейра Брюна. — Если у вас больше нет к нему дел, я хотела бы получить его назад. — Она подняла маленькую изящную ножку и захлопнула дверь. Дверное стекло еще долго дрожало.

Харри остановил снегоход и уставился в снежную круговерть.

Там что-то маячило.

Бельман сидел, обхватив его руками за талию и прильнув головой к его широкой спине, чтобы хоть как-то укрыться от ветра.

Харри ждал. Смотрел.

Опять.

Бревенчатая хижина. И лабаз на столбах.

И опять все исчезло, снег все стер, как и не бывало ни лабаза, ни хижины. Но Харри уже понял направление.

Почему же он не нажал на газ и не поехал прямо к ней, в спасительное укрытие, почему он медлил? Он не знал. С этой хижиной что-то не так, он почувствовал это в те секунды, на которые она ему показалась из бурана. Что-то не так с черными окнами, он словно смотрел на что-то бесконечно заброшенное, но тем не менее обитаемое. И было в этом что-то нехорошее. Поэтому он осторожно нажал на газ, чтобы не заглушить порывы ветра.

Глава 63
Лабаз

Харри подбросил полено в железную печку.

Бельман сидел у стола в гостиной и клацал зубами. Пятна у него на лице отливали синим. Группа какое-то время стучала в дверь и кричала на воющем ветру, прежде чем разбить одно стекло в окне в пустую спальню. В спальню с неубранной постелью, в которой, судя по запаху, кто-то совсем недавно спал. Он чуть было не подошел и не потрогал — а вдруг постель еще теплая. Оба они сильно продрогли, поэтому гостиная и так показалась бы им теплой, но Харри все равно сунул руку в печку, чтобы проверить, нет ли углей под черной золой. Но их там не было.

Бельман придвинулся поближе к печке.

— А ты видел там, в пропасти, что-нибудь кроме снегохода?

Это были его первые слова после того, как он бежал и кричал, чтобы Харри не бросал его, а потом едва успел запрыгнуть на снегоход.

— Руку, — сказал Харри.

— Чью руку?

— Откуда мне знать?

Харри встал и прошел в ванную. Проверил туалетные принадлежности. То немногое, что там было. Мыло и бритва. Зубной щетки не оказалось. Один человек, мужчина. Который либо не чистил зубы, либо уехал. Пол влажный, даже вдоль плинтусов, словно кто-то недавно все здесь вымыл. Что-то привлекло его внимание. Он опустился на корточки. Что-то черно-коричневое выглядывало из-под плинтуса. Мелкий камешек? Харри поднял его и осмотрел. Во всяком случае, это не кусочек лавы. Он сунул его в карман.

В ящиках на кухне он обнаружил кофе и хлеб. Потрогал хлеб. Относительно свежий. В холодильнике он нашел варенье, масло и две банки пива. Харри так проголодался, что ему казалось, он чувствует запах жареного сала. Он еще пошарил в шкафах. Ничего. Черт, неужели этот тип питался одним хлебом с вареньем? На стопке тарелок он обнаружил упаковку печенья. Тарелки те же, что и в Ховассхютте. И мебель та же. Могла ли эта хижина принадлежать Туристическому обществу? Харри остановился. Нет, ему не почудилось, он действительно чувствовал запах жареного — точнее, горелого — сала.

Он вернулся в гостиную.

— Ты запаха не чувствуешь? — спросил он.

— А что?

— Принюхайся, — сказал Харри и сел на корточки перед железной печкой. Рядом с дверцей к чугунному рельефу в виде оленя прилипли три черных кусочка, от них шел чад.

— Ты нашел какую-нибудь еду? — спросил Бельман.

— Смотря что считать едой, — задумчиво ответил Харри.

— На той стороне двора — лабаз. Может…

— Чем гадать, пошел бы и проверил.

Бельман кивнул, поднялся и вышел.

Харри подошел к письменному столу посмотреть, нет ли там чего-нибудь, чтобы отскрести пригоревшие к печке кусочки. Вытащил верхний ящик. Пусто. Харри вытащил и остальные, но все они были пусты. Если не считать листка, лежащего в самом низу. Он поднял его. Это был не просто листок, а фотография, перевернутая картинкой вниз. Первое, о чем подумал Харри: кто же хранит семейные фотографии в туристской хижине? Снимок был сделан летом, перед домиком на ферме. Женщина и мужчина сидели на лестнице, а между ними стоял мальчик. Женщина в синем платье, в платке, без косметики и с усталой улыб-

кой. У мужчины поджаты губы, выражение лица — строгое, замкнутое — типичное для застенчивых норвежцев, но общее впечатление все равно такое, как будто они скрывают какие-то темные тайны. Внимание Харри, однако, привлек стоявший посредине мальчик. Он походил на мать: та же широкая, открытая улыбка, очаровательный взгляд, красивый лоб. Но он напоминал и кого-то еще. Крупные белые зубы…

Харри подошел к печке, ему почему-то опять стало холодно. Этот неотвязный запах сала… Он закрыл глаза и сосредоточился, попытался дышать глубоко и спокойно, через нос, но все равно чувствовал, как к горлу подступает тошнота.

И тут в домик ввалился Бельман, улыбаясь во весь рот:

— Надеюсь, ты любишь оленину?

Харри проснулся и подумал: что же его разбудило? Какой-то звук? Или, наоборот, отсутствие всяких звуков? До него вдруг дошло, что в гостиной совершенно тихо, ветер стих. Он сбросил с себя шерстяное одеяло и встал с дивана.

Посмотрел в окно. И ему почудилось, что снаружи словно кто-то ко всему прикоснулся волшебной палочкой. То, что шесть часов назад было суровой, безжалостной снежной пустыней,

сейчас, в колдовском свете луны, показалось ему мягким, родным, почти красивым. Харри вдруг понял, что ищет следы на снегу. Что он действительно слышал какой-то *звук*. Это могло быть что угодно. Птица. Зверь. Он прислушался и уловил легкое похрапывание за дверью в одну из спален. Значит, вставал не Бельман. Его взгляд проследил за цепочкой следов от дома до лабаза. Или от лабаза к дому? Или и туда и сюда, следов было много. Может, это следы Бельмана шестичасовой давности? Когда, кстати, прекратился снег?

Харри надел лыжные ботинки, вышел на улицу и посмотрел на туалет. Туда не вели никакие следы. Он повернулся спиной к лабазу и помочился на стену дома. Почему мужчины всегда так делают? Почему им непременно надо мочиться *на что-то*? Неужели это остатки инстинкта, заставлявшего их метить территорию? Или… Харри внезапно осознал, что его занимает не то, на что он мочился, а то, что у него за спиной. Лабаз. Словно оттуда за ним кто-то наблюдает. Он застегнул штаны, повернулся, посмотрел на строение с остроконечной крышей. И двинулся к лабазу. Проходя мимо занесенного снегом снегохода, подхватил лопату. Он хотел было сразу войти внутрь, но вместо этого застыл у простой каменной лест-

ницы, ведущей к низкой двери. Прислушался. Ничего. Какого черта он медлит, там же никого нет. Он поднялся по лестнице, попытался поднести руку к двери, но рука не слушалась. Что, черт возьми, происходит? Сердце колотилось в груди так сильно и больно, что казалось, сейчас лопнет. Он вспотел, тело отказывалось ему повиноваться. Постепенно Харри припомнил, что ему уже описывали все эти симптомы. Классический приступ паники. И тогда на выручку пришел гнев. Он сильно пнул дверь ногой и ввалился в темноту. Пахло жиром, копченым мясом и свернувшейся кровью. Лучик лунного света прорезал мрак, в нем что-то задвигалось, блеснула пара глаз. Он занес лопату. И попал. Услышал мертвый звук мяса, почувствовал, как оно поддается. Дверь за его спиной приоткрылась, помещение залил лунный свет. Харри уставился на висящую перед ним оленью тушу. На туши других животных. Он выпустил лопату и опустился на колени. И тут все нахлынуло разом. Рухнувшая стена хижины, снег, который едва не сожрал его заживо, паника оттого, что он не может дышать, долгий вздох, наполненный настоящим, неподдельным ужасом, когда он падал на черные камни. Как одиноко. Потому что все они уехали. Отец лежит в маске,

подключенный к аппарату искусственного дыхания, он всего лишь транзитный пассажир. И Ракель, и Олег — силуэты в контровом свете в аэропорту, они тоже транзитные пассажиры. Харри хотелось назад. Назад в комнату, где падают капли. Влажный бетон стен. Пропахший потом матрас, сладкий дым, который приводил его туда, где были они. Транзит. Харри уронил голову и почувствовал, что по лицу его текут теплые слезы.

Я распечатал фотографию Юсси Колкки с сайта «Дагбладет» и прикрепил ее к стене рядом с остальными. В новостях ни слова не сказали о Харри Холе и других полицейских, которые там были. И про Иску Пеллер ни слова, кстати, тоже. Это был блеф? Они стараются. Во всяком случае. А теперь еще и мертвый полицейский. Придется им стараться изо всех сил. Они ДОЛЖНЫ стараться изо всех сил. Слышишь, Холе? Ты должен стараться, ведь я так близко, что могу шептать тебе на ухо.

Часть шестая

Глава 64
Состояние

Состояние Улава Холе остается без изменений — так сказал доктор Абель.

Харри сидел у постели отца и смотрел на человека, в состоянии которого не происходило изменений, а кардиограф весело попискивал свою спотыкающуюся мелодию. Вошел Сигурд Алтман, поздоровался и переписал цифры с дисплея в блокнот.

— Вообще-то я пришел навестить Кайю Сульнес, — сказал Харри и встал. — Но не знаю, в каком она отделении. Не могли бы вы…

— Это ваша коллега, которую доставили прошлой ночью спасательным вертолетом? Она в реанимации. Ждут результатов анализов, она ведь долго пробыла под снегом. Услышав про Ховассхютту, я было подумал, что она и есть та свидетельница из Австралии, о которой говорили по радио.

— Не верьте всему, что слышите, Алтман. Пока Кайя лежала под снегом, австралийка жила-поживала в Бристоле. В тепле и уюте, с охраной и

обслуживанием в номерах по первому классу.

— Погодите-ка. — Алтман, прищурившись, взглянул на Харри. — Вы тоже побывали под снегом?

— Почему вы так решили?

— Понял по походке. Голова кружится?

Харри пожал плечами.

— А спутанность сознания чувствуете?

— Постоянно, — сказал Харри.

Алтман улыбнулся:

— Углекислый газ еще не вышел. Вообще организм освобождается от него довольно быстро, если вы регулярно получаете кислород, но вам бы надо сдать анализ крови на парциальное давление углекислого газа.

— Нет, спасибо, — ответил Харри. — А как у него дела? — Он кивнул в сторону кровати.

— А врач что говорит?

— Без изменений. Я спрашиваю вас.

— Я не врач, Харри.

— И поэтому не надо отвечать как врач. Скажите приблизительно.

— Я не могу…

— Это останется между нами.

Сигурд Алтман посмотрел на Харри Холе. Хотел что-то сказать. Передумал. Прикусил нижнюю

губу.

— Это вопрос дней, — сказал он.

— Даже не недель?

Алтман не ответил.

— Спасибо, Сигурд, — поблагодарил Харри и пошел к двери.

Лицо Кайи на подушке было бледным и красивым. Как цветок в гербарии, подумал Харри. Он сжимал ее маленькую холодную руку. На ночном столике лежала сегодняшняя «Афтенпостен» с заголовком о лавине в Ховассхютте. Автор материала описывал трагедию и цитировал Микаэля Бельмана, назвавшего большой потерей гибель инспектора Колкки, сопровождавшего Иску Пеллер в Ховассхютту. Но Бельман рад, что свидетельница спасена и сейчас находится в безопасности.

— Значит, лавина началась из-за динамита, — сказала Кайя.

— Без сомнения, — ответил Харри.

— И как вам с Микаэлем работалось вместе там, в горах?

— Хорошо. — Харри отвернулся, на него вдруг напал кашель.

— Я слышала, вы нашли в пропасти снегоход. А под ним, возможно, лежит чей-то труп.

— Да. Бельман остался в Устаусете, чтобы вновь отыскать это место с ребятами ленсмана.

— Кронгли?

— Никто не знает, где он. Но его заместитель, Рой Стилле, производит впечатление человека надежного. Правда, им придется повозиться. Мы понятия не имели, где находимся, там все занесло снегом, намело еще больше, да и местность… — Харри покачал головой.

— А чей это труп, как по-твоему?

Харри пожал плечами:

— Очень удивлюсь, если это окажется не Тони Лейке.

Кайя приподняла голову:

— Вот как?

— Я пока никому не говорил, но я видел пальцы покойника.

— А что с ними не так?

— Они искривлены. А у Тони Лейке ревматоидный артрит.

— Думаешь, это он вызвал лавину? А потом в темноте свалился в пропасть?

Харри покачал головой:

— Тони рассказывал мне, что знает те места как свои пять пальцев, это его родина. Погода была ясная, снегоход шел на низкой скорости,

его отбросило в сторону всего на три метра. И еще у покойника обожжена рука, и дело тут не в динамите. Да и снегоход не сгорел.

— Что…

— Я думаю, Тони Лейке пытали, убили, а потом столкнули вместе со снегоходом, чтобы мы его не нашли.

Лицо Кайи исказила гримаса.

Харри потер мизинец. Интересно, может, он его отморозил?

— А что ты скажешь о Кронгли?

— Кронгли? — Кайя ненадолго задумалась. — Если он действительно пытался изнасиловать Шарлотту Лолле, ему не следовало становиться полицейским.

— Он и жену свою бил.

— Меня это не удивляет.

— Нет?

— Нет.

Он взглянул на нее:

— Ты от меня что-то скрываешь?

Кайя пожала плечами:

— Ну, он же наш коллега, и потом, я думала, раз он тогда был пьян, то и говорить не о чем. Но я в нем это заметила. Он пришел ко мне домой и дал понять, причем довольно грубо, что нам бы

неплохо поразвлечься.

— И что?

— У меня был Микаэль.

Харри почувствовал, как его будто что-то кольнуло.

Кайя подтянулась в кровати повыше.

— Ты же не думаешь всерьез, что это дело рук Кронгли…

— Не знаю. Тот, кто вызвал лавину, наверняка хорошо ориентировался на местности. Кроме того, Кронгли связан с теми, кто был в Ховассхютте. К тому же Элиас Скуг рассказал, что в Ховассхютте наблюдал сцену, похожую на изнасилование. А Аслак Кронгли вполне тянет на потенциального насильника. И потом, эта лавина. По-твоему, как бы действовал тот, кто хочет убить женщину, которая находится в горной хижине в компании невооруженного полицейского? Сход лавины результата не гарантирует. Почему бы тогда ему не поступить проще и безопаснее: взять с собой орудие убийства, которое он предпочитает, и пойти прямо к хижине? Потому что он знал, что Иска Пеллер и полицейский на самом деле там не одни. *Знал*, что мы его поджидаем. Поэтому он и напал тем единственным способом, который позволял ему потом выбраться оттуда. Мы

говорим о человеке, имеющем доступ к закрытой информации. О том, кто был в курсе наших гипотез о Ховассхютте и понял, что к чему, когда мы огласили имя свидетеля на пресс-конференции. Контора ленсмана в Устаусете…

— В Йейлу, — поправила Кайя.

— Так или иначе, Кронгли получил от Крипоса срочный приказ подготовить посадку полицейского вертолета в национальном парке. И он понял, где собака зарыта.

— Тогда он должен был понять и то, что Иски Пеллер там нет, что мы не станем рисковать свидетелем, — сказала Кайя. — И вообще, по идее, он должен был бы держаться подальше от этой истории.

Харри кивнул:

— Точно, Кайя. Я согласен с тобой. Думаю, Кронгли ни на секунду не поверил, что Пеллер находится в хижине. Лавина — лишь продолжение того, чем он занимался и раньше.

— Чем?

— Играл с нами.

— Играл?

— Пока мы были в Ховассхютте, мне звонили с телефона Тони Лейке. Тони занес мой номер в контакты. И я почти уверен в том, что звонил

мне не он. Звонивший не сразу нажал на отбой, включился автоответчик, и, прежде чем связь прерывается, можно услышать звук. Я не уверен, но мне показалось, что это был смех.

— Смех?

— Смех человека, которому весело. Он только что услышал мой голос на автоответчике и узнал, что несколько дней я буду вне зоны досягаемости. Давай представим, что это Аслак Кронгли, только что получивший подтверждение своим подозрениям, что я поджидаю убийцу в Ховассхютте.

Харри замолчал, задумчиво глядя перед собой.

— Ну и?.. — произнесла Кайя немного спустя.

— Мне просто хотелось высказать эту теорию вслух, послушать, как она звучит, — сказал Харри.

— И как?

Харри встал:

— Довольно хреново, по правде говоря. Но я проверю алиби Кронгли на время совершения убийств. До встречи.

— Трульс Бернтсен?

— Да.

— Рогер Йендем из «Афтенпостен». У вас найдется время ответить на пару вопросов?

— Ну, это зависит… Если вы опять про Юсси, то

вам лучше поговорить с…

— Это не касается Юсси Колкки, кстати, примите мои соболезнования.

— О'кей.

Рогер сидел в своем офисе в здании почтамта, положа ноги на стол, и смотрел на низкие здания Центрального вокзала и на строящийся оперный театр, который скоро должен открыться. После разговора с Бентом Нурдбё в «Стопп прессен!» он потратил целый день и часть ночи, чтобы побольше разузнать о Микаэле Бельмане. Не считая слухов о том полицейском из Стовнера, которого избили, придраться вроде и не к чему. Но за годы работы криминальным репортером Рогер Йендем успел собрать целую свору постоянных ненадежных источников, ребят, которые за бутылку продадут хоть родную бабушку. И трое из них живут в Манглеруде. После нескольких телефонных звонков выяснилось, что они там выросли. Может быть, в том, что, как он слышал однажды, из Манглеруда никогда не уезжают, есть доля истины. Впрочем, туда никто и не переезжает.

В райончике, видно, и правда все друг дружку знали, во всяком случае, все эти трое прекрасно помнили Микаэля Бельмана. Потому что тот был

крутым полицейским из стовнерского участка. А главное, потому, что увел у Юлле телку, когда тому за наркотики дали год условно. Срок стал безусловным, когда кто-то растрепал, что Юлле ворует бензин в Мортенсруде. Телку эту звали Улла Сварт, она была самая красивая в Манглеруде, на год старше Бельмана. Юлле отсидел, вышел из тюрьмы, и все слышали, как он обещал разобраться с Бельманом, но, когда пришел домой за своим «каваем», в гараже его ждали двое парней в капюшонах. Они избили его железными прутьями до полусмерти и пообещали, что ему достанется еще больше, если он хоть пальцем тронет Бельмана или Уллу. По слухам, ни один из этих двоих не был Бельманом. Но один из них точно был тот, кого они называли Бивис, верный бельмановский лакей. И это был единственный козырь Рогера Йендема, когда он позвонил Трульсу «Бивису» Бернтсену. Тем больше оснований вести себя так, словно у него на руках все козыри.

— Я только хотел спросить, правда ли, что вы в свое время избили Станислава Гессе, временного сотрудника отдела кадров стовнерского полицейского участка. По просьбе Микаэля Бельмана.

Последовала долгая пауза.

Рогер кашлянул:

— Итак?

— Это все вранье.

— Что именно?

— Что Микаэль меня о чем-то просил. Все видели, как этот чертов поляк клеился к его жене, так что побить его мог кто угодно.

Рогер Йендем подумал, что насчет просьбы он, пожалуй, поверил бы. Но не насчет «кого угодно». Никто из бывших коллег Бельмана по стовнерскому участку, с которыми говорил Рогер, вроде и не мог сказать о нем ничего откровенно плохого. Но Бельмана явно не любили, никто за него не пошел бы в огонь и воду. Никто, кроме одного-единственного, верного пса Бивиса.

— Спасибо, это все, — сказал Рогер Йендем.

В то время, когда Рогер Йендем засовывал телефон в карман пиджака, Харри полез в куртку за своей трубкой и приложил ее к уху:

— Да?

— Это Бьёрн Хольм.

— Вижу.

— Господи. Вот уж не думал, что ты завел список контактов.

— Ясное дело. Можешь чувствовать себя польщенным, ты один из четверых, кого я туда занес.

— А что это у тебя там за шум? Ты вообще-то где?

— Да тут игроки шумят, надеются, это поможет им выиграть. Я на бегах.

— Что?

— В «Бомбей-Гарден».

— А разве это не… тебя туда *пропустили*?

— Я член клуба. А в чем дело?

— Черт, ты что, ставишь на лошадей, Харри? Тебя Гонконг вообще ничему не научил?

— Расслабься, я здесь, чтобы проверить алиби Аслака Кронгли. По данным его конторы, он был в командировке в Осло, когда были убиты и Шарлотта, и Боргни. Ничего удивительного, он довольно часто бывает в Осло. И я как раз выяснил почему.

— «Бомбей-Гарден»?

— Точно. У Аслака Кронгли большие проблемы — он игрок. Дело в том, что я посмотрел выписки из его кредиток, которые они тут заносят в компьютер. Здесь указано и время, и все прочее. Кронгли четыре раза использовал свою карточку, и, судя по датам, у него есть алиби. К сожалению.

— Ладно. А у них компьютер с бухгалтерской информацией стоит в той же комнате, что и автомат для бегов?

— Что? Тут как раз финишный рывок, говори громче!

— У них… Ладно, забудь. Я звоню, чтобы сказать, что мы нашли сперму на лыжных штанах, которые Аделе Ветлесен носила в Ховассхютте.

— Что? Ты не шутишь? Выходит, скоро мы…

— Скоро мы можем получить ДНК седьмого. Если это его сперма. И единственный способ убедиться в этом — исключить всех других мужиков, которые были в Ховассхютте.

— Нам нужны образцы их ДНК.

— Да, — сказал Бьёрн Хольм. — С Элиасом Скугом проблем нет, его ДНК у нас есть. С Тони Лейке хуже. Мы, конечно, всегда найдем ДНК у него дома, но для этого нам нужно решение суда. А после того, что произошло, получить его будет практически невозможно.

— Предоставь это мне, — сказал Харри. — Нам, кстати, нужна и ДНК Кронгли. Даже если он не убивал Шарлотту или Боргни, он мог изнасиловать Аделе.

— О'кей. И как же мы ее получим?

— Он полицейский, а значит, ему доводилось бывать на месте преступления, — сказал Харри, и заканчивать объяснение ему не пришлось. Бьёрн Хольм уже понял. Чтобы избежать недоразуме-

ний и путаницы, существовало правило брать отпечатки пальцев и ДНК у всех полицейских, которые были на месте преступления и в принципе могли там наследить.

— Я проверю по базам.

— Хорошо поработал, Бьёрн.

— Погоди. Ты просил тщательно все проверить, если мы найдем форму медсестры. Так мы и сделали. Это по поводу ПСГ. Я проверил, в Осло, в Нюдалене, есть бывшая фабрика, где делали ПСГ. И если она пустует, а седьмой занимался там с Аделе сексом, то, может, мы найдем там семенную жидкость.

— Ммм… Трахался в Нюдалене, кончил в Ховасхютте. Вот и дотрахался наш седьмой. Говоришь, ПСГ. Это с фабрики «Кадок»?

— Да, а ты откуда…

— У моего приятеля там папаша работал.

— Что? Здесь такой шум?

— Финиш. Созвонимся.

Харри сунул телефон в куртку и сделал пол-оборота на кресле, чтобы не видеть расстроенных лиц проигравших вокруг зеленого поля. Гораздо приятнее — улыбающееся лицо крупье.

— Поздлавляю, Халли!

Харри встал, надел куртку и взглянул на ку-

пюру, которую протягивал ему вьетнамец. С портретом Эдварда Мунка. Значит, тысяча.

— Плавда-плавда, — усмехнулся Харри. — Поставь на зеленую лошадь в следующем забеге. За деньгами зайду как-нибудь потом.

Лене Галтунг сидела в гостиной, глядя на свое двойное отражение в двойных стеклах. Айпод играл «Fast Car»[126] Трейси Чепмен. Эту песню Лене могла слушать без конца, она никогда ей не надоедала. В ней пелось о бедной девушке, которая мечтает сбежать, прыгнуть в быструю машину своего парня и умчаться подальше от такой жизни, от работы за кассой в «Рими», забыть про пьяницу отца, сжечь за собой все мосты. Совсем не похоже на жизнь Лене, и все-таки эта песня — про нее. Про ту Лене, какой она могла бы быть. И какой была на самом деле. Одно из ее отражений в двойном зеркале окна. Обычная серая мышка. В школе она всегда боялась, что однажды дверь в класс внезапно распахнется, кто-то войдет, ткнет в нее пальцем и прикажет: ну хватит, снимай-ка все эти дорогие шмотки. А потом швырнет ей обноски и скажет, что теперь-то все увидят, кто она есть на самом деле — незаконнорожденная.

---

[126] Примечания: 126
«Быстрый автомобиль» *(англ.).*

Она так и просидела все эти годы, тихо как мышка, только все поглядывала на дверь и ждала. Прислушивалась к подружкам — не крикнет ли кто, что они ее разоблачили. Застенчивость, страх, стена, которую она возвела вокруг себя, другим казались высокомерием. Лене и сама понимала, что слишком явно разыгрывает роль богатой, успешной, избалованной и беззаботной. Не такая уж она красивая и великолепная по сравнению со знакомыми девочками, с теми, кто мог с самоуверенной улыбкой пропеть: «понятия не имею», прекрасно зная, что то, о чем они не имеют понятия, вовсе и не важно, ведь от них, кроме их красоты, ничего и не требуется. И ей тоже пришлось притворяться. Будто она красива. Великолепна. Выше всех. Но как же она от этого устала! Ей хотелось одного — прыгнуть к Тони в машину, чтобы он умчал ее подальше. Туда, где она станет подлинной Лене, а не этими двумя фальшивыми девицами, которые ненавидят друг друга. Трейси Чепмен пела, что им с Тони удастся туда добраться.

Отражение в окне сместилось. Лене вздрогнула, когда поняла, что там действительно другое лицо. Просто она не услышала, как в комнату вошли. Лене выпрямилась и вытащила наушники.

— Поставь поднос туда, Ханна.

Женщина повиновалась.

— Тебе надо выкинуть его из головы, Лене.

— Прекрати!

— Я просто говорю. Он тебе не пара.

— Прекрати, я сказала!

— Тихо! — Женщина брякнула кофейный поднос на стол, в бирюзовых глазах сверкнули молнии. — Ты должна образумиться, Лене. Нам всем пришлось образумиться, когда обстоятельства того потребовали. Я говорю об этом как твоя…

— Как кто? — фыркнула Лене. — Посмотри на себя. Кем ты можешь мне быть?

Женщина провела руками по белому фартуку, хотела дотронуться до щеки Лене, но та отбросила ее руку. Ханна вздохнула, словно на дно глубокого колодца упала капля. Потом повернулась и вышла. И когда дверь за ней закрывалась, черный телефон перед Лене зазвонил. Она почувствовала, как забилось сердце. С тех пор как Тони исчез, телефон все время был включен и всегда под рукой. Она схватила его:

— Лене Галтунг.

— Харри Холе, убойный… сорри, Крипос. Спасибо за прошлую встречу. Извините за беспокой-

ство, но я хотел бы просить вас о помощи в одном деле. Это касается Тони.

Лене с трудом справилась со своим голосом:

— Что-то случилось?

— Мы ищем человека, который погиб, вероятно упав в пропасть в горах в Устаусете.

Она почувствовала, что теряет сознание, потолок и пол в комнате вдруг поменялись местами.

— Пока мы ничего не нашли. Был снегопад, район поиска весьма обширный и труднопроходимый. Вы меня слушаете?

— Д-да.

Слегка сиплый голос продолжал:

— Когда тело извлекут, надо будет как можно скорее его опознать. Насколько нам известно, оно сильно обгорело. Поэтому срочно требуются образцы ДНК людей, пропавших без вести. А ведь от Тони все это время нет известий…

Сердце Лене готово было вот-вот выпрыгнуть, выскочить через горло. Голос на другом конце провода продолжал:

— Не могли бы вы помочь одному из наших криминалистов получить образцы ДНК из дома Тони?

— К-какие?

— Волосы на расческе, слюна на зубной щетке,

они сами знают, что нужно. Главное, чтобы вы, как его невеста, дали разрешение и ждали их у его дома с ключами.

— К-конечно.

— Большое спасибо. Тогда я прямо сейчас направлю эксперта на Хольменвейен.

Лене положила трубку. Почувствовала, как к глазам подступили слезы. Вновь воткнула наушники.

И успела услышать, как Трейси Чепмен поет последнюю строчку о том, что всего-то и надо — прыгнуть в быстрый автомобиль и умчаться в заветный край. Песня закончилась. Лене нажала на повтор.

Глава 65
«Кадок»

Нюдален — пример того, как в Осло происходит деиндустриализация. Те из фабричных зданий, которые не снесли, чтобы заменить их на гладкие и элегантные дизайнерские офисные здания из стекла и стали, были перестроены в телестудии, рестораны и большие открытые помещения из красного кирпича, где вентиляционные и водопроводные трубы не убраны в стены.

Эти помещения охотно снимали разного рода рекламные агентства, желающие продемонстрировать нетрадиционность мышления: мол, креативность может расцвести не только в дорогих представительных офисах в центре, принадлежащих конкурентам, но и в дешевых промышленных интерьерах. На самом деле помещения в Нюдалене стоили по меньшей мере столько же, ведь в реальности все рекламные агентства мыслят стандартно. Иными словами, следуют моде и взвинчивают цены на то, что модно.

Впрочем, владельцы участка, на котором на-

ходится закрытая фабрика «Кадок», не приняли участия в этой безумной золотой лихорадке. Когда четырнадцать лет назад после нескольких лет работы в убыток и китайского демпинга на рынке фабрику наконец закрыли, наследники основателя передрались. Пока они спорили о том, что кому должно отойти, фабрика так и стояла за забором на западном берегу реки Акер, постепенно приходя в полное запустение. Ничто не мешало расти кустарникам и деревьям, и со временем они скрыли здание фабрики от людских глаз. И, с учетом всего, большой навесной замок на воротах казался удивительно новым, подумал Харри.

— Перекуси его, — велел Харри полицейскому, стоявшему рядом.

Челюсти огромных кусачек прошли сквозь металл легко, как сквозь масло, перекусив дужки замка с той же скоростью, с какой Харри получил разрешение на обыск. Складывалось впечатление, что у прокурора в Крипосе нашлась куча более важных дел, чем выдача ордера, и Харри не успел все объяснить до конца, как у него в руке уже оказался заполненный бланк. Он даже подумал, что в убойном отделе тоже не помешала бы парочка таких же бесцеремонных, живущих

в постоянном стрессе прокуроров.

В лучах низкого вечернего солнца осколки разбитых стекол в окнах фабрики поблескивали, как зубы. На всем лежал отпечаток заброшенности, присущий только закрытым фабрикам, где все когда-то предназначалось для кипучей, продуктивной деятельности, а теперь не осталось ни души. Где все еще звучит эхо ударов железом по железу, криков и ругани потных работяг, пытающихся перекричать грохот машин, но в почерневшие от сажи выбитые окна задувает ветер и колышет паутину с мертвыми насекомыми.

На большой двери, ведущей в фабричный цех, замка не было. Пять минут они шли по длинному залу с великолепной акустикой, и казалось, что фабрику не закрыли, а эвакуировали: инструменты лежали на рабочих местах, стояла готовая к отгрузке палета, нагруженная белыми ведерками с надписью «PSG TYPE 3», на спинке одного из стульев висел синий рабочий халат.

Посреди цеха они остановились. В одном углу примерно на метр от пола поднималась похожая на маяк кабинка. Для начальника смены, подумал Харри. Наверху по всему периметру шла галерея, с одной стороны на нее выходили двери. Столовая и кабинеты администрации,

решил Харри.

— С чего начнем? — спросил Харри.

— Да как обычно, — ответил Бьёрн Хольм и огляделся. — С левого верхнего угла.

— Что ищем?

— Какой-нибудь стол, покрытый синим этернитом. Пятна на штанах были чуть пониже задних карманов, она не лежала, а сидела на чем-то, свесив ноги.

— Если вы начнете снизу, мы с инспектором пойдем наверх, — сказал Харри.

— Зачем?

— Просто будем открывать двери для вас, криминалистов. Обещаем не дрочить.

— Забавно. Только…

— …ничего не трогать!

Харри с инспектором, которого он называл так потому, что, едва услышав, забыл его имя, потопали по винтовой лестнице, и железные ступеньки загудели у них под ногами. Двери наверху не были заперты, и, как и предполагал Харри, вели они в офисы, откуда вывезли мебель. Гардеробные с выстроившимися в ряд железными шкафчиками. Большая общая душевая. Но никаких синих пятен.

— Как думаешь, что это? — спросил Харри,

входя в столовую. Он указал на узкую дверь с навесным замком в глубине комнаты.

— Кладовая для продуктов, — ответил инспектор, уже собиравшийся выходить.

Харри подошел к двери. Поцарапал ногтем явно проржавевший замок. Самая натуральная ржавчина. Повернул его и посмотрел на цилиндр. Там ржавчины не было.

— Режь, — приказал Харри.

Инспектор сделал, как он велел. И Харри потянул дверь на себя.

Инспектор цокнул языком.

— Да она фальшивая, — сказал Харри.

За дверью не оказалось ни шкафчика для еды, ни другой комнаты, а только еще одна дверь. Снабженная солидным замком.

Инспектор отложил кусачки в сторону.

Харри посмотрел по сторонам и сразу нашел то, что искал. Большой красный огнетушитель на стене столовой не заметить было просто невозможно. Как-то Эйстейн сказал ему, что материал, который делают на фабрике, где работает его отец, легко воспламеняется, и по инструкции курить можно только на улице, у реки. А окурки гасить в воде.

Он снял огнетушитель и понес его к двери. Раз-

бежался, прицелился, и металлический цилиндр врезался в дверь как таран.

Дверь подалась там, где был замок, но петли еще держались.

Харри повторил атаку. Во все стороны полетели щепки.

— В чем дело, черт побери? — послышался снизу голос Бьёрна.

С третьей попытки дверь издала беспомощный скрип и открылась. Они уставились в черноту — темно хоть глаз коли.

— Можно мне фонарь? — спросил Харри, отложил в сторону огнетушитель и вытер со лба пот. — Спасибо. Жди здесь.

Харри вошел в комнату. Пахло аммиаком. Пучок света скользил по стенам. Комната площадью примерно девять квадратных метров не имела окон. Фонарь осветил черный складной стул, рабочий стол с лампой и компьютером фирмы «Делл». На клавиатуре не были повреждены только две буквы — «е» и «н». Стол светлого дерева девственно-чист, никаких синих пятен. В мусорной корзинке полно обрезков, словно кто-то вырезал картинки. И еще «Дагбладет», из первой страницы которой что-то вырезали. Харри прочитал заголовок над дырой и понял,

что они попали туда, куда нужно. Они на месте. То, что они ищут, здесь.

ПОГИБ В ЛАВИНЕ

Он машинально осветил фонариком стену над столом и увидел, кроме нескольких синих пятен, всех их. Они висели там.

Все вместе.

Марит Ульсен, Шарлотта Лолле, Боргни Стем-Мюре, Аделе Ветлесен, Элиас Скуг, Юсси Колкка. И Тони Лейке.

Харри сосредоточился и попробовал дышать поглубже. Чтобы усваивать информацию байт за байтом. Фотографии вырезаны из газет или распечатаны, вероятнее всего с сайтов новостей в Интернете. За исключением фотографии Аделе. Сердце Харри стучало глухо и мощно, как басовый барабан, пытаясь перекачать в мозг побольше крови. Ее фото было отпечатано на фотобумаге. Судя по зернистости, снимок могли сделать телеобъективом, а потом сильно увеличить. На фотографии видно боковое стекло автомобиля. На переднем сиденье, которое почему-то все еще в полиэтиленовом чехле, в профиль сидит Аделе, и из шеи у нее что-то торчит. Большой нож с блестящей желтой рукояткой. Харри заставил себя отвести глаза. Под фотографиями в

ряд развешены письма, некоторые распечатаны с компьютера. Харри прочитал начало одного из них:

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО. Я ЗНАЮ, КОГО ТЫ УБИЛ.

ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КТО Я, НО ЗНАЕШЬ, ЧТО МНЕ НАДО.

ДЕНЬГИ. ЕСЛИ НЕТ, ТО ПРИДЕТ ЗЛОЙ ДЯДЬКА ИЗ ПОЛИЦИИ. ПРОСТО, НЕ ПРАВДА ЛИ?

Это было еще не все, но он не стал читать, а заглянул в самый конец письма. Ни подписи, ни прощальных слов. Инспектор стоял в дверях. Харри услышал, как его рука шарит вдоль стены, а сам он бормочет: где-то здесь должен быть выключатель.

Харри посветил на синий потолок, на четыре большие трубки ламп дневного света.

— Наверное, — сказал он и вновь стал светить на стену, повыше синих пятен, пока свет фонарика не упал на листок бумаги, прикрепленный справа от фотографий. В мозгу зазвучал сигнал тревоги. Листок оборван с одного края, бумага линованная, и на ней что-то написано в столбик. Но другим почерком.

— Вот он, — сказал инспектор.

Почему-то Харри вдруг подумал о лампе над столом. И о синем потолке. И о запахе аммиака.

И понял, что чувство тревоги вызвано совсем не бумажкой.

— Не надо… — начал Харри.

Но было уже поздно.

В техническом смысле взрыв этот не был взрывом, но — так будет написано в рапорте, который начальник пожарного наряда подпишет на следующий день, — пожаром взрывоподобного характера, вызванным искрой из электропроводки, подсоединенной к емкости с аммиаком, который, в свою очередь, воспламенил ПСГ: им был выкрашен весь потолок и на стены нанесены пятна.

Харри хватал ртом воздух, хлынувший в помещение, но одновременно разгорелось и пламя, голове вдруг стало ужасно жарко. Он на автомате рухнул на колени и провел руками по волосам, пытаясь определить, не загорелись ли они. Когда Харри снова посмотрел по сторонам, горели стены. Хотелось вздохнуть, но он подавил в себе этот рефлекс. Встал на ноги. До двери всего два метра, но он должен вынести… он кинулся к листку. К исчезнувшей страничке из гостевой книги в Ховассхютте.

— Отходи! — Инспектор стоял в дверях с огнетушителем под мышкой и шлангом в руке.

Как при замедленной съемке, Харри увидел брызнувшую из огнетушителя струю. Увидел, как коричневая, золотистая жидкость вырвалась из шланга и ударила в стену. Коричневая, хотя вещество должно быть белым, жидкость, хотя ему следовало быть порошкообразным. И прежде чем он пригляделся к пламени, которое вздымалось уже до высоты человеческого роста и с ревом рвалось к нему с тех мест, куда попадала жидкость, прежде чем почувствовал запах бензина, прежде чем увидел, как пламя спешит по бензиновому ручейку к инспектору, который в шоке стоит в дверном проеме, продолжая жать на пуск, Харри понял, почему огнетушитель, словно напоказ, висел на стене в столовой, там, где не заметить его было невозможно, такой красный и новый, будто кричал, чтобы им непременно воспользовались.

Плечо Харри смело полицейского, врезавшись в него на уровне живота, и тот под тяжестью ринувшегося вперед старшего инспектора спиной въехал в столовую. Харри оказался сверху.

Скользнув под стол, они опрокинули пару стульев. Инспектор, которому не хватало воздуха, яростно жестикулировал и показывал на что-то, по-рыбьи открывая и закрывая рот. Харри обернулся. Охваченный пламенем красный

огнетушитель с рокотом катился к ним. Шланг распадался на куски, несло горелой резиной. Харри вскочил, увлекая за собой полицейского, он тащил его к двери, а в голове безостановочно тикал обратный отсчет времени. Выпихнув шатающегося инспектора из столовой, на галерею, Харри толкнул его и сам упал на пол, когда произошло то, что начальник пожарного наряда в своем рапорте назовет взрывом, который выбил окна, и пламя охватило всю столовую.

Моя монтажная, где я делал вырезки, горит. Это показывают в новостях. Твое дело — служить и защищать, а не ломать и уничтожать, Харри Холе. Так что ты за это заплатишь. А если откажешься, я заберу у тебя то, что тебе дорого. Это делается за секунду. Ты и не догадываешься, насколько легко это сделать.

Глава 66
Дотушивание пожара

На Нюдален спустилась вечерняя темень. Харри в шерстяном одеяле, наброшенном на плечи, и с бумажным стаканчиком в руках стоял рядом с Бьёрном Хольмом и наблюдал за тем, как пожарные ныряли в огонь, вынося последние ведра с ПСГ, которым суждено было все-таки покинуть фабрику «Кадок».

— Значит, он там пришпилил к стене фотографии всех убитых? — спросил Бьёрн Хольм.

— Да, — ответил Харри. — За исключением той проститутки из Лейпцига, Юлианы Верни.

— А что насчет листка? Ты уверен, что он из гостевой книги в Ховассхюте?

— Да. В Ховассхютте я видел гостевую книгу, там были точно такие же страницы.

— Выходит, ты стоял в полуметре от листка, на котором, вероятно, было имя седьмого, но ты его не видел?

Харри пожал плечами:

— Может, мне уже нужны очки для чтения. Все случилось очень быстро, Бьёрн. И мой интерес к

этому листку пропал, как только я сообразил, что инспектор поливает все бензином.

— Да нет, я не имел в виду…

— Там еще висело несколько писем. И то, что я успел прочитать, было похоже на письмо шантажиста. Может, его уже кто-то разоблачил.

Они увидели, что к ним направляется пожарный. Его одежда при ходьбе громыхала и скрипела.

— Крипос, да? — проревел мужчина голосом, который очень подходил к его шлему и сапогам. Каждый жест выдавал в нем начальника.

Харри помедлил, но потом утвердительно кивнул, зачем все усложнять?

— Что там у вас на самом деле произошло?

— Надеюсь, ваши люди со временем *нам* это расскажут, — сказал Харри. — Но думаю, мы можем утверждать одно: кто-то оборудовал внутри бесплатный офис и разработал четкий план, что должно произойти, если туда нагрянут нежданные гости.

— Вот как?

— Я должен был заподозрить неладное, когда увидел лампы дневного света на потолке. Если бы они работали, преступнику не было бы нужды пользоваться настольной лампой. Выключатель

был подсоединен к чему-то еще, к какому-то воспламенителю.

— Вы полагаете? Ладно, завтра с утра пришлем сюда экспертов.

— А как она выглядит? — спросил Хольм. — Комната, где все это началось?

Пожарный смерил его взглядом:

— ПСГ на потолке и на стенах, парень. Ты сам-то представляешь, как она может выглядеть?

Харри устал. Устал от выволочек, устал бояться, устал оттого, что они все время опаздывают. Но именно сейчас он особенно устал оттого, что взрослым мужикам никак не надоест играть в «царя горы». Харри говорил тихо, так тихо, что пожарному пришлось слегка наклониться вперед:

— Если вас действительно интересует, что думает мой эксперт о помещении, в которое вы только что послали чертову кучу своих сотрудников, то я предлагаю дать нам точный, исчерпывающий ответ. Дело в том, что там сидел человек и планировал убийства. Всего — семь или восемь убийств. И потом осуществил их. И нам *очень* важно знать, найдем ли мы там хоть какие-то следы, которые помогут нам остановить этого очень-очень плохого человека. Я понятно выразился?

Пожарный выпрямился. Кашлянул:

— ПСГ — это очень…

— Послушайте. Мы вас спрашиваем о результате, а не о причине.

Лицо пожарного приобрело багровый оттенок, и не только из-за горящего ПСГ.

— Комната выгорела. Выгорела полностью. Бумаги, мебель, компьютер, все.

— Спасибо, шеф, — сказал Харри.

Двое полицейских стояли и смотрели в спину уходящему пожарному.

– *Мой* эксперт? — повторил Хольм. На лице у него было такое выражение, словно он проглотил какую-то гадость.

— Это чтобы создать впечатление, что я тоже какой-никакой, а начальник.

— Приятно опустить кого-то, когда самого только что опустили, да?

Харри кивнул и поплотнее запахнулся в одеяло.

— Он сказал «выгорела полностью», верно?

— Выгорела полностью. Как ты себя чувствуешь?

Харри уныло посмотрел на дым, по-прежнему сочащийся из окон фабрики в лучах пожарных прожекторов.

— Как опущенный, — ответил он и допил остатки холодного кофе.

Харри ехал из Нюдалена, но не успел он остановиться на красный свет на Уэландсгата, как ему позвонил Бьёрн Хольм:

— Судебный медик сделал анализ спермы на лыжных штанах этой, как ее, Аделе, и у нас есть профиль ДНК.

— Уже? — спросил Харри.

— Частично. Но достаточно для того, чтобы с девяностотрехпроцентной уверенностью утверждать, что есть совпадение.

Харри выпрямился на сиденье.

Совпадение. Самое восхитительное слово из всех. Может, день не так уж и плох.

— Продолжай! — потребовал Харри.

— Ты должен учиться наслаждаться театральными паузами, — поддел его Хольм.

Харри застонал.

— О'кей, о'кей. Они нашли совпадение с ДНК из волоса со щетки Тони Лейке.

Харри не мигая уставился в пространство.

Тони Лейке изнасиловал Аделе Ветлесен в Хоассхютте.

Харри не мог себе это представить. Тони Лейке? Это невозможно понять. Пусть он насильник, но

как он изнасиловал женщину, которая была в хижине с другим? Элиас Скуг сказал, что видел, как мужчина зажимал ей рот, затаскивал в туалет. Может, если хорошенько разобраться, и не было никакого изнасилования?

И тут — вдруг — все встало на свои места.

Харри понял это совершенно четко.

Не было никакого изнасилования. А мотив — был.

Машины позади засигналили. Красный сменился зеленым.

Глава 67
Кавалер

Было без четверти восемь, и день еще не наполнился цветом и яркостью. В сером утреннем свете пейзаж представал в зернистой черно-белой версии. Харри припарковался рядом с другим автомобилем, одиноко стоявшим на Вёйентанген, и побрел к плавучей пристани. Ленсман Скай стоял у самого края с удочкой в руках и сигаретой во рту. Клочья тумана снова висели, как вата, на макушках камышей, торчавших из черной, маслянисто-гладкой воды.

— Холе, — произнес Скай, не поворачиваясь. — Ранняя пташка.

— Ваша жена сказала, что вы здесь.

— Каждое утро, с семи до восьми. Единственное время, когда я могу о чем-то подумать, прежде чем начнется вся эта суета.

— Клюет?

— Нет. Но там, в камышах, водится щука.

— Очень знакомо. Боюсь, что сегодня суета начнется пораньше. Я по поводу Тони Лейке.

— Тони, ясное дело. Хутор отца его матери — в

Рюстаде, на восточном берегу Люсерена.

— То есть вы хорошо его помните?

— Ну… Интересный тип. Тони многим нравился. Особенно женщинам. Красивый как девчонка, немного похож на Элвиса. И весь такой из себя загадочный. Он это умел. Ходили слухи, что он рос один у своей несчастной матери-алкоголички, пока в один прекрасный день она не выставила его из дома, потому что ее тогдашний мужик его невзлюбил. Но женщинам, которые за ним увивались, он очень даже нравился. А они ему. И иногда из-за этого у него случались неприятности.

— Например, когда он приударил за вашей дочкой?

Скай вздрогнул, как будто у него клюнуло.

— Я знаю от вашей жены, — сказал Харри. — Спросил у нее про Тони, и она рассказала, что однажды Тони и один парень из местных подрались из-за вашей дочери.

Ленсман покачал головой:

— Они не дрались. Это была настоящая бойня. Бедный Уле вообразил, что они с Мией влюбленные, только потому, что он в нее втюрился и ему позволили подвезти ее с подружками на танцы. Он был не драчун, Уле, скорее ботаник. Но он взял и кинулся на Тони. А тот быстро повалил его на

землю, выхватил нож… просто ужас, мы к такому не привыкли.

— Что он сделал?

— Он ему половину языка отхватил. Сунул в карман и ушел. Через полчаса мы арестовали Тони в доме его деда, сказали, что язык нужен в операционной. А Тони сказал, что выкинул его воронам.

— Я хочу спросить: подозревали ли Тони в изнасиловании? В тот раз или когда-нибудь еще.

Скай потянул леску.

— Я скажу так, Холе. Миа навсегда утратила свой веселый, жизнерадостный нрав. Она по-прежнему жить не могла без этого психа, что поделаешь, таковы уж девчонки в ее возрасте. А Уле уехал. Каждый раз, стоило бедняге открыть рот, это было напоминанием о чудовищном унижении. Он сам это помнил, да и все остальные. Так что я могу сказать, что Тони Лейке — насильник. Но не думаю, что он кого-то изнасиловал в сексуальном смысле. Тогда бы он сделал это с Мией, так скажем.

— Она?..

— Как-то раз они пошли в лес за клубом. Она ему не дала. И он не спорил.

— Вы в этом уверены? Извините, что задаю

такие вопросы, но…

Леска с крючком показалась над водой. Крючок блестел в первых лучах утреннего солнца.

— Все в порядке, Холе. Я же полицейский, знаю, над чем вы работаете. Миа — девушка порядочная, я не вру. Я такое и под присягой бы сказал. Можете получить рапорт, если нужны детали. Мне бы только не хотелось, чтобы Мие снова пришлось говорить об этом.

— В этом нет нужды, — сказал Харри. — Спасибо.

Харри информировал собравшихся в зале заседаний «Один», что у человека под снегоходом, которого, несмотря на все усилия, до сих пор не нашли, пальцы были скрючены ревматоидным артритом, как у Тони Лейке. А потом изложил свою теорию. Откинулся на спинку кресла и стал ждать реакции.

Пеликанша поверх очков взглянула на Харри, хотя казалось, что она обращается ко всем участникам утреннего собрания:

— Как это Аделе не сопротивлялась, она же звала на помощь, черт побери!

— Элиасу Скугу это пришло в голову только потом, — сказал Харри. — Сначала-то он решил, что парочка занимается сексом по обоюдному

согласию.

— Но женщина, придя в туристическую хижину с мужчиной, не станет заниматься сексом с тем, кто случайно там заночевал! Для того чтобы это понять, надо быть женщиной! — Она фыркнула, и Харри невольно подумал, что со своими вызывающими, только что из парикмахерской, дредами, которые к тому же ей совсем не идут, она здорово смахивает на разъяренную горгону Медузу.

Ответил ей сосед Харри:

— Ты и правда считаешь, что если ты женщина, то тебе все известно о сексуальных предпочтениях половины населения Земли? — Эрдал замолчал и принялся изучать только что вычищенный ноготь на мизинце. — Разве мы не выяснили, что Аделе Ветлесен меняла партнеров как перчатки? Что она согласилась заняться сексом с едва знакомым мужчиной на заброшенной фабрике?

Эрдал опустил руку и принялся за ноготь на безымянном пальце, пробормотав так тихо, что услышал его только Харри:

— К тому же я перетрахал больше баб, чем ты, чертова болотная птица!

— Дамы легко уступали Тони, да и он им, —

сказал Харри. — Тони пришел в хижину поздно, кавалер Аделе был не в настроении и уже лег спать. Они с Аделе могли флиртовать друг с другом без помех. У него дома не все ладилось, а ее, вероятно, уже не возбуждал мужчина, с которым она переспала. Их с Тони потянуло друг к другу, но в хижине полно народу. И вот ночью они выскальзывают за дверь и встречаются у сортира. Целуются, ласкают друг друга, он встает сзади, спускает штаны и так возбуждается, что «преэякулярная семенная жидкость», как ее называют в отделе нравов, попадает на ее лыжные штаны прежде, чем ему удалось их с нее стянуть и приступить к делу. Она от возбуждения вскрикивает, именно это и будит Элиаса Скуга, который видит их в окно. Полагаю, они разбудили и ее кавалера, и он тоже видел их из своей комнаты. Но ей, думаю, было плевать. В отличие от Тони, который попытался заглушить ее крики.

— Ей, значит, было наплевать, а ему нет? — вырвалось у Пеликанши. — Вечно женщин обвиняют в распущенности, а мужики корчат из себя героев. Перед другими мужчинами, ясное дело.

— У Тони Лейке было не меньше двух веских причин заглушать ее крики, — сказал Харри. —

Во-первых, не хотелось, чтобы все знали, как он кого-то трахает на вольном выпасе, когда желтая пресса трубит о его помолвке, тем более что денежки будущего тестя должны спасти его инвестиции в Конго. Во-вторых, Тони Лейке достаточно опытен, знает те места и помнит, как вести себя в горах.

— А горы-то тут при чем, черт побери?

Послышался приглушенный хохоток, и все повернулись к Микаэлю Бельману, который сидел во главе стола и трясся от смеха.

— Да из-за лавины, — выговорил он. — Тони Лейке боялся, что вопли Аделе Ветлесен вызовут сход лавины.

— Тони знал, что более чем три четверти всех лавин, в которых погибают люди, ими же самими и вызваны, — пояснил Харри.

За столом раздались недоверчивые смешки, даже Пеликанша улыбнулась.

— Но с чего ты взял, что кавалер Аделе их видел? — спросила она. — И что ей было плевать? А может, она так увлеклась, что просто забылась?

— Да с того, — сказал Харри и откинулся на спинку кресла, — что Аделе уже поступала так раньше. Она отправляла своему парню на сотовый видео, на котором трахалась с другим.

Грубое, но вполне исчерпывающее сообщение. И по словам ее друзей, после той поездки в Ховассхютту она больше не встречалась со своим кавалером.

— Интересно, — сказал Бельман. — И каков же вывод?

— Мотив, — откликнулся Харри. — Впервые в этом деле у нас появляется возможное «почему».

— То есть версию безумного серийного убийцы мы отбрасываем? — спросил Эрдал.

— У Снеговика тоже был мотив, — сказала Беата Лённ, которая только что вошла и села в самом конце стола. — Замороченный, но все-таки мотив.

— Тут все проще, — сказал Харри. — Старая добрая ревность. Из-за нее совершаются две трети убийств в этой стране. Да и в большинстве других. В этом отношении мы, люди, довольно предсказуемы.

— Возможно, это объясняет убийство Аделе Ветлесен и Тони Лейке, — сказала Пеликанша. — Ну а всех остальных?

— Их надо было убрать, — объяснил Харри. — Все они могли быть свидетелями произошедшего в Ховассхютте, а значит, могли рассказать об этом полиции, дать нам мотив, которого у нас не

было. А главное, они стали свидетелями его чудовищного унижения, ведь его предали публично. Для человека с нестабильной психикой этого уже достаточно.

Бельман хлопнул в ладоши:

— Надеюсь, скоро мы получим ответы хотя бы на часть вопросов. Я говорил по телефону с Кронгли, он сообщил, что погода в районе поисков улучшилась и скоро они смогут направить туда собак и организовать поиски с вертолета. А почему раньше, Харри, ты молчал о своих подозрениях, что мертвец может оказаться Тони Лейке?

Харри пожал плечами:

— Я полагал, что труп удастся найти гораздо быстрее, поэтому не считал нужным делиться своими предположениями. В конце концов, ревматоидный артрит — достаточно распространенная болезнь.

Бельман на секунду задержал взгляд на Харри, прежде чем обратиться к остальным:

— Ну, друзья, у нас есть подозреваемый. Кто-нибудь хочет дать ему имя?

— Седьмой, — предложил Эрдал.

— Кавалер, — решительно заявила Пеликанша.

На несколько секунд воцарилось молчание, словно им нужно было переварить информацию, прежде чем двигаться дальше.

— Сейчас я непосредственно не участвую в расследовании, — начала Беата Лённ, сознавая, что всем присутствующим известно: она никогда ни о чем не высказывается, если не изучила этого досконально. — Но разве вас ничего не удивляет? У Лейке есть алиби на момент двух убийств, но как быть со всеми уликами, которые свидетельствуют против него? С телефонным звонком Элиасу Скугу из дома Лейке? Или с орудием убийства, добытым в Конго? Более того, из района, где у Лейке имеются экономические интересы. Неужели все это простые совпадения?

— Нет, — ответил Харри. — Кавалер с первого же дня подводил нас к мысли, что убийца — Тони Лейке. Именно Кавалер заплатил Юлиане Верни, чтобы она полетела в Конго: он знал, что любой след, ведущий в Конго, бросит подозрение на Тони Лейке. Что касается телефонного звонка Элиасу Скугу, то сегодня я проверил то, что следовало бы проверить давным-давно, но мы, как всегда, об этом не подумали, ведь нам казалось, мы уже у цели. Мы стараемся избегать всего, что может хоть как-то ослабить нашу доказательную

базу. Примерно в то же время, когда из дома Лейке звонили Скугу, было сделано три звонка по внутреннему телефону Лейке в офисном здании на Акер-Брюгге. Лейке не мог находиться одновременно в двух местах. Ставлю двести крон, что он был на Акер-Брюгге. Кто-нибудь хочет поспорить?

Молчание в ответ и широко распахнутые глаза.

— Думаешь, Кавалер звонил Элиасу Скугу из дома Лейке? — спросила Пеликанша. — А как…

— Когда Лейке был у меня в Полицейском управлении, он рассказывал, что недавно кто-то проник в его дом через подвал. По времени это соответствует телефонному звонку Скугу. Кавалер прихватил велосипед, чтобы выдать проникновение за кражу со взломом: в полиции бы ее зарегистрировали и на этом успокоились. Лейке знал, что мы ничего не предпринимаем по подобным кражам, и даже заявлять о ней не стал. Таким образом Кавалер сфабриковал неопровержимое доказательство против Лейке.

— Какая изобретательность! — вырвалось у Пеликанши.

— Я готова принять объяснение того, как он это сделал, — заметила Беата Лённ. — Но почему?

Зачем ему подставлять Тони Лейке?

— Он понял, что мы рано или поздно обнаружим связь между жертвами убийств и Ховассхюттой, — сказал Харри. — И это сузит круг подозреваемых, а в центре нашего внимания окажутся все, кто был там в ту ночь. Он вырвал страницу из гостевой книги в Ховассхютте по двум причинам. Во-первых, чтобы имена тех, кто там был, оказались у него, а не у нас, он бы спокойно нашел их и убил, а мы не могли бы ему помешать. А во-вторых, что гораздо важнее, так он скрыл от нас свое собственное имя.

— Логично, — признал Эрдал. — И чтобы быть вполне уверенным, что мы до него не доберемся, он решил подсунуть нам главного подозреваемого — Тони Лейке.

— Вот почему он лишь в самом конце подкараулил и убил Тони Лейке, — сказал сыщик с пышными, как у Нансена, усами, которого Харри знал только по фамилии.

Вмешался его сосед, молодой парень с чистой нежной кожей и ясными глазами, ни имени, ни фамилии которого Харри не помнил:

— Но к несчастью для убийцы, у Тони на момент двух преступлений было алиби. На роль козла отпущения он уже не годился, и наконец

пришло время убить врага numero uno[127].

В зале потеплело, и бледное робкое зимнее солнце словно бы даже осветило помещение. Они были на верном пути, наконец-то расследование сдвинулось с мертвой точки. Харри обратил внимание, что даже Бельман в нетерпении подался вперед в своем кресле.

— Все это хорошо и даже замечательно, — заметила Беата Лённ, и, пока Харри ждал, когда она произнесет «но», он и сам догадался, о чем она будет говорить, понял, почему она взяла на себя роль адвоката дьявола. Она знала, что у него есть ответы на ее вопросы. — Зачем Кавалеру было все усложнять, какая в этом необходимость?

— Потому что люди вообще *сложны*, — сказал Харри и узнал в этих словах эхо тех слов, что когда-то слышал сам, но забыл от кого. — Нам нравится делать сложные вещи, которые пересекаются, взаимодействуют между собой, нравится вершить судьбы и чувствовать себя повелителями собственной вселенной. Знаете, что мне напомнила та комната, которая сгорела на фабрике «Кадок»? Центр управления. Штаб-квартиру. И кстати, не факт, что он собирался убить Лейке.

---

[127] Примечания: 127
Номер один *(ит.)*.

Может, Кавалер как раз и хотел, чтобы того арестовали и осудили.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном чирикает какая-то птичка.

— Почему? — спросила Пеликанша. — Притом что он все-таки его убил? И пытал?

— Потому что боль и смерть для человека — не самое ужасное, — сказал Харри и вновь почувствовал, что это — эхо. — Самое ужасное — унижение. Именно этого он желал для Лейке. Унижение, когда у тебя отнимают все, что ты имеешь. Падение, стыд.

Он увидел легкую улыбку на губах Беаты Лённ, увидел, как она кивает, соглашаясь.

— Но, — продолжал он, — как здесь только что говорили, к несчастью для нашего убийцы, у Тони было алиби. И поэтому он отделался более легким наказанием. А именно медленной и наверняка ужасной смертью.

В наступившей тишине Харри уловил нечто. Запах горелого сала. Словно все присутствующие одновременно вдохнули воздух.

— Итак, что мы будем делать теперь? — спросила Пеликанша.

Харри взглянул в окно. Щебечущая птичка на ветке под окном оказалась зябликом. Перелетной

птичкой, вернувшейся слишком рано. Она дарила людям надежду на весну, но ей суждено было замерзнуть в первую же морозную ночь.

Черта с два, подумал Харри. Черта с два.

Глава 68
Ловля щуки

Утреннее заседание в Крипосе затянулось.

Бьёрн Хольм рассказал о результатах проведенного экспертами на «Кадоке» осмотра. Ни следов семени, ни каких-либо других физических следов преступника они не обнаружили. Комната, которую он использовал, сгорела полностью, а его компьютер превратился в груду металла, и нет никакой возможности восстановить данные.

— Вероятнее всего, он подключался к Интернету, используя точки доступа вай-фай в том квартале. В Нюдалене их полно.

— Но он оставил бы после себя следы в Сети, — сказал Эрдал, впрочем, это прозвучало как заученный припев; кроме «оставил бы», сказать ему было нечего.

— Мы, конечно, можем попросить разрешения на просмотр ста локальных серверов и поискать там сами не знаем что, — сказал Хольм. — Но я понятия не имею, сколько времени это займет. И найдем ли мы хоть что-то.

— Предоставьте это мне, — сказал Харри. Он

уже встал и направлялся к двери, набирая номер. — Я кое-кого знаю.

Он оставил дверь приоткрытой и, пока ждал ответа, слышал, как один из следователей рассказывал, что никто из опрошенных не видел, чтобы кто-то входил на фабрику «Кадок», но в принципе тут нет ничего странного, потому что она вся заросла кустами и деревьями, да и в зимнее время очень темно.

Харри дождался ответа.

— Секретарь Катрины Братт.

— Алло?

— Фрекен Братт ушла на обед.

— Сорри, Катрина, но с обедом придется подождать. Послушай…

Катрина слушала. Харри объяснял, что ему нужно:

— У Кавалера на стенах висели фотографии, которые, вероятнее всего, были распечатаны с сайтов новостей. С помощью своего поисковика ты можешь зайти в локальные сети и посмотреть, кто заходил на сайты новостей, писавшие про убийства. Думаю, правда, это делали многие…

— Но едва ли так же часто, как он, — сказала Катрина. — Мне нужен только список, отсортированный по количеству скачиваний.

— Ммм… Я смотрю, ты быстро учишься.

— У меня фамилия такая[128]. Внезапная. Быстрый прогресс в процессе обучения. Понимаешь?

Харри вернулся к остальным.

Они собирались прослушать сообщение, которое Харри получил с телефона Лейке. Его отправляли на экспертизу в Высшую техническую школу в Трондхейме, там добивались неплохих результатов, анализируя звукозаписи при ограблении банков, даже лучших, чем при анализе видео, снятого камерой наблюдения, потому что голос, как ни старайся, изменить почти невозможно. Но Бьёрну Хольму сообщили, что плохого качества секундная запись неясного звука — то ли смеха, то ли харканья — бесполезна и не может быть использована для создания голосового профиля.

— Черт, — сказал Бельман и стукнул кулаком по столу. — Если бы мы получили голосовой профиль, то могли бы начать проверять, кто из подозреваемых может быть вычеркнут из списка, хоть какая-то зацепка!

— Каких подозреваемых? — пробормотал Эрдал.

---

[128] Примечания: 128
Братт (*норв.* bratt) — внезапный.

— Сигнал от базовой станции означает, что тот, кто звонил с мобильного Лейке, в тот момент находился неподалеку от центра Устаусета, — сказал Хольм. — Сигнал сразу же исчез, сеть оператора улавливает сигнал только в этом районе. Но как раз то, что сигнал исчез, подтверждает предположение, что телефон был у Кавалера.

— Почему это?

— Даже когда телефон не используется, базовая станция оператора раз в два часа улавливает его сигналы. То, что сигналов не было, говорит о том, что телефон до и после звонка находился в пустынной горной местности вокруг Устаусета. Там, где он, возможно, хлебнул по полной и лавины, и пыток.

Никто даже не улыбнулся. Харри констатировал, что недавняя эйфория прошла. Он пошел к своему креслу.

— Существует одна возможность найти ту зацепку, о которой говорит Бельман, — негромко произнес он, зная, что ему уже не надо стараться привлечь к себе внимание. — Давайте вернемся к дому Лейке и взлому. Предположим, что наш убийца проник в дом Лейке, чтобы оттуда позвонить Элиасу Скугу. Это произошло всего за несколько дней до ареста Лейке. И допустим,

что наши эксперты, все в белом, очень основательно там потрудились, как мне и показалось, когда я появился там и несколько неожиданно… встретил Хольма. — Бьёрн Хольм склонил голову и бросил Харри взгляд, говоривший: можешь засунуть свое чувство юмора сам знаешь куда. — Неужели у нас нет пальцевых отпечатков с Хольменвейен, которые могли бы принадлежать… Кавалеру?

Солнце вновь осветило комнату. Присутствующие переглянулись. Им было почти стыдно. Как просто! Как очевидно! И никому из них эта мысль и в голову не пришла…

— Это было длинное заседание с массой новой информации, — сказал Бельман. — Мы все уже туго соображаем. Тебе есть что сказать, Хольм?

Бьёрн Хольм хлопнул себя по лбу:

— Разумеется, у нас есть все отпечатки пальцев. Мы тщательно осмотрели дом, потому что думали, что Лейке убийца и что его жилище может оказаться местом преступления. Надеялись, что найдем там отпечатки, которые совпадут с отпечатками пальцев хотя бы некоторых жертв.

— А у вас много неидентифицированных отпечатков? — спросил Бельман.

— В том-то и дело, — сказал Бьёрн Хольм, по-

прежнему посмеиваясь. — К Лейке приходят две польки, которые убираются у него раз в неделю. Они были там за шесть дней до нас и основательно поработали. Так что мы нашли только отпечатки самого Лейке, Лене Галтунг, двух этих теток и еще одного неизвестного, которые, во всяком случае, не совпадали с отпечатками никого из убитых. И потом мы перестали искать соответствия, когда Лейке предоставил алиби и был отпущен. Но я так сразу и не вспомню, где мы обнаружили отпечатки, принадлежащие неизвестному.

— А я так помню где, — сказала Беата Лённ. — Мы получили рапорт с чертежами и фотографиями. Отпечатки левой руки Х1 были оставлены на весьма помпезном, а на самом деле довольно-таки безвкусном письменном столе. Вот так. — Она встала и оперлась на левую руку. — Если не ошибаюсь, именно там у него стоит домашний телефон. Вот так. — Правой рукой она интернациональным жестом изобразила телефон: большой палец у уха и мизинец возле рта.

— Дамы и господа, — сказал Бельман, широко улыбаясь и разводя руками. — Я думаю, у нас есть настоящий след. Продолжайте искать соответствия с Х1, Хольм. Но обещайте мне, что это

не окажется муж одной из полек, который пришел, просто чтобы бесплатно позвонить домой, ладно?

Когда все выходили из зала, Пеликанша подошла к Харри. Она откинула назад свои свежезакрученные косички.

— Возможно, ты лучше, чем мне казалось, Харри. Но тебе совсем не повредит, если ты будешь иногда вставлять «я думаю», когда излагаешь свои теории. — Она улыбнулась и шутливо толкнула его бедром.

Харри оценил улыбку, в отличие от толчка бедром… В кармане завибрировал телефон. Он достал его. Звонили не из Государственной больницы.

— Его логин — Нэшвилл, — сообщила Катрина Братт.

— Как американский город?

— Точно. Он заходил на сайты всех крупных газет, читал про убийства все подряд. Плохая новость заключается в том, что это все, что у меня для тебя есть. Нэшвилл — это пользователь, который был активен в Сети только пару месяцев и искал исключительно то, что связано с убийствами. Может даже показаться, что Нэшвилл подготовился к тому, что его будут проверять.

— Как будто он один из наших, — сказал Харри.

— Ну, — сказала Катрина. — Тебе придется искать мужчину в ковбойской шляпе.

— Чего?

— Нэшвилл. Мекка музыки кантри и все такое.

Пауза.

— Алло! Харри?

— Я здесь. Конечно. Спасибо, Катрина.

— А поцелуй?

— С ног до головы.

— Нет уж, спасибо.

Они отсоединились.

Харри выделили офис с видом на Брюн, и он как раз рассматривал безрадостную панораму за окном, когда в комнату постучали.

В дверях стояла Беата Лённ.

— Ну и каково это — в постели с врагом?

Харри пожал плечами:

— Врага зовут Кавалер.

— Ладно. Я просто хотела сказать, что мы прогнали отпечатки с письменного стола через нашу базу данных. Совпадений нет.

— Я другого и не ожидал.

— Как твой отец?

— Вопрос нескольких дней.

— Мне очень жаль.

— Спасибо.

Они посмотрели друг на друга. И внезапно Харри понял, что именно это лицо ему хотелось бы видеть на похоронах. Бледное личико, которое он видел на других похоронах, заплаканное, с большими трагическими глазами. Лицо, словно созданное для похорон.

— О чем думаешь? — спросила она.

— Я знаю только одного преступника, который так убивал, — сказал Харри и снова отвернулся к окну.

— Он напоминает тебе Снеговика, да?

Харри медленно кивнул.

Она вздохнула:

— Я обещала не говорить, но звонила Ракель.

Он смотрел вдаль, на многоэтажки Хельсфюра.

— Спрашивала о тебе. Я сказала, что у тебя все хорошо. Я правильно сделала, Харри?

Харри глубоко вздохнул:

— Конечно.

Беата еще немного постояла в дверях. А потом ушла.

Как она там? Как Олег? Где они? Что они делают, когда спускается вечер, кто охраняет их, кто стоит на страже? Харри опустил голову и обхва-

тил руками уши.

Только один человек знает, как рассуждает Кавалер.

Наступил вечер, стемнело, но ничего так и не произошло. Вечно горящий желанием о чем-то проинформировать администратор гостиницы по кличке Капитан связался с Харри и сообщил, что кто-то звонил и спрашивал, не живет ли у них Иска Пеллер, австралийка, о которой писали в «Афтенпостен». Харри ответил, что это, по всей видимости, какой-нибудь журналист, но Капитан считал, что даже самый подлый журналюга знает правила игры: сначала представься и объясни, откуда ты. Харри поблагодарил и чуть было не попросил Капитана позвонить, если у того будут новости. Но потом до него дошло, к чему может привести подобное приглашение. Позвонил Бельман и сказал, что будет пресс-конференция и если Харри захочет прийти, то…

Харри отказался и почувствовал, что Бельман вздохнул с облегчением.

Харри сидел и барабанил пальцами по столу. Снял было трубку, чтобы позвонить Кайе, но потом положил на место.

Снова ее поднял и обзвонил несколько отелей в центре. Там никто не мог припомнить, чтобы им

задавали вопросы о какой-то Иске Пеллер.

Харри взглянул на часы. Хотелось выпить. Хотелось зайти в офис к Бельману, спросить, куда он, черт бы его побрал, дел опиум, занести кулак, увидеть, как он съежится…

Единственный, кто знает.

Харри встал, отшвырнул кресло, схватил пальто и выскочил из кабинета.

Он доехал до центра и припарковался у Норвежского театра, вопиюще нарушая все правила. Пересек улицу и вошел в гостиницу.

Капитан получил это прозвище, еще когда работал швейцаром в том же отеле. Вероятнее всего, из-за роскошной красной формы вкупе с манерой постоянно давать руководящие указания всем вокруг и по всякому поводу. Кроме того, он полагал себя центром всего мало-мальски значительного, что происходило в центре города, человеком, который держит руку на пульсе, человеком, который *знает*. Осведомителем с большой буквы О, бесценным винтиком полицейской машины, которая обеспечивала покой Осло.

— В какой-то глубинной части моего мозга я и сейчас слышу этот довольно характерный голосок, — произнес Капитан, явственно смакуя собственные слова.

Харри видел, как коллега, стоящий рядом с Капитаном за стойкой администратора, возвел глаза к небу.

— Как будто это был педик, — заключил Капитан.

— Вы хотите сказать, что голос был высокий? — спросил Харри и вспомнил рассказы друзей Аделе. Ведь Аделе говорила, что главный недостаток ее кавалера, похоже, в том, что разговаривает он, как тот гомосексуалист, с которым она вместе снимает квартиру.

— Нет, скорее такой. — Капитан размял ладони, поморгал и выдал пронзительную пародию на женщину с придурью: — «Черт, как же я на тебя зла!»

Сотрудник, у которого, конечно же, был бедж с именем «Сёрен»[129], хихикнул.

Харри поблагодарил и чуть было снова не попросил Капитана звонить, если будет что-то новое. Вышел из здания. Закурил и взглянул на табличку с названием гостиницы. Что-то тут было… В тот же миг он заметил машину транспортной полиции, припаркованную за его собственной, и мужчину в комбинезоне, который

---

[129] Примечания: 129

Сёрен (*норв.* Sóren) — и мужское имя, и эвфемизм для обозначения черта.

записывал номер машины Харри.

Харри перешел улицу и показал ему свою карточку:

— Полиция. Я на службе.

— Не поможет. Раз остановка запрещена, значит запрещена, — сказал комбинезон, не переставая строчить. — Можете жаловаться.

— Ладно, — сказал Харри. — Вы знаете, что у нас тоже есть полномочия выписывать штраф за неправильную парковку, верно?

Тот взглянул на него и осклабился:

— Коллега, ты ошибаешься, если думаешь, что я предоставлю тебе возможность самому себе выписать штраф.

— Вообще-то я имею в виду *твой* автомобиль. — Харри указал на него.

— Он мой и службы начальника…

— Раз остановка запрещена, значит запрещена.

Комбинезон бросил на него кислый взгляд.

Харри пожал плечами:

— Можете жаловаться, коллега…

Комбинезон захлопнул блокнот, повернулся на каблуках и пошел к своему автомобилю.

Когда Харри поворачивал на Университетсгатен, зазвонил телефон. Это был Гуннар Хаген.

Голос обычно спокойного шефа убойного отдела дрожал от возбуждения.

— Ты должен немедленно приехать сюда, Харри.

— А что случилось?

— Немедленно. В «Кишку».

Харри услышал голоса и увидел вспышки блица задолго до того, как приблизился к концу бетонного коридора. Перед дверью в свой бывший офис он застал Гуннара Хагена и Бьёрна Хольма. Одна из криминалисток проводила по двери и ручке щеточкой в поисках отпечатков пальцев, пока копия Хольма фотографировала след от сапога в углу, почти у самой стены.

— Это старый след, — сказал Харри. — Он был здесь еще до того, как мы сюда переехали. Что происходит?

Копия Бьёрна взглянула на оригинал, который кивком разрешил продолжать работу.

— Один из служащих тюрьмы обнаружил вот это на полу перед дверью, — сказал Хаген и поднял пакет для сбора улик, где лежал коричневый конверт.

Сквозь целлофан Харри прочитал на конверте собственное имя. И написанный печатными буквами адрес, приклеенный к конверту.

— Служащий тюрьмы считает, что он мог тут пролежать пару дней, ведь по «Кишке» не каждый день кто-то ходит.

— Мы измерим влажность бумаги, — сказал Бьёрн. — Положим здесь такой же конверт и посмотрим, за какое время он станет таким же влажным. И вычислим.

— Послушайте, не стоит устраивать здесь «CSI»[130], — сказал Харри.

— Я не к тому, что точное время нам непременно поможет, — уточнил Хаген. — Там, где он, скорее всего, зашел и вышел, наверняка нет камер наблюдения. Все проще простого. Сначала на вахту, где все заняты, потом в лифт, вниз, сюда, где нет ни одной закрытой двери, пока не поднимаешься наверх, в тюрьму.

— Ну ясно, а что тут закрывать? — сказал Харри. — Никто не возражает, если я закурю?

Никто не ответил, но взгляды были весьма многозначительными. Харри пожал плечами.

— Надеюсь, кто-нибудь наконец сподобится рассказать, что было в конверте, — сказал он.

Бьёрн Хольм поднял другой пакет с вещдоком.

---

[130] Примечания: 130

«CSI: Место преступления» *(англ.)* — популярный американский телесериал об экспертах-криминалистах, расследующих крайне запутанные дела.

В тусклом свете было непросто разглядеть, что внутри. Харри подошел поближе.

— Черт, — сказал он и отступил на полшага.

— Средний палец, — пояснил Хаген.

— Может показаться, что палец сначала сломали, — сказал Бьёрн. — Поверхность среза ровная и гладкая, никакой рваной кожи. Отрубили. Топором. Или большим ножом.

В «Кишке» послышались шаги. Кто-то бежал к ним.

Харри присмотрелся повнимательнее. Палец был белый, бескровный, но с иссиня-черным кончиком.

— Что это? Вы уже сняли отпечатки?

— Да, — ответил Бьёрн. — И если повезет, скоро получим ответ.

— Спорим, это левая рука, — сказал Хаген.

— А больше в конверте ничего не было?

— Нет. Теперь ты знаешь столько же, сколько и мы.

— Возможно, — признал Харри и покрутил в руках сигаретную пачку. — Но я знаю про этот палец кое-что еще.

— Мы и об этом подумали, — сказал Хаген и переглянулся с Бьёрном Хольмом. Звук торопливых шагов приближался. — Средний палец на левой

руке. Тот же, что ты потерял из-за Снеговика.

— У меня кое-что есть, — прервала их беседу женщина-эксперт.

Все повернулись к ней.

Она сидела на корточках и что-то держала между пальцами. Что-то черно-серое.

— Разве не похоже на те мелкие камешки, которые мы нашли там, где была убита Боргни?

Харри подошел поближе:

— Точно. Лава.

К ним наконец-то подбежал молодой человек с карточкой полицейского, торчащей из нагрудного кармана. Он остановился перед Бьёрном Хольмом, уперся руками в колени и попытался перевести дух.

— Ну, Ким Эрик? — обратился к нему Хольм.

— Совпало, — почти прошептал молодой человек.

— Позвольте угадать, — сказал Харри и сунул сигарету в рот.

Все посмотрели на него.

— Тони Лейке.

Ким Эрик выглядел по-настоящему разочарованным:

— А к-как?..

— Я видел его правую руку, она высовывалась

из-под снегохода, и там все пальцы были на месте. Так что это левая рука. — Харри кивнул на пакетик с вещдоком. — Палец не сломан, он просто сильно искривлен. Старый добрый ревматоидный артрит. Болезнь наследственная, но незаразная.

Глава 69
Каллиграфический почерк

Женщина, открывшая дверь квартиры в таунхаусе в Ховсетере, была широкоплечая, как борец, и ростом не ниже Харри. Она терпеливо смотрела на Харри, как будто уже привыкла давать людям несколько секунд, чтобы они пришли в себя.

— Да?

Харри узнал голос Фриды Ларсен, с которой до этого говорил только по телефону. По голосу он представлял ее изящной и миниатюрной.

— Харри Холе, — представился он. — Я нашел ваш адрес по номеру телефона. А Феликс дома?

— Его нет, он ушел играть в шахматы, — сказала она без всякого выражения, словно это был стандартный ответ. — Пошлите ему мейл.

— Я хотел бы с ним поговорить.

— О чем? — Она заполняла собой весь дверной проем, не давая возможности даже заглянуть внутрь. И дело было не только в ее массивной фигуре.

— Мы в полицейском управлении нашли камушек из лавы. Я хотел бы знать, не из того же

вулкана этот камушек, что и тот, который мы ему посылали раньше.

Харри стоял на две ступеньки ниже и протягивал ей камушек. Но она так и не оторвалась от косяка.

— Так сказать невозможно, — отрезала она. — Направьте Феликсу мейл. — Она явно собиралась закрыть дверь.

— Ну, лава и есть лава, — сказал Харри.

Она помедлила. Харри ждал. Он знал по опыту, что специалист никогда не упустит случая поправить неспециалиста.

— У всех вулканов лава со своим индивидуальным составом, — уточнила она. — Но и он меняется — от извержения к извержению. Вы должны исследовать камень. Например, о многом говорит процент содержания железа. — Лицо ее ничего не выражало, взгляд незаинтересованный.

— На самом деле, — сказал Харри, — я хотел бы побольше узнать о людях, которые ездят по всему миру и смотрят на вулканы. Их не может быть слишком много, и мне интересно, знает ли Феликс таких людей в Норвегии.

— Нас больше, чем вы думаете, — сказала она.

— То есть вы тоже одна из них?

Она пожала плечами.

— А на каком вулкане вы были в последний раз?

— Оль Дойньо Ленгаи в Танзании. И мы были не на вулкане, а около него. Потому что происходило извержение. Магматические натрокарбонатиты. Извергающаяся лава черная, но она вступает во взаимодействие с воздухом и через несколько часов становится совершенно белой. Как снег.

Голос и лицо ее внезапно словно ожили.

— А почему он не хочет говорить? — спросил Харри. — Ваш брат что, немой?

Лицо ее снова застыло. Голос был ровный и мертвый:

— Направьте мейл.

Дверь захлопнулась с такой силой, что Харри в глаза попала пыль.

Кайя припарковалась на Маридалсвейен, перепрыгнула через дорожное заграждение и осторожно стала спускаться по крутому склону к лесу, где находилась фабрика «Кадок». Она включила фонарь и шла сквозь заросли кустарника, отводя голые ветки, которые так и норовили хлестнуть по лицу. Заросли были плотные, тени бесшумно кружили вокруг, точно волки, и даже когда она остановилась, чтобы прислушаться и

оглядеться, тени деревьев падали на другие деревья и на тени других деревьев, и все мешалось и перепутывалось, так что не поймешь, где тень, а где настоящий ствол, словно в зеркальном лабиринте. Но она не боялась. Но самом деле это даже забавно: она, так боявшаяся закрытых дверей, не боялась темноты. Кайя прислушалась к ветру с реки. Что это? Звук, которого здесь не должно быть… Она продолжила путь. Наклонилась над наполовину поваленным ветром стволом и снова остановилась. Но, как и прежде, все посторонние звуки смолкли, стоило ей замереть. Кайя глубоко вдохнула и выдохнула и закончила мысль: словно кто-то идет за ней следом и не хочет, чтобы его обнаружили.

Обернувшись, она посветила назад. Кайя уже не была так уверена в том, что не боится темноты. Какие-то ветки колыхались в луче света, но ведь она, наверное, сама их только что задела?

И она опять двинулась вперед.

И вскрикнула, когда карманный фонарик осветил мертвенно-бледное лицо с выпученными глазами. Кайя выронила фонарь и отпрянула, но существо пошло за ней, издавая хрюкающие звуки, похожие на смех. В темноте она разглядела, что он остановился, наклонился, снова

выпрямился, и уже в следующую секунду свет ее собственного фонаря ударил ей в лицо.

Она задержала дыхание.

Хрюкающий смех прекратился.

— Вот, — произнес скрипучий мужской голос, и свет немного подпрыгнул.

— Вот?

— Ваш фонарь, — пояснил голос.

Кайя взяла фонарь и посветила чуть сбоку от него. Так, чтобы видеть незнакомца, но не ослеплять. У него были светлые волосы и выдающаяся вперед челюсть.

— Кто вы? — спросила она.

— Трульс Бернтсен. Я работаю с Микаэлем.

Конечно, она слышала про Трульса Бернтсена. Тень. Бивис, разве не так Микаэль его называл?

— А я…

— Кайя Сульнес.

— Да, а откуда… — Она сглотнула слюну и переформулировала вопрос: — Что вы здесь делаете?

— То же, что и вы, — ответил он монотонным скрипучим голосом.

— Да? И что же я здесь делаю?

Он опять засмеялся поросячьим смехом. Но не ответил. Просто стоял перед ней, опустив руки по швам и немного их оттопырив. Один глаз у него

слегка подергивался, словно под веко попало насекомое.

Кайя вздохнула.

— Если вы делаете тут то же, что и я, то вы пришли понаблюдать за фабрикой, — сказала она, — на тот случай, если он опять тут появится.

— Да, если он опять тут появится, — откликнулся Бивис, не отводя глаз.

— Это не так уж невероятно, — сказала она. — Не уверена, знает ли он, что здесь был пожар.

— Мой отец тут работал, — сказал Бивис. — Он обычно говорил, что делает ПСГ, кашляет ПСГ и сам становится ПСГ.

— А кто-нибудь еще из Крипоса есть поблизости? Вас сюда Микаэль послал?

— Вы же с ним больше не встречаетесь, правда? Вы встречаетесь с Харри Холе.

У Кайи засосало под ложечкой. Откуда он знает? Неужели Микаэль что-то про нее рассказывал?

— Вас не было, когда мы ездили в Ховассхюттту, — сказала она, чтобы сменить тему.

— Разве? — Опять поросячий смех. — Наверное, у меня был выходной. Отгул. С вами ездил Юсси.

— Да, — признала она тихо. — Он был с нами.

Налетел порыв ветра, и она отвела голову, когда ветка оцарапала ей лицо. Бернтсен шел за ней

следом или он пришел сюда раньше?

Кайя хотела спросить у него, но он уже скрылся. Она посветила между деревьями. Бернтсен исчез.

Было два часа ночи, когда она припарковалась на улице, вошла в ворота и поднялась по лестнице к желтому дому. Нажала на кнопку над разрисованной керамической плиткой, на которой каллиграфическим почерком было выведено: «Семья Холе».

Когда она позвонила в третий раз, то услышала тихое покашливание, обернулась и успела увидеть, как Харри засовывает табельный револьвер назад за ремень. Как он появился из-за угла дома, она не заметила.

— Что случилось? — в ужасе спросила она.

— Просто меры предосторожности. Тебе следовало позвонить и предупредить, что приедешь.

— А что, мне не… следовало приезжать?

Харри поднялся мимо нее по лестнице и отпер дверь. Она вошла за ним, обхватила его сзади руками, прижалась к спине и толкнула дверь каблуком, чтобы та закрылась. Он высвободился, повернулся к ней, хотел что-то сказать, но она остановила его поцелуем. Жадным поцелуем, который требовал ответа. Она сунула свои холод-

ные руки ему под рубашку, кожа была горячая, и она поняла, что он прямо из постели, вытащила у него из-за пояса револьвер и с тяжелым стуком положила его на столик в прихожей.

— Я хочу тебя, — прошептала она, куснула его за ухо и засунула руку ему в штаны. Его член был теплым и мягким.

— Кайя…

— Я получу тебя?

Ей показалось, что он на мгновение заколебался, уловила какое-то отторжение. Обхватив другой рукой его шею, она заглянула ему прямо в глаза:

— Ну пожалуйста…

Он улыбнулся. И мышцы его расслабились. И он поцеловал ее. Бережно. Бережнее, чем ей хотелось. Она застонала в истоме, стала расстегивать пуговицы у него на брюках. Грубо обхватила его член, не двигая рукой, только чувствовала, как он растет.

— Черт тебя дери, — простонал он и поднял ее на руки. Понес по лестнице. Ногой открыл дверь в спальню и положил ее на кровать. Со стороны матери. Она откинула голову, закрыла глаза, почувствовала, как он стаскивает с нее одежду, быстро и решительно. Ощутила тепло,

которое излучало его тело за секунду до того, как он опустился на нее и с силой раздвинул ее бедра. «Да, — подумала она. — Черт меня дери».

Она лежала, прижавшись щекой и ухом к его груди, и слушала удары его сердца.

— А о чем ты думал? — прошептала она. — Когда ты там лежал и знал, что умрешь?

— Что я буду жить, — ответил Харри.

— Только это?

— Только это.

— И не о том, что ты… встретишься с теми, кого любил?

— Нет.

— А я думала. Было так странно. Я боялась, что что-то сломалось. А потом страх прошел, и вместо этого стало так спокойно. Я просто уснула. А потом появился ты. И разбудил меня. Спас меня.

Харри протянул ей свою сигарету, она затянулась. Хихикнула:

— А ты ведь герой, Харри. Настоящий, каким медали дают. А ведь так и не подумаешь, правда?

Харри покачал головой:

— Поверь мне, дорогая, я думал только о себе. Пока я не добрался до очага, и мысли о тебе не было.

— Ну да, но, когда ты там оказался, у тебя все

равно было мало воздуха. И ты знал, что, если раскопаешь меня, нам его понадобится вдвое больше.

— Ну что тут скажешь? Вот такая я щедрая душа.

Она, смеясь, толкнула его в грудь:

— Герой!

Харри глубоко затянулся:

— А может, это было желание выжить, которое обмануло совесть.

— Что ты имеешь в виду?

— Тот, кого я нашел первым, был еще так силен, что вцепился в палку, не хотел ее отдавать, и ему это почти удалось. Я понял, что это наверняка Колкка и что он жив. Знал, что счет идет на секунды, но вместо того, чтобы откапывать его, тыкал в снег палкой, пока не нашел тебя. Ты не двигалась. Я решил, что ты умерла.

— И?

— И может быть, в глубине души я подумал, что если сначала откопаю тебя, мертвую, то тот, кто еще жив, за это время умрет. И таким образом весь воздух достанется мне. Трудно сказать, что нами движет.

Она молчала. За окном послышался звук мотоцикла, потом пропал. Мотоцикл в феврале. А

сегодня он видел перелетную птицу. Все сбилось с ритма.

— Ты всегда так много думаешь? — спросила она.

— Нет. Может быть. Не знаю.

Она прижалась к нему еще теснее:

— А сейчас о чем думаешь?

— Как он может знать то, что знает?

Она вздохнула:

— Наш убийца?

— И почему он играет со мной? Зачем посылает мне часть тела Тони Лейке? Как он рассуждает?

— И как ты собираешься это выяснить?

Он потушил сигарету в пепельнице на тумбочке. Глубоко вдохнул и хрипло и долго выдыхал.

— То-то и оно. Мне приходит в голову только один способ. Я должен поговорить с ним.

— С ним? С Кавалером?

— С *таким* же, как он.

Засыпая, он видел сон. Он смотрит на гвоздь. Гвоздь торчит из головы мужчины. Но лицо знакомое. Известный портрет, который он столько раз видел. Тут во рту у Харри взорвалось инородное тело, и он вздрогнул. Он спал.

Глава 70
Мертвая зона

Харри шел по больничному коридору в сопровождении одетого в гражданское охранника. Врач обгоняла их на два шага. Она рассказала Харри о состоянии пациента, подготовила к тому, что ему предстояло увидеть.

Они подошли к двери, и охранник открыл ее. За дверью еще на несколько метров тянулся коридор. В левой стене было три двери. Перед одной из них стоял другой охранник, уже в форме.

— Он не спит? — спросила врач, пока охранник в форме обыскивал Харри.

Служащий кивнул, выложил все содержимое карманов Харри на стол, отпер дверь и отступил в сторону.

Врач дала Харри знак подождать снаружи и вошла в палату вместе с охранником. И сразу же вышла.

— Максимум пятнадцать минут, — сказала она. — Ему лучше, но он все еще слаб.

Харри кивнул. Вздохнул. И вошел.

Он остановился за дверью и услышал, как она

закрылась за ним. Шторы опущены, в комнате темно, включена лишь лампа над кроватью. Свет падал на человека, который полусидел в кровати, наклонив голову, длинные волосы свисали ему на плечи.

— Подойди ближе, Харри.

Голос изменился, стал похож на жалобный скрип плохо смазанных дверных петель. Но Харри узнал его, и по спине пробежал холодок.

Он подошел к кровати и сел рядом на стул. Мужчина поднял голову. И у Харри перехватило дыхание.

Лицо Снеговика как будто залили жидким воском. Оно застыло и превратилось в слишком тесную для него маску: кожа натянулась на лоб и подбородок, так что рот превратился в крохотную безгубую дыру среди окостеневших тканей. Смех его был беззвучен — два коротких толчка воздуха.

— Что, не узнаешь меня, Харри?

— Узнаю глаза, — сказал Харри. — Этого достаточно. Это ты.

— Есть какие-нибудь новости о… — Крошечный, сжатый в куриную гузку рот попытался растянуться в улыбке. — О нашей Ракели?

Харри готовился к этому, настроил себя, как

боксер настраивается на боль. Но все равно ее имя в его устах заставило его стиснуть кулаки.

— Ты согласился поговорить об одном человеке. Человеке, который, как мы думаем, похож на тебя.

— На меня? Надеюсь, он покрасивее будет. — Снова два сотрясения воздуха. — Странно, меня моя внешность раньше никогда не волновала, Харри. Я думал, что самое ужасное в этой болезни — боль. Но знаешь, что на самом деле ужаснее всего? Разложение. Смотреть на себя в зеркале и видеть, как растет этот монстр. Мне здесь по-прежнему разрешают ходить в туалет одному, но я стараюсь избегать зеркал. Ведь я же был красив, ты знаешь.

— Ты прочитал то, что я тебе послал?

— Пришлось сделать это тайком. Доктор Айболит считает, что мне вредно напрягаться. Инфекции. Воспаления. Температура. Ее искренне беспокоит состояние моего здоровья, Харри. Это даже удивительно, учитывая то, что я сделал, верно? Лично меня больше интересует смерть. Именно в этом я, по правде говоря, завидую тем… но ты этому помешал, Харри.

— Смерть была бы слишком мягким наказанием.

Во взгляде человека, сидящего в постели, что-то зажглось, казалось, что щелочки его глаз загорелись белым холодным светом.

— Во всяком случае, у меня теперь есть имя и место в книжках по истории. Люди будут читать про Снеговика. И кто-то захочет стать моим наследником и претворить мои идеи в жизнь. А что досталось тебе, Харри? Ничего. Наоборот, ты потерял то немногое, что имел.

— Правда, — сказал Харри. — Ты победил.

— Тебе не хватает среднего пальца?

— Ну… Мне его не хватает именно сейчас. — Харри поднял голову и встретился с ним взглядом. Выдержал его.

Потом похожий на куриную гузку рот открылся. Смешок прозвучал как выстрел из пистолета с глушителем.

— Ну, чувства юмора ты, во всяком случае, не потерял, Харри. Ты знаешь, что я потребую что-то взамен?

— No care, no pay[131]. Но давай, говори.

Мужчина с большим трудом повернулся к тумбочке, взял стоявший там стакан и приложил его к ротовому отверстию. Харри смотрел на руку,

---

[131] Примечания: 131
Нет услуги, нет денег *(англ.)*.

державшую стакан. Она была похожа на белую птичью лапу. Напившись, собеседник осторожно поставил стакан на место и заговорил. Сейчас жалобный голос звучал слабее, как из радиоприемника, в котором садятся батарейки.

— Мне кажется, в инструкции по моему содержанию в тюрьме говорится об исключительной тяге к самоубийству, во всяком случае, они с меня глаз не спускают. И тебя обыскали, прежде чем впустить, правда? Боятся, что ты дашь мне нож или еще что-нибудь. Но я не хочу досматривать распад до конца, Харри. Мне кажется, с меня уже хватит. Ты не согласен?

— Нет, — сказал Харри. — Я так не думаю. Давай о чем-нибудь другом.

— Ты мог бы соврать и сказать «да».

— Ты бы предпочел ложь?

Тот отмахнулся:

— Я хочу встретиться с Ракелью.

Харри удивленно поднял бровь:

— Зачем?

— Просто хочу ей кое-что сказать.

— Что?

— Это должно остаться между нами.

Стул скрипнул, когда Харри встал.

— Никогда.

— Погоди. Сядь.

Харри сел.

Мужчина смотрел вниз, пальцы его елозили по пододеяльнику.

— Пойми меня правильно, насчет других я не раскаиваюсь. Те были шлюхи. Но Ракель была другая. Она… другая. Я хочу сказать только это.

Харри недоверчиво смотрел на него.

— Ну, что ты думаешь? — спросил Снеговик. — Скажи «да». Соври, если надо.

— Да, — солгал Харри.

— Ты плохо врешь, Харри. Я хочу поговорить с ней прежде, чем стану помогать тебе.

— И речи быть не может.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что у тебя нет выбора. Потому что ворам приходится полагаться на воров, когда припрет.

— Правда?

Харри еле заметно улыбнулся:

— Когда я покупал опиум в Гонконге, мы одно время использовали туалет для инвалидов в отеле «Ландмарк» на Де Ву-роуд. Сначала туда заходил я, клал детскую бутылочку с соской, где были деньги, под крышку бачка самого правого унитаза. Выходил, смотрел на часы поддельной

марки, возвращался, и там по-прежнему лежала моя бутылка. Всегда с точным количеством опиума. Слепое доверие.

— Ты сказал «одно время».

Харри пожал плечами:

— Однажды бутылка исчезла. Может, дилер меня кинул, может, нас кто-то видел и удрал с деньгами или товаром. Гарантий никто не дает.

Снеговик долго смотрел на Харри.

Харри в сопровождении врача шел назад по коридору. Впереди шел охранник.

— Быстро вы, — сказала врач.

— Он был немногословен, — ответил Харри.

Харри пересек вестибюль и вышел к парковке, открыл автомобиль. Увидел, что рука его, поворачивающая ключ в замке зажигания, дрожит. Когда откинулся на сиденье, почувствовал, что спина рубашки намокла от пота.

Немногословен.

— Давай предположим, что он — как я, Харри. Это предположение, несмотря ни на что, необходимо, чтобы я мог тебе помочь. Сначала мотив. Ненависть. Раскаленная, кипящая ненависть. Это тот наркотик, который помогает выжить, та магма, которая раскаляет его изнутри. И как и магма, ненависть — предпосылка жизни, что-

бы все не превратилось в лед. Но вместе с тем давление этого внутреннего жара неминуемо ведет к извержению, к тому, что деструктивное начало вырывается на свободу. И чем дольше он копит это в себе, тем сильнее извержение. Сейчас извержение идет полным ходом, и оно мощное. Из чего я делаю вывод, что тебе следует поискать причину в далеком прошлом. Потому что не сами эти действия, вызванные ненавистью, но причина ненависти может помочь тебе разгадать эту загадку. Сами действия без причины не имеют смысла. Чтобы проникнуться к чему-то подлинной ненавистью, нужно время, но сама причина ненависти простая. Что-то произошло. И речь идет о том единственном, что произошло. Если найдешь, что это было, он твой.

Почему он использовал метафору, связанную именно с вулканом? Харри ехал вниз по крутой и извилистой дороге из Бэрумской больницы.

— Восемь убийств. Сейчас он повелитель, он наверху. Он создал вселенную, где, как ему кажется, все ему повинуется. Он кукловод, он может играть с вами. И особенно с тобой, Харри. Трудно сказать, почему он выбрал именно тебя, может быть, совершенно случайно. Но чем успешнее он управляется со своими куклами, тем больше ему

хочется усилить напряжение. Хочется беседовать с куклами, быть рядом с ними, наслаждаться своими победами самым изощренным образом — вместе с тем, над кем он их одерживает. Но он хорошо замаскировался. Он не производит впечатления кукловода, напротив, может показаться покорным, тем, кем легко руководить, тем, кого недооценивают. Тем, кого никогда не заподозришь в способности срежиссировать такую сложную драму.

Харри ехал в центр по E18. Попал в пробку. Он съехал на полосу для общественного транспорта. Он же полицейский, черт побери. И времени не осталось, не осталось. Во рту пересохло, псы были вне себя от ярости.

— Он совсем рядом, Харри, в этом я почти уверен, он просто не в силах остановиться. Но он появился из мертвой зоны. Прокрался в твою жизнь незаметно, когда все твое внимание было приковано к чему-то другому. Или когда ты был болен. Ему комфортно там, где он есть. Сосед, друг, коллега. Или кто-то, находящийся в тени другого человека, более важного для тебя, тень, о которой ты думаешь не иначе как о приложении к кому-то другому. Подумай о тех, кто случайно попадал в поле твоего зрения. Потому что он попадал. И

ты уже знаешь его в лицо. Может, вы с ним и не слишком много говорили, но если он такой, как я, ему не остановиться, Харри. Он *рядом с тобой*.

Харри припарковался у «Савоя», вошел и направился к барной стойке.

— Чего желаете?

Харри пробежал глазами по бутылкам на стеклянных полках за спиной у бармена.

«Бифитер», «Джонни Уокер», «Бристоль Крим», «Абсолют», «Джим Бим».

Он ищет человека, снедаемого ненавистью. Того, у кого не осталось других чувств. Того, у кого ледяное сердце.

Его взгляд застыл. И словно отпрянул. Рот открылся. Будто сам Господь подмигнул ему. И подсказал, подмигнув, все, все.

Словно издалека послышался голос:

— Эй, мистер? Алле?

— Да.

— Вы определились?

Харри медленно кивнул.

— Да, — сказал он. — Да. Я определился.

Глава 71
Радость

Гуннар Хаген сжимал карандаш указательными пальцами, рассматривая Харри, который на этот раз не лежал, а сидел в кресле перед его письменным столом.

— Что касается технической стороны, то ты сейчас в распоряжении Крипоса и, таким образом, входишь в команду Бельмана, — сказал начальник отдела. — Следовательно, произведенный тобой арест будет победой Бельмана.

— А если я — повторяю, чисто гипотетически — информирую вас и предоставлю возможность произвести арест кому-то из убойного отдела, например Кайе Сульнес или Магнусу Скарре?

— Спасибо, но, к сожалению, даже от такого щедрого предложения с твоей стороны я вынужден отказаться, Харри. Я уже сказал, что связан договоренностью.

— Ммм… Бельман по-прежнему на тебя давит?

Хаген вздохнул.

— Если я сделаю такой кульбит — лишу Бельмана возможности произвести арест по самому

громкому в Норвегии делу об убийствах, то Министерству юстиции все сразу станет ясно. Например, что я не послушался их и привез тебя для расследования этого дела. Это будет расценено как неподчинение приказу. И навредит всему отделу. Сожалею, Харри, но я не могу.

Харри задумчиво уставился в пространство.

— О'кей, шеф. — Он вскочил со стула и быстро направился к двери.

— Погоди!

Харри остановился.

— А почему ты об этом спрашиваешь сейчас, Харри? Случилось что-то, о чем мне следовало бы знать?

Харри покачал головой:

— Только проверка гипотезы, шеф. Ведь в этом и состоит наша работа, правда?

До трех часов Харри названивал по телефону. Последний звонок был Бьёрну Хольму, который не раздумывая согласился вести машину.

— Я не сказал тебе куда и почему, — сказал Харри.

— Не надо, — ответил Бьёрн и добавил, делая ударение на каждом слове: — Я — тебе — доверяю.

Повисла пауза.

— Ну, наверное, я заслужил, — сказал Харри.

— Да, — ответил Бьёрн.

— Мне кажется, я уже просил прощения, так ведь?

— Нет.

— Нет? Из… из… из… Черт, как трудно. Из… из…

— Как будто мотор заело, приятель, — сказал Бьёрн, и Харри понял, что он улыбается.

— Сорри, — сказал Харри. — Надеюсь, у меня найдутся кое-какие отпечатки пальцев, которые я попрошу тебя проверить до нашего отъезда в пять. Если они не совпадут, то тебе не придется ехать, скажем так.

— А к чему такая таинственность?

— Потому что ты мне доверяешь.

Было полчетвертого, когда Харри постучал в дверь тесной дежурки в Государственной больнице.

Сигурд Алтман открыл дверь.

— Привет, вы не могли бы взглянуть на это?

Он протянул медбрату небольшую стопку фотографий.

— Они липкие, — сказал Алтман.

— Их только что отпечатали.

— Хм… Отрезанный палец. Что случилось?

— Подозреваю, что его владелец получил большую дозу кетаномина. Меня интересует, можете ли вы как анестезиолог сказать, есть ли у нас шанс найти в пальце следы этого вещества?

— Да, конечно, он ведь разносится с кровью по всему телу.

Алтман пробежал глазами снимки.

— Палец почти обескровлен, но теоретически достаточно и одной капли.

— Тогда следующий вопрос: вы можете оказать нам содействие при задержании сегодня вечером?

— Я? А что, у вас нет судебных медиков, которые…

— Как раз в этом вы разбираетесь лучше, чем они. И еще мне нужен человек, на которого я могу положиться.

Алтман пожал плечами, взглянул на часы и вернул фотографии.

— Мое дежурство заканчивается через два часа, так что…

— Отлично. Тогда мы за вами заедем. Вы войдете в криминальную историю Норвегии, Алтман.

Медбрат выдавил бледную улыбку.

Микаэль Бельман позвонил, когда Харри направлялся в криминалистический отдел.

— Ты где был, Харри? Нам не хватало тебя сегодня утром на заседании.

— Да так, ходил тут…

— Где ходил?

— По нашему любимому городу, — сказал Харри, опуская большой конверт формата А-4 на стол перед Кимом Эриком Локкером и показывая на свои пальцы, чтобы дать понять, что это надо проверить на предмет отпечатков.

— Я начинаю нервничать, если ты целый день не появляешься на экране радара, Харри.

— Неужели ты мне не доверяешь, Ми-ка-эль? Боишься, что уйду в запой?

Наступило молчание.

— Ты отчитываешься передо мной, и я просто хочу быть в курсе, вот и все.

— Рапортую: рапортовать не о чем, шеф.

Харри отключился и вошел в кабинет к Бьёрну. Беата уже была там и ждала его.

— И что ты собираешься нам поведать? — спросила она.

— Сказку про разбойников, — сказал Харри и сел.

Он изложил уже половину истории, когда в дверь просунулась голова Локкера.

— Вот что я обнаружил, — сказал он и протянул

пленку с отпечатками.

— Спасибо, — поблагодарил Бьёрн, взял пленку, положил на свой сканер, сел за компьютер, открыл папку с отпечатками, найденными на Хольменвейен, и запустил поиск соответствий.

Харри понимал, что это займет лишь несколько секунд, но все равно закрыл глаза, чувствуя, как бьется сердце, хотя он уже знал — знал. И Снеговик знал. И дал Харри ту малость, которой ему не хватало, — точные слова, звуковую волну, вызывающую сход лавины.

Сейчас он узнает.

Это потребует всего нескольких секунд.

Сердце колотилось.

Бьёрн Хольм кашлянул. Но ничего не сказал.

— Бьёрн, — сказал Харри, все еще с закрытыми глазами.

— Да, Харри.

— Это одна из тех искусственных пауз, которые, как ты считаешь, я должен ценить?

— Да.

— Она уже закончилась, старый хрен?

— Да. И у нас совпадение.

Харри открыл глаза. Солнечный свет. Он ворвался в комнату и заполнил ее всю, они могли купаться в нем. Радость, гребаная радость.

Все трое одновременно вскочили с места. Смотрели друг на друга, открыв рты, что означало немой вопль ликования. А потом стали неуклюже обниматься, все трое. Бьёрна оттерли куда-то в сторону, а маленькую Беату чуть не раздавили. Затем начались приглушенные и ритмичные выкрики, осторожные хлопки ладонью о ладонь, и в довершение Бьёрн Хольм выдал то, чего, по мнению Харри, трудно было ожидать от поклонника Хэнка Уильямса: безукоризненную лунную походку.

Глава 72
Хмурый

Двое мужчин стояли на газоне без травы между манглерудской церковью и шоссе.

— У нас это называлось замутить ханку или задуться, — сказал мужчина в кожаной куртке мотоциклиста и откинул с лица длинные жидкие пряди. — Летом мы лежали здесь и курили все, что удавалось достать. В пятидесяти метрах от Манглерудского полицейского участка. — Он криво улыбнулся. — Я, Улла, Те-Ве, его телка плюс еще некоторые. Вот времена были…

Взгляд у мужчины сделался мечтательным, а Рогер Йендем что-то черкнул у себя в блокноте.

Отыскать Юлле было нелегко, но в конце концов Рогеру удалось выйти на его след через байкерский клуб в Алнабру, где выяснилось, что теперь Юлле ест, спит и проводит время как свободный человек, то есть никуда не ходит дальше магазинчика «Прикс», где покупает жевательный табак и хлеб. Йендем встречался с этим и раньше, видел, насколько тюрьма делает людей зависимыми от привычного окружения, привычного

хода вещей, от всего того, что дает ощущение уверенности. Правда, немного странно было, что Юлле так быстро согласился поговорить о прошлом. Наверняка имя Бельмана сыграло решающую роль.

— Улла тогда гуляла со мной, и это было классно, потому что все в Манглеруде были тогда от Уллы без ума. — Юлле кивнул, словно бы соглашаясь сам с собой. — Но этот-то от нее просто голову потерял.

— Микаэль Бельман?

Юлле покачал головой:

— Да нет, другой. Его тень. Бивис.

— И что произошло?

Юлле всплеснул руками. Рогер обратил внимание на шрамы у него на ладонях. Тюремная перелетная пташка, то дурь на воле, то дурь в тюрьме.

— Микаэль Бельман стукнул, что мы тырим бензин, а у меня к тому времени уже был условный срок за дела с гашишем, ну и пришлось сесть. Мне уже передали, что Бельмана видели с Уллой. Но все равно, когда я вышел и собрался увести ее, этот Бивис меня уже поджидал. Почти до смерти отметелил. Сказал, дескать, Улла — его девушка. И Микаэля. Во всяком случае, не моя. И что если

я только покажусь поблизости… — Юлле провел пальцем по тощему горлу с седым щетинистым кадыком. — Просто больной на всю голову. Жуть! Пацаны мне даже не поверили, что этот долбаный Бивис чуть меня не пришил. Слюнявый идиот, который только и знал, что перед Бельманом шестерить.

— Но вы что-то говорили про партию героина, — сказал Рогер.

В разговоре с интервьюируемыми по поводу наркотиков он всегда старался называть вещи их точными именами, во избежание недоразумений: жаргонная терминология изменчива и в разных местах может значить разные вещи. Например, слово «смак» в Ховсетере означало кокаин, в Хеллеруде — героин, а в Абилдшё вообще все, что угодно, чем можно вставиться.

— Мы с Уллой и Те-Ве со своей телкой ездили на байках в Европу — в то лето, когда меня посадили. И в Копенгагене прихватили с собой полкило герыча. Таких байкеров, как мы с Те-Ве, шмонали на каждом контроле, но мы пустили вперед девчонок. Идут, блин, такие лапочки, в летних платьицах, взгляд такой невинный, а у каждой по четверти кило хмурого в манде. Мы его почти весь сразу толкнули одному сбытчику в Твейте.

— Вы искренни, — сказал Рогер, записывая, взял в скобки «манду», чтобы потом заменить на приличное слово, и добавил «хмурый» в длинный список синонимов, обозначавших героин.

— Дело прошлое, сейчас за это никого не прихватят. Да только того сбытчика из Твейты замели. Ну и предложили скостить срок, если он заложит подельников. Что он и сделал, крыса поганая.

— Откуда вы знаете?

— Ха! Да он мне сам про это и сказал через несколько лет, когда мы вместе сидели в Уллерсму. Что он на фиг выдал и имена, и адреса всех нас четверых, включая Уллу. Разве что личных номеров не назвал. И нам просто адски пофартило, что дело закрыли.

Рогер лихорадочно записывал.

— А теперь угадай с трех раз, кто этим занимался в полицейском участке Стовнера? Кто его допрашивал? Кто распорядился, чтобы дело замотали, забыли и закрыли? Кто под Уллу клинья подбивал?

— Мне хотелось бы, чтобы вы сами это сказали, Юлле.

— С огромным удовольствием. Это он самый и был, кто ее у меня увел, Микаэль Бельман.

— И последний вопрос, — сказал Рогер, зная, что подошел к самому важному: существуют ли доказательства? Можно ли проверить источник информации? — Вы помните имя этого сбытчика? В смысле, он ничем не рискует, его в любом случае упоминать не будут.

— Хочу ли я на него стукнуть, ты об этом, что ли? — Юлле громко рассмеялся. — А то нет!

Он произнес имя по буквам, а Рогер, перелистнув страницу, записал большими буквами, ощущая, как напрягаются скулы. От невольной улыбки. Он заставил себя стереть ее с лица. Но знал, что еще долго будет ощущать этот вкус: сладкий вкус наркотика.

— Ну, спасибо за помощь, — сказал Рогер.

— Да это я должен благодарить, — сказал Юлле. — Только ты уж постарайся сделать Бельмана, тогда мы в расчете.

— И последнее, чисто из любопытства. А почему тот сбытчик рассказал, что донес на вас, как вы думаете?

— Потому что он боялся.

— Боялся? Почему?

— Потому что слишком много знал. Он хотел, чтобы кто-то еще знал эту историю на тот случай, если эта поросячья морда придет и сделает то,

чем угрожала.

— Бельман *угрожал* сбытчику?

— Не Бельман. Его тень. Он сказал, что если парень еще хотя бы один-единственный раз просто назовет имя Уллы, то он пырнет его так, что тот заткнется. Насовсем.

Глава 73
Арест

Было пять минут шестого, когда «вольво-амазон» Бьёрна Хольма выехал из-за поворота напротив трамвайной остановки у Государственной больницы. Сигурд Алтман стоял и ждал, засунув руки в карманы дафлкота. Харри помахал ему с заднего сиденья, предлагая сесть вперед. Сигурд и Бьёрн поздоровались, и машина направилась вниз по кольцевой, а потом на восток по направлению к развязке Синсенкрюссет.

Харри наклонился к передним сиденьям:

— Это было как в школе на лабораторной по химии. У тебя на самом деле есть все компоненты, нужные для реакции, но не хватает катализатора, внешнего фактора, искры, чтобы все началось. Информацию я получил, мне нужен был только кто-то, кто помог бы правильно сложить все вместе. Моим катализатором стал больной человек, убийца по прозвищу Снеговик. И еще бутылка на полке в баре. Ничего, если я закурю?

Молчание.

— Понятно. Значит…

Они проезжали по туннелю под Брюном, потом вверх к Рюенкрюссету и Манглеруду.

Трульс Бернтсен стоял на пустыре и смотрел на склон, туда, где был дом Бельмана.

Странно, что он, так часто ужинавший, игравший и ночевавший в этом доме, где они выросли, ни разу не бывал там с тех пор, как дом отошел к Микаэлю и Улле.

Причина проста: его не приглашали.

Иногда вечерами он, как и сейчас, стоял в темноте и смотрел на дом, только чтобы увидеть ее. Недостижимую, которая никому не должна была достаться. Никому, кроме этого принца, Микаэля. Иногда Трульс задавался вопросом: знает ли Микаэль? Знает, и именно поэтому они не зовут его к себе? Или это знает только она? И дала понять Микаэлю, не говоря прямо, что тому больше ни к чему общаться с Бивисом, с которым он вместе вырос, во внеслужебное время? Во всяком случае, теперь, когда Микаэль наконец-то пошел в гору, важнее вращаться в правильных кругах, встречаться с правильными людьми, посылать правильные сигналы. Будет неразумно окружать себя призраками из прошлой жизни, кое о чем лучше бы забыть.

О, это он понимает! Он не понимает только,

почему она не может понять: он никогда не причинит ей вреда. Наоборот — разве не он защищал ее и Микаэля все эти годы? Приглядывал за ними, оказывался там, где надо, все разруливал. Заботился об их счастье. Вот такой была его любовь.

Там, в окнах наверху, этим вечером горит свет. У них гости? Они едят и смеются, пьют вина, которых никогда не было в манглерудском винном магазине, и разговаривают в этой новомодной манере? Она улыбается, и глаза ее вспыхивают, такие красивые, что становится больно, когда они на тебя смотрят. Интересно, а если бы он, Трульс, обзавелся деньгами, разбогател, стала бы она чаще на него поглядывать? Может ли такое быть? Неужели все так просто?

Он постоял еще немного внизу, на перепаханном взрывами пустыре. А потом пошел домой.

«Амазон» Бьёрна Хольма великолепно вписался в рюенскую круговую развязку.

Табличка указывала съезд на Манглеруд.

— А куда мы? — спросил Сигурд Алтман и прислонился к двери.

— Мы едем туда, куда сказал Снеговик, — откликнулся Харри. — Совершаем путешествие во времени.

Они миновали съезд.

— Сюда, — сказал Харри, и Бьёрн свернул.

— Е-шесть?

— Точно. На восток. В сторону озера Люсерен. Знаете те места, Сигурд?

— Это, конечно, здорово, но?..

— Именно там и начинается наша история, — сказал Харри. — Много лет тому назад перед танцклубом Тони Лейке, человек, фотографию пальца которого я вам сегодня показывал, стоит на лесной опушке и целует Мию, дочку ленсмана Ская. Уле, влюбленный в Мию, выходит искать ее и натыкается на них. Рассвирепевший, униженный Уле бросается на этого чужака, на этого красавчика Тони. И тут Тони неожиданно раскрывается с другой стороны. Куда подевался улыбчивый, очаровательный парень? Вместо него теперь хищный зверь. И как все звери, ощущая угрозу, он нападает первый — с яростью и жестокостью, которые парализуют и Уле, и Мию, и всех, кто постепенно подтягивается туда же. Его глаза застилает кровавый туман, он выхватывает нож и отрезает Уле половину языка, прежде чем его успевают оттащить. И хотя Уле абсолютно ни в чем не виноват, ему стыдно. Невероятно стыдно за свою безответную любовь, за это унижение в ритуальной борьбе за самку в деревенской

Норвегии, за то, что его невразумительная речь теперь всегда будет свидетельствовать о поражении. И он переезжает, бежит. Вы следите за ходом мысли?

Алтман кивнул.

— Проходит много лет. Уле устроился на новом месте, у него работа, где его любят и уважают, потому что он вообще-то очень толковый. У него есть друзья, немного, но больше и не надо, самое главное, что они ничего не знают про эту его историю. Единственное, чего ему недостает в жизни, — так это женщины. Он время от времени с кем-то встречается благодаря сайтам знакомств в Интернете или брачным объявлениям, иногда в кафе или ресторанах. Но все это ненадолго. И дело не в том, что ему не хватает кусочка языка, просто он всю жизнь тащит на себе это поражение, точно набитый дерьмом рюкзак. Его манера говорить свидетельствует о низкой самооценке, он заранее готов к тому, что его отвергнут, он испытывает подозрительность по отношению к женщинам, ведущим себя так, словно они и вправду *хотят* его. Известное дело. Смрад поражения, от которого бегут все. Но в один прекрасный день происходит нечто. Он встречает женщину, которая не бежит, с которой они

однажды зимней ночью уже были вместе. Она даже дает ему возможность воплотить в жизнь свои сексуальные фантазии, они занимаются сексом на заброшенной фабрике. Он приглашает ее покататься на лыжах в горах, в знак того, что он настроен серьезно. Ее зовут Аделе Ветлесен, она соглашается, хоть и без особого энтузиазма.

Бьёрн Хольм свернул к Грёнму, откуда в воздух поднимался дым от мусоросжигательного завода.

— Они в горах. Все здорово. Может быть. А может быть, Аделе уже скучно, потому что она такая неугомонная. Они останавливаются в Ховассхютте, в хижине, где уже собрались пятеро. Марит Ульсен, Элиас Скуг, Боргни Стем-Мюре, Шарлотта Лолле и заболевшая Иска Пеллер, которая лежит одна в соседней комнате, забывшись горячечным сном. После ужина зажигают огонь в камине, кто-то открывает бутылку красного вина, а кто-то идет спать. Например, Шарлотта Лолле. И Уле, который лежит в своем спальном мешке в спальне и ждет свою Аделе. Но Аделе еще не хочет спать. Возможно, она наконец-то начала чувствовать тот смрад. И тут что-то происходит. Совсем поздно вечером приходит последний гость. Слышимость прекрасная, и до Уле из гостиной доносится но-

вый мужской голос. И Уле цепенеет. Это голос из его самых ужасных кошмаров, из его самых восхитительных мстительных фантазий. Но это не может быть он, просто *не может*. Уле прислушивается. Голос разговаривает с Марит Ульсен. Какое-то время. Потом он разговаривает с Аделе. Слышно, как она смеется. Но постепенно голоса их становятся тише. Уле слышит, как в соседней комнате другие укладываются спать. Но не Аделе. И не этот мужчина со знакомым голосом. А потом он ничего не слышит. Пока его не настигают звуки с улицы. Уле подползает к окну, выглядывает, видит их, видит ее веселое лицо, узнает ее любовное воркование. И он знает, что вот-вот произойдет невозможное: история повторится. Потому что он узнает человека, который пристроился позади Аделе, готовясь овладеть ею. Это он. Это Тони Лейке.

Бьёрн Хольм включил обогреватель. Харри откинулся на сиденье:

— Когда другие встают на следующее утро, Тони Лейке уже ушел. Уле делает вид, что ничего не произошло. Потому что сейчас он сильнее, многие годы ненависти закалили его. Он знает, что другие видели Аделе и Тони, что они видели его унижение, точно как в тот раз. Но он споко-

ен. Он знает, что ему делать. Может быть, ему недоставало именно этого, последнего толчка для свободного падения. Через пару дней его план готов. Он возвращается в Ховассхютту, может быть, его подкидывают туда на снегоходе, и вырывает из гостевой книги страничку с именами. Потому что на этот раз не он, стыдясь, побежит от свидетелей, — это им придется страдать. И Аделе. Но больше всего страдать придется Тони. Ему придется нести весь тот позор, который нес Уле, его имя вываляют в грязи, его жизнь будет разрушена, его покарает тот же несправедливый Бог, который позволяет отрезать язык несчастному влюбленному.

Сигурд Алтман чуть приоткрыл окно, и мягкий свистящий звук наполнил автомобиль.

— Первое, что делает Уле, — это находит себе помещение, штаб-квартиру, где он может работать спокойно, не боясь быть разоблаченным. А что может быть естественнее, чем закрытая фабрика, где ему однажды ночью довелось испытать счастливейший момент в своей жизни? И он начинает поиск жертв и тщательное планирование. Сначала он, конечно же, должен убить Аделе Ветлесен, потому что она — единственная из всех бывших в ту ночь в Ховассхютте, кто его

знает. Может, они там все и называли себя друг другу, но такие знакомства быстро забываются, а страницы в гостевой книге больше нет. И никто ее не скопировал. Точно нельзя закурить, парни?

Ответа не последовало. Харри вздохнул.

— И он договаривается с Аделе о новой встрече. Забирает ее на машине, предварительно обтянув салон пластиковой пленкой. Они едут в место, где им никто не помешает, возможно на фабрику «Кадок». Там он достает большой нож с желтой рукояткой. Он заставляет ее написать открытку под его диктовку и адресовать ее тому, с кем она вместе снимает жилье в Драммене. А потом он ее убивает. Бьёрн?

Бьёрн кашлянул и сбавил скорость:

— Вскрытие показало, что он продырявил ей сонную артерию.

— Он выходит из машины. Фотографирует ее: она сидит на пассажирском сиденье с ножом в горле. Фотография. Подтверждение мести, триумфа. Это первая фотография, которая оказывается на стене его офиса на фабрике «Кадок».

Встречный автомобиль заметался по шоссе, но водитель сумел затормозить и загудел, когда они проезжали мимо.

— Может быть, убить ее было легко. Может

быть, нет. Но все равно он знает, что эта жертва — главная. Они успели встретиться не так много раз, но он не знает, много ли она успела нарассказать о нем своим друзьям. Он знает только, что если тело будет найдено, то отвергнутый любовник станет для полиции главным подозреваемым. *Если* она будет найдена. Но если она, напротив, исчезнет, испарится, например во время путешествия в Африку, то он в безопасности. И Уле топит тело в месте, которое хорошо знает, где, как ему известно, глубоко, да и люди держатся оттуда подальше. Где в окне маячит брошенная невеста. В озере Люсерен, возле веревочной мастерской. А сам едет в Лейпциг и платит проститутке Юлиане Верни за то, чтобы та взяла открытку, которую написала Аделе, с собой в Руанду, остановилась в гостинице под именем Аделе Ветлесен и отправила открытку оттуда. А еще она должна кое-что купить в Конго и привезти Уле. Орудие убийства. Леопольдово яблоко. Специфическое оружие, выбранное, конечно же, не случайно: оно укажет на Конго и навлечет подозрения полиции на часто ездящего в Конго Тони Лейке. Когда Юлиана возвращается в Лейпциг, Уле расплачивается с ней. И может быть, именно там, склонившись над дрожащей, заливающейся слезами Юлианой,

широко открывающей рот, чтобы принять в него пыточное яблоко, он впервые ощущает удовольствие, садистское упоение, утоление почти сексуального желания, которое он вынашивал в течение долгих лет и питал одинокими мечтами о мести. Потом он топит ее в реке, но труп всплывает, его находят.

Харри перевел дух. Дорога сузилась, появился лес, теперь он стоял по обе стороны дороги.

— В течение следующих недель он убивает Боргни Стем-Мюре и Шарлотту Лолле. В отличие от случая с Аделе он не пытается спрятать трупы, наоборот. Однако полиция не выходит на Тони Лейке, а ведь Уле рассчитывал именно на это. Поэтому он должен продолжать убивать, продолжать давать полицейским улики, давить на них. Он убивает Марит Ульсен, депутата стортинга, и выставляет ее на всеобщее обозрение над бассейном Фрогнербадет. Ну, теперь-то полиция должна увидеть связь между женщинами, найти мужчину с леопольдовым яблоком! Но этого не происходит. И он понимает, что пора вмешаться, помочь, дать шанс. Он следит за домом Тони Лейке на Хольменвейен, дожидается, когда тот выходит из дома. И влезает туда через подвал, заходит в гостиную и звонит следующей жертве,

Элиасу Скугу, с домашнего телефона Тони на письменном столе. На обратном пути он прихватывает с собой велосипед, чтобы все выглядело как обычное ограбление подвала. А потом едет в Ставангер. На этот момент садист в нем уже расцвел пышным цветом. Он убивает Элиаса, приклеив его к дну ванны и чуть-чуть открыв кран. Эй, вон бензоколонка! Никто перекусить не хочет?

Бьёрн Хольм даже не сбросил скорость.

— Ладно. И тут что-то происходит. Уле получает письмо. От шантажиста. Тот знает, что Уле убийца, и требует денег, а не то придет злой дядька полицейский. Первая мысль Уле: видимо, это один из тех, кто был в Ховассхютте, значит, один из двух оставшихся в живых. Иска Пеллер. Или Тони Лейке. Иску Пеллер он тут же вычеркивает. Она австралийка, уехала домой и, кроме того, вряд ли умеет писать по-норвежски. Тони Лейке, какая ирония судьбы! Они не виделись с ним в хижине, но Аделе могла, разумеется, упомянуть Уле, когда заигрывала с Тони. Или же Тони мог увидеть имя Уле в гостевой книге. В любом случае, читая в газетах про эти убийства, одно за другим, Тони должен был в конце концов уловить взаимосвязь. Кроме того, попытка шантажа пре-

красно дополняет общую картину: если верить финансовым изданиям, Тони отчаянно нужны деньги для его проекта в Конго. Уле принимает решение. Хотя больше всего ему хотелось бы, чтобы Тони продолжал жить опозоренный, придется прибегнуть к другой мере, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Тони должен умереть. Уле следит за ним. Следует за ним в поезде, идущем туда, куда Тони обычно ездит, — в Устаусет. Идет по следам его скутера, которые приводят его к заброшенной туристической хижине, стоящей среди пропастей и расщелин. И там Уле настигает его. И Тони узнает призрак, мальчишку с танцев, у которого он отрезал язык. И разумеется, знает, чего ему ожидать. И Уле мстит. Он пытает Тони. Возможно, чтобы заставить его выдать вероятных сообщников по шантажу. Возможно, просто для собственного удовольствия.

Алтман с силой поднял стекло.

— Холодно, — пояснил он.

— И тут поступает информация, что Иска Пеллер находится в Ховассхютте. Уле понимает, что близится развязка, но при этом чувствует: что-то не так, это ловушка. Он помнит большой снежный карниз, нависший над хижиной, — знающие люди говорили, что это опасно. И он принимает

решение. Возможно, он берет с собой Тони в качестве проводника, отправляется в Ховассхютту и взрывает сугроб динамитом. Потом едет на скутере обратно, бросает Тони — живого или мертвого — в пропасть, а следом и скутер. Если труп вдруг когда-нибудь найдут, все будет выглядеть как несчастный случай. Мало ли, человек получил ожоги, поехал за помощью и попал в пропасть.

Деревья по сторонам дороги расступились. Они ехали мимо озера, в воде отражалась луна.

— Уле торжествует, он победил. Он всех обманул, всех оставил с носом. И ему уже нравится сама игра, это чувство, что он режиссер, что все делается по его воле. И вот мастер, который связал восемь отдельных судеб в одну большую драму, решает послать нам прощальный привет. Вернее, мне.

Кучка домов, бензозаправка и торговый центр. Они свернули налево по круговой развязке.

— Уле отрезал у Тони средний палец на левой руке. И у него есть мобильный Лейке. Именно с него он и звонил мне из центра Устаусета. Мой номер нигде не значится, но Тони Лейке внес его в список контактов. Уле не оставил никакого сообщения, может, это была просто минутная причуда.

— Или он хотел сбить нас с толку, — сказал Бьёрн Хольм.

— Или продемонстрировать свое превосходство, — отозвался Харри. — Так же как когда он оставляет палец Тони Лейке у моей двери в Полицейском управлении, прямо у нас под носом, — в буквальном смысле показывая нам средний палец. Потому что он это может. Он Кавалер, он очистился от позора, дал сдачи, отомстил всем, кто презирал его или мог презирать. Свидетелям. Проститутке. И тому, кто увел у него девушку. И тут происходит нечто непредвиденное. Штаб-квартира на фабрике «Кадок» обнаружена. Конечно, полиция еще не вышла напрямую на Уле, но уже подбирается слишком близко, а это опасно. И Уле идет к своему шефу и говорит, что наконец-то берет и отпуск, и все накопившиеся отгулы. Что его не будет довольно долго. И самолет у него, кстати, послезавтра.

— В двадцать один пятнадцать, в Бангкок, через Стокгольм, — уточнил Бьёрн Хольм.

— Многие детали в этой истории — предположения, кроме одной. Что мы приехали. Сюда.

Бьёрн свернул с шоссе и поехал по гравиевой дорожке к большому деревянному, крашенному охрой зданию. Остановился и выключил зажи-

гание.

Ни в одном из окон света не было, но вывески на стенах первого этажа свидетельствовали, что в одном конце здания когда-то размещался продовольственный магазинчик. У другого, в пятидесяти метрах от них, под уличным фонарем стоял зеленый джип «чероки».

Было тихо. Ни звука, ни времени, ни ветра. Из водительского окна джипа в небо поднимался сигаретный дымок.

— Место, где все началось, — сказал Харри. — Танцклуб.

— Кто это? — спросил Алтман и кивнул в сторону «чероки».

— Не узнаете? — Харри вынул сигаретную пачку, сунул незажженную сигарету в зубы и голодным взглядом посмотрел на табачный дым. — Конечно, уличное освещение обманчиво. У старых фонарей свет желтый, в нем синяя машина кажется зеленой.

— Я видел этот фильм, — сказал Алтман. — «In The Valley of Elah»[132].

— Ммм… Хороший фильм. Почти уровня Олтмана.

---

[132] Примечания: 132

«В долине Эла» *(англ.)* — фильм американского режиссера Пола Хаггиса (2007).

— Почти.

— Уровня Сигурда… Олтмана.

Сигурд не ответил.

— Ну, — сказал Харри, — вы довольны? Вы так себе представляли свой шедевр, Сигурд? Или я могу называть вас Уле Сигурд?

Глава 74
«Bristol Cream»

— Я предпочитаю просто Сигурд.

— Жаль, что имя поменять не так просто, как фамилию, — сказал Харри и снова наклонился в просвет между двумя передними сиденьями. — Когда вы рассказывали, что взяли новую фамилию вместо слишком обычной, на «сен», мне и в голову не пришло, что «С.» в «Уле С. Хансен» может означать Сигурд. Но что толку, Сигурд? Неужели новая фамилия сделала вас иным, не тем, кто потерял все вот здесь, на этом гравии?

Сигурд пожал плечами:

— Мы все стремимся убежать подальше. В этом смысле новая фамилия мне несколько помогла.

— Ммм… Я кое-что проверил сегодня. Когда вы переехали в Осло, то пошли учиться на медбрата. А почему не стали изучать медицину в университете, ведь у вас в старших классах были только отличные оценки?

— Единственное, что меня волновало, — это чтобы мне не пришлось говорить перед публикой, — сказал Сигурд и криво улыбнулся. — Я

предполагал, что в качестве медбрата буду от этого избавлен.

— Я звонил сегодня логопеду и говорил с ним, он сказал мне, что все зависит от того, какие мышцы пострадали, что теоретически даже человек, у которого нет половины языка, может натренироваться и снова говорить почти нормально.

— Без кончика языка трудно произносить «с». Меня именно это разоблачило?

Харри опустил боковое окно и закурил. И затянулся так сильно, что сигаретная бумага зашуршала и зашелестела.

— Не только. Но какое-то время мы шли не в том направлении. Логопед рассказал мне, что люди связывают шепелявость с тенденцией к мужской гомосексуальности. По-английски это называется «gay lisp» и не является шепелявостью в логопедическом смысле, лишь иным способом произносить звук «с». Гомики могут то включать «gay lisp», то нет, для них это своего рода код. И код работает. Логопед рассказал, что в одном американском университете было проведено лингвистическое исследование: можно ли догадаться о сексуальных пристрастиях человека, всего лишь слушая запись его голоса? В основном слушатели не ошибались. Но сбивались, когда

слышали то, что воспринимали как «gay lisp». Этот сигнал такой мощный, что они не могли расслышать других языковых сигналов, присущих как раз гетеросексуалам. Когда администратор гостиницы «Бристоль» сказал мне, что им звонил мужчина и спрашивал Иску Пеллер и что говорил он по-женски, мой собеседник явно стал жертвой того же стереотипа. И только когда он изобразил мне, как говорил звонивший, я понял, что он имел в виду именно пришепетывание.

— Наверняка было что-то еще.

— Да, конечно. Бристоль. Это район в Сиднее, в Австралии. Я вижу, вы поняли связь.

— Погоди, — сказал Бьёрн. — Я-то не понял.

Харри выпустил дым в окно.

— Снеговик мне кое-что сказал. Что убийца где-то рядом и время от времени попадался мне на глаза. И прикасался ко мне. Так что, когда мне на глаза попалась бутылка «Бристоль Крим», одно наконец связалось с другим. Что это название я уже где-то видел. И что-то рассказал одному человеку. Человеку, который был рядом. И внезапно я сообразил, что сказанное мной было понято неправильно. Я сказал, что Иска Пеллер в Бристоле. А собеседник понял, что речь идет о гостинице «Бристоль» в Осло. А говорил я это

вам, Сигурд. В больнице, сразу после того, как побывал в лавине.

— У вас хорошая память.

— На отдельные вещи. И когда я заподозрил вас, то отдельные вещи тут же встали на места. Например, вы же сами сказали — чтобы раздобыть кетаномин в Норвегии, нужно работать в области анестезиологии. Потом вспомнились слова одного из моих друзей, что хочется того, что видишь каждый день, то есть тот, кто в своих сексуальных фантазиях видит женщину в обычной больничной форме, возможно, работает в больнице. А логин пользователя компьютера на фабрике «Кадок» был «Нэшвилл». По названию фильма. Режиссером которого был…

— Роберт Олтман, в семьдесят пятом году, — сказал Сигурд. — Этот шедевр недооценили.

— А складной стул в штаб-квартире, конечно же, был режиссерским стулом. Мастера, Сигурда Алтмана.

Сигурд не ответил.

— Но я еще не знал, в чем заключался ваш мотив, — продолжал Харри. — Снеговик рассказал мне, что убийцей движет ненависть. И что подобная ненависть зачастую объясняется единственным и очень давним событием. Пожалуй,

было у меня какое-то предчувствие. Язык. Пришепетывание. И я попросил одну душевнобольную даму в Бергене немного покопаться в прошлом Сигурда Алтмана. Ей хватило примерно тридцати секунд, чтобы выяснить в базе Управления регистрации населения, что вы меняли фамилию, и связать прежнюю с приговором за насильственные действия, вынесенным Тони Лейке.

Из окна «чероки» вылетела сигарета, рассыпавшись снопом искр.

— Так что оставалось только все выстроить по времени, — сказал Харри. — Мы проверили график дежурств в Государственной больнице. На два убийства у вас на первый взгляд есть алиби. Вы находились на дежурстве, когда были убиты Марит Ульсен и Боргни Стем-Мюре. Но оба убийства произошли в Осло, и никто в Государственной больнице не смог припомнить, что видел вас в интересующее нас время. А поскольку вы работаете в нескольких отделениях, вас никто и не хватится, если вы на несколько часов отлучитесь. Ну а свободное время, полагаю, вы в основном проводите в одиночестве, не так ли? И дома.

Сигурд Алтман пожал плечами:

— Разумеется.

— Что и требовалось доказать. — Харри хлопнул в ладоши.

— Погодите, — возразил Алтман. — То, что вы рассказали, — просто история. Тут нет ни единого конкретного доказательства.

— Ах да, совсем забыл, — сказал Харри. — Вы помните фотографии, которые я вам сегодня показывал? Я попросил вас их посмотреть, а вы заметили, что они липкие?

— И что?

— Когда трогаешь такие фотографии, пальцы отпечатываются просто изумительно. И ваши отпечатки полностью идентичны тем, которые мы нашли на письменном столе дома у Тони Лейке.

Выражение лица Сигурда Алтмана медленно менялось по мере того, как до него доходил смысл сказанного.

— То есть вы показали их только… только для того, чтобы я взял их в руки? — Алтман, окаменев, смотрел на Харри несколько секунд. Потом спрятал лицо в ладони. И все услышали лишь один звук. Смех.

— Вы продумали почти все, — сказал Харри. — Но почему не озаботились тем, чтобы раздобыть себе какое-никакое алиби?

— Мне не приходило в голову, что оно мне

нужно, — ржал Алтман. — И вы все равно бы раскусили обман, правда, Харри?

Глаза за стеклами очков стали влажными, но это было не отчаяние. А смирение. Харри видел это и раньше. Облегчение оттого, что тебя разоблачили. И наконец-то появившаяся возможность рассказать все как есть.

— Вероятно, — сказал Харри. — Хотя официально все это раскусил не я. А человек, который сидит вон в той машине. Потому что это он будет вас арестовывать.

Сигурд снял очки и вытер выступившие от смеха слезы.

— То есть вы лгали, когда сказали, что я вам нужен, чтобы проконсультироваться насчет кетаномина?

— Да, но я не лгал, когда говорил, что вы войдете в криминальную историю Норвегии.

Харри кивнул Бьёрну, тот мигнул фарами.

Из «чероки» вышел мужчина.

— Ваш старый знакомый, — сказал Харри. — Во всяком случае, вы знали его дочь.

Мужчина приближался к ним, он был немного кривоног и машинально поддергивал брюки. Как свойственно старым полицейским.

— Напоследок только один вопрос, — сказал

Харри. — Снеговик сказал мне, что убийца прокрался в мою жизнь незаметно, возможно, когда я был слаб или болен. Как вы это сделали?

Сигурд надел очки:

— Все пациенты, которые к нам поступают, должны указать кого-то из своих ближайших родственников. Видимо, ваш отец назвал вас, потому что в столовой одна медсестра сказала, что в ее отделении лежит отец того, кто арестовал Снеговика, — самого Харри Холе. Я счел, что человек с вашей репутацией, конечно, будет подключен к расследованию этого дела. Правда, сам я в это время работал в других отделениях, но я попросил у заведующего отделением разрешения использовать вашего отца в проекте по анестезиологии, потому что он по всем параметрам подходит к целевой группе клинических испытаний. Я рассчитывал через него познакомиться с вами и таким образом быть в курсе дела.

— То есть подобраться поближе. Держать руку на пульсе и вновь утверждаться в своем превосходстве.

— Когда вы наконец появились, я с трудом удержался, чтобы прямо не спросить, как идет расследование. — Сигурд Алтман глубоко вздохнул. — Но мне нельзя было возбуждать подозре-

ние. Надо было терпеть, выжидать, когда мне наконец удастся войти к вам в доверие.

— И вам это удалось.

Сигурд Алтман медленно кивнул:

— Спасибо, мне нравится думать, что я вызываю доверие. Кстати, я называл мою комнату на фабрике «монтажной». И когда вы туда вломились, пришел в бешенство. Это же мой дом! Я был в такой ярости, что чуть не отключил вашего отца от аппарата искусственного дыхания, Харри. Но не отключил. Я просто хочу, чтобы вы об этом знали.

Харри не ответил.

— У меня только один вопрос, — сказал Сигурд. — Откуда вы узнали про ту заброшенную хижину?

Харри пожал плечами:

— Совершенно случайно. Нам с коллегой пришлось туда войти. Было ощущение, что там только что были люди. И еще к печке прилипли, как мне показалось, кусочки мяса. Я не сразу связал это с рукой, которая торчала из-под снегохода. Она выглядела как сгоревшая на гриле сосиска. Один из подчиненных тамошнего ленсмана съездил в хижину, отскреб все кусочки и отправил их на анализ ДНК. Мы получим ответ

через несколько дней. Тони хранил там личные вещи. Например, я нашел в ящике семейную фотографию. Тони на ней еще мальчишка. Вы недостаточно хорошо уничтожили следы, Сигурд.

Полицейский остановился у опущенного Бьёрном окна, наклонился, но смотрел не на Бьёрна, а на Сигурда Алтмана.

— Привет, Уле, — сказал ленсман Скай. — Я арестую тебя по обвинению в убийстве целой кучи людей, мне сейчас следовало бы зачитать их имена, но мы сделаем это потом. Прежде чем я обойду машину и открою дверь, положи обе руки повыше на приборную доску, чтобы я их видел. Я надену на тебя наручники, и ты отправишься со мной в прекрасную, только что убранную камеру. Моя жена приготовила котлеты с тушеной капустой, говорит, ты их раньше любил. Ясно, Уле?

Часть седьмая

Глава 75
Распад

— Какого черта, что это значит?

Было семь часов, здание Крипоса постепенно просыпалось, а на пороге кабинета Харри стоял разъяренный Микаэль Бельман с кейсом в одной руке и «Афтенпостен» в другой.

— Если ты имеешь в виду «Афтенпостен»…

— Да, я имею в виду вот это! — И Бельман шмякнул «Афтенпостен» прямо на стол перед его носом.

Заголовок занимал полстраницы. «КАВАЛЕР АРЕСТОВАН СЕГОДНЯ НОЧЬЮ». Пресса разнюхала про это прозвище — Кавалер — в тот же день, когда они окрестили его так в зале заседаний «Один». «АРЕСТОВАН СЕГОДНЯ НОЧЬЮ», конечно, не совсем точно сказано, это произошло накануне вечером, но у ленсмана Ская нашлось время направить сообщение для прессы лишь после полуночи и последних выпусков новостей по телевизору, перед самым подписанием в печать утренних газет. Сообщение было кратким, в нем не указывалось ни точное время, ни особые

обстоятельства — только то, что в результате активных следственных действий местного отделения полиции Кавалер задержан перед старым зданием клуба в Утре-Энебакке.

— Что это значит? — переспросил Бельман.

— Это значит, что полиция наконец-то упрятала за решетку самого ужасного убийцу в истории Норвегии, — сказал Харри и попытался опустить спинку конторского кресла.

— Полиция? — прохрипел Бельман. — Участок ленсмана в… — ему пришлось свериться с «Афтенпостен», — в Утре-Энебакке?

— Ну, не так уж важно, кто раскроет дело, лишь бы оно было раскрыто, — сказал Харри и поискал ручку под сиденьем. — Как же эта штука работает?

Бельман отступил на несколько шагов и прикрыл дверь.

— Слушай, Холе.

— Ты больше не называешь меня Харри?

— Заткнись и слушай меня хорошенько. Я знаю, что здесь произошло. Ты переговорил с Хагеном и понял, что не сможешь отдать арест на откуп ему и убойному отделу, потому что риск для него слишком велик. И, не сумев победить на своем поле, ты предпочел ничью. Ты отдал все лавры

этому деревенщине-ленсману, который ни хрена не смыслит в расследовании убийств.

— Я, шеф? — переспросил Харри и взглянул на Бельмана чистым наивным взглядом. — Один из трупов обнаружен в его районе, так что он, совершенно естественно, следил за ходом расследования на своем, местном уровне. Ну и наверняка разнюхал ту старую историю с Тони Лейке. Если хочешь знать мое мнение, то это хорошая полицейская работа.

Казалось, пятна на лбу Бельмана заиграли всеми цветами радуги.

— А ты знаешь, как это выглядит с точки зрения Минюста? Они предоставили мне право вести расследование, я работаю неделю за неделей, результатов — ноль. А тут появляется эта деревенщина и обставляет нас всего за несколько дней.

— Ммм… — Харри потянул ручку на себя, и спинка резко откинулась назад. — Ну раз вы так говорите, шеф, тут и правда хорошего мало.

Бельман оперся руками на стол, наклонился вперед, и в лицо Харри полетели брызги слюны.

— И для тебя тоже хорошего мало, Холе. После обеда я отдам этот комок, найденный у тебя дома, в лабораторию, и там констатируют, что это опиум. С тобой все кончено, Холе.

— А дальше, шеф? — Харри качался на кресле, дергая и крутя рукоятку.

Бельман наморщил лоб:

— Ты это о чем?

— А что ты ответишь прессе и Минюсту? Когда они посмотрят на дату ордера на обыск, выписанного, кстати, по твоему запросу? И спросят, как получилось, что через день после того, как у полицейского был найден опиум, ты ставишь этого самого полицейского на важнейший участок в твоей же следственной группе? Кто-нибудь обязательно скажет, что при таком руководстве Крипосом не приходится удивляться, если местное отделение полиции с единственной камерой в обезьяннике и женой ленсмана в качестве повара находит убийц куда как оперативнее.

Бельман только моргал, открыв рот.

— Наконец-то! — Харри с довольной улыбкой откинулся на правильно закрепленную спинку кресла. И зажмурил глаза, когда дверь с силой захлопнулась.

Солнце уже перевалило за гору, когда Кронгли остановил снегоход и подошел к Рою Стилле, стоявшему возле торчащей из снега лыжной палки.

— Ну?

— Думаю, нашли, — сказал Стилле. — Наверня-

ка та самая палка, которой Холе отметил место, где упал снегоход.

Стилле доработал почти до пенсии, вполне довольствуясь своей скромной должностью простого полицейского. У него были густые седые волосы, твердый взгляд и спокойный голос, и, разговаривая с ним, люди иногда думали, что из них двоих ленсман именно он, а не Кронгли.

— Да? — удивился Кронгли.

Вместе со Стилле он подошел к краю пропасти. Стилле указал рукой вниз. И там, на осыпи, Кронгли увидел снегоход. Он поднес бинокль к глазам. Заметил голую, сожженную руку, торчащую из-под снегохода. Вполголоса пробормотал:

— Черт. Ну слава богу!

Утренние посетители в «Стопп Прессен!» уже расходились, когда Бент Нурдбё услышал покашливание, оторвался от «Нью-Йорк таймс», снял очки, сощурился и изобразил подобие улыбки.

— Гуннар.

— Бент.

Манера здороваться, называя имя друг друга, происходила из их ложи и всякий раз напоминала Гуннару Хагену, как муравьи чуть задевают друг друга при встрече, обмениваясь запахами. Начальник отдела сел, не снимая пальто.

— Ты сказал по телефону, что что-то нашел.

— Это раскопал один из моих журналистов. — Нурдбё подтолкнул коричневый конверт через стол. — Похоже, Микаэль Бельман отмазал свою жену в одном деле, связанном с наркотиками. Дело старое, юридически их привлечь нельзя, но для прессы…

— …это всегда актуально, — закончил за него Хаген и взял конверт.

— Думаю, Микаэль Бельман считай что обезврежен.

— Во всяком случае, может быть достигнут баланс взаимного устрашения. У него тоже на меня кое-что есть. Кроме того, я не уверен, что мне это когда-нибудь пригодится, его только что публично унизил ленсман из Утре-Энебакка.

— Читал. И в Минюсте тоже прочитали, не так ли?

— Там наверху они только и делают, что читают газеты и держат нос по ветру. Но все равно спасибо тебе.

— Да ради бога, мы же помогаем друг другу.

— Кто знает, может, когда-нибудь еще пригодится. — Гуннар Хаген взял конверт и засунул его в карман пальто.

Ответа он не получил, поскольку Бент Нурдбё

возобновил чтение статьи о молодом чернокожем американском сенаторе по имени Барак Обама. Автор на полном серьезе утверждал, что тот когда-нибудь может стать президентом Соединенных Штатов.

Кронгли наконец спустился со склона, крикнул, что все в порядке, и отпустил веревку.

Снегоход марки «Arctic Car» лежал кверху гусеницей на каменной осыпи, всего в трех метрах от перпендикуляра. Кронгли подобрался к нему поближе, машинально следя за тем, куда ставит руки и ноги. Словно обследовал место преступления. Сел на корточки. Из-под снегохода торчала рука. Ленсман потрогал снегоход. Тот качнулся на двух камнях. Потом ленсман вздохнул. И перевернул снегоход набок.

Мужчина лежал на спине. Первой мыслью Кронгли было «*предположительно* мужчина». Потому что голова и лицо мертвеца, зажатые между снегоходом и камнями, выглядели как обглоданные крабами. И не прикасаясь к раздавленному телу, несложно было понять, что оно превратилось в студень, в фарш без костей: туловище раскатано в лепешку, ноги от бедра до колена расплющены. Кронгли никогда бы и не опознал труп, если бы не красная фланелевая

рубашка. И один-единственный коричневый гнилой зуб, торчащий из нижней челюсти.

Глава 76
Повторное опознание

— Что ты сказал? — спросил Харри и плотнее прижал трубку к уху, словно все дело было в слышимости.

— Я говорю, что труп под снегоходом не Тони Лейке, — сказал Кронгли.

— А чей?

— Одда Утму. Это местный одинокий волк, проводник. Всегда ходит в одной и той же красной фланелевой рубашке. Снегоход этот — его. И еще я так уверен, потому что видел его зубы. Точнее, один-единственный гнилой пенек. Один бог знает, где остальные зубы и брекеты.

Утму. Брекеты. Харри вспомнил, что Кайя рассказывала ему про проводника, который отвозил ее на снегоходе в Ховассхютту.

— А пальцы? — спросил Харри. — Разве они не скрючены?

— Конечно. Утму, бедняга, очень страдал от артрита. Бельман сам попросил меня позвонить тебе и проинформировать напрямую. Это ведь совсем не то, на что ты надеялся, Холе?

Харри отъехал на кресле от стола.

— Во всяком случае, не совсем то. А это не мог быть несчастный случай, Кронгли?

И догадался об ответе еще до того, как его услышал. Весь тот вечер и всю ночь светила луна, даже без зажженных фар не заметить эту расщелину было просто невозможно. Особенно человеку, который прекрасно знает эти места. И едет так медленно, что снегоход отлетел всего на три метра от перпендикуляра при падении с более чем семидесятиметровой высоты.

— Забудь, Кронгли. Расскажи мне лучше про ожоги.

Тот помедлил с ответом.

— Руки и спина. Кожа на руках лопнула, видно красное мясо. Спина частично вообще обуглилась. И между лопатками в кожу впечатался узор…

Харри закрыл глаза. Подумал об узоре на печке в хижине. Сгоревшие кусочки мяса.

— …похожий на силуэт оленя. Что-нибудь еще, Холе? Нам пора его уже наверх поднимать…

— Все, спасибо, Кронгли.

Он положил трубку. И задумался. Значит, не Тони Лейке. Это, конечно, меняет детали, но не общую картину. Утму стал очередной жертвой

крестового похода Алтмана, которому, вероятно, чем-то помешал. У них есть палец Тони Лейке, но где его труп? И тут Харри пронзила мысль. Почему обязательно труп? Теоретически Тони Лейке может быть жив и сидеть где-то взаперти. В месте, известном только Сигурду Алтману.

Харри набрал номер ленсмана Ская.

— Он вообще отказывается разговаривать, — сказал Скай, что-то жуя. — Со всеми, кроме своего адвоката.

— А адвокат?

— Юхан Крон. Знаешь его? Выглядит как мальчишка, и…

— Да прекрасно знаю.

Харри позвонил в офис Крона, его соединили, голос Крона звучал наполовину любезно, наполовину нет, как и должен звучать голос профессионального адвоката, когда звонит сторона обвинения. Он выслушал Харри. Потом ответил:

— Сожалею. Даже если у вас есть конкретные факты, указывающие, что мой клиент, возможно, держит взаперти человека или иным образом подвергает чью-то жизнь опасности, я не могу позволить вам сейчас переговорить с Сигурдом Алтманом, Холе. Вы выдвигаете против него серьезные обвинения, и мне нет нужды расска-

зывать вам, что моя работа состоит именно в том, чтобы наилучшим образом защищать его интересы.

— Согласен, — сказал Харри. — Не беспокойтесь.

Положив трубку, Харри выглянул из окна кабинета. Взглядом он искал известное стеклянное здание в Грёнланне. А кресло и в самом деле удобное, никаких сомнений.

Потом он набрал еще один номер.

Катрина Братт щебетала бодро, как жаворонок.

— Меня через пару дней выпишут, — сообщила она.

— Я-то думал, ты там по доброй воле.

— Да, но формально меня должны выписать. Я даже жду этого. Кроме того, мне предложили кое-какую бумажную работу в управлении, когда закончится бюллетень.

— Отлично.

— Ты что-то хотел?

Харри объяснил.

— То есть ты хочешь найти Тони Лейке без помощи Алтмана? — уточнила Катрина.

— Точно.

— Как по-твоему, с чего мне лучше начать?

— У меня только одна идея. Сразу после того, как Тони исчез, мы выяснили, что он не останавливался на ночлег ни в Устаусете, ни где-то поблизости. Я проверил сведения за последние годы, и получается, он практически никогда не останавливался на ночлег в районе Устаусета, не считая пары туристических хижин. И это немного странно, потому что в горах он бывал очень часто.

— Может, это было небольшое мошенничество с его стороны — просто не записывался в журнал, чтобы не платить.

— Он не из таких, — сказал Харри. — Мне интересно, нет ли там у Тони своей собственной хижины или чего-то в этом роде.

— О'кей. Это все?

— Да. Хотя нет. Выясни заодно, чем в последние дни занимался Одд Утму.

— Ты все еще один, Харри?

— А почему это тебя интересует?

— По голосу похоже, что ты уже не так одинок.

— Правда?

— Ага. Но тебе идет.

— Правда?

— Ну, если ты спрашиваешь, значит, не идет.

Аслак Кронгли расправил затекшую спину и

взглянул вверх.

Кто-то из группы в очередной раз возбужденно выкрикнул там, наверху:

— Сюда!

Аслак тихо выругался. Оперативная группа уже закончила работу на месте преступления, они вытащили из расщелины и снегоход, и Одда Утму. На это ушло много сил и времени, потому что спускаться всякий раз приходилось по веревке.

В обеденный перерыв один из парней рассказал ему о том, что нашептала ему на ушко горничная в гостинице: простыни в номере Расмуса Ульсена, мужа убитой депутатши, были красными от крови. Сначала горничная решила, что это менструальная кровь, но потом узнала, что Расмус Ульсен жил там один, а жена его была в Ховассхютте.

Кронгли в ответ предположил, что у него в номере побывала какая-то местная дама или он встретился с женой утром, когда она вернулась в Устаусет, и в знак примирения они занимались сексом. Парень пробормотал, что кровь вовсе не обязательно менструальная.

— Сюда!

Черт бы их всех побрал! Аслаку Кронгли хотелось домой. Ужин, кофе и спать. И забыть всю эту

дерьмовую историю. Деньги, которые он задолжал в Осло, уже заплачены, больше он никогда туда не поедет. Никогда больше не сунется в это болото! И на этот раз сдержит слово.

Опергруппа использовала собаку, чтобы убедиться, что они собрали все, что осталось от Одда Утму, и теперь эта собака вдруг рванулась наверх по осыпи, а потом остановилась и принялась лаять метрах в пятидесяти выше места, где лежал снегоход. Полсотни метров отвесного склона. Аслак догадывался, что это может значить.

— Что-то важное? — крикнул он, и эхо разразилось целой симфонией.

Потом ему ответили, и уже десять минут спустя он стоял и смотрел на то, что собака отрыла из-под снега. Находка лежала между двумя камнями, и сверху, стоя на краю пропасти, разглядеть ее было невозможно.

— Черт, — сказал Аслак. — Кто бы это мог быть?

— Ну, во всяком случае, не Тони Лейке, — сказал кинолог. — Для того чтобы пролежать между ледяных камней и превратиться в скелет, нужно немало времени. Много лет.

— Восемнадцать лет.

Это произнес Рой Стилле. Помощник ленсмана

подошел к ним, тяжело дыша.

— Она пролежала здесь восемнадцать лет, — повторил Рой Стилле, сел на корточки и наклонил голову.

— Она? — переспросил Аслак.

Его помощник показал на нижнюю часть скелета.

— У женщин таз шире. Мы так и не смогли ее найти, когда она пропала. Это Карен Утму.

Кронгли услышал в голосе Роя Стилле то, чего никогда не слышал раньше. Дрожь. Выдававшую его волнение. Его горе. Но лицо полицейского оставалось, как всегда, спокойным и замкнутым, словно высеченное из гранита.

— Твою мать, и правда, — сказал кинолог. — Она же сиганула в пропасть, так убивалась по сыну.

— Ну, это вряд ли, — сказал Кронгли.

Двое других посмотрели на него. Он засунул мизинец в аккуратную круглую дырочку на лбу женщины.

— Неужели это… дырка от пули? — спросил кинолог.

— Точно, — сказал Стилле и потрогал череп сзади. — И тут нет выходного отверстия, так что готов биться об заклад, что мы найдем пулю

внутри.

— А я готов поклясться, что пуля подойдет к винтовке Утму, — сказал Кронгли.

— Твою мать, — повторил кинолог. — Ты хочешь сказать, что он убил свою жену? Как такое возможно? Убить человека, которого ты любил? Только потому, что ты думаешь, будто она и их мальчишка… черт…

— Восемнадцать лет, — сказал помощник ленсмана Стилле и, кряхтя, встал. — Еще семь лет, и за это убийство его бы не смогли привлечь, истечет срок давности. Наверное, именно это и есть ирония судьбы. Ты ждешь и ждешь и все время боишься, что за тобой придут. Но годы идут. И вот когда ты все ближе и ближе к этой свободе — бац! — тебя самого убивают и сбрасывают на ту же самую каменную осыпь.

Кронгли закрыл глаза и подумал: да, можно убить человека, которого ты любил. Очень даже можно. Но освободиться от этой любви ты не сможешь никогда. Никогда. Он больше никогда туда не поедет.

Юхан Крон любил огни рампы. Да он и не стал бы самым востребованным адвокатом в стране, если бы не любил их. И когда он, ни секунды не раздумывая, согласился защищать Сигурда

Алтмана, Кавалера, он знал, что на этот раз огней будет больше, чем когда-либо за всю его уже и так достаточно яркую карьеру. Юхан успел переплюнуть даже собственного отца, став самым молодым адвокатом, который имеет право вести дела в Верховном суде. В свои двадцать с небольшим он уже прослыл новой звездой. Возможно, именно тогда слава ударила ему в голову, потому что прежде он никогда не пользовался особой популярностью. В школе он был выскочкой, который всем действовал на нервы и вечно первым тянул руку выше всех в классе, однако последним узнавал, у кого в субботу будет вечеринка, если узнавал вообще. Но сейчас молодые ассистентки и секретарши адвокатов краснели и хихикали, когда он отпускал им комплименты или предлагал поужинать сверхурочно. И приглашения Юхану сыпались теперь градом: то с докладом выступить, то поучаствовать в дебатах на радио и телевидении, то на какую-нибудь премьеру, что, кстати, страшно нравилось его жене. Пожалуй, последние несколько лет вся эта суета стала отнимать слишком много сил и времени. Во всяком случае, он замечал, что количество выигранных дел, крупных дел, к которым было приковано внимание СМИ, как и количество но-

вых клиентов, уменьшается. Не до такой степени, чтобы сказаться на его репутации, но достаточно, чтобы понять: ему нужно дело Сигурда Алтмана. Нужно что-то невероятно громкое для того, чтобы вернуться туда, где его место: на вершину.

И поэтому Юхан Крон сидел и молча слушал тощего мужчину в круглых очочках. Слушал, как Сигурд Алтман рассказывает историю, не только самую невероятную из всех тех, которые Крону когда-либо доводилось слышать, но вдобавок историю, в которую *верит*. Юхан Крон уже видел себя в зале суда: блестящий оратор, агитатор, манипулятор, который тем не менее никогда не выпускает из виду закон, — одним словом, сплошная радость и для зрителя, и для судьи. Поэтому, узнав, какие планы вынашивал Сигурд Алтман, Крон поначалу ощутил разочарование. Но напомнил себе то, что неоднократно внушал ему отец, — адвокат для клиента, а не наоборот, — и согласился вести защиту. Потому что на самом деле Юхан Крон вовсе не был плохим человеком.

И, покидая окружную тюрьму Осло, куда днем раньше перевели Сигурда Алтмана, Крон даже обнаружил в деле, которое и само по себе было исключительным, некие новые горизонты. Войдя в офис, он первым делом позвонил Микаэлю

Бельману. До этого они встречались лишь однажды, и речь шла, разумеется, об убийстве, но Юхан Крон уже тогда раскусил этого Бельмана. Рыбак рыбака видит издалека. И поэтому Крон примерно представлял себе, что ощущает Бельман после сегодняшних газетных заголовков об аресте, произведенном ленсманом.

— Бельман слушает.

— Это Юхан Крон. Мы с вами однажды уже встречались.

— День добрый, Крон. — Голос был официальным, но нельзя сказать, чтобы неприветливым.

— Правда добрый? И каково это — чувствовать, что тебя обошли прямо на финишной прямой?

Короткая пауза.

— Что вам нужно, Крон?

Собранность. Бешенство.

И Юхан Крон понял, что все получится.

Харри и Сестрёныш молча сидели у постели отца в Государственной больнице. На тумбочке и на двух столиках в палате стояли вазы с цветами, которые вдруг стали появляться в последние дни. Харри подошел поближе и посмотрел на карточки. На одной из них было написано: «Мой дорогой, дорогой Улав», а подпись была: «Твоя Лиса». Харри никогда не слышал ни о какой Лисе, он

и не думал, что в жизни отца могли быть какие-то другие женщины, кроме матери. Другие карточки были от коллег и соседей. Наверное, проведали, что дело идет к концу. И ведь знают, что уже не увидятся, а все равно шлют эти приторно пахнущие цветы, словно заглаживают вину, что так и не нашли времени его навестить. Харри смотрел на цветы, которые окружили кровать, как грифы умирающего. Тяжело опущенные головы на тонких шеях стеблей. Красные и желтые клювы.

— Харри, здесь нельзя пользоваться мобильными телефонами! — строго прошептала Сестрёныш.

Харри выудил телефон и взглянул на дисплей.

— Прости, Сестрёныш. Но это важно.

Катрина Братт сразу же перешла к делу:

— Лейке, вне всякого сомнения, бывал в Устаусете и окрестностях, — сказала она. — В последние годы он несколько раз покупал билеты на поезд по Интернету, оплачивал бензин кредитной карточкой на бензозаправке в Йейлу. И продукты покупал в основном в Устаусете. Что особенно примечательно — это счет-фактура на стройматериалы, тоже в Йейлу.

— Стройматериалы?

— Ага. Я заглянула в опись. Доски, гвозди, ин-

струменты, стальная проволока, пеноблоки, цемент. Больше чем на тридцать тысяч крон. Только этому счету уже четыре года.

— Ты думаешь о том же, что и я?

— Что он построил себе там, в горах, небольшую пристройку или что-то в этом роде?

— На его имя не зарегистрировано ни одного домика, к которому можно сделать пристройку, мы это проверили. Но ты же не станешь покупать продукты, если останавливаешься в гостинице или хижине для туристов. Думаю, Тони незаконно построил себе дачку в районе национального парка, о которой он, по его словам, мечтал. Разумеется, хорошо вписанную в местность, — чужим не найти. Место, где бы ему никто не докучал. Но где именно? — Харри вдруг понял, что он встал и ходит взад-вперед по больничной палате.

— Н-да, это вопрос, — согласилась Катрина Братт.

— Погоди! В какое время года он все это покупал?

— Сейчас… В счете стоит — шестого июля.

— Если хочешь спрятать домик, он должен стоять в стороне от проезжих дорог. В укромном месте. Ты говоришь, стальная проволока?

— Да. И догадываюсь почему. Когда бергенцы

в шестидесятых годах строили домики на самых продуваемых ветрами склонах Устаусета, они часто использовали стальную проволоку, чтобы закрепить строения.

— Значит, дача Лейке должна находиться в продуваемом ветрами пустынном месте, и именно туда ему надо было привезти стройматериалы на тридцать тысяч крон. Но как это сделать, если на дворе лето, нет снега и, значит, снегоход использовать нельзя?

— Лошадь? Джип?

— Через реки, болота, наверх в горы? Думай дальше!

— Понятия не имею.

— А я имею. Видел на фотографии. Созвонимся.

— Погоди.

— Что?

— Ты просил меня проверить, чем занимался Утму в последние дни своей жизни. В виртуальном мире он наследил не так много, это точно, но, во всяком случае, он несколько раз звонил по телефону. И одним из последних был звонок Аслаку Кронгли. Похоже, ему ответил автоответчик. А самый последний звонок с его телефона был сделан в SAS. Я проверила потом в их платежных системах. Он заказал билет на самолет

до Копенгагена.

— Ммм… На человека, который любит путешествовать, он не похож.

— Это точно. Паспорт, правда, имел, но он не значится ни в одной системе продажи билетов за последние двадцать пять лет.

— То есть человек практически никуда не отходил от своего дома. И вдруг ему понадобилось в Копенгаген. Кстати, когда он должен был лететь?

— Вчера.

— О'кей. Спасибо.

Харри положил трубку, схватил пальто и направился к двери. И оглянулся — на роскошную даму, которая была его сестрой. Надо бы спросить, как она там справляется одна, без него. Но он успел одуматься и не задал этот идиотский вопрос. Когда это она без него не справлялась?

— Пока, — сказал он.

Йенс Рат стоял на ресепшене делового центра. Спина под пиджаком и рубашкой взмокла от пота. Поскольку ему в офис только что позвонили и сказали: к нему пришли из полиции. Несколько лет тому назад у него были проблемы с отделом по расследованию экономических преступлений, но то дело уже закрыто. Тем не менее при одном только виде полицейской машины Йенса

Рата бросало в пот. А уж сейчас потовые железы работали вовсю. Невысокий Рат смотрел на полицейского, который поднимался ему навстречу по лестнице. Все поднимался и поднимался. Пока не стал на четверть метра выше Йенса и не обменялся с ним твердым, коротким рукопожатием.

— Харри Холе, убойный… Крипос. Я по поводу Тони Лейке.

— Есть новости?

— Может быть, присядем, Рат?

Они уселись на стулья в стиле Корбюзье, и Рат незаметно сделал знак Венке за стойкой: кофе подавать не надо, потому что кофе подают, когда приходят инвесторы.

— Я хочу, чтобы вы поехали с нами и показали, где его дача, — сказал полицейский.

— Дача?

— Я вижу, вы отменили кофепитие, Рат, это ничего, потому что у меня так же мало времени, как и у вас. Я знаю, что ваше дело в отделе по расследованию экономических преступлений закрыто, но мне достаточно одного звонка, чтобы его возобновили. Не уверен, что они и на этот раз что-нибудь найдут, но обещаю, что от вас потребуют представить документацию…

Рат закрыл глаза.

— О господи…

— …которая отнимет у вас куда больше времени, чем понадобилось для того, чтобы построить дачу вашему коллеге, товарищу и другу по жизни Тони Лейке. Что скажете?

Единственный талант Йенса Рата состоял в умении быстрее и точнее других просчитать, что наиболее для него выгодно. И поэтому ему понадобилось не более секунды, чтобы решить поставленную задачу.

— Ладно.

— Мы отправимся туда завтра в девять утра.

— Как…

— Так же, как вы завозили туда материалы. На вертолете. — Полицейский встал.

— Только один вопрос. Тони всегда тщательно следил за тем, чтобы ни одна живая душа не узнала про эту дачу, думаю, что даже Лене, с которой он помолвлен, про нее не знала. Так как же вы?..

— Счет-фактура на стройматериалы в Йейлу плюс фотография, на которой вы трое сидите в рабочей одежде на штабеле досок перед вертолетом.

Йенс Рат коротко кивнул:

— Ясно. Та фотка, значит.

— Кстати, кто фотографировал?

— Пилот. Перед вылетом из Йейлу. И это была идея Андерса — разослать ее вместе с сообщением для прессы, что мы открываем деловой центр. Он считал, так гораздо круче, если мы в рабочей одежде, а не в костюмах и при галстуках. И Тони согласился, потому что все выглядело так, будто бы вертолет — *наш.* Во всяком случае, финансовая пресса то и дело использует эту фотографию.

— Почему вы с Андерсом ничего не сказали про дачу, когда Тони объявили пропавшим без вести?

Йенс Рат пожал плечами:

— Не поймите меня неправильно, мы так же, как и вы, очень хотим, чтобы Тони поскорее нашелся. У нас проект в Конго, который накроется медным тазом, если он вскоре не объявится с десятью свеженькими миллионами. Обычно Тони исчезает, только когда сам этого хочет. Он не пропадет, помните, он же служил наемником. Даю голову на отсечение, что в этот самый момент Тони где-нибудь сидит, выпивает, обнимает какую-нибудь экзотическую хищную красотку и ухмыляется, потому что уже нашел решение наших проблем.

— Ммм… — усмехнулся Харри. — Не эта ли экзотическая хищница откусила ему средний палец?

Завтра в девять в Форнебю.

Йенс Рат стоял и смотрел вслед полицейскому, истекая по́том, — еще чуть-чуть, и весь вытечет на пол.

Когда Харри вернулся в Государственную больницу, Сестрёныш все еще сидела там, читала журнал и ела яблоко. Он бросил взгляд на стаю грифов. Цветов стало еще больше.

— У тебя усталый вид, Харри, — сказала она. — Тебе бы надо домой.

Харри хмыкнул:

— Да это тебе пора идти. Ты и так здесь долго одна просидела.

— Я была не одна, — хитро улыбнулась она в ответ. — Угадай, кто приходил?

Харри вздохнул:

— Прости, Сестрёныш, на сегодня с меня хватит догадок.

— Эйстейн!

— Эйстейн Эйкеланн?

— Да! Он принес молочный шоколад. Не папе, а мне. Извини, но ничего не осталось.

Она так смеялась, что глаза просто исчезли в складках щек.

Когда она встала и пошла пройтись, Харри посмотрел на телефон. Два непринятых звонка от

Кайи. Он придвинул стул к стене и прислонился к ней головой.

Глава 77
Отпечатки

В десять минут одиннадцатого вертолет приземлился на гребне горы к западу от хребта Халлингскарвет. В одиннадцать часов хижина была обнаружена.

Она так хорошо была спрятана на местности, что, даже примерно зная, где она находится, они ее едва ли нашли бы, не будь с ними Йенса Рата. Каменный дом стоял почти на самом верху горы, с ее восточной, подветренной стороны. Он находился на такой высоте, что его вполне могла снести лавина. Туда принесли камни из окрестных мест, с помощью раствора прикрепили их к двум огромным валунам, которые образовывали боковую и заднюю стену. Прямых углов в этой хижине практически не было. Окна напоминали бойницы и сидели в каменных стенах так глубоко, что в них не отражалось солнце.

— Вот это я называю настоящей хижиной, — сказал Бьёрн Хольм, снял лыжи и немедленно провалился по колено в снег.

Харри объяснил Йенсу, что больше они в его

услугах не нуждаются и он может идти назад к вертолету и ждать их там вместе с пилотом.

Перед дверью снег был не таким глубоким.

— Тут кто-то недавно расчищал снег, — сказал Харри.

На двери была металлическая обшивка и простой навесной замок, который без особых протестов сдался, когда Бьёрн использовал гвоздодер.

Прежде чем войти, они сняли варежки, надели перчатки из латекса, а поверх лыжных ботинок натянули голубые бахилы. И только потом переступили порог.

— Ой, — тихо произнес Бьёрн.

Хижина состояла из одной-единственной комнаты, примерно пять на три метра, и больше всего напоминала старинную капитанскую каюту с похожими на иллюминаторы окнами и компактной мебелью. Пол, стены и потолок обиты толстыми нестроганными досками, по которым слегка мазнули белым, чтобы не потерять хотя бы ту каплю света, что проникала внутрь. Короткая стена справа занята простым кухонным разделочным столом с мойкой и шкафчиком под ней. Диваном явно пользовались и как кроватью. Центр комнаты занимал обеденный

стол с одним-единственным венским стулом, покрытым пятнами краски. Перед одним окном стоял старый, заслуженный письменный стол с вырезанными на нем фрагментами старинных баллад с витиеватыми начальными буквами. Слева, вдоль длинной стены, там, где голая скала, стояла черная печка. Чтобы лучше использовать ее тепло, печную трубу провели вдоль скалы вправо и только потом наверх. Корзинка для дров наполнена березовыми поленьями и бумагой для розжига. На стенах висели две карты — окрестностей и Африки.

Бьёрн выглянул из окна над письменным столом.

— А вот это я называю настоящим видом. Черт, отсюда же пол-Норвегии видно.

— Давай начнем, — предложил Харри. — Пилот дал нам два часа, с берега надвигается облачность.

Микаэль Бельман встал, как обычно, в шесть часов и окончательно проснулся уже на беговой дорожке в подвале. Ему снова снилась Кайя. Она сидела сзади на мотоцикле, обхватив руками какого-то мужчину — видны были только его шлем и забрало. Она счастливо улыбалась, показывая свои жемчужные зубки, и махала, пока они

уезжали от него. Разве это не его мотоцикл, разве не они его украли? Он не мог сказать наверняка, потому что ее развевающиеся длинные волосы закрывали номера.

После пробежки Микаэль принял душ и пошел завтракать.

Он собрался с духом, прежде чем развернул утреннюю газету, которую — тоже как обычно — Улла положила рядом с его тарелкой.

За неимением фотографий Сигурда Алтмана, или Кавалера, в газете напечатали фотографию ленсмана Ская. Он стоял перед своим участком, скрестив руки на груди, на нем была зеленая кепка с большим козырьком. Прямо охотник на медведей. Заголовок гласил: «Кавалер арестован?» И рядом, над фотографией желтого, вдребезги разбитого снегохода: «В Устаусете обнаружен новый труп».

Бельман быстро пробежал глазами текст, ища слово «Крипос» либо — в худшем случае — свое собственное имя. На первой странице ничего. Хорошо.

Он открыл газету на тех страницах, на которые была ссылка на первой полосе, и там-то все оно и оказалось, с фотографией и всем прочим:

«Руководитель следствия в Крипосе Мика-

эль Бельман говорит в кратком комментарии, что он не намерен высказываться прежде, чем Кавалер будет допрошен. У него нет никаких особых комментариев по поводу того, что арест подозреваемого произвел участок ленсмана в Утре-Энебакке.

— В общем и целом я могу сказать, что работа полиции — это командная работа. Мы в Крипосе не обращаем внимания на то, кто выиграет последний этап эстафеты и завоюет симпатии публики».

Этого ему говорить не стоило. Потому что это была ложь, она и воспринималась как ложь, и от нее за версту разило лузерством.

Но в общем-то ничего страшного. Потому что если то, что адвокат Юхан Крон рассказал ему по телефону днем раньше, правда, у Бельмана появлялась великолепная возможность все исправить. Даже более того. Самому пробежать этот этап. Он знал, что цена, которую запросит Крон, будет высока, но ведь не ему же придется платить по счетам. А этому хренову охотнику на медведей. И Харри Холе вместе с убойным отделом.

Охранник придержал дверь, и Микаэль Бельман пропустил Юхана Крона вперед. Крон настоял на том, что раз это лишь беседа, а не офи-

циальный допрос, то она должна происходить на максимально нейтральной территории. Поскольку Кавалера ни в коем случае не выпустили бы за пределы окружной тюрьмы в Осло, где ему был предоставлен один из тюремных «люксов», то Крон и Бельман договорились провести беседу в комнате для свиданий, которая обычно использовалась для личных встреч между заключенными и членами их семей. Никаких камер, никаких микрофонов, обычная комната без окон, которой формально попытались придать некую видимость уюта, застелив стол вязаной скатертью и повесив на стену шнурок для звонка. Как правило, здесь встречались парочки, и пружины насквозь пропитанного спермой дивана были настолько продавлены, что Крон, едва сев на него, буквально провалился.

Сигурд Алтман сел на стул в конце стола. Бельман сел на другой стул, так что их с Алтманом лица оказались примерно на одном уровне. Лицо Алтмана было тощим, глаза глубоко запали, а характерная нижняя часть лица и торчащие вперед зубы напомнили Бельману фотографии истощенных евреев из Освенцима. И монстра из фильма «Чужой».

— Такие разговоры проходят без протокола, —

сказал Бельман. — Поэтому я требую, чтобы не делалось никаких записей, а то, о чем мы будем говорить, не разглашалось.

— В то же время мы должны получить гарантии, что сторона обвинения выполнит условия, на которых делается признание, — сказал Крон.

— Я дал вам слово, — сказал Бельман.

— Покорно благодарю. А что еще вы можете предложить?

— Еще? — спросил Бельман и слегка улыбнулся. — А что вы от меня хотите? Чтобы я подписал письменные обязательства? — Черт подери этого сукина сына, зазнайку-адвоката.

— Почему бы и нет, — сказал Крон и протянул через стол листок бумаги.

Бельман уставился на листок. Взгляд прыгал с предложения на предложение.

— Конечно, этот текст не будет никому показан без крайней на то необходимости, — сказал Крон. — И документ будет вам возвращен, когда условия договора будут выполнены. А это… — он протянул Бельману ручку, — это «дюпон», лучший в мире инструмент для письма.

Бельман взял ручку и положил на стол рядом с собой.

— Я подпишу, если история мне понравится, —

сказал он.

— Если здесь и было совершено преступление, то преступник за собой хорошенько прибрал.

Бьёрн Хольм, подбоченясь, огляделся. Они прочесали буквально все: просмотрели ящики и шкафы в поисках следов крови и возможных отпечатков пальцев. Он поставил свой лэптоп на письменный стол. К нему присоединился сканер с отпечатками пальцев, размером со спичечный коробок, того же типа, что сейчас применяют в некоторых аэропортах для идентификации пассажиров. Пока все отпечатки пальцев соответствовали только одному фигуранту в деле: Тони Лейке.

— Продолжай, — сказал Харри. Он опустился на колени перед мойкой и раскручивал пластиковые трубы. — Это где-то здесь.

— Что именно?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Если мы намерены продолжать, было бы неплохо, чтобы здесь стало потеплее.

— Значит, разведи огонь.

Бьёрн Хольм опустился на корточки перед печкой, открыл заслонку и принялся рвать на клочки газеты из дровяной корзинки.

— А что ты на самом деле предложил Скаю,

чтобы он принял участие в твоих играх? Он же все-таки рискует, если правда выйдет наружу.

— Да ничем он не рискует, — сказал Харри. — Он не сказал ни единого слова, которое было бы неправдой, сам знаешь. Это СМИ сделали неверные выводы. И нет никаких инструкций насчет того, кто должен и кто не должен арестовывать подозреваемого. Мне не пришлось ничего ему предлагать. Он сказал, что я ему не так противен, как Бельман, и этого было достаточно.

— И все?

— Ну… Он рассказал о своей дочери, Мие. Жизнь у нее неважно сложилась. В таких случаях родители всегда ищут причину, что-то конкретное, во что можно ткнуть пальцем. И Скай думает, что та ночь перед клубом наложила свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь дочери. Потому что люди стали говорить, будто у Мии и Уле был роман и, когда Уле застукал их с Тони, там были не только невинные поцелуи. На взгляд Ская, в бедах его дочери виноваты и Уле, и Тони.

Бьёрн покачал головой:

— Куда ни повернись, всюду жертвы.

Харри подошел к Бьёрну и протянул руку. На его ладони лежали кусочки чего-то похожего на металлическую проволоку, отрезанную от

изгороди.

— Это было под сливным отверстием. Ты представляешь, что это может быть?

Бьёрн взял металлические кусочки и стал их внимательно изучать.

— Ага! — воскликнул Харри. — А это что?

— Ты о чем?

— Да о газете. Смотри, это же про пресс-конференцию, где мы рассказывали об Иске Пеллер.

Бьёрн Хольм взглянул на фотографию Бельмана, которая показалась, когда он оторвал первую страницу.

— Черт, точно.

— Этой газете всего несколько дней. Здесь кто-то побывал совсем недавно.

— И правда.

— Может, на первой странице есть отпечаток… — Харри заглянул в печку, где как раз вспыхнула первая страница.

— Сорри, — огорчился Бьёрн. — Но я могу проверить последние страницы.

— О'кей. Кстати, эти дрова довольно примечательны.

— Да?

— Здесь в трех километрах нет ни единого дерева. Наверное, у него где-то есть большая по-

ленница. Проверь газету, а я пойду пройдусь.

Микаэль Бельман смотрел на Сигурда Алтмана. Ему не нравился его холодный взгляд. Ему не нравилось костлявое тело, челюсти, которые не умещались во рту, резкие движения и то, что он постоянно шепелявил. Но ему и не нужно, чтобы Сигурд Алтман ему нравился, незачем видеть в нем своего спасителя и благодетеля. Потому что каждое слово, произнесенное Алтманом, приближало Бельмана к победе.

— Я полагаю, вы читали рапорт Харри Холе с изложением предполагаемого хода событий, — сказал Алтман.

— Вы имеете в виду рапорт ленсмана Ская? — спросил Бельман. — С версией Ская?

Алтман криво улыбнулся:

— Ну, пусть так, если хотите. История, которую поведал Харри, удивительно точна. Проблема заключается в том, что там есть только одно явное доказательство. Мои отпечатки в доме Тони Лейке. Ну ладно, можно сказать, что я его навещал. Чтобы поговорить о старых добрых временах.

Бельман пожал плечами:

— И вы полагаете, присяжные в это поверят?

— Мне нравится думать, что я из тех, кто вызывает доверие. Но… — Губы Алтмана раздвинулись

в улыбке, обнажив десны. — Но я ведь никогда и не предстану перед судом, верно?

Харри обнаружил поленницу, накрытую зеленым брезентом. Она скрывалась под выступом скалы. В чурбак был воткнут топор, рядом торчал нож. Харри осмотрелся по сторонам и пнул ногой снег. Ничего интересного. Ботинок на что-то наткнулся. Белая пустая пластмассовая катушка. Харри наклонился. Сбоку он нашел описание продукта. Десять метров марлевого бинта. Как он тут оказался?

Харри, склонив голову набок, внимательно разглядывал поленницу. Что-то черное, воткнутое в дерево. Нож. Рукоятка. Желтая, гладкая. Откуда тут нож? Конечно, причин могло быть много, но тем не менее…

Он положил на чурбак остаток среднего пальца на левой руке, отогнув другие пальцы.

Осторожно, двумя пальцами освободил нож, ухватив его за самый кончик рукоятки. Лезвие острое как бритва. Со следами того, что он всегда искал, — в силу своей профессии. А потом ломанулся назад, как лось, утопая в глубоком снегу.

Бьёрн поднял глаза от компьютера, когда Харри ворвался в комнату.

— Только еще больше отпечатков Тони Лей-

ке, — вздохнул он.

— Тут на лезвии ножа кровь, — сказал Харри, запыхавшись. — Проверь рукоятку на отпечатки.

Бьёрн бережно взял нож. Посыпал гладко отполированное желтое дерево черным порошком и осторожно подул.

— Тут только один отпечаток, но зато превосходный, — сказал он. — Не исключено, что здесь могут быть и клетки эпителия.

— Йес! — воскликнул Харри.

— А в чем дело?

— Тот, кто оставил этот отпечаток, отрезал палец Тони Лейке.

— Ого! А почему ты…

— На чурбаке кровь. И у него был наготове бинт, чтобы перевязать рану. Сдается мне, что я уже видел этот нож раньше. На том зернистом снимке Аделе Ветлесен.

Бьёрн Хольм негромко присвистнул, приложил дактилоскопическую пленку к рукоятке, чтобы порошок закрепился. А потом приложил пленку к сканеру.

— Сигурд Алтман, возможно, тебе и достался хороший адвокат, который тебя отмажет, несмотря на отпечатки пальцев на письменном столе Лейке, — шептал Харри, пока Бьёрн нажимал на

кнопку поиска и они вдвоем следили за синей полоской, короткими рывками ползущей вправо по прямоугольнику. — Но не от отпечатка на этом ноже.

Ready.
Found 1 match[133].

Бьёрн Хольм нажал на «показать».

Харри уставился на появившееся имя.

— Ты и сейчас думаешь, что это отпечаток того, кто отрубил Тони палец? — спросил Хольм.

[133] Примечания: 133
Готово. Обнаружено одно соответствие *(англ.)*.

Глава 78
Уговор

— И когда я увидел, как Аделе и Тони стоят там и спариваются, как собаки, перед сортиром, все вернулось. Все, что мне якобы удалось похоронить. Что, по словам психолога, осталось позади. На самом деле все оказалось как раз наоборот. Так зверь на цепи, которого лишили воли, но исправно кормят, может вырасти более крупным и мощным, чем его вольные собратья. И сейчас он вырвался на свободу. Харри был совершенно прав. Я задумал месть, я хотел унизить Тони Лейке так же, как он унизил меня.

Сигурд Алтман посмотрел на свои руки и улыбнулся.

— Но вот дальше Харри ошибся. Я вовсе не планировал, чтобы Аделе умерла. Всего лишь хотел унизить Тони перед всеми. В том числе и теми, кто, как он надеялся, станет его родней, перед этой дойной коровой — его будущим тестем Галтунгом, у которого он рассчитывал вытянуть денежки на свою авантюру в Конго. Зачем же еще Тони жениться на такой серой мышке, как

Лене Галтунг?

— И то правда, — улыбнулся Микаэль Бельман, показывая, что разделяет его мнение.

— И я написал Тони письмо от имени Аделе. Дескать, она забеременела от него и хочет оставить ребенка. Но будущая мать-одиночка обязана позаботиться о материальной стороне, и поэтому, дескать, нужны деньги, тогда обещаю молчать о том, что это его ребенок. Для начала четыреста тысяч. Деньги он должен принести на многоярусную парковку за магазином «Лефдал» в Сандвике через два дня в полночь. А потом я написал Аделе от имени Тони и пригласил ее на свидание в том же месте и в то же время. Я знал, что время и место придется Аделе по вкусу, и рассчитывал на то, что они, так сказать, не обменялись координатами и номерами телефонов. Что обман не раскроется прежде, чем станет уже поздно, прежде, чем я получу то, что мне надо. В одиннадцать часов я сам уже был на месте и сидел в машине с камерой наготове. Мой план был заснять свидание, чем бы оно ни закончилось, ссорой или траханьем, и послать фото вместе с разоблачительной историей Андерсу Галтунгу. И только.

Сигурд посмотрел на Бельмана и повторил:

— И только.

Бельман кивнул, и Алтман продолжил:

— Тони прибыл раньше времени. Он припарковался, вышел и огляделся, прежде чем исчез в тени деревьев, ведущих к реке. Я сполз как можно ниже. Потом приехала Аделе. Я опустил окно, чтобы слышать. Она стояла и ждала, оглядывалась, смотрела на часы. Я видел, как Тони подошел и встал прямо у нее за спиной, так близко, что казалось просто невероятным, что она его не замечает. Я видел, как он извлек здоровенный саамский нож и обхватил ее рукой за шею. Когда он нес ее к своей машине, она пыталась вырываться. И когда он открыл дверь, я увидел, что сиденья в машине обтянуты полиэтиленом. Я не слышал, что Тони сказал ей, но включил камеру и навел на них. Видел, как он силой заставил ее взять ручку, что он ей явно что-то диктовал, а она писала на открытке.

— Открытка из Кигали, — сказал Бельман. — Он спланировал все заранее. Она должна была исчезнуть.

— Я снимал и ни о чем другом не думал. Пока вдруг не увидел, как он занес руку и вонзил нож ей в горло. Я не верил своим глазам. Кровь хлынула фонтаном, забрызгав лобовое стекло.

Собеседники не обращали внимания на Крона,

который хватал ртом воздух, словно задыхался.

— Он подождал, оставил нож в горле, словно хотел, чтобы кровь не выливалась. Потом поднял Аделе, обошел машину и опустил ее в багажник. Когда садился в машину, остановился и словно бы принюхался. Он стоял в свете фонаря, и тогда я увидел это: те же вытаращенные глаза, тот же оскал, как и тогда, когда он сидел на мне верхом перед тем клубом и всовывал мне в рот свой нож. И после того, как Тони уехал с трупом Аделе в багажнике, я еще долго сидел там, застыв от ужаса, и не мог пошевелиться. Я понял, что не смогу отправить никаких разоблачений Андерсу Галтунгу. Или кому-то еще. Потому что только что стал соучастником убийства.

Сигурд осторожно отхлебнул воды из стоящего перед ним стакана и посмотрел на Юхана Крона, который кивнул в ответ.

Бельман кашлянул:

— Технически соучастником убийства вы не были. В худшем случае вы виновны в шантаже или подлоге. Вы могли положить этому конец. Пойти в полицию, как бы вам это ни было неприятно. Вы ведь даже засняли сцену убийства, а это вещественное доказательство.

— Меня бы все равно судили и приговорили.

Сказали бы — кому, как не мне, знать, что Тони отвечает насилием, когда на него давят, и что я все это проделал умышленно.

— А вам и правда не приходило в голову, что возможен и такой оборот? — спросил Бельман, проигнорировав предостерегающий взгляд Крона.

Сигурд Алтман улыбнулся:

— А вам не кажется странным, комиссар, что так трудно бывает разобраться как раз в своих собственных намерениях? Или вспомнить? Честно говоря, не припомню, чтобы я вообще думал о том, что может произойти.

Потому что не хочешь припомнить, подумал Бельман, кивнул и что-то промычал, словно благодарил Алтмана, открывшего ему глаза на тайны человеческой души.

— Я думал несколько дней, — сказал Алтман. — Потом снова поехал в Ховассхютту и вырвал страницу с именами и адресами всех, кто там тогда ночевал. И написал Тони новое письмо. Мол, я знаю, что он сделал. Видела, как он в Ховассхютте трахался с Аделе Ветлесен, и знаю, почему он ее убил. И что мне нужны деньги. Подписался именем Боргни Стем-Мюре. Через пять дней я прочитал, что ее нашли в подвале убитой. На

этом все должно было закончиться. Полиция обязана была раскрыть оба убийства и найти Тони. Это ей и следовало сделать. Схватить его.

Сигурд Алтман повысил голос, и Бельман готов был поклясться, что его глаза за круглыми стеклами очков наполнились слезами.

— Но у вас не было ни единого следа, вы блуждали в тумане. И мне пришлось подбрасывать ему новые жертвы, угрожать новыми именами из списка. Я вырезал из газет фотографии убитых и вешал их на стену в своей монтажной на фабрике «Кадок» вместе с копиями писем, которые писал от имени жертв. Как только Тони кого-то убивал, приходило новое письмо от человека, который утверждал, что это *он* посылал ему предыдущие письма и теперь знает, сколько жизней у него на совести. И что цена за молчание, соответственно, поднимается. — Алтман наклонился вперед, голос у него был измученный. — Я делал это, чтобы дать вам возможность взять его. Убийца совершает ошибки, разве не так? Чем больше ошибок, тем больше шансов, что он будет схвачен.

— И тем профессиональнее он работает, — сказал Бельман. — И вспомните, Тони Лейке применять насилие было не впервой. Невозможно столько времени прослужить наемником в

Африке и не запачкать руки. Они у него в крови. Как и у вас.

— У меня руки в крови? — воскликнул Алтман, внезапно придя в ярость. — Я позвонил Элиасу Скугу из дома Тони, чтобы навести вас на его след. Это у вас руки в крови, раз вы не выполняете свою работу. А еще у шлюх вроде Аделе и Мии и у таких убийц, как Тони. Если не…

— Прекратите, Сигурд! — Юхан Крон встал. — Сделаем небольшой перерыв, идет?

Алтман закрыл глаза, поднял руки и покачал головой:

— Со мной все в полном порядке. Давайте расставим все точки над «і».

Юхан Крон посмотрел на своего клиента, потом на Бельмана и снова уселся на диван.

Алтман глубоко, с дрожью, вздохнул. И продолжил:

— Примерно после третьего убийства Тони, разумеется, понял, что очередное письмо вовсе не обязательно от того, за кого автор себя выдает. Но он все равно продолжал убивать, и все более ужасными способами. Как будто хотел запугать меня, заставить отступиться, хотел показать, что так и будет убивать всех нас, пока не доберется до меня.

— Или же хотел избавиться от свидетелей, которые могли видеть его с Аделе, — заметил Бельман. — Он знал, что в Ховассхютте вас было всего семеро, просто не имел возможности выяснить все имена.

Алтман засмеялся:

— Еще бы! Он наверняка съездил в Ховассхютту, чтобы заглянуть в гостевую книгу. И нашел там только след от вырванной страницы! Тони-пони!

— А вам-то к чему было продолжать все это?

— Что вы имеете в виду? — Алтман снова насторожился.

— Вы же могли сообщить обо всем в полицию анонимно. Или вы тоже хотели, чтобы все свидетели исчезли?

Алтман склонил голову набок, почти коснувшись ухом плеча.

— Я уже говорил, комиссар. Иногда не так просто уследить за всеми причинами, по которым человек делает то, что он делает. Подсознанием управляет инстинкт выживания, и поэтому иногда оно более рационально, чем осознанная мысль. Возможно, подсознание поняло: для меня будет спокойнее, если Тони уберет всех свидетелей. И никто не сможет рассказать, что я тоже был там, или в один прекрасный день узнать ме-

ня на улице. Но на этот вопрос мы ответа никогда не получим, правда?

В печке потрескивали поленья.

— Но зачем, скажи на милость, Тони Лейке понадобилось отрубать свой собственный средний палец? — спросил Бьёрн Хольм.

Он уселся на диван, а Харри изучал содержимое аптечки, обнаруженной в глубине кухонного шкафчика. Там нашлось еще несколько бинтов. И кровоостанавливающая мазь. Согласно дате на тюбике, мазь произведена всего два месяца назад.

— Его заставил это сделать Алтман, — сказал Харри и повертел маленький коричневый пузырек без этикетки. — Ему нужно было унизить Лейке.

— Ты сам не веришь в то, что говоришь.

— Разумеется, я в это верю, — сказал Харри, отвинтил крышку и понюхал содержимое.

— Да? Здесь нет ни единого отпечатка пальцев, который не принадлежал бы Лейке, ни волоска, который не был бы таким же иссиня-черным, как волосы Лейке, ни единого следа ботинка, отличающегося от следов ботинок Лейке сорок пятого размера. А у Сигурда Алтмана пепельные волосы и сорок второй размер, Харри.

— Он просто хорошо убрал за собой. — Харри опустил пузырек в карман.

— Хорошо убрал? Место, вероятнее всего, не имеющее отношения к месту преступления? Тот самый Сигурд Алтман, который преспокойно оставил большие жирные отпечатки пальцев на письменном столе в доме Лейке на Хольменвейен? Притом что ты сам сказал — он плохо убрал за собой в хижине, где убил Одда Утму? Я в это не верю, Харри. И ты тоже не веришь.

— Черт! — заорал Харри. — Черт, черт.

Он уронил голову на руки и уставился в столешницу.

Бьёрн Хольм взял один из металлических кусочков, найденных под мойкой, поскреб желтый налет.

— Кстати, я, кажется, знаю, что это такое.

— И что же? — сказал Харри, не поднимая головы.

— Железо, хром, никель и титан.

— Что?

— В детстве я носил брекеты. И когда подгоняли новые брекеты, проволоку сгибали, а ненужное обрезали.

Харри вдруг поднял голову и уставился на карту Африки. Он смотрел на государства, очер-

тания которых соединялись друг с другом, как фрагменты пазла. И на Мадагаскар, который был сам по себе, словно фрагмент, который не встал на место.

— У зубного врача…

— Тихо! — сказал Харри и поднял руку. Теперь он знал. Кое-что как раз встало на место. Не было слышно ничего, кроме потрескивания огня в печке и порывов ветра за окном, которые явно усилились. Два фрагмента мозаики, лежавшие далеко друг от друга, на разных концах доски. Дед со стороны матери в Люсерене. Отец матери. И фотография в ящике стола в туристической хижине. Семейная фотография. Эта фотография принадлежала не Тони Лейке, а Одду Утму. Артрит. Что Тони про него сказал? Не заразное, а наследственное. Мальчик с крупными, торчащими вперед зубами. И взрослый мужчина с плотно сжатым ртом, словно он скрывал какую-то мрачную тайну. Прятал свои собственные гнилые зубы и брекеты.

Камень. Коричнево-черный камень, который он обнаружил на полу ванной в туристической хижине. Харри сунул руку в карман. Камень все еще был там. Харри бросил его Бьёрну.

— Скажи мне, — сказал он и сглотнул слю-

ну. — Я это нашел. Как ты думаешь, это не может быть зуб?

Бьёрн поднес предмет к свету. Поскреб камушек пальцем.

— Вполне.

— Надо возвращаться, — сказал Харри и почувствовал, что волосы у него на затылке встали дыбом. — Немедленно. Черт, их убивал вовсе не Алтман.

— Чего?

— Это Тони Лейке.

— Вы, конечно, читали в газетах, что после ареста Тони Лейке был отпущен, — сказал Бельман. — У него была одна такая маленькая, но замечательная штука — алиби. Когда умерли и Боргни, и Шарлотта, он находился в другом месте и мог это доказать.

— Я ничего об этом не знаю, — сказал Сигурд Алтман и скрестил руки на груди. — Знаю только, что видел, как он воткнул нож в Аделе. А письма, которые я посылал, приводили к тому, что их мнимых авторов тут же убивали.

— Вы отдаете себе отчет, что одно это делает вас соучастником убийства?

Юхан Крон кашлянул:

— А вы отдаете себе отчет в том, что заключили

сделку, которая преподносит вам и Крипосу настоящего убийцу на блюдечке с голубой каемочкой? Сами решайте ваши внутренние проблемы, Бельман. Вы получаете all credit[134] и свидетеля, который в зале суда скажет, что видел, как Тони Лейке убивал Аделе Ветлесен. А то, что произошло помимо этого, останется между нами.

— И ваш клиент будет на свободе?

— Таков уговор.

— А что, если Лейке сохранил письма и они всплывут в деле? — спросил Бельман. — Тогда у нас возникнут проблемы.

— Именно поэтому у меня отчего-то такое чувство, что они не всплывут, — улыбнулся Крон. — Или как, комиссар?

— А как насчет фотографий Аделе и Тони, которые вы сделали?

— Сгорели в пожаре на «Кадоке», — сказал Алтман. — Чертов Холе.

Микаэль Бельман медленно кивнул. Потом поднял авторучку. «Дюпон». Свинец и сталь. Тяжелая. Но стоило поднести ее к бумаге, сразу показалось, что она пишет сама.

— Спасибо, — сказал Харри. — Конец связи.

---

[134] Примечания: 134
Полное доверие *(англ.)*.

Ответом ему был скрежещущий звук, а потом стало тихо, слышно было только монотонное гудение вертолета. Харри отвел в сторону микрофон наушников и посмотрел в окно.

Слишком поздно.

Он только что переговорил по радио с вышкой в Гардермуэне. У них в интересах безопасности был доступ почти ко всему, в том числе и к спискам пассажиров. И они смогли подтвердить, что Одд Утму вчера улетел в Копенгаген по заранее заказанному билету.

Пейзаж под ними медленно менялся.

Харри так и видел эту сцену: вот он стоит, убийца, держа в руках паспорт того, кого он пытал и в конце концов убил. Мужчина или женщина за стойкой привычно читают, сверяя, соответствует ли имя в паспорте имени зарегистрированного пассажира, и — если они вообще взглянули на фотографию — думают, с какой стати у взрослого мужчины вдруг брекеты. Поднимают глаза и видят на коричневых, вероятно, подкрашенных зубах брекеты, которые Тони Лейке пришлось сгибать и подрезать, чтобы они кое-как налезли на его собственную великолепную челюсть.

Вертолет влетел в ливень, который взорвался в пузыре плексигласа, побежал по боковым иллю-

минаторам дрожащими водными ручейками и исчез. Через секунду уже казалось, что никакого дождя и не было.

Палец.

Убийца отрезал себе палец и отправил его Харри в качестве последнего отвлекающего маневра, чтобы показать, что Тони Лейке следует считать мертвым. Что его можно забыть, списать со счетов, сдать в архив. Было ли случайностью, что он выбрал тот же палец, которого не хватало у Харри, сделал себя похожим на него?

Но как же алиби, его безупречное алиби?

Харри и раньше приходила в голову эта мысль, но он отбрасывал ее, потому что хладнокровные убийцы — редкость, отклонение, извращенцы в прямом смысле слова. Но все-таки не замешан ли тут кто-то еще и не объясняется ли все это тем, что у Тони Лейке был сообщник?

— Черт! — произнес Харри так громко, что чувствительный микрофон перебросил это слово в три пары других наушников в вертолете.

Харри заметил, что Йенс Рат уставился на него. Возможно, Рат не так уж и не прав. Может, Тони Лейке сейчас и в самом деле сидит где-нибудь с бокалом и экзотической красоткой-хищницей под боком и ухмыляется, потому что уже приду-

мал ответ на нашу загадку.

Глава 79
Непринятые вызовы

В 2.15 вертолет приземлился в Форнебю, закрытом аэропорту, откуда до центра всего двенадцать минут езды. Когда Харри и Бьёрн Хольм вошли в здание Крипоса и Харри спросил на вахте, почему ни Бельман, ни кто-либо другой из начальства не отвечает на звонки, ему сообщили, что все они на совещании.

— Черт, а почему нас не пригласили? — пробормотал Харри и ринулся вперед по коридору.

Бьёрн семенил следом.

Харри толкнул дверь, не постучавшись. Семь голов повернулись к ним. Восьмой голове — Микаэлю Бельману — не было нужды поворачиваться, потому что он сидел в торце длинного стола как раз напротив двери, и все остальные смотрели именно на него.

— Лорел и Харди[135], — весело проговорил Бельман, и по смешкам, которые раздались за

[135] Примечания: 135

Лорел и *Харди* — знаменитый в 1930-х гг. американский комический дуэт. Стэн Лорел был худым и высоким, а Оливер Харди — невысоким и плотным; позднее Лорел и Харди стали персонажами популярных комиксов.

столом, Харри понял, что разговор только что шел именно о них с Бьёрном. — И где же вы были?

— Ну, пока вы тут играли в Белоснежку и семь гномов, мы были в хижине Тони Лейке, — сказал Харри и опустился на свободный стул на другом конце стола — напротив Бельмана. — И у нас есть новости. Это не Алтман. Мы взяли не того. Это был Тони Лейке.

Харри не знал, на какую реакцию рассчитывает. Но во всяком случае, не на полное отсутствие какой бы то ни было реакции.

Комиссар откинулся на спинку кресла, на лице его играла улыбка.

– *Мы* взяли не того? Насколько я помню, это ленсману Скаю пришло в голову арестовать Сигурда Алтмана. А что касается ценности этой новости, то она весьма невысока. Придется снова приглашать Тони Лейке.

Харри переводил взгляд с Эрдала на Пеликаншу и опять на Бельмана, мозг напряженно работал. И выдал единственный возможный ответ.

— Алтман, — сказал Харри. — Алтман рассказал, что это был Лейке. Он всегда это знал.

— Он не просто знал, — сказал Бельман. — Как Лейке вызвал сход лавины на Ховассхютту, так и Алтман, не отдавая себе в этом отчета, спро-

воцировал все эти убийства. Скай арестовал невиновного, Харри.

— Невиновного? — Харри покачал головой. — Я видел эти фотографии на фабрике «Кадок», Бельман. Алтман совершенно явно в этом замешан, я только не знаю как.

— А вот мы знаем, — сказал Бельман. — Не мог бы ты предоставить это нам… — Харри уже слышал, как Бельман сейчас продолжит: «взрослым», но он выразился иначе: — Располагающим фактами, а ты подключишься уже потом, когда войдешь в курс дела, Харри? Ладно? Ты тоже согласен, Бьёрн? Тогда продолжим. Я только что собирался сказать: мы не можем исключить, что у Лейке был сообщник, осуществивший по меньшей мере два убийства, те, на которые у Лейке есть алиби. Мы знаем, что и Боргни, и Шарлотта были убиты, когда Лейке находился на деловых встречах, это могут подтвердить свидетели.

— Хитрый черт, — сказал Эрдал. — Лейке, разумеется, знал, что полиция обнаружит взаимосвязь между убийствами. И если он обеспечит себе железное алиби в одном или двух случаях, его автоматически перестанут подозревать и в остальных убийствах.

— Да, — сказал Бельман. — Но кто этот сообщ-

ник?

Харри услышал, как посыпались предложения, комментарии и вопросы.

— Для убийства Аделе Ветлесен мотив у Тони Лейке имелся: шантаж, у него вымогали четыреста тысяч, — сказала Пеликанша. — Но был еще и страх, что Лене Галтунг порвет с ним, если узнает, что он сделал ребенка другой женщине. Тогда придется распрощаться с миллионами Галтунга, а они нужны для проекта в Конго. Так что мы должны задать себе вопрос: у кого еще был схожий мотив?

— У других инвесторов, — выкрикнул молодой человек с гладким лицом. — А что нам известно о его коллегах из делового центра?

— Для Тони Лейке проект в Конго — это все, — сказал Микаэль Бельман. — Но никто из его мелких соинвесторов не станет убивать двух человек ради десятипроцентного пая, эти ребята привыкли, что деньги легко приходят и легко уходят. Кроме того, Лейке наверняка работал в паре с кем-то, на кого мог положиться и в личном и в профессиональном смысле. Помните, что в случае с Боргни и Шарлоттой использовалось одно и то же орудие убийства. Как ты его называл, Харри?

— Леопольдово яблоко, — недоуменно ответил Харри.

— Будь добр, погромче.

— Леопольдово яблоко.

— Спасибо. Из Африки. Из того же места, где Лейке служил наемником. Поэтому не будет ошибкой предположить, что Лейке использовал одного из своих тогдашних сослуживцев, и я думаю, нам следует начать с этого.

— Если для второго и третьего убийства он нанял киллера, то почему не использовал его во всех случаях? — спросила Пеликанша. — Тогда бы нам к нему вообще не подкопаться.

— Небось и скидку бы получил, — усмехнулся мужчина с нансеновскими усами. — Все равно наемному убийце больше пожизненного не дадут.

— Тут могли быть причины, которых мы пока не видим, — сказал Бельман. — Вполне банальные — например, у киллера не было времени или у Лейке не было денег. Или же самая обычная причина всех преступлений: так получилось просто потому, что так получилось.

Сидящие за столом согласно закивали, похоже было, что ответ удовлетворил даже Пеликаншу.

— Еще вопросы? Нет? Тогда я хотел бы поблагодарить Харри Холе, который работал вместе с

нами. Поскольку его специальные знания нам больше не нужны, он возвращается в убойный отдел, причем незамедлительно. Было любопытно понаблюдать, как другие работают над расследованием убийств, Харри. Хотя на этот раз ты ничего не раскрыл, но кто знает? Может, и не убийства, но уж какие-нибудь интересные насильственные преступления в Грёнланне тебя наверняка ожидают. Еще раз спасибо. А у меня сейчас пресс-конференция, коллеги.

Харри взглянул на Бельмана в невольном восхищении. Так восхищаешься тараканом, которого спустил в унитаз, а он опять вылез. И опять. И в конце концов завоевал весь мир.

У постели в Государственной больнице минуты и часы сменяли друг друга, как медлительные, монотонные волны. Пришла и ушла медсестра, Сес пришла и ушла. Цветы незаметно придвигались все ближе.

Харри видел, как многие родственники не выдерживают ожидания, когда же их дорогой и любимый отдаст наконец богу душу, как они молят смерть, чтобы скорее пришла и освободила. Их самих. Но в случае Харри все было иначе. Никогда еще он не ощущал такой близости с отцом, как сейчас, здесь, в этой палате, где вместо

слов осталось только дыхание и биение сердца. Потому что, глядя теперь на Улава Холе, Харри и сам был им, пребывающим в том покое, что разделяет жизнь и ничто.

Следователи в Крипосе многое увидели и многое поняли. Но не поняли очевидной взаимосвязи. Той, что все здорово проясняла. Связи между хутором Лейке и Устаусетом. Между слухами о призраке пропавшего парнишки с хутора Утму и мужчиной, который называл тамошние просторы «своими местами». Между Тони Лейке и тем мальчиком на фотографии рядом со своим страшным отцом и красивой матерью. Иногда Харри посматривал на мобильный телефон и видел непринятые звонки. Хаген. Эйстейн. Кайя. Снова Кайя. Надо ей ответить. Он позвонил.

— Можно, я приду к тебе сегодня ночью? — спросила она.

Глава 80
Ритм

Дождь барабанил по доскам плавучей пристани. Харри подошел сзади к стоявшему на самом ее краю человеку.

— Доброе утро, Скай.

— Доброе утро, Холе, — ответил ленсман, не оборачиваясь.

Он опустил удилище вниз, к леске, уходящей в камыши под другим берегом.

— Клюет?

— Ни черта, — хмыкнул Скай. — Зацепилось за что-то в этих камышах.

— Сочувствую. Читал сегодня газеты?

— У нас тут в деревне они появляются только после обеда.

Харри знал, что это не так, но все равно кивнул.

— Но они наверняка пишут, что я идиот-деревенщина, — сказал Скай. — И что потребовалось привлекать людей из Крипоса, чтобы разобраться во всем, что я тут наворотил.

— Прошу прощения.

Скай пожал плечами.

— Да не за что просить прощения. Ты сказал все как есть, а я знал, что делаю. Да и потом — интересно было. Здесь редко что-то происходит, сам понимаешь.

— Ммм… Ну, не так и много о тебе пишут. Газеты больше волнует, что убийцей все-таки оказался Тони Лейке. Бельмана много цитируют.

— Наверняка.

— Скоро они выяснят, кто был отцом Тони.

Скай обернулся и посмотрел на Харри.

— Мне следовало раньше сообразить, особенно когда мы узнали насчет смены фамилии.

— Что-то я не понимаю, Холе.

— Да не ты ли сам мне сказал, Скай, что Тони жил у деда по материнской линии на хуторе Лейке? Лейке. Отец матери. Тони взял фамилию матери.

— В этом нет ничего необычного.

— Возможно. Но в данном случае имелась веская причина. Тони прятался у деда. Его сюда отправила мать.

— Почему ты так думаешь?

— Одна из моих коллег говорила, — сказал Харри и на какое-то мгновение ощутил ее запах, запах этой ночи. — Она сообщила мне кое-что

из того, что ей рассказал ленсман в Устаусете. О семействе Утму. Об отце и сыне, которые ненавидели друг друга так сильно, что дело могло кончиться убийством.

— Убийством?

— Я проверил биографию Одда Утму. Как и сын, он славился своим необузданным нравом. В молодости отсидел восемь лет за убийство из ревности. После чего и переехал в безлюдное место. Женился на Карен Лейке, у них родился сын. Сын вступил в переходный возраст, он уже тогда был хорош собой, высокий, обаятельный. Двое мужчин и женщина, почти в полной изоляции. Один из мужчин раньше уже убивал из ревности. Похоже, Карен Лейке попыталась предотвратить трагедию, тайно отправив сына из дома. Она подложила его ботинок в место, где только что сошла большая лавина.

— Я этого не знал, Холе.

Харри медленно кивнул:

— К сожалению, ей удалось лишь отсрочить трагедию. Ее скелет с дыркой во лбу только что нашли на каменной осыпи. А в нескольких метрах от нее снегоходом расплющило ее мужа и убийцу. Перед этим его пытали, у него сожгли почти всю кожу на спине и руках, вырвали зубы.

Догадываешься, кто это сделал?

— О господи…

Харри сунул в рот сигарету.

— А как ты сообразил, что тут одно связано с другим? — спросил Скай.

— Наследственное сходство. — Харри закурил. — Отец и сын. От наследственности не убежишь, как ни пытайся. Я думаю, Одд Утму понял, что убийства, ведущие в Ховассхютту, означали, что на него тоже идет охота, что за ним по пятам идет призрак его собственного погибшего сына. Одд сбежал с хутора в ту заброшенную туристическую хижину, надежно спрятанную среди пропастей. И взял с собой фотографию своей семьи, семьи, которую сам же и разрушил. Представь себе: убийца, которому страшно, который, возможно, раскаивается, наедине с собственными мыслями.

— Он получил по заслугам, да.

— Я нашел эту фотографию. Тони повезло, он больше похож на мать. В мальчике на фотографии трудно уловить что-то от взрослого Тони. Но уже тогда у него были крупные белые зубы. А отец свои зубы прятал. Серьезное отличие.

— Но ты вроде говорил, что догадался именно из-за их сходства?

Харри кивнул:

— У них была одна и та же болезнь.

— Они оба убийцы?

Харри покачал головой:

— Это только красивые слова, Скай. Я имел в виду реальную болезнь — у них обоих был ревматоидный артрит. И сегодня утром это родство подтвердили. Анализ на ДНК фрагментов кожи на печке и волос Тони Лейке с его расчески показал, что они — отец и сын.

Скай кивнул.

— Ладно, — сказал Харри. — Во всяком случае, я приехал, чтобы поблагодарить за помощь и извиниться за то, что все так вышло. Бьёрн Хольм просит передать привет жене и сказать, что это были лучшие котлеты и тушеная капуста, которые он когда-либо ел.

Скай коротко улыбнулся:

— Это все говорят. Они даже Тони нравились.

— Что?

Скай пожал плечами, вытягивая нож из ножен на ремне.

— Я же тебе рассказывал, что Миа в него влюбилась. Дело было вскоре после того, как Тони изуродовал Уле. Она пригласила его однажды домой на ужин, знала, что меня в тот вечер дома

не будет. Жена ничего не сказала, когда они пришли, но, конечно же, когда я все узнал, разразился скандал. Наслушался я грубостей, ты знаешь, как ведут себя девчонки в этом возрасте, да еще когда влюблены. Я, как идиот, пытался втемяшить ей, что Тони — насильник. А следовало бы знать, что чем больше ругаешь возлюбленного, тем больше к нему тянет. Потому что тогда они как бы вдвоем против всего остального мира. Да ты и сам это знаешь, некоторые бабы начинают переписываться с убийцами, отбывающими заключение.

Харри кивнул.

— Миа собиралась бежать из дома, хотела последовать за ним на край света, что-то жуткое, — сказал Скай, оборвал леску и начал ее сматывать.

Харри следил за возвращением вдруг обвисшей лески.

— Ммм… На край света?

— Угу.

— Ясно.

Скай вдруг прекратил мотать катушку и взглянул на Харри.

— Нет, — сказал он со значением.

— Что «нет»?

— Нет, это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю?

— Что Миа и Тони потом снова встретились. Он бросил ее, и больше они никогда не встречались. И ее жизнь продолжилась уже без него. Она не имеет к этому делу никакого отношения, понятно? Я дал тебе слово. У нее вот-вот все снова будет нормально, так что, пожалуйста, не надо…

Харри кивнул и вытащил изо рта сигарету, которая все равно погасла из-за дождя.

— Я больше этим делом не занимаюсь, — сказал он. — Но в любом случае твоего слова было бы достаточно.

Когда Харри отъезжал от парковки, он видел в зеркало, что Скай собирает свои рыболовные снасти.

Государственная больница. Харри снова вошел в ее ритм. Время не взрывалось новыми событиями, но текло ровным потоком. Он думал, не попросить ли ему матрас. Получится совсем как в «Чункинг-мэншн».

Глава 81
Световые пятна

Прошло три дня. Он не умер. И никто не умер.

Никто не знал, где Тони Лейке, следы фальшивого Одда Утму обрывались в Копенгагене. В одной из газет появилась фотография Лене Галтунг в шали и больших темных очках — в лучших традициях Греты Гарбо. И заголовок «Никаких комментариев». Ее уже два дня никто не видел — она где-то скрывалась, вероятнее всего в отцовском доме в Лондоне. Фотографию Тони Лейке в рабочей одежде на фоне вертолета опубликовали многие газеты. «Исчезновение Кавалера», теперь это так называлось. Прозвище осталось, возможно, потому что уже успело укорениться, а кроме того, оно шло Лейке больше, чем Алтману. Удивительно, но никому из прессы еще не удалось обнаружить связь между Тони Лейке и хутором Утму. Совершенно очевидно, что мать, а позднее и сам Тони хорошо спрятали все следы.

Микаэль Бельман ежедневно давал пресс-конференции. В ток-шоу на телевидении он продемонстрировал и свои педагогические спо-

собности, и улыбку победителя, объясняя, как удалось раскрыть дело. Разумеется, в собственной версии. И казалось, все просто забыли, что убийца не схвачен: это не важно, самое главное — Кавалер Тони Лейке разоблачен, нейтрализован, выведен из игры.

Каждый вечер темнело все позже и позже. Все ждали весну или морозов, но не было ни того ни другого.

Световые пятна ползли по потолку.

Харри лежал на боку и смотрел на дым сигареты, который поднимался в темноту сложными и всегда непредсказуемыми узорами.

— Ты такой молчаливый, — сказала Кайя и прижалась к его спине.

— Я останусь тут до похорон, — сказал он. — А потом уеду.

Он затянулся сигаретой. Она ничего не ответила. А потом он, к своему удивлению, почувствовал, что лопатка его стала теплой и влажной. Он положил сигарету на край пепельницы и повернулся к ней.

— Ты плачешь?

— Почти нет. — Она рассмеялась, шмыгнув носом. — Не знаю, что со мной такое.

— Сигарету хочешь?

Она покачала головой и вытерла слезы:

— Сегодня звонил Микаэль, хотел, чтобы мы встретились.

— Ммм…

Она положила голову ему на грудь.

— Тебе неинтересно, что я ответила?

— Только если ты сама хочешь рассказать.

— Я отказалась. Тогда он сказал, что я еще пожалею. Он сказал, что ты утянешь меня за собой. И что ты не первый раз так поступаешь с людьми.

— Ну что ж… Он прав.

Она подняла голову:

— Но это же ничего не значит, неужели ты не понимаешь? Я хочу быть с тобой там, куда ты поедешь. — По ее лицу вновь потекли слезы. — И если это на дне, то я и туда с тобой хочу.

— Но там ничего нет, — сказал Харри. — Да и меня не будет, я исчезну. Ты же видела меня в «Чункинг-мэншн». Будет так же, как после лавины. Останешься в той же хижине, только одна и брошенная.

— Но ты меня нашел и вытащил. И я могу сделать то же самое для тебя.

— А что, если я не хочу, чтобы меня вытаскивали? Ведь другого умирающего отца, ради которого имело бы смысл бороться, у меня не будет.

— Но ты любишь меня, Харри. Я же знаю, что любишь. Это достаточно веская причина, разве не так? Я — достаточно веская причина.

Харри погладил ее по волосам, по щекам, стер слезы со щек и, поднеся на пальцах к губам, поцеловал.

— Да, — сказал он и грустно улыбнулся. — Ты — веская причина.

Она взяла его руку и тоже поцеловала его пальцы.

— Нет, — прошептала она. — Не говори так. Не говори, что именно поэтому ты и уезжаешь. Потому что ты не хочешь тянуть меня вниз. Я хочу за тобой на край света, понимаешь?

Он привлек ее к себе. И почувствовал, как что-то в нем разжалось, какая-то дрожащая мышца, давным-давно пребывавшая в неосознанном напряжении. Он отпустил сам себя, сдался, дал себе упасть. И боль, которая так долго жила в нем, растаяла, превратилась во что-то теплое, что вместе с кровью разлилось по всему телу, смягчая и успокаивая. Ощущение свободного падения раскрепощало до кома в горле. И Харри знал, что часть его давно уже жаждала этого, еще там, в снежной пелене над каменной осыпью.

— На край света, — прошептала она и задыша-

ла быстрее.

Световые пятна скользили и скользили по потолку.

Глава 82
Кирпичный цвет

Было по-прежнему темно, когда Харри занял свое место у постели отца. Вошла медсестра с чашкой кофе, спросила, завтракал ли он, и сунула ему глянцевый журнал.

— Вам иногда нужно думать и о чем-то другом, — сказала она, наклонив голову набок.

Казалось, она даже хотела погладить его по щеке.

Харри добросовестно листал журнал, пока она занималась отцом. Но даже глянцевая пресса не позволяла ему забыться. Фотографии Лене Галтунг на премьерах, торжественных ужинах, в новом «порше». Под заголовком «Скучаю по Тони», — однако это заявление подкреплялось высказываниями не самой Лене, а ее светских друзей. Другие фотографии были сделаны у подъезда дома в Лондоне, но там Лене никто не видел. Во всяком случае, из тех, кто мог ее узнать. Еще имелся один нечеткий снимок, видимо сделанный издалека, — рыжеволосая женщина, стоящая перед штаб-квартирой «Crédit Suisse»

в Цюрихе; журнал утверждал, что это Лене Галтунг, на основании слов ее стилиста, которому, как полагал Харри, прилично за них заплатили: «Она попросила меня завить ей волосы и покрасить их в кирпичный цвет». О самом Тони писали, что он «подозревается», словно речь идет о светском скандале средних масштабов, а не о самой страшной серии убийств, когда-либо совершенной в стране.

Харри встал, прошел по коридору и позвонил Катрине Братт. Еще не было семи, но она уже не спала. Сегодня Катрина покидает больницу. И после выходных должна будет приступить к работе в Полицейском управлении Бергена. Харри надеялся, она не будет особо нервничать — хотя бы в начале разговора. Впрочем, трудно представить себе, чтобы Катрина Братт на что-то реагировала спокойно.

— Последнее задание, — сказал он.

— А потом? — спросила она.

— Потом я исчезну.

— Никто по тебе скучать не будет.

— …кроме меня?

— Там была точка, дорогой.

— Это касается банка «Crédit Suisse» в Цюрихе. Может ли у Лене Галтунг быть там счет? Она

могла получить некоторое количество денег в счет наследства. В швейцарских банках народ, конечно, упертый, тебе, вероятно, потребуется какое-то время.

— Ладно, я уже наловчилась.

— Хорошо. И еще я хочу попросить тебя проверить перемещения одной женщины.

— Лене Галтунг?

— Нет.

— Ладно. И как ее зовут?

Харри продиктовал имя по буквам.

В восемь пятнадцать Харри припарковал машину в Воксенколлене перед королевской усадьбой из народной сказки. Там было припарковано еще несколько машин, и за каплями дождя на окне Харри мог разглядеть усталые лица и длинные фотообъективы папарацци. Похоже, ребята провели тут всю ночь. Харри позвонил в ворота и вошел.

Женщина с бирюзовыми глазами стояла в дверях, поджидая его.

— Лене нет, — сказала она.

— А где она?

— Там, где они ее не найдут, — сказала она и кивком показала на автомобили за воротами. — А вы обещали оставить ее в покое после последнего

допроса. Он длился три часа.

— Я знаю, — солгал Харри. — Но я хотел поговорить с вами.

— Со мной?

— Можно войти?

Он прошел за ней на кухню. Она кивнула ему на стул, повернулась спиной и налила кофе из кофеварки на кухонном столе.

— Что скажете насчет этой истории? — спросил Харри.

— Какой истории?

— Что вы — мать Лене.

Кофейная чашка упала на пол, разбившись на тысячи осколков. Женщина оперлась на стол, и он видел, как ее плечи поднимаются и опускаются. Харри секунду помедлил, но потом собрался с духом и сказал то, что собирался сказать:

— Мы сделали анализ на ДНК.

Она повернулась в ярости:

— Как это? Вы же не… — И вдруг замолчала.

Глаза Харри встретились с ее бирюзовыми глазами. Она попалась на удочку. Ему стало неловко. А может быть, стыдно. Потом, правда, прошло.

— Убирайтесь! — сказала она сипло.

— К ним? — спросил Харри и кивнул в сторону папарацци. — Я собираюсь завершить карье-

ру полицейского, буду путешествовать. И мне нужен небольшой капитал. Если уж стилисту платят двадцать тысяч крон за то, чтобы он рассказал, какой цвет волос выбрала Лене, сколько, по-вашему, заплатят тому, кто сообщит им, кто ее настоящая мать?

Женщина шагнула вперед и занесла было руку, словно для удара, но тут на глаза ей навернулись слезы и потушили в них яростный огонь. Она просто без сил опустилась на стул у обеденного стола. Харри ругнулся про себя, он мог бы действовать и помягче. Но деликатничать времени уже не было.

— Простите, — сказал он. — Я просто пытаюсь спасти вашу дочь. И для этого мне нужна ваша помощь. Понимаете?

Он накрыл рукой ее руку, но она ее отняла.

— Он — убийца, — сказал Харри. — Но Лене это не волнует, не так ли? Она все равно хочет это сделать.

— Что сделать? — всхлипнула женщина.

— Последовать за ним на край света.

Она не отвечала, только качала головой и тихо плакала.

Харри ждал. Встал, налил кофе в чашку, оторвал бумажное полотенце от рулона, положил

его перед женщиной, сел и стал ждать. Сделал глоток. И подождал еще.

— Я говорила, что она не должна повторять моих ошибок, — сказала она и опять всхлипнула. — Не должна влюбляться в мужчину только потому… потому, что он позволяет ей чувствовать себя *красивой*. Красивее, чем она есть на самом деле. Ты думаешь, это благословение, но на самом деле это проклятие.

Харри ждал.

— Стоит хотя бы раз увидеть, как становишься красивой в его глазах, — и все, это как… колдовство. Ты уже не можешь от него уйти. Потому что жаждешь увидеть это еще раз.

Харри ждал.

— Я выросла в фургоне. Мы всё ездили и ездили повсюду, я даже в школу не могла пойти. И когда мне было восемь, пришли из инспекции по делам несовершеннолетних и забрали меня. Когда мне исполнилось шестнадцать, я стала работать уборщицей в компании Галтунга. Когда я забеременела от Андерса, он был помолвлен. Деньги были не его, а ее. А он как раз сделал крупные вложения на рынке, но акции упали, и у него не осталось выбора. Он отослал меня. Но она все узнала. И именно она решила, что я должна

родить ребенка, что я буду продолжать работать прислугой, а моя девочка будет воспитываться как хозяйская дочка. Сама она не могла иметь детей, так что Лене стала в какой-то степени приемышем. Они забрали ее у меня. Спросили, что я могу дать Лене, — я, мать-одиночка, без образования, без родных, неужели у меня хватит совести лишить моего ребенка возможности жить хорошо? Я была молодая и запуганная и подумала, что они правы, так будет лучше.

— Никто об этом не знал?

Она взяла кусок полотенца со стола и высморкалась.

— Удивительно, насколько легко обмануть людей, когда они сами хотят обманываться. И даже если они не дадут себя обмануть, то виду не покажут. Потому что это мало что изменит. Да, меня использовали как суррогатную мать, чтобы родить Галтунгу наследника, — ну и что тут такого?

— И это все?

Она пожала плечами:

— Нет. У меня же была Лене. Я кормила ее грудью, меняла пеленки, спала вместе с ней. Научила ее разговаривать, воспитывала ее. Но мы знали, что все это временно, что однажды мне

придется ее отдать.

— И вы отдали?

Она горько рассмеялась:

— Разве мать может когда-нибудь бросить своего ребенка? Вот дочь может. Лене презирает меня за то, что я сделала. За то, кто я есть. Но посмотрите, она сейчас делает то же самое.

— Следует на край света не за тем мужчиной?

Она пожала плечами.

— Вы знаете, где она?

— Нет. Знаю только, что она уехала, чтобы быть с ним.

Харри сделал еще один глоток из чашки.

— Я знаю, где этот край света, — сказал он.

Она не ответила.

— Я могу поехать и привезти ее вам обратно.

— Она не захочет.

— Могу попытаться. С вашей помощью. — Харри достал листок и положил его перед ней. — Что скажете?

Она стала читать. Потом подняла глаза. Косметика стекла с бирюзовых глаз на впалые щеки.

— Поклянитесь, что вы привезете мою девочку домой, Холе. Поклянитесь. Если вы сможете, тогда ладно.

Харри посмотрел на нее долгим взглядом.

— Я клянусь, — сказал он.

Выйдя на улицу и закуривая, он вспомнил ее слова. «Разве мать может когда-нибудь бросить своего ребенка? Вот дочь может». Вспомнил Одда Утму, который взял с собой фотографию сына. «Дочь может». Может ли? Он выпустил дым. А сам он может?

Гуннар Хаген стоял у прилавка с овощами в пакистанском продуктовом магазине, которому отдавал предпочтение. Он недоверчиво смотрел на своего старшего инспектора.

— Тебе опять надо в Конго? Чтобы найти Лене Галтунг? И это не имеет никакого отношения к делу об убийствах?

— Все как в прошлый раз, — сказал Харри и взял в руки какой-то овощ — он понятия не имел, как тот называется. — Мы ищем пропавшего человека.

— Насколько я знаю, Лене Галтунг никто, кроме желтой прессы, пропавшей не объявлял.

— Сейчас объявили. — Харри вынул листок из кармана плаща и показал Хагену подпись. — Это сделала ее биологическая мать.

— Да ну? И как же я должен объяснить в министерстве, что мы начинаем поиски в Конго?

— У нас есть след.

— И какой?

— Я прочитал в «Се о хёр», что Лене Галтунг попросила перекрасить ей волосы в кирпичный цвет. Я даже не знаю, принято ли у нас в стране такое обозначение цвета, именно поэтому я и запомнил.

— Запомнил что?

— Что этот цвет стоял в графе «цвет волос» в паспорте Юлианы Верни из Лейпцига. Я в свое время просил Гюнтера проверить, нет ли у нее в паспорте штампа из Кигали. Но полиция его не нашла, паспорт пропал, и я уверен, что его взял Тони Лейке.

— Паспорт? И что с того?

— И теперь он у Лене Галтунг.

Хаген положил в корзинку пучок бок чоя, медленно качая головой.

— Ты собираешься в Конго на основании того, что прочитал в журнале, который публикует сплетни?

— Я собираюсь в Конго на основании того, что я или, точнее сказать, Катрина Братт выяснила в отношении Юлианы Верни.

Хаген направился к мужчине за кассой, который сидел на возвышении у правой стены.

— Верни умерла, Харри.

— А мертвые-то сейчас летают. Оказывается, Юлиана Верни — или, предположим, женщина с кудрявыми волосами цвета красного кирпича — купила себе билет из Цюриха на край света.

— На край света?

— Гома, Конго. На завтрашнее утро.

— То есть они ее арестуют, когда выяснят, что у нее паспорт человека, который умер больше двух месяцев назад.

— Я проверил в ИКАО. Они говорят, иногда номер паспорта умершего человека убирают из списков лишь через год. Иными словами, кто-то мог приехать в Конго и по паспорту Одда Утму. Все равно у нас с Конго нет договора о сотрудничестве. Да и откупиться от ареста не так уж сложно.

Хаген выложил покупки и, пока кассир пробивал их, стал массировать виски, чтобы предотвратить неизбежную головную боль.

— Значит, найди ее в Цюрихе. Отправь в аэропорт швейцарскую полицию.

— Мы будем за ней следить. Лене Галтунг приведет нас к Тони Лейке, шеф.

— Она приведет нас к погибели, Харри. — Хаген заплатил, забрал покупки и вышел на мокрую от дождя, продуваемую ветрами Грёнланнслейрет,

где люди торопливо шли по улице, подняв воротники и опустив взгляды.

— Ты не понимаешь. Братт удалось выяснить, что несколько дней тому назад Лене Галтунг сняла все деньги со своего счета в Цюрихе. Два миллиона евро. Сумма не безумная, и, чтобы начать собственный проект разработки месторождения, ее явно не хватит. Но хватит, чтобы поддержать его в критический момент.

— Это все твои домыслы.

— А зачем еще ей, черт ее побери, понадобились два миллиона евро наличными? Послушай, шеф, это наш единственный шанс. — Харри едва поспевал за начальством. — В Конго, если кто-то не хочет, чтобы его нашли, его и не найдут. Это проклятая страна размером со всю Западную Европу, там сплошные джунгли, куда не ступала нога белого человека. Ну давай же! Иначе Лейке будет являться тебе в кошмарах, шеф.

— В отличие от тебя у меня не бывает кошмаров, Харри.

— Ты рассказал родным, как крепко спишь по ночам, шеф?

Гуннар Хаген резко остановился.

— Сорри, шеф, — извинился Харри. — Это был перебор.

— Вот именно. И я на самом деле не понимаю, зачем ты у меня клянчишь это разрешение. Раньше тебе оно было не нужно.

— Я просто подумал, тебе приятно чувствовать, что это ты принимаешь решения, шеф.

Хаген предостерегающе посмотрел на него. Харри пожал плечами:

— Ну пожалуйста, шеф. А потом можешь дать мне под зад коленом за отказ подчиниться приказу. Я всю вину возьму на себя, без проблем.

— Без проблем?

— Я все равно собираюсь после этого увольняться.

Хаген долго смотрел на Харри.

— Ладно, — сказал он. А потом снова зашагал.

Харри заторопился за ним.

— Ладно?

— Да. На самом деле я с самого начала ничего против не имел.

— Что? А почему же сразу не сказал?

— Мне приятно чувствовать, что это я принимаю решения.

Часть восьмая

Глава 83
Край света

Ей снилось, что она стоит перед закрытой дверью и слышит монотонный, холодный крик птицы в лесу, и это было так странно, потому что солнце светило и светило. Что она открывает дверь…

Она проснулась. Голова ее лежала у Харри на плече, в уголках рта застыла высохшая слюна. Голос капитана сообщил, что они заходят на посадку в Гоме.

Она выглянула в иллюминатор. Серая полоска на востоке предвещала начало нового дня. Прошло двенадцать часов с того момента, когда они вылетели из Осло. Через шесть часов приземлится самолет из Цюриха с Юлианой Верни в списке пассажиров.

— Мне интересно, почему Хаген не возражал, чтобы мы последили за Лене, — сказал Харри.

— Наверное, решил, что твои аргументы достаточно убедительны, — зевнула Кайя.

— Ммм. Он казался чересчур расслабленным. Я думаю, у него есть что-то про запас. Какая-то

страховка, которая дает ему уверенность в том, что его за это не прищучат.

— Может быть, у него есть компромат на того в министерстве, кто принимает решения? — предположила Кайя.

— Ммм. Или на Бельмана. Может, он знает, что у тебя с Бельманом был роман?

— Сомневаюсь. — Кайя, сощурившись, посмотрела в темноту. — Тут почти нет света.

— Такое ощущение, что нет электричества, — сказал Харри. — Но в аэропорту наверняка есть автономный источник питания.

— Вон там есть свет. — Она показала на красное мерцание к северу от города. — Что это такое?

— Ньирагонго, — ответил Харри. — Это лава светится.

— Правда? — Она прижала нос к иллюминатору.

Харри допил воду из стакана.

— Ну что, еще раз пройдемся по плану?

Она кивнула и подняла спинку кресла.

— Ты остаешься в зале прилета и следишь за табло, чтобы видеть, что все идет так, как надо. А я займусь шопингом. Отсюда только пятнадцать минут до центра, так что я вернусь гораздо раньше, чем приземлится самолет Лене. Ты следишь,

встретит ли ее кто-то, и следуешь за ней. Поскольку Лене знает меня в лицо, я буду сидеть в такси на улице и ждать вас. А если произойдет что-то неожиданное, ты мне сразу же звонишь. О'кей?

— О'кей. А ты уверен, что она будет ночевать в Гоме?

— Я вообще ни в чем не уверен. В Гоме всего два отеля, если верить Катрине, никто там номеров не бронировал, ни на имя Верни, ни на имя Галтунг. С другой стороны, партизаны контролируют дороги и на запад, и на север, а до ближайшего города на юге ехать восемь часов.

— Неужели ты думаешь, Тони вызвал сюда Лене только ради того, чтобы выдоить из нее деньги?

— Йенс Рат сказал, что проект переживает критическую фазу. А ты видишь какую-то другую причину?

Кайя пожала плечами:

— А что, если даже убийца способен любить так сильно, что просто-напросто хочет, чтобы она была рядом? Неужели в это так трудно поверить?

Харри кивнул. Словно бы соглашаясь — «да, ты права». Или же «да, трудно».

Когда самолет выпускал шасси, раздалось жужжание и щелканье, как при замедленной съемке.

Кайя выглянула в окно:

— Мне не нравится этот шопинг, Харри. Мне не нравится оружие.

— Лейке — насильник.

— И мне не нравится быть полицейскими инкогнито. Я понимаю, что мы не можем контрабандой провезти в Конго наше собственное оружие, но разве нельзя попросить конголезскую полицию помочь с задержанием?

— Я уже говорил, что договора о сотрудничестве у нас нет. Кроме того, вполне возможно, что Лейке, у которого водятся денежки, давно прикормил местных полицейских и они у него на жалованье. Тогда они его предупредят.

— Теория заговора.

— Точно. Тут математика довольно простая. Зарплаты полицейского в Конго не хватает, чтобы прокормить семью. Расслабься, у ван Боорста есть прекрасный магазинчик металлических изделий, и он достаточно профессионален, чтобы не болтать.

Шасси с легким вскриком коснулись посадочной полосы.

Кайя, прищурившись, смотрела в окно.

— А почему тут так много солдат?

— ООН перебрасывает сюда подкрепление. В

последние дни партизаны подошли еще ближе.

— Какие партизаны?

— Партизаны-хуту, партизаны-тутси, партизаны-май-май. Кто их разберет?

— Харри?

— Да.

— Давай поскорей сделаем эту работу и вернемся домой.

Он кивнул.

Уже светало, когда Харри шел вдоль вереницы такси у аэропорта. Перекинувшись парой слов с несколькими водителями, он нашел наконец того, кто прилично говорил по-английски. По правде говоря, великолепно говорил. Это был мужчина невысокого роста с бойкими глазами, седыми волосами и вздувшимися жилами на висках и на высоком блестящем лбу. Английский у него был довольно оригинальный, эдакий высокий оксфордский штиль с протяжным конголезским акцентом. Харри объяснил, что хотел бы нанять его на весь день, они быстро договорились о цене и обменялись рукопожатиями, третью оговоренной суммы в долларах и именами — Харри и доктор Дьюгам.

— Специалист по английской литературе, — объяснил мужчина и, не таясь, пересчитал

деньги. — Но поскольку мы проведем вместе весь день, можешь звать меня Сол.

Он открыл заднюю дверь помятого «хёндая». Харри объяснил Солу, куда ехать — к той дороге, что идет от сожженной церкви.

— Вижу, ты бывал здесь раньше. — Сол уже ехал по ровной полосе асфальта, которая, едва они выбрались на шоссе, сменилась лунной поверхностью с кратерами и трещинами.

— Один раз.

— Ты должен быть осторожен, — улыбнулся водитель. — Хемингуэй писал, что если ты открыл свое сердце Африке, то тебе больше никогда не захочется куда-нибудь еще.

— Хемингуэй это писал? — усомнился Харри.

— Ну конечно, но Хемингуэй вечно писал такую романтическую фигню. Напивался, стрелял львов и писал сладкой мочой с виски на трупы. А правда заключается в том, что в Конго никто не возвращается, если в этом нет особой нужды.

— У меня она есть, — усмехнулся Харри. — Послушай, я пытался найти шофера, который меня возил в прошлый раз. Джо из «Помощи беженцам». Но его номер не отвечает.

— Джо уехал, — сказал Сол.

— Уехал?

— Взял семью, украл автомобиль и поехал в Уганду. Гома окружена. Они всех поубивают. Мы скоро уезжаем, видишь, я тоже. У Джо была хорошая машина, может, ему и удалось удрать.

Харри узнал шпиль церкви, возвышающийся над руинами той части города, что сожрал Ньирагонго. Он держался за сиденье, пока «хёндай», раскачиваясь, лавировал между воронками. Пару раз ему показалось, что машина шаркает днищем по дороге.

— Жди меня здесь, — сказал Харри. — Дальше я пойду пешком. Скоро вернусь.

Харри вылез из машины и вдохнул серую пыль, запах специй и гнилой рыбы.

И пошел дальше. Какой-то явно пьяный мужчина попытался задеть его плечом, но не попал и зашатался. Харри услышал несколько слов в свой адрес, но продолжал идти своей дорогой. Не слишком быстро, но и не слишком медленно. Добравшись до единственного кирпичного дома, зажатого между магазинами, он громко постучал в дверь и стал ждать. Услышал внутри быстрые шаги. Слишком быстрые для ван Боорста. Дверь чуть приоткрылась, он увидел половину черного лица и один глаз.

— Van Boorst home?[136] — спросил Харри.

— No[137]. — Сверкнул большой золотой зуб в верхней челюсти.

— I want to buy some handguns, miss van Boorst[138]. Не могли бы вы мне помочь?

Она покачала головой:

— Sorry. Good-buy[139].

Харри поспешил просунуть ногу в щель.

— Я хорошо заплачу.

— No guns. Van Boorst not here[140].

— А когда он вернется, мисс ван Боорст?

— Я не знаю. Мне некогда.

— Я ищу одного человека из Норвегии, Тони. Tall, handsome. You've seen him around?[141]

Женщина покачала головой.

— А вечером ван Боорст вернется? Это очень

---

[136] Примечания: 136
Ван Боорст дома? *(англ.)*

[137] Примечания: 137
Нет *(англ.)*.

[138] Примечания: 138
Я хотел бы купить несколько пистолетов, мисс ван Боорст *(англ.)*.

[139] Примечания: 139
Извините. До свидания *(англ.)*.

[140] Примечания: 140
Пистолетов нет. Ван Боорста нет здесь *(англ.)*.

[141] Примечания: 141
Высокий, симпатичный. Вы его тут нигде не видели? *(англ.)*

важно, мисс.

Она посмотрела на него. Смерила его взглядом. Медленно, с головы до ног. И обратно. Мягкие губы раздвинулись, обнажая зубы.

— You a rich man?[142]

Харри не ответил. Она сонно моргала, черные глаза светились мутным светом. Потом она улыбнулась кривоватой улыбкой:

— Thirty minutes. Come back then[143].

Харри пошел назад к машине, уселся на переднее сиденье, попросил Сола ехать к банку и набрал номер Кайи.

— Сижу в зале прилета, — сказала она. — Никаких сообщений, кроме того, что самолет из Цюриха прилетает по расписанию.

— Я зарегистрирую нас в гостинице, прежде чем поеду назад к ван Боорсту и куплю то, что нам надо.

Гостиница находилась к востоку от центра, на дороге, ведущей к руандийской границе. Перед ресепшеном была парковка, отполированная лавой и обрамленная деревьями.

— Их посадили после последнего изверже-

---

[142] Примечания: 142
Вы богаты? *(англ.)*

[143] Примечания: 143
Тридцать минут. Приходите потом *(англ.)*.

ния, — сказал Сол, словно прочитав мысли Харри, ведь в Гоме почти не было деревьев.

Номер на двоих находился на втором этаже невысокого здания у самого озера и имел балкон, нависающий над водой. Харри выкурил сигарету, глядя на утреннее солнце, сверкавшее в воде и отражавшееся в металле буровой установки вдалеке. Он взглянул на часы и пошел назад на парковку.

Казалось, образ жизни Сола в совершенстве приспособлен к вялому движению транспорта, частью которого он был: он ехал медленно, медленно говорил и так же двигал руками. Он припарковался у церкви, на приличном расстоянии от дома ван Боорста. Выключил мотор и вежливо, но решительно попросил Харри уплатить треть суммы.

— Ты мне не доверяешь? — спросил Харри, подняв бровь.

— Я доверяю твоему искреннему желанию заплатить, — сказал Сол. — Но в Гоме деньгам будет спокойнее у меня, чем у Харри. Сожалею, но это так.

Харри лишь кивнул, услышав такие рассуждения, пересчитал оставшиеся деньги и спросил, нет ли у Сола в машине чего-нибудь тяжелого и

компактного, размером примерно с револьвер, вроде карманного фонарика. Сол кивнул и открыл бардачок. Харри вынул оттуда фонарик, сунул его во внутренний карман куртки и посмотрел на часы. Прошло двадцать пять минут.

Он двинулся по улице быстрым шагом. Боковым зрением отмечал мужчин, которые поворачивали голову ему вслед и оценивали его взглядом. Оценивали рост и вес. Упругость походки. Чуть съехавшую на одну сторону куртку и выпирающий внутренний карман. И отворачивались.

Он подошел к двери и постучал.

Те же легкие шаги.

Дверь отворилась. Девушка быстро взглянула на него, потом мимо него, на улицу.

— Быстрее, заходите, — сказала она, схватила его за руку и втянула в дом.

Харри шагнул за порог и остановился в полумраке. Все шторы были задернуты, кроме одной, на окне над кроватью, где она лежала полуголая в прошлый раз.

— Он еще не тут, — сказала она на своем простом, но доходчивом английском. — Но скоро.

Харри кивнул и посмотрел на кровать. Попытался представить эту девушку в постели, до пояса прикрытую одеялом. Свет, озарявший ее

кожу. Но не мог. Что-то отвлекало его внимание, что-то было не так, чего-то не хватало, или, наоборот, присутствовало нечто, чего тут быть не могло.

— Вы приехали один? — спросила она, подошла к нему и села на кровать. Оперлась одной рукой на матрас, так, что платье сползло, обнажив плечо.

Харри смотрел по сторонам, пытаясь понять, в чем же дело. И понял. В колонизаторе и эксплуататоре короле Леопольде.

— Да, — ответил он машинально, еще не до конца осознавая, что произошло. — Alone[144].

Портрет короля Леопольда, висевший на стене над кроватью, исчез. Тут же подоспела следующая мысль. Ван Боорст не приедет. Он уехал туда же, куда делся портрет.

Харри приблизился к девушке на полшага. Она повернула к нему голову, облизнула пухлые красно-черные губы. Теперь ему было видно, кто же пришел на смену бельгийскому королю. На гвозде, где прежде висел портрет, теперь была пришпилена купюра. У человека на купюре было чувственное лицо и красивые, ухоженные усы.

---

[144] Примечания: 144
Один *(англ.).*

Эдвард Мунк.

Харри понял, что сейчас произойдет, собрался обернуться, но что-то подсказало ему, что он опоздал, что он находится как раз там, где и должен находиться согласно замыслу режиссера.

Он скорее почувствовал, чем увидел движение за спиной и не ощутил точного укола в горло, только чье-то дыхание у виска, но шея вдруг стала как ледяная, спина окаменела, онемела кожа головы, ноги подогнулись, поскольку вещество достигло мозга и он потерял сознание. И последней его мыслью — прежде, чем вокруг него сомкнулась тьма, — было: до чего же он быстро действует, этот кетаномин.

Глава 84
Воссоединение

Кайя прикусила нижнюю губу. Что-то было не так.

Она снова набрала номер телефона Харри.

И ей снова ответил автоответчик.

Она просидела в зале прилета — бывшем, если уж на то пошло, одновременно и залом вылета — почти три часа. Пластиковый стул успел натереть ей все части тела, которые с ним соприкасались.

Она услышала гул самолета. Сразу же после этого на единственном мониторе в зале — побитом ящике, подвешенном к потолку на двух проржавевших кусках проволоки, — появилась информация о том, что рейс KJ 337 из Цюриха совершил посадку.

Она снова, как делала примерно раз в две минуты, осмотрела собравшихся в зале людей и удостоверилась, что Тони Лейке среди них нет.

И позвонила еще раз, но нажала на отбой, осознав, что звонит просто от бессилия, оттого, что больше ничего не может поделать.

Двери зала выдачи багажа разъехались, начали

выходить первые пассажиры с ручной кладью. Кайя поднялась со стула и подошла к стене рядом с дверью, встала так, чтобы видеть имена на пластиковых табличках и листках бумаги, которые держали в руках таксисты. Ни Юлианы Верни, ни Лене Галтунг.

Кайя снова уселась на свой стул. Сунула под себя ладони, мокрые от пота. Что ей теперь делать? Поверх больших солнцезащитных очков она уставилась на раздвижные двери.

Секунды шли. Ничего не происходило.

Лене Галтунг было почти невозможно разглядеть за фиолетовыми солнцезащитными очками и огромным черным мужчиной, который шел перед ней. У нее были рыжие вьющиеся волосы, джинсовая куртка, штаны цвета хаки и массивные горные ботинки. Она тащила за собой дорожную сумку на колесиках максимальных габаритов, допустимых для ручной клади. Вместо сумочки в руках у нее был блестящий металлический чемоданчик.

Ничего не произошло. Но произошло все. Параллельно, одновременно, и в прошлом, и в настоящем, и Кайя вдруг странным образом поняла, что наконец-то у нее появился повод. Повод, которого она давно ждала. Возможность сделать

так, как надо.

Кайя не смотрела на Лене Галтунг, просто старалась не выпускать ее из поля зрения. Спокойно встала, когда та прошла мимо нее, взяла свою сумку и направилась следом. На улицу, в слепящий солнечный свет. Лене никто не встретил, а ее быстрая, решительная походка могла означать, что девушку подробно и четко проинструктировали, что делать. Она прошла мимо такси, перешла дорогу и забралась на заднее сиденье большого темно-синего «рейнджровера». Дверь перед ней распахнул чернокожий мужчина в костюме. Потом закрыл и уселся за руль. Кайя скользнула на заднее сиденье первого в очереди такси, на секунду задумалась и поняла, что ничего не остается, кроме формулировки:

— Follow this car[145].

В зеркале она увидела, как таксист удивленно поднял бровь. Кайя показала на машину впереди, шофер знаком показал, что понял, однако машина продолжала стоять с включенным мотором.

— Double pay[146], — сказала Кайя.

Шофер коротко кивнул, и машина тронулась.

---

[145] Примечания: 145
Езжайте за этой машиной *(англ.)*.

[146] Примечания: 146
Плачу вдвойне *(англ.)*.

Кайя позвонила Харри. И ей снова никто не ответил.

Они петляли по главной улице, направляясь на запад. Улицы были забиты грузовиками, повозками и легковыми автомобилями с чемоданами, привязанными к крыше. По обеим сторонам дороги шли люди, тащившие на голове огромные тюки с одеждой и домашним скарбом. Местами движение просто прекращалось. Таксист явно понял, чего именно от него хотят, и следил, чтобы между ними и синим «рейнджровером» был по меньшей мере один автомобиль.

— Куда они все? — спросила Кайя.

Таксист, улыбаясь, покачал головой, показывая, что не понимает. Кайя повторила вопрос по-французски — с тем же успехом. В конце концов она просто показала пальцем на череду людей, бредущих мимо их машины, и сделала вопросительное лицо.

— Re-fu-gee, — сказал шофер. — Go away. Bad people coming[147].

Кайя кивнула.

Она послала Харри эсэмэску. Пыталась не поддаваться панике.

---

[147] Примечания: 147
Бе-жен-цы. Уходят. Приходят плохие люди *(англ.).*

Посреди Гомы главная дорога разделялась надвое. «Рейнджровер» повернул налево. Чуть подальше он снова сделал левый поворот и покатился вниз к озеру. Они очутились в совершенно другой части города, с большими виллами за высокими заборами. Виллы были окружены ухоженными садами, раскидистые деревья давали тень и укрывали от посторонних глаз.

— Old, — произнес шофер. — The Bel-gium. Colo-nist[148].

В районе особняков не было никакого движения, и Кайя сделала знак шоферу поотстать от темно-синей машины, хотя и сомневалась, что Лене Галтунг сумеет определить хвост. Когда «рейнджровер» остановился в сотне метров перед ними, Кайя велела шоферу тоже остановиться.

Человек в серой форме открыл железные ворота, машина въехала во двор, ворота снова закрылись.

Лене Галтунг чувствовала, как сильно бьется ее сердце. Оно колотилось с тех самых пор, как зазвонил телефон и она услышала его голос. Он сказал, что он в Африке. И что она должна приехать к нему. Что она нужна ему. Что только она

---

[148] Примечания: 148
Старые. Бельгия. Колонист *(англ.).*

может ему помочь. Спасти его замечательный проект, который теперь станет и ее проектом. Тогда у него будет работа. Мужчинам нужна работа. Будущее. Надежная жизнь в таком месте, где можно растить детей.

Шофер открыл дверь машины, и Лене Галтунг вышла. Солнце пекло вовсе не так сильно, как она боялась. Перед ней высилась великолепная вилла. Старая, строившаяся капитально, без спешки. Камень к камню. На старые деньги. Как сделали бы они сами. Когда они с Тони познакомились, его ужасно занимало ее родословное древо. Галтунги были норвежским дворянским родом, одним из крайне немногочисленных исконных, не иностранных, и Тони без устали повторял это. Может быть, именно поэтому она решила пока не рассказывать ему, что она сама вполне обычного, скромного происхождения, не алмаз, а серый гранитный камешек среди таких же на горной осыпи, парвеню.

Но теперь от них произойдет новый дворянский род, он просияет среди этой осыпи. И они будут строить.

Шофер, шедший впереди, поднялся на каменное крыльцо, и вооруженный человек в камуфляже распахнул перед ними дверь. Они вошли в

холл с великолепной хрустальной люстрой. Лене стиснула в потной ладони ручку металлического чемоданчика с деньгами. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Хорошо ли уложены волосы? Заметно ли по ней, что она мало спала и долго была в пути? По широкой лестнице кто-то спускался со второго этажа. Нет, это была чернокожая женщина, наверняка кто-то из прислуги. Лене улыбнулась ей вежливой, но не слишком открытой улыбкой. Женщина, блеснув золотым зубом, ответила уверенной, почти наглой улыбкой и скрылась в дверях у Лене за спиной.

Он был там.

Он стоял у перил второго этажа и смотрел вниз, на них.

Высокий, темноволосый, в шелковом халате, из-под которого белел красивый широкий шрам на груди. Потом он улыбнулся. Она услышала свое собственное участившееся дыхание. Улыбка. Она осветила его лицо, ее сердце и этот холл ярче любой хрустальной люстры.

Он сделал шаг вниз по лестнице.

Она отставила чемоданчик в сторону и устремилась ему навстречу. Он распахнул руки и принял ее в свои объятия. Наконец-то она с ним. Она ощущала его запах сильнее, чем когда-либо.

Смешанный с каким-то другим, пряным, сильным запахом. Наверное, так пахло от халата, потому что теперь она увидела: рукава этого элегантного шелкового одеяния ему коротковаты и оно совсем не новое. Только когда он попытался высвободиться из ее объятий, она поняла, что вцепилась в него мертвой хваткой, и быстро разжала руки.

— Дорогая, ты что, плачешь? — засмеялся он и провел пальцем по ее щеке.

— Правда? — Лене с улыбкой вытерла глаза, надеясь, что тушь не потекла.

— У меня для тебя сюрприз, — сказал он и взял ее за руку. — Пойдем.

— Но… — Она, повернулась и увидела, что металлический чемоданчик уже исчез.

Они пошли вверх по лестнице, прошли сквозь какие-то двери и оказались в большой светлой спальне. Длинные невесомые шторы медленно колыхались под ветром, дующим через дверь террасы.

— Ты спал? — спросила она и кивнула в сторону неубранной кровати под балдахином.

— Нет, — улыбнулся он. — Сядь сюда. И закрой глаза.

— Но…

— Просто делай, как я говорю, Лене.

Ей показалось, что в голосе его прозвучало легкое раздражение, и она поспешила послушаться.

— Скоро сюда принесут шампанское, и тогда я тебя кое о чем спрошу. Но сначала я хочу рассказать тебе одну историю. Ты готова?

— Да, — сказала она.

Она знала. Она знала, что вот он и наступил, этот самый миг. Которого она так долго ждала. И будет помнить всю свою жизнь.

— История, которую я расскажу, обо мне. Дело в том, что тебе, по-моему, следует кое-что узнать, прежде чем ты ответишь на мой вопрос.

— Хорошо. — Ей казалось, что пузырьки шампанского уже попали ей в кровь, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы не засмеяться.

— Я рассказывал тебе, что вырос у дедушки, что родители мои умерли. Но я не рассказывал, что жил с ними до пятнадцати лет.

— Я знала! — вырвалось у нее.

Тони поднял бровь. Какая изумительная форма, до чего же красивая бровь, подумала она.

— Я все время знала, что у тебя есть какая-то тайна, Тони, — засмеялась она. — Но у меня тоже есть тайна. Я хочу, чтобы мы всё, всё знали друг о друге.

Тони криво улыбнулся:

— Позволь мне продолжить и не перебивай меня, дорогая Лене. Моя мать была глубоко религиозна. Она повстречалась с моим отцом в молельном доме. Его только что выпустили из тюрьмы, где он отсидел срок за убийство из ревности. В тюрьме он обрел Иисуса. Для матери это стало чем-то вроде притчи из Библии: раскаивающийся грешник, человек, которому она могла бы помочь обрести спасение и жизнь вечную и в то же время искупила бы собственные прегрешения. Именно так она объясняла мне, почему она вышла замуж за эту сволочь.

— Что…

— Тихо! Мой отец возмещал совершенное им убийство, клеймя как грех все, что не служило прославлению Господа. Мне не разрешали делать ничего из того, что делали другие дети. Если я перечил ему, мне давали ремня. Он имел обыкновение провоцировать меня, говорить, что Солнце вращается вокруг Земли, что про это написано в Библии. И если я спорил, он меня бил. Однажды, когда мне было двенадцать, я пошел в туалет во дворе вместе с матерью. Так у нас было принято. Когда мы вышли, он ударил меня остро наточенной лопатой, потому что считал, что это грех, что

я уже слишком взрослый, чтобы ходить в уборную с матерью. Он пометил меня на всю жизнь.

Лене сглотнула слюну, а Тони поднял искривленный артритом указательный палец и провел им по верхней части шрама на груди. Лене только сейчас заметила, что у него нет среднего пальца.

— Тони! А что…

— Тихо! Мне было пятнадцать, когда отец избил меня в последний раз. Он порол меня двадцать три минуты подряд. Тысячу триста девяносто две секунды. Я сосчитал. Он наносил удар каждую четвертую секунду, как машина. Бил и бил, разъяряясь все больше, потому что я не плакал. И остановился, только когда у него устала рука. Триста сорок восемь ударов. В ту ночь я подождал, пока он захрапит, прокрался к ним в спальню и капнул ему в глаз кислотой. Он закричал и продолжал кричать, пока я его держал и шептал ему в ухо, что, если он еще раз меня тронет, я его убью. И я почувствовал, как он застыл у меня в руках, и тут я понял: теперь он знает, что я стал сильнее его. Знает, что во мне это тоже есть.

— Что есть, Тони?

— Он. Убийца.

Сердце Лене остановилось. Это неправда. Это не может быть правдой. Он же тогда сказал ей,

что убивал не он, что в полиции ошиблись.

— После того дня мы с ним подстерегали друг друга, как звери. И мать знала: или он, или я. Однажды она пришла ко мне и сказала, что он был в Йейлу и купил новые патроны для винтовки. Что я должен бежать, что она обо всем договорилась с дедушкой. Тот был вдовец и жил возле Люсерена. Дед знал, что ему надо меня спрятать, а то отец приедет за мной. И я уехал. Мать устроила так, что все подумали, будто я погиб под лавиной. Отец избегал людей, все контакты с окружающими происходили через мать. Он думал, она объявила меня в розыск, но на самом деле она рассказала о том, что сделала, только одному человеку. Они с помощником ленсмана Роем Стилле… они очень хорошо знали друг друга. Стилле хватило ума понять, что полиция вряд ли смогла бы защитить меня от отца и наоборот, поэтому он и помог замести мои следы. У деда мне было хорошо. До того самого дня, как пришло сообщение, что мать пропала в горах.

Лене протянула руку:

— Бедный, бедный Тони.

— Я кому сказал: закрой глаза!

Она вздрогнула, как от удара, отдернула руку и вновь закрыла глаза.

— Дед сказал, мне нельзя ехать на поминальную службу. Никто не должен был знать, что я жив. Когда дед вернулся, он пересказал мне поминальную речь пастора. Три строчки. Три строчки о самой красивой и сильной женщине в мире. Последние его слова были: «Карен легко ступала по земле». А остальное лишь про Иисуса и отпущение грехов. Три строчки и прощение грехов, которых она никогда не совершала. — Теперь Лене слышала тяжелое дыхание Тони. — «Легко ступала». Чертов пастор заявил с кафедры, что мать не оставила за собой следов. Испарилась — так же легко, как жила. И перешел к следующему стиху в Библии. Дедушка рассказал все как есть, и знаешь что, Лене? Это был важнейший день в моей жизни. Понимаешь?

— Э-э… Нет, Тони.

— Я знал, что он тоже там был, этот гад, ее убийца. И я поклялся, что отомщу. Что я ему покажу. Всем им покажу. Именно в тот день я решил: что бы ни произошло, я закончу не так, как он. Или она. Тремя строчками. А отпущение грехов не нужно ни мне, ни тому гаду, все равно оба будем гореть в аду. И лучше уж гореть, чем делить рай с таким Богом. — Он понизил голос: — Никто, никто не сможет встать у меня на пути. Теперь

понимаешь?

— Да, — улыбнулась Лене. — И ты это заслужил, Тони. Все заслужил. Ты столько работал!

— Я рад, что ты так хорошо все понимаешь, дорогая. Потому что я рассказал тебе еще не все. Ты готова?

— Да, — сказала Лене и сложила руки.

И она тоже пусть знает, та, что сидит там, дома, и завидует, одинокая и озлобленная, не позволявшая родной дочери изведать любовь.

— Все было в моей власти, — сказал Тони, и Лене почувствовала его руку у себя на колене. — Ты, деньги твоего отца, мой проект. Я думал, что ничто не может этому помешать. Пока не трахнул ту похотливую сучку в Ховассхютте. Я даже не помнил, как ее зовут, пока она не написала мне, что беременна и хочет денег. Она встала у меня на пути, Лене. Я все тщательно подготовил. Закрыл все в машине полиэтиленом. Взял с собой пустую открытку из Конго, которая у меня дома завалялась, заставил ее написать текст, объяснявший ее исчезновение. А потом воткнул нож ей в горло. Звук крови, капающей на полиэтилен, Лене… это что-то особенное.

Глава 85
Мунк

Словно ледяная сосулька пробила ей череп. Лене зажмурилась:

— Ты… ты… ее убил? Женщину… с которой… переспал там, в горах?

— Либидо у меня сильнее, чем у тебя, Лене. Раз ты не хочешь делать то, о чем я прошу, приходится использовать других.

— Но ты… ты хотел, чтобы я… — Она давилась слезами. — Это же противоестественно!

Тони коротко хохотнул:

— А вот она ничего не имела против, Лене. Да и Юлиана тоже. Хотя ей я хорошо заплатил.

— Юлиана? Ты о чем, Тони? Тони? — Лене, будто слепая, шарила перед собой руками.

— Шлюха из Лейпцига, с которой я регулярно встречался. За деньги она делает все, что угодно. Делала.

Лене заливалась слезами. Он говорил совершенно спокойно, и от этого казалось, что все происходит во сне.

— Скажи… что все это неправда, Тони. Пожа-

луйста, прекрати.

— Молчи. Я получил новое письмо. С фотографией. Представляешь, каково мне было увидеть на фотографии Аделе — в моей машине и с ножом в горле? Письмо было подписано Боргни Стем-Мюре. Она требовала денег, угрожая заявить на меня в полицию и обвинить в убийстве Аделе Ветлесен. Я понял, что нужно ее убрать. Но мне понадобилось алиби на случай, если в полиции догадаются связать меня с Боргни и попыткой шантажа. Вообще-то, я думал отправить открытку, написанную Аделе, когда в следующий раз буду в Африке, но теперь мне в голову пришло кое-что получше. Я связался с Юлианой и послал ее в Гому. Она полетела туда под именем Аделе, отправила открытку из Кигали, заехала к ван Боорсту и купила у него яблоко, которым я собирался угостить Боргни. Когда Юлиана вернулась, мы с ней встретились в Лейпциге. И я позволил ей стать первой, вкусившей яблочко. — Тони хохотнул. — Бедняжка думала, это моя новая сексуальная причуда.

— И ты… ее ты тоже убил?

— Да. А потом Боргни. Я поехал за ней. Она как раз открывала ворота своего дома, когда я подкрался к ней с ножом. Привел ее в подвал, где все

подготовил заранее. Навесной замок. Яблоко. Я воткнул ей в шею шприц с кетаномином, а потом уехал в Шиен, на встречу с инвесторами, чтобы они стали моими свидетелями. Алиби. Я знал, что, пока я смакую белое вино, Боргни сделает за меня всю работу. В конце концов они всегда дергают за шнурок. Потом вернулся, вошел в подвал, забрал навесной замок, на который запирал Боргни, вынул у нее изо рта яблоко и поехал домой. К тебе. Мы занимались любовью. Ты еще притворилась, что кончила. Помнишь?

Лене покачала головой, она не в силах была выговорить ни слова.

— Закрой глаза, я сказал.

Она почувствовала, как он провел пальцами по ее лбу и, будто агент похоронного бюро, опустил ей веки. Услышала его голос, звучащий нараспев, словно он беседовал сам с собой:

— Ему нравилось меня бить. Теперь я его понимаю. Ощущение власти, которое испытываешь, причиняя боль, видя, как другой человек уступает, как воля твоя осуществляется и на земле, как на небе.

Она ощущала его запах, и еще запах женщины. А потом прямо у нее под ухом вновь зазвучал его голос:

— Пока я их убивал, что-то произошло. Как будто их кровь пролилась на зернышко, которое дремало во мне все это время. Наконец-то я понял, что видел тогда во взгляде отца. И узнал. Точно так же, как он видел во мне себя, я узнавал его, когда смотрелся в зеркало. Мне нравилась власть. И чужое бессилие. Мне нравилась игра, риск, пропасти и вершины. Когда стоишь на вершине, головой в облаках, и внемлешь ангельскому хору, то тебе для полноты ощущения непременно нужно слышать, как под ногами у тебя шипит адское пламя. Мой отец это знал. А теперь и я знаю.

Красные пятна заплясали у Лене под закрытыми веками.

— Я и сам не представлял, как сильно я его ненавидел. Но как-то раз, через пару лет после моего бегства из дома, я стоял с девушкой на опушке леса, неподалеку от клуба, где были танцы. Вдруг на меня накинулся один парень. Я видел, у него в глазах пылает ненависть. И тут мне почудился отец, идущий с лопатой наперевес на нас с мамой. Я отрезал тому парню язык. Меня схватили и осудили. Так я понял, что делает с человеком тюрьма. И почему отец и словом не обмолвился о том, как тянул свой срок. Мне и дали-то не так много. И все равно я чуть не сошел с ума. Там-то,

в тюрьме, я и понял, что мне делать. Я обязан был упечь его в тюрьму за убийство матери. Не убивать, а замуровать в тюрьме, похоронить заживо. Но для этого мне нужны были доказательства — останки матери. Чтобы их найти, я построил хижину там, высоко в горах, подальше от людей. Чтобы нечаянно не встретить кого-нибудь, кто узнал бы мальчишку, сгинувшего в пятнадцать лет. Каждый год я километр за километром обшаривал плоскогорье. Едва сходил снег, как я брался за дело, работал в основном по ночам, когда в горах никого нет, прочесывал обрывы и места оползней. Иной раз ночевал в туристических хижинах, все равно туда заглядывали лишь случайные туристы. Но кто-то из местных все-таки меня заприметил, поползли слухи о призраке сына Утму. — Тони душил смех. Лене открыла глаза, но Тони этого не заметил, он изучал мундштук, который как раз вынул из кармана халата. Она поспешила снова закрыть глаза.

— После того как я убил Боргни, пришло письмо, подписанное Шарлоттой. В нем говорилось, что прошлое послание прислала она. Я понял, что стал участником какой-то игры. Как знать, не было ли и это письмо блефом, ведь отправить его мог кто угодно из тех, кто провел ту ночь в

Ховассхютте. Я поехал в горы, чтобы проверить по гостевой книге, но та страница была вырвана. Тогда я убил Шарлотту. И стал ждать нового письма. Оно пришло. И я убил Марит. А затем Элиаса. Потом прочитал в газете, что всех, кто оказался в Ховассхютте в ту ночь, просят дать о себе знать. Понятно, о том, что я там был, в полиции не знали, но я рассчитывал выпытать у полицейских, кто там был еще. Кто идет по моему следу. Кого мне предстоит убить. И я обратился к тому, кто, как я думал, знает больше всех. К этому сыскарю, Харри Холе. Попытался расспросить его о других постояльцах. Без особого успеха. Вместо этого появился Микаэль Бельман из Крипоса и арестовал меня. Он рассказал, что кто-то звонил Элиасу Скугу с моего телефона. И тут меня осенило. Дело не в деньгах, просто кто-то пытается меня подставить. И отправить в тюрьму. Но кто способен хладнокровно наблюдать, как убивают людей, только чтобы продолжать этот… этот крестовый поход против меня? Кто может ненавидеть меня до такой степени? И тут пришло последнее письмо. На этот раз он не написал, кто он такой, сообщил лишь, что был в ту ночь в Ховассхютте, незримый, как призрак. И что я его даже слишком хорошо знаю. И что он придет за мной. Тогда я

понял. Он таки нашел меня. Отец.

Тони перевел дух.

— Он задумал сделать со мной то, что я сам припас для него. Похоронить заживо, засадить в тюрьму пожизненно. Но как он узнал? Наверное, он приглядывал за Ховассхюттой и прослышал, что там произошло. Возможно, он знал, что я жив, и какое-то время следил за мной на расстоянии. Ведь после нашей помолвки в светской прессе стали печатать мои фотографии, а в такие журналы даже отец иногда заглядывал. Но ему бы понадобился сообщник, ведь он не мог, например, приехать в Осло и проникнуть в мой дом или сфотографировать Аделе с ножом в горле. Или все-таки мог? Я выяснил, что этот изворотливый козел покинул хутор. Но он не знал, как хорошо я изучил те места, пока искал тело матери. Лучше, чем он. Я нашел его в «Пасти», в туристической хижине. И радовался, как дитя. Но меня постигло разочарование.

Шелест шелковой ткани.

— Пытая его, я не получил того удовлетворения, на которое рассчитывал. Этот слепой чурбан меня даже не узнал. Хотя не это самое страшное. Я-то хотел, чтобы он увидел, что я стал тем, кем он так и не смог стать. Увидел мой успех. Хотел

унизить его. А он увидел во мне свое отражение. Убийцу. — Он вздохнул. — И до меня постепенно стало доходить, что никакого сообщника у него не было. А в одиночку он бы не справился, слишком он был жалок, труслив, напуган. Вызвав лавину, я едва не впал в панику. Потому что теперь знал наверняка: это был кто-то другой. Невидимый охотник, который затаился в темноте и дышит в такт моему дыханию. Мне надо было скрыться. Бежать из страны. Туда, где меня не найдут. И вот мы здесь, дорогая. На краю джунглей размером с Западную Европу.

Лене передернуло.

— Зачем это, Тони? Зачем ты мне это… рассказываешь?

Она почувствовала его руку у себя на щеке.

— Потому что ты заслуживаешь этого, дорогая. Твоя фамилия Галтунг, и ты, когда умрешь, удостоишься длинной надгробной речи. Вот я и считаю, что будет правильно, если ты узнаешь обо мне все, прежде чем дашь ответ.

— Какой ответ?

— Ответ на вопрос, согласна ли ты выйти за меня замуж.

У нее закружилась голова.

— Согласна ли я…

— Открой глаза, Лене.

— Но я…

— Открывай, я сказал.

Она сделала, как он велел.

— Это тебе, — сказал он.

Лене Галтунг хватала ртом воздух.

— Оно золотое, — добавил Тони. Солнечный свет мягко отражался в кусочке желто-коричневого металла, лежавшем на листке бумаги перед ними. — Я хочу, чтобы ты его надела.

— Надела?

— Разумеется, после того, как поставишь подпись под нашим брачным контрактом.

Лене заморгала. Ей хотелось проснуться, чтобы этот кошмар наконец рассеялся. Изуродованная рука протянулась через стол и накрыла ее руку. Она взглянула на чудовище в бордовом шелковом халате.

— Знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Денег, которые ты привезла, хватит ненадолго, но брак дает мне определенные права на наследство, когда ты умрешь. Ты думаешь, не собираюсь ли я тебя убить. Я прав?

— А ты собираешься?

Тони тихо рассмеялся и сжал ее руку.

— А ты собираешься мне помешать, Лене?

Она помотала головой. Ей всего лишь хотелось быть кому-то нужной. Ему. Словно во сне, она взяла ручку, которую он ей протянул. Поднесла ее к бумаге. Слезы попали на подпись, чернила расплылись. Он потянул листок к себе.

— Прекрасно, — сказал он, подул на него и кивнул на журнальный столик. — А теперь давай прими мой дар.

— Что ты имеешь в виду, Тони? Это же не кольцо.

— Я имею в виду, что ты должна открыть рот, Лене.

Харри моргнул. С потолка свешивалась одинокая лампочка. Он лежал на кровати, на спине. Голый. Тот же сон, только теперь он не спал. Над изголовьем в стене торчал гвоздь, а на гвоздь была насажена голова Эдварда Мунка. Норвежская купюра. Он разинул рот так широко, что казалось, сломанная челюсть вот-вот лопнет, но все равно давило ужасно, череп раскалывался от боли. Он не спал. Кетаномин уже не действовал, а при такой боли не заснешь. Как давно он здесь лежит? И сколько времени еще пройдет, прежде чем от боли он потеряет рассудок? Харри осторожно повернул голову и огляделся. Он по-прежнему был у ван Боорста, и он был один. Его не связали,

и при желании он мог даже встать.

Он проследил глазами за проволокой, привязанной к ручке входной двери: она шла через всю комнату к стене позади него. Он осторожно повернул голову в другую сторону. Проволока проходила через скобу в каменной стене, а оттуда тянулась к его рту. Леопольдово яблоко было привязано намертво. Дверь открывалась так, что первый, кто за нее потянет, выпустит иглы, которые изнутри пронзят Харри голову. То же самое произойдет, если он будет двигаться слишком активно.

Харри засунул пальцы в уголки рта. Почувствовал шипы. Попытался надавить на один из них снизу. Безуспешно. Он почувствовал, что приближается приступ кашля, и в глазах у него почернело, когда он не смог дышать. До него дошло, что из-за шипов гортань распухла и вскоре он может задохнуться. Проволока, привязанная к дверной ручке. Отрезанный палец. Случайность или же Тони Лейке знаком со Снеговиком? И задумал его превзойти?

Харри пнул стену ногой и заорал, напрягая голосовые связки, но металлический шарик заглушал крик. Он сдался. Прислонился к стене, стараясь не замечать боли, и сжал зубы. Где-то он

читал, что человек может кусаться почти так же сильно, как акула. Но все равно ему удалось только чуть-чуть вдавить шипы, а потом они опять заставили его раскрыть рот. Такое ощущение, что они пульсируют, словно у него в пасти бьется живое железное сердце. Он потрогал шнур, тянущийся изо рта. Все инстинкты твердили, что он должен дернуть за него, вытянуть этот шар. Но ему показывали, что тогда произойдет, он видел фотографии с места преступления. Если бы он не видел…

И в этот самый миг Харри понял. Понял не только, как будет умирать он сам, но и почему умерли другие. И зачем это понадобилось. Абсурд, но ему стало смешно. Все так дьявольски просто. Так дьявольски просто, что придумать такое мог только дьявол.

Алиби Тони Лейке. Никакого сообщника у него не было. Вернее, его помощниками стали сами жертвы. Когда Боргни и Шарлотта очнулись в полном одиночестве, после того как их накачали наркотиком, они и понятия не имели, что у них во рту. Боргни заперли в подвале. Шарлотта была снаружи, но проволока тянулась от ее рта к багажнику разбитого автомобиля, и, сколько она ни скреблась и ни билась о крышку багажника, он

так и не открылся. Никто из них не мог выбраться из того места, где оказался, и, когда боль становилась невыносимой, они поступали вполне предсказуемо. Дергали за шнурок. А если бы они знали, что произойдет? Отступила бы боль перед надеждой, надеждой на то, что, потянув за шнурок, они загонят шипы назад в этот загадочный шарик? И пока девушки медленно, но верно поддавались сомнению и в конце концов совершали неизбежное, Тони Лейке был далеко — ужинал с инвесторами или делал доклад, совершенно уверенный, что жертвы за него довершат начатое. И тем самым обеспечат ему непоколебимое алиби на момент убийства. Строго говоря, он их даже и не убивал.

Харри повертел головой, чтобы определить радиус, в пределах которого стальная проволока не натягивалась.

Он должен что-то предпринять. Хоть что-нибудь. Харри застонал, ему показалось, что проволока натянулась, и он задержал дыхание и уставился на дверь. Ждал, что она вот-вот распахнется, и…

Ничего не произошло.

Он попытался вспомнить, как ван Боорст показывал ему яблоко, как далеко высовывались

шипы, когда не встречали сопротивления. Если бы ему удалось раскрыть рот пошире, если бы только челюсти…

Харри закрыл глаза. Его поразило, насколько нормальной и очевидной ему показалась его идея, удивило, что она не встретила в нем никакого сопротивления. Напротив, он испытал облегчение. Облегчение, потому что ему предстояло причинить себе еще большую боль, а если потребуется, лишить себя жизни в попытке выжить. Это было логично, просто сумерки отчаяния вытеснила светлая, ясная, безумная мысль. Харри повернулся на живот, приблизил голову к скобе, так, чтобы немного ослабить натяжение проволоки. Потом осторожно поднялся на колени. Потрогал челюсть. Нашел точку. Точку, в которой сошлось все: боль, челюстная кость, узел, спутанный клубок нервов и мускулов, которые едва удерживали челюсти вместе после инцидента в Гонконге. Ему не удастся нанести себе достаточно сильный удар, вся надежда на тяжесть его тела. Харри потрогал гвоздь пальцем. Он выступал из стены сантиметра на четыре. Самый обычный гвоздь с большой, широкой шляпкой. Если хватит силы тяжести, он сокрушит все на своем пути. Харри прицелился, уперся

челюстью в шляпку гвоздя, приподнялся, чтобы рассчитать угол падения. Прикинуть, как глубоко должен войти гвоздь. И как глубоко он *не* должен войти. Шея, нервы, паралич. Рассчитал. Не сказать чтобы он действовал хладнокровно и спокойно. Но все равно рассчитал. Заставил себя это сделать. Шляпка у гвоздя была не такая ровная, как верхняя черточка в букве «Т», а чуть наклонная, поэтому не существовало никаких гарантий, что, когда он будет ее вытаскивать, она не вырвет все, за что зацепится. Под конец он постарался вспомнить, все ли предусмотрел. И понял, что бессознательно ищет предлог для отсрочки.

Харри глубоко вдохнул.

Тело отказывалось повиноваться, протестовало, сопротивлялось. Не хотело, чтобы голова падала на гвоздь.

— Идиот! — попытался крикнуть Харри, но вырвался лишь какой-то свист. Он почувствовал, как по щеке катится теплая слеза.

Хватит ныть. Сейчас самое время слегка умереть.

И он дал голове упасть.

Гвоздь принял его с глубоким вздохом.

Кайя пыталась найти мобильный телефон.

Карпентеры[149] только что хором прокричали «Stop!», и Карен Карпентер ответила: «Oh, yeah wait a minute»[150]. Мелодия эсэмэски.

На город уже резко и безжалостно опустилась тьма. Кайя отправила Харри три сообщения. Рассказала, что произошло, сообщила, что ее машина припаркована в начале той улицы, на которой стоит вилла, куда зашла Лене Галтунг, и теперь она ждет дальнейших указаний и просит его подать хоть какие-то признаки жизни.

> Умничка. А теперь подъезжай и забери меня на улице к югу от церкви. Найти нетрудно, здесь это единственный кирпичный дом. Заходи прямо внутрь, там открыто. Харри

Она продиктовала адрес шоферу, тот кивнул, зевнул и завел мотор.

Пока они проезжали по освещенным улицам, Кайя набрала «Уже еду». Вулкан подсвечивал вечернее небо, словно лампочка накаливания, стирал звезды и окрашивал все еле заметным

---

[149] Примечания: 149
Американский поп-дуэт «The Carpenters».

[150] Примечания: 150
О да, обождите минутку *(англ.)*.

кроваво-красным мерцанием.

Через четверть часа они оказались на темной улице, напоминавшей воронку от бомбы. Перед магазином висели парафиновые лампы, свет то ли снова отключили, то ли в этом районе его не было вообще.

Шофер притормозил и показал на дом. Дом ван Боорста. И правда, это оказался совсем небольшой кирпичный дом. Кайя осмотрелась. Чуть дальше по улице она увидела два «рейнджровера». Мимо с блеянием пронеслись два мопеда, мигая фарами. Из-за одной из дверей слышалось тяжелое африканское диско. То там, то тут Кайя различала огоньки сигарет и белки глаз.

— Wait here[151], — сказала Кайя, убрала волосы под кепку и, проигнорировав предостерегающий возглас шофера, открыла дверцу и выскользнула на улицу.

Она пошла прямо к дому. Кайя не испытывала никаких иллюзий насчет того, на что может рассчитывать одинокая белая женщина в таком городе, как Гома, после наступления темноты, но именно сейчас темнота была ее лучшим другом.

Девушка разглядела дверь, с обеих сторон

---

[151] Примечания: 151
Ждите здесь *(англ.)*.

обложенную блоками застывшей лавы, и почувствовала, что стоит поторопиться: вот-вот что-то произойдет, и ей надо успеть раньше. Она чуть не споткнулась, но устояла на ногах. Перевела дух. Наконец-то она на месте. Положила руку на дверную ручку. Хотя после захода солнца быстро похолодало, по спине и груди у нее градом катился пот. Кайя заставила себя нажать на ручку. Прислушалась. Внутри было удивительно тихо. Так же тихо, как тогда…

Плач подступал к горлу, тяжелый, как бетонная масса.

— Нельзя, — прошептала она сама себе. — Не сейчас.

Она закрыла глаза. Сосредоточилась на дыхании. Постаралась выбросить все мысли из головы. Она справится. Мысли разбегались в разные стороны. Нечего, нечего. Delete, delete[152]. Вот так. Осталась одна-единственная маленькая мысль, а потом можно открывать дверь.

Харри очнулся оттого, что у него дергался угол рта. Открыл глаза. Уже стемнело. Судя по всему, он потерял сознание. Он заметил, как натянулся шнур, идущий к шарику, который все еще нахо-

---

[152] Примечания: 152
Удалить, удалить *(англ.)*.

дился у него во рту. Сердце бешено заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Он практически прижался ртом к скобе, прекрасно понимая, что это вряд ли поможет, если кто-то откроет дверь.

На стене у него над головой появилась полоска света. Кровь закипела в жилах. Он засунул в рот пальцы, положил их на нижнюю челюсть и надавил. От дикой боли на секунду потемнело в глазах, но он почувствовал, что челюсти раздвинулись. Получилось! И, продолжая одной рукой давить на челюсть, другой он схватил шарик и попытался его вытащить.

За дверью послышались какие-то звуки. Проклятье! Вытащить шарик изо рта никак не удавалось. Харри давил на челюсть, заставляя ее опускаться все ниже и ниже. Оглушительный звук ломающейся кости и рвущихся мышц шел словно непосредственно из уха. Может, у него получится оттянуть челюсть вниз с одной стороны настолько, чтобы шарик вышел сбоку, но тут мешала щека. Он заметил, что ручка двигается. Времени уже не оставалось. Времени больше нет. Время кончилось.

Последняя маленькая мысль. Сообщение. «Умничка». Харри никогда ее так не называл. Кайя открыла глаза. Что он сказал ей, когда они сиде-

ли на террасе и говорили о названии той книги Фанте? Что он никогда не посылает эсэмэски. Потому что не хочет терять душу, предпочитает не оставлять следов, когда исчезнет. Она никогда не получала от него ни единого текстового сообщения. Он мог позвонить. Что-то не так, причем это говорил не ее разум, вечно выдумывающий оправдания, лишь бы не открывать дверь. А скорее чутье. Это ловушка.

Кайя осторожно выпустила ручку двери. Почувствовала теплое дуновение у себя на затылке. Словно кто-то в него дышал. Она отбросила «словно» и оглянулась.

Их было двое. И их лица сливались с темнотой.

— Looking for someone, lady?[153]

Она подумала про дежавю быстрее, чем ответила:

— Wrong door, that's all[154].

В тот же миг она услышала звук заводящегося мотора, повернулась и увидела задние огни такси, которое, переваливаясь, удалялось по дороге.

— Don't worry, lady, — произнес голос. — We paid

---

[153] Примечания: 153
Кого-то ищете, леди? *(англ.)*

[154] Примечания: 154
Просто ошиблась дверью, вот и все *(англ.)*.

him[155].

Она обернулась и опустила глаза. На пистолет, который на нее смотрел.

— Let's go[156].

Кайя легко просчитала варианты. Вариантов не было.

Она пошла перед ними к двум «рейнджроверам». Задняя дверь одного из них распахнулась, когда они приблизились. Она села в машину. Пахло пряным лосьоном после бритья и новой кожаной обивкой. Дверь за ней захлопнулась. Он улыбнулся. Зубы были крупные и белые, голос мягкий, веселый:

— Привет, Кайя.

Тони Лейке был одет в желто-серый камуфляж. В руке он держал красный мобильный телефон. Телефон Харри.

— Тебе же велели зайти. Что тебя остановило?

Она пожала плечами.

— Поразительно, — заметил он, склонив голову набок.

— Что именно?

— Ты вовсе не выглядишь испуганной.

---

[155] Примечания: 155
Не волнуйтесь, леди. Мы ему заплатили *(англ.).*

[156] Примечания: 156
Поехали *(англ.).*

— А почему я должна выглядеть испуганной?

— Потому что скоро умрешь. Ты разве не поняла?

Кайя почувствовала, как перехватило горло. Словно одна часть мозга кричала, что это пустая угроза, ведь она из полиции, а он конечно же не посмеет, но этот голос не мог заглушить другой, твердивший, что перед ней сидит Тони Лейке, весьма точно представляющий себе ситуацию. Что они с Харри — два идиота-камикадзе вдали от дома, без полномочий, без поддержки, без пути к отступлению. Без единого шанса.

Лейке нажал на кнопку, и боковое стекло поползло вниз.

— Go finish him and bring him up there[157], — велел он тем двоим и снова закрыл окно.

— Мне кажется, вышло бы классно, если бы ты открыла ту дверь, — сказал Лейке. — Думаю, Харри заслужил поэтическую смерть. Но в нынешней ситуации придется сосредоточиться на лирическом прощании. — Он наклонился, потом посмотрел на небо. — Красивый красный цвет, правда?

И теперь она видела. Слышала. И тот ее голос,

---

[157] Примечания: 157

Идите прикончите его и отвезите туда *(англ.)*.

который говорил правду, сказал ей это. Она действительно умрет.

Глава 86
Калибр

Кинзонзи показал на каменный дом ван Боорста и велел Удри подогнать «рейнджровер» прямо к двери. Он видел свет за шторами и вспомнил, что мистер Тони решил не выключать его, когда они уходили. Чтобы тот белый знал, что его ждет. Кинзонзи вышел и ждал, пока Удри вынет ключ зажигания и присоединится к нему. Приказ ясен: убить и привезти. Это не вызывало у него никаких чувств. Ни страха, ни радости, ни малейшего беспокойства. Работа есть работа.

Кинзонзи было девятнадцать. Воевал он с одиннадцати. Тогда бойцы PDLA, People's Democratic Liberation Army[158], напали на его деревню. Они размозжили брату голову прикладом «калашникова» и изнасиловали двух его сестер, заставив отца на это смотреть. Потом командир сказал, что, если отец не станет совокупляться с младшей сестрой у них на глазах, они убьют Кинзонзи и старшую сестру. Но закончить предложение командир не успел, потому что отец ринулся прямо

---

[158] Примечания: 158
НДОА, Народная демократическая освободительная армия *(англ.).*

на их мачете. Раздался смех.

Когда они уходили, Кинзонзи впервые за несколько месяцев нормально поел. А еще он получил от командира берет, тот сказал, что теперь это его униформа. Через два месяца у него уже был свой «калашников», тогда же он убил первого человека, женщину в деревне, отказавшуюся предоставить шерстяные оделяла в распоряжение People's Democratic Liberation Army. Ему исполнилось двенадцать, когда он стоял в очереди солдат, которые насиловали девушку недалеко от того места, где завербовали его самого. Когда подошла его очередь, он вдруг подумал, что это могла быть его сестра, возраст совпадал. Но, взглянув на нее, он понял, что уже не помнит их лиц. Матери, отца, братьев и сестер. Они стерлись, исчезли.

И когда через два месяца он с двумя товарищами отрубил командиру руки и оставил его истекать кровью, то сделал это не из мести или ненависти, а потому что CFF, Congo Freedom Front[159], предложил им больше денег. Пять лет он жил на то, что удавалось добыть во время рейдов ФОК по джунглям Северной Киву, но им

---

[159] Примечания: 159
ФОК, Фронт освобождения Конго *(англ.)*.

приходилось остерегаться других партизан, а деревни, на которые они нападали, уже были разграблены другими, так что им едва хватало на прокорм. Какое-то время ФОК вел с правительственными войсками переговоры о разоружении взамен на амнистию и работу. Но когда дело дошло до переговоров о зарплате, затея провалилась.

От голода и отчаяния бойцы ФОК напали на одну из шахт компании, добывавшей колтан. Они пошли на это, хотя знали, что у подобных компаний оружие и солдаты лучше, чем у них. Кинзонзи и не надеялся, что проживет долго или умрет не в бою. Поэтому он даже глазом не моргнул, когда, очнувшись, увидел, что на него направлено дуло винтовки белого человека, который заговорил с ним на незнакомом языке. Кинзонзи только кивнул, давая понять, что хочет, чтобы все поскорее закончилось. Через два месяца раны затянулись, и его новым работодателем стала добывающая компания.

Белый человек был мистер Тони. Мистер Тони хорошо платил, но беспощадно расправлялся с теми, кто казался ему недостаточно преданным. Он разговаривал с ними и был самым лучшим начальником из всех, кого знал Кинзонзи. Кин-

зонзи без малейших колебаний застрелил бы его, если бы понадобилось. Но это было невыгодно.

— Поторапливайся, — сказал Кинзонзи Удри и зарядил пистолет.

Он думал, что смерть от металлического шарика, который выпустит иглы во рту белого полицейского, стоит им только открыть дверь, наступит не сразу, и собирался пристрелить его на месте, тогда они смогут отправиться наверх к Ньирагонго, где их ждут мистер Тони и его дамы.

Какой-то мужчина, сидевший перед соседним магазином и куривший, встал, что-то в ярости пробормотал и исчез в темноте.

Кинзонзи смотрел на дверную ручку. Первый раз он здесь оказался, когда они забирали ван Боорста. Тогда же он увидел и легендарную Альму. На тот момент ван Боорст истратил все свои деньги на «Сингапур слинг», охрану и Альму, которая была дорогой штучкой. И в отчаянии совершил последнюю в своей жизни ошибку: принялся шантажировать мистера Тони, угрожая пойти в полицию и рассказать то, что знает. Бельгиец выглядел скорее покорным, чем удивленным, когда они вошли, и поспешил выпить то, что ему дали. Они разделали его на куски подходящей величины, которые потом скормили удивитель-

но жирным свиньям у лагеря беженцев. Альма перешла к мистеру Тони. Альма с ее бедрами, золотым зубом и похотливым лунатическим взглядом, который мог бы стать для Кинзонзи еще одним поводом пустить пулю в лоб мистера Тони. Если бы это было выгодно.

Кинзонзи нажал на дверную ручку. И дернул дверь. Она открылась, но только наполовину: мешала тонкая стальная проволока с внутренней стороны. В тот момент, когда она натянулась, раздался громкий отчетливый щелчок и лязганье металла, похожее на звук, который издает штык, входя в металлические ножны. Дверь, скрипя, стала закрываться.

Кинзонзи вошел, потянул за собой Удри и захлопнул дверь. В нос им ударил горький запах рвоты.

— Зажги фонарь.

Удри сделал, как ему было велено.

Кинзонзи смотрел в дальний конец комнаты. На гвозде над кроватью висела купюра, насквозь пропитанная кровью, стена тоже была в крови. На кровати в луже блевотины лежал окровавленный металлический шарик с длинными иглами, торчавшими во все стороны, как солнечные лучи. Но никакого белого полицейского там не

оказалось.

Дверь. Кинзонзи быстро обернулся, держа пистолет наготове.

Никого.

Он опустился на колени и посмотрел под кроватью. Никого.

Удри распахнул дверцы единственного в комнате шкафа. Пусто.

— Он сбежал, — сказал Удри.

Кинзонзи стоял у кровати и пальцем щупал матрас.

— Что там? — спросил Удри, подойдя поближе.

— Кровь. — Он взял у Удри фонарь. Посветил на пол. Проследил за кровавыми следами. Они тянулись до середины комнаты. Крышка с металлическим кольцом. Он подошел к крышке, рывком поднял ее и посветил вниз, в темноту. — Тащи ствол, Удри.

Его товарищ исчез и тут же вернулся со своим АК-47.

— Прикрой меня, — приказал Кинзонзи и стал спускаться по лестнице.

Оказавшись внизу, он взял в руки пистолет и фонарик и стал поворачиваться. Луч света скользнул поверх шкафа и вдоль стены. Потом осветил стеллаж с причудливыми белыми масками на

полках. У одной вместо бровей были гвозди, у другой — красный асимметричный рот, доходивший с одной стороны до самого уха, у третьей — пустые глазницы и татуировки в виде копья на обеих щеках. Луч заскользил по противоположной стене. И внезапно замер. Кинзонзи застыл. Оружие. Винтовки. Боеприпасы. Мозг — потрясающий компьютер. За какие-то доли секунды он способен регистрировать тонны информации, комбинировать и выдавать правильный ответ. Так что, когда Кинзонзи вновь направил фонарь на маски, у него уже появился правильный ответ. Свет упал на белого человека с асимметричным ртом. Были видны коренные зубы. Они отливали красным. Как и пятна крови на стене под гвоздем — там, наверху.

Кинзонзи никогда не надеялся, что проживет долго или умрет не в бою.

Мозг дал пальцу приказ нажать на спуск. Мозг — потрясающий компьютер.

В течение микросекунды палец нажал на спуск. За то же самое мгновение мозг додумал мысль. И выдал ответ. Мозг знал, чем все закончится.

Харри знал, что есть только одно решение. И нет времени ждать. Поэтому он повернул голову к гвоздю, на этот раз чуть повыше. Он почти ни-

чего не почувствовал, когда гвоздь продырявил щеку и стукнулся о металлический шарик во рту. Потом он сполз с кровати, приблизил голову к стене и навалился на нее всей тяжестью, пытаясь напрячь лицевые мускулы. Сначала ничего не произошло, затем он ощутил приступ рвоты. И панику. Если его сейчас начнет рвать, с леопольдовым яблоком во рту он захлебнется. Но удержаться от рвоты было невозможно, желудок сжался и отправил первый заряд вверх по пищеводу. В отчаянии Харри поднялся на цыпочки и задрал голову. И рухнул всей тяжестью на гвоздь. Он чувствовал, как рвется кожа на щеке, как гвоздь раздирает ее в клочья. Кровь хлынула в рот, в дыхательное горло, это усилило рвотный рефлекс, он ощутил, как гвоздь уперся в передние зубы. Харри сунул в рот пальцы, но шарик был весь в крови, никак не ухватишь. Он засунул их за шарик, подтолкнул, а другой рукой попытался оттянуть челюсть вниз. Почувствовал, как шарик скребется о зубы. И тут его вывернуло наизнанку.

Возможно, рвотные массы и выпихнули изо рта металлическое яблоко. Харри лежал, повернувшись головой к стене, и смотрел на блестящее орудие убийства, плавающее в его собственной

рвоте на матрасе под скобой.

Потом он встал, пошатываясь. Он освободился.

Харри проковылял к двери и только потом вспомнил, зачем сюда приехал. Крышку люка удалось приподнять лишь с третьей попытки. Спускаясь по лестнице, он поскользнулся в собственной крови и упал в кромешную тьму. Лежа на бетонном полу и пытаясь отдышаться, услышал, как подъехал автомобиль. Затормозил. До Харри донеслись голоса, захлопали дверцы машины. Шаря руками в темноте, он поднялся на ноги, добрался до лестницы, преодолел ее двумя большими шагами, нащупал и закрыл крышку. И тут же услышал, как распахнулась дверь комнаты и громко щелкнуло яблоко.

Харри осторожно спустился снова, ощутил подошвами холодный бетонный пол. Потом закрыл глаза и попытался вспомнить. Нарисовать картину: как все выглядело, когда он был здесь в последний раз. Полка слева. «Калашников». «Глок». «Смит-вессон». Чемоданчик с винтовкой «мерклин». Патроны. Именно в таком порядке. Выставив руки вперед, он двинулся туда, где должна была быть полка. Пальцы наткнулись на ствол. Гладкая сталь «глока». И дальше знакомые очертания «смит-вессона» 38-го калибра, такого

же, как и его табельный револьвер. Он взял его и поковылял дальше, к коробкам с патронами. Ощутил кончиками пальцев деревянный ящик. Сверху послышались разъяренные голоса и шаги. Оставалось только снять крышку. Ну пусть ему хоть немного повезет. Он засунул руку в ящик и схватил одну из картонных коробок. Понял, что это патроны. Черт, слишком большие! Пока он поднимал крышку следующего деревянного ящика, люк открылся. Он прижал коробку к себе, оставалось только уповать на то, что эти патроны — подходящего калибра. Тут в подвал упал луч фонарика, осветив пол у лестницы. Достаточно, чтобы прочитать этикетку на коробке. 7,62 мм. Черт, черт! Харри смотрел на полку. Вон там. Соседняя коробка. Калибр 38. Свет переместился с пола на потолок. Харри разглядел очертания «калашникова» и человека, который спускался по лестнице.

Мозг — потрясающий компьютер.

Пока Харри срывал крышку с ящика и пытался ухватить коробку, он уже все просчитал. Слишком поздно.

Глава 87
«Калашников»

— Здесь бы не было дороги, если бы не наша шахта, — сказал Тони Лейке, пока машина толчками продвигалась по узкой тележной колее. — Предприниматели вроде меня — единственная надежда для жителей такой страны, как Конго: встать на ноги, догнать другие страны, стать цивилизованными. Альтернатива — предоставить их самим себе, и они продолжат заниматься тем, чем занимались всегда: убивать друг друга. Все здесь охотники и добыча в одном лице. Не забывайте об этом, когда смотрите в умоляющие глаза голодающего африканского ребенка. Вы дадите ему еды, а вскоре эти глаза взглянут на вас через прицел автомата. И тогда пощады не жди.

Кайя не ответила. Она смотрела на рыжие волосы женщины на пассажирском сиденье. Лене Галтунг не двигалась и ничего не говорила, просто сидела, держа спину прямо и расправив плечи.

— В Африке все циклично, — продолжал Тони. — Сезон дождей и засуха, ночь и день, поесть

и быть съеденным, жить и умереть. Ход природы — все, изменить ничего нельзя, плыви по течению, выживай, сколько сможешь, бери то, что дают, больше ничего не поделаешь. Потому что жизнь твоих предков — это и твоя жизнь, ты не можешь ничего изменить, развитие невозможно. И это не какая-то там африканская философия, просто опыт поколений. Именно такой *опыт* нам и надо изменить. Именно опыт меняет образ мышления, а не наоборот.

— А если опыт говорит, что их эксплуатировали белые люди? — спросила Кайя.

— Идея об угнетении принадлежит белым, — сказал Тони. — Но она показалась весьма полезной африканским лидерам: им нужно найти общего врага, чтобы объединить людей вокруг себя. В шестидесятых годах, после отмены колониального правления, они воспользовались чувством вины, которое испытывали белые, для того чтобы захватить власть и наконец-то начать настоящую эксплуатацию народа. Чувство вины белых за колонизацию Африки сильно раздуто. Подлинным преступлением было предоставить африканца его собственной натуре, деструктивной натуре убийцы. Поверь мне, Кайя, конголезцам никогда не жилось лучше, чем под властью бельгийцев.

Мятежников никогда не заботила воля народа, их действия были продиктованы одной жаждой власти. Мелкие группировки врывались в дома бельгийцев здесь, у озера Киву, где были роскошные виллы, и бандиты рассчитывали на богатую добычу. Так было, и так есть. Именно поэтому у здешних усадеб по меньшей мере двое ворот. Партизаны вламываются в одни ворота, а хозяева скрываются через другие, с противоположной стороны.

— Значит, так выбрался и ты, ведь я тебя не заметила?

Тони рассмеялся:

— Неужели вы и правда думали, что следили за нами? Я наблюдаю за вами с того момента, когда вы только прилетели. Гома — маленький город, где мало денег, а аппарат власти вполне обозрим. Вы с Харри поступили крайне наивно, приехав сюда вдвоем.

— Наивно? — спросила Кайя. — Как ты думаешь, что произойдет, когда выяснится, что в Гоме пропали двое норвежских полицейских?

Тони пожал плечами:

— В Гоме то и дело похищают людей. И я нисколько не удивлюсь, если местная полиция вскоре получит письмо от бойцов освободитель-

ной армии, в котором они потребуют за вас непомерно большой выкуп. А еще повстанцы будут требовать освободить нескольких заключенных, известных противников режима президента Кабилы. Пару дней будут вестись переговоры, но они ни к чему не приведут, потому что требования окажутся невыполнимыми. И больше вас никто не увидит. Дело житейское, Кайя.

Кайя постаралась поймать в зеркальце взгляд Лене Галтунг, но та смотрела в другую сторону.

— А что будет с ней? — громко спросила Кайя. — Ведь она знает, что вы убили всех этих людей, Тони?

— Теперь знает, — сказал Тони. — И она понимает меня. Вот такая она, настоящая любовь, Кайя. И поэтому мы с Лене сегодня вечером поженимся. Вы с Харри приглашены. — Он засмеялся. — Мы как раз едем в церковь. Мне кажется, церемония, на которой мы поклянемся друг другу в вечной верности, будет весьма волнующей. Правда, Лене?

В тот же миг Лене качнулась вперед, и Кайя увидела, почему у нее такие прямые плечи: ее руки были скованы за спиной парой розовых наручников. Тони потянулся следом, схватил Лене за плечи и с силой дернул ее назад. Лене повер-

нулась к ним лицом, и Кайя вздрогнула. Узнать Лене Галтунг было практически невозможно. Лицо все в грязных потеках от слез, один глаз опух, а рот растянут в форме буквы «о». В центре этой «о» блестело что-то металлическое. Из золотого шарика тянулся короткий красный шнурок.

И слова, произнесенные Тони, прозвучали для Кайи эхом другого сватовства на пороге смерти, погребения в горном норвежском снегу:

— Пока смерть не разлучит нас.

Харри скользил вдоль полок с масками, а незнакомец спустился с лестницы, повернулся и посветил фонариком. Прятаться негде, до того, как его обнаружат, оставались считаные секунды. Харри зажмурился, чтобы его не ослепил свет, левой рукой открыл коробку с патронами. Вытащил четыре патрона, пальцы знали наизусть, что значит четыре патрона. Правой рукой он повернул барабан налево, надеясь, что сами собой вспомнятся движения, доведенные до автоматизма, когда он сидел один в Кабрини-Грин и от скуки тренировался, заряжая пистолет на скорость. Но тут он был не один. Да и о скуке речи не шло. Пальцы дрожали. Когда свет упал ему в лицо, он увидел красноту собственных век. Замер. Но выстрелов не последовало. Свет исчез. Его не

убили, пока нет. И пальцы слушались. Они загнали патроны в четыре из шести свободных ячеек без напряжения, быстро, одной рукой. Барабан, щелкнув, встал на место. Харри открыл глаза, и тут свет снова ударил ему в лицо. Ослепленный, он выстрелил прямо в это солнце.

Свет дернулся, шмыгнул по потолку и исчез. Еще отдавалось эхо выстрелов, когда послышался стук фонарика, который катился по полу и, как маяк, чертил своим слабым лучом по стенам вокруг.

— Кинзонзи? Кинзонзи?

Фонарик остановился у полок. Харри кинулся вперед, схватил его, упал на спину, держа фонарь в вытянутой руке как можно дальше от тела, оттолкнулся ногами от полки и протиснулся под лестницу — теперь люк был прямо над ним. И тут началась стрельба. Бетонная крошка ударила Харри в руку и грудь, ливень пуль буравил пол вокруг фонаря. Харри прицелился и выстрелил по освещенному силуэту, который стоял, расставив ноги, над отверстием люка. Три быстрых выстрела.

Сначала появился «калашников». С громким стуком он упал на пол рядом с Харри. За ним последовал человек. Харри едва успел вывернуться,

прежде чем тело упало на бетон. Без сопротивления. Мясо. Мертвый вес.

Пару секунд было тихо. Потом Харри услышал, как Кинзонзи — если его звали именно так — тихо застонал. Харри поднялся, по-прежнему держа фонарь на отлете, увидел, что рядом с Кинзонзи лежит «глок», и ногой отбросил его в сторону. Потом схватил «калашников».

Харри оттащил упавшего сверху мужчину к самой дальней от Кинзонзи стене и посветил на него. Его реакция была вполне предсказуема: как и Харри, он был ослеплен и стал палить именно в яркий свет. Взгляд сыщика, расследующего убийства, автоматически отметил, что брюки в промежности промокли от крови, пуля, вероятно, попала в живот, но вряд ли убила наповал. Кровь на плече, следовательно, еще одна пуля угодила под мышку. Именно поэтому «калашников» рухнул первым. Харри сел на корточки. Но все это никак не объясняло, почему мужчина не дышит.

Он посветил ему в лицо. Почему *мальчик* не дышит.

Пуля вошла под подбородком. Судя по углу попадания, затем она прошла в рот и через нёбо — прямо в мозг. Харри вздохнул. Мальчишке было не больше шестнадцати-семнадцати. По-на-

стоящему красивый мальчик. Никому не нужная красота. Харри поднялся, приблизил дуло автомата к голове убитого и громко крикнул:

— Where are they? Mister Leike. Tony. Where?[160]

Он немного подождал.

— What? Louder. I can't hear you. Where? Three seconds. One-two[161]…

Он нажал на спуск. Оружие было переключено в режим автоматического огня, потому что «калашников» сделал по меньшей мере четыре выстрела. Харри закрыл глаза, когда в лицо брызнул фонтан крови, и, открыв их снова, увидел, что от красивого лица мальчика ничего не осталось. То теплое и мокрое, во что оно превратилось, стекало по его собственному голому телу.

Он шагнул к Кинзонзи. Стал над ним, расставив ноги, направил свет фонарика ему в лицо, приставил ко лбу дуло автомата и слово в слово повторил вопрос:

— Where are they? Mister Leike. Tony. Where? Three seconds[162]…

---

[160] Примечания: 160
Где они? Мистер Лейке. Тони. Где? *(англ.)*

[161] Примечания: 161
Где? Громче. Я тебя не слышу. Где? Три секунды. Раз-два… *(англ.)*

[162] Примечания: 162
Где они? Мистер Лейке. Тони. Где? Три секунды… *(англ.)*

Кинзонзи открыл глаза. Харри увидел дрожь белых глазных яблок. Страх смерти — следствие желания жить. Наверное, это так. По крайней мере, здесь, в Гоме.

Кинзонзи стал отвечать, медленно и отчетливо.

Глава 88
Церковь

Кинзонзи лежал тихо-тихо. Высокий белый человек положил фонарик на пол так, что тот светил вверх, в потолок. Кинзонзи увидел, как он натягивает на себя одежду Удри. Как раздирает его майку на полоски, чтобы замотать зияющую от уха до уха рану. Теперь челюсть уже не свешивалась на одну сторону. На глазах у Кинзонзи повязка пропиталась кровью.

Он ответил мужчине на те вопросы, которые тот задал. Где. Сколько. Какое у них оружие.

Сейчас белый человек подошел к стеллажу и вытащил черный чемоданчик, открыл его и проверил содержимое.

Кинзонзи знал, что умрет, умрет молодым и умрет мучительно. Но может быть, не сейчас, не этой ночью. Живот болел так, как будто на него плеснули кислотой. Но может, пройдет.

Белый человек встал и схватил «калашников» Удри. Подошел к Кинзонзи, постоял над ним, держа фонарь за спиной. Огромная фигура с замотанной в белое головой — у них так обычно

подвязывают челюсти мертвецам, прежде чем их похоронить. Если Кинзонзи и застрелят, то именно сейчас. Мужчина бросил Кинзонзи полоски ткани, которые ему не понадобились.

— Help youself![163]

Кинзонзи услышал, как он стонет, поднимаясь по лестнице.

Кинзонзи закрыл глаза. Если не терять времени, он успеет остановить сильное кровотечение, пока не лишится сознания от потери крови. Надо выбраться, переползти через дорогу, найти людей. Если ему повезет, может случиться, что они не принадлежат к виду местных грифов. Он сумеет найти Альму. Сделать ее своей. Ведь у нее сейчас нет мужчины. А у Кинзонзи больше нет работодателя. Он видел, что было в чемодане, который большой белый человек взял с собой.

Харри остановил «рейнджровер» перед низкими стенами церкви, лоб в лоб с побитым «хёндаем», который все еще там стоял.

В машине он разглядел огонек сигареты.

Харри выключил фары, опустил стекло и высунул голову:

— Сол!

---

[163] Примечания: 163
Здесь: перевяжи рану! *(англ.)*

Харри увидел, как приближается огонек сигареты. Таксист вылез из машины.

— Харри. Что случилось? У тебя лицо…

— Все пошло не совсем так, как было задумано. Я и не рассчитывал, что ты все еще здесь.

— А почему нет? Ты же заплатил мне за весь день. — Сол провел рукой по броне «ровера». — Хорошая машина. Украл?

— Одолжил.

— Машину одолжил. Одежду тоже?

— Да.

— Она вся в крови. Кровь прежнего владельца?

— Дадим твоей машине отдохнуть, Сол.

— А мне оно надо, Харри?

— Вероятно, нет. А что, если я скажу, что я хороший парень?

— Сожалею, но мы тут в Гоме забыли, что это значит, Харри.

— Ммм. А сотня долларов делу не поможет?

— Две сотни, — сказал Сол.

Харри кивнул.

— …и пятьдесят, — добавил Сол.

Харри вылез, и Сол сел за руль.

— А ты уверен, что они именно там? — спросил Сол, выезжая на дорогу.

— Да, — ответил Харри с заднего сиденья. —

Кто-то когда-то рассказывал мне, что это единственное место, откуда в Гоме можно попасть на небо.

— Не нравится мне это место, — заметил Сол.

— Правда? — сказал Харри и открыл чемоданчик. «Мерклин». Инструкция по сборке была приклеена с внутренней стороны крышки. Харри принялся за работу.

— Злые демоны. Ба-Тойе.

— Говоришь, ты в Оксфорде учился? — Части винтовки издавали легкие, смазанные звуки, охотно становясь в положенные места.

— Как я понимаю, ты ничего не знаешь о демоне огня?

— Нет, но вот этих демонов я знаю, — сказал Харри и поднял один из патронов, лежавших в особом отделении чемоданчика. — И готов поставить на них против Ба-Тойе.

В скудном желтом свете с потолка патронные гильзы засияли. Свинцовая пуля внутри имела диаметр шестнадцать миллиметров. Самый грозный калибр в мире. Когда он работал над рапортом по делу о покушении на короля, один эксперт-баллистик рассказал ему, что по калибру «мерклин» выходит за границы разумного. Даже если охотиться на слонов. Что это оружие больше

подходит, чтобы валить деревья.

Харри защелкнул оптический прицел.

— Поддай-ка газу, Сол!

Он пристроил ствол на спинку пассажирского сиденья впереди и положил палец на спусковой крючок, стараясь не приближать глаза к оптическому прицелу, поскольку машина ехала по раздолбанной дороге. Прицел надо бы отрегулировать, откалибровать, подогнать. Но такой возможности не представится.

Они прибыли на место. Кайя выглянула в окно. Рассеянные огни под ними — это Гома. Вдали она видела свет от буровой вышки на озере Киву. Луна отражалась в зелено-черной воде. Последняя часть пути представляла собой тропинку, которая вилась вокруг вершины, фары освещали черный, голый лунный ландшафт. Когда они добрались до самого верхнего плато, совершенно плоской каменной тарелки диаметром в пару сотен метров, шофер повел машину на другую сторону плато сквозь облака белого плывущего дыма, который у кратера Ньирагонго окрашивался красным.

Шофер выключил мотор.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — сказал Тони. — Кое-что очень занимает меня в последние недели. Каково это — чувствовать, что ты скоро

умрешь? Я имею в виду не страх, что твоей жизни угрожает опасность, через такое я и сам несколько раз проходил. Но четко осознавать, что здесь и сейчас твоя жизнь кончится. Ты можешь… передать это? — Тони наклонился чуть вперед, чтобы видеть ее глаза. — Не торопись, подыщи верные слова.

Кайя взглянула на него. Она думала, что вот-вот наступит паника. Но она не приходила. Кайя превратилась в камень — такой же, что был вокруг.

— Я ничего не чувствую, — ответила она.

— Давай же, — сказал он. — Другим было так страшно, что они не могли ответить, бормотали что-то невразумительное. Шарлотта Лолле просто оцепенела и таращилась на меня. Элиас Скуг утратил дар речи. Отец плакал. Что у тебя в голове — хаос или же есть какая-то рефлексия? Ощущаешь ли ты грусть? Раскаяние? Или облегчение оттого, что больше не надо сопротивляться? Посмотри, например, на Лене: она сдалась, идет на казнь как жертвенная овечка, готовая на все. А как насчет тебя, Кайя? Сколько тебе надо, чтобы потерять над собой контроль?

Кайя увидела в его взгляде жгучее, неподдельное любопытство.

— Лучше ты скажи мне, Тони, сколько тебе

надо, чтобы *обрести* над собой контроль? — сказала она и провела языком во рту в поисках влаги. — Когда неведомый человек управлял тобой, заставляя одного за другим убивать людей, а сам оказался мальчишкой, которому ты когда-то подрезал язык? Можешь мне рассказать?

Тони посмотрел в пустоту и медленно покачал головой, словно бы отвечая на второй вопрос.

— Мне это даже в голову не приходило, пока я не прочитал, что старый добрый Скай арестовал моего бывшего односельчанина. Уле-ботаника. И кто бы подумал, что у него хватит смелости?

— Хватит ненависти, ты хочешь сказать?

Тони вынул из кармана куртки пистолет. Взглянул на часы.

— Что-то Харри опаздывает.

— Он приедет.

Тони засмеялся:

— Но к сожалению для тебя, бездыханный. Кстати, мне нравился Харри. С ним было интересно играть. Я ему позвонил из Устаусета, ведь он мне дал номер своего телефона. Автоответчик поведал мне, что Харри несколько дней будет вне зоны досягаемости. Я даже засмеялся. Он, конечно же, был в Ховассхютте, хитрый лис. — Тони взял пистолет и принялся другой рукой поглаживать

лакированную черную сталь. — Когда я был в Полицейском управлении, я все понял. Он такой же, как я.

— Сомневаюсь.

— Да ладно. Тертый калач. Крутой. Человек, который делает то, что должен, чтобы получить нужное, который пойдет по трупам, если понадобится. Разве не так?

Кайя не ответила.

Тони снова посмотрел на часы.

— Боюсь, придется начинать без него.

«Он приедет, — думала Кайя. — Мне только надо дать ему еще немного времени».

— И ты бежал, — сказала она. — С паспортом отца и брекетами?

Тони взглянул на нее.

Она знала, что он понимает ее замысел. Но что ему даже нравится. Рассказывать. Как он их провел. Они все это любят.

— Знаешь, что я тебе скажу, Кайя? Мне хотелось бы, чтобы отец сейчас оказался здесь и видел меня. Здесь, на вершине моей горы. Увидел и понял. Прежде чем я бы его убил. Как Лене поняла, что должна умереть. Как, надеюсь, Кайя, понимаешь и ты.

Теперь она почувствовала его. Страх. Скорее

как физическую боль, нежели как панику, которая парализует способность трезво мыслить. Она видела четко, слышала четко, думала четко. На самом деле четче, чем когда-либо раньше, подумала она.

— Ты начал убивать, чтобы скрыть измену, — продолжала она чуть севшим голосом. — Чтобы обеспечить себе миллионы семейства Галтунг. А как насчет тех миллионов, которые ты вытянул из Лене сейчас, разве их хватит, чтобы спасти твой проект?

— Не знаю, — улыбнулся Тони и обхватил рукоятку пистолета. — Посмотрим. Выходи.

— А он стоит того? Неужели он действительно стоит всех этих жизней?

Он ткнул дулом пистолета ей под ребра, Кайя задохнулась от боли. Голос Тони просипел ей в ухо:

— Посмотри вокруг, Кайя. Это колыбель человечества. Посмотри, чего стоит человеческая жизнь. Кто-то умирает, еще больше рождается в единственной яростной гонке, один круг за другим, и в одном не больше смысла, чем в другом. Смысл придает лишь игра. Страсть, всепоглощающее желание. Как выражаются некоторые идиоты, игромания. И все. Это как Ньирагонго.

Он пожирает все, уничтожает все, но в то же время он — начало всего живого. Не будь там, внутри, страсти, смысла, кипящей лавы, все здесь стало бы мертвым, застывшим и замерзшим. А в тебе-то, Кайя, есть страсть? Или ты — мертвый вулкан, человеческая снежинка и поминальная речь по тебе уложится в три строчки?

Кайя дернулась, Тони заржал.

— Готова к венчанию, Кайя? Готова растаять?

Она почувствовала запах серы. Шофер распахнул дверь, бросил на Кайю равнодушный взгляд и ткнул в нее винтовкой с обрезанным стволом. Даже здесь, в машине, в десяти метрах от края кратера, она ощущала жар. Она не двигалась. Чернокожий наклонился, влез в машину и схватил ее за руку. Кайя позволила ему вытащить себя, не сопротивляясь, стараясь только повиснуть на нем как можно тяжелее, чтобы сместить его центр тяжести, и, когда она неожиданно вскочила, он отшатнулся назад. Мужчина был поразительно тощ и, похоже, пониже ее ростом. Кайя ударила локтем. Знала, что такой удар эффективнее, чем удар кулаком. Что лучше всего бить в горло, висок, нос. Локоть куда-то попал, что-то хрустнуло, мужчина упал, выронил оружие. Кайя подняла ногу. Ее учили, что проще всего обезвредить

лежащего, наступив ему на бедро. Если давить сверху всей тяжестью тела, то в сочетании с сопротивлением земли это вызовет сильное кровоизлияние в крупных бедренных мышцах, и поверженный уже не сможет подняться и преследовать тебя. Альтернатива — наступить на грудь и горло с возможным летальным исходом. Она посмотрела на его голое горло, лунный свет упал на лицо мужчины. На какую-то ничтожную долю секунды она замешкалась. Он не старше Эвена.

Тут она почувствовала, как кто-то обхватил ее сзади, прижав ей руки к бокам, едва не выдавив из легких весь воздух. Ее оторвали от земли, она беспомощно задергала ногами. Голос Тони у уха звучал весело:

— Отлично, Кайя. Страсть. Жить хочешь. Я позабочусь о том, чтобы у него вычли из зарплаты, обещаю.

Лежащий перед ней парень наконец поднялся на ноги и схватился за оружие. Равнодушие как рукой сняло, в его глазах сверкала ярость.

Тони завел ей руки за спину, и она почувствовала, как запястья стянули тонкой пластиковой веревкой.

— Итак, — произнес Тони. — Смею ли я попросить вас, фрекен Сульнес, быть свидетельницей

на нашей с Лене свадьбе?

И тут — наконец — она наступила. Паника. Она очистила ее мозг, сделала все пустым, голым, ужасным. Простым. Кайя закричала.

Глава 89
Свадьба

Кайя стояла на краю и смотрела вниз. Нагретый воздух поднимался вверх, обдавая лицо горячим дыханием. От ядовитого дыма закружилась голова, а может, это дрожащий воздух размывал очертания предметов, и там, внизу, в пропасти, переливающаяся всеми оттенками желтого и красного лава, казалось, трепетала за его завесой. Прядка волос упала ей на глаза, но руки были связаны за спиной пластиковой веревкой. Они с Лене Галтунг стояли плечом к плечу, но ту, как предположила Кайя, чем-то накачали: Лене не шевелилась, уставившись перед собой взглядом лунатика. Наряженный в белое живой труп — внутри ее, кроме холода и пустоты, ничего не осталось. Манекен в подвенечном платье в окне веревочной мастерской.

За спиной у них стоял Тони. Кайя почувствовала его руку на своей талии.

— Берешь ли ты того, кто стоит рядом с тобой, обещаешь ли любить и почитать его в горе и в радости… — шептал он.

Это вовсе не жестокость, так он им объяснил. Просто так удобнее. После них не останется следов. Даже вопросов никто задавать не будет. В Конго каждый день пропадают люди.

— Объявляю вас мужем и женой.

Кайя пробормотала молитву. Она думала, что это молитва. Пока не услышала слова:

— …потому что я и та, которую я люблю, никогда не будем вместе.

Слова из прощального письма Эвена.

Они услышали рев мотора на низких оборотах и увидели, как фары обшаривают небо. С другой стороны кратера показался «рейнджровер».

— А вот и опоздавшие, — проговорил Тони. — Помашите им на прощание, девочки.

Поворачивая на плато к кратеру, Харри не знал, что его ожидает. Кинзонзи сказал, что помимо девушек с мистером Тони был только шофер. Но и у него, и у мистера Тони с собой автоматы.

Не доезжая до вершины, Харри предложил Солу высадить его, но тот отказался:

— У меня больше нет семьи, Харри. Может, ты и правда на стороне добрых сил. А потом, ты ведь заплатил за целый день.

Машину слегка занесло, когда она тормозила.

Фары освещали то, что было по другую сторону

кратера: трех человек, стоящих на самом краю. Потом они растворились в облаке, но Харри уже все разглядел: мужчину с короткоствольной винтовкой за спиной у этих троих. И припаркованный рядом «рейнджровер». И понял: время истекло. Потом облако ушло, и Харри увидел, что Тони и тот, второй, заслонив ладонью глаза, смотрят на машину, словно ждут кого-то.

— Глуши мотор, — сказал Харри и положил ствол «мерклина» на спинку переднего сиденья. — Но фары не выключай.

Сол сделал, как велели.

Мужчина в камуфляже опустился на колено, приложил винтовку к плечу и прицелился.

— Моргни два раза фарами, — сказал Харри и прильнул к оптическому прицелу. — Они ждут сигнала.

Харри зажмурил левый глаз. Отсек половину мира, бледные лица, Кайю, которую он видел в прицеле, Лене с раздутыми щеками и черными от боли глазами, отсек мысль, что это последние секунды. Он не думал про бирюзовые глаза, смотревшие на него, когда он произносил: «Клянусь». Он не обратил внимания ни на выстрел, означавший, что они ждали другого сигнала, ни на пулю, звякнувшую о кузов машины, а потом и

еще на один выстрел. Отбросил все, что не имело отношения к преломлению света в лобовом стекле, преломлению света в дрожащем от жары воздухе над кратером, того, что пуля, вероятно, отклонится вправо, в ту же сторону, куда относит облака пара. Он знал, что сейчас его удерживает на ногах только адреналин. Короткое опьянение, способное кончиться в любую секунду. Но пока его сердце продолжает снабжать мозг кровью, секунды ему достаточно. Потому что мозг — потрясающий компьютер. Голова Лене наполовину заслоняла голову Тони, но он все-таки возвышался над ней.

Харри прицелился в острые зубки Кайи. Потом перевел прицел на сверкающий шарик между губами Лене. Немного переместил прицел. Не подогнан. Случайности. Делайте ставки, последний забег.

Слева надвигалось облако пара.

Скоро оно окутает их, и Харри, словно на секунду прозрев, увидел, что, когда облако проплывет мимо, там никого не будет. Харри нажал на спуск. Заметил, как Кайя моргнула прямо над крестом прицела.

Клянусь.

Он погиб. Наконец.

Казалось, от грохота салон машины вот-вот взорвется, казалось, плечо вывихнуто отдачей. На лобовом стекле появилась морозно-белая дырочка. Кроваво-красное облако закрывало все на другой стороне кратера. Харри, дрожа, вздохнул и стал ждать.

Глава 90
Марлон Брандо

Харри лежал на спине и плыл. Куда-то уплывал. Тонул. Тонул в озере Киву, а кровь, его собственная и кровь других, смешивалась с кровью озера, исчезала в великом сне Вселенной, а звезды над ним таяли в черной холодной воде. Мир в пропасти, тишине, пустоте. Пока его не вынесло на поверхность на пузыре метана — черно-синий труп, кишащий гвинейским червем. И ему надо было выбраться из озера Киву, чтобы жить дальше. Чтобы ждать.

Харри открыл глаза. Увидел над собой гостиничный балкон. Перевернулся на бок и доплыл до берега. Вылез из воды.

Скоро рассвет. Скоро он будет в самолете, летящем назад, в Осло. Скоро окажется в кабинете Гуннара Хагена и объявит, что все позади. Они исчезли, исчезли навсегда. Ничего не получилось. А потом снова постарается исчезнуть.

Харри, дрожа, завернулся в белое гостиничное полотенце и пошел вверх по лестнице в номер.

Когда облако уплыло, на краю кратера никого

не было.

Через оптический прицел Харри автоматически стал искать стрелка. Нашел его и чуть было не нажал на спуск. Но обнаружил, что видит его спину, что тот идет к машине. Сразу после этого «рейнджровер» завелся, проехал мимо и исчез.

Он переместил оптический прицел туда, где видел Кайю, Тони и Лене. Включил прицел. Увидел подошвы. Три пары подошв.

Потом отбросил в сторону винтовку, выпрыгнул из машины и побежал вокруг кратера, держа в вытянутой руке табельный пистолет. Он бежал и молился. Рухнул на колени рядом с ними. И, еще не взглянув на них, понял, что проиграл.

Харри отпер дверь в свой номер. Прошел в ванную, стянул с головы промокшую повязку и перевязал рану новым бинтом, полученным у администратора. Швы, которые наложили временно, не давали разойтись щеке, а вот с челюстью дело обстояло хуже. Уже упакованный багаж стоял возле кровати. Одежда, в которой ему предстояло ехать, висела на спинке стула. Он вытащил пачку сигарет из кармана, вышел на балкон и сел на один из стоявших там пластиковых стульев. Холод немного приглушил боль в челюсти и щеке. Харри посмотрел на сверкающее

серебром озеро, которое ему больше никогда не доведется увидеть.

Она была мертва. Свинцовая пуля диаметром в полтора сантиметра прошла через ее правый глаз, снесла правую часть головы, потом впечатала крупные белые зубы Тони Лейке в его же череп, пробурив настоящий кратер в затылке и разбросав мозги по вулканической лаве в радиусе примерно ста метров.

И тогда Харри согнулся, его вырвало прямо на них чем-то зеленым. Он попятился.

А теперь вынул две сигареты из пачки. Сунул их в рот и почувствовал, как они скачут в клацающих зубах. Самолет через четыре часа. Он договорился с Солом, чтобы тот отвез его в аэропорт. Харри был настолько измотан, что ему с трудом удавалось держать глаза открытыми, но все равно — спать он не мог и не хотел. В первую ночь привидениям являться запрещено.

— Марлон Брандо, — сказала она.

— Что? — спросил Харри, прикурил сигареты и протянул ей одну.

— Тот актер-мачо, которого я никак не могла вспомнить. На самом деле из всех них у него самый женоподобный голос. И женский рот. Кстати, ты не замечал, что он шепелявит? Не совсем

отчетливо, но это какой-то обертон, который ухо и не воспринимает как звук, а мозг его все-таки регистрирует.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Харри, затянулся и посмотрел на нее.

Она была вся в крови, осколках костей, ошметках плоти, мозгах. Потребовалось много времени, чтобы разрезать пластиковые веревки, которыми были связаны ее руки, потому что пальцы его просто не слушались. Наконец освободившись, она встала, а он так и остался на четвереньках.

Он не попытался помешать ей, когда она ухватила Тони за ворот куртки и ремень, подтащила труп к краю пропасти и спихнула вниз. Харри не слышал ни звука, только ветер, который что-то нашептывал. Он видел, как она стояла и смотрела в кратер, а потом повернулась к нему.

Он кивнул. Ей не нужно ничего объяснять. Именно так и следовало поступить.

Она указала подбородком на тело Лене Галтунг. Но Харри покачал головой. Он все взвесил. Практическую сторону и моральную. Дипломатические последствия, с одной стороны, и могилу, куда сможет прийти мать, — с другой. Правду — и ложь, которая, возможно, облегчит жизнь. А потом он встал. Поднял Лене Галтунг, чуть не

переломившись под тяжестью этой хрупкой девушки. Подошел к краю пропасти, закрыл глаза, почувствовал, как же ему тоскливо, какое-то мгновение постоял, качаясь. А потом отпустил ее. Открыл глаза и посмотрел ей вслед. Она уже превратилась в точку где-то вдали. А потом и точка исчезла в дыму вулкана.

— В Конго каждый день пропадают люди, — сказала Кайя, когда Сол вез их обратно, а он сидел на заднем сиденье, обнимая ее.

Харри знал, что рапорт будет коротким. Никаких следов. Исчезли. Могут быть где угодно. И ответ на все вопросы, которые им зададут, будет только один: в Конго каждый день пропадают люди. Такой же ответ получит и она, женщина с бирюзовыми глазами. Потому что так им будет проще. Ни трупов, ни внутреннего расследования, которое проводят в тех случаях, когда полицейскому приходится стрелять. Ни болезненного международного инцидента. Дело не закроют, во всяком случае официально, но искать Лейке будут только для виду. Лене Галтунг объявят пропавшей без вести. У нее не было авиабилета в Конго, да и иммиграционные власти ее тоже не регистрировали. Так будет лучше, вот что скажет Хаген. Для всех. Во всяком случае, для

тех, чье мнение имеет значение.

И женщина с бирюзовыми глазами кивнет. Примет его слова. Но, вероятно, все поймет, если прислушается к тому, чего он не сказал. Она может выбирать. Выбрать его рассказ о том, что ее дочь мертва. Что он на самом деле целился Лене прямо между глаз, а не взял чуть повыше и правее, хотя знал, что это было бы правильно. Но он боялся попасть в свою коллегу, ту, что приехала туда вместе с ним. Выбрать эту правду или ложь, которая вздымает и гонит воздушные волны, сулящие надежду, а не гибель.

В Кампале они пересели на другой самолет.

Сидели в пластиковых креслах у выхода на посадку и смотрели, как самолеты приземляются и взлетают, пока Кайя не заснула и голова ее не соскользнула на плечо Харри.

Она проснулась, когда что-то произошло. Она не знала, что именно, но что-то изменилось. Температура в помещении. Ритм ударов его сердца. Или черты его бледного, со следами бессонной ночи лица. Она увидела, как он опустил мобильник обратно в карман куртки.

— Что случилось? — спросила она.

— Звонили из Государственной больницы, — сказал Харри, и взгляд его, не задержавшись на

ней, скользнул мимо, за большие окна и дальше к горизонту между бетонным покрытием аэродрома и пронзительно голубым небом. — Он умер.

Часть девятая

Глава 91
Прощание

Когда хоронили Улава Холе, шел дождь. Народу пришло, как и ожидал Харри, меньше, чем на похороны мамы, но и не так мало, чтобы было обидно и неприятно.

Потом Харри и Сестрёныш стояли перед церковью и принимали соболезнования от престарелых родственников, о которых они и не слышали, старых коллег-учителей, которых видели впервые, и старых соседей, которых знали по именам, но не помнили в лицо. Только его коллеги из полиции — Гуннар Хаген, Беата Лённ, Кайя Сульнес и Бьёрн Хольм — не выглядели так, будто они следующие в очереди на тот свет. Эйстейн Эйкеланн, судя по его виду, тоже был не жилец, но страдалец объяснял это тем, что перебрал накануне. И добавил, что Валенок прийти не смог, но просил передать свои соболезнования. Харри заметил еще двоих, сидевших на задних скамьях, но они, судя по всему, ушли еще до того, как гроб вынесли из церкви.

Харри пригласил всех в «Шрёдер», заказал бу-

терброды и пиво. Те немногие, кто пришел на поминки, много говорили о необычайно ранней весне и мало об Улаве Холе. Харри пил яблочный сок, объясняя, что у него назначена встреча, потом поблагодарил всех, кто пришел, и удалился.

Он остановил такси и назвал шоферу адрес в Хольменколлене.

Там, наверху, в садах все еще местами лежал снег.

Когда Харри шел по дорожке к почерневшему деревянному дому, сердце его бешено колотилось. И забилось еще сильнее, когда он остановился перед хорошо знакомой дверью, позвонил и услышал приближающиеся шаги. Тоже знакомые.

Она выглядела так же, как всегда. Как всегда и будет выглядеть. Темные волосы, мягкий взгляд карих глаз, тонкая шея. Черт бы ее побрал. Она казалась ему такой красивой, что было больно глазам.

— Харри, — произнесла она.

— Ракель.

— Твое лицо. Я обратила внимание в церкви. Что случилось?

— Да ничего. Сказали, все будет в порядке, — солгал он.

— Заходи, я сварю кофе.

Харри покачал головой:

— Меня внизу ждет такси. Олег здесь?

— Он наверху, у себя комнате. Хочешь с ним повидаться?

— Как-нибудь в другой раз. Вы надолго?

— На три дня. Может, на четыре. Или пять. Посмотрим.

— Тогда я хотел бы с вами встретиться. Ничего?

Она кивнула:

— Не знаю, правильно ли я поступила.

Харри улыбнулся:

— А кто может знать?

— Я имею в виду, в церкви. Мы ушли раньше… чтобы не мешать. Ты был занят другими вещами. Кроме того, мы пришли ради Улава. Ты же знаешь, Олег и он… они хорошо ладили. Два сдержанных человека. Это большая редкость.

Харри кивнул.

— Олег очень много о тебе говорит, Харри. Ты значишь для него больше, чем ты, возможно, думаешь сам. — Она опустила глаза. — Может, больше, чем считала я сама.

Харри кашлянул:

— А здесь все так и не тронуто после…

Ракель быстро кивнула, так что ему не при-

шлось договаривать то, что высказать вслух невозможно. После того как Снеговик пытался убить их именно в этом доме.

Харри посмотрел на нее. Он просто хотел видеть ее, слышать ее голос. Ощущать на себе ее взгляд. Спрашивать ее ему не хотелось. Он снова кашлянул:

— Я должен спросить тебя кое о чем.

— Да?

— Мы можем на минуту зайти на кухню?

Они вошли. Он сел за стол напротив нее. Объяснил медленно и подробно. Она слушала не перебивая.

— Он хочет, чтобы ты навестила его в больнице. Хочет попросить у тебя прощения.

— Почему я должна соглашаться?

— Тебе решать, Ракель. Но ему недолго осталось.

— Я читала, что с этой болезнью можно прожить долго.

— Ему недолго осталось, — повторил Харри. — Подумай, не обязательно отвечать прямо сейчас.

Он подождал. Увидел, как она моргает. Увидел, как ее глаза наполнились слезами, услышал почти беззвучный плач. Она вздохнула и спросила:

— А что бы ты сделал, Харри?

— Ответил бы «нет». Но я не слишком хороший человек.

Она рассмеялась сквозь слезы. И Харри поразился, как, оказывается, сильно можно скучать по звуку, просто по определенному сотрясанию воздуха. Как сильно можно скучать по смеху.

— Я должен ехать, — сказал он.

— Почему?

— У меня остались еще три встречи.

— Остались? До чего?

— Я позвоню тебе завтра.

Харри поднялся. Он слышал музыку на втором этаже. «Slayer». «Slipknot».

Когда он уселся в такси и назвал следующий адрес, то вспомнил ее вопрос. До чего? До того, как он закончит. Освободится. Может быть.

Ехать было недалеко.

— Пожалуй, тут придется задержаться подольше, — сказал он.

Вздохнул, открыл ворота и пошел к дому из народной сказки.

Ему казалось, он видит, как бирюзовые глаза следят за ним из окна кухни.

Глава 92
Свободное падение

Микаэль Бельман стоял перед выходом из окружной тюрьмы и смотрел, как Сигурд Алтман в сопровождении охранника подходит к стойке.

— Освобождаете номер? — спросил служащий за стойкой.

— Да, — ответил Алтман и протянул ему бумажку.

— Мини-баром пользовались?

Другой служащий хмыкнул — вне всякого сомнения, эту дежурную шутку слышал каждый, кого выпускали на свободу.

Они открыли шкаф, достали вещи, с широкой улыбкой протянули их владельцу:

— Надеюсь, пребывание здесь не обмануло ваши ожидания, господин Алтман, и мы теперь не скоро увидимся.

Бельман открыл Алтману дверь. Они вместе спустились по лестнице.

— Пресса на улице, — сказал Бельман, — так что пойдем по «Кишке». Крон ждет вас в машине напротив Полицейского управления.

— Конспиратор, — сказал Алтман с кислой улыбкой.

Бельман не спросил, кого из них он имеет в виду. У него были другие вопросы. Последние. И четыреста метров, чтобы получить ответы. Электронный замок пискнул, и Бельман распахнул дверь в «Кишку».

— Сейчас, когда сделка совершилась, я думаю, вы можете мне кое-что рассказать.

— Валяйте спрашивайте, комиссар.

— Почему вы не остановили Харри, как только поняли, что он собирается вас арестовать?

Алтман пожал плечами:

— Я подумал, что это забавное недоразумение. Само недоразумение понять можно. А вот понять, почему арест следовало произвести в Утре-Энебакке, я не мог. С какой вдруг стати? А если ты чего-то не понимаешь, лучше молчать в тряпочку. И я молчал, пока до меня не дошло, пока я не увидел всю грандиозную картину.

— И что же вам поведала эта грандиозная картина?

— Что я нахожусь в точке неустойчивого равновесия.

— Как вас понимать?

— Ну, я же знал о конфликте между Крипосом и

убойным отделом. И я понял: вот мой шанс. Когда ты находишься в точке неустойчивого равновесия, ты можешь склонить чашу весов в ту или другую сторону.

— Но почему вы не попытались провернуть с Харри ту же сделку, какую предложили мне?

— Из точки неустойчивого равновесия всегда следует обращаться к той из сторон, которая вот-вот проиграет. В отчаянии она дороже заплатит за то, что ты можешь ей предложить. Обычная теория игр.

— А почему вы были так уверены, что не Харри вот-вот проиграет?

— Я не был уверен, но тут есть еще один фактор. Я начал понемногу узнавать Харри. Он не так легко идет на компромиссы, как вы, Бельман. Личный престиж его вообще не волнует, он просто хочет арестовать плохих парней. Всех плохих парней. Его бы устроил такой расклад: главная роль достается Тони, а я — режиссер. И тогда бы мне так легко не отделаться. Я все просчитал и решил, что такой карьерист, как вы, иначе смотрит на вещи. А Юхан Крон со мной согласился. Вы бы сочли выгодным для себя арестовать непосредственного убийцу. Вам-то известно, что людей больше всего интересует, кто это *сделал*, кто

осуществил убийство, а не кто все *задумал.* Коль скоро фильм провалился, для режиссера лучше, если главную роль в нем сыграл Том Круз, ведь винить в провале будут его. Людям и прессе подавай что-нибудь попроще, а мое преступление не очевидное, оно сложное. Вне всякого сомнения, суд приговорил бы меня к пожизненному, но в таком деле главное не суд, а политика. Если народ и пресса довольны, то довольно и Министерство юстиции, и все они, довольные, расходятся по домам. А если мне удастся отделаться небольшим или даже условным сроком, то и цена не так высока.

— Не для всех, — заметил Бельман.

Алтман коротко хохотнул. Эхо заглушило их шаги.

— Послушайте совет знающего человека, комиссар. Оставьте все как есть. Не надо заморачиваться. Несправедливость — это как климат. Если вы не можете с этим ужиться, придется куда-нибудь уехать. Несправедливость даже не часть механизма. Это и есть механизм.

— Я говорю не о себе, Алтман. Я-то могу жить с этим.

— Да и я не про вас, Бельман. Я о том, кто не может с этим жить.

Бельман кивнул. Сам он определенно мог примириться с ситуацией. Из Министерства юстиции уже звонили. Разумеется, не от министра лично, но звонок можно было истолковать только одним способом. Они довольны. И это положительно отразится и на Крипосе в целом, и на его карьере.

Они поднялись по ступенькам и выбрались на свет божий.

Юхан Крон вышел из своей синей «ауди» и простер руки к Сигурду Алтману, пока они переходили дорогу.

Бельман стоял и смотрел вслед отпущенному и его адвокату, пока «ауди» не исчезла за поворотом на Тёйен.

— Что ж вы не здороваетесь, раз уж пришли, Бельман?

Бельман обернулся. Это был Гуннар Хаген. Он стоял на тротуаре на другой стороне, без пиджака, скрестив руки на груди.

Бельман перешел улицу, и они обменялись рукопожатиями.

— Кто-то про меня насплетничал? — спросил Бельман.

— Тут у нас все тайное становится явным, — сказал Хаген, зябко потер одну руку о другую и широко улыбнулся: — Кстати. Меня вызывают

в Министерство юстиции в конце следующего месяца.

— Ясно, — сказал Бельман с облегчением.

Он прекрасно знал, о чем может пойти речь на этой встрече. Реорганизация. Сокращение штатов. Распределение сфер ответственности в расследовании убийств. Чего он не знал, так это что Хаген имел в виду, говоря «кстати» после фразы «все тайное становится явным».

— Но о встрече вы знаете, — сказал Хаген. — Нас же обоих просили написать предложения в связи с предстоящей реорганизацией в расследовании убийств. И скоро крайний срок.

— Вряд ли они будут как-то особо учитывать наши предложения, — сказал Бельман и взглянул на Хагена, пытаясь понять, что тому надо. — Нам всего лишь дадут возможность высказаться, просто из соображений политкорректности.

— Ну разве что мы оба выскажемся в том духе, что нынешняя организация хуже, чем план сосредоточить все расследования в одном месте, — сказал Хаген, стуча зубами.

Бельман рассмеялся:

— Вы слишком легко одеты, Хаген.

— Может быть. А еще я знаю, о чем бы я подумал, если бы новую структуру по расследованию

убийств возглавил полицейский, который когда-то использовал служебное положение, чтобы отмазать свою будущую жену от ответственности за перевозку наркотиков. Хотя свидетели указывали на нее.

У Бельмана перехватило дыхание. Ему показалось, что мир рушится. Он почувствовал, как сила тяжести давит на него, волосы встают дыбом, ощутил, как засосало под ложечкой. Это был его кошмар. Надоедливый, когда ему это снилось, и беспощадный, когда случилось в действительности: падение без страховки. Падение скалолаза-одиночки.

— Похоже, вы и сами находите, что здесь прохладно, Бельман.

— Черт бы вас побрал, Хаген.

— Меня?

— Чего вы хотите?

— Что значит — хочу? В идеале я, конечно, хотел бы, чтобы нас миновал очередной публичный скандал, ставящий под сомнение честность рядового полицейского. Что же касается реорганизации… — Хаген втянул голову в плечи и затопал по тротуару, пытаясь согреться. — Может, конечно, случиться и так, что Министерство юстиции, независимо от того, кто будет руково-

дителем, захочет сосредоточить все ресурсы по расследованию убийств в одном месте. И если бы меня спросили, не хочу ли я возглавить такое подразделение, я бы, разумеется, это оценил. Но по правде сказать, мне кажется, что все хорошо так, как оно есть. Ведь убийцы, как правило, несут заслуженное наказание, верно? Так что если противная сторона разделяет мое мнение по данному вопросу, я бы рекомендовал продолжать расследование убийств и в Брюне, и вот в этом здании. А вы как считаете, Бельман?

Микаэль Бельман почувствовал рывок, когда веревка натянулась, обвязка туго впилась в тело. Ощутил, что его вот-вот разорвет надвое, что спина сейчас не выдержит напряжения и сломается. Смесь боли и паралича. Он болтался между небом и землей, беспомощный, испытывая головокружение. Но он был жив.

— Дайте мне подумать, Хаген.

— Да ради бога. Только не очень долго. Сами знаете, срок на исходе. Нам надо согласовать действия.

Бельман стоял и смотрел в спину Хагену, побежавшему мелкими шажками к входу в Полицейское управление. Потом повернулся и посмотрел на крыши домов в Грёнланне. Посмот-

рел на город. Свой город.

Глава 93
Ответ

Харри стоял посреди гостиной и осматривался по сторонам, когда зазвонил телефон.

— Это Ракель. Ты что делаешь?

— Смотрю, что осталось, — ответил он. — После смерти человека.

— И?

— Много. И вместе с тем — мало. Сестрёныш сказала, что она хотела бы забрать, а завтра придет какой-то тип, который купит имущество покойного. Он дал понять, что заплатит за все пятьдесят тысяч. А потом уберется в доме. Это… это… — Харри не мог подобрать нужное слово.

— Знаю, — сказала она. — Я через это прошла, когда умер отец. Его вещи, которые раньше были так важны, так незаменимы, как будто утратили всякое значение. Получалось, только он один и делал их ценными.

— Или, может быть, мы, те, кто остался, знаем, что надо убраться. Сжечь за собой мосты. Начать с чистого листа.

Харри пошел на кухню. Посмотрел на фото-

графию, которую повесил под кухонной полкой. Фотографию, сделанную на Софиес-гате. Олег и Ракель.

— Надеюсь, вы попрощались как следует, — сказала Ракель. — Попрощаться — это важно. Особенно для тех, кто остался.

— Не знаю, — отозвался Харри. — Мы с ним никогда и не здоровались как следует. Я его предал.

— Каким образом?

— Он попросил меня помочь ему умереть. Я отказался.

На секунду стало тихо. Харри прислушался к фону. Шум аэропорта.

Потом снова возник ее голос:

— А ты думаешь, тебе следовало это сделать?

— Да, — ответил Харри. — Я считаю. Теперь я так считаю.

— Не думай об этом. Уже поздно.

— Да?

— Да, Харри. Слишком поздно.

Они снова замолчали. Харри слышал, как гнусавый голос объявил посадку на самолет в Амстердам.

— Значит, ты не захотела с ним встретиться?

— Я не могу, Харри. Наверное, я тоже никудышный человек.

— Значит, к следующему разу надо постараться исправиться.

Он мог услышать, как она улыбается.

— А это возможно?

— Попытаться-то никогда не поздно. Скажи это Олегу и передай от меня привет.

— Харри…

— Что?

— Ничего.

Она положила трубку. Харри стоял и смотрел в окно кухни.

А потом пошел наверх и стал упаковывать вещи.

Врач ждала Харри, когда он вышел из туалета. Они зашагали дальше по коридору. Идти было недалеко — до охранника у двери в палату.

— Состояние стабильное, — сказала она. — Вероятно, мы сможем отправить его назад в тюрьму. А почему вы сегодня пришли?

— Хотел поблагодарить его за помощь в одном деле. И сообщить ответ на его просьбу.

Харри снял куртку, протянул охраннику и развел руки в стороны, давая себя обыскать.

— Пять минут. Не больше. Хорошо?

Харри кивнул.

— Мы войдем вместе с вами, — предупредил

охранник, не в силах отвести взгляд от его изуродованной щеки.

Харри поднял бровь.

— Правила для гражданских лиц, — сказал охранник. — До нас дошли слухи, что вы уволились из полиции.

Харри пожал плечами.

Мужчина поднялся с кровати и сидел на стуле у окна.

— Мы нашли его, — сказал Харри и подвинул к нему стул. Охранник остался стоять у двери, но все прекрасно слышал. — Спасибо за помощь.

— Я свою часть сделки выполнил, — произнес мужчина. — А ты?

— Ракель не захотела прийти.

На его лице ничего не отразилось, но он съежился, как под порывом ледяного ветра.

— В аптечке в хижине Кавалера мы нашли пузырек, — продолжал Харри. — Вчера я получил результаты анализа его содержимого. Кетаномин. Тот, что он вводил своим жертвам. Знаешь, что это такое? В больших дозах смертелен.

— А зачем ты мне это рассказываешь?

— Я недавно получил дозу. И мне даже понравилось. Сейчас мне нравится любая дурь и спиртное. Но ты ведь помнишь, я рассказывал

тебе, чем занимался в туалете в отеле «Ландмарк» в Гонконге.

Снеговик посмотрел на Харри. Осторожно взглянул на охранника и снова на Харри.

— Ах да, — сказал он бесцветным голосом. — В самой дальней кабинке…

— Справа, — подхватил Харри. — Еще раз спасибо. Не смотрись в зеркало.

— И ты тоже, — парировал мужчина и протянул белую костлявую руку.

Харри секунду смотрел на нее. Потом пожал.

Когда Харри выпускали из двери в конце коридора, он обернулся и успел увидеть, как Снеговик, ковыляя, вышел из палаты вместе с охранником. А потом они завернули в туалет.

Глава 94
Стеклянная лапша

— Привет, Холе, — поздоровалась Кайя и улыбнулась ему.

Она сидела в баре на низком стуле, подложив руку под попу. Сверкающий взгляд, алые губы, щеки пылают. Его поразило, что он, оказывается, до сегодняшнего дня ни разу не видел ее накрашенной. И вранье, будто, как он по наивности полагал, косметика не делает красивую женщину еще красивее. На ней было простое черное платье. На шее висела короткая нитка желтоватого жемчуга, жемчужины поднимались и опускались в такт ее дыханию и мягко светились.

— Давно ждешь? — спросил Харри.

— Нет, — ответила она, поднялась, прежде чем он успел сесть, притянула его к себе и положила голову ему на плечо. И немного так постояла. — Мне только чуть-чуть холодно.

Ее совершенно не волновали взгляды, которые бросали на них другие посетители, она не отпускала его, наоборот, еще и сунула обе руки ему под пиджак и поводила ими вверх-вниз по его

спине, чтобы согреться. Харри услышал чье-то покашливание, взглянул и увидел, что им приветливо кивает мужчина, его манеры выдавали метрдотеля.

— Наш столик ждет, — улыбнулась она.

— Столик? Я думал, мы просто чего-нибудь выпьем.

— Надо же нам отпраздновать окончание дела. Я заказала еду заранее. Нечто совершенно особенное.

В заполненном до отказа зале ресторана они заняли столик у окна. Официант зажег свечи, налил в бокалы яблочный сидр, снова поставил бутылку в ведерко со льдом и удалился.

Она подняла бокал:

— Давай выпьем.

— За что?

— За то, что убойный отдел будет и дальше работать, как раньше. А мы с тобой будем и дальше ловить плохих людей. За то, что мы сейчас здесь. Вместе.

Они выпили. Харри поставил бокал на скатерть. Немного подвинул его. От бокала остался мокрый след.

— Кайя…

— У меня для тебя кое-что есть, Харри. Скажи

мне, чего тебе сейчас хочется больше всего.

— Послушай, Кайя…

— Что? — задохнулась она и стремительно наклонилась к нему.

— Я говорил, что снова уеду. Я уезжаю завтра.

— Завтра? — засмеялась она, но улыбка ее погасла, а подоспевший официант расправил салфетки, и они, тяжелые и белые, опустились им на колени. — И куда?

— Прочь отсюда.

Кайя уставилась в стол, не говоря ни слова. Харри хотел накрыть ее руку своей. Но не стал.

— Значит, меня недостаточно? — прошептала она. — Нас оказалось недостаточно.

Харри подождал и поймал ее взгляд.

— Нет, — сказал он. — Нас недостаточно. Ни для тебя, ни для меня.

— А что ты знаешь о том, что достаточно? — В голосе ее звучали слезы.

— Довольно много, — сказал Харри.

Кайя тяжело дышала, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— Это Ракель?

— Да.

— И всегда была Ракель, правда?

— Правда. Ракель была всегда.

— Но ты же сам сказал, что ты ей не нужен.

— Я не нужен ей такой, какой я сейчас. Значит, мне надо измениться. Надо снова стать замечательным. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. — Две крохотные слезинки задрожали на ее ресницах. — Ты и так совершенно замечательный. А эти шрамы только…

— Ты прекрасно понимаешь, что я говорю не об *этих* шрамах.

— Я увижу тебя когда-нибудь? — спросила она и поймала одну слезинку ногтем указательного пальца.

Она схватила его руку и сжала так сильно, что костяшки пальцев побелели. Харри посмотрел на нее. И она отпустила его.

— Я больше за тобой не приеду, — сказала она.

— Знаю.

— Ты не справишься.

— Вероятнее всего, — улыбнулся он. — А кто справляется?

Она наклонила голову набок. А потом улыбнулась, обнажив свои острые зубки.

— Я справляюсь, — сказала она.

Харри сидел, пока не услышал, как в темноте на улице мягко хлопнула дверь машины и завелся мотор. Он сидел, уставившись в скатерть, и соби-

рался встать, когда в поле его зрения показалась суповая тарелка и голос метрдотеля возвестил:

— Заказано специально по просьбе дамы и доставлено самолетом из Гонконга. Стеклянная лапша Ли Юаня.

Харри уставился в тарелку. Она по-прежнему сидит на стуле, подумал он. Ресторан — мыльный пузырь, сейчас он оторвется, воспарит над городом, потом исчезнет из виду. На кухне всегда будет полно еды, и мы никогда не приземлимся.

Он встал и хотел было идти. Но передумал. Снова сел. Поднял палочки.

Глава 95
Союзники

Харри вышел из ресторана для танцулек, который уже не был рестораном для танцулек, пошел вниз по холму к «Мореходке», которая уже не была «Мореходкой». Продолжил путь к бункерам, защищавшим захватчиков. Под ним был фьорд и скрытый туманом город. В тумане осторожно пробирались машины, сверкая желтыми кошачьими глазами. Вот из него, как привидение с оскаленными зубами, вынырнул трамвай.

Перед Харри остановился автомобиль, и он прыгнул на переднее сиденье. Из колонок стереосистемы доносился медоточивый голос Кэти Мелуа, певшей о своих страданиях, и Харри в отчаянии стукнул по кнопке «стоп».

— Черт, ну и видок у тебя, — ужаснулся Эйстейн. — Хирург явно шить не умеет, коновал чертов. Зато сэкономишь на маске на Хеллоуин. Смотри не смейся, а то у тебя рожа снова лопнет.

— Обещаю, — сказал Харри.

— Кстати, — заметил Эйстейн. — У меня сегодня день рождения.

— Черт. Поздравляю. Вот тебе сигарета. От меня — тебе.

— Я как раз о ней мечтал!

— Ммм… И ни о чем более существенном?

— Например?

— О мире во всем мире.

— Если ты проснешься, а кругом вечный мир, это будет значить, что тебе уже никогда не проснуться. Потому что тут устроили большой взрыв.

— О'кей. А для себя лично?

— Ничего особенного. Разве что новую совесть.

– *Новую* совесть?

— Старая уж больно плоха. Стильный у тебя костюмчик. Я думал, у тебя только тот, другой.

— Это папашин.

— Черт, да ты, наверное, усох.

— Ага, — сказал Харри и поправил галстук. — Усох.

— А как там ресторан «Экеберг»?

Харри закрыл глаза.

— Замечательно.

— А помнишь жалкую развалюху, в которую мы тогда пробирались? Сколько же нам было? Шестнадцать?

— Семнадцать.

— Разве ты однажды не станцевал здесь с Killer Queen?

— Можно сказать.

— Жуть берет, когда думаешь, что MILF[164] нашей молодости оказалась в доме престарелых.

— MILF?

Эйстейн вздохнул:

— В словаре посмотришь.

— Ммм. Эйстейн?

— Чего?

— А почему мы с тобой подружились?

— Наверное, потому что росли рядом.

— И только? Демографическая случайность? И никакой духовной общности?

— Во всяком случае, я не замечал. Насколько я знаю, нас с тобой объединяло только одно.

— И что же?

— С нами больше никто не хотел дружить.

Следующие повороты они одолевали в молчании.

— Кроме Валенка, — произнес Харри.

Эйстейн фыркнул:

— У него так жутко воняло от ног, что никто другой даже не мог сидеть с ним рядом.

---

[164] Примечания: 164

Акроним английского жаргонного выражения «Mother I'd Like to Fuck» — «Мамашка, которую я не прочь трахнуть».

— Точно, — согласился Харри. — А мы могли.

— Да, у нас получилось, — сказал Эйстейн. — Но воняло жутко.

Они оба рассмеялись. Мягко. Легко. Грустно.

Эйстейн припарковался на коричневой жухлой траве. Двери машины были открыты. Харри вскарабкался на крышу бункера и уселся на краю, болтая ногами. В колонках внутри машины голос Спрингстина пел о братьях по крови и о клятве, которую надо сдержать.

Эйстейн протянул Харри бутылку «Джима Бима». Рев одинокой сирены все нарастал, а потом снова стал удаляться, пока не смолк окончательно. Яд обжег Харри горло и желудок, его вырвало. Второй глоток пошел лучше. А третий — просто замечательно.

Похоже, Макс Вайнберг вздумал разодрать в клочья кожу своих барабанов.

— Я сам себе удивляюсь, почему я даже не раскаиваюсь, — признался Эйстейн. — Но я ни черта подобного не делаю. Мне кажется, я просто сразу принял все как оно есть. Что такой вот я раздолбай. А ты?

Харри задумался:

— Я жутко раскаиваюсь. Но может, просто потому, что я о себе чересчур много воображаю.

Внушаю себе, что мог бы поступить иначе.

— А на самом деле ни хрена ты не мог.

— В тот раз не смог. Но в другой раз, Эйстейн. В другой раз.

— А разве такое случалось, Харри? Хоть раз за всю гребаную историю человечества?

— Если что-то не произошло, это вовсе не значит, что оно не произойдет вообще. Я не знаю, упадет ли сейчас эта бутылка, если я ее выпущу. Черт, какой философ это был? Гоббс? Юм? Хайдеггер? Какой-то из этих ненормальных.

— Ответь мне.

Харри пожал плечами:

— Мне кажется, научиться можно. Но мы учимся так чудовищно медленно, что доходить до нас начинает, когда уже слишком поздно. Например, случается, что тот, кого ты любишь, просит во имя любви оказать ему услугу. Например, помочь умереть. Но ты отвечаешь «нет», потому что не понял, не осознал это. А когда ты наконец все поймешь, уже слишком поздно. — Харри сделал еще глоток. — И ты совершаешь этот поступок, продиктованный любовью, ради кого-то другого. Возможно, ради того, кого ненавидишь.

Эйстейн принял бутылку.

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь, но

звучит невесело…

— Не важно. Никогда не поздно делать добрые дела, правда?

— Ты, наверное, хочешь сказать, *всегда* поздно?

— Нет! Мне всегда казалось, что мы слишком много сил тратим на ненависть и потому у нас не остается сил, чтобы совершать что-то в порыве других чувств. Но мой отец думал иначе. Он сказал, что ненависть и любовь — одно и то же. Все начинается с любви, а ненависть — только ее оборотная сторона.

— Аминь.

— Но из этого следует, что мы должны двигаться и в другом направлении — от ненависти к любви. Выходит, ненависть — хорошая предпосылка для того, чтобы учиться, изменяться и в следующий раз поступить по-другому.

— Когда ты такой оптимист, меня блевать тянет, Харри.

В припев вплелись звуки электрооргана, завывающие, как циркулярная пила.

Эйстейн склонил голову набок, стряхивая пепел. А Харри захотелось плакать. Просто потому, что он вдруг увидел все годы, ставшие их жизнью, ставшие ими самими, в том, как его друг

стряхивает пепел — как всегда, чуть склонив голову набок, словно сигарета была слишком тяжелой, словно мир в чуть искаженной перспективе нравился ему больше. Пепел падал на пол в курилке в школе, в пустую бутылку из-под пива на вечеринке, куда они явились незваными, на холодный сырой бетон в бункере.

— А ты, я смотрю, стареешь, Харри.

— С чего это ты так говоришь?

— Когда мужики начинают цитировать своих папаш, значит, они старые. Забег окончен.

И тогда Харри вспомнил. Как следовало ответить на ее вопрос, чего ему больше всего хочется именно сейчас. Ему хотелось, чтобы у него было ледяное сердце.

Эпилог

Сине-черные облака низко нависали над самой высокой точкой Гонконга, пиком Виктории, но дожди, с сентября лившие не переставая, наконец прекратились. Выглянуло солнце, и гигантская радуга раскинула свой мост между Гонконг-Айлендом и Коулуном. Харри закрыл глаза и подставил лицо теплому солнцу. Сухая погода наступила как раз к началу сезона скачек, которые должны были стартовать в Хэппи-Вэлли сегодня вечером.

Харри услышал японскую речь, потом японцы прошли мимо скамейки, на которой он сидел. Они шли от фуникулера, с 1888 года манившего и туристов, и местных жителей сюда, наверх, где был самый чистый воздух. Харри снова открыл глаза и стал просматривать программу скачек.

Он позвонил Херману Клюйту, как только приехал в Гонконг. Тот предложил Харри работу по поиску должников: ему предстояло выслеживать людей, которые пытаются скрыться, не заплатив долги. Так Клюйту не придется себе в убыток продавать долги триаде и думать о жестоких методах, которые та применяет, заставляя людей

платить по счетам.

Сказать, что Харри работа нравилась, было бы сильным преувеличением, но она хорошо оплачивалась и была несложной. В его обязанности не входило взимать долги, он только выяснял, где скрывается должник. Впрочем, одного его появления — сто девяносто четыре сантиметра и шрам от угла рта до уха, который невозможно скрыть, — оказывалось достаточно, чтобы долги выплачивались незамедлительно. И поисковиком с одного немецкого сервера он пользовался только в исключительных случаях.

Трудность состояла в том, чтобы удержаться от наркотиков и алкоголя. Пока ему это удавалось. Сегодня на ресепшене его ожидали два письма. Он и понятия не имел, как они его нашли. Можно только предположить, что без Кайи тут не обошлось. На одном конверте стояла эмблема полицейского округа Осло, и Харри решил, что письмо от Гуннара Хагена. А по поводу другого письма и гадать было нечего, он сразу же узнал почерк Олега, заостренный и все еще детский. Харри сунул оба письма в карман куртки, так и не решив, будет ли он их читать и если да, то когда.

Харри свернул программку скачек и положил рядом с собой на скамейку. Сощурившись,

взглянул на китайский материк, где желтый смог с каждым годом становился все плотнее. Но здесь, на вершине горы, сохранялось ощущение, что воздух почти свежий. Он взглянул вниз на Хэппи-Вэлли. На кладбища к западу от улицы Вонг-Най-Чунг, где есть отдельные участки для протестантов, католиков, мусульман и индуистов. Харри мог видеть ипподром, он знал, что жокеи уже вывели лошадей и тренируются перед вечерним забегом. Вскоре туда устремятся игроки, полные надежд и разуверившиеся, везучие и невезучие. Те, кто придет, чтобы осуществить свою мечту, и те, кто приходит только помечтать. Лузеры, не просчитавшие риски, и те, кто просчитал риски, но все равно проиграл. Они бывали здесь и раньше, и все они сюда возвращались, вместе с привидениями с кладбища там, внизу, теми несколькими сотнями, что погибли во время большого пожара на ипподроме Хэппи-Вэлли в 1918 году. Потому что сегодня вечером уж точно была их очередь гадать о соотношении между ставкой и выигрышем, обуздывать случайности, набивать полные карманы шуршащими гонконгскими долларами и притом оставаться в живых. Через пару часов они бы собрались за воротами, прочитали программу скачек, заполнили

бы программки своими парными, квинеллами, экзактами, трайфектами, суперфектами — в зависимости от того, какому богу азартных игр они поклонялись. Встали бы в очередь у окошечек, держа ставки наготове. И у каждого финиша большинство из них снова слегка умирало бы, а до спасения было всего-то пятнадцать минут, когда стартовые боксы вновь откроются для следующего забега. Если только ты не самоубийца, поставивший все, что у тебя есть, на одну лошадь в одном забеге. Но никто не жаловался. Все сознавали, что такое вероятность.

Однако ты знаешь не только тех, кто сознает вероятность, но и тех, кому известен результат. На ипподроме в Южной Африке недавно обнаружили трубы, ведущие в стартовые боксы. В трубах был сжатый воздух и стрелки для дартса с транквилизатором, которые можно выпустить лошади в брюхо, нажав кнопку на пульте дистанционного управления.

Катрина Братт сообщила ему, что Сигурд Алтман зарегистрировался в гостинице в Шанхае. Лететь туда было меньше часа.

Харри бросил последний взгляд на первую страницу программки.

Те, кому известен результат.

— Просто игра, — говорил обычно Херман Клюйт. Возможно, потому что сам, как правило, выигрывал.

Харри взглянул на часы, встал и пошел к трамваю. Ему намекнули на одну перспективную лошадку в третьем забеге.